ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИПОЛ»

Тамара Кондратьева

БОЛЬШЕВИКИ-ЯКОБИНЦЫ И ПРИЗРАК ТЕРМИДОРА

Тамара Кондратьева

Большевики — якобинцы
и призрак термидора
(перевод с французского)

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2004, 2013

Обращаем внимание читателей:
практически все работы историков
1920-30-х годов,
упоминаемые автором,
можно прочитать в нашей библиотеке,
разделы
"Великая французская революция"
http://istmat.info/node/31148
и
"Историки и историография"
http://istmat.info/node/31025

Москва, 1993
Издательство Ипол

ББК 63.3.(4Фр)+66.61(2)2
К 642
УДК 321.6(44)«1789/1794»+321.6(47+57)«19»

Перевод *Лебедевой Е. А.* и *Пошерстник Т. Б.*
Художественное оформление *Чаузов А. И.*
Техническое редактирование *Калинина В. Н.*

Т. Кондратьева.
«Большевики-якобинцы и призрак термидора». — М., Ипол, 1993.

15 июля 1791 г. якобинец Антуан Барнав призвал остановить революцию. Революция не остановилась и через два года он стал ее жертвой. Нечто подобное происходило и в России. Проблема революционера, поглощаемого стихией «своей» революции, и шире — проблема конца революции, французской, русской, любой другой — предмет исследования французского историка Т. Кондратьевой.

Книга основана на тщательном изучении русских и советских первоисточников и впервые дает полное представление о них. Рядом с Лениным и Троцким на страницах книги оживают значительные исторические фигуры: Раковский, Устрялов и др.

Т. Кондратьева — кандидат исторических наук (МГУ), доктор исторических наук (Сорбонна), читает курс русской истории в Государственном институте Восточных языков и цивилизаций (Париж).

ISBN 5-900144-02-X

© Éditions Payot, 1989, Paris.
© Издательство «Ипол» 1993, Москва.

Сдано в набор 6.08.93. Подп. в печать 17.11.93. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура литерат. Печать высокая. Тираж 3000. Зак. 489.

АО «Чертановская типография»
113545, Москва, Варшавское ш., д. 129а

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Глава I. Как завершить революцию, не прибегая к террору и избежать возврата к деспотизму? 9

Этатистский вариант Карамзина, 12; — Заговор декабристов, 14; — Ответы народников, 18.

Глава II. Между аналогией и отождествлением: какой революционер нужен России? 25

За террор или против Робеспьера: русские «якобинцы» и русские «жирондисты», 25; — Три «степени» русского якобинства, 30; — Народники против «русских якобинцев», 34.

Глава III. «Большевики — якобинцы» и «меньшевики — жирондисты»: лицом к наследию 38

Новые ответы на старые вопросы, 38; — Сомнения большевиков в вопросе о родстве с якобинцами, 47.

Глава IV. Пробуждение исторического сознания (1917—1921) . . 55

Распространение аналогий и представления о Французской революции, 55; — Первая аналогия с термидором, 63; — Ответный удар большевиков, 67.

Глава V. У истоков второй аналогии с термидором 70

Николай Устрялов — «певец термидора», 70.

Глава VI. Аналогия проникает в Советскую Россию 87

Термидор: проблема, загнанная в глубь сознания, 89; — Термидор: название, которого следует избегать, 96; — «Термидорианцы»: невыговариваемый упрек, 103; — 1925 год: «дело Залуцкого» или выговоренное, наконец, слово «термидор», 105.

Глава VII. Был ли НЭП термидором? 114

Колебания среди оппозиционеров: совершился ли термидор в Советском Союзе?, 114; — Партийное большинство категорически отказывается от аналогий, 127.

Глава VIII. Борьба с аналогией разворачивается 136

Инициатива сторонников Бухарина, 137; — Необходимость «научных критериев», 144; — Сомнения историков, 147.

Глава IX. Последнее слово принадлежит историкам 157

Историки-марксисты определяют задачи, 157; — Каждой революции свое место, 161; — Порвать с русскими «якобинцами», 168; — Ответ на «провокацию» Альфонса Олара, 173.

Глава X. Термидор: отступление или шаг в неведомое? 179

Меньшевики перестают говорить двусмысленно, 179; — Троцкий: аналогия на службе теоретической мысли, 186; — «Великий перелом» ставит Устрялова в затруднительное положение, 194.

Заключение 198

Примечания 204

Предисловие

Прежде, чем написать эту книгу, я изучала идейное наследие Антуана Барнава, французского революционера, яркого оратора, который 15 июля 1791 г. с трибуны Учредительного собрания призвал своих соотечественников остановить революцию. Теоретические размышления привели его к заключению, что революция рискует зайти слишком далеко, дальше положенного ей ходом Истории. Революция не остановилась, и в 1793 г. Барнав стал ее жертвой. Проблема революционера, поглощаемого стихией «своей» революции и шире проблема конца революции, французской или любой другой, была таким образом в центре моего внимания, когда М. Я. Гефтер упомянул в разговоре со мной о «русском термидоре». В то время мало кто о таковом слышал, не слышала и я, а Михаил Яковлевич достал с полки запрещенную книгу Н. В. Устрялова «Под знаком революции» и навел меня тем самым на тему-табу. Начну эту книгу с благодарности ему.

* * *

В России, как и повсюду, Французская революция завораживала или вызывала резкое неприятие. Следовало ли повторить опыт или надо было превзойти французов, добившихся лишь формальных свобод и равенства? Можно ли было обойтись без того, что русские революционеры считали ошибками и крайностями предшественников, избежав при этом их трагического конца?

В России революционеры отказывались следовать французской модели. И если Ленин во время первой русской революции, в 1905 г., пришел к выводу о необходимости революции, подобной той, что произошла в 1789 г., он отнюдь не отказался от намерения превзойти Французскую революцию, предусмотрев перерастание «буржуазно-демократической революции в социалистическую». После 1917 г. большевики станут отвергать все аргументы в пользу того, что Октябрьская революция имеет те же признаки, что и революция 1789 г.

Однако отношение русских к Французской революции не ограничивалось одним лишь аспектом отрицания—преодоления. Также сильны были стремление и соблазн прибегнуть, размышляя о действительности, к сравнениям с французскими событиями и персонажами XVIII в. Ни одно рассуждение, будь оно революционным или либеральным, не обходилось без того, чтобы не примерить на себя обветшалое платье 1789 г. Даже консерваторы, защищая порядок и царское самодержавие, вынуждены были доказывать невозможность повторения подобной «слепой случайности» в России.

Подтверждением сказанному служат многочисленные аналогии. Они повторяются с поразительным постоянством. В 40-е годы XIX в., когда внутри освободительного движения началось размежевание на либералов и радикалов, на сцену вышли русские «жирондисты» и «якобинцы». В течение десятка лет они не сходили со сцены. Однако «якобинцы» чувствовали себя неловко в костюмах своих персонажей, и на их место пришли более решительные актеры, воплощающие, как им казалось, «молодую Россию». Они претендовали на роль подлинных якобинцев. Тем временем «жирондисты» покинули подмостки, заявив, что французская пьеса не годится для России. Первая русская революция породила новых актеров (кое-кого из них в будущем ждал успех!), и они перехватили роли. «Жирондистами» стали меньшевики, а «якобинцами» — большевики. Но и этим актерам непросто было входить в роль, ибо они хотели быть оригинальными, но при этом находились в плену своих героев воплощавших французский опыт. Получалась двусмысленная игра, которая после 1917 г. породила вопросы относительно природы спектакля, разыгравшегося на сцене, коей был Советский Союз. В 20-е и 30-е годы на этой сцене можно было видеть «большевиков-якобинцев» в схватке с призраком термидора. Отсюда новые многочисленные и часто проницательные вопросы. Пригоден ли французский образец? Был ли Ленин Робеспьером, который сам организовал термидор? Был ли Сталин Бонапартом? Можно ли считать большевистский термидор собственно термидором?..

Разумеется, к опыту Французской революции обращались и в других странах. Но особенность ситуации в России, и тем более в СССР, состояла в том, что Французская революция обрела здесь особую, в других местах неизвестную политическую значимость, так как явилась историческим прецедентом для свершившейся, а не только проектируемой революции. Со времени перестройки события в сегодняшней России, расцениваемые как «новая революция», придают этой предшествующей ситуации еще больший вес.

Действительно, эта книга была почти закончена, когда в СССР в 1987 г. вновь стали прибегать к сравнениям, вышедшим из употребления в 30-е годы. В первой серии сравнений происходит возврат к формуле «так же, как», оттеснившей на задний план единственную до сих пор освященную формулу «в отличие от». Пример подал М. С. Горбачев, предложив рас-

смотреть советские реалии с помощью исторических аналогий [1] Он сравнивал «классическую буржуазную» Французскую революцию с «пролетарской социалистической» Октябрьской революцией и при этом утверждал, что механизм их осуществления был один и тот же, утверждение абсолютно небывалое с точки зрения официального толкования Октябрьской революции в советской историографии. Он не колеблясь поставил в один ряд 1789 и 1871 гг., т. е. «буржуазную революцию» и первый опыт «пролетарской революции» (если придерживаться марксистского и советского понимания Парижской коммуны). Горбачев интерпретировал революционный феномен как некое самостоятельное целое без учета его «классового содержания». Таким образом, он, сознательно или нет, поставил под вопрос всю советскую концепцию Истории, которая зиждилась на аксиоме, что 1917 год есть начало новой эры, исходный момент пролетарской социалистической революции, истории Советского Союза и поворот в мировой истории.

Изменение отношения советского руководства к правам человека равным образом заставляло думать, что Горбачев и его сторонники непроизвольно смешивали воды из двух источников, т. е. «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 г., хотя эта последняя и была сформулирована Лениным в противоположность первой Вслед за Лениным французскую декларацию считали важным, но недостаточным достижением, ибо она «маскировала классовое содержание буржуазного государства» [2]. Произнося 7 декабря 1989 г. речь в ООН, Горбачев как будто забыл об этом· воздав формальные почести «двум великим революциям», «радикально изменившим ход событий», он, делая их достоянием прошлого, отдал сегодняшний приоритет «общечеловеческим ценностям», корни которых уходят, надо понимать, глубоко в историю, которая началась не в 1917 г

Из высказываний тогдашнего главы Советского государства и Генерального секретаря ЦК КПСС следовало, что он стирает установленную границу между революциями. Конечно, он не выразил такого намерения открыто. Зато у советских рокеров из группы «ДДТ» появилась песня, прямо-таки подарок к 200-летию Французской революции, не оставляющая места сомнениям.

«Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра
Сколько миров сжигают в час во имя твоего святого костра?»

[1] Горбачев М С Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира М Политиздат, 1987, с 46—47

[2] История СССР с древнейших времен М Наука, 1967, т VII, с 284

Разумеется, сомнению здесь подвергается Октябрьская революция, но и Французская тоже, так как в конце песни звучит мелодия Марсельезы.

Вторая серия сравнений обнаружилась в советской прессе. В ней снова, как когда-то в 20-е годы, замелькали сопоставления террора, экономических реформ, личностей. Так, один из авторов признавал, что в СССР извлекли кое-какие уроки из опыта Робеспьера, но в то же время осторожно спрашивал себя, не явилась ли идеализация Неподкупного в революционной историографии главной причиной трагического развития событий в 20-е и 30-е годы [3]. Другой автор признавал важность проблемы термидора в 20-е годы и призывал изучать ее в свете перестройки [4]. Параллели оказывались в избытке, коль скоро речь заходила о природе сталинского переворота (был ли он бонапартистским?)[5] или, к примеру, когда высказывалось беспокойство по поводу «ощутимых признаков бонапартизма у товарища Ельцина» [6]. А. Яковлев в речи перед ЦК 2 декабря 1987 г. (причем, по-видимому, не догадываясь о совпадении даты с бонапартистским переворотом во Франции 2 декабря 1852 г.) заявил, что следует избавиться от десятков тысяч мелких бонапартистов, которые подрывают общество и мешают двигаться больше, чем всякий другой недостаток [7]. Можно лишь пожалеть, что неизвестно, к какой эпохе относятся эти «бонапартисты»: к послеоктябрьской или к послетермидорианской.

Перемены в России, начавшиеся в 1985 г., и по сегодняшний день переживаются как революционные. Исторические отсылки кажутся совершенно необходимыми для осмысления происходящего, но варьируются они мало. Так, еще совсем недавно Виктор Манухин, набрасывая «штрихи к портрету отечественного либерал-большевизма», не смог обойтись без Французской революции.

«Ныне русская революция беременна термидором, который, опираясь на идею национального согласия, был бы способен обуздать эксцессы смутного времени и гарантировать обществу разумные стандарты свободы, безопасности и развития» [8].

[3] Сергеев В Тигр в болоте — *Знание — сила,* 1988, n° 7, с 74

[4] Волобуев П В Октябрь история и историки — *Советская культура,* 5 ноября 1988

[5] Волков Г Вознесение О том, как Сталин сделался великим философом — *Советская культура,* 7 июня 1988, Затонский Д Почему они оговаривали себя и других — Неделя, 1988, n° 28. Волкогонов Д А Шанс совести существует всегда — Книжное обозрение, 1988, n° 33

[6] *Правда,* 13 ноября 1987.

[7] *Правда,* 3 декабря 1987

[8] *Независимая газета,* 15 апреля 1993

Ссылка на бонапартизм — это общее место в политическом дискурсе, упоминания о Французской революции в нем тоже не редкость. Конечно, в языке постоянно проскакивают то те, то другие сравнения, но если одни и те же образы повторяются вот уже более ста лет, то это свидетельствует о постоянстве восприятия, которому следует уделить особое внимание.

В книге систематически прослеживаются условия, в которых в России возникали аналогии с Французской революцией и восприятие их действующими лицами истории. В последнее время появились работы, в которых показано, как в 1917—1918 гг. груз деспотического прошлого помешал спонтанно возникшим демократическим организациям ужиться между собой на демократической основе [9]. Интересно также изучить и другой аспект прошлого, тяготеющего над настоящим. Я имею в виду то отношение — смесь влечения и неприятия,— которое в России испытывали к Французской революции. Особенно это касается политических последствий такого отношения в 20-е годы, когда существовала парадоксальная ситуация: большевики, русские революционеры XX в., боролись с термидором — явлением, имевшим место в XVIII в. во Франции. Ситуация ирреальная, или точнее сказать, реально существующая только в коллективном воображаемом [10]. Цель книги, поэтому, не добавить к обширной историографии, где сравниваются революции, вымеряются их схожие и несхожие черты и ищется самая «правдивая» аналогия, а выяснить роль, сыгранную коллективным воображаемым в реальных событиях, а именно роль указанного парадокса в политическом выборе пути развития и в формулировании новой советской философии Истории в конце 20-х — начале 30-х годов

Чему соответствует тот бесхитростный суммарный образ, что воспроизведен на обложке книги: Робеспьер — Ленин, Наполеон — Сталин?

[9] О политическом абсолютизме, отвечающем ожиданиям народных масс в 1917 году и сразу после октябрьского переворота, а также о деспотизме (самодурстве), который пронизывал общество снизу доверху, мешая предусмотреть и особенно осуществить антидеспотический разрыв см.: Ferro M. *Des soviets au communisme bureaucratique.* Paris, Gallimard, 1980; Ingerflom C. S. Le citoyen impossible. Les racines russes du leninisme. Paris, Payot, 1988.

[10] О термине «воображаемое» (imaginaire) см. книгу: Baczko B. *Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs.* Paris, Payot, 1984. Коротко говоря, воображаемое — это представления коллектива или общества о самом себе, идеи-образы, через которые общество идентифицирует себя, ощущает разногласия, узаконивает свои полномочия, вырабатывает для своих членов модели, способствующие развитию..

Глава I

Как завершить революцию, не прибегая к террору, и избежать возврата к деспотизму?

Образ русского революционера, преклоняющегося перед величием Французской революции, восхищающегося ее героями, столь часто мелькает в воспоминаниях, что выглядит самоочевидным. Духовная суть его хорошо передана в словах Герцена:

> «Поклонение Французской революции — это первая религия молодого русского, и кто из нас тайно не владел портретами Робеспьера и Дантона?» [1].

Не будучи ошибочным, этот образ все же не отражает полноты отношения русских революционеров XIX в. к Французской революции, ибо при ближайшем рассмотрении оказывается, что это отношение имеет своей основой скорее неприятие, чем восхищение [2]. Для большинства революционеров исключена была возможность какого бы то ни было повторения. Начиная с Радищева, — аристократа и приверженца Просвещения, ставшего прототипом всех русских революционеров, — и кончая Лениным, все они стремились превзойти опыт XVIII в., отвергая его содержание и ставя под сомнение формы, в которых он осуществлялся, или же не приемля ни то, ни другое. Но поскольку они безоговорочно принимали саму идею революции, они не могли примирить преданность ей с мучительными вопросами, которые возникли по их мнению на исходе Французской революции: террор, диктатура, реставрация...

Таким образом, та щекотливая проблема, — как завершить революцию, не прибегая к террору, — которую унаследовала социал-демократическая партия, наметилась в истории освободительной борьбы в России задолго до начала XX в.

ДРАМА РАДИЩЕВА

Александр Радищев вошел в русскую историю как человек, первым осмелившийся в XVIII в. распространять идеи Французской революции в России. Его имя неизменно фигурировало во всех советских учебниках, где обязательно связывалось с мыслью о закономерности революций, и где Радищев изображался приверженцем Французской революции.

Такой образ Радищева был стереотипом Во время «оттепели» Е. Г. Плимак [3] и Ю. М. Лотман [4] предложили иной, мало соответствующий стереотипу образ. Они соглашались с тем, что Радищева следует считать революционером, но при этом подчеркивали противоречивость его представлений и сомнения относительно успеха революционного действия. Исходя из идейной эволюции Радищева, они оспаривали официальную точку зрения, утвердившуюся в 30-ые годы. Согласно ей, этот «гений» всю жизнь неизменно оставался певцом революции, они же попытались показать сложность его политической мысли. Анализ радищевских текстов, основанный на тщательных сопоставлениях, позволил им прояснить отношение мыслителя к Французской революции.

Уже в 1783 г. в оде «Вольность» Радищев прославляет английскую и американскую революции и приветствует грядущую русскую. В этом поэтическом произведении особенно ощутимо влияние Руссо. Так, когда Радищев одобряет казнь короля и революционное насилие, он обращается к мысли философа о верховенстве «всеобщей воли» над «волей каждого», к мысли в высшей мере спорной, ибо она позволяет принуждать человека (или «всех людей»!) к свободе. В 1790 г. под непосредственным впечатлением от событий Французской революции Радищев печатает в своей собственной типографии и анонимно выпускает «Путешествие из Петербурга в Москву», куда частично включает оду и где безоговорочно осуждает самодержавный строй и крепостное право, это «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», а также утверждает законность сокрушающего его народного гнева. Эта книга стоила Радищеву смертного приговора, замененного затем на ссылку в Сибирь.

В двух названных сочинениях Радищев бесспорно выглядит убежденным сторонником политической свободы и революции. И все-таки при более внимательном чтении и сопоставлении с более поздними его сочинениями обнаруживается Радищев, весьма далекий от какой бы то ни было сакрализации революции. За эпопеей установления независимости Америки он видит различия между сотней людей, ведущих роскошную жизнь, и тысячами других, у которых нет ни крыши над головой, ни куска хлеба. И он думает, что Франция лишь повторила злополучный опыт Англии, ведь на место старого тирана, который был гильотинирован, пришел новый. Народ восстановил, разумеется, свободу, попранную тиранией, но лишь для того, чтобы тут же ее потерять: «Таков есть закон природы, из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...» [5]. Итак, две ключевые проблемы, поднимаемые Радищевым начиная с его первых революционных сочинений, — это трагические метаморфозы революций и перерождение свободы.

Уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев отходил от руссоистской идеи о революционной диктатуре [6], а в более поздних сочинениях это отмежевание проявилось еще сильнее, ведь действия якобинцев были практически неприемлемы для Радищева, а Гельвеция он предпочитал Руссо В сознании Радищева этика удовольствия, разумного эгоизма и права каждого на возможно большее счастье возобладала над идеалами героического аскетизма и над идеей о диктаторских правах «всеобщей воли» [7].

Результаты Французской революции, в особенности 18 брюмера, глубоко разочаровали Радищева Об этом ясно свидетельствует «Песнь историческая», написанная в 1802 г, одно из его последних сочинений [8]. Здесь Радищев вновь обращался к намеченной еще в оде «Вольность» теме заката свободы и развивал ее И если в оде упоминание естественного закона выглядело как простое предостережение, то «Песнь историческая» определенно пессимистична. Она изобилует примерами «просвещенного деспотизма» и политической борьбы, почерпнутыми из истории античной Греции и Рима, и все они истолкованы как поражение свободы Только один пример взят автором из современности, и он показателен: кровавая диктатура Суллы сравнивается с диктатурой Робеспьера.

Разумеется, Радищев и теперь признавал право народа на восстание. Французская революция оставалась в его глазах событием позитивным, законным. Но если он полагал, что народ, как высший суверен имеет право на жизнь и смерть каждого гражданина, то террора, в котором выражалась диктатура, он не принимал, а сама диктатура ужасала его еще больше, чем кровь: состоящий из множества депутатов Конвент ведет себя так же, как один деспот, попирающий личную свободу Радищева мучила проблема противовеса неискоренимому деспотизму. По его мнению, наилучшая гарантия должна была проистекать от народа, но лишь в той мере, в какой тот осознавал свой суверенитет. Однако же выводы Радищева пессимистичны В заключительных строках «Песни исторической» он сетовал на горькую участь смертных иметь благие помышления о бла-

женстве, но не уметь их осуществить раз и навсегда [9].

Однако в «Осмнадцатом столетии», где эпоха изображена как время безумия и мудрости, русскому читателю давалась надежда: Радищев, возвращенный Александром I из Сибири, восхвалял императора за стремление управлять согласно закону. Можно ли из этого заключить, что Радищев-революционер пришел к упованию на добрую волю монарха? [10]. Утвердительно ответить трудно, так как в 1802 г., вскоре после восшествия на престол Александра I, писатель покончил с собой. Скорее всего прав Е. Г. Плимак, объясняя странный поворот мысли и кончину Радищева «духовной драмой революционера» [11], потерявшего веру в спасительную роль революции.

ЭТАТИСТСКИЙ ВАРИАНТ КАРАМЗИНА

Если Радищев кажется раздавленным грузом проблем, вскрытых им во Французской революции, то Николай Карамзин [12] как бы развивает идеи в ответ на те же самые вопросы.

В отличие от Радищева, Карамзин не был страстным обличителем режима, не был он и гонимым распространителем революционных идей. Крупная фигура в сентиментализме, он был также официальным историком, приверженность которого монархическому принципу ощущается в каждой строке знаменитой «Истории государства Российского». В политическом смысле он принадлежал к числу умеренных, которых было в русском обществе подавляющее большинство, тогда как радищевы составляли в нем исключение. В 1789—1790 гг. Карамзин совершил путешествие по Европе, и таким образом стал очевидцем Французской революции. Карамзин не выносил о ней однозначного суждения [13]. Изначально, вне связи с конкретными событиями, он относился к ней позитивно, считая революции фактором прогресса. Что же касается Французской, то тут еще прибавлялось обаяние захватывающей действительности. Для Карамзина революция — это не действия горстки фанатиков, «дерзких» и «хищных, как волки», а результат длительного прохождения французской нацией всех стадий цивилизации.

> «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел» [14].

Карамзин считал революционные изменения законными и интересовался их историческим воплощением. Поначалу ему показалось, что Французская революция реализует принципы равенства, братства и гуманизма, провозглашенные просветителями. Но в 1793 г., когда развитие революции подвергло эти принципы, так же как и представления философов о народе, серьезному испытанию, Карамзин отвернулся от неистовой стихийной борьбы. Можно было бы ожидать, что его симпатии обратятся к революционерам типа Барнава, которым претила казнь короля, и что он сразу же отвергнет якобинский этап революции. Но как это ни парадоксально, Карамзин плакал, узнав о смерти Робеспьера, о котором говорил с большим почтением, восхищался его бескорыстием, серьезностью, не часто встречающейся силой характера [15].

Такое отношение было продиктовано тем, что Карамзин проникся уважением к личности Робеспьера, встречаясь с ним в Париже, а также тем, что вдохновлявшие его политические идеалы были не свободны от утопий. Дорогая сердцу философов XVIII в. республика, основанная на суверенитете народа, или защищавшийся либералами начала XIX в. парламентаризм его не привлекали. Идеалом Карамзина была платоновская «республика мудрецов». Он понимал под этим социальный порядок, установленный в ущерб личной свободе, но полный государственной добродетели. «Мудрецы» регламентируют все: экономику, искусство и даже личную жизнь граждан. Карамзин не принимал уличного санкюлотского насилия, но насилие как выражение сильной власти, например, в деятельности Петра Великого, не шокировало его. Он разделял руссоистскую идею верховенства «всеобщей воли» над «волей каждого». Государственный деспотизм, осужденный Радищевым, находил полное одобрение у Карамзина. Вот почему опечаленный казнью Робеспьера, он в то же время сожалеет и о падении якобинской диктатуры. Эта диктатура, по его мнению, была вполне готова силой утвердить «высокую добродетель» и равенство и таким образом реализовать платоновскую утопию.

Карамзин был убежденным монархистом. Когда его спрашивали, как он может называть себя в душе республиканцем и защищать в то же время монархический принцип, он отвечал:

> «Без высокой добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают» [16].

Падение Робеспьера было, как раз примером, подтверждавшим эту мысль. Французский опыт приводил Карамзина к заключению, что революция сверху, исходящая от монарха или

от государства, должна заключать в себе больше возможностей утвердить «высокую добродетель», чем революция, зародившаяся на улице, и государственный деспотизм парадоксальным образом оказывался у него лучшим средством для осуществления революционных преобразований.

ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ

Разочарование Радищева и Карамзина в результатах Французской революции являло собой лишь наиболее законченную форму воззрений, широко распространенных в русском обществе начала XIX в. Тогда казалось, что диктатура якобинцев нарушила свободу личности, и логично было считать, что Бонапарт — продолжатель Робеспьера. Для русских образованных людей было совершенно очевидно, что военная диктатура Наполеона прямо противоречила исходным идеям Просвещения. Равенство и свобода оказывались химерами, а «власть толпы», виновная в новом деспотизме, дискредитировала идеи Руссо о суверенитете народа. Испытав разочарование и разделяя недовольство самих французов, русские решительно отрицали законность революций.

В самом деле, после 1815 г.[17] их взгляды формировались главным образом на основе французских авторов, критиковавших принцип неограниченного суверенитета народа, поскольку, как они утверждали, он ведет к деспотизму одного лица. Излюбленным чтением будущих декабристов были произведения Бенжамена Констана «О духе завоевания и узурпации» и «Курс конституционной политики»[18] или «Размышления о Французской революции» г-жи де Сталь[19]. Точно так же читали, несмотря на запреты цензуры, и авторов XVIII в.: Руссо, Мабли, Вольтера, Гельвеция[20]. Они оставались источником вдохновения и объектом восхищения, но их политические идеи воспринимались критически, в свете имеющегося уже опыта, продемонстрировавшего их несостоятельность.

В этих условиях не встречали отклика призывы Радищева к революции, столь сильные в оде «Вольность» и в «Путешествии из Петербурга в Москву»[21]. Тогда в моде был Н. И. Новиков. Этот лидер русского Просвещения, разделяя с Радищевым критическое отношение к самодержавному режиму, был лишен радищевской революционной страсти. Просвещенные дворяне, которые, благодаря войне, открыли для себя Европу, воспринимали критику крепостного права и самодержавия и у Радищева, и у Новикова, но отдавали предпочтение Новикову за его лояльность. Они считали, что превыше всего стоит закон, и ни монарх, ни народ не имеют права его нарушать. Все декабристы формировались в атмосфере этой либеральной идеологии и разделяли подобные настроения.

Таким образом, по-видимому не было прямой преемственности между идеями Радищева и идеями декабристов. Осуществляя свои заговорщические замыслы, декабристы отходили от либеральной среды[22]. Их тайные общества, конечно же, свидетельствуют о возврате революционных идей. Но в какой мере эти идеи были вдохновлены Французской революцией и «первым русским революционером»?

Вопрос проясняется, если посмотреть, что́ говорили о Французской революции эти революционеры, вышедшие из дворян. Вот отрывок из дневника Сергея Тургенева за 1915 г.:

> «Сохрани меня Бог думать о революции в России в смысле... внезапной и похожей на ту, которая имела место во Франции. Я желаю для своего отечества, которое люблю, совершенно другого и верю, что мои стремления столь же разумны, сколь и законны... И вот какой революции я хочу. Нужно, чтобы эта революция развивалась медленно, чтобы она шла шаг за шагом. Чтобы она направлялась правительством и чтобы граждане лишь ей содействовали»[23].

Не менее красноречивые суждения о революционном катаклизме, вовлекающем массы, оставил в своем дневнике старший брат Сергея Николай Тургенев:

> «Все в России должно быть сделано правительством, ничто самим народом. Если правительство ничего не будет делать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу»[24].

В трактате Николая Тургенева «Теория политики», написанном в 1818 г., опыт Французской революции осужден и, наоборот, восхваляется английский парламент: «Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть»[25]. Сходные взгляды высказывал и поэт П. А. Вяземский, человек близкий декабристам, почитатель Бенжамена Констана[26].

Историки считают такие суждения типичными для первого периода декабристского движения, примерно до 1820 г.[27] Этот бурный, по выражению историка М. В. Нечкиной, год принес революционные потрясения в Испании, Неаполе, восстание Семеновского полка и крестьянские бунты в России; и все это произвело сильное впечатление на будущих декабристов. К тому же примерно в тот же момент рассеялись иллюзии относительно реформ Александра I, а Реставрация во Франции продемонстрировала декабристам необратимость основных завоеваний революции. М. В. Нечкина заключила, что эти события пробудили в декабристах революционные мысли, подтолкнули их перейти к делу. Такое объяснение создает ошибочное представление, позволяя думать, что после 1820 г. де-

кабристы перестали желать, чтобы русская революция отличалась от французской. Вся их деятельность и их мысли, напротив, свидетельствуют о том, что они по-прежнему отвергали французский образец [28].

Действительно, переход в 1820 г. к активным действиям означал изменение тактики: на место тайной деятельности с целью воздействия на общественное мнение ставился военный заговор с целью государственного переворота. Притом решение поднять армию и действовать силой нисколько не означало, что пропало недоверие декабристов к народному бунту; русские аристократы продолжали отрицать идею стихийной революции вроде той, что была во Франции. Достаточно вспомнить, что в отличие от итальянских карбонариев, в рядах которых насчитывались десятки тысяч человек, декабристы исчислялись лишь десятками. И в Испании, и в Греции, и в Неаполитанском королевстве революционеры-дворяне пользовались поддержкой если не всего народа, то во всяком случае широких социальных слоев. Ничего подобного не было в России.

П. Пестель утверждал во время допросов, что декабристы пытались избежать «ужасов, имевших место во Франции» [29]. Под таким углом зрения военный заговор декабристов выглядит скорее как альтернатива Французской революции в русских условиях. Действовали ли декабристы, повинуясь классовому инстинкту [30] или нет, фактом остается их стремление избежать того, что они называли «бесконтрольной резней» по французскому образцу. И точно так же они надеялись обуздать размах революции, чтобы получить результаты, отличные от разочаровавших их результатов Французской революции.

Действительно, составленная Пестелем «Русская правда», т. е. план преобразований, ожидавших Россию в случае успеха заговора, оставляет впечатление, будто революция и контрреволюция должны быть проиграны в одном акте. В плане социальных изменений предполагалась аграрная реформа, призванная разрушить феодальную систему, но в то же время и помешать росту новой «аристократии богатств».

На формировании таких антибуржуазных позиций не могли не сказаться представления, которые декабристы имели о политике, проводившейся Маратом, Робеспьером или Сен-Жюстом. Освобождение крепостных крестьян, создание государственных земельных владений на землях, конфискованных у крупных собственников, распределение наделов среди освобожденных крестьян — все это меры, направленные против угрозы деспотизма, которая, по мнению Пестеля, исходила от новой аристократии. Он обращался к традиционным общинным формам владения и распределения земель, и именно они должны были обеспечить успех России там, где другие страны потерпели неудачу. Такой порядок, в сущности, социалистический, хотя слово это и не употреблялось, предвосхищавший революционные теории второй половины XIX в., рассматривался как превентивное средство от возврата к деспотизму.

В плане политическом Пестель, принимая во внимание ситуацию в России, пришел к идее военной диктатуры. Он был глубоко убежден, что масса — это ничто и будет лишь тем, чего хотят личности, которые есть все [31]. Он утверждал, что европейские события последних пятидесяти лет доказали: народы, которые хотели все изменить одним махом и отказывались от постепенных преобразований своего государства, вновь оказывались под игом деспотизма. В России не приходилось ничего ждать от народных масс; следовательно, инициатива должна была исходить от тайной организации, узкой группы личностей, и военная диктатура понималась как средство, предохраняющее от ловушек деспотизма. Согласно Пестелю, диктатуру следовало ограничить сроком в десять—двенадцать лет, в течение которых надлежало обеспечить постепенность преобразований. Народное представительство не могло взять на себя власть немедленно; требовался переходный период, чтобы приучить народ к новым принципам правления, формы которого, будь то республика или конституционная монархия, имели второстепенное значение [32]. Идеалом Пестеля была сильная и централизованная государственная власть, на которую он возлагал функцию распределителя благ в соответствии с критерием социальной справедливости, и если во имя процветания всего народа в целом нужно было ограничить свободу личности, эта власть должна была действовать без колебаний. Таким образом, формально гарантированные в «Русской правде» свободы печати, собраний, совести оказываются урезанными или даже вовсе сводятся на нет.

Политическая модель Пестеля являла черты, присущие якобинской диктатуре, авторитарной по своим методам и демократической по целям, но при этом Пестель претендовал на то, чтобы избежать ошибок французских революционеров.

Иной по сравнению с перспективой военной диктатуры путь был предложен Н. Муравьевым, разработавшим конституционный проект Северного общества. Н. Муравьев как бы предлагал здесь собственное средство от возврата к деспотизму. Его программа предусматривала учреждение в России уже проверенной в других странах системы конституционной монархии и федерации [33]. Учредительное собрание должно было разработать конституцию или утвердить ее проект, приготовленный заранее. В оппозиции Муравьева и его сторонников идеям Пестеля выявляется проблема, поднятая когда-то Радищевым. Это проблема перерождения революционной диктатуры, трансформации

Музей-панора

ее в единоличную власть бонапартистского типа. П. Борисов, один из основателей Общества соединенных славян, влившегося в 1825 г. в Южное общество, так возражал, например, М. Бестужеву—Рюмину:

> «По вашим словам, революция будет совершена военная... одни военные люди произведут и совершат ее. Кто же назначит членов Временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять 10 лет целою Россиею? Что составит его силу и какие ограждения представит в том, что один из членов нашего правления, избранный воинством и поддержанный штыками, не похитит самовластия» [34].

Другой представитель Общества соединенных славян, И. Горбачевский, соглашаясь принять программу Пестеля при слиянии двух обществ, разработал тем не менее свой собственный проект. Он проявил таким образом свое критическое отношение к «официальному» проекту общества и сформулировал при этом возражения, сходные с приведенными выше:

> «Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются» [35].

Итак, возвращение декабристов к идее революции происходит через постановку вопроса об исходе Французской революции, поставленного еще Радищевым: это бесконтрольная резня, организованный террор и диктатура, вырождающаяся в новый деспотизм... Их решение поднять армию с целью захвата власти продиктовано надеждой, проявив находчивость, осуществить революцию такими методами, которые позволят избежать уготованных ей ловушек. Военный заговор и конституционные проекты декабристов явно представляют собой первую попытку превзойти в социальной и политической области Французскую революцию.

ОТВЕТЫ НАРОДНИКОВ

Стремление превзойти Французскую революцию в большой степени присуще и народникам. У них оно приобретает социалистическое содержание, начало которому было положено Герценом. Размышляя в «Письмах из Франции и Италии» об опыте 1848 г., Герцен пришел к выводу, что революционный потенциал Европы исчерпан. Лишь мещане, полагал он, присвоили себе на сегодняшний день результаты Французской революции в этой части света. И если сохранилось еще несколько малочисленных наследников революции — социалистов, идущих по стопам Бабёфа, то опору они могут найти лишь за пределами западных стран [36]. Отсюда антителеологическое видение Истории. исторический процесс, дошедший в Европе до идеи социализма, теперь должен возобновиться от этой отправной точки в другом месте и в качестве альтернативы европейскому развитию. В такой перспективе политическая революция. типа 1789 г. теряла всякую актуальность в России, так как теория освобождала ее от обязательности повторения европейского пути. Герцен считал, что об ограниченном характере этой революции (имеется в виду лишь формальное установление свобод — Т. К.) можно было догадаться еще в конце XVIII в., теперь, после 1848 г. он стал очевиден. По поводу либерализма Герцен, все еще находившийся под впечатлением событий июня 1848 г. в Париже, замечал, что «скептицизм» его современников «провозглашен вместе с Республикой 22 сентября 1792 г.» [37]. Быть революционером после 1848 г. означало в его глазах желать глубоких социальных преобразований, не ограниченных только политическими свободами, т. к. либерализм, эта «последняя религия» человечества, не привлекал больше верующих.

Проделав этот теоретический анализ, Герцен приходил к формулированию идеи «русского социализма», который, как он считал, сможет заменить собой и превзойти достижения европейских революций [38]. Русскую сельскую общину Герцен после поражения революции 1848 г. рассматривал как зародыш социализма, но развиваться этот зародыш может только в контакте с Западом и при условии модернизации русского государства и общества. Для обеспечения этого последнего условия Герцен допускал разные методы борьбы, начиная монаршей волей и кончая народным бунтом в качестве крайнего средства.

> «Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас; это отчаянное средство, ultima ratio народов, как и царей...» [39].

Нерешительность Герцена в отношении «отчаянного средства» продиктована в первую очередь впечатлением от кровопролития на улицах Парижа, свидетелем которого он был в 1848 г. Отныне Герцен на словах и на деле отвергал всякую идею насилия и деспотизма, включая и якобинский вариант революции. Его афоризм: «Петр I был деспот наподобие Комитета общественного спасения» [40] вскрывает, разумеется, революционный смысл деятельности Петра, но он может быть истолкован и противоположным образом. Ибо для Герцена реформаторы или революционеры, мыслители или авторы утопических теорий использовали свой народ, который во все времена служил им

«мясом освобождения»[41]. Если Герцен бросал молодым русским революционерам пламенный призыв: «Идите в народ!», так это потому, что он был убежден:

> «Методы *просвещений* и *освобождений,* придуманные за спиною народа и втесняющие ему его *неотъемлемые* права и его благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром I и французским террором»[42].

В центре сомнений Герцена относительно выбора пути революции стояла проблема выходящего боком народу разрыва между намерениями революционеров и результатами, которых они достигают. В своих сочинениях Герцен постоянно использовал для иллюстрации тех или иных суждений мысль об откате Французской революции (о Наполеоне)[43]. Наиболее резко и язвительно эта проблема ставится в полемической статье «Мясо освобождения» (1862 г.), направленной против всех «доктринеров» (от Петра I и Сперанского до Сийеса и Руссо), а в первую очередь, против русских радикалов, объединившихся вокруг «Современника».

> «За собственным шумом и собственными речами добрые квартальные прав человеческих и Петры I свобод, равенства и братства долго не слыхали, что говорит государь-народ; потом рассердились за навуходоносоровский материализм его... Однако и тут не спросили его, в чем дело. (..) А пропасть между ними и народом не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вследствие трагической, неотвратимой необходимости. (...) Чем тут наполнишь пропасть, каким доктринерским схоластицизмом тут поможешь? (...) Сделан был опыт, не удался, и опять-таки потому, что социалисты учили прежде, чем знали, устраивали фаланстеры, не отыскав нигде такой породы людей, которая хотела бы жить в рабочих домах.
>
> И вот из этой-то пропасти выходят, выплывают гильотины, красные шапки на пиках, Наполеоны, армии, легитимисты, орлеанисты, другая республика и, наконец, Июньские дни — дни, ничего не создавшие, ничего не уложившие, дни, в которые самые лучшие и самые несчастные из народа, гонимые нуждой и отчаянием, вышли безумно без плана, без цели, от отчаяния и сказали своим опекунам, законодателям и воспитателям: *«Мы вас не знаем!»*. Мы были голодны — вы нам дали парламентскую болтовню, мы были наги — вы нас послали на границу убивать других голодных и нагих; мы просили совета мы просили научить нас, как выйти из нашего положения, — вы научили нас риторике; мы возвращаемся в тьму сырых подвалов наших часть нас ляжет в неравном бою, но прежде мы вам, книжники революции, скажем громко и ясно: *«народ не с вами!»*[44].

В свете этой статьи становится ясно, что социализм, разрабатывавшийся тогда Герценом и который позже будет назван «народническим», противостоит западной революционной традиции. Этот социализм, склонявшийся перед мужиком, как казалось Герцену, защитит Россию от повторения «глупостей» предшественников французов. Он полагал, что хотя никакой опыт, никакая мудрость не могут оградить народы, активно вступающие в историю, от глупостей, тем не менее глупости должны быть «не те же самые»[45].

Если русский социализм мог, согласно Герцену, обеспечить будущей революции более справедливое социальное содержание, чем содержание Французской революции, то способ превзойти ее предложил революционерам Н. Г. Чернышевский, еще один властитель дум нескольких поколений народников. В самом деле, он не считал, что революционный потенциал Европы исчерпан, а напротив, полагал, что она продолжает двигаться вперед. Россия должна догнать Европу, интегрироваться в процесс ее развития и затем идти дальше вместе с ней. Как этого достичь? Чернышевский не верил в российский реформизм. Ему представлялось необходимым вырваться из порочного круга деспотизма, который он клеймил недвусмысленной формулировкой: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, — снизу доверху, сплошь рабы...»[46]. Но однако же революция, которую он имел в виду, не похожа на Французскую.

Во многих сочинениях Чернышевский поднимает проблему, которую формулирует так: прогресс неизбежно сопровождается откатом назад. Здесь, собственно, средоточие его забот. Комментируя перипетии западной политики в 1859 г., Чернышевский конкретизирует мысль. Он отсылает к историческому примеру Французской революции и ее последствий, когда прогресс чередовался с откатом назад.

> «Французская революция, например, не успела совершенно искоренить во Франции старого порядка вещей: он воскрес при Наполеоне и оказался очень сильным при Реставрации; с другой стороны, и реакция, начавшаяся еще до Наполеона и почти беспрерывно господствовавшая во Франции до сих пор, не сумела искоренить ни революционной тенденции, ни даже законов, ею произведенных в краткий период шести лет от 1789 до 1795: каждый раз, как только начинала она действовать успешно, большинство легкомысленно переходило на сторону революции, которую также легкомысленно покидало, едва революция появлялась на горизонте»[47].

В этой цитате ключ к смыслу всего комплекса ссылок Чернышевского на Французскую революцию, которые он сознательно, дабы сбить с толку цензуру, строил на намеках. Так, можно догадаться, что размышления Чернышевского об историческом прогрессе питаются среди прочих элементов опытом Французской революции:

> «Прогресс совершается чрезвычайно медленно в том нет спора, но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История дви-

жется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть, — чтобы опять-таки упасть. Смешно, если хотите, и жалко, если хотите, смотреть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно. (..) А еще со временем, птичка и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселою песнею».

Верный своему обыкновению, Чернышевский сначала утомляет цензора образом неоперившегося воробушка и вдруг обращается к внимательному читателю: «Правда и то, что, судя по нынешнему не слишком еще скоро придет ей время летать, а все-таки придет, сомневаться тут нечего» [48]. Разумеется, Чернышевский верил, что революционные преобразования, которые приведут к социализму и коммунизму, можно теоретически предполагать в далеком будущем. Неравномерность развития исторического прогресса ведет к тому, что повсюду их реализация осуществляется поначалу с трудом, но в России, в силу прочности деспотического устройства, трудности особенно велики. Чернышевский сомневается в возможности осуществления в России самых «малых дел», простых преобразований:

«В одних ли вещах важных сомнительна возможность скорой, полной перемены к лучшему? Возьмите какие хотите пустяки, во всех пустяках она сомнительна. Например, можно ли быстро сделать, чтобы петербургские или московские вывески не отличались безграмотностью . Кажется, всё это желания и удобоисполнимые, а между тем о каждом из них надобно решительно сказать, что очень скорого исполнения ожидать нельзя».

Иначе говоря, Чернышевскому представлялись в тот момент маловероятными даже самые «малые дела», которые повели бы Россию по пути европейской цивилизации.

«Разумеется, ничто на свете вдруг не делается! И хорошо еще если дело идет хотя медленно, но без остановок, без неудач, без поворотов к старому. Только идут так лишь неважные дела. В делах важных успех достигается после длительного ряда неудач, и за каждым движением вперед следует реакция, теснящая дело назад с таким упорством, что преодолевается лишь чрезвычайным напряжением сил, за которым, конечно, следует утомление с новым преобладанием реакции.

Есть люди, которые не ждут успеха ни при каком отдельном факте, и знают только, что в окончательном результате будет успех, — знают потому, что сомневаться в нем нельзя· неизбежность его доказывает себя математически. Распространяется ли грамотность в России? Сомневаться в этом просто глупо. Но если хотите, можете ждать неудачи при открытии каждой воскресной школы, можете, если хотите, ждать, что и все нынешнее движение в пользу воскресных школ потерпит как-нибудь неудачу, — что ж из этого? Только то, что от неудач унывать нечего, их надо предвидеть. Но если ждать неудачи, то как же браться за дело?» [49].

На этот вопрос Чернышевский отвечает в романе «Что делать?». Ясно, что Чернышевский предвидел длительный процесс «постепенного подготовления», в результате которого наступит когда-нибудь социализм. Началом его должно стать формирование «новых людей» [50], а не бунт, и не восстание [51]. Узкая группа «особенных» людей типа Рахметова призвана расчистить почву для «новых людей», но потом она должна уйти со сцены, ибо удел «особенных» людей — пожертвовать собой, сознавая, что при жизни их поколения «цель», главная цель не будет достигнута. Они должны знать, что обречены полностью истощить свои силы, и лишь в последующих поколениях будет достигнут результат:

«А надобно заметить, что мы вовсе не полагаем, будто бы в какую бы то ни было данную минуту большинство людей, убежденных в известной истине, могло не находить, что она готова вполне осуществиться при первом несколько удобном случае силою одной попытки. Хладнокровно рассуждать о шансах любимого дела в то самое время, когда стараешься об исполнении его, — это возможно только или при сильной большой опытности, или при особенном темпераменте, в котором холодность ума соединяется с горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бывает довольно мало. Остальных не разубедишь: им все будет казаться, что вот-вот представляется один из тех, почти беспримерных в истории случаев, когда с одного раза прочно приобреталось многое. Стало быть, взгляд наш на шансы близкого будущего не охладит никого. Кто разделяет или будет разделять его, тот уже не способен охлаждаться перспективою или полных неудач, или удач, слишком неполных, потому что он давно свыкся с этой перспективой, и деятельность его происходит из необходимой потребности всей его натуры, а не из юношеской веры в свое счастье или в свое время. А кого оживляет доверчивость к своему счастью или своему времени, кто охладился бы, утратив ее, тот и не примет нашего сурового взгляда. Но он позволит нам не высказывать надежд, которых мы не имеем, и рассуждать о вещах не с угождением ему, а сообразно своему взгляду» [52].

Итак, Чернышевский скептичен относительно немедленных перемен, русская революция не должна быть кратковременным восстанием. Невозможное во Франции, такое восстание тем более немыслимо в России. Напротив, осуществление революции возможно только через многоэтапные преобразования, это должна быть своего рода революция путем реформ. В «Письмах без адреса» Чернышевский почти пророчествует, когда пишет, что если революционное восстание в России одержит победу раньше, чем страна европеизируется, то это будет не более, чем обновление старой системы, осуществляемое за счет группы,

которая будет стоять у власти в момент восстания, а также «европеизированной» части населения. Ибо народные массы, носитель деспотических представлений о власти, в случае такой победы немедленно придадут новую народную легитимность политической системе все того же старого типа [53]. Стремясь разорвать этот порочный круг, Чернышевский делал ставку на «новых людей», которые, множась, одни только и будут способны разрушить деспотическую иерархию, в которой каждый человек является одновременно и подданным и деспотом над кем-то другим. «Новые люди» установят свободные от деспотической ментальности новые общественные связи снизу. Конечно, для этого «новый человек» должен уметь вести себя как «особенный» человек, т. е. профессиональный революционер, единственный, кто способен противостоять самодержавному государству.

Глава II

Между аналогией и отождествлением: какой революционер нужен России?

Французский пример только обескураживал и приводил в уныние тех, кто желал революционных преобразований без террора, диктатуры и реставрации. Он ставил перед Герценом и Чернышевским ключевую проблему: о цене революции. Размышления о «неудачах» предшественников заставляли думать о необходимости революционера нового типа, который взял бы на себя ответственность за революционное действие, во всяком случае типа, отличного от того, который символизировал собой Робеспьер.

В этих поисках подходящей модели революционера вновь обнаруживается та проблематика, которую впервые сформулировал Радищев. В конце 1870-ых гг. время было чрезвычайно благоприятным для проведения аналогий с Французской революцией [1], поскольку вся Европа ждала тогда, что в России произойдет подобный взрыв [2]. Русские социалисты, которых непреодолимо влекла французская модель, были больше, чем прежде озабочены тем, чтобы не оказаться у нее в плену.

ЗА ТЕРРОР ИЛИ ПРОТИВ РОБЕСПЬЕРА: РУССКИЕ «ЯКОБИНЦЫ» И РУССКИЕ «ЖИРОНДИСТЫ»

Аналогия «русские якобинцы» — «русские жирондисты» для характеристики типов революционеров впервые появилась в 1840-е гг., когда заканчивался период постдекабристского затишья и появлялись признаки пробуждения освободительного движения, что давало себя знать в спорах между западниками и

славянофилами. Эти два течения, рожденные из, до сих пор единого, движения идей 1820-х гг., уточняются и утверждаются Споры заставляют западников определиться по отношению к идущим с Запада влияниям Отказываясь от бесконечных и бесплодных дискуссий об эпохе Петра Великого, западники мобилизовали против славянофилов как идеи европейской буржуазии, так и идеи социалистов. Ибо деление произошли и среди самих западников: с одной стороны, либералы, «доктринеры», верные букве западного либерализма, с другой стороны, радикалы, склонявшиеся к социализму и даже развивавшие теорию «русского социализма» [3].

Исходный момент раскола внутри лагеря западников запечатлен в обмене мнениями о Робеспьере между В. Г. Белинским и Т. Н Грановским В зарождавшейся западнической среде [4], к которой принадлежали оба, участников спора стали называть русскими «якобинцами» или русскими «жирондистами» в зависимости от того, чью точку зрения они принимали

Начало дискуссии было положено письмом Белинского к Боткину от 15—20 апреля 1842 г. Белинский защищал Робеспьера от расхожих обвинений, утверждая, что тот «был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор» [5] Белинский уже имел случай продемонстрировать свою симпатию к Робеспьеру, когда в 1836 г он спорил с отцом М. Бакунина Тогда он высказал все хорошее, что думал о якобинском правлении [6]. Но вплоть до начала 1840-х гг. Белинский был гегельянцем, и это умеряло его симпатии к французским революционерам и в целом сдерживало его размышления о революциях. Преклонение перед Гегелем привело его к прославлению абсолютизма русских императоров. он видел в нем воплощение «объективного разума» [7]. Но абсолютистский конформизм не оставлял никакой возможности для действия, и как только с ним было покончено, Белинский с жадностью принялся читать изложения современных общественных теорий: Кабэ, Фурье, Леру и Прудона. Он искал ориентиры для практических действий, чего не мог дать ему Гегель Одновременно с этим и в противоположность немецкому идеализму Белинский открывал для себя французский XVIII век. Франция давала ему теории и примеры такой социальной и политической силы, какие невозможно было отыскать в немецком романтизме и в немецкой философии. Он не мог, следовательно, избежать размышлений о Французской революции. 8 сентября 1841 г. он писал Боткину

«Я читаю Тьера Новый мир открылся передо мною Я выдумал что понимал революцию — вздор — только начинаю понимать Лучше его люди ничего не сделают» [8]

Отныне Белинский — решительный противник какого бы то ни было сохранения существующего порядка, так как это парализует волю человека·

«Отрицание — мой бог В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон » [9]

Итак, в начале 1840 г. Белинский освободился от влияния немецкой философии и стал, по его собственным словам, «реалистом», полагающим, что нравственное совершенствование человека происходит по мере осуществления социальных преобразований. И нет более благородной миссии, нежели способствовать этому Но ему казалось смешным думать, что социальные изменения произойдут сами собой, постепенно, без насилия и крови [10]. Вставая на защиту Робеспьера в апреле 1842 г., Белинский признавался Боткину, что был во власти дьявольской мечты о терроре [11] Ему стало ясно, что «тысячелетнее царство божие (социализм — Т К) утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [12]

Узнав содержание письма «Неистового Роланда», то есть Белинского, к Боткину, Грановский выразил свою собственную позицию. Он обратился к Белинскому так:

«Тебе нравится личность Робеспьера, потому что он удовлетворяет делами своими твоей ненависти к аристократии и т д Но, Боже мой, сколько мелких личных побуждений вмешивалось в общие виды Робеспьера! Как бесконечно выше его стоит Сен-Жюст, ограниченный фанатик, но благородный и глубоко убежденный Красноречие Робеспьера, несмотря на приводимые тобою отрывки, все-таки далеко не может сравниться с красноречием жирондистов, не говоря уже о Мирабо Как государственный человек, в великом значении слова, Робеспьер ничтожен, равно как и Сен Жюст За него работали Карно, Мерлен и другие даровитые Горцы Он был практический человек, потому что умел опошлять и прикладывать к действительности высшие вопросы, решение которых очевидно принадлежит будущности, т е из общих вопросов он извлекал частную пользу для себя и для своей партии Его добродетель, которой главною чертой было то, что он не крал и не искал выгодных должностей, очень похвальна во французском bourgeois, но сама по себе дрянь Жиронда выше его по тому именно, что у нее недоставало так называемого практического смысла Она понимала значение революции, которая должна была изменить не одни наружные политические формы, но решить все общественные задачи и противоречия, которыми так давно страдает мир Жиронда определила и указала на все вопросы, о которых теперь размышляет Европа, Жиронда сошла в могилу чистая и святая, исполнив свое теоретическое назначение Робеспьер, хотя он говорит противное, смотрел на революцию, как на событие политическое (исключительно) и французское» [13]

Ответ Грановского, как и вызвавшее его письмо Белинского, породили отклики. Боткин, Герцен, Панаев, Кетчер, Языков и некоторые авторы «Отечественных записок» поддержали Белинского против Грановского. В частности, Боткин писал Герцену

> «Мнение его (Грановского — Т. К.) о Робеспьере и жирондистах совершенно противоположно мнениям всех лучших умов во Франции и Леру в особенности Леру чрезвычайно высоко ставит Робеспьера называя его la pythonisse et l'oracle de la Revolution * и решительным противником bourgeoisie, представителями которой, по мнению Леру, были жирондисты» [14]

Позиция Герцена по поводу суждения Грановского известна благодаря комментариям, которые он сделал на полях письма, адресованного Белинскому в мае 1842 г.:

> «Господь ведает откуда отрыл Шепелявый (Грановский — Т. К.) личные виды у Максимилиана Петровича, — о котором я совершенно разделяю твое мнение Как человек, лишенный всех внешних, материальных пособий, с жалкой наружностью, без дара красноречия, которым так роскошно блестела Жиронда, торжествует над колоссами, вооружает против себя все партии, держит на себе судьбу Франции, всю (дело) революцию, павшую тотчас с его падением И как будто S Just, которому Шепелявый отдает полную справедливость, подчинился бы кошельку? И как будто Карно и прочие даровитые горцы не остались после казни его — и все-таки не были поглощены гнусной директорией? Врет Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие — необходимые бестящие явления ее и только Может быть в этом случае я вдаюсь точно потвоему в величайшую крайность, но что делать, это не минутное увлечение, а убеждение глубокое!» [15].

В этом споре вокруг Робеспьера обнаруживается преемственность, восходящая к Радищеву. Все те же вопросы: прежде всего, как соотносятся великие принципы и их применение в реальной жизни («связь слова и дела» согласно выражению, вошедшему в употребление в 40-е гг. — Т. К.). Радищева, Карамзина и декабристов занимала, в сущности, та же проблема, хотя они и изъяснялись в других выражениях: «возврат к деспотизму» подразумевает несовпадение между намерениями революционеров и результатами революции. Этот вопрос поднимает Грановский, когда упрекает Робеспьера, что тот действует как человек практичный, опошляет идеи и извлекает из них выгоду для своей партии.

Грановский хвалит мудрость жирондистов, отдавая им предпочтение перед якобинцами, потому что жирондисты не пытались вести революцию дальше, чем было возможно. Грановский упрекает Робеспьера за то, что тот дискредитировал принципы, имеющие великое будущее, иными словами, обвиняет в том, что именно Робеспьер — причина социального неблагополучия западных обществ, где царствует буржуазия, наиболее законченным воплощением которой является Неподкупный

Белинский, в отличие от него зачарованный террором, остается нечувствительным к последствиям революционного произвола. Для него именно жирондисты являются наиболее полным воплощением пороков буржуазного общества [16].

В конечном счете, обе эти ключевые фигуры — Грановский и Белинский — не прощали Французской революции, что ее увело в сторону от провозглашенных идеалов. Перед тем и другим вставала одна и та же проблема, хотя подходили они к ней по-разному. Это проблема того, как применить великие принципы в русской реальности и какой тип людей способен это сделать. Для Белинского и его сторонников речь идет о том, чтобы найти «правильную революционную теорию», а в методах действия подражать якобинцам. Для Грановского и его последователей 50-х гг., знаменитых теоретиков государства Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, речь идет о создании правового механизма, также призванного предотвратить отход от принципов.

Полемику вокруг Робеспьера можно, конечно, рассматривать как начало долгих поисков «правильной революционной теории» [17], исканий, которые после многочисленных конфликтов закончились полным разрывом между «радикалами» и «либералами», как сами они себя называли. Эта дискуссия действительно выявила первые идеологические расхождения между двумя течениями. Однако ее смысл поисками «правильной теории» не исчерпывается. Ибо в этом споре сказалось восприятие русской реальности, основанное на аналогии с Францией конца XVIII в.

В самом деле, участники спора считают, что он касается не исключительно прошлого, но также затрагивает и настоящее. Когда И. И. Панаев в своих воспоминаниях сообщает, что некоторые стали убежденными жирондистами [18], он употребляет выражение, свидетельствующее о своего рода исторической проекции. И если «некоторые стали жирондистами», то Панаев и Белинский, со своей стороны, считают тебя якобинцами [19]. Отождествление себя с деятелями Французской революции не оригинально, оно было достаточно распространено и в других регионах мира, в Европе и в Латинской Америке, но в России это отождествление имело особенно насыщенную историю.

* Гадалкой и оракулом революции

ТРИ «СТЕПЕНИ» РУССКОГО ЯКОБИНСТВА

Радищев, а затем декабристы, то есть те, кто провозглашал и себя сторонниками революционных преобразований или даже готовы были их спровоцировать, отказывались отождествлять себя с якобинцами, хотя подчас и слыли таковыми в глазах других [20].

В 40-е гг. почитатели Робеспьера и в их числе Герцен группировались вокруг Белинского. Можно было подумать, что на этот раз русские «якобинцы» готовы идентифицировать себя со своим прототипом. Но как только того требовали обстоятельства, они оказывались неспособны перейти от восхваления Робеспьера к принятию на вооружение идей и методов якобинцев. С этой точки зрения показательна ситуация конца 50-х — начала 60-х гг., когда встала проблема идентификации.

15 февраля 1858 г. в «Колоколе» была опубликована статья Герцена «Через три года». Автор обращался к царю со знаменитым восклицанием: «Ты победил, Галилеянин!», называл его «освободителем крестьян» и «наследником 14 декабря». Публикация вызвала цепную реакцию. Прежде всего негодование поднялось в кругах, близких к «Современнику». Свидетельство тому — два письма, опубликованных в «Колоколе» осенью 1858 г. и исходящих скорее всего из окружения Чернышевского [21]. Там подчеркивалось, что надежды, связанные с царем, исчерпаны, авторы призывали народ освободиться собственными силами и среди средств упоминали «топор» — аллегорию народного бунта [22]. В свою очередь, эти два письма имели также большой резонанс: 1 декабря 1858 г. письмо в «Колоколе» опубликовал Б. Н. Чичерин. Он упрекал Герцена в том, что тот «раздувает пламя», открывая страницы своего журнала «безумным воззваниям к дикой силе» [23]. За этим письмом, названным Герценом «Обвинительным актом», также последовала оживленная полемика [24]. С протестом выступили прежде всего Анненков, Панаев, Кавелин, Тургенев, Тютчев и другие московские друзья Герцена, тогда как Чернышевский поддержал Герцена в статье «Чичерин-публицист», где подверг осмеянию автора письма. Как писал Чернышевский, проповедуя покорность власти и отговаривая активно ей противостоять в стране, где эта власть подмяла под себя все и вся, Чичерин как бы предостерегал «белого медведя от пристрастия к тропическому климату» [25].

Эта полемика знаменует собой развязку сложных взаимоотношений между различными группами интеллигенции. Близкие к «Современнику» радикалы стремились привести в свой лагерь сторонников «Колокола», в первую очередь его редактора Герцена, который все еще сохранял надежды на реформистский путь. В то же время и радикалы, и Герцен оказывались в одном лагере, когда речь заходила о полемике с Чичериным и его друзьями-либералами. В этих спорах позиции вырисовывались четче, а Манифест 19 февраля 1861 г. довел их до полной определенности, выразившейся в разрыве между либералами и радикалами.

Напомнить это расхождение необходимо, ибо оно содержит в себе аспект, объяснимый лишь в рамках сопоставления русских «якобинцев» и русских «жирондистов», деление, которое не совсем и не всегда совпадает с обычным делением на радикалов-революционеров и либералов.

В самом деле, согласно Герцену его полемика с Чичериным соответствует борьбе между якобинцами и жирондистами [26]. Используя эту классификацию, Герцен отмечал, что речь идет о разделении, восходящем к «прародительским» временам [27] и что вся молодежь, ясное дело — «якобинская», за него. Точно так же само собой разумелось для Герцена и то, что люди, близкие «Современнику», становились в этой полемике на его сторону.

Однако эта молодежь и ее духовный наставник Чернышевский стояли на позициях, характеризуемых более высокой степенью «якобинства», чем позиция Герцена. Полностью солидаризируясь с «антижирондистским» поведением Герцена в полемике с Чичериным, они в то же время упрекали его за «жирондистскую» умеренность. В той мере, в какой «призыв к топору» в двух письмах, вызвавших реакцию Чичерина, звучал как якобинский, авторы надеялись, что Герцен их позицию разделит. Со своей стороны, Чернышевский, предпринявший в 1859 г. поездку в Лондон с целью скорейшего урегулирования конфликта между «Колоколом» и «Современником», подводя итог поездке в письме к Добролюбову, говорил о Герцене:

> «Разумеется, я ездил не понапрасну. (...) Но боже мой, по делу надобно вести какие разговоры! (...) Кавелин в квадрате — вот Вам все» [28].

Можно предположить, что выражение «Кавелин в квадрате» означало «либерал в квадрате» или же человек неопределенных взглядов: ни либерал, ни радикал, т. е. еще вдвое хуже, чем либерал Кавелин. Когда знаешь, что Чернышевский, выносивший такое суждение о Герцене, «высоко ценил Робеспьера» и находил в себе большое сходство с вождем якобинцев [29], то приходится констатировать, что полемизируя между собой, Герцен и Чернышевский вкладывали в термин «якобинец» разный смысл.

Можно сказать, что «якобинство» Герцена и «якобинизм» Чернышевского отличаются друг от друга как отличаются ана-

логия и тождество. В то время как Герцен прибегал к аналогии, радикалы из «Современника» начинали, по-видимому, отождествлять или идентифицировать себя с французскими якобинцами.

Но вот в 1862 г. авторы прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневский и его друзья прямо и открыто доводят идентификацию до конца. Представляясь «якобинцами-бланкистами», они призывают к революции по французскому образцу. Теперь, в начале 60-х гг. они выступают сторонниками заговора с целью захвата власти, заговора бабувистского по природе и соответствующего учению Бланки. Прокламация предусматривает после взятия власти установление диктатуры якобинского толка, которая осуществит глубокие социальные преобразования. Желая извлечь уроки из истории, Заичневский и его друзья рассматривают террор как испытанное и оправданное средство защиты завоеваний революции. В «Молодой России» налицо все элементы якобинства.

> «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 1848 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90 годах!» [30].

Революционные круги практически единодушно с восхищением приветствовали дерзость и отвагу авторов «Молодой России», но в большинстве своем они отвергли идеи этой прокламации [31]. И тогда «якобинцы» «двух первых степеней», т. е. Герцен и Чернышевский, составили общий фронт против авторов «Молодой России».

Так, Герцен, демонстрируя не лишенную отеческого высокомерия снисходительность к тому, что квалифицировал как юношескую горячность, прощал крайности в выражении якобинизма, но не отпускал при этом греха якобинства как такового. Герцен выдвигал два главных возражения. Первое приводят часто:

> «Молодая Россия» нам кажется ошибкой... *она вовсе не русская* это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции, политическо-социальные desiderata, которым придана форма вызова к оружию» [32].

Среди русских же проблем главенствует земельный вопрос: нужно проповедовать «религию земли», а не абстрактные принципы прав человека, принципы Бабёфа или Фейербаха. Революция придет снизу, и тогда придется быть готовыми *действовать вместе с народом,* а *не от его имени.* Из этого суждения Герцена, основанного, как он считал, на специфике России, можно сделать вывод, что полемика с «Молодой Россией» позволила ему сформулировать до сих не ясную проблему взаимоотношений между образованным меньшинством и народом. Некоторые историки подчеркивают этот аспект критики «Молодой России» не только Герценом, но также и Чернышевским, Бакуниным и членами «Земли и Воли» [33]. Революционеры отвергали якобинские методы и прежде всего заговор главным образом потому, что они игнорировали народ, который старались заменить революционной организацией.

Второе возражение Герцена, комментаторы, как правило, обходят молчанием. Речь идет о терроре, и Герцен заключает, что повторение его невозможно:

> «...май смерти, как май жизни, цветет только один раз und nicht wieder» [34].

Герцен считал, что было бы безнравственно если бы революционеры его времени действовали так, как действовали революционеры XVIII в. Июньская резня 1848 г. в Париже решительно и бесповоротно продемонстрировала гибельность самих идей о насилии и терроре: разве они не показали со всей очевидностью, как революционный террор в руках реакционеров перерождается в отработанный метод уничтожения?

После 1848 г. революционеры уже не могут игнорировать подобное понимание террора, не нарушая при этом элементарных нравственных норм.

> «Террор девяностых годов повториться не может, он имел в себе наивную чистоту неведения, безусловную веру в правоту и успех, которых последующие терроры не могут иметь» [35].

Итак, помимо тех возражений против якобинства «Молодой России», на которые обычно указывают, Герцен приводил доводы этического порядка, за которыми следует усматривать принципиальную невозможность для него отождествлять себя с якобинцами.

«Молодая Россия», написанная тоном неистового протеста, должна была, по признанию Заичневского, вызвать тошноту у всех «чертовых либералов и реакционеров» [36]. Но коль скоро якобинизм «Молодой России» выражался в программе конкретных действий, то всем тем, кто подобно Герцену и Чернышевскому объявлял себя «якобинцами», пришлось высказаться по поводу революционного пути, проложенного Французской революцией.

«Хотелось, наконец, сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть... так было противно, так было гнусно, что если бы не мы, так за нами то же самое сделали другие» [37]

Эти слова, написанные Заичневским почти сорок лет спустя, проливают свет на критику «Молодой Россией» либерализма Герцена и других революционеров, которые в начале 60-х гг выразили свои позиции в серии прокламаций. A posteriori он более определенно формулировал свое суждение: его критика касалась не только либерализма, но прежде всего того, что он считал непоследовательностью революционного дискурса.

Претензия «Молодой России» состояла, следовательно, в том, чтобы произнести, наконец, ту «правду», которую остальные умалчивали. Она провокационным образом ставила революционеров, считавших себя «якобинцами», перед необходимостью выбирать между аналогией и идентификацией. Фактически она толкала к избранию типа революционера. Будет ли этот революционер точной копией якобинца или он будет создан заново лишь по аналогии с якобинцем? «Молодая Россия» была первой, кто поставил эту дилемму со всей ясностью. Она же первой предложила ответ, имевший столь большое значение в спорах вокруг типа необходимого для России революционера, воображаемого всегда хотя бы с малым оттенком якобинизма. Оттенок проявлялся сильнее или слабее в зависимости от степени идентификации, но он всегда был заметен именно потому, что существовала аналогия, от которой революционеры не отказывались.

НАРОДНИКИ ПРОТИВ «РУССКИХ ЯКОБИНЦЕВ»

«Русские якобинцы» с самого момента своего появления в 1862 г. были оттеснены на обочину революционного движения. Прокламация «Молодая Россия» встретила благосклонный прием лишь у небольшого числа офицеров и студентов. Большинство революционеров не скрывало своего критического отношения к ней [38]. Судьба якобинства после «Молодой России» оказалась не многим счастливее.

Конечно, якобинством проникнуты уставы и программы подпольных организаций Н. А. Ишутина («Организация» и «Ад»). Они предусматривали заговор, захват власти горсткой революционеров и ратовали за террор [39]. Но в то же время боевая организация Ишутина составляла исключение среди многочисленных мирных кружков и ассоциаций, которые существовали накануне покушения на Александра II в 1866 г. [40]. Типичным для тех лет можно считать негативное отношение к французскому якобинству XVIII в., выразившееся в книге Н. В. Соколова «Отщепенцы», которая была запрещена цензурой и с большим успехом распространялась подпольно [41]. Соколов, испытавший влияние антигосударственной доктрины Прудона, рассматривал Робеспьера и Сен-Жюста как государственных деятелей, политиков (или политиканов) и в этом смысле считал их продолжателями Старого порядка. Диктатура Комитета общественного спасения представлялась ему столь же деспотичной, что и неограниченная власть монарха.

Несколько лет спустя ишутинские якобинские тенденции достигнут своего пароксизма у С. Нечаева. Однако известно, что среди мотивов, вдохновивших народников в первой половине 70-х гг. обратиться к «книжному делу», т. е. к пропаганде и образованию народа и к «хождению в народ», большую роль сыграло отвращение к методам Нечаева. Кружок С. Чайковского, подробная история которого описана в мемуарах П. Кропоткина, был основан как раз в противоположность способу действия Нечаева [42]. Сам Чайковский утверждал это в открытом письме своим друзьям [43]. Другие свидетельства сообщают, что после мистификаций Нечаева молодежь, не имевшая никакой склонности к якобинству, стала испытывать еще большее неприятие к какому бы то ни было централизму или иерархии» [44].

Наконец, отвергнуто было якобинство, воплотившееся в П. Ткачёве [45]. В 1874 г. П. Ткачёв и П. Лавров скрестили шпаги в споре: за или против якобинства [46]. Молодые народники поддержали Лаврова [47]. Именно возглавляемое им течение задало тон революционному движению середины 70-х гг. Сторонники Лаврова презирали писания и деятельность ткачевской газеты «Набат», разделявшей с французскими бланкистами культ якобинцев 1793 г. [48] Внутри России открыто встала на сторону «Набата» одна лишь группа Заичневского, но она была малочисленна и действовала только в Орле [49]. Народовольцы, в которых современники и историки усматривали идейное родство с ткачевским течением, не признавали себя якобинцами. Вот что они писали своим товарищам за границей:

«Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. Поэтому мы лучше объясним вам. Во-первых, слово «якобинизм» в России очень *загажено болтунами*, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами *называть не согласны* Затем, мы по убеждениям и стремлениям *государственники*, т. е. признаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность Это сила, а потому она должна быть умно организована Государственная власть была, есть и будет, вероятно, всегда .. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захва-

тить ее, так как народ, *пока* он раб, тысячи условий ее все равно не удержит. Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы ее не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ. Значит ли это, что мы якобинцы? Но что касается дальнейшего, то мы это народное опекание в вечную систему не вводим... Но если мы даже якобинцы, то этого не проповедуем, потому что это была бы болтовня. Этим мы могли бы только вооружить против себя и дать повод к обвинению в деспотизме. Зачем же говорить?» [50].

О такой же позиции внутри «Народной воли» свидетельствует Вера Фигнер:

«Да и все мы были недовольны, так как не признавали себя якобинцами. Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории. (...) Как далеки мы были от якобинизма, показывает письмо Исполнительного Комитета к Александру III после 1-го марта 1881 года» [51].

Народники, включая народовольцев, были против якобинизма, и если им указывали на следы якобинизма в их собственных действиях, они не желали это признавать. Быть якобинцами в их глазах было постыдно [52]. Такое представление об отношении между народниками и русскими якобинцами, создавшееся благодаря свидетельствам современников и работам историков, — русских, советских или западных. Оно основано на высказываниях самих народников, и действительно позволяет думать, будто бы они отвергали якобинизм и стремились отмежеваться от его российских глашатаев. Напротив, если не ограничиваться мнением, восходящим к самим действующим лицам, а обратить внимание на то, что подчас помимо воли прорывается в их оценках Французской революции, то можно всерьез усомниться в твердости их антиякобинской позиции. Приведем несколько примеров. Покушение на барона Гейкинга и убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова, совершенные народниками в 1878 г., ставились газетой «Земля и воля» в один ряд с покушениями на монархов Германии, Испании и Италии. Газета оправдывала эти террористические акты, как законные, ссылаясь на Французскую революцию.

«Осмеянный Вольтером, проклятый Руссо и подкопанный в корень энциклопедистами, порядок этот был потрясен до основания, и человечество вступило в новый период всемирной истории — период революций! Хотя революция 1789 г., провозгласившая ниспровержение идолов и права человека, не успела осуществить свои задачи, но семя брошенное ею, не пропало бесследно, суд над Людовиком XVI и грозные слова, раздавшиеся во время его с «Горы» Конвента: «Людовик Капет повинен в смерти уже за то, что был королем!» — глубоко запали в памяти народов» [53].

Несмотря на внешне антиякобинскую позицию, организация «Земля и воля» сама ставила себя в ряд, восходящий к Горе.

В организации «Народная воля» следы аналогии видны еще более явно. Будучи убеждены, что энергичная авангардная группа есть движущая сила революционного движения, народовольцы утверждали: «Во Франции во время революции эту группу долгое время составляли якобинцы; в России ту же роль играет Исполнительный комитет» [54]. Они настаивали на своем сходстве с деятелями Французской революции для того, чтобы расположить западное общественное мнение к себе и своей борьбе против царизма. Так, С. Кравчинский упрекал своих товарищей, таких же как он эмигрантов, что те не видели во французских революционерах части самих себя. Он сожалел, что не мог им внушить: сегодняшние террористы это люди 1793 и 1789 гг. во Франции, канонизированные по всей Европе [55]. Конкретное обращение к той же аналогии обнаруживается у Веры Фигнер, когда она описывает знаменитого народовольца Михайлова:

«Узкие рамки русской жизни не дали ему возможность развернуть свои силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером» [56].

Наконец, народовольцы были почти якобинцами в глазах Аксельрода, члена организации «Черный передел» [57]. Порвав с народовольцами из-за несогласия по вопросам политической борьбы и индивидуального террора, оставаясь верной аграрному народничеству, организация «Черный передел» упрекала их именно в тенденции к якобинизму и даже в сходстве с якобинцами 1793 г. В первом номере газеты «Черный передел» оспаривался тезис о борьбе за политические цели (народный суверенитет, всеобщее избирательное право) и утверждалось, что такая борьба, так же как и якобинская доктрина, совершенно недостаточна для страны, где центральной проблемой остается перераспределение земли. Политический переворот и диктатура «именем народа», не опирающаяся на инициативу народа, будут лишь очень непродолжительны.

Впрочем, члены «Черного передела», сторонники федеративного устройства и противники централизации власти, объясняли, что Робеспьер, Дантон и Марат пожертвовали жизнью не за народ, а за «Республику единую и неделимую», которая отвечала их интересам. Великие принципы (нация, народный суверенитет, равенство) были лишь политическим маскарадом, который позволял якобинцам думать и делать, что они хотели [58].

В итоге, тип революционера, о котором мечтали народники, страдал двусмысленностью: с одной стороны, ими использовались аналогии, а с другой — они отказывались идентифицировать себя с якобинцами.

Глава III

«Большевики — якобинцы» и «меньшевики — жирондисты» лицом к наследию

Навязчивая идея отставания России, с начала XIX века не отпускавшая русское освободительное движение, не вела, однако, революционеров к стремлению наверстать упущенное целою повторения Французской революции. Они воображали чисто русскую, в своей основе новую, революцию, которая имела бы исторической задачей превзойти достижения Французской. Герцен, к примеру, доходил до того, что в самих пороках российской отсталости находил условия более радикальной, чем Французская, революции. Исходя из идеи о необходимости различать освобождение политическое и освобождение социальное, Чернышевский, скептически относившийся к парадоксальной мысли, что признаки отставания есть преимущество, предлагал в антропологической философии своего рода постепенное, рассчитанное на очень длительный срок движение к результатам, превосходящим политическую революцию по французскому образцу. У народников, стремившихся воплотить в жизнь идеи двух теоретиков, критика якобинских традиций стала непременным условием их собственного радикализма. Но при этом их усилия, направленные на создание революционера нового типа наталкивались на скудность воображения, которое не шло дальше якобинца 1793 года.

НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Когда на русской исторической сцене появляются социал-демократы, они наследуют определенные представления о Французской революции как на уровне рационального осмысления, так и на уровне, который можно было бы назвать «революционной ментальностью». Первый уровень можно проследить по вполне определенным высказываниям: рационально предшественники социал-демократов совсем не думали о новом 1789 г., так как считали устаревшими содержание и методы Французской революции. Напротив, на втором уровне, который можно проследить по аналогиям, устойчивым в нескольких поколениях революционеров, заметно то, что оставляет скрытым первый, открытый способ выражения: Французскую революцию с идеологической точки зрения отвергают (или, по крайней мере, претендуют на то, что отвергают), но ментальности тем не менее остаются несвободны от нее. Революционеры сохраняют по отношению к ней слабость, восходящую к усвоенным с детства и питающим их среду мифам. Революционер порожден якобинским примером, независимо от того, сознает ли он это (как Заичневский, Нечаев и их друзья) или не сознает (как народовольцы).

Социал-демократы как будто снимают двусмысленность, присущую их предшественникам, но вместе с тем доводят ее до предела возможного. Отброшенные ранее террор и диктатуру социал-демократы на теоретическом уровне вновь берут на вооружение, объявив о своей готовности их использовать, владея ими лучше, чем это делалось прежде. В самом деле, начиная с конца XIX в. они стали признавать допустимость массового террора типа 1793 года, противопоставляя его индивидуальному террору, который практиковали народовольцы и социалисты-революционеры [1]. Они считали, что если ход революции требует массового террора, то не следует колебаться в его применении. Этот взгляд защищал прежде всего Плеханов, главный критик народничества. Подчас он делал это с большим пафосом, например, в 1902 г. во время собрания, посвященного обсуждению терроризма социалистов-революционеров. Вот в каких словах передает это очевидец В. А. Поссе:

«Говорил он с продуманной жестикуляцией, говорил красно, точнее пестро: так и сыпались остроты, цитаты из Крылова, из Гоголя, из Щедрина Несмотря на это или именно поэтому, слушать его было жутко, ибо легкая шутливая форма особенно ярко оттеняла жесткость содержания.

Нападая на террор социалистов-революционеров, он восхвалял террор Великой Французской революции, террор Робеспьера

Каждый социал-демократ, — говорил Плеханов, — должен быть террористом à la Робеспьер. Мы не станем подобно социалистам-революционерам стрелять в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них и многих других гильотину на Казанской площади» [3].

В самый разгар спора Плеханов заходил так далеко, что тишина, сопутствовавшая его речи, прерывалась выкриками «Какой ужас!», «Какой стыд!», «Якобинцы!», «Убийцы!». [4].

Плеханов высказал, хоть и в провокационной форме, самую суть позиции социал-демократов: если надо, гильотина будет пущена в ход. Однако ни он, ни его друзья не верили, что террор станет в какой-то момент действительно необходим: ведь Коммунистический манифест и международное рабочее движение открыли ясные перспективы и должны были облегчить и упрочить победу пролетариата. В статье, написанной по случаю столетия Французской революции, Плеханов уточнял причину такого оптимизма:

> «Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия, наверное, не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь самой историей, что ему не будет надобности в терроре. Конечно, буржуазные реакционеры хорошо сделают, если постараются не попадаться в железные объятия победоносного пролетариата. Они поступят благоразумно, если не будут подражать монархическим заговорщикам первой революции. A la guerre comme à la guerre, справедливо говорит пословица, и в разгаре борьбы заговорщикам может прийтись плохо. Но, повторяем, успех пролетариата обеспечен теперь самой историей» [5].

Примерно тогда же, когда и Плеханов, Ленин противопоставлял террор масс индивидуальному террору. В его глазах террор законен как «одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы», а не как «самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения» [6].

Квалифицируя индивидуальный террор как «революционный авантюризм», он утверждал, что террор должен практически смешаться с массовым движением.

> «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» [7]

Под принципом насилия Ленин понимает ярость масс, борьбу на баррикадах или вооруженное восстание. Он твердо верит, что революционеры окажутся способными включить террор в свою тактику, контролировать его и подчинить интересам рабочего движения.

> «Разве традиция такой именно борьбы, традиция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путем обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы» [8].

Такое понимание террора зародилось в борьбе между социал-демократами и народниками. Поначалу оно было практически одинакового присуще и меньшевикам и большевикам, но с 1905 г. оно стало различаться в зависимости от представлений, которые те и другие имели о связи террора и диктатуры.

1905 г. продемонстрировал большевикам активное участие крестьянства в революционных событиях. Ленин объяснял этот теоретически неожиданный для социал-демократов феномен тем, что русское крестьянство стремилось к тем же целям, что прежде ставили перед собой французские крестьяне. Он полагал, что крестьянский вопрос в России ставится так же, как когда-то ставился во Франции. И тогда обратился к Французской революции, которая согласно международной марксистской традиции уже не имела непосредственной актуальности [9]. Ленин, напротив, говорил, что эта революция все еще представляет интерес для России. Начиная с весны 1905 г. он задается вопросом: «Революция типа 1789 или типа 1848 года?»

> «Важный вопрос относительно русской революции состоит вот в чем:
>
> 1. Дойдет ли она до *полного* свержения царского правительства, до республики,
>
> 2. или ограничится урезкой, ограничением царской власти, монархической конституцией?
>
> Или иначе. суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года?
>
> Что социал-демократ должен желать и добиваться первого, в этом вряд ли возможны сомнения» [10].

Взвешивая возможности того или иного варианта, Ленин заключал, что русская революция будет аналогична революции 1789 г. Сходство между Францией XVIII в. и современной ему Россией он усматривал прежде всего в следующем: крестьянству, впавшему в невправдоподобную нищету, нечего терять, а самодержавие, воплощающее в себе чисто азиатский деспотизм, нужно сокрушить. Революция типа 1848 г. к тому же неудавшаяся, недостаточна как для того, чтобы вывести крестьянство из нищеты, так и для того, чтобы покончить с самодержавием.

Но и несходство с Францией XVIII в. также служит Ленину аргументом в пользу типа 1789 г. Особенно он подчеркивает существование теперь, в начале XX в., достаточно развитого и организованного пролетариата. В России, где буржуазная ре-

волюция может приобрести очень большой размах из-за аграр ного кризиса и благодаря участию крестьянства, т. е. миллионо мелких буржуа, пролетариат же может сыграть решающую ро в победе революции, если только его партия сумеет направи борьбу на установление «революционно-демократической дик татуры пролетариата и крестьянства». Под этим странным вы ражением Ленин понимал диктатуру, прототип которой суще ствовал в 1793—1794 гг.

> «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших сл ев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это был именно такое полновластное учреждение, в котором господствовал всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а просто народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат крестьянство» [11].

Примером Конвента Ленин, несомненно, руководствовался при ответе на жгучий для России политический вопрос: об Уч редительном собрании. Согласно резолюции, принятой в 1905 г IV съездом РСДРП, на котором восторжествовала ленинская тактика, недостаточно созвать Собрание. Лишь вооруженное восстание может сокрушить самодержавие; оно должно приве сти к власти временное революционное правительство, способ ное на деле обеспечить демократические условия для выборов на основе всеобщего избирательного права. Давление снизу — «революционно-демократическая диктатура пролетариата крестьянства» — должно было гарантировать реальную власть избранному таким образом Собранию для установления нового порядка. Эта диктатура по образцу Конвента должна была обеспечить успех крестьянского восстания, искоренив остатки феодализма так же решительно, как это было сделано во Фран ции. Она должна была осуществить демократические преобразо вания. Разоблачая слабость русской буржуазии, готовой к ком промиссу с царизмом, Ленин заключал, что без «революционно демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» рес публика в России невозможна [12].

Этот план назван Лениным программой-минимум, и здесь сочетание диктатуры и террора предназначено для решения за дач буржуазно-демократической революции типа 1789 г. Однако борьба, размах которой диктуется Историей, которая должна привести к установлению социализма, на этом не прекратится Затем предусмотрена программа-максимум, соответствующая социалистическим задачам пролетарской партии.

> «Он (революционный социал-демократ. — Т. К.) будет мечтать — он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер, — о том, чт после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энерги

> рабочего класса в России нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны власть предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»· тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий ..» [13].

Следовательно, террор должен играть не совсем ту же роль, что во Франции, где он был не чем иным — Ленин повторяет тут слова Маркса, — как «плебейским способом разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией» [14]. Непосредственно накануне взятия власти, летом 1917 г. Ленин заявляет, что террора, дискредитировавшего якобинцев, можно было бы избежать.

> «Якобинцы XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование. Достаточно было бы арестовать 50—100 магнатов и тузов банкового капитала .. на несколько недель, *чтобы раскрыть их проделки...* Раскрыв проделки банковых королей, их можно бы выпустить, поставив под контроль рабочих и банки, и синдикаты капиталистов, и всех подрядчиков, «работающих» на казну» [15]

Сделал ли он это заявление из тактических соображений (социалисты-революционеры выступали в это время против смертной казни) или потому, что соотношение сил представлялось ему тогда благоприятствующим большевикам, все равно он упустил из виду, хотя может быть и не забыл, что логика развития конфликта может привести к террору.

Меньшевики выработали в 1905 г. другое мнение. Их точку зрения выразил Мартынов в брошюре «Две диктатуры», направленной против ленинской теории. Он критикует Ленина за намерение сочетать «незаконной связью» марксизм и якобинизм, а идеи Ленина о русской революции он квалифицирует как «ортодоксальное якобинство», представляющее собой исторический анахронизм, пагубный для дела социализма [16]. Под якобинством Мартынов понимает каррикатурные идеи о взятии власти и о диктатуре, которые развивались эпигонами якобинцев из Конвента, сами же якобинцы в его глазах остаются великими революционерами.

> «Я указал на то, что неизбежным логическим выводом из всякого рода якобинства и венцом всякого якобинства является идея револю-

ционной диктатуры в ближайшей революции. Несомненно, что эт заманчивая идея смутно рисовалась воображению наиболее рьяны смелых и последовательных «учеников» Ленина Несомненно, что эт мечта «окрыляла» и самого Ленина Разрушьте эту «мечту» о ре волюционной диктатуре в ближайшей революции, и вместе с ней не избежно разрушится и якобинский план подготовки восстания, и як бинский метод завоевания гегемонии, и вся вообще карточная по стройка Ленина» [17].

Согласно Мартынову, возможны только две диктатуры:

« современное буржуазное общество запишет в свою истори только две революционных диктатуры революционную диктатуру край них элементов буржуазии на его заре и революционную диктатуру пролетариата на его закате» [18].

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» кажется ему противоречащей марксизму. Отсылая к «Классовой борьбе во Франции», он утверждает, что Маркс был далек от мысли о возможности совместной работы политических представителей пролетариата и мелкой буржуазии над строительством нового общества. Опираясь на Маркса Мартынов утверждал, что когда мелкобуржуазные демократы берут власть, отстранив крупную буржуазию, пролетариат должен сплачиваться вокруг своей собственной, стоящей в оппозиции партии и оказывать на мелкобуржуазное правительство давление критическими выступлениями и агитацией [19]. Если пролетариат добьется гегемонии, как думает Ленин, то он сможет установить свою собственную классовую диктатуру, не сотрудничая с мелкой буржуазией (в России — крестьянством). Но в таком случае на повестке дня в России встанет уже не буржуазная революция, а революция социалистическая, для нее же еще не созрели условия. Мартынов упрекал Ленина, что в борьбе против самодержавия тот пренебрегал классовыми антагонизмами. Мартынову представлялось опасным воскрешать политический проект диктатуры, как это делал Ленин, в XX веке, в контексте борьбы между пролетариатом и буржуазией. Пролетариат в России малочислен, не проникнут в достаточной мере социал-демократическим сознанием, он еще не достаточно зрел, чтобы удержаться у власти, так что революционное нетерпение Ленина приведет к диктатуре его партии

«Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии. Представьте себе, что партии, состав членов которой судо до участия в ней только профессиональных революционеров, удалос «подготовить, *назначить* и провести всенародное вооруженно восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля *назначи* бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? (...) Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть

оказанного ему раньше народом доверия, вынуждена была бы, *обязана* была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции» [20].

В условиях, когда пролетариат еще не обрел необходимого классового сознания и не способен вести собственную классовую политику, — например, в Европе в 1848 г. или в России в 1905 г., он обречен на поражение. Если ему и удастся на какой-то момент захватить власть, его партия будет вынуждена прибегнуть к террору прежде, чем переродиться в цезаризм, открытую диктатуру буржуазии. Правило здесь не имеет исключений: чем меньше класс имеет шансов удержаться у власти, тем больше он склоняется к террору. Итог своей аргументации Мартынов подводит в шести пунктах расхождений с большевиками, выражая в них позицию меньшевиков.

«1) Партия отвергла положение Ленина, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, есть революционный социал-демократ. (...)

2) Партия отвергла якобинскую теорию Ленина об отношении стихийности к сознательности, теорию о тред-юнионизме рабочего класса и о внесении социализма только извне. (...)

3) Партия отвергла ленинскую теорию «хождения во все классы», теорию якобинской гегемонии и противопоставила ей теорию хождения пролетариата во все классы, борьбу пролетариата с буржуазией за влияние на ход революции (...)

4) Партия отвергла якобинский «организационный план» Ленина, скопированный с бакунинско-нечаевской Alliance de la démocratie socialiste. (..)

5) Партия отвергла ленинский план подготовления восстания, заимствованный с некоторыми модификациями у якобинца Ткачева. (...)

6) Партия отвергла задачу «хотя бы временного захвата власти» и революционной диктатуры в предстоящей России буржуазной революции партия признает, что социал-демократия есть и останется партией революционной оппозиции вплоть до социалистической революции». (. .) [21]

Таким образом, беря на себя роль выразителя идей социал-демократической партии, Мартынов отвергал «якобинские теории Ленина». Как и многие его предшественники, как Плеханов и другие меньшевики, Мартынов старался не попасться в ловушки, уготованные потомкам Французской революцией.

С этой точки зрения из меньшевиков особенно интересен Плеханов, когда он на IV съезде поднял вопрос о гарантиях против реставрации. Съезд проходил в апреле 1906 г., когда волна революции временно отступила, чтобы летом обрушиться снова в неистовстве крестьянских волнений. Съезд ясно показал различия в тактике большевиков и меньшевиков, но формально он объединил два течения. В центре дебатов был пересмотр

аграрной программы, по поводу которой Плеханов критиковал выдвинутую Лениным идею национализации земли. В России, где земля веками была присвоена государством, подобная мера облегчила бы реставрацию, и Плеханов в резкой форме ставил под сомнение весь план осуществления революции, разработанный Лениным:

> «Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации, а такой гарантии нет и быть не может! Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация» [22].

Ленин разрешал трудность, различая «полноту» и «относительную» гарантии. Он признавал, что полная гарантия практически невозможна.

> «Где гарантия от реставрации, спрашивал тов. Плеханов. (. .) Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации... то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе, никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может» [23].

Но затем характер его речи меняется так, что можно понять, что такая гарантия не совсем исключена. Что же касается относительной гарантии, то Ленин видел ее в своем собственном проекте.

> «...Если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: (такой) гарантией является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников (...), чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации» [24].

Итак, если унаследованные от предшественников проблемы продолжали тревожить меньшевиков, то позиция Ленина и шедших за ним большевиков была очень оптимистична. Они объявляли, что готовы в нынешних условиях, в XX в. взять на себя ответственность за якобинские методы (диктатуру и террор), благодаря им достичь результатов, отвечающих интересам пролетариата и крестьянства, и при этом избежать реставрации.

СОМНЕНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ВОПРОСЕ О РОДСТВЕ С ЯКОБИНЦАМИ

Оптимизм позиции большевиков не означал однако, что она была окончательно и ясно сформулирована. Показательно в этой связи отношение большевиков к применению аналогии, к уподоблению их якобинцам.

В начале 1901 г. Плеханов впервые, размышляя о международном социалистическом движении, в том числе и русском, стал проводить аналогию с Французской революцией:

> «Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа... Немало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «горы» с социал-демократической «жирондой» [25].

Этой статьей открылась трехлетняя кампания против социал-демократической «жиронды», т. е. органа «экономистов» «Рабочего дела» [26]. Экономисты, отказываясь от идеи революционной партии, стремились лишь помочь рабочему классу в его стихийной экономической борьбе, в стачках. Такую позицию Плеханов и Ленин расценивали как оппортунистическую и по отношению к ней считали себя монтаньярами. В 1902 г. после II съезда социал-демократической партии произошел раскол на меньшевиков и большевиков, и «Гора» в свою очередь раздробилась. Ленин стал упрекать в «жирондизме» Плеханова, а тот — критиковать Ленина за якобинизм. В 1903 г. в статье «Объединение русской социал-демократии и ее задачи» [27] П. Аксельрод, разделявший позиции Плеханова, уточнял, что якобинскую тенденцию внутри РСДРП представляют большевики. Ведь именно они вслед за Лениным считали, что партия — это организация профессиональных революционеров и отстаивали «утопическую» идею привести к власти радикальную буржуазию (то есть крестьянство) и пролетариат. Аксельрод критиковал такую тенденцию, утверждая, что она превращает членов партии в маленькие винтики, которые в будущем организуют якобинский клуб. Он полагал, что борьба с самодержавием не требует партии такого типа, ибо речь идет о решении буржуазных задач. В самом лучшем случае революционное движение приведет к кратковременному господству опирающихся на пролетариат радикалов, как это было во Французской революции, но в конце концов власть захватит буржуазия. Большевики могут переоблачаться в якобинские одежды, как французские революционеры воображали себя в римских тогах, но «переодева-

ние» лишь скрыло бы истинное содержание движения, ограниченного рамками буржуазных задач.

Вслед за Аксельродом противники стали часто называть большевиков «якобинцами», вкладывая в определение смысл — «неоякобинцы» или «бланкисты». Мартынов специально подчеркивал это в работе «Две диктатуры»[28], а Плеханов, говоря на IV съезде РСДРП о расхождениях с Лениным по аграрному вопросу, доходил в обобщении до следующего заявления: «бланкизм или марксизм, — вот вопрос, который мы решаем сегодня»[29]. Со своей стороны, большевики, и в первую очередь Ленин, охотно сравнивали себя с «великими якобинцами» 1793 г., но отнюдь не с бланкистами. Отныне по этому вопросу, как и по многим другим, между меньшевиками и большевиками будет идти диалог глухих.

В позиции большевиков, воплощением которой был Ленин, наблюдалось три типа реакции на обвинения в якобинизме. В зависимости от того, какой аспект якобинизма вменялся в вину, большевики либо полностью отвергали аналогию (в вопросе о классовом характере революции), либо занимали двойственную позицию (в вопросе о методах борьбы), защищая наследие якобинцев, а не их «эпигонов», либо, наконец, говоря об исторических целях революции, впадали в противоречие, так как утверждали, что их задачи те же, что и задачи Французской революции, и вместе с тем социалистические убеждения влекли их к иным горизонтам.

Классовый характер революции

Большевики категорически отвергали какое бы то ни было уподобление, когда речь шла о классовой природе движения. В качестве «авангарда пролетариата» они не признавали в себе никакого сходства с «мелкобуржуазными революционерами» XVIII в. Для Ленина, часто пользовавшегося этим сравнением, оно означало корреляцию двух революционных течений XVIII и XIX вв., а не отождествление этих течений самих по себе[30].

> «Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программы, лозунги, способы действия. Ничего подобного. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы»[31].

Так же энергично он отмежевывался и от русских «якобинцев» периода народничества, которых обвинял по обстоятельствам то в слишком больших надеждах на крестьянскую общину, то в недооценке роли капитализма в России, что в том и другом случае означало квалифицировать их термином «мелкобуржуазные».

Методы борьбы

На вопрос о методах борьбы большевики давали двойственный ответ. С одной стороны, они признавали законность революционных действий якобинцев XVIII в. Тексты Ленина 1904—1905 гг. пестрят призывами не пренебрегать якобинским способом действия[32], не изображать якобинизм «вздорным пугалом»[33], и по-плебейски покончить с самодержавием[34]. В этом требовании Ленин часто ссылался на Маркса и Энгельса, а в пылу спора доходил до того, что называл Энгельса «настоящим якобинцем социал-демократии»[35].

С другой стороны, можно заметить, что отношение большевиков к наследию русских «якобинцев» дифференцированно: они берут на вооружение часть их арсенала (концепция партии-авангарда, привнесения политического сознания в народ извне, борьба за власть методом вооруженного восстания и установление революционной диктатуры), но не приемлют тактику заговора и вообще «бланкистский» дух.

> «Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны, в заговоры они не верят, думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»[36].

Другой пример: в 1905 г. Ленин критиковал решение Женевской конференции, где меньшевики приняли резолюцию об образовании революционных коммун в городах и регионах, в противовес резолюции III съезда, в которой, в свою очередь, говорилось о временном революционном правительстве. Он пишет буквально следующее: «Употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более» и продолжает:

> «Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделываться ссылкой на нее без разбора ее

ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять не
лепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (
1874 г. в своем манифесте) перед каждым актом Коммуны»[37].

Бланкизм в любом случае осуждался[38], и в то же время са
Ленин приводил членам партии в пример русских представите
лей этого движения в 70—80-х гг., сознававших или нет свою
принадлежность к бланкизму. В работе «Что делать?» подобна
двусмысленность бросается в глаза. Прежде всего видно вос
хваление:

«...превосходная организация, которая была у революционеров
70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом
создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*... Таким образом
видеть в боевой революционной организации что-либо специфическое
народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* ре
волюционное направление, если оно только действительно думает
серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в
том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к
своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на
решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, и
великая историческая заслуга». (...)

Через несколько строк восхваление уравновешивается не
приятием заговора, но сразу же вслед за этим Ленин косвенно
как бы присваивает себе как раз эту самую бланкистскую так
тику:

«Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против
сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовс
не означало отрицания необходимости крепкой революционной орга
низации... настолько крепкой, чтобы она могла «прибегнуть для нане
сения решительного удара по абсолютизму» и к «восстанию» и ко
всякому «другому приему атаки» (Ленин цитирует «Задачи» — Т. К)
По своей форме такая крепкая революционная организация в само
державной стране может быть названа и заговорщической органи
зацией... конспиративность необходима такой организации в макси
мальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое ус
ловие такой организации, что все остальные условия (число членов
подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Был
бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что
мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию
Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага «эко
номизма», как и обвинения в «народовольчестве»[39].

Это противоречие у Ленина было замечено его критиками
например, В. П. Акимовым, который сформулировал его в виде
противоречия между функцией и формой:

«1) По своим функциям социал-демократическая организация есть
отражение заговорщических приемов борьбы и рассчитана на то
чтобы вызвать «отклики», «поддержку» масс.

2) По своей форме эта организация должна быть заговорщи
ческой.

В этом противоречии функциональной и формальной стороны со
циал-демократической организации сказалось основное противоречие
во взглядах Ленина, отразилась его позиция промежуточной системы
между партией социалистического заговора, Народной воли и партией
пролетарского социализма, социал-демократией»[40].

Аналогично высказался, со своей стороны, Д. Б. Рязанов: «За
говорщическая организация социал-демократии это логический
абсурд»[41]. Объясняя К. Каутскому расхождения внутри рус
ской социал-демократической партии, П. Аксельрод разоблачал
бюрократическо-бонапартистский режим, который Ленин и его
сторонники навязывали партии: «централизм», «строгая дисцип
лина»... конкретизируются требованием беспрекословного «повино
вения» и «подчинения», требованием, вырождающимся на
практике не в «якобинизм», бланкизм и т. п., а в самую что ни
на есть заурядную жалкую каррикатуру на бюрократическую
бюрократическую систему нашего министерства внутренних
дел»[42]. К этим пассажам хорошо, впрочем, известной полемики
вокруг организационного плана Ленина, добавляется неистовая
критика Троцкого, тем более интересная в связи с нашей темой,
что Троцкий в своих рассуждениях более, чем кто-либо другой,
обращался к аналогиям.

В самом деле, Троцкий, подобно Розе Люксембург или дру
гим, не только критиковал ленинское определение социал-де
мократа («якобинец, неразрывно связанный с организацией
пролетариата, осознавший ее классовые интересы»), но усмат
ривал в нем ключ к самой сути спора:

«Эта формула должна санкционировать политические и теорети
ческие завоевания, сделанные ленинским крылом нашей партии. В ней,
в этой маленькой формуле скрывается теоретический корень разно
гласий по злосчастному § первому устава, как и по всем тактическим
вопросам»[44].

Еще более красноречиво название главы, открываемой этой
цитацией. Оно сразу сообщает читателю, как Троцкий, в от
личие от Ленина, видит стоящую перед партией проблему: «не
якобинец и социал-демократ, а якобинец или социал-демократ».
И наконец, именно Троцкий защищает позиции и тактику мень
шевиков, обращая внимание как раз на якобинизм, от которого
Ленин не хотел отмежевываться, и на его скрываемую привер
женность бланкизму.

«В ортодоксальной Горе начался процесс самопожирания. — «Оте
чество в опасности! Caveant consules!» — и тов. Ленин превратил
скромный Совет во всемогущий комитет Общественного Спасения, да
бы взять в нем на себя роль «неподкупного» Робеспьера. Все, что

стояло на пути, должно было быть снесено, — и тов. Ленин не остановился перед разгромом искровской Горы, только бы получить возможность через посредство Совета беспрепятственно насадить «республику добродетели и ужаса»[45].

«...Режим, который в *интересах своего поддержания* начинает изгнания целого ряда лучших работников литературного и практического дела, такой режим обещает слишком много казней и слишком мало хлеба. Он неизбежно вызовет разочарование, которое может оказаться роковым не только для Робеспьеров и илотов централизма, но и для идеи единой боевой партийной организации. Тогда хозяевами положения окажутся «термидористы» социалистического оппортунизма, и двери партии действительно распахнутся настежь...»[46].

Этот отрывок из Отчета сибирской делегации II съезда РСДРП в зачаточном виде содержит основную идею, развитую затем в работе «Наши политические задачи» и для нашей темы важнейшую: что бы ни говорили Ленин и его сторонники, они с неосознанным старанием копируют якобинцев. Троцкий объявляет, что говоря о якобинизме и о социал-демократии, он имеет в виду два мира, две доктрины, две тактики, два отделенных друг от друга пропастью миропонимания[47]. Троцкий старается доказать, что Ленин возводит теоретический мост между революционной буржуазной демократией (якобинцев) и пролетарской демократией[48] и что своим определением социал-демократа-якобинца он затемняет четкий классовый характер социализма[49]. К эволюции Ленина от марксизма к якобинизму Троцкий относится с иронией, вместе с Аксельродом задаваясь вопросом:

«Почему этой проказнице истории... не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?».

И он не менее иронично отвечает:

«Вождем *революционной* буржуазной демократии может быть только *якобинец*. Он соберет свою армию, — она будет не велика и не грозна эта армия! — вокруг бряцающих лозунгов суровой «диктатуры», железной «дисциплины», «призыва к восстанию».

Идеологической формой примирения революционной интеллигенции с ее ограниченной буржуазно-революционной (якобинской) ролью может явиться марксизм, — разумеется, не его классовое социалистическое содержание, а его формальные рамки, настолько опустошенные, что этот ортодоксальный «марксизм» можно *связать* с якобинизмом, чтобы получить «революционную социал-демократию»[50].

Так, в брошюре «Наши политические задачи» Троцкий ведет речь об идентификации большевиков[51] с якобинцами, отвергая претензию Ленина на простую корреляцию между двумя движениями.

Исторические задачи революции

На первый взгляд, большевики полностью принимали аналогию с якобинцами, поскольку сравнивали «задачи» Французской революции с теми задачами, которые они намечали решить в России. Заявив в 1905 г., что русская революция будет буржуазно-демократической типа 1789 года, а не социалистической, большевики признали своими «задачи», которые революционеры обычно относили на счет французских якобинцев. В то же время социалистические убеждения большевиков подтачивали аналогию. В 1917 г. в «Апрельских тезисах» Ленин решительно поставил ее под вопрос, когда утверждал, что теперь буржуазно-демократические задачи могут быть быстро решены, это может быть сделано «мимоходом», в ходе революции под руководством пролетариата и его партии, и что в рамках той же революции можно перейти к решению социалистических задач.

При этом, хотя буржуазно-демократические преобразования имели переходный характер и им отводился чрезвычайно короткий срок, все равно теория предполагала, что большевики должны готовиться к роли якобинцев, тем более, что в спорах с меньшевиками они давно уже использовали по отношению к себе наименование «якобинцы». Но ведь исполнение роли неумолимо должно было привести большевиков к идентификации себя со своими героями. Так что *просто аналогия*, о которой всегда говорил Ленин, должна была превратиться в идентификацию, тем более, что тип революционера так и не стал новым. Конечно, в 1917 г. на большевиках лежал отпечаток усилий многих лет, прошедших после выхода книги «Что делать?», по формированию революционера нового типа, определяемого одновременно партией и задачами, существенно отличающимися от французских XVIII в. и русско-якобинских XIX в. Но не менее важным оставалось и то, что большевики не знали других примеров самоотречения и революционной отваги, кроме Робеспьера и Дантона, членов «Земли и Воли» и «Народной Воли». Русские или французские, якобинцы были единственным символом революционера. В самый момент основания партии восхищение боевыми качествами руководителей «Народной Воли» побуждало Ленина мечтать о «социал-демократических Желябовых»[52]. И в самом деле, позже, накануне 1917 г., большевики оказались перед противоречием между прославлением предшественников, возводимых в ранг образца, и поисками собственной идентичности. И это отразилось на характеристиках, которые давали большевикам их противники, когда, например, Плеханов говорил, что Ленин сделан из того же «теста», что и Робеспьер[53], Мартов приписывал Ленину бонапартистские амбиции[54], а Троцкий называл его «Максимилианом Лениным»[55].

Итак, колебания идентифицировать себя с якоинцами или не признавать сходство, показывают, что аналогия была средоточием сомнений большевиков относительно своей идентичности и существа выдвинутых задач. Была проблемой важной, но накануне взятия власти все ещё нерешенной.

Глава IV

Пробуждение исторического сознания (1917—1921 гг.)

Большинство аналогий, упоминавшихся в предыдущих главах, известны историкам русского революционного движения. О них упоминается в биографических очерках, в книгах по истории идей и партий, но они никогда не рассматривались глобально. Я представила их именно так потому, что в свете революции 1917 г. они приобретают смысл как целое, перестают быть выразительными метафорами, риторическими фигурами или конъюнктурными отсылками к прошлому, если учесть их вторжение в политику 20-х гг.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНАЛОГИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИИ

Революция 1917 г. повлияла на частоту употребления аналогий и на их смысл. Начиная с февральских событий, как с французской, так и с русской стороны, нарождавшуюся в России революцию стали сравнивать с аналогом.

> «Французская лига прав человека и гражданина получила разрешение провести (1 апреля 1917 г.) большое публичное собрание, единственное, имевшее место в Париже в годы войны. Русских революционеров там славили, сравнивая с французскими революционерами, с людьми 1792 и 1793 гг., и точно так же царя сравнивали с Людовиком XVI, а царицу — с Марией-Антуанеттой»[1].

Примеры можно было бы множить, констатируем только, что аналогии стали использовать чаще и по любому поводу. Что же касается смысла аналогий, то здесь, напротив, требуются более детальные наблюдения.

Распространение аналогий отражало пробуждение исторического сознания. Начиная с 1917 г. они перестали быть прерогативой узкого круга социал-демократов; в сопоставления пустились все политические деятели, журналисты, историки, интеллектуалы и даже просто люди с улицы. Произошло смещение и в объекте сравнения: если раньше оно затрагивало революционеров, то теперь и сами происходящие события классифицировались в зависимости от степени схожести с событиями Французской революции.

Типологизация сравнений, употреблявшихся небольшевиками (симпатизировавшими или враждебными революции, в России или за рубежом), и тех, что распространяли сами большевики, поможет лучше понять перемену в судьбе аналогий.

Прежде всего, сравнения, порожденные стремлением точно определить сходство и различие между двумя революциями. Такого рода статьи и брошюры исходят из самых разных политических кругов, как внутри страны, так и вовне. В зависимости от политической ориентации автора и от того, в какой степени он склонен опираться на аналогию, обнаруживается три типа толкований.

Первое отражает экзальтированное восприятие происходящего в России и распространено среди зарубежных или русских, плохо информированных наблюдателей, которые мало озабочены исторической точностью. Такое толкование характерно для французов, активно участвовавших в русской революции в первые ее годы. Виктор Серж особенно красноречиво выразил эту разделявшуюся многими его соотечественниками позицию:

> «Между французской и русской революциями прочерчиваются поразительные параллели, вплоть до подробностей событий и действий. Впечатляющие совпадения наблюдаются даже в датах» [2].

Названия его хроник: «Первый год русской революции», «II год русской революции», «Версальцы» (участники октябрьских боев 1919 г. под Петроградом), «Набросок параллели: 1793 и 1918 гг.» и другие, хотя и предназначены для возбуждения интереса читателей, тем не менее хорошо показывают типичное восприятие русских событий, которое В. Серж взял на себя труд сформулировать и которого ожидала от него публика.

Аналогии другого типа исходят от историков. Обычно они осторожны, так как убеждены, что историку, как никому другому следует проявлять строгое недоверие к доказательству по аналогии [3].

Матьез, например, употреблял сдержанное выражение «развитие отмечено сходством», а не говорил попросту, что развитие

сходно. А. Олар, который сам же обнаружил черты подобия революций, тут же установил дистанцию:

> «Отмечая сходства между этой революцией и нашей, мы не поддавались исторической или гражданской иллюзии. Мы очень хорошо чувствовали различия, а если и подчеркивали сходство, то только лишь затем, чтобы увлечь русских примером французских патриотов 1792 года» [4].

Есть ли связь между проявляемой осторожностью и политической позицией автора или нет, фактом остается то, что историки, когда они высказывались как таковые, в гораздо большей степени были склонны выявлять расхождения, чем отождествлять или находить общее. Симпатизировавшие большевикам Лабрусс и Матьез и относившийся к ним враждебно Олар сходились в том, что общность имеет поверхностный характер, а расхождения — основополагающий, и их политические пристрастия чувствуются скорее в выборе аргументов. Эти историки стремились умерить увлечение аналогией, напоминая о различиях эпох, и подчеркивая, что речь идет о разных странах и идеологиях, что вопрос крестьянской собственности совершенно оригинален и что социальные результаты русской революции более значительны, чем результаты французской.

Аналогии третьего типа, не столь утонченные в том, что касается исторических ссылок, возводили сходство или различие в ранг абсолютных категорий. Одни, например К. Каутский, считали, что революции идентичны, поскольку их социальное содержание одинаково. Для Каутского русская революция есть последняя великая буржуазно-демократическая революция:

> «Если современная Россия демонстрирует такое сходство с Францией 1793 г., это доказательство того, что она близка к стадии французской революции. (...) Революция в России совершила лишь то же самое, что было во Франции в 1793 г. и позже продолжалось в Германии» [5].

Однако согласно другой точке зрения, распространенной преимущественно среди русских эмигрантов и лучше всего представленной П. Струве [6], две революции, наоборот, радикальным образом различаются. Для Струве феномен, аналогичный русской революции, следует искать в Смутном времени начала XVII в. или в «пугачевщине».

Если мнения о социальном содержании Октябрьской революции расходились, то сходство между большевиками и якобинцами не вызывало сомнений. Журналисты использовали метафору «большевики-якобинцы» как само собой разумеющуюся, а историки специально останавливались на методах русской революции и указывали на их неоспоримую идентичность [7] с

методами, употреблявшимися якобинцами. Матьез, например, часто повторяет, что русская революция «дополнила» Французскую в том, что касается социального содержания, т. е. что одна отличается от другой. Но тот же Матьез не колеблется в вопросе о тесной связи большевизма и якобинизма.

> «В кратком рассуждении я хотел показать, что между методами большевиков и методами французских монтаньяров не только существуют очевидные аналогии, но что одни и другие состоят в тесной связи, их соединяет как бы логическое родство» [8].

Диктатура, установленная большевиками, применявшиеся ими террор, конфискации, экспроприации и реквизиции укрепляли историков и всех толкователей в мысли, что можно, не совершая ошибки, объединять большевиков с якобинцами. Но подчас, как, например, у русских эмигрантов, аналогия зиждилась на убеждении, что главная причина повторения феномена якобинизма состояла в общности психологического типа. А. А. Гольденвейзер, написавший небольшую брошюру «Якобинцы и большевики», основываясь на труде И. Тэна, шел именно в этом направлении, отзвуки его сравнения легко обнаружить в эмигрантской литературе. Деятели революции, пришедшие к власти благодаря социальному потрясению, являли собой низший в интеллектуальном и в моральном отношении тип (чернь). Вот почему, пишет Гольденвейзер, якобинец, взращенный на идеях Руссо, есть брат, если не двойник большевика, воспитанного на идеях Маркса [9]. То, что большевики в глазах как друзей, так и врагов выглядели якобинцами, это известный, не требующий подтверждения факт, но о нем полезно вспомнить, чтобы лучше представить себе атмосферу, в которой первостепенное значение приобрел вопрос: какое продолжение дадут якобинской истории большевики?

В отличие от тех кругов, где преувеличивали, вымеряли или отвергали сходство, сами большевики почти не применяли аналогии. Их брошюры, проводившие сравнения, были редки [10]. Моменты соответствия там едва упоминались, и анализ обычно сводился к трем различиям: существование пролетариата, наличие партии, которую поддерживает «весь народ» и социалистический характер Октябрьской революции. Зато множатся всякого рода Истории Французской революции, в частности издаваемые Петроградским советом [11], или специальные серии, предназначавшиеся для народа (Народная библиотека, Народные чтения, Народные беседы и т. д.) [12]. Там могла быть представлена не вся история революции, а отдельные ее эпизоды: взятие Бастилии [13], процесс над королем [14], революционные войны [15], Декларация прав человека и гражданина [16], Учредительное собрание [17], нравы эпохи Французской революции [18], религия [19], песни и праздники [20], проблема бумажных денег [21] — все эти темы рассматривались в доступной массам форме, а авторами были большевики или их сторонники. Биографии крупных деятелей Французской революции, вроде Мирабо [22], Марата [23], Сен-Жюста [24], Робеспьера [25] ставились в пример молодым коммунистам. Появление большого числа «Историй Французской революции», лепившихся в спешке пропагандистами, уравновешивалось переизданием работ, считавшихся классическими, например, Олара [26], или публикацией документов [27].

Обильная литература должна была, по мысли большевиков, познакомить массы с Французской революцией, а также с другими, особенно с революцией 1848 г. и с Парижской Коммуной. При этом число книг и разнообразие тем свидетельствует о том, что явное преимущество отдавалось Французской революции. В самом деле, 1917—21 гг. были периодом, когда централизация прессы и подчинение ее единому плану не задушили еще инициативу издателей. Решающее место, занимаемое в публикациях Французской революцией, определялось, надо думать, тем, что особый интерес проявляли к ней власти, а также издатели и публика. Интерес этот одинаково стихийно проявлялся у всех. Ссылки на Французскую революцию попадали иногда даже в прессу разного толка, а подчас всплывали в самом неожиданном контексте. Так, Французская революция дважды упоминается в докладе профессора Н. К. Кольцова, который он представил в 1921 г. своим коллегам, специалистам по евгенике, во время заседания, посвященного охране материнства и детства [28]. Первое упоминание: «сто тридцать лет тому назад во время французской революции такой науке о благородстве не было и места», есть не что иное, как скрытое сравнение двух революций. Кольцов полагает, конечно, что Октябрьская революция выше, поскольку она открыла возможности развития новой науки евгеники. Второе упоминание: «это естественное биологическое благородство имеет мало общего с тем благородством, против которого сражались французские революционеры сто тридцать лет тому назад», вызвано восхищением героями прошлого, как если бы они были героями сегодняшними. И в самом деле, то представление, которое имел о Французской революции Кольцов, было характерно для людей, симпатизировавших Октябрьской революции, но не приобщившихся к марксистскому учению. Для Кольцова революционеры всех времен одинаковы, это не буржуа или пролетарий, а именно революционер, борющийся за доброе дело. Только русские это делают лучше, чем французы.

Если профессор-биолог не может обойтись без ссылок на Французскую революцию, значит, она у всех на устах, она интересует всех. Понятно, почему распространение знаний приоб-

ретает такой размах, оттесняя на второй план подходящие по обстоятельствам сопоставления двух революций. Была ли на то команда большевиков или просто проявлялось стремление удовлетворить интерес публики, но читателю предлагали в первую очередь историю Французской революции, а не сравнение ее с Октябрьской. Большая и повсеместно распространенная потребность в знаниях о прошлом, порожденная поисками ответов на актуальные вопросы, свидетельствует как ни что другое о пробуждении исторического сознания, последовавшем за поворотными событиями. Что касается большевиков, то они могли путем распространения знаний внедрить свою главную идею, единственный возможный для них подход к аналогии: революции коренным образом отличаются друг от друга, одна из них — буржуазная, а другая — пролетарская. Названия, предисловия, примечания, включенные в текст брошюр, давали массу возможностей популяризовать этот тезис. В итоге, в Советской России хотя и пользовались аналогиями не так широко, как за рубежом, распространение всесторонних знаний о Французской революции побуждало проводить аналогии.

Поток информации о Французской революции после 1917 г. коснулся в основном двух типов общественной среды. С одной стороны, это был круг образованных, или, как минимум, имевших среднее образование людей, и тогда новые знания налагались на уже имеющиеся представления. С другой стороны, знания распространялись за пределами образованной среды, затрагивали рабочих и крестьян, до тех пор ничего не знавших о Французской революции.

Преподавание истории Французской революции было запрещено в России со времен Екатерины II. Это была таинственная, полная притягательности тема, причем интерес к ней подогревался тем, как запрет осуществлялся на практике. Так, книги можно было публиковать (Ф.-Х. Шлоссер [29], А. де Токвиль, Зибель, Ф. Минье, Э. Кинэ переведены на русский язык и опубликованы еще до 1868 г.), но их нельзя было читать. В библиотеках, доступных студентам и даже широкой публике, стояли запертые на ключ застекленные шкафы, полные книг о Французской революции. В том случае, если автор симпатизировал революции, то на книжке был ярлычок: «запрещено безусловно». К таким книгам не имели доступа даже преподаватели. Если же это был просто рассказ о революционной эпохе, документы или мемуары, то ярлычок гласил: «запрещено для публики». Переводы и оригиналы сочинений циркулировали тайно, читать их нужно было быстро, чтобы передать книгу нетерпеливому товарищу. Вот как описывает атмосферу, характерную для 1860—70 гг., Н. А. Любимов, человек, которого трудно заподозрить в преувеличении, т. к. в 1880-е гг. он после

краткого увлечения революцией находился в лагере самой непримиримой реакции.

> «Какое, бывало, наслаждение доставлял добытый от какого-нибудь обладателя запрещенного плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время опасный том какой-нибудь истории революции, в котором, казалось и заключается самая-то скрываемая истина. Помнишь, с какою жадностью одолевали мы в одну ночь том Мишле, Луи Блана в четыреста, пятьсот страниц... Надо признаться, что нашим юношеским увлечениям немало содействовало то обстоятельство, что в литературных и профессорских кружках, имевших наиболее влияния на молодые умы, этот.... «культ революции»... принадлежал к числу основных убеждений» [30].

К тому моменту, когда запрет был снят, в ментальности интеллигенции уже прочно укоренилось эмоционально окрашенное отношение к Французской революции, будь то восхищение, симпатия, антипатия или ненависть.

Французская революция впервые появилась в университетских программах в конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в. Это был период, когда цензурные ограничения потеряли свой смысл по причине проводившихся реформ и появления первых русских работ о Французской революции.

Таким образом, ситуация становилась благоприятной для преподавания. В 1868 г. профессор В. И. Герье, ученик Т. Н. Грановского, которому попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов запретил в свое время курс о Французской революции, вводит эту страницу новой истории в программу Московского университета. В начале 70-х гг. история Французской революции уже фигурировала среди специальных курсов в Петербургском университете, а В. О. Ключевский читал ее слушателям Александровского военного училища в Москве. А в середине 70- гг. Французская революция вошла и в среднее образование.

Школьные учебники, например, широко употреблявшийся, верный монархическому принципу учебник Д. И. Иловайского, представляли Французскую революцию как дело рук смутьянов, подстрекателей черни. Конец революции знаменовался падением диктатуры «кровожадных демагогов» Робеспьера, Дантона и Марата [31]. Что же касается университетов, то там господствовало толкование Герье. Опираясь на Токвиля [32], этот историк старался доказать, что Французская революция логически вытекала из прошлого и что вследствие слабости монархии республика должна была возобладать [33]. В установлении республики он видел кульминацию революции, вслед за тем она как бы «сбилась с пути» и скатилась к безумной диктатуре. Размышления о Французской революции вели Герье к выводам и относительно прошлого России. Он считал, что поскольку ре-

волюции здесь осуществляются сверху, то деяния Петра Вели кого были антитезой Французской революции. В отличие от Франции, в России революция не предопределена, ее можно и должно избежать. В 1911 г. Герье выпустил книгу, посвященную И. Тэну [34], которого он высоко оценил за точность психологического портрета якобинцев. Герье защищал там ту же концепцию Французской революции, добавив к ней лишь особенно страстное неприятие якобинцев, порожденное первой русской революцией 1905—1907 гг. В предисловии к этой книге он доходил до сравнения с якобинцами русских конституционных демократов (кадетов). Он приписывал им намеренье через всю Россию протянуть нити организации на манер якобинской, а если читатель хотел знать, к чему это может привести в случае удачи, Герье отсылал к книге Тэна. Книга Герье имела успех, свидетельствующий об интересе интеллигенции к Тэну и о том, что она разделяла идеи французского историка и самого Герье.

Целая плеяда историков (П. Н. Ардашев, Н. И. Карасев, Р. Ю. Виппер, П. Г. Виноградов), лидером которой был Герье, присоединилась к традиции Токвиля—Тэна [35]. В учебнике П. Г. Виноградова студентам сообщалось, что 9 термидора положило конец «тирании» террористов, истреблявших друг друга [36]. Итак, насаждавшиеся в русском обществе и широко распространенные до 1917 г. представления о Французской революции, были антиякобинскими.

После октября 1917 г. при переизданиях и адаптациях для широкой публики стали предпочитаться работы Жореса, Олара, Кропоткина, Кунова, в которые раньше заглядывали лишь представители радикального меньшинства интеллигенции. В соответствии с ними начало распространяться благожелательное отношение к якобинизму и, следовательно, образ Французской революции, противоположный тому, который был знаком русским со школы или университета. Новый образ не мог не столкнуться с уже имеющимися представлениями. Но он не мог также завоевать среду, до сих пор мало или вовсе не затронутую школьным образованием.

Здесь новое видение не прививалось на старое: огромное число людей приобретало его впервые [37]. Они приобщались к истории Французской революции, читая брошюры, в большинстве своем написанные большевиками, которые в начале 20-х гг. предлагали достаточно разнообразный набор исторических очерков. Некоторые, как, например, видные большевики Д. З. Манюильский, и Г. Линдов, в своей интерпретации вдохновлялись Марксом и Жоресом, а другие, например, А. Самохвалов, едва заговаривали о классовом анализе. Большинство же писало в эклектической манере. Традиция Токвиля — Тэна перемешивалась с социал-демократической традицией Каутского—Кунова,

так что происхождение тех или иных выводов трудно определить. Очень показательна в этом смысле брошюра Е. Ефимовой, опубликованная в серии «Народная библиотека». Характеристика якобинской диктатуры здесь намного мягче, чем у Тэна, но встречаются враждебные ей определения: «деспотическая» диктатура, «гнусность и ненужность кровавой деятельности революционных трибуналов», «попрание свободы совести» — это касательно культа Верховного существа, дорогого сердцу Робеспьера. А в выводах звучат токвилевские нотки:

> «Военный же деспотизм Наполеона во многих отношениях был лишь возобновлением республиканской диктатуры якобинцев, как эта последняя — возобновлением абсолютизма старой монархии» [38].

Но Французская революция — это ориентир, опыт, который обязан знать каждый, несмотря на тот факт, что эта «великая книга успехов и ошибок человеческой мысли» не провела полностью в жизнь своих идеалов. Перестройка государства и общества оказалась гораздо сложнее, чем представляли себе теоретики XVIII века [39].

Итак, в начале 20-х гг. в брошюрах фигурировали разные образы Французской революции, и якобинцы-мученики встречались там реже, чем якобинцы-диктаторы и террористы. В целом общество, находившееся под властью диктатуры пролетариата, воспринимало якобинскую диктатуру недоброжелательно, следовательно, и о термидорианском конце Французской революции это общество имело невнятное представление: был ли он освобождением или контрреволюцией?

ПЕРВАЯ АНАЛОГИЯ С ТЕРМИДОРОМ

С того момента, как большевики взяли власть, противники стали рассматривать их политику в свете французского революционного опыта конца XVIII в. Первыми воспоминания разбудили меньшевики. В марте 1918 г. Ю. Мартов, возглавлявший фракцию меньшевиков-интернационалистов, опубликовал статью под названием: «Накануне русского термидора» [40].

Здесь основу параллели с французским прецедентом составляют два момента: большевистские репрессии, главной из которых был разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г., и мирный договор, заключенный в Брест—Литовске 3 марта того же года. В глазах Мартова первый наносил ущерб демократическим завоеваниям революции, и в этом смысле напоминало термидор; второй знаменовал собой свертывание русской революции, так как сводил социалистический

идеал к осуществлению лишь кое-каких национальных задач. Брестский мир представлялся автору концом революционного порыва и, следовательно, также знаменовал собою термидорианский закат.

Поражение демократии перед новым русским термидором упрочивало меньшевиков в их концепции революции. Для Мартова и его соратников победа демократии зависела от способности пролетариата завершить политическое самовоспитание, достичь необходимой зрелости, чтобы взять власть в свои руки и отстранить буржуазию. Октябрьская революция весьма плохо согласовывалась с наиболее распространенным толкованием марксизма. Противники считали ее абсолютно «антимарксистской», и меньшевики, побитые на поприще политики, после Брест—Литовска думали взять реванш в области идей и замахивались на Ленина доктриной. Не без чувства превосходства они квалифицировали большевистскую диктатуру как «жалкую пародию». Ленин ведет «протермидорианскую политику», заключал Мартов. Это не обязательно означает, что он готовит государственный переворот, но действия его облегчают наступление термидорианской реакции.

Мартов различал эпизод, имевший место 9 термидора и термидорианскую реакцию. В день 9 термидора власть взяли «подлинные революционеры, не уступавшие в радикализме политических и социальных взглядов павшему диктатору».

Наоборот, термидорианская реакция — это политика, которую вели против подлинних революционеров авантюристы, нажившиеся на революции. В 1918 г., как и в 1794 г., Мартов видел на политической сцене трех главных актеров: диктатора, окруженного группой фанатиков, подлинных революционеров или демократов, и термидорианцев.

Большевики относились к первой категории. Сравнивая их с якобинцами, Мартов заключал, что в отличие от диктатуры этих последних, диктатура большевиков окажется лишь «трагическим фарсом». Подлинные революционеры, сокрушившие в 1794 г. Робеспьера или приветствовавшие падение диктатуры, как Бабёф,— сегодня это русские социал-демократы, т. е. меньшевики. Термидорианцы же есть «двусмысленные авантюристы», порожденные режимом диктатуры и террора. Они делают карьеру, приспосабливаясь к диктаторскому режиму и всячески стараясь превзойти фанатиков в жестокости, но в последний момент они поворачиваются к диктатору спиной. В России это те, кто «спекулирует» благодаря сообщничеству находящихся у власти, «вся эта прожорливая саранча, примазавшаяся к вчерашним победителям и перешедшая на сторону победителей сегодняшних, образовала авангард термидорианцев».

Проведя аналогию с 1794 г. для характеристики политических сил 1918 г., Мартов ставил центральный с его точки зрения вопрос: «Стоим ли мы накануне русского термидора?». Все, начиная с заглавия статьи, позволяло догадаться об утвердительном ответе.

Формула «русского термидора» обозначает у Мартова упадок революции, который проявится прежде всего в «ликвидации коммунистической диктатуры большевиков», сопоставимой с 9 термидора, а затем в фиаско «подлинных революционеров» или демократов. Во Франции «подлинные революционеры» сокрушили Робеспьера, но были, в свою очередь, побеждены термидорианцами, настоящими агентами контрреволюционной буржуазии, которым удалось установить буржуазный порядок. «Подлинные революционеры», те, что на каждой стадии революции сражались за демократию, были уничтожены, отстранены от власти или изгнаны.

За вопросом о «термидоре», по мнению Мартова обнаружилась подлинная проблема: судьбы демократии при диктатуре большевиков[42]. С теоретической точки зрения дело термидора представлялось решенным: если исторически господство буржуазии неизбежно, то неизбежен и термидор. Но лидер меньшевиков был политическим руководителем, и на этой почве считал возможным дать бой теоретической неотвратимости. Он написал поэтому статью, в которой предложил отличный от французского путь перехода от диктатуры к буржуазно-демократическому режиму. Успех на этом пути зависел от способности меньшевиков направить все силы пролетариата на борьбу против ограничения демократических свобод. Ибо следует действовать так, чтобы устранение ленинской диктатуры совершалось на основе укрепления демократии. Иначе говоря, Мартов желал бы,

> «...чтобы исторически неизбежное восстановление классового господства буржуазии не совершилось путем подавления и лишения прав пролетариата, но осуществилось в рамках самой широкой демократической свободы».

Если государственный переворот, подобный перевороту 9 термидора, опрокинет большевиков, то социал-демократы должны будут сделать все возможное, чтобы не допустить реванша контрреволюционной буржуазии и спасти революцию.

Итак, Мартов отчетливо разграничивал две аналогии: одну — 9 термидора, другую — с разгулом контрреволюции после термидора. И он делал разные выводы: 9 термидора иллюстрирует неизбежное падение большевистской диктатуры («уже ликвидируется»), в то время как призрак контрреволюции, наступившей после термидора, должен предостеречь от такого

именно конца большевистской диктатуры. В свете этих выводов меньшевики должны подвести пролетариат к защите идеи Учредительного собрания.

«Если рабочий класс, уходя от большевистского солдатско-крестьянского «коммунизма» не поднимается до идеи Учредительного собрания, как естественного наследника не промотанной большевиками части революционного наследства, если демократические массы не удержатся на этой идее в момент развязки трагического фарса ленинской диктатуры, падение этой последней будет началом подлинного русского термидора».

Критические выступления, адресованные большевикам левыми эсерами, не так резки, как высказывания меньшевиков, открытых и давних противников большевиков, привыкших напрямик выражать свое несогласие с прежними товарищами по РСДРП. В то время как Мартов недвусмысленно облекал в теорию враждебность меньшевиков, с левыми эсерами, союзниками большевиков после Октября, дело обстояло иначе. Они были критически настроены по отношению к большевикам, но разделяли с ними ответственность, входя в правительство,— ситуация, которая не могла не сказаться на их толковании аналогий с Французской революцией. Как и меньшевики, они сравнивали политику большевиков и особенно Брест—Литовский мирный договор с тем, что происходило во Франции, но они делали это уже после Мартова, когда ссылка на термидор уже приобрела отпечаток меньшевизма. Желая избежать идентификации с меньшевиками, левые эсеры, говоря о заключительной стадии Французской революции, не употребляли слово «термидор». Так, А. Измайлович, анализируя ошибки, совершенные после Октября, назвал первую главу своей брошюры «Наша Октябрьская революция и Французская революция» [43]. Автор не оставлял никакого места сомнению: если он останавливался на политических ошибках революционных вождей [44], говорил о роли французского народа [45], так это потому, что не скрывал своего беспокойства относительно возможного краха Октябрьской революции, аналогичного краху Французской революции. Измайлович никогда не употреблял слово «термидор», но тем не менее ясно, что именно этот последний остался бы на совести большевиков.

«...Преступление совершает сейчас ЦК партии большевиков. Он систематически и безудержно травит и гонит самую левую чистую интернационалистическую партию в стране» [46].

Большевики уже совершили первую ошибку: они заключили Брестский мир, который означает измену заветам Интернационала.

«Вторая ошибка — отход от октябрьских позиций в области внутренней политики и экономики... к централизации (...).

И третья ошибка — это недоверие центрального правительства к самому многочисленному и основному трудовому классу России — к крестьянству» [47].

Измайлович делает вывод — опять-таки не употребляя термина «термидор», что Великая Октябрьская революция «пошла под гору» [48].

Та же идея проходит через брошюру другого левого эсера, народного комиссара юстиции И. Штейнберга «Почему мы против Брест—Литовского мира?»

«Брест—Литовск, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче позиций октябрьской революции внутри страны» [49].

И в других публикациях эсеров бывает, что, хотя Французская революция не называется, разочарование и тревога левых эсеров в связи с заключением мира открывают путь сравнениям: ведь Брест—Литовский мир поставил проблему конца революции и одновременно с этим толкал к размышлению о неизбежном отступлении, называли его термидорианским или нет.

ОТВЕТНЫЙ УДАР БОЛЬШЕВИКОВ

Большевики считали, что удержаться у власти можно только обеспечив крестьянам мир, обещанный первым декретом советской власти. Следовательно, нужно было подписывать сепаратный мир с Германией. Но удовлетворять таким образом интересы крестьян означало идти на предательство мирового пролетариата и откладывать мировую революцию, «полную гарантию» успеха социалистической революции. Ситуация представлялась безвыходной как большевикам, так и их противникам. Большевики в большинстве своем сомневались в возможности сохранить власть без поддержки международного пролетариата. Ленин и его сторонники настаивали на необходимости «паузы» даже ценой тяжелых территориальных потерь и утраты революционного престижа. Они отказывались от идеи революционной войны и немедленной мировой революции. Им противостояла сильная оппозиция «левых коммунистов» во главе с Бухариным, которая не скрывала своего пессимизма:

«Русская революция будет спасена международным пролетариатом или падет под ударами мирового капитализма»[50].

Вести революционную войну было бы честно по отношению к мировому пролетариату и спасло бы русскую революцию, как полагали оппозиционеры. Эти расхождения не мешали Ленину и Бухарину разделять основополагающее убеждение, что без мировой революции спасение невозможно. Но в то время как Ленин считал необходимым отступить, Бухарин отвергал эту мысль, противопоставляя ей альтернативу: мировая революция и окончательный триумф или не менее окончательное поражение.

Здесь привлекает внимание в первую очередь то, что даже противники мира в партии большевиков не переходили от разоблачения политики, квалифицируемой как «отступление» (Рязанов) или как «фатальная» (Бухарин), к размышлениям о конце революции. Их рассуждение останавливалось как раз там, где логика могла бы подвести к установлению подобия с термидором. Это умолчание вскрывает фактически то, что есть общего у сторонников Ленина и его противников внутри партии: революцию и те и другие отождествляли с властью большевиков. И только падение этой власти означало для них крушение революции. Пока большевики будут у власти, конец революции невозможен[51]. Тем больше, следовательно, оснований считать, что термидор немыслим, пока они правят страной.

Так объясняется быстрота, с какой большевики отвергли сходство, указанное Мартовым. 27 (14) марта, то есть через пять дней после появления статьи меньшевистского лидера в «Правде», был опубликован ответ большевиков под названием «Историческая экскурсия Мартова», подписанный Н. Лукиным-Антоновым[52]. Автор, известный историк и большевик со стажем, выдвигал целую серию аргументов против «обывательского ненаучного характера» статьи Мартова.

Лукин утверждал, что две революции осуществлялись в разных общественно-экономических контекстах. Французская революция относится к эпохе «неразвитости капиталистических отношений», когда буржуазия была революционной, а «пролетариата в нашем смысле слова почти не существовало». Русская же революция разразилась в эпоху империализма, когда «буржуазия стала глубоко реакционной силой и когда в недрах капиталистического общества вырос и окреп ее могильщик — социалистический пролетариат». Затем Лукин останавливался на классовом содержании революционной власти. Якобинская диктатура была «мелкобуржуазной», то есть, она не могла вести последовательной политики в интересах трудящихся, рано или поздно она должна была пасть,

«...ибо она опиралась на экономически реакционный класс мелкой буржуазии, который должен был уступить свое место крупной буржуазии, выдвигавшейся тогда на первое место всем ходом исторического развития».

Диктатура большевиков «опирается на огромное большинство пролетариата и беднейшего крестьянства». Политика, проводимая советской властью, полностью соответствует жизненным интересам масс, и именно это предотвратит падение диктатуры большевиков.

Наконец, Лукин подчеркивал большую стабильность диктатуры в России. Ведь в отличие от якобинцев, вынужденных отбивать удары и справа и слева, «большевики являются самой крайней революционной партией», «режим репрессий большевикам приходится применять к контрреволюционным силам — буржуазии и помещикам, — а порою и к их подголоскам — правым эсерам и меньшевикам».

Прочность власти большевиков подкреплена еще и поддержкой европейского пролетариата. Конечно, если помощи стало недоставать, у контрреволюции появились шансы опрокинуть советскую власть. Но она в своей защите — в отличие от якобинцев — может рассчитывать на поддержку всех трудящихся своей страны.

Таким вышел из-под пера Лукина-Антонова ответ руководства партии Мартову и противникам Брест—Литовского мирного договора внутри самой партии. Опубликованный в «Правде», этот текст выглядел как официальная позиция партии, которую отныне все ее рядовые члены должны были разделять.

ГЛАВА V

У истоков второй аналогии с термидором

В 1921 г. Кронштадтский мятеж и новая экономическая политика дают основания для новой аналогии с термидором. Она возникает за границей, в кругу русской эмиграции; эмигрантская пресса, причем всех направлений[1], была переполнена метафорами, сближавшими нэп с закатом Французской революции, и одновременно с этим выходили статьи и брошюры, поднимавшиеся над уровнем элементарного сравнения, в них предлагалась система доказательств. Брошюр было не очень много, но их авторы, так же как и пресса, часто утверждали, что «слово термидор у всех на устах», что «все о нем говорят» или что тут и там «поднимаются толки о русском термидоре»[2].

Эти свидетельства показывают, что полемика имела более широкий резонанс, чем можно думать, исходя из достаточно ограниченного числа специальных работ. Происходили, по-видимому, оживленные устные споры, что увеличивает для нас ценность письменных источников, своего рода отражения жаркой полемики, затрагивавшей активистов различных общественных кругов. Во всяком случае, работы о термидоре, авторы которых принадлежали ко всем имеющимся политическим направлениям, достаточно богаты и разнообразны, чтобы восстановить споры вокруг аналогии «нэп-термидор».

НИКОЛАЙ УСТРЯЛОВ — «ПЕВЕЦ ТЕРМИДОРА»

В 1930 г. в «Социалистическом вестнике» появилась статья «Певец термидора»[3], посвященная Николаю Устрялову, напи-

санная одним из его противников, меньшевиком Г. Аронсоном. Этот текст, хотя и насквозь иронический, напоминает о главенствующей роли Устрялова в спорах о русском термидоре. Согласно Аронсону, в 1920-х гг. никто не высказывался по этому вопросу так много и так красноречиво, и эта оценка не выглядит преувеличением.

Николай Васильевич Устрялов родился в 1890 г. в Санкт-Петербурге, получил юридическое образование в Московском университете, где с 1916 по 1918 гг. преподавал государственное право. Во время Февральской революции Устрялов — активный член партии кадетов. Во время гражданской войны он на короткий период вышел на авансцену политики в качестве президента Центрального комитета партии кадетов на востоке страны, находившемся под властью Колчака. Устрялов отвечал в правительстве Колчака за прессу и в этом качестве стоял во главе омской газеты «Русское дело». После поражения Колчака Устрялов скрывался в Харбине, самом большом центре русской эмиграции в Китае, где в 1920 г. по 1934 г. преподавал международное право на юридическом факультете. В 1925 г. он был нанят советскими властями и работал в Бюро преподавания зоны Китайско-Восточной железной дороги — КВЖД, находившейся в совместном владении Китая и СССР. В 1928 г. стал директором центральной Библиотеки зоны КВЖД. В 1935 г. КВЖД была продана Японии, и Устрялов возвратился в Советский Союз, где стал профессором экономической географии в Институте инженеров транспорта в Москве. В июле 1937 г. он был арестован, осужден «за антисоветскую деятельность» и расстрелян[4].

Таковы контуры бурной и трагически оборванной жизни Устрялова. Что же касается идей, составивших его репутацию, то они, как утверждал сам Устрялов, начали оформляться в последние месяцы, проведенные в правительстве Колчака[5]. Под впечатлением энтузиазма, который большевики пробудили в населении Сибири, Устрялов изменил свое отношение к советской власти и с 1920 г. стал выражать надежды на национальное возрождение посредством сотрудничества с советской властью. Эту концепцию Устрялов назвал национал-большевизмом[6].

Вместе со своими товарищами по партии кадетов в 1921 г. он призвал русскую интеллигенцию «идти в Каноссу». Новая ориентация выразилась в коллективном сборнике «Смена вех»[7], где Устрялов опубликовал статью «Patriotica»[8].

Основные идеи этого сборника потрясли рассеянную по всему свету русскую эмиграцию и, в конце концов, завоевали часть интеллигенции русской диаспоры независимо от политической принадлежности. Эти идеи породили новое течение, сто-

ронники которого, сменовеховцы, стали восхвалять национальный характер Октябрьской революции. Они приветствовали в большевиках государственную власть, которая сумела, введя нэп, отставить на второй план коммунистические задачи, выдвинув вперед национальные интересы. Они призывали интеллигенцию во имя могущества России преодолеть ненависть к советской власти и понять, что эта последняя неумолимо трансформируется в обычное буржуазное государство.

Сменовеховцы быстро создали широкую сеть прессы, через которую распространяли свои идеи[10]. Устрялов очень активно в этом участвовал. В 1920—34 гг. он был главным редактором самой большой харбинской газеты «Новости жизни» и сотрудничал в другой местной газете «Вестник Манчжурии». В 1922—1924 гг. он вместе с писателем Г. Н. Диким издавал альманах «Русская жизнь». Его статьи выходили и в газете «Россия», органе сменовеховцев внутри советской России. Устрялов стал популярным журналистом. Специалист по философии и праву, автор многих работ в этих областях[11], он умело использовал свой широкий культурный кругозор, и это обеспечивало ему успех. Статьи Устрялова отчетливо выделялись на «сером фоне академизма кадетов», «романтизма эсеров»[12] или революционного и вульгарного романтизма сменовеховцев[13]. Конечно, как и все сменовеховцы, он приветствовал национальный характер Октябрьской революции, высказывал надежду увидеть «воскресающую родину», по его собственному выражению[14]. И эту надежду он горячо отстаивал перед лицом всех тех, кто твердил «упрямо и озлобленно»: «Не может и не будет возрождаться, пока живы большевики»[15].

Устрялов вдохновлялся тем же, чем и все сменовеховцы. Но он отличался от всех уровнем разработанности аргументов в пользу патриотического сотрудничества с большевиками, и это принесло ему признание как идеолога течения. И. Лежнев, главный редактор журнала «Россия» и руководитель сменовеховцев внутри страны говорил об Устрялове с восхищением:

> «В новом общественном течении эмиграции это, несомненно, самая яркая фигура. Цельная и выдержанная до конца позиция (чем сменовеховцы, увы, похвастаться не могут), блестящее и острое перо публициста, пафос государственника»[16].

Окружавшие Устрялова в Харбине сменовеховцы казались Лежневу «поверхностными». Они плохо понимали величие момента, состоящее в национальном обновлении, обновлении культуры, государства, религии. Он упрекал их в легкомыслии:

> «С обязательной улыбкой заметить мимоходом, что эти заветы посланы вглубь истории по доброму примеру Французской революции — значит ограничиться красивой и светской отпиской»[17].

Для того, чтобы доказать свой патриотизм, сменовеховцы прибегали к риторической фразеологии, и к упрощенной ссылке на Французскую революцию. Устрялов же стремился обосновать свои построения теоретическим, как бы беспристрастным анализом событий, уже принадлежавших истории, но все же значимых в современной политической игре.

Аналогию с термидором он вычленял, ведя рассуждения по трем направлениям: он размышлял о великих революциях вообще, рассматривал Французскую революцию и анализировал революционные события в России.

Обобщение опыта великих революций

В статье «Patriotica» описанию «пути термидора» предшествует рассуждение о революциях вообще. Такой порядок не случаен, он показывает, что теоретическое построение дает автору ключ к толкованию как французского, так и русского термидора. Философия истории, на которую при этом опирается Устрялов, отчетливо позитивистская. Для того, чтобы подкрепить свои утверждения, он часто говорит об «объективно исторических задачах революции»[18], об «органическом процессе революционного развития»[19] или о «внутренней логике», присущей развитию «великих революций»[20]. Разумеется, подчас он использует и менее научные термины, например, «фатально»[21], «интуиция величия русской революции»[22], «причудливая диалектика истории»[23]; но какова бы ни была терминология, она происходит из глубокого убеждения, что «железная логика истории враждебна не только попятному движению реакционеров, но и слишком проворному забеганию вперед»[24]. С этой точки зрения Устрялов присоединяется к критикам, выпустившим в 1909 г. сборник «Вехи».

Всякую великую революцию Устрялов рассматривает как «жизненный порыв»[25], имеющий свое начало и свой конец. Ограниченный во времени, порыв имеет двойное значение в жизни людей. С одной стороны, великая революция имеет следствием разрушение, с другой — революция является очевидным моментом созидания. С близкого расстояния она вызывает ужас, но в исторической перспективе она выглядит как неизбежное проявление жизни. Это

> «...быть может, и несколько грустный признак: было бы лучше, если бы творчество не предполагало разрушения и, скажем, ценности языческой культуры мирно уживались бы рядом с явлениями христианства...»[26].

Но этого нет и не может быть, а значит остается лишь признать законный характер революции. А разве «культура человечества» не «тем только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь, сгорая и возрождаясь, как Феникс из пепла...?» [27]. И великая революция есть средство возрождения. Давая новый духовный опыт, она с блеском выявляет национальный гений, но одновременно она вырабатывает и новые ценности для всего человечества.

> «Взятая в историческом плане, великая революция, несомненно, вносит в мир новую «идею», одновременно разрушительную и творческую. Эта идея в конце концов побеждает мир. Очередная ступень всеобщей истории принадлежит ей. Долгими десятилетиями будет ее впитывать в себя человечество, облекая ее в плоть и кровь новой культуры, нового быта» [28].

Вывод о двойственности, о сочетании разрушения и созидания как в национальном, так и в мировом масштабе составляет первый уровень устряловской теории революций. Второй вскрывает национальный характер главных революций.

> «В отличие от мятежей, переворотов и простых династических «революций» (фр. 1830, англ. 1688), они всенародны, т. е. захватывают собой всю страну, жизненно отражаются на всех, даже самых далеких от «политики», слоях населения. Великие революции всегда органически и подлинно национальны, какими бы идеями они ни воодушевлялись, какими бы элементами ни пользовались для своего торжества» [29].

Согласно этому критерию, статус великих революций придается лишь двум революциям: 1789 и 1917 гг.

> «Французская революция внесла в европейскую культуру самозаконный мир своих ценностей, ставших воздухом нового человечества и прославив Францию навеки» [30].

Русской революции присуще такое же величие, что и Французской, и Устрялов негодует против тех, кто объясняет катаклизм в России дурным влиянием марксистских идей, пришедших с Запада. «Какое глубочайшее недоразумение — считать русскую революцию не национальной!» [31].

На третьем уровне размышлений Устрялов задается вопросом о границах революционного порыва: как далеко может он завести преобразования? Устрялов убежден, что великие революции выдвигают программу на будущее, но что у них никогда не хватает сил осуществить ее немедленно.

> «Они экстремичны и непременно «углубляются» до «чистой идеи», не имеющей корней в наличной действительности» [32].

Теоретически Устрялов предполагает, что отступление в послереволюционный период происходит обязательно, и считает его тем более неизбежным, что всякая революция когда-нибудь приходит к концу.

> «Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают *эволюционно* воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее оживляющего яда» [33].

Возвращение к прошлому невозможно, реставрация немыслима, напротив, должна осуществиться «здоровая, плодотворная реакция», которая тормозит революцию, заставляет отказаться от немедленного воплощения в жизнь ее идеи в чистом виде. И, наконец, именно благодаря ей революция поворачивается обратно, и наступает та реакция, которая, по словам Устрялова, «вершит революцию духа» [34]. Это не контрреволюция, а логическое завершение революционного процесса.

Анализ Французской революции

Вслед за этим теоретическим рассуждением статья «Путь термидора» свидетельствует о том, что Устрялов придавал большое значение хорошему знанию истории Французской революции для обоснования сравнительного подхода.

> «И когда в наши дни там и сям поднимаются толки о «русском термидоре», необходимо прежде всего усвоить истинные черты и усвоить урок французского. Иначе, кроме «злоупотребления термином» ничего не получится» [35].

Сама по себе эта декларация еще не делает Устрялова исключением; он не был единственным из писавших, кто стремился к подобной точности. Такого рода призывы к осторожности часто обнаруживаются и у других [36], но редко кто этим призывам следовал. Произведения Устрялова, пестрящие большим количеством ссылок на специальные работы о Французской революции, свидетельствуют, что в этом отношении он был неусыпен и строг прежде всего к самому себе, тогда как у других эмигрантов, поддававшихся соблазну применения аналогии, почти нет следов подобного чтения. Устрялов часто цитировал А. Сореля [37], своего любимого автора, например, когда аргументировал главную идею своей теории — о национальной традиции в революциях. Он ссылался также на Тэна, Ламартина, Токвиля. Упоминанием локальных бунтов эпохи Французской революции [38] он отличался от большинства публи-

цистов, удовлетворявшихся лишь несколькими клише из парижской истории. Легкость же, с которой Устрялов сыпал именами якобинцев, может быть объяснена только скрупулезным изучением периода. Налицо множество признаков, определенно выделяющих Устрялова из числа комментаторов, задававших тон в русской эмигрантской прессе.

Устряловская концепция французского термидора сформировалась в газетной полемике с Б. Мирским, выражавшим идеи левых кадетов, которые объединились вокруг газеты «Последние новости»[39]. Сам Устрялов рассматривал эту концепцию одновременно как предварительное размышление и как необходимую составляющую анализа русских событий.

Он разделял с Мирским изначальное убеждение об обоснованности аналогии между Французской революцией и той, что переживала Россия. Но если оба считали, что «путь термидора»[40] возможен в России, то в остальном они расходились и по-разному оценивали ее место на этом пути. Пошла ли уже Россия по пути термидора или еще нет? Мирский, который написал статью о восстаниях в Москве и Петрограде в марте 1921 г., прежде всего о Кронштадтском мятеже, старался выявить в русской реальности черты французской модели. Восстания у него еще не составляют русского термидора, но предвещают падение большевиков-якобинцев.

> «Есть два пути преодоления революции. Путь механический — подавление внешнее, как результат вооруженной борьбы; другой путь — органический, который можно было бы парадоксально назвать революционной контрреволюцией, как в смысле силы, так и в смысле идеи»[41].

Кронштадт это еще не контрреволюция, но это ее начало: большевики погибнут в какой-то момент от термидорианского переворота. Чуть позже, 14 июля, Мирский вновь будет успокаивать читателей: политическая жизнь в России, пережившей большевистскую бурю, будет развиваться как когда-то политическая жизнь во Франции. В России тоже будет демократическая республика, вдохновленная идеями 14 июля[42].

Устрялов не соглашался с Мирским. Он считал, что тот впадает в банальное сравнение, занимается бесплодными поисками совпадений двух революций в каждом событии[43]. Напротив, плодотворным он полагал сопоставление общей ориентации революций, которое будет способствовать проникновению в смысл послереволюционной ситуации, что так необходимо для России. В отличие от Мирского, Устрялов не ждал какого-то особого события, которое можно было бы сравнить с термидором. Он не привязывал свой анализ к конкретике совет-

ской истории во всех ее подробностях. Разумеется, как политический комментатор, он к ней предельно внимателен, но рамки теоретического рассуждения позволяют ему держаться на разумном расстоянии от происходящего. В противовес проповедовавшему контрреволюцию Мирскому, он утверждал:

> «9 термидора не есть новая революция, не есть революционная ликвидация революции. Это лишь один из второстепенных и «бытовых» моментов развития революционного процесса»[44].

В соответствии с этим представлением, русская революция уже давно, по меньшей мере с начала 1918 г., с Брестского договора шла путем термидора. Уточнив концепцию термидора, Устрялов делал прогноз относительно новой политики большевиков, то есть нэпа[45].

Изменения в термидорианском духе не обязательно происходят в результате кровавых или особо значимых событий. Оно может быть даже делом рук самих революционных властей:

> «Кровавый... эпизод 9 числа (падение Робеспьера) есть не более, как деталь или случайность, которой могло бы и не быть и которая нисколько не нарушила необходимой и предопределенной связи исторических событий»[46].

Если понимать под термидором поворот, обозначивший начало нисходящей линии революции, то нет никакой необходимости обращаться к хронике Французской революции. Признавая авторитет французских историков, особенно А. Сореля, Устрялов предлагал концепцию термидора, диаметрально противоположную концепции Мирского:

> *«Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец,* сопровождался, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права»[47].

Соответствие деталей необязательно, и судьба русской революции может оказаться несопоставимо отличной, однако же аналогия между эпизодом французской истории и кризисом весны—лета 1921 г. в глазах Устрялова выглядит законной, если только слово термидор понимается в широком смысле, как обозначение эволюции.

> «...В теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но, как мы установили, он и не существенен *сам по себе* для развития революции. Он мог быть, но его могло и не быть, — «путь термидора" не в нем»[48].

Итак, в этом ключевом вопросе Устрялов в корне расходился с Мирским. Для Устрялова именно неизбежная эволюция революции определяла природу термидора, а не контрреволюция.

Расхождение во взглядах коснулось также и вопроса о типе термидорианца, которому Мирский посвятил статью «Термидорианцы», а Устрялов вывел в статье «Путь термидора». Для первого одна из особенностей термидора состояла в том, что он породил новых людей. Эти люди

> «...оказались более бесталанными и даже более порочными, чем прежние... И за тем же столом революционного трибунала, сменив вчерашних санкюлотов, но соблюдая вчерашний обряд — уселись и купцы, и бывшие дворяне, и зажиточные буржуа». «Термидор оставил прежние учреждения, прежнее право, прежнюю организацию, но он дал новую психику; прежде всего новых людей. Новые люди — разгадка термидора, психологический ключ к его пониманию» [49].

Устрялов видел в термидоре «изменение общего стиля революционной Франции», так же как и «эволюцию якобинизма в его толпе» [50]. Но было бы ошибкой думать, что оба отдавали предпочтение идее перерождения [51]. Ведь когда Мирский категорически противопоставлял сегодняшних новых людей тем, что были на авансцене вчера, он подчеркивал идею замены одних другими, что, конечно, не исключает полностью мысль о перерождении, но она все же достаточно чужда Мирскому: вчерашние революционеры не фигурируют среди новых людей.

В отличие от Мирского, Устрялов не придавал психологическому фактору решающего значения. Он не пренебрегал им, но искал сначала разрешения проблемы термидора, так как появление новых людей, в свою очередь, требовало объяснения. Секрет термидора будет найден в анализе революционного процесса в целом, ибо этот этап неразрывно связан со всей тканью революционного феномена в его целостности.

> «Революция перерождается, оставаясь сама собой. Ее уродливости уходят в прошлое, ее «запросы» и крайности — в будущее, ее конкретные «завоевания» для настоящего обретают прочную опору (...). Революция ищет и находит свои достижимые задачи.
>
> Но старые формы ее всестороннего «углубления» еще продолжают некоторое время соблюдаться, хотя дух, их воодушевлявший, уже исчез. Революция эволюционирует. (...) Она становится менее величественной, но зато уже не столь тягостной для страны. На сцену выступают люди «равнины» и «болота», *смешиваясь с оставшимися монтаньярами*» [52].

Устрялов, конечно, не оспаривает притока новых людей, но этот приток у него вторичен по отношению к идее перерождения.

> *«Термидорианский сдвиг был подготовлен настроениями революционной Франции и совершен Конвентом, т. е. высшим законным органом революции.* (...) Не протестуя, таким образом, против самого принципа революции, «термидорианцы» восстают лишь против его своеобразного применения Робеспьером и его друзьями» [53].

Термодорианское преобразование — это прежде всего внутренний процесс, захватывающий самих деятелей революции.

> «Якобинцы не пали — они переродились в своей массе. Якобинцы, как известно, надолго пережили термидорские события — сначала как власть, потом как влиятельная партия: сам Наполеон вышел из их среды. Робеспьер был устранен теми из своих друзей, которые всегда превосходили его в жестокости и кровожадности. Если бы не они его устранили, а он их, если бы даже они продолжали бы жить с ним дружно, результат оказался бы тот же: гребень революционной волны, достигнув максимальной высоты, стал опускаться...» [54].

Этому толкованию французских событий у Устрялова предшествовал лозунг восставших Кронштадта: «Советы, но без коммунистов!». В противоположность Мирскому, который видел в этом знак появления контрреволюционных сил, Устрялов полагал, что речь идет о революционных термидорианцах. К тому же знания, которые демонстрировал Устрялов, изобилие приводившихся им имен, речей, политических акций известных якобинцев в Конвенте придавало его интерпретации историческую достоверность, которую в статьях Мирского, не ссылавшегося на конкретные события французской истории, читатели не находили.

Анализ революционных событий в России

Только после разработки концепции термидора Устрялов обращается к событиям в Советской России, осмысляя их в свете того, что он называет «внутренней динамикой» двух революций.

В восстаниях весны 1921 г. в Москве, Петрограде, Кронштадте Устрялов видел проявления « недовольства Горы», которое вдруг показало большевикам «спасительный путь термидора»: новую экономическую политику. Введение нэпа доказывает, что партия большевиков обдуманно избрала путь приспособления к новой фазе революции. Этот выбор представлялся Устрялову одновременно спасительным и чисто термидорианским, потому что начало нэпа знаменовало собой «радикальный тактический поворот в направлении отказа от правоверных коммунистических позиций» [55]. Это правоверие было «запросом ко времени», который сделала русская революция»,

но не смогла выполнить. «Отсюда — ее «вихревой облик», ее «экстремизм», типичный для всякой великой революции, отсюда же и неизбежность ее «неудачи» в сфере нынешнего дня» [56]. Нэп соответствует этой неудаче, и Устрялов доволен: «Только в изживании, преодолении коммунизма — залог хозяйственного возрождения государства» [57]. Нэп нужно приветствовать, ибо это здоровая реалистичная политика, закладывающая основы процесса национального возрождения [58]: революция, по выражению Устрялова, ставшим крылатым в 20-е гг. осуществляет «спуск на тормозах». Это не зависит от воли или ошибок большевиков, а зависит от того «социологического», как говорит Устрялов, фактора, что реализоваться могут лишь те цели, которые имеют объективные возможности осуществления. Без проблем усваиваются лишь «переваримые элементы» [59], поэтому нэп есть термидор, **обусловленный объективными причинами** [60].

Объективная необходимость выразилась в форме политики, обдуманно принятой партией большевиков, потому что во главе ее находился гегелевский «герой истории», «примерный государь Макиавелли, совмещающий в себе качества льва и лисицы», «реальный политик, разгадавший лукавство исторического разума», «фантаст и практик одновременно» [61]. Устрялов посвятил Ленину статью-некролог, в которой писал:

> «Он может быть назван духовным собратом таких исторических деятелей, как Петр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, Робеспьер — посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера» [62].

Охарактеризованный таким образом Ленин никак не мог игнорировать уроки прошлого, и Устрялов заключает, что лидер большевиков сознательно вступил на «путь термидора», что он «жертвует коммунизмом», чтобы «спасти советы» [63], то есть что он пошел на компромисс с буржуазией, чтобы не пасть, как Робеспьер.

> «В свое время,— пишет Устрялов в день четвертой годовщины Октября,— французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни — и погибли. Ни Робеспьер, ни его друзья не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы. Потому она и живет до сих пор, и положение ее вполне прочно, поскольку она, повинуясь велениям жизни, спускает нынешнюю Россию с вершин революции. Судя по всему, она делает это твердо, разумно, энергично» [64].

Такое толкование, превозносившее в нэпе то, что можно назвать «самотермидоризацией», стоило Устрялову обвинений со стороны сторонников Милюкова. Они упрекали его в том, что тактические изменения в политике большевиков он маскирует под их полную трансформацию. На это Устрялов ответил статьей, озаглавленной «Эволюция и тактика» [65]. Он утверждает здесь, что его концепция нэпа имеет смысл лишь в той мере, в какой объективная необходимость идет рука об руку с тактической проницательностью. Вопрос вовсе не стоит: «эволюция **или** тактика». Утверждать, что сменовеховцы противопоставляют одно другому, значит проявлять ограниченность, хотя и «широко распространенную» [66]. Не сомневаясь в тактическом характере намерений большевиков, Устрялов убежден, что эта тактика неизбежно повлечет за собой радикальную эволюцию, поскольку результаты новой ориентации выйдут из-под контроля авторов. Само собой, революционная фраза, лозунги, зовущие к победе коммунизма, идеология в целом продолжают властвовать над большевиками. Но большевизм, переставший быть воплощением немедленного коммунизма, не есть уже прежний большевизм, и то, что они приводят доводы лишь тактического порядка, не мешает их трансформации. Само собой, Ленин остается Лениным, даже когда он предоставляет экономические концессии, и Устрялов повторяет здесь то, что уже писал однажды в апреле 1921 г.:

> «Но оставаясь самим собой, он вместе с тем несомненно «эволюционирует», т. е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму» [67].

Объявив совершенно неприемлемым толкование, противопоставляющее «тактику» и «эволюцию», Устрялов меняет тон на торжественный и призывает, как если бы сам он был советским, эмигрантов-патриотов примириться с большевиками.

> «Мы вступили на «путь термидора», который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией — долг русских патриотов, а посильно содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу «новому курсу» революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского» [68].

Какова будет природа этого нового государства? Вот центральный вопрос «русского термидора» в понимании Устрялова. С одной стороны, его статья ведет к мысли, что в результате термидорианской эволюции установится буржуазный режим.

«Все яснее становится, что повернуть «назад к коммунизму» Москве даже и при желании уже не удалось бы. Формируются новые социальные связи, созревает «советская буржуазия» — прочное и реальное «завоевание революции». (...) Новые экономические отношения уже отражаются в правовой сфере (новый гражданский кодекс, вырабатываемый народным комиссариатом юстиции), затем неизбежно наметятся реформы управления, а когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, последуют, вероятно, соответствующие «рефлексы» и в области «большой политики» [69].

С другой стороны, повторяющиеся ссылки Устрялова на непоколебимость большевистской идеологии и стабильность их политической диктатуры выдают некоторые сомнения, будет ли итогом русского термидора лишь простой буржуазный режим, плоское повторение западной модели? Сомнения тем более ощутимые, что Устрялов превозносит Ленина за то, что тот сумел мобилизовать политику на сопротивление возникающему буржуазному режиму.

Из этой не вполне четкой мысли следует неожиданная оценка взаимоотношения между эволюцией и тактикой: тактика большевиков направлена против эволюции. Эволюция ведет к буржуазному порядку, а тактика сопротивляется ему. Похоже, что даже сам Устрялов отдавал себе отчет в противоречии, так как утверждал, что большевики **«притворяются»** властью, способствующей насаждению «буржуазного строя» [70].

Его замечания о природе будущего государства немногочисленны, но из высказанного все же скорее вытекает, что эволюция одержит верх над тактикой.

«Но ведь в конце концов важны не мотивы их, а конкретные результаты их деятельности» [71].

Несколько лет спустя Устрялов придет к пересмотру вопроса о соотношении эволюции и тактики. Но тогда, в начале 20-х гг., он думал, что эта пара, хотя и внутренне противоречивая, действует заодно во имя утверждения буржуазного порядка. Само собой разумеется, большевики не желают этого признавать, но «путь термидора» таков, что рано или поздно он непременно приведет их именно к такому концу.

Понятие термидора у меньшевиков

Мартов, как было показано, был первым из меньшевиков, кто поднял проблему русского термидора еще в 1918 г. Со времени Кронштадтского мятежа и введения нэпа до самой своей смерти 3 апреля 1923 г. Мартов был наиболее красноречивым выразителем взглядов своей партии по этому вопросу,

главным участником спора о термидоре с меньшевистской стороны. С сентября 1920 г., после того, как большевистские преследования окончились насильственным изгнанием Мартова из России, он выступал главным образом на страницах газеты «Социалистический вестник».

Он и в эмиграции продолжал утверждать, что между опытом большевиков и опытом якобинцев существуют параллели:

«...диктатура меньшинства есть то общее, что роднит нынешние революции с революциями предыдущей исторической эпохи» [72].

Две диктатуры могут выступать в одних и тех же формах:

«...партийные ячейки ничем не отличаются от якобинских клубов, ревкомы 1794 и 1919 годов совершенно однородны, комитеты бедноты выдерживают аналогию с теми комитетами и клубами, на которые якобинская диктатура опиралась в деревне, создавая их преимущественно из бедняков...» [73].

Их устройство не может разниться:

«Якобинская партия осуществляла свою диктатуру через сеть различных учреждений: коммун, секций, клубов, революционных комитетов... единицы типа наших Советов совершенно отсутствовали в этой сети» [74].

Мартов призывал читателей не обманываться тем, что устройство государственного аппарата, созданного каждой из двух революций, различно, т. к. «сущность механизма государственного управления» [75], его содержание определялись общим элементом: и там, и там — диктатура меньшинства:

«форма Советов в силу законных исторических условий... (у большевиков.— Т. К.) является уже относительно второстепенной» [76].

Эти исторические условия — наличие в России крупной промышленности и пролетариата.

«...Рядом с учреждениями, совершенно аналогичными учреждениям якобинской диктатуры (...) встречаем Советы, фабрично-заводские комитеты и профсоюзные центры, как нечто специфическое, налагающее особую печать на революции нашего времени. В этом, конечно, сказывается то влияние, которое на содержание и ход революции ныне оказывает пролетариат крупной промышленности. И, однако, это ни в малой мере не мешает тому, что и эти, чисто классовые, пролетарские по происхождению органы, выросшие из самих условий современной промышленности, точно так же служат аппаратом проведения диктатуры определенного партийного меньшинства, как и имевшие совершенно другие корни органы якобинской диктатуры 1792—1794 годов» [77].

В то же время Мартов полагал, что значение специфических форм большевистской диктатуры, развивающихся в новых

исторических условиях, выходит за пределы Российского государства.

«...Та исторически необходимая иллюзия, через посредство которой революционный пролетариат ликвидирует веру в свою способность непосредственно вести за собой большинство народа и воскрешает формы якобинской диктатуры меньшинства, созданные буржуазной революцией XVIII века и отвергнутые всем предыдущим ходом идейного развития рабочего класса в процессе его освобождения от духовного наследия мелкобуржуазного революционизма. Но как только таким образом «советская система» сыграла свою роль псевдонима, под покрытием которого сознание пролетариата воскрешает якобинско-бланкистскую идею диктатуры партийного меньшинства, она, эта система, приобретает тот характер универсальности, всеобщей применимости ко всяким революционным переворотам, при котором из нее необходимо вылущивается все специфическое содержание, связанное с определенным фазисом капиталистического развития, и становится всеобщей формой революции, совершающейся в обстановке политической распыленности и внутренней неспаянности народных масс при условии, когда старый режим в корне подточен ходом исторического развития» [78].

Итак, по мнению Мартова, специфические формы Октябрьской революции, соответствующие эпохе империализма, могут быть обнаружены в любой, сходной по своей природе революции, но они будут лишены революционного содержания (социализма) в угоду мелко-буржуазной идеологии, признанными носителями которой были французские якобинцы. В этом убеждении, а также в убеждении, что происходит якобинская деградация русской революции, скатывание ее к термидору, все больше укреплялся Мартов в последние годы своей жизни, находясь в эмиграции.

Мартов категорически отвергал как большевистскую схему, толковавшую русскую революцию как социалистическую, так и упрощенное представление о ней, как о чисто буржуазной. Он стремился доказать, что эта революция была отмечена оригинальным сочетанием двух тенденций: господствующей антифеодальной якобинского типа и той, что представляла стихийную борьбу городского пролетариата за освобождение.

Исходя из такого понимания, Мартов предлагал членам своей партии так называемую «двойную тактику» социал-демократов по отношению к большевикам: поддерживать их в реализации объективно оправданных задач, но постоянно непримиримо критиковать все элементы утопии и якобинского перерождения революции и даже бороться против них [79]. Под «утопией» Мартов понимал коммунистические идеалы, которых нельзя достичь немедленно по причинам объективного порядка. «Якобинское перерождение» означало у него необратимую трансформацию, сводящую на нет специфическую черту революции XX в., т. е. борьбу пролетариата за свое освобождение. Мелкобуржуазная революция якобинского типа не может быть целью сама по себе, т. к. она, по мнению Мартова, была бы анахронизмом. Вспоминается то недоверие, презрение, которое он выказывал по отношению к диктатуре большевиков: «жалкой пародии». Диктаторские методы в глазах Мартова исторически несовместимы с нынешней борьбой пролетариата за демократию и социализм.

П. Аксельрод полностью разделял скептицизм Мартова. Письмо Аксельрода Мартову, написанное в сентябре 1920 г., пестрит сходными суждениями: прежде героические битвы якобинцев сегодня, в XX в., выглядели бы как «искусное подражание», «фарс» или «ловкая пародия» [80]. Репрессии против восставшего пролетариата Кронштадта, террор и нетерпимость по отношению к другим социалистическим партиям для Аксельрода, Мартова и всех следовавших за ними меньшевиков, являлись выражением «якобинского перерождения».

В соответствии с «двойной тактикой» меньшевики одобряли принятые большевиками «антифеодальные меры», но критиковали любое проявление максимализма большевиков и их диктатуру. Так, нэп сразу же был одобрен как путь, ведущий к ликвидации утопии [81].

«То чего не могли сделать Робеспьер и Сен-Жюст, когда их утопическая диктатура завела их в тупик,— поворот к экономическому реализму — это удалось большевистской партии без того, чтобы сразу же подорвать основы своего существования (...). В отличие от того, что было во Франции, у нас... начало ликвидации утопического режима взяла на себя сама диктатура, установившая этот режим» [82].

В этих строках, кажется, проступает та же идея самотермидоризации, которую мы выделили у Устрялова. Однако прежде чем к ней подойти, каждый из авторов по-своему прибегает к аналогии. У Мартова нэп сам по себе не означает термидора; это всего лишь экономическая политика, весьма позитивная и реалистичная, в отличие от совершенно утопической, которая проводилась ранее. Природа нэпа соответствует режиму буржуазной демократии. Но в России — политический режим диктатуры, и он, стало быть, противен духу нэпа. Именно в этой несовместимости кроется термидор. Его наступление тем более возможно, что революционная утопическая диктатура не обеспечивает в достаточной мере интересов обездоленного класса. Мартов думает прежде всего о пролетариате:

«...ликвидация утопии (благодаря нэпу.— Т. К.) наталкивается на столь непреодолимые препятствия, создаваемые режимом диктатуры, что практическая развязка коммунистического опыта должна оказать-

> ся только отсроченной, а не совершенно избегнутой. И тогда русское 9 термидора, т. е. такой развал диктатуры, при котором ликвидация нагроможденных ею противоречий переходит в руки имущих классов в порядке подлинной буржуазной контрреволюции, стало бы лишь вопросом времени» [83].

Итак, в отличие от Устрялова, Мартов не отождествлял термидор с политикой экономического компромисса типа нэпа, он понимал под термидором антидемократическую политику, направленную против пролетариата; то, к чему идет страна, напоминает завершение Французской революции, ибо диктатура подавила первое серьезное проявление недовольства рабочего класса — Кронштадтский мятеж, и таким образом демократия, главная цель революции, подвергнута поруганию. Для сменовеховцев, напротив, Советская Россия вступает на путь термидора, так как с начала нэпа восстановлена частная собственность. Они приветствуют эту политику, как победу революции, узаконенной Историей.

С точки зрения меньшевиков, сборник «Смена вех» представлял идеологию новой советской буржуазии, указывал пути, которыми ей следовало идти, и методы, которыми следовало пользоваться на протяжении термидорианской стадии революции. Мартов отбрасывал идеологию сменовеховства, ссылаясь на интересы рабочего класса. Эту идеологию он считал безусловно «термидорианской». «Социалистический вестник», комментируя выход «Смены вех», писал:

> «Этот сборник — идеология нашего термидора, идеология русского бонапартизма. В этом его сила. Он глубоко национален и патриотичен. Однако несмотря на свою большевистскую внешность, этот сборник подлинно контрреволюционен» [84].

Будучи символом контрреволюции, термидор претил революционному духу меньшевиков, привлекая, напротив, сменовеховцев, видевших в нем единственное позитивное завершение революции; таким образом, демаркационная линия, разделившая мнения по поводу термидора, совпала с той, что разделяла два политических лагеря.

Меньшевики и сменовеховцы не одинаково объясняли термидор или русский термидор. Однако те и другие исходили из убеждения, что русская революция уже проходит свою термидорианскую стадию. Ставя такой диагноз, они не придавали значения фактору государственного переворота, вроде того, что произошел 9 термидора. Переворот может быть, а может и не быть, в судьбах революции это ничего не меняет, поскольку на политической сцене Советской России феномен термидора уже заявил о себе.

ГЛАВА VI

Аналогия проникает в Советскую Россию

В то время как в эмиграции «все говорят о русском термидоре», внутри страны вплоть до 1925 г. никто из большевиков не обращался к этой аналогии и не комментировал взгляды эмигрантов по этому вопросу. Сборник «Смена вех» оценивался в целом, без различия авторов и их собственных позиций; в нем видели психологический перелом в душах представителей определенных кругов буржуазной интеллигенции [1]. Корреспондент «Известий» думал даже, «что Советской власти следовало бы перепечатать этот сборник в России и распространить его в большом числе экземпляров» [2]. То же пожелание сформулировал 20 октября 1921 г. Л. Троцкий, выступая на II Всероссийском съезде политпросветов: нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки [3]. По мнению Троцкого, инструкторы могли использовать идеи сменовеховцев в политическом воспитании воинов Красной Армии.

Итак, вначале сборник «Смена вех» был принят хорошо, поскольку большевики видели в нем лишь средство расположить интеллигенцию в свою пользу [4]. Проблеме термидора, на которую большое внимание обращал Устрялов, не уделяли, следовательно, никакого особенного внимания.

Объяснением такого молчания служит, возможно, уже упоминавшийся ответ Лукина-Антонова Мартову: раз природа русской революции отлична от природы Французской, аналогия с термидором не имеет смысла. Большевики, по-видимому, не желали возвращаться к этому вопросу. Но главное, почему их не шокировало, во всяком случае в 1921-23 гг., постоянное упоминание слова «термидор» для обозначения отступления или признания невозможности немедленного введения комму-

ло людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

Много тому бывало примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит»[10].

Беспокойство Ленина заметно сразу[11]. Очевидно, что революция подвергается разным опасностям. Однако исторические примеры, приводимые Устряловым, не в состоянии усилить это опасение. Ни одного слова о термидоре. В то же время большевистский лидер строит свою речь исходя из «откровенного заявления» Устрялова; намек на единственный пример, который Устрялов постоянно употребляет в «Смене вех» прозрачен[12]. Делегаты, со своей стороны, легко могли понять, что вертелось у Ленина на языке (но не срывалось), принимая во внимание большое распространение сборника «Смена вех» и широкие отклики, которые он вызвал среди советской интеллигенции. Намек на термидор им был понятен[13]. Однако, никто из делегатов съезда не сделал решительного шага: слово термидор ни разу не было произнесено на съезде.

Молчание тем более странное, что Ленин излагает идеи автора-Устрялова, который получил известность именно как толкователь термидора. Как Ленину удалось пропустить термидор, тогда как по сути дела речь шла только о нем, и почему он пренебрег этим историческим примером?

Прежде всего Ленин приписывал Устрялову вопрос «Эволюция или тактика», против чего, как мы видели, Устрялов решительно возражал. Ленин утверждал следующее:

«Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы»[14].

Далее он обращал внимание персонально на Устрялова и выделял его среди других сменовеховцев:

«Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов... Он не соглашается со своими товарищами и говорит: «Вы там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю: это у них не тактика, а эволюция»[15].

Вопрос, поставленный таким образом, нес в себе ответ: Устрялов и сменовеховцы утверждают, что наша новая политика свидетельствует об «эволюции», тогда как мы, большевики, говорим, что речь идет о «тактических» мерах с нашей стороны. Такая подмена устряловской постановки вопроса позволяла избежать упоминания о связи между «эволюцией» и «тактикой». Но ведь известно, какое значение придавал этой связи сам Устрялов. Поставив «или» на место «и», Ленин исказил мысль Устрялова и мог спокойно таким образом подчеркивать в своей речи те «опасности», которые влекла за собой новая «тактика», но однако совсем не те, о которых предупреждал Устрялов. Ибо не говоря об эволюции, Ленин не должен был останавливаться на вопросе о перерождении, которое происходит, согласно Устрялову, с революционной властью и самими революционерами. Ленин представлял опасности таким образом, чтобы заставить думать, будто они происходят из «духа сменовеховства». Ленин заключал, что они

«...выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев и советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность»[16].

Опасность в его понимании исходила извне, от буржуазии и от «огромной массы», зараженной мелкобуржуазным духом. Малочисленные коммунисты (4700 ответственных коммунистов в Москве, как говорил Ленин), часто оказывались на поводу, их одурачивала бюрократическая машина, которая представляла собой как раз «огромную массу». В самих коммунистах Ленин не сомневался, не сомневался ни в их политическом влиянии, ни в экономической силе. Он обращался к делегатам съезда:

«...в чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно... Основная экономическая сила — в наших руках... Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»[17].

Буржуазия берет верх, потому что «буржуазные специалисты» лучше умеют управляться с делами, чем самые лучшие коммунисты, стоящие у власти. Учиться управлять, повышать культурный уровень членов партии и изгонять из партии чуждые ей элементы — вот средства, позволявшие выйти победителями из «отчаянной, бешеной, если не последней, то близкой к тому, борьбе не на живот, а насмерть между капитализмом и коммунизмом»[18].

Таким образом, проблема буржуазии, поднимающейся в государственном аппарате и внутри партии, рассматривалась как продолжение борьбы против давно известного пролетариату и его партии врага: буржуазии вообще. При диктатуре пролетариата и в условиях нэпа этот враг проявляет себя в виде «мелкобуржуазного духа», присущего крестьянству, «нэпманам» и особенно бюрократам, число которых увеличивается так, что вызывает тревогу. Социальные изменения, указанные в речи Ленина, выглядят как зло, порожденное «мелкобуржуазным духом», который завоевывает пролетарское государство.

низма, так это потому, что смысл слова соответствовал их собственному видению нэпа. До тех пор, пока уступки капитализму будут исходить от властей, контролируемых «пролетариатом», большевики могут не беспокоиться по поводу общей тенденции революции.

Однако Французская революция в целом и термидор в особенности несомненно присутствовали в сознании Ленина. Известно, что он рассматривал нэп как тактическое отступление в глобальной политике, имеющей целью построение социализма, но слишком мало известно о том, что он размышлял о нэпе, прибегая к аналогии, и утверждал:

> «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость *сами себя термидоризовать*» [5].

Или в плане брошюры «О продовольственном налоге» замечал: «1794 Versus 1921».

Ту же идею высказал Г. В. Чичерин, народный комиссар иностранных дел, в интервью Луизе Вейс, специальному корреспонденту газеты «Le Petit Parisien». По словам журналистки, речь шла о том, что «все в Москве, подражая Ленину или повинуясь ему, называли «новой политикой». Отвечая ей, Чичерин сказал:

> «Наша внешняя политика есть лишь выражение той новой экономической политики, которая есть *настоящий пролетарский термидор*» [6].

Когда Л. Вейс заметила, что это означает восприятие опыта Французской революции: лучше самим осуществить термидорианский переворот, Чичерин согласился, подчеркнув, что в советском контексте нет факторов, вынудивших Французскую революцию двигаться к термидору: «Заметьте, что нам никто никогда не угрожал. Наше положение никогда не было шатким». Оптимизм Ленина или Чичерина, по крайней мере в первые годы нэпа, разделяли большевики низовых организаций. Удивительно, но для выражения этого оптимизма им представлялась необходимой ссылка на Французскую революцию. Об этом красноречиво свидетельствует корреспонденция из Советской России, напечатанная в «Социалистическом вестнике»:

> «Присылайте побольше «Социалистического вестника», ибо... особенно велика жадность на «Вестник» в большевистских кругах. Но некоторые из них находят, что дело не так плохо: *«термидор», дескать, мы сами проделали,* проделаем сами и 18-е брюмера» [7].

Итак, понятно, почему большевики не реагировали на прогнозы Устрялова и сменовеховцев: что бы ни говорили эти «враги», это может быть только ложью. Убежденные в том, что вводя нэп, они управляют революционным процессом, большевики не вмешиваются в дискуссию, бесполезную с их точки зрения. Однако, в 1922 г. это ощущение собственной силы было поколебно заявлением Ленина: Устрялов говорит «классовую правду» [8].

В теории проблему термидора легко было отринуть, провозгласив, что она не стоит перед пролетарской революцией. Но то, что теория отвергала, революционная практика так или иначе должна была учитывать. Ведь вопрос в повседневной жизни было трудно игнорировать. Мы впервые сталкиваемся здесь с проявлением противоречия, ставшего впоследствии традиционным для Советского Союза: противоречием между революционным правоверием и исторической реальностью. Как выходили из подобных противоречивых ситуаций у истоков советской истории?

ТЕРМИДОР: ПРОБЛЕМА, ЗАГНАННАЯ ВГЛУБЬ СОЗНАНИЯ

То, что компромиссам советской власти эмиграция приписывала «термидорианский» смысл, как будто не занимало большевиков, убежденных Лениным, что они управляют новой экономической политикой. Но социальные последствия этой политики и появление мелкой буржуазии их беспокоило. В докладе, представленном от имени Центрального Комитета XI съезду партии, Ленин проявил особый интерес к этому вопросу. Он во всеуслышанье привлекал внимание большевиков к тому, что называл опасным подъемом участников новой экономической политики.

Сохранилось четыре варианта плана этого доклада. Все они показывают высокую степень озабоченности Ленина, а также значение, которое он придавал высказываниям Устрялова. Среди первых пунктов, которые Ленин собирался развить перед съездом, во всех вариантах фигурирует дилемма: «Эволюция или тактика?». Упорное повторение этого вопроса, так же как и лаконичный ответ на него в том же наброске плана: «Устрялов в «Смене вех» лучше чем «сладенькое комвранье» [9], показывают, что Ленин со своей стороной отчасти признавал наличие проблемы, поставленной Устряловым. В речи на съезде это положение трансформируется в предупреждение:

> «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое чис-

Противник находится вовне, капитализм и коммунизм, старое и новое схватились в борьбе не на жизнь, а на смерть. Идею же борьбы внутри нового, то есть перерождения, а значит трансформации руководящих кадров пролетариата и партии в новый господствующий класс с неизвестной еще ментальностью, Ленин отвергает, заменяя слово термидор другими словами. Ленин предпочитал привлекать внимание съезда к опасности, исходящей от буржуазии, к пережиткам прошлого, а не к перспективе термидорианского перерождения, обозначенной Устряловым.

В то же время Ленин реагировал на появление нового руководящего слоя, когда стали заметны первые симптомы трансформации революционного режима в бюрократическое государство. Особое внимание уделено этому в последних ленинских статьях, объединенных общим названием «политическое завещание». Но и здесь он едва касается этой мысли, как будто боится довести свое рассуждение до конца, то есть до установления аналогии с термидором. Над сомнениями одерживала верх вера во всесилие основанной им партии, которая должна обеспечить непрерывность революции.

Причину обращения Ленина на съезде к такому пережитку прошлого как буржуазия, а не к «термидорианскому перерождению», что отвечало бы его ссылке на Устрялова, нужно также искать в вере в революционный реформизм. Ленин считал возможным победить напускную революционность, от которой становится «тошнехонько», как он признавался делегатам [19], с помощью революционного реформизма, что равнозначно замыслу управлять термидорианским заносом революции.

Наконец, если Ленин не применяет те же термины, что и «классовый враг», то только потому, что он убежден: «эволюции», о которой говорил тот, можно избежать. Эти термины рискованны, так как могут исказить оценку опасностей. Он различал опасности двух типов: первую, уже упомянутую «внешнюю», непосредственно угрожающую революции; вторую, связанную с повседневными трудностями, и ей партия должна противостоять, организуя строительство нового мира. По-видимому, предупреждение «термидорианского перерождения» в устряловском смысле слова составляло часть этой повседневной работы, и в глазах Ленина это была второстепенная опасность, вполне преодолимая проблема роста.

Именно под этим углом зрения она ставилась и другими выступавшими на съезде. Зиновьев, например, построил свою речь в соответствии с той же логикой, что и Ленин. Он ссылался на злорадство классового врага [20], чтобы констатировать, что за ним есть доля правды. Далее следовал призыв не закрывать глаза на трудности, которым радуются враги; и, наконец, давалось представление об опасности. Она представала в виде враждебного буржуазного окружения или чуждого элемента, проникающего в партию:

> «Верно то, что в силу нашей «монополии легальности» к нам проникает совершенно стихийно, непроизвольно, такой элемент, который при другой обстановке не был бы в партии большевиков, а был бы в партии эсеров» [21].

Картину дополняет образ наводнения партии «мартовскими большевиками» [22].

В речи Скрыпника, делегата от Киевской организации КП(б)У, опасность отождествляется с государственным аппаратом, переполненным сменовеховцами:

> «Мы замечаем весьма много фактов и явлений, когда на практике линия советских агитаторов совсем иная, нежели та линия, которую дает наша партия» [23].

Один из военных руководителей, Антонов-Овсеенко, видит опасность в крестьянстве, и особенно в растущем кулацком засилье» [24].

Итак, лейтмотивом выступлений, в которых ставится вопрос об опасности, является образ врага, подстерегающего партию извне.

Другая общая черта речей — оптимизм. Зиновьев, например, верит, как и Ленин, во всемогущество партии. Избежать вырождения коммунистов — это трудная, но вполне осуществимая задача:

> «Мы говорим: НЭП отразится на нашей партии и остро поставит проблему неравенства в партии и создаст кучу всяких других проблем (...). Он создаст много мелких перегруппировок, которые, если вовремя не увидеть, могут привести к омертвению некоторых частей партийного организма. Он создаст для нас огромные трудности, но мы знаем, что путь пролетарской диктатуры не устлан розами и имеет очень много трудностей, которые мы должны преодолеть» [25].

Нэп являет собой угрозу, но если линия партии и ее Центрального комитета верна, то нэп может привести к положительному результату. Вот почему эта политика должна сопровождаться чистками партии, которые будут обновлять ее состав. Зиновьев заключает, что если первая чистка совпадает с началом нэпа, то это не случайно.

Если судить по выступлению Бубнова, отвечающего в партии за пропаганду, то не все коммунисты разделяли такой чрезмерный оптимизм. Бубнов упрекает Зиновьева, что тот несколькими «слабенькими словечками» разделывается с про-

блемой мелкобуржуазного перерождения[26]. Но и он, в свою очередь, не задерживается на проблеме перерождения, а ограничивается лишь указанием на нее:

> «Не нужно быть трусами, нужно резко эту опасность формулировать. Т. Зиновьев ничего не сказал относительно внутреннего состояния партии. Оно неблагополучно. Я утверждаю, что предсъездовская кампания говорит, что внутреннее положение партии таит в себе большие опасности»[27].

Бубнов не доводит свою мысль до конца, возможно впрочем, что он и не вполне додумал ее. Но неудовлетворенность тем, как подходят к проблеме перерождения, выражена у него четко. И если такой четкости у других ораторов не было, то схожее недовольство прорывалось и у них.

Один делегат от Москвы, Стуков, например, не соглашался с Лениным в том, что все проблемы, связанные с властью, с которыми пришлось столкнуться партии, можно исчерпывающе объяснить недостатком культуры руководителей-коммунистов[28]. Рязанов, делегат от Социалистической академии, заявлял, что Ленин, говоря о внутренних делах партии, преподнес съезду «нечто вроде сахарных пряников» — такой сладкой показалась ему ленинская речь[29]. Что же касается Мануильского, секретаря ЦК партии Украины, то он упрекал Зиновьева в недостатке ясности в вопросе о трудностях, вставших перед партией в связи с нэпом[30].

Подчас в поддержку тезиса о моральном падении коммунистов обращались к примеру скатывания к контрреволюции после 1848 или 1905 гг.[31]. Но и в этом нащупывании проблемы перерождения на исторических примерах никогда не доходили до термидора. Даже у тех коммунистов, которые призывали как будто бы посмотреть на внутренние дела партии, ситуация, в которой очутились большевики, не ассоциировалась с той, какую переживали якобинцы в 1794 г. Одно замечание Мануильского помогает понять, почему выбирали 1848 или 1905 гг., а не 1794 г.:

> «Французская революция была началом новой эпохи в истории развития человечества, и третье сословие в *исторической перспективе выиграло*»[32].

Был термидор или нет, но Французская революция оставалась победоносной буржуазной революцией, и как таковая не имела точек соприкосновения с пролетарской революцией. Пожелание Бубнова, так же как едва заметная критика в выступлениях других делегатов, не было подхвачено, и спор о перерождении тут же оборвался. Резолюция «Об укреплении

и новых задачах партии» отражала сформулированное Лениным мнение, которое господствовало на съезде:

> «Обстоятельства переходного периода, несомненно таят в себе потенциальную возможность ухудшения социального состава партии и заражения ее мелкобуржуазным влиянием»[33].

Как и у Ленина, в резолюции фигурирует угроза партии извне. Выражения, вроде «проникновение чуждых элементов», «мелкобуржуазная волна, увлекающая крестьян-собственников и нестойких пролетариев», «распространение мелко-буржуазных нравов в партии» способствуют складыванию у членов партии представления, что, с одной стороны, есть авангард пролетариата, партия, и даже пролетарское государство, и они совершенно здоровы, с другой стороны, есть мелкобуржуазный многоликий враг, который угрожает этому здоровью.

Поднимая вновь проблему перерождения в 1923 г., Троцкий начал со следующего поразительного заявления:

> «Достаточно сказать, что еще 2—3 месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата... встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса, в центре и на местах, высокомерное пожимание плеч или возмущенный протест. (...) Эти товарищи искренне не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами. (...) И этот бюрократизм они истолковывали как простой пережиток военного периода, т. е. как нечто такое, что постепенно идет на убыль...»[34].

Троцкий полностью подтвердил, что ответственные коммунистические работники на XI съезде поддержали то понимание перерождения, которое им больше всего подходило: бюрократическое зло, наследие царизма и буржуазии, чуждое диктатуре пролетариата и его партии по самой своей сути. Они тем более были в этом убеждены, что в докладе Ленина и в резолюции съезда указывались те же самые признаки опасности.

Следует ли думать, что члены партии не замечали сходства между упомянутым на съезде перерождением и «термидорианским перерождением», о котором предупреждали классовые враги? Вряд ли, ведь заявление Ленина о том, что «классовый враг говорит классовую правду», побуждало размышлять о различии между «буржуазным» перерождением (под влиянием внешнего фактора) и «термидорианским перерождением» (внутренне присущим революционной партии).

Было ли это заявление ясным, как это позволяет думать партийное мнение? Конечно, «правда», которую Ленин извлекал из произведений Устрялова, лишь частично соответствовала мысли последнего, так как большевистский лидер обходил молчанием термидор. Но коль скоро было избрано слово

«правда», а никакое другое, то аналогия с термидором получала как бы официальное дозволение не только от Ленина, но и от съезда. Используя слово «правда» по отношению к высказываниям Устрялова, Ленин исподволь побуждал членов партии обратиться к первоисточнику. Любой и каждый мог поискать «правду» у самого Устрялова. В то же время отсутствие на съезде каких бы то ни было ссылок на термидор служило предостережением для тех, кто позволял себе задавать вопросы. Предупрежденные, но дисциплинированные члены партии должны были считать, что говорить о термидоре — политическая ошибка. Разница между «правдой» Ленина и «правдой» Устрялова не была четкой, и члены партии, уважая молчание, установленное съездом вокруг термидора, должны были сами разбираться с неясной речью о двух «правдах».

Итак, в 1922 г. в отличие от предшествующего периода, ознаменованного ясностью позиций, сформулированных Лукиным-Антоновым, вопрос об аналогии с термидором оказался запутанным. Ибо нужно думать, что двусмысленность широко известной ленинской формулы не могла остаться незамеченной.

ТЕРМИДОР: НАЗВАНИЕ, КОТОРОГО СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ

Еще более настойчиво, чем Ленин, забил тревогу Троцкий. В опубликованном в «Правде» письме «Новый курс»[35], а затем в брошюре под тем же названием, дополненной новыми главами[36], Троцкий энергично разоблачал опасность перерождения, полагая, что со времени XI съезда коммунисты не вполне ее осознают и не применяют предписанные меры. Анализируя феномен бюрократизации, он приходил к выводу о «бюрократическом перерождении».

Под этими терминами Троцкий понимал процесс, происходящий в аппарате партии, который наполнялся бюрократами в связи со свойственной ему тенденцией смешивать свои собственные задачи с задачами государственного аппарата. Это смешение, о котором уже беспокоился Ленин как о серьезной ошибке, автор «Нового курса» сделал стержнем своей критики[37]. Согласно ему, именно это все растущее смешение вело к проникновению повседневной бюрократической практики государства в аппарат партии[38]. Наряду с медленным развитием промышленности оно являлось главным источником бюрократизации. Так, Троцкий переносил акцент со столь свойственного ленинской речи мелкобуржуазного вмешательства, вызывающего перерождение, на то, что вытекало из «новых функций», «новых трудностей» и «новых ошибок» партии[39]. Троцкий многократно повторял мысль, что

> «...бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление, по существу, новое»[40].

Термин «буржуазное перерождение», употребляемый обычно членами партии, в брошюре Троцкого фигурирует только один раз, когда он излагает наиболее неблагоприятные для советской власти гипотезы:

> «В случае медленного роста перевеса частного капитала над государственным, политический процесс принял бы преимущественно характер перерождения государственного аппарата в буржуазном направлении с соответственными отсюда последствиями для партии. При быстром росте частного капитала и смычки его с крестьянством могли бы возобладать активные контрреволюционные тенденции, направленные против коммунистической партии»[41].

Итак, буржуазное перерождение требует для своего осуществления особых условий, тогда как «бюрократическое перерождение» (Троцкий называет его также «оппортунистическим») порождает само себя. Опасности, обусловленные нэпом и задержкой европейской революции, не стоят на первом плане. Для него подлинная проблема состоит не в том, какой климат благоприятен для «бюрократического перерождения», но корни зла. Не нужно приписывать их царистскому прошлому или частному капиталу, а нужно согласиться с тем, что даже лучшие из революционеров не застрахованы от опасности «идейного измельчания и оппортунистического перерождения»[42].

Как этого избежать? Нужно бороться за демократию внутри партии. Этот ответ лежит в основе брошюры Троцкого, показывая, что он не так, как Ленин, представляет себе перспективу: призыв к борьбе против мелкобуржуазной опасности, выдвинутый XI съездом, заменен у него лозунгом объединения членов партии во имя демократии. Речь идет о двух сторонах одной медали. Троцкий стремился ее перевернуть, чтобы показать опасность, грозящую партии изнутри: в самом ее аппарате, где бюрократизм достиг «чрезвычайного поистине опасного развития»[43].

> «Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что формулированное резолюцией ЦК (опубликованной 7 декабря 1923 г. в «Правде» — Т. К.) обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных уклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической

тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, т. е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу» [44].

Эволюция партии, картину которой набросал Троцкий, незаметно сближается с определением, которое Устрялов давал «пути термидора». В последней фазе сделан даже смутный намек на государственный переворот. Речь идет о чертах перерождения, которые радовали сменовеховцев, но сильно беспокоили Троцкого, боявшегося возможной эволюции партии. Текст «Нового курса» пестрит словами, выражающими тревогу, вроде «опасность» и «перерождение». Троцкий решительно отбрасывал такую бы то ни было аналогию с Французской революцией.

«Исторические аналогии с Великой французской революцией (крушением якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны» [45].

Это заявление выглядит ясным и четким, и именно такое впечатление оно произвело на современников. В 1927 г. в докладе на собрании актива Ленинградской организации его процитирует Бухарин, как неоспоримое доказательство лояльности Троцкого в период «Нового курса», когда тот стремился отмежеваться от «либерализма» и «меньшевизма» [46].

Можно однако усмотреть расхождение между утверждением Троцкого, предназначенным для публики, и его более интимными размышлениями. Так, четкость его позиции в 1923—1924 гг. сильно поколеблена одним его собственным воспоминанием. В книге «Моя жизнь» он рассказывает о своей беседе со Склянским летом 1925 г. и признает, что тогда «впервые с полной ясностью», «с физической убедительностью подошел к проблеме термидора» [47]. Иначе говоря, до 1925 г. термидор представлял для Троцкого затруднение. Впрочем, мог ли он его игнорировать, даже отказывать ему в возможности осуществиться в России и в то же время ставить в центр своих забот «перерождение» революционеров?

Позволительно думать, что если термидор отсутствует в «Новом курсе», так это потому, что автор сознательно избегает его. Почему Троцкий предпочитает говорить о «крушении якобинцев» там, где «либерализм» (то есть сменовеховцы) и «меньшевизм» употребляли совершенно определенный термин?

Выяснить это тем более интересно, что намек на термидор был прозрачен, если судить по работе, написанной по свежим следам истории троцкистского «уклона». Ее автор, старый большевик С. И. Канатчиков, связанный с Зиновьевым, следует весьма показательной логике: раскритиковав «Новый курс», он целую главу посвящает якобинизму, разоблачая троцкизм, дебютировавший в 1904 г. с работой «Наши политические задачи», в которой Троцкий предсказывал пришествие термидорианцев социалистического оппортунизма [48]. Еще более красноречивы комментарии Бухарина. В уже цитированном выше докладе на собрании актива Ленинградской организации, ссылаясь на «Новый курс», он объяснил, что в 1923 г. все знали, как расшифровать слова Троцкого:

«Что это за аналогия с Великой французской революцией? Эта аналогия с Великой французской революцией, это есть аналогия с термидором, бонапартизмом и прочими „жупелами“» [49].

Почему же Троцкий не произнес слово, которое все были готовы услышать?

Следует думать, что одной из причин могло быть отсутствие ясности в отношении к термидору (не играла ли тут свою роль «классовая правда»?) Намеренно или нет, Троцкий должен был стремиться заменить термин, даже если приходилось лишить «либерализм» и «меньшевизм» того, что было им свойственно. Кроме того, слово было скомпрометировано вдвойне: оно означало контрреволюцию и происходило из словаря, который использовал для выкрикивания угроз классовый враг. Сверх того, термин «термидор» рисковал привлечь внимание читателей к деморализующему историческому прецеденту и толкнуть их к ассоциации с перерождением, а это как раз и должно было смущать Троцкого. Зато выражение «крушение якобинцев» вызывало в памяти образ героев и мучеников, пробуждающий сострадание, а не пессимизм, и это придавало читателям энтузиазм бороться, чтобы избежать участи якобинцев. Таким образом замену слов можно объяснить стремлением защитить советских людей от дурного влияния проклятого термина. Историческая память Троцкого избирательна для того, чтобы избавить советских людей от искушения сравнивать Октябрьскую революцию с Французской. Он действительно отсылает читателей к Истории, говоря, что она предоставляет немало случаев перерождения, и он выбирает один из них: самый «свежий и яркий» — тот, что касается руководителей партий II Интернационала, прямых учеников Маркса и Энгельса [50]. И хотя самый неудобный из примеров — термидор — тщательно замалчивался, но и только что приведенного было вполн-

не достаточно, чтобы задеть чувствительность бюрократов, которые расценили содержавшееся в «Новом курсе» предупреждение и саму брошюру, как «оскорбление», «покушение»[51]. Партийное мнение упрекало Троцкого в клевете на Центральный Комитет. Свободная дискуссия в печати превратилась после опубликования «Нового курса» в антитроцкистскую кампанию, страницы «Правды» пестрели разоблачениями «уклонистов», «мелких буржуа», «антиленинцев» или меньшевиков, а для оппозиционеров эти страницы были закрыты.

Поскольку слово «перерождение» стояло в центре упреков в адрес руководителей, то реакция членов партии на этот термин в ходе дискуссии декабря—января выявила сложности его восприятия, порожденные недосказанностью со стороны критиков. Известно, что XI съезд принял значение слова, определявшее источник перерождения вовне партии, и это еще усиливалось прилагательным «мелкобуржуазное». С тех пор эти два слова употребляли вместе, не подозревая, что они могут нанести ущерб революционному достоинству, точнее, на это не обращали особое внимание, поскольку формула была дозволена. Но когда Троцкий поменял прилагательное «мелкобуржуазное» на «бюрократическое» и таким образом расширил значение слова «перерождение», которое теперь относилось к партийным кадрам, включая и самых лучших членов партии, то аппарат выказал ему свое возмущение.

В относящихся к дискуссии материалах газеты «Правда» (статьях, письмах, отчетах о собраниях) слово «перерождение» фигурирует лишь для того, чтобы отрицать реальность того, что оно обозначает, или чтобы упрекнуть Троцкого в его употреблении[52]. Вот что можно было прочесть в анонимной статье, появившейся на первой странице «Правды» 13 декабря 1923 г.:

> «За последнее время начали связывать — и в печати и на дискуссионных собраниях — критику аппарата с критикой политической линии ЦК. Фундаментом для этой критики послужила известная аналогия между учениками Маркса и Энгельса, с одной стороны, и учениками тов. Ленина, с другой. (...) Но смешно и нелепо намекать на перерождение ближайших учеников Ленина. (...) ...Всякому ясно, что цель такой постановки вопроса не имеет ничего общего с объективным анализом событий. (...) Когда внутри нашей партии начинается такая «критика», то партия с громадным единодушием отвергнет самую постановку вопроса»[53].

Итак, после выхода «Нового курса» руководство партии смешивало употребление слова с оппозиционным духом, и участники дискуссии, следовательно, его не употребляли. Зато реакция на проблемы, которые поднимало слово «перерождение», была не столь единообразной, как реакция на само слово. Здесь можно различить как минимум две позиции: уклончивость и непонимание.

Уклончивость наблюдается у самого Троцкого, когда он утверждает, что бюрократизм вытекает из новых функций партии. Логика требовала от него заключения, что эти трудности *свойственны революционной власти как таковой*; буржуазная или пролетарская, она подвергалась одинаковым опасностям, тем, что Х. Г. Раковский, близкий Троцкому, назовет позже «профессиональным риском» власти[54]. Но «Новый курс» ограничился оптимистической перспективой:

> «Гибель якобинизма была предопределена незрелостью социальных отношений: левое крыло — разоренные ремесленники и торговцы, лишенное возможностей хозяйственного развития, не могло быть устойчивой опорой революции; правое крыло — буржуазия — неизбежно возрастало; наконец, Европа, экономически и политически более отсталая, не давала возможности революции развернуться за пределами Франции. Во всех этих отношениях наше положение несравнимо более благоприятно. Ядром революции и одновременно ее левым флангом является у нас пролетариат, задачи и цели которого целиком и полностью совпадают с задачами социалистического строительства»[55].

Уклончивость свойственна также руководству партии; она проявляется в расплывчатости, с которой оно представляет проблему бюрократизации перед рядовыми членами партии. Центральный Комитет отвергал эту проблему, поставленную оппозицией[56]. Однако после осуждения «Заявления 46» как «фракционного» маневра ЦК, чтобы умиротворить оппозицию, подхватил почти все выдвинутые ею критические соображения[57]. Но в низовых организациях не смогли уловить, что нового возникло в старой проблематике и почему об этом теперь стали столько говорить.

Публикации в «Правде» показывают непонимание низами официальной позиции относительно «бюрократизма» и «перерождения». А. Камень, один из первых, кто отвечал на статью Зиновьева «О новых задачах партии», опубликованную 7 ноября и открывшую обсуждение, утверждал, что проблемы бюрократизации и демократии, поставленные в повестку дня Зиновьевым, не новы[58]. Другая статья, само название которой «Новые решения или исполнение старых?» свидетельствует о недоумении, отвечала Зиновьеву не без язвительности:

> «Многочисленные постановления и борьба с бюрократизацией партии и профсоюзов, принимавшиеся и неоднократно подтверждавшиеся партийными съездами и конференциями, предопределили решение этих вопросов на ряд лет[59]. Третья статья дает представление о самой распространенной среди членов партии реакции: низы молчат, громад-

ное большинство членов партии не читает «Правды» и или ничего не знает о дискуссии, или знает о ней только понаслышке. Та часть, которая о дискуссии кое-что слышала, не придает и *новым* разговорам большого значения» [60].

Вначале дискуссия базировалась на двух порблемах: бюрократизации и демократии, но затем первая быстро была отброшена, и спор сконцентрировался на второй. Практически обсуждалась только необходимость преобразования партии в направлении большей демократии [61]. Почти все участники дискуссии коротко упоминали о бюрократии, но всегда заканчивали выводом, что это, конечно, проблема, но рутинная. Ведь то новое, что было в этом вопросе, т. е. понимание «бюрократического перерождения» как явления, коренящегося в самой партии, членам партии не было сообщено. Во всяком случае, «Правда», орган, отражавший позицию руководства партии, так ориентировала своих сотрудников и читателей, что новый аспект проблемы бюрократизации, выделенный оппозицией и развернутый в «Новом курсе», не затрагивался в обсуждении.

То, как употребляли слово «перерождение», подтверждает, что начиная с XI съезда, говоря об этой опасности, благоразумно следовали стереотипу. Перерождение должно было быть буржуазного происхождения и вытекать из нэпа. Никаких иных суждений не терпели. Разоблачения, которые изредка делались, в частности Каменевым, имели все тот же смысл [62]. Любое другое перерождение было немыслимо, потому что логика требовала бы тогда признания конца революции, т. е. термидора. Так, когда Троцкий вышел за рамки допустимого, он натолкнулся на всеобщее неодобрение, и сам Сталин взял на себя труд его критики. В «Правде» от 15 декабря 1923 г. он напомнил публике тот условный язык, которого следовало придерживаться:

«Я отнюдь не думаю, что старые большевики абсолютно гарантированы от опасности перерождения, так же, как не имею основания утверждать, что мы абсолютно гарантированы, скажем, от землетрясения. Опасность такую, как возможную, можно и нужно допустить. Но значит ли это, что опасность эта является реальной, наличной? Я думаю, что не значит. Да и сам тов. Троцкий не привел никаких данных, говорящих об опасности перерождения, как и реальной опасности. А между тем внутри партии имеется у нас ряд элементов, могущих породить действительную опасность перерождения некоторых рядов нашей партии. Я имею в виду одну часть меньшевиков, вошедших в нашу партию поневоле и не изживших еще старых оппортунистических навыков» [63].

В этом пункте Сталин вспомнил слова Ленина, который в сентябре 1921 г. во время чисток разоблачал оппортунистов, умевших приспособиться, и продолжал тоном негодования:

«Как можно закрывать глаза на реальную опасность, выдвигая на первый план опасность, собственно говоря, нереальную...» [64].

Так, сделав авансы тем, кто мог оказаться чувствителен к речам оппозиции, Сталин в конце концов отбрасывал всякие сомнения. Опасности нет — таково было последнее слово генерального секретаря Центрального Комитета партии.

Какой вывод мог извлечь из дискуссии вокруг «Нового курса» рядовой член партии? Было ясно, что не нужно трогать проблему «перерождения», но граница между тем, о чем можно было говорить, и тем, о чем следовало молчать, отчетливо прочерчена не была. Предосторожности, которые принял Троцкий, поднимая проблему, лишь доказывали, что она весьма деликатна. Между «перерождением» и «термидором» явно была перекличка. Кроме того, если кто-то хотел коснуться вопроса о «перерождении», нужно было это делать так, чтобы и тень подозрения не пала на партию. Дискуссия как бы показывала, что говорить о перерождении — это дело Ленина и Сталина.

«ТЕРМИДОРИАНЦЫ»: НЕВЫГОВАРИВАЕМЫЙ УПРЕК

1924 г. ознаменован поворотом в видении большевиками нэпа. После смерти Ленина некоторые руководители, так же как и коммунисты низовых организаций, начали сомневаться, что эта политика имела тактический характер. Если впервые аналогия «нэп-термидор» всплыла в эмиграции, то теперь она начинала понемногу завоевывать оппозиционные круги внутри партии.

Первый шаг был сделан осенью 1925 года и вел дальше, чем «Новый курс». Импульс опять исходил от Устрялова, который опубликовал в Харбине сборник статей «Под знаком революции», где речь шла о русском термидоре [65]. Эта книга породила отклики внутри партии, где недовольство нэпом ставило серьезные проблемы. Книга стала мишенью как для оппозиции в Ленинграде, так и для партийного большинства. Обе стороны, критикуя Устрялова, использовали его для сведения своих счетов. В их скрытой полемике подразумевались взаимные обвинения в термидорианском стиле поведения, и все вертелось вокруг невыговариваемого вопроса: кто же истинный термидорианец? Тот, кто вставал в ряды оппозиции, или тот, кто следовал большинству?

На первый взгляд, ленинградская оппозиция в лице Зиновьева, автора статьи «Философия эпохи», упрекала Устряло-

ва[66]. Но при более внимательном анализе статья разоблачала политику, напоминавшую о вещах, о которых говорил Устрялов: приверженность нэпу, доверие к крестьянам, выраженное в лозунге «Обогащайтесь!», тенденция к смешению нэпа с социализмом, короче говоря, комплекс мер, которые оппозиция рассматривала как уступки капитализму. Ясно было, что Зиновьев бросал камни в огород партийного большинства. Через критику, внешне направленную против Устрялова, он предостерегал партию и в особенности Центральный Комитет от опасности перерождения.

> «Полезно выслушать грубую классовую правду классового врага, узнать, на что он ставит ставку»[67].

Зиновьев не нападал прямо на руководство партии. Он был настолько осторожен, что не говорил о перерождении. Так, он предварил свою статью эпиграфом, являющимся цитатой из речи Ленина на XI съезде: «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны...». На протяжении всей статьи — почти две полных страницы в двух номерах «Правды» — он противопоставлял рассуждения Устрялова словам Ленина, чтобы прийти к выводу, что второй был прав и что нужно прислушаться к его предупреждениям, остающимся актуальными и теперь:

> «Наш долг — долг пролетарских революционеров — трезво отдать себе отчет, действительно ли в современной социально-политической обстановке намечаются те процессы, которые так приветствует, так призывает, так славословит Устрялов.
>
> Ставя этот вопрос, мы должны вслед за Лениным ответить на него прямо: да, развитие нэпа при затяжке мировой революции действительно чревато среди других опасностей и опасностями перерождения. На это десятки раз указывал Ленин. На это указываем мы все теперь, хотя наши хозяйственные успехи огромны»[68].

Несмотря на множество предосторожностей — обращение к словам Ленина, высказывание от имени «нас всех» или получение предварительного одобрения статьи Центральным комитетом — «Философия эпохи» была осуждена как покушение на революционное достоинство партии и ее Центрального Комитета, заподозренных в перерождении и в склонности к термидорианству. Именно таков был смысл статьи Бухарина «Цезаризм под маской революции»[69], опубликованной в ответ на статью Зиновьева, хотя автор ее и не употреблял данных определений.

Бухарин, олицетворявший партийное большинство, в свою очередь, атаковал Устрялова, но лишь для того, чтобы полемизировать с ленинградской оппозицией. Бухарин обвинял ее, хотя и не говорил об этом прямо, в увлечении ошибочной аналогией с термидором. Это обвинение еще более отчетливо прозвучало на XIV съезде, когда «Философию эпохи» живо критиковали как источник вдохновения для тех, кто открыто говорил о термидоре.

> «Почитайте внимательно «Философию эпохи» тов. Зиновьева,— говорит Л. М. Каганович,— там вы найдете метко, искусно, литераторски составленные цитаты, такие, что даже сразу не поймешь... Как будто об Устрялове речь идет, а на самом деле там стреляют по товарищу Бухарину, пытаются показать, что есть перерождение»[70].

В речи первого секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича хорошо видно, что если поднимался вопрос о перерождении, то подразумевался термидор. Даже те, кто уважал неписанные правила обращения к этому деликатному сюжету, как, например, Зиновьев, не были гарантированы от обвинений в «термидорианстве». Совершенно очевидно, что в этот период слово «перерождение» стало синонимом слова «термидор».

В споре Зиновьева с Бухариным важно прежде всего то, что открыто поставленные оппозицией вопросы о перспективах нэпа на самом деле отражали растущее беспокойство по поводу термидорианской альтернативы. Это не было еще отчетливо сформулировано, так как слово «термидор» было впервые произнесено «классовым врагом» (Устряловым и другими). Данный смысл, как еретический и фракционный, отвергался всеми, в том числе и оппозицией. Зиновьев, к примеру, категорически отвергал аналогию:

> «Устрялов и прочие переносят на пролетарскую революцию законы развития буржуазной. Они по аналогии думают и ошибаются»[71].

Конечно, главной причиной неприятия было то, что большевики усматривали классовое различие между двумя революциями. Но отсутствие «полной ясности», если воспользоваться выражением Троцкого, тоже имело значение. Большевики предпочитали уклоняться от нерешенного вопроса: казалось, чем меньше говоришь, тем меньше и угроза термидора.

1925 ГОД: «ДЕЛО ЗАЛУЦКОГО» ИЛИ ВЫГОВОРЕННОЕ, НАКОНЕЦ, СЛОВО «ТЕРМИДОР»

Анализ того, что не говорилось о термидоре, можно дополнить и подкрепить тем, что было о нем сказано. В 1925 г. аналогия по оплошности срывается с уст, и тогда раздражение, как будто долго сдерживаемое, вырывается, наконец, наружу. Реакция оказалась столь бурной, что невозможно не

задаться вопросом о причинах этого внезапного неистовства и не вспомнить о предшествовавшем ему молчании. Сказанное о термидоре можно объяснить лишь невысказанным до сих пор, и наоборот.

Но прежде чем разбираться в негодующих выкриках, намеках и недомолвках, нужно обратиться к истории того, что называется «делом Залуцкого».

Осенью 1925 г. П. А. Залуцкий[72], секретарь Ленинградского губкома партии, беседовал в своем рабочем кабинете с Леоновым, уполномоченным Молотова, в то время секретаря ЦК. Делая ставку на свою давнюю дружбу с Залуцким[73], Молотов хотел через посредство эмиссара осведомиться о положении дел в Ленинграде, так как оно сильно беспокоило центральное руководство партии[74]. Леонов обратил внимание Залуцкого на то, что Ленинградская организация находится в оппозиции Центральному Комитету, и потребовал объяснений. Прекрасно сознавая, что Леонов передаст его слова Молотову и таким образом они дойдут до Секретариата ЦК, Залуцкий воспользовался случаем, чтобы защитить позицию Ленинградской организации. Вот его рассуждения:

«Один исторический пример должен быть у нас сейчас в центре внимания: это — термидорианский путь развития Великой французской революции.

Не надо забывать, что «устранение» эбертистов было началом пути к термидору. Три социальные силы в данный момент занимаются изучением этого периода: сменовеховская и милюковская буржуазия, эсеры и меньшевики и пролетариат.

Первые две силы в своей политике исходят из того, что русская революция уже вступила на этот путь развития и, конечно, всячески этому содействуют.

Пролетариат в целом еще не видит этой опасности, хотя она очень реальна.

Тем более опасна политика, которой придерживаются наши «вожди»...

В погоне за развитием производительных сил во что бы то ни стало они (т. е. ЦК) развязывают рост частнокапиталистических отношений, ничего этому росту не противопоставляя. Бухарин выбрасывает лозунг «Крестьяне, обогащайтесь» Кулачество растет, крепнет, а они этого не видят или даже скрывают, затушевывают. Строят мещанское государство, то, что Ленин назвал «царством крестьянской ограниченности», а они называют строительством социализма.

Умные сменовеховцы, вроде Устрялова, лучше, чем наши «вожди» и «теоретики» учитывают обстановку. Они видят слабость наших верхов и, оказывая давление на госаппарат и некоторые слои партии, помогают им, толкая революцию к термидору.

В Москве громадный слой государственных чиновников, масса новой и старой буржуазии. Все это давит на нашу партию, создает в ней общественное мнение. Не мы ведем за собой чиновничество, а оно вместе с буржуазией определяет наше сознание — служит проводником в партию устряловской идеологии и политики.

В такой обстановке ЦК не в силах управлять госаппаратом. Госаппарат пленил ЦК, давит на него и диктует ему свою политику.

Мелкобуржуазная Москва не может предохранить партию от этого напора, и пролетарская ленинградская организация изолируется от партии. На нас нажимают и притесняют по всем линиям — и по партийной, и по хозяйственной, и по комсомольской.

С Ленинградом не считаются, превращают его в провинцию».

Когда Леонов спросил, сознают ли руководители партии опасность, заключающуюся в том положении, которое представил Залуцкий, тот ответил:

«В том-то и дело, что не видят. Да и кто из них может видеть? Молотов что ли? Конечно, он хороший парень, но в вожди-то не годится. Он сидит как раздатчик благодати и раздает «эполеты» — кому секретаря губкома, кому предгубисполкома и т. п. Его слушают, ему хлопают; докладывают, что все благополучно,— ну, он и доволен.

Или Николай Иванович? Возьмите его книжку «Экономика переходного периода», что он в ней дал? Все на смарку пошло. Или его книжку о диалектическом материализме, в которой он показал, что совершенно не понимает диалектики. Обычно Н. И. считают добродушным. На самом деле он страшно честолюбив. Этим объясняется и его плодовитость. Взбредет ему в голову «идейка», но, и пойдет валять, глядишь — книга.

Сталин это,— конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор, но его ум не аналитический, а схематический. Вопросы прошлого он разберет великолепно, так что всем ясно станет. Но перспективы ему не уловить. Он к этому не привык.

К тому же зазнались люди. Критики и слушать не хотят. Старуха (Н. К. Крупская) написала две статьи, критикующие их политику, так ведь ни одной не напечатали. Это не то, что Владимир Ильич, который давал себя критиковать и разъяснял критикам, в чем их ошибки.

Ну, а Зиновьев, он-то что же? Теперь принято ругать Зиновьева. К нам из Москвы каждый день приезжают тысячи «агитаторов» и «информаторов» с этой целью. Но ведь дело не в Зиновьеве, дело в правильной пролетарской политике. Мы сами великолепно знаем недостатки Зиновьева. Но у него есть то громадное преимущество, что он связывает свою судьбу с пролетарской революцией. Он связан с рабочими массами. Но он один ничего не может сделать. Нужно, чтобы сплоченная пролетарская группа подняла свой голос».

В ответ Леонов замечает, что в создавшемся положении следовало бы действовать.

«Это верно,— продолжает Залуцкий,— но попробуй-ка закричать,— сейчас и пришибут. Эполеты мешают. Не того жалко, что эполеты снимут, но ведь очернят, подорвут доверие и потом скажут: «из-за эполет дерется». Надо осторожно. Нужно выждать момент. Надо учесть, поймут ли тебя в партии. Конечно, на съезде и следовало бы поставить этот вопрос, но это будет зависеть от соотношения сил. (...) Другой исторический пример, который надо помнить при оценке внутрипартийного положения, это период мирного развития германской социал-демократии после отмены закона о социалистах. Когда на одном фланге партии вырос оппортунизм, на другом — левое революционное крыло, а в центре стоял старик Бебель, так и сейчас

Сталин, возможно, сам того не замечая, играет историческую роль Бебеля в нашей партии.

Оппортунистическое крыло Троцкого вызвало к жизни своего антипода — левое крыло. Оппортунисты были бы разбиты вдребезги, но Сталин ценит в них качества хороших работников и берет их под свою защиту. Это вызывает оппозицию и к Сталину, что в свою очередь толкает последнего в сторону оппортунистов. И хотя Сталин, как Бебель, в решающие моменты оказывает поддержку левому революционному крылу против оппортунистов, но конечные результаты его политики могут оказаться не более благоприятны, чем у Бебеля»[75].

Собеседник Залуцкого не стал хранить тайну и в частном письме Н. А. Угланову, секретарю Московского губкома партии, изложил все, что тот говорил. Угланов, человек Сталина, развязавший кампанию против сменовеховцев, передал письмо окружению Сталина и в Центральный Комитет[76]. Эта высшая инстанция осудила историческую параллель, проведенную незадачливым оппозиционером, он был отстранен от своих обязанностей за антибольшевистское поведение и обвинение Центрального Комитета в «термидорианстве» и «оппортунизме»[77]. Собравшийся в декабре 1925 г. XIV съезд партии вновь обратился к этому вопросу и представил его таким образом, что сам Залуцкий пришел в ужас от своих собственных слов и поспешил покаяться[78].

Письмо Леонова позволяет нам сделать вывод, что Залуцкий точно следовал духу политического доклада Ленина на XI съезде. Он говорил о той же опасности и, как и Ленин, считал, что она исходит «от мелкой буржуазии», «государственного аппарата», «кулачества» и сменовеховцев. Пролетариат, партия и даже «вожди» оказались под влиянием этих сил, вдохновляемых «устряловской идеологией и политикой». Они не осознавали опасности, и Залуцкий посчитал своим долгом вслед за Лениным предупредить о ней (с той только разницей, что привел вслух пример термидора, в то время как на XI съезде его тщательно обходили молчанием). Залуцкий не обвиняет явно Центральный Комитет в «термидорианстве» или же «оппортунизме», поскольку он отличает себя от врагов (сменовеховцев, меньшевиков), считавших, что революция якобы уже встала на путь термидора. Однако он использует аналогию, равносильную обвинению против Центрального Комитета, что в корне меняет смысл его речей относительно того, что до сих пор говорили об «опасностях», «бюрократическом перерождении» и о внутренних трудностях партии.

В работах по политической истории 1920—1930 гг. имя Залуцкого упоминается в связи с действиями Сталина, стремившегося заменить людей, находящихся на ключевых постах, своими приверженцами. Действительно, Центральный Комитет реагировал довольно неожиданно для Залуцкого, который стремился именно к тому, чтобы его мнение было услышано наверху. Вместо того, чтобы прислушаться к критике, руководство партии создало «дело Залуцкого», то есть придало словам этого оппозиционера чрезмерное значение лишь потому, что они исходили от оппозиции. Разумеется, дело было «раздуто», а аналогия с термидором послужила предлогом для отставки секретаря Ленинградского губкома. Залуцкий сам разоблачил на съезде эту политическую игру. Но к вышесказанному следует добавить, что аналогия создавала неудобства: в этом деле термидор не был просто предлогом, но сам по себе представлялся событием. Проследим за «делом», чтобы отделить в нем политическую интригу от реакции на аналогию.

Первое замечание. Политбюро не довольствуется применением соответствующих, полагающихся в подобных случаях санкций, которые можно было бы ожидать от Сталина и его сторонников. Специальной комиссии из семи членов ЦК во главе с Куйбышевым, председателем ЦКК, поручается изучить дело и провести расследование. Казалось бы, подобная мера продиктована необходимостью сопоставить свидетельство Леонова с другими показаниями. Однако поразительно то, что из стенографического отчета XIV съезда ВКП(б) явствует: целью этого расследования было успокоить руководство партии, сделав вывод о том, что никто кроме Леонова не слышал мятежных речей Залуцкого[79].

Второе замечание. Выступавшие на съезде постоянно подчеркивали, что Залуцкий «был не единственным», кто проводил аналогии с Французской революцией. Так, Томский заявил: «...ты громче говорил то, о чем другие говорили потихоньку»[80]. Охваченный сомнениями Рыков возразил: «Если есть секретарь ленинградской организации с таким, извините за выражение, уклоном, то ведь в его группе есть еще кто-нибудь»[81]. Со своей стороны Петровский, председатель ЦИК Украины, делает вывод, что не один Залуцкий полностью одобряет то, что написано в письме Леонова[82]. Аплодисменты ленинградской делегации, сопровождавшие выступление Залуцкого, также подтверждают солидарность с высказанными им мыслями, тем более, что они раздались после речи, в которой Залуцкий, восхваляя ЦК, тем не менее с непреклонностью говорил об опасности термидора и о необходимости принимать ее во внимание[83]. Кроме того, некоторые делегаты дают понять, что, будучи человеком очень близким к Зиновьеву, Залуцкий выразил, а может быть и просто повторил сокровенные мысли автора «Философии эпохи», о чем совершенно ясно сказал Каганович[84]. Томский намекает на это, сближая Залуцкого, позволившего увлечь себя историей термидора, с «кружком» Зиновьева, куда входило только высшее руководство Ленинграда:

в этом кружке, а может быть и каким-либо другим образом, Зиновьев мог якобы повлиять на Залуцкого. Будучи человеком «простым и прямым», Залуцкий говорил о термидоре со «свойственной ему прямотой[85]».

Можно предположить, что впутать в это дело Зиновьева, а с ним и Ленинградскую организацию в высшей степени соответствовало интересам Сталина, стремившегося скомпрометировать эту организацию, имевшую репутацию авангарда пролетариата. Однако вопреки логике, диктуемой политической интригой, выводы комиссии взяли верх над единодушными выступлениями, и Залуцкий был признан единственным ответственным за аналогию. Подобное решение, странное с политической точки зрения, требует объяснения: совершенно очевидно, что не только Залуцкий сравнивал «устранение эбертистов» с отношением Центрального Комитета к Ленинградской партийной организации; аналогия, напоминающая о термидорианском перерождении, действительно имела хождение, но руководство партии не желало, чтобы она получила распространение. Наверху не хотели использовать аналогию как средство устрашения[86].

Третье замечание. Не слышен более, как то было в 1918 г., спокойный голос человека, подобного Лукину-Антонову, который выступил бы против слов, кажущихся руководству преувеличением, но произнесенных Залуцким, человеком благонамеренным по отношению к партии. На этот раз рассуждает не историк, а целый судейский корпус ведет дело: следователи, прокуроры, судьи (отсутствовали только защитники). И в самом деле, сначала частное письмо Леонова оглашается в Москве на узком заседании ответственных работников. Затем, сразу же после того как с ним ознакомилось руководство, была создана комиссия по расследованию, выполнявшая роль суда, когда перед ней предстал Залуцкий. Наконец, XIV съезд партии выглядит процессом над Залуцким: вместо того, чтобы предоставить аргументы, напоминающие, что речь идет о размышлениях над историческими событиями, ораторы с ожесточением обрушиваются на их автора, пытаясь представить его врагом партии. «Взгляды Залуцкого, преступные с точки зрения нашей партии»,— заявил Ворошилов[87]. Изложенное в письме Леонова «хуже аксельродовщины», восклицает Кабаков, делегат из Тулы[88]. «С такими вещами, как обвинение ЦК в термидорианстве, члены партии шутить не могут»,— заявляет Рыков[89]. На съезде стало известно, что после первого чтения письма, когда Залуцкий отказался говорить, поскольку «все уже сказано Леоновым», его поведение вызвало возмущение присутствующих[90].

«Возмущение» направлено против термидора, а не против

личности Залуцкого: это становится особенно очевидным, если рассмотреть поведение Залуцкого в ответ на неожиданный для него тон комиссии. Вначале Залуцкий не понимает, в чем его «преступление». Так, он предложил комиссии, занимавшейся расследованием его дела, написать брошюру, в которой аналогия с термидором получила бы развитие. Он удивлен, что его критика «вождей» и «теоретиков» партии воспринята как обвинение против ЦК. За кулисами он пытается получить одобрение некоторых членов ЦК, в частности Сталина. Но все объяснения напрасны: Сталин, Куйбышев и другие не реагируют на его оправдания[91]. Получив чрезвычайно холодный прием от своих товарищей, Залуцкий изменяет тактику. Так, он более не соглашается со всем тем, что говорил Леонову, и категорически отвергает все намеки на термидорианское перерождение, которые ему приписываются в письме. То, каким образом Залуцкий пытается обелить себя на съезде, прекрасно доказывает, что именно термидор представлял существо дела:

> «Если бы я приписал нашему ЦК, что он термидориански перерождается, у меня хватило бы революционного мужества... уйти из такого ЦК»[92].

Кроме того Залуцкий пытается доказать свою невиновность, отмежевываясь от тех, кто действительно был способен обвинить партию в термидорианстве. Нужно быть «сумасшедшим, мерзавцем или врагом нашей партии», чтобы говорить о перерождении Центрального Комитета, провозглашает он с трибуны.

> «Я уверен, что товарищи, знающие меня, не могут приписать мне качеств ни шкурника, ни карьериста»[93].

Употребляя подобные выражения для своего оправдания, Залуцкий выражает мнение, которое должно было бы сложиться у делегатов о человеке, заговорившем о перерождении ЦК. В период между 1921 и 1925 гг., когда об аналогиях умалчивали, большевики еще могли различать «мелкобуржуазное перерождение», угрожающее партии, и перерождение термидорианское, о котором говорили классовые враги. Теперь же, после того как по чрезвычайной наивности Залуцкий произнес слова, которые все из осторожности остерегались говорить, он тщетно доказывал свою невиновность: все его заявления о лояльном отношении к ЦК звучали для окружающих фальшиво[94]. Как только было произнесено слово «термидор» и производное от него «термидорианство», вся двусмысленность, которую термин «перерождение» давал возможность сохранить, исчезла[95].

Выступление Залуцкого на съезде вызвало практически единогласное осуждение. За эту ошибку, по категорическому заявлению Рыкова, Залуцкого как минимум следует исключить из членов ЦК [96]. Ярославский, секретарь ЦКК и идеолог партии, сказал еще резче: Ленин, мол, потребовал бы его исключения из ЦК [97]. Рыков утверждал, что использование аналогии, как это сделал Залуцкий, является знаком, разоблачающим «исключительное паникерство» [98].

Четвертое замечание: Если бы требовалось только, чтобы Залуцкий покинул свой пост, Политбюро не нужно было бы слишком заботиться о выборе выражений для объяснения причин. Таким образом, факт, что существуют две разные формулировки резолюции, излагающей мотивы снятия Залуцкого, можно объяснить стремлением безоговорочно положить конец распространению аналогии.

Первая формулировка — для присутствовавших, среди которых было несколько представителей Ленинградской организации, в частности, Зиновьев и Евдокимов, и для членов ЦК — гласила:

> «Войти с предложением на пленум Губкома о снятии тов. Залуцкого с работы ввиду ухудшившихся отношений у тов. Залуцкого с ЦК *по вине т. Залуцкого*» [99].

Вторая «смягченная» формулировка, в которой последние слова «по вине т. Залуцкого» опущены, была принята Политбюро по предложению представителей Ленинградской организации и предназначалась для пленума Губкома и для рядовых членов партии. Руководство партии пыталось возложить на Залуцкого и только на него одного ответственность за оскорбительные высказывания. «Вожди» оппозиции также не хотели, чтобы его слова компрометировали Ленинградскую организацию. Таким образом, перед аналогией вырвавшейся у Залуцкого, стирались противоречия, существовавшие между оппозиционерами, такими как Зиновьев или Евдокимов, и Политбюро.

Очевидно, что Политбюро так же, как и руководители Ленинграда, хотели избежать затруднительных вопросов, которые могли возникнуть по поводу «вины» Залуцкого. Вторая формулировка была равносильна запрещению давать какие бы то ни было разъяснения. Во всяком случае, большевистские руководители Ленинграда именно так это поняли, поскольку на собрании секретарей первичных организаций они пресекали любые попытки прояснить вопрос о снятии Залуцкого. Они выдвинули версию, согласно которой секретарь Ленинградской партийной организации ушел со своего поста по состоянию здоровья. Затем, когда неудовлетворенные подобным ответом

секретари потребовали дополнительных разъяснений, ответственные товарищи попытались призвать их к порядку, напомнив, что они должны полностью доверять руководству партии. В конце концов, когда это заявление потонуло среди возмущенных криков («Что мы, как стадо!»), заседание было закрыто [100].

Таким образом, из «дела Залуцкого» следует, что аналогия была неприемлемой, так как казалась угрожающей, особенно потому, что ее использовал такой человек, как Залуцкий. В ответе Московского комитета партии на письмо конференции Ленинградской партийной организации, написанное в начале декабря 1925 г., объясняется, в чем заключается опасность:

> «В ответ на нашу резолюцию вы, товарищи, пишите, что Ленинградская организация партии обвиняется нами в безверии в дело социалистического строительства. Это неправда. Обвинялась вовсе не Ленинградская организация, обвинялись некоторые, правда, влиятельные у вас товарищи...
>
> За что был снят Ленинградским комитетом т. Залуцкий, один из ваших руководителей? За то, что он, поддавшись с рядом других товарищей устряловско-меньшевистской идеологии, обвинял ЦК партии в перерождении и в термидорианстве, т. е. в политике восстановления буржуазных порядков. Когда троцкистская оппозиция только намекнула на возможность перерождения нашего ЦК (Гэды и Вальяны), вся партия, и в первую очередь вы, товарищи, дали дружный отпор. А теперь, после того, как т. Залуцкий поднял прямое, неслыханное, несуразнейшее обвинение против ЦК, во много раз усилив намеки прежней оппозиции, по инициативе ваших руководителей выбирается т. Залуцкий, в награду за преступление против партии, на XIV партийный съезд» [101].

В 1925 г., в отличие от предыдущего периода, периода Лукина-Антонова, почти не ссылаются на «обывательский и ненаучный характер» аналогии, но принимают меры, чтобы покончить с «ликвидаторским скептицизмом», который она означает.

С другой стороны, «дело Залуцкого» выявляет две тенденции: осознание действительности в рядах оппозиционеров с помощью аналогии и отказ от переосмысления настоящего путем сравнения его с прошлым.

ГЛАВА VII

Был ли НЭП термидором?

В 1926—1927 гг. в рядах левой оппозиции шла дискуссия по вопросу: «является ли термидор свершившимся фактом?». Троцкий считал, что позиции разделились «примерно так»: с одной стороны, группа Демократического централизма, или децисты[1], которая дошла до того, что утверждала: термидор уже свершившийся факт; с другой стороны, большевики-ленинцы, то есть те, кто разделял точку зрения самого Троцкого[2] и «категорически отвергал это утверждение»[3].

Если изучать данный вопрос в общих чертах, то действительно существовало два противоположных мнения, но при ближайшем рассмотрении отношение оппозиционеров к аналогии оказывается более сложным. По крайней мере два факта заставляют задуматься: наблюдается расхождение между тем, что оппозиционеры утверждали в устной форме, и тем, что было записано в их документах. Невозможно, исходя из платформ, изложенных в письменном виде, уловить разницу между двумя группами, на которую указывал Троцкий.

КОЛЕБАНИЯ СРЕДИ ОППОЗИЦИОНЕРОВ: СОВЕРШИЛСЯ ЛИ ТЕРМИДОР В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

В начале 1926 г., а именно после VI расширенного Пленума Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта), одобрившего решения XIV съезда ВКП(б) по вопросу о ленинградской оппозиции и одновременно осудившего ее сторонников — А. Маслова, Рут Фишер и К. Корша (аналогия была использована этими немецкими коммунистами). Будучи несогласны с

разгромом ленинградской оппозиции, они выражали свою озабоченность «оппортунистическим перерождением большевистской партии и Коммунистического интернационала»[4]. До сих пор в Германии только социал-демократы, в частности Каутский, анализируя политику большевистской партии, обращались к опыту Французской революции[5]. Теперь же оппозиционеры из рядов немецких коммунистов, хотя они и отмежевывались от социал-демократов, в конце концов обратились к тому же историческому примеру, что и их политические противники[6]. Таким образом, в апреле 1926 г., когда произошло первое сближение между Троцким, Каменевым и Зиновьевым с целью организовать единую оппозицию, уже создалась, благодаря веяниям из Германии и Коминтерна, благоприятная почва для аналогии с термидором[7]. Однако, как отмечает хорошо осведомленный Борис Суварин[8], эти три деятеля пока о ней не говорили, т. к. не пришли еще к «совпадению мнений о термидоре». Весной 1926 г., когда произошло объединение оппозиционных сил, не только вожди, но все те, кто без различия групп вошли в «оппозиционный блок», избегали открыто говорить о своих сомнениях по поводу возможного термидора. В подобных мыслях признавались во время частных разговоров, делали смутные намеки на всевозможные исторические параллели (1789 г., 1848 г., II Интернационал) в кулуарах Коммунистической академии и во время собраний в узком кругу, где понизив голос говорили о «термидорианцах Сталина» или же о Ворошилове, напоминающем генерала Кавеньяка[9]. Есть много свидетельств, подтверждающих, что обвинения в «термидорианстве», выдвигаемые вполголоса против Сталина и его окружения, получали все большее распространение[10] и что «история термидора распространялась в широких кругах партии»[11].

В рядах оппозиции слово произносилось, но это было всего лишь внешним проявлением едва появившихся сомнений относительно русского термидора, ведь оппозиция открыто не использовала аналогию, не записывала ее на бумаге в подтверждение своих политических аргументов. Развитие событий на пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г. — прекрасное тому подтверждение.

На открытии пленума царила «тревожная» атмосфера, постоянно упоминалось слово «термидор»[12]. Однако, критические замечания, впервые сформулированные оппозицией в письменном виде в *Заявлении 13-ти* и представленные на этом пленуме, не содержали ни одного термина, который можно было бы использовать для обвинения оппозиции в том, что она говорит о термидоре[13]. Тем не менее речь идет о документе, который был в высшей степени «искренним», как скажет о нем Каменев несколько месяцев спустя:

«...в этом официальном документе... мы излагали обдуманно перед партией то, что мы действительно хотели сказать партии» [14].

Троцкий, один если не единственный из авторов *Заявления*, выступая на пленуме, проявил чрезвычайную осторожность и ограничился тем, что еще раз указал на «бюрократическую опасность». Он даже смягчил свои слова в сравнении с 1923—1924 гг. и не использовал выражение «перерождение», заменив его на «бюрократические извращения партийного аппарата». И даже при упоминании дискуссии 1923 г. в *Заявлении 13-ти* не употребляется термин «перерождение», столь характерный для той эпохи [15]. Если в 1923 г. *Новый курс* признавал, что бюрократизация коснулась даже лучших большевиков, то *Заявление 13-ти* 1926 г. уже не содержит столь явных обвинений против партийного аппарата:

«Партийный аппарат в большинстве своем состоит из преданных и бескорыстных партийцев, у которых нет других побуждений, кроме борьбы за интересы рабочего класса» [16].

Именно отсутствие «правильного режима» мешает им претворять в жизнь демократию и рационально использовать свои способности. Известно однако, благодаря мемуарам Троцкого, что его мысли по поводу бюрократического перерождения уже созрели, и он считал, что термидорианская реакция уже началась в России и что Сталин был ее самым явным воплощением:

«Сталин... — это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии... Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор, нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа» [17].

Таков был ответ Троцкого летом 1925 г. на вопрос Склянского о личности Сталина.

Но хотя оппозиционеры обязуются «со всей прямотой, отчетливостью и даже резкостью изложить свой взгляд», «ни о чем не умалчивая, ничего не затушевывая и не смягчая» [18], в *Заявлении 13-ти* нет ни одного слова, которое можно было бы понять как ссылку на Французскую революцию, упоминание о которой в кругах оппозиции звучит, однако, все чаще и чаще. Можно обнаружить лишь несколько выражений, подчеркивающих серьезность угрозы бюрократизма, таких как «бюрократизм чудовищно вырос в период после смерти Ленина», «бюрократизм жестоко бьет по рабочему», «бюрократический режим внедряется, как ржавчина». Вот все, что косвенным образом можно соотнести с закулисными слухами о термидоре. Несколько месяцев спустя на XV конференции, когда оппозиционерам нужно было публично выдвинуть обвинения против бюрократизма, они сделали еще шаг назад по сравнению с тем, что говорилось в *Заявлении 13-ти*. Не были даже использованы вышеназванные формулировки, и Угланов, представитель большинства на конференции, объяснил подобное поведение тем, что оппозиция «до конца не верила в собственные обвинения» [19].

Таким образом, с точки зрения употребленной терминологии большинство не могло найти в *Заявлении* ни одного предлога, чтобы обвинить оппозицию в том, что она увлеклась компрометирующими аналогиями. Заявления менее общего характера, чем *Заявление 13-ти,* и проекты резолюций, предложенные оппозицией, также не содержали опасных терминов. Конечно же, оппозиционеры позволяли себе выступать с жесткой критикой. Каменев, например, предостерегал об огромной опасности, состоящей в том, что Советы нижнего уровня может поглотить мелкая буржуазия, Осовский ставил под сомнение политику государства, не соответствующую интересам рабочего класса. Троцкий, защищаясь от приписанной ему мысли о «далеко не пролетарском государстве» в стенограмме июльского Пленума выправил эти слова, звучащие резко, на «далеко не *чисто пролетарское государство*» [20]. Но это практически все, в чем большинство могло упрекнуть оппозиционеров. И в отчетах о пленуме, появившихся в «Правде», либо во время, либо сразу после его работы, среди вопросов, поднятых оппозицией, не упоминается о «термидорианской опасности» [21]. Ничто не дает повода предположить, было ли что-либо сказано хотя бы вскользь о русском термидоре. В докладе Бухарина по итогам пленума едва можно уловить намек на «скептицизм» Залуцкого.

«Это непонимание есть точно так же один из образцов того *неверия в возможность социалистического строительства* в нашей стране, непонимание методов этого социалистического строительства, о котором с такой решительностью говорил наш XIV съезд» [22].

Бухарин перечисляет некоторые тезисы оппозиции о перерождении государственного аппарата, в частности, упоминает слова Каменева о Советах, поглощаемых мелкой буржуазией, подчеркивая, что эти тезисы «прекраснейшим образом совпадают со слухами, касающимися перерождения советской власти», но он ни слова не говорит о термидоре.

Обычно внимательная к аналогиям зарубежная пресса — (Bulletin Communiste» Суварина и «Социалистический вестник» — в материалах, посвященных июльскому Пленуму, также

не сообщает ни о каких следах термидора. Маловероятно, что Суварин или меньшевики не заметили подобного рода информацию, очевидно, на пленуме об этом не говорилось.

В начале октября 1926 г. меры, предпринятые Сталиным и ГПУ с целью дискредитировать оппозицию в глазах рабочих[23], привели к тому, что группа оппозиционеров, сторонников Сапронова[24], пришла к выводу, что партия бесповоротно переродилась и что «истинные революционеры» должны с ней порвать. XV Конференция (26 октября — 3 ноября), на которой оппозиция была разбита, а ее деятельность квалифицирована как «социал-демократический уклон», а также VII расширенный Пленум исполкома Коминтерна, одобривший несколькими месяцами позже решения конференции, укрепил этих оппозиционеров в правильности своих выводов. Весной 1927 г. сапроновская группа распространила проект платформы, в котором расходилась с оппозицией Троцкого и Зиновьева, вменяя им в вину, что они хранили молчание во время самых бурных кампаний против оппозиции, а также *Заявление* от 16 октября 1926 г., которое «помогло фракции Сталина оказать оппортунистическое влияние на Коммунистический интернационал»[25]. Если верить Троцкому, критика этой группы в адрес ЦК сводилась к четкой формулировке: «Термидор — свершившийся факт». Что же касается самого Троцкого и его сторонников, то они не желали соглашаться с тем, что положение безвыходно, хотя и признавали, что опасность термидора реально существует. По их мнению, было еще возможно оздоровление партии, что предотвратило бы термидорианское перерождение.

Подобные разногласия между сторонниками Сапронова и троцкистами, казалось, могли бы привести если не к определению сущности термидора, то по крайней мере к использованию, наконец, этого термина. Но в *Заявлении 83* от 25 мая 1927 г. троцкисты предпочитают говорить не о «термидорианстве», а об «устряловщине».

> «Вся наша партийная политика страдает от курса направо. Если подготовляемый теперь новый удар налево, по оппозиции, будет нанесен, это окончательно развяжет руки правым, непролетарским и антипролетарским элементам, отчасти в нашей собственной партии, а главным образом — за ее пределами. Удар по левым будет иметь своим неизбежным последствием торжество устряловщины. Такого удара по оппозиции давно требует Устрялов во имя неонэпа. Устрялов является наиболее последовательным, наиболее принципиальным и непримиримым врагом большевизма. Самодовольные администраторы, равняющиеся по начальству чиновники, мелкие буржуа, дорвавшиеся до командных постов и высокомерно глядящие на массу, все тверже чувствуют почву под ногами и все выше поднимают голову. Это все элементы неонэпа. За ними стоит устряловец-спец, а в следующем ряду нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика. Вот откуда надвигается подлинная опасность»[26].

Хотя в основе этого суждения о внутренней политике страны лежит аналогия с термидором, оппозиция все еще избегает открыто использовать ее. Кажется, что она в точности следует примеру условного употребления понятий, который ей подал Ленин на XI съезде.

Если проанализировать известные выступления Троцкого на заседании ЦКК в июне 1927 г. то окажется, что вначале он также следует стереотипу, предложенному Лениным. Так, в первой речи читаем:

> «Реальная опасность идет справа — не с правого крыла нашей партии, правое крыло партии является лишь передаточным механизмом, — настоящая опасность, коренная опасность, идет со стороны поднимающих голову буржуазных классов, идеологом которых является Устрялов, этот умный, дальновидный буржуа, к которому прислушивался и от которого предостерегал Ленин»[27].

Троцкий указывает, ссылаясь на слова самого Устрялова, что тот «определенно за Сталина» и что он выступает против оппозиции потому, что ее победа «будет бедою для страны»[28]. Таким образом мы видим, что выдвинуто то же скрытое обвинение в термидорианстве, что и в *Заявлении 83,* и при этом упоминается имя Устрялова. Однако в отличие от сказанного, в *Заявлении* Троцкий идет дальше и наглядно показывает, почему Устрялов поддерживает Сталина. Он приходит к единственному выводу, которого можно было ожидать: в ответ на свой собственный риторический вопрос: «Что он защищает вместе с вами?» (речь идет об Устрялове, этом «буржуа, который знает историю Великой французской буржуазии»), Троцкий, наконец, прибегает к аналогии.

Личность такого же политического масштаба, что и Ленин, Троцкий осмеливается переступить черту, но делает это с большой осмотрительностью. Не забудем, что он знает, перед кем выступает: перед очень узким кругом людей и то, что его слова будут записаны в стенограмме, предназначенной только для очень ограниченного пользования. Дабы смягчить впечатление шока от выступления, Троцкий прибегает к аналогии лишь после ссылки на Сольца, то есть на одного из своих судей из ЦКК, который также использовал сравнение с Французской революцией.

> «Тов. Сольц здесь присутствует, он лучше знает, что он говорил, и если я передам неправильно, он меня поправит (следует изложение беседы Сольца с Воробьевым). Я и говорю (Троцкий не хочет быть ни первым, ни единственным ответственным. — Т. К.), что нам нужно сейчас во что бы то ни стало подновить наши знания о Великой французской революции, — это абсолютно необходимо. (...) Во время Великой французской революции гильотинировали многих. И мы расстре-

ляли многих. Но в Великой французской революции было две больших главы, одна шла так (показывает вверх), а другая этак (вниз). (...) Когда глава шла так — вверх, французские якобинцы, тогдашние большевики, гильотинировали роялистов и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, вместе с вами были расстрельщиками, — это когда расстреливали белогвардейцев и жирондистов, — мы были с вами расстрельщиками. А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы — термидорианцы и бонапартисты — из правых якобинцев стали ссылать и расстреливать левых якобинцев — тогдашних большевиков. Я бы хотел, чтобы тов. Сольц продумал свою аналогию до конца и, прежде всего, себе самому сказал: по какой главе Сольц собирается нас расстреливать? (Шум в зале). Тут не надо шутить, революция дело серьезное. Расстрелов никто из нас не пугается. Мы все — старые революционеры. Но надо знать, кого и по какой «главе» расстреливать. Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой главе. А вот сейчас — ясно ли вы понимаете, тов. Сольц, по какой главе собираетесь расстреливать? Я опасаюсь, тов. Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т. е. термидорианской главе» [29].

Довольно-таки необычная речь: Троцкий не только называет термидор, но он уравнивает мелкобуржуазных якобинцев и пролетарских революционеров-большевиков. Он идентифицирует представляемую им оппозицию с группой Робеспьера, так как только она «отражала низовую революционную стихию тогдашнего времени». Тем самым Троцкий приписывает группе Робеспьера максимализм, который до сих пор оставался особенностью большевиков. Казалось, он забыл самое распространенное в партии положение о том, что у якобинцев в отличие от большевиков были враги слева, представлявшие революционную силу, идущую снизу. Он отказывается также от другого традиционно признанного положения, согласно которому термидорианцы были «отъявленными контр-революционерами» и впервые определяет их как «поправевших якобинцев». Таким образом большевистская концепция Французской революции оказывается серьезно подорванной. Тем не менее Троцкий далек от того, чтобы полностью ее разрушить. Во второй речи он утверждает как ни в чем не бывало, что различие между мелкобуржуазными якобинцами и пролетарскими большевиками является основной чертой, разделяющей две революции [30].

Выступления Троцкого перед ЦКК, аудиторией очень немногочисленной и подготовленной, тем не менее получило весьма широкий отклик, достаточный для того, чтобы руководители оппозиции в своих выступлениях, наконец, смогли говорить свободно. В *Платформе 13-ти,* политической программе большевиков-ленинцев (сторонников Троцкого) к XV съезду, датируемой июнем того же 1927 года, о термидорианской опасности говорится напрямик во введении: «В этом (перечислены пункты — Т. К.) и состоит сейчас основа вопроса о «термидорианской опасности» и о борьбе с нею» [31].

Хотя слово и названо, чувствуются сильные колебания по поводу его применения: так, оно поставлено в кавычки, которые объясняются следующей тут же фразой:

«С тех пор, как Ленин сделал свое предупреждение, у нас многое улучшилось, но многое и ухудшилось» [32].

Определение опасности также в точности повторяет ленинское определение: «в нашем строе существуют враждебные силы — кулак, нэпман, бюрократ, использующие нашу отсталость и ошибки нашей политики и фактически опирающиеся при этом на весь международный капитализм» [33]. Авторитет Ленина оказался необходим, дабы избежать возможных упреков большинства, но также и для того, чтобы ободрить авторов *Платформы.* Они (а среди них был и Троцкий) более сдержаны в критике руководства партии, чем Троцкий, вышедший из себя на заседании ЦКК. Конечно, их критика категорична, когда они различают «ленинский путь» и избранный Сталиным «путь устряловщины» и считают необходимым вернуться на путь, указанный Лениным; такое исправление политики, по их мнению, возможно, и еще не поздно осуществить его. Все же они не выступают ни против ЦК, ни против «правоуклонистских элементов» с тем пылом что и Троцкий: нет и намека на наличие термидорианцев в партии. С первых же страниц *Платформы* «буржуазным и устряловским элементам» предусмотрительно отводится место вне партии, и вместе с тем указывается на «консолидацию правоуклонистских элементов внутри партии» — утверждение значительно более сдержанное по сравнению с тем, о чем негодующе говорил Троцкий на заседании ЦКК:

«Этот запах «второй главы» бьет в нос. Запах второй главы есть устряловщина, которая пробивается уже через официальные учреждения нашей партии (следует понимать: «Правду».— Т. К.) и которая разоружает революционный аванград пролетариата» [34].

В *Платформе* делается заключение о том, что, поднимая вопрос о термидорианской опасности, она ставит под сомнение лишь возможные последствия политики большинства, а не его намерения:

«Даже наиболее крайние представители правого крыла нашей партии убеждены, что соглашение с буржуазными элементами, на которое они готовы идти, нужно в интересах рабочих и крестьян. Даже правая группа, представляющая открытую тенденцию к сползанию, не хочет термидора. Тем более это относится к «центру», который ведет типичную политику иллюзий, самоутешения и самообмана» [35].

Так, обозначив угрожающую стране опасность как «термидорианскую», лица, подписавшие *Платформу,* чуть ли не извиняются: конечно, опасность существует, но центральные органы партии не стали термидорианскими. В этом-то и заключается смысл заявления, направленного по поводу «неслыханных обвинений», которые они позволили себе в *Платформе 13-ти:*

> «По вопросу о термидорианстве мы говорим: в стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу. Мы не сомневаемся, что партия и пролетариат преодолеют эти силы при ленинской линии и внутрипартийной демократии. Чего мы требуем, это — чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии более систематический твердый планомерный отпор. Мы отвергаем мысль о том, что будто наша большевистская партия, ее ЦК и ЦКК стали термидорианскими» [36].

Оппозиционер, И. Н. Стуков, подписи которого под заявлением не было, тем не менее так же, как и подписавшие его, отреагировал на вопрос: «Обвиняете ли Вы ЦК в термидорианстве?». Он ответил представителю большинства И. А. Головешко: «Мы не обвиняем ЦК и никогда не обиняли его. *В стране назревает термидор»* [37].

Можно также привести некоторые выступления К. Радека, относящиеся, как и *Платформа 13-ти,* к лету 1927 г. Они составлены по той же схеме за исключением того факта, что каждый пункт обвинений, выдвинутых оппозицией против руководства партии, сопровождается у Радека определением «термидорианская тенденция», встречающимся тридцать два раза на восьми страницах машинописного текста [38]. Концессии и иностранные займы, развитие капиталистического сектора и кулачества, препятствия, чинимые участию рабочих в процессе производства, плохие условия жизни, допуск сменовеховцев и кулаков к работе в Советах, отсутствие партийной демократии — все это представлено как выражение «термидорианских тенденций», основными носителями которых являются мещане. К. Радек делает вывод, что эти тенденции лишь частично затронули партию, но зато они довлеют в государственном аппарате и среди руководителей советской экономики. В заключение он заявляет, что партия не переродилась и призывает поддержать лозунги оппозиционеров. Наконец, будучи последовательным, он утверждает, что термидор еще не совершился.

В документах, предназначенных для узкого круга оппозиционеров, Радек использует термины «термидорианская опасность» и «термидорианская тенденция» более настойчиво, чем это делается в *Платформе 13-ти,* однако не отклоняясь от установки, данной оппозицией в этом доступном всем тексте. Однако он мог пойти и дальше: ведь по словам Троцкого он был

человеком «импульсивным», он вполне мог утверждать, что термидор уже совершился. Впрочем, он об этом неоднократно говорил во время дискуссий, устраиваемых оппозицией на протяжении всего 1927 г. [39]

Троцкисты не высказывали своих мыслей до конца, иначе им пришлось бы поставить под сомнение революционную власть — партию, и тем самым встать на сторону «классовых врагов» [40]. Они остановились перед непреодолимым порогом: переступить его означало бы порвать с партией, то есть покончить с собственным существованием в политической жизни. Именно для того, чтобы иметь право вернуться с повинной, они отказываются после XV съезда, который исключил их из партии (конец декабря 1927 г.), от всех ранее высказанных критических замечаний. Они по-прежнему привязаны к партии, единственной в их глазах организации, воплощающей их революционные идеалы.

Даже Х. Г. Раковский, у которого, казалось бы, разум торжествовал над верованиями, в конце концов не стал исключением [41]. Действительно, автор письма, озаглавленного «О причинах перерождения партии и государственного аппарата» [42], довольно-таки оригинально оценивает термидор, объясняя, что падение Робеспьера было следствием «опьянения властью» окружающих его якобинцев. Раковский не останавливается на самых известных причинах перерождения якобинцев — их стремлении к богатству, участии в подрядах, поставках и т. д., а ставит на первое место «постепенную ликвидацию выборного начала и замену его назначенством». Этот принцип, а также уничтожение всех левых элементов сыграли первостепенную роль в отчуждении Робеспьера и якобинского клуба от масс рабочих и мелкой буржуазии. Принимая меры по замене выборных лиц, якобинцы лишь способствовали укреплению бюрократии и убивали инициативу народа. 10 термидора, когда раненого и окровавленного Робеспьера провезли по улицам Парижа, народные массы проявили полнейшее безразличие к судьбе вчерашнего диктатора.

> «Таким образом режим Робеспьера, — заключает Раковский, — вместо поднятия активности масс, активности, которую уже подавлял экономический и в частности продовольственный кризис, он только усугублял зло и способствовал работе антидемократических сил» [43].

В России пролетариат также подвергается большой опасности, т. к. он стал руководящим классом. Раковский уточняет, что здесь он имеет в виду «не объективные трудности, вытекающие из общей исторической обстановки: капиталистическое окружение извне и мелкобуржуазное окружение внутри стра-

ны, а те трудности, которые присущи всякому новому правящему классу, трудности, которые проистекают от захвата и применения самой власти, от умения или неумения пользоваться ею»[44].

Он явно приводит к общему знаменателю — «профессиональному риску» власти — преобразования в революционной Франции в 1794 г. и перемены, переживаемые советской властью в своей стране. В то же время он видит и различие между тем, что произошло во Франции, и русской революцией:

> «Это (политический индеферентизм масс.— Т. К.) происходит по-моему от того, что вопрос сам по себе является новым. (...) Об упадочности в пролетариате в момент, когда у него в руках находится политическая власть, до сих пор мы не могли иметь примеров по той простой причине, что мы являемся первым случаем в истории, когда пролетариат удержался у власти в течение такого длительного периода времени»[45].

Замечание чрезвычайно проницательное, но оно тут же частично утрачивает проницательность, т. к. новизна ситуации дает Раковскому надежду на иной, чем во Франции исход. Кажется, он забывает, что опасности «проистекают от захвата и применения самой власти».

К тому же, он предлагает решения, противоречащие его собственному анализу и заявлению о том, что он считает «утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на партийную бюрократию», а именно: вместо политического механизма, обеспечивающего демократический противовес власти, что соответствовало бы логике его рассуждений, он предлагает «сократить объем и функции руководства партии». Противореча самому себе, он приписывает власти партии способности, которых ее лишает «профессионализм» власти, т. е. он также непоколебимо верит в нее, как и все большевики.

Таким образом, в глазах троцкистов пролетариат и его партия по-прежнему священны. Просто им угрожает перерождение, которое пока еще их окончательно не преобразило. Троцкисты не допускают, что опасность может быть непреодолимой. Во всяком случае, таков дух и смысл их выдержанных в осторожных выражениях платформ, документов и тезисов, которые они предлагают вниманию партии[46]. То, что они избегали употреблять термин «термидор», было для них еще и средством отличить свою собственную политическую мысль от «правды» классовых врагов. Ведь мнение противника должно было обязательно противоречить мнению его антагониста. Это положение, уже de facto включенное в партийные дискуссии, мешало значительному количеству оппозиционеров, размышляющих о

термидоре, раскрыть свои тайные мысли и признать важность слов, которые у них иногда вырывались.

> «Мы никогда не считали и не считаем, что наша партия или ее ЦК стали термидорианскими или что наше государство перестало быть рабочим государством... Мы продолжаем утверждать и будем защищать тот взгляд, что наша партия как была, так и остается организацией авангарда пролетариата, а Советское государство — организацией диктатуры пролетариата»[47].

На XV съезде, когда сторонники Сталина обвинили оппозиционеров в том, что во время Октябрьских праздников они вышли на улицы Москвы, Ленинграда и других городов с лозунгами: «Долой термидор!»[48], именно это заявление было использовано ими для своей защиты.

Каменев снимает с оппозиции всякую ответственность за слова, не закрепленные в письменном виде. На все попытки большинства выявить в их платформе рассуждения, связанные с аналогией, оппозиционеры отвечают неприятием малейшего сопоставления с Устряловым.

В 1928 г. после полного краха надежд, которые они возлагали на XV съезд, некоторые троцкисты, такие как Ельцин, Нечаев, Белобородов, высказали и даже доверили бумаге мысль о том, что термидор свершился[49], после чего их причислили к сторонникам Сапронова и Смирнова.

«Сапроновцы» же имели репутацию самых левых в партии. Их экстремизм состоял будто бы в том, что в отличие от троцкистов они уже допускали существование термидорианской ситуации. *Платформа 15-ти* (июнь 1927 г.), подписанная Сапроновым, В. Смирновым, М. Смирновым, Обориным, Хоречко и другими, должна была заключать в себе, если верить высказывавшимся в их адрес подозрениям, четкую и решительную формулировку типа: «Термидор — свершившийся факт». Однако, как это ни странно, в тексте *Платформы* тщательно избегается термин «термидор», а также все производные от него (термидорианство, термидорианский и т. п.)[50]. Имя Устрялова упоминается для того, чтобы повторить вслед за Троцким, говорившем о том же на заседании ЦКК: «Устрялов уже сейчас приветствует Сталина за его борьбу с оппозицией»[51]. Однако само содержание *Платформы* подсказывает вывод, смысл которого близок к заключению о совершившемся термидоре. Неоднократно повторяется, что «пронизанный мелкобуржуазностью» ЦК проводит политику уступок мелкой буржуазии и что правящие верхи партии переродились. Проанализировав советскую действительность, подписавшие *Платформу* приходят к выводу:

«...ЦК в своей политике зажима партии перешел уже ту границу, за которой начинается ликвидация партии и превращение ее в подсобный аппарат государства» [52].

Мы встречаем в *Платформе* такие сильные выражения, как «полное извращение партийных и профессиональных функций» [53], «сталинская группа прибегла к явно фашистским методам борьбы» [54], в которых чувствуются сомнения по поводу существования партии. Хотя в этом документе эксплицитно не выражена мысль о том, что партию необходимо заменить на новую, судя по общему содержанию она присутствовала в умах составителей платформы [55].

Кроме того, когда в партийных брошюрах политические позиции оппозиционеров объяснялись широкой публике, в них различались сапроновцы и троцкисты, и утверждалось, что сапроновцы находили в Советском Союзе признаки уже свершившегося термидора. Однако в подтверждение подобных утверждений не находилось цитаты лучше, чем нижеследующая:

«Перед рабочим классом СССР стоит грандиозная задача восстановления диктатуры пролетариата путем устранения от власти враждебного ему класса мелкой буржуазии путем длительной классовой борьбы, путем новой пролетарской революции» [56].

В тех же брошюрах часто цитировались «обвинения», выдвинутые в *Платформе* против ГПУ, скатывающегося к контрреволюции, против Красной Армии, которой угрожало превращение в «удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба». Эти слова, столь же уклончивые, что и первая цитата, тем не менее использовались авторами брошюр, позволяя им утверждать, что сапроновцы считали термидор свершившимся фактом.

Таким образом, если судить по комментариям, появившимся в партийной прессе, на словах сапроновцы были явно смелы. Но в *Платформе 15-ти* в письменном виде они не связывали со всей ясностью слово «термидор» с критикой, высказанной в адрес руководства партии.

Причины подобного подбора слов те же, что и у троцкистов: не использовать выражения, свойственные классовым врагам, и не переступать черту, за которой придется оспаривать свое собственное существование в политике. Вот почему в последних строках *Платформы 15-ти* мы находим следующее противоречивое утверждение:

«...все это (перечислены 7 пунктов. — Т. К.) показывает, что нынешние руководители ЦК подходят к последним пределам сползания с пролетарских позиций. Это, конечно, не означает, что партия переродилась» [57].

Эти слова очень близки к тому, что говорили троцкисты, цитированные выше, и, действительно, между троцкистами и сапроновцами никогда не было существенных разногласий. Несмотря на критику в адрес троцкистско-зиновьевского блока за отсутствие политической линии и ясной тактики по отношению к руководству партии, т. е. к Сталину, и несмотря на различные точки зрения на термидор, Троцкий и другие руководители оппозиции отказались отмежеваться от Сапронова и его группы.

ПАРТИЙНОЕ БОЛЬШИНСТВО КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ АНАЛОГИЙ

Несмотря на все указанные выше колебания оппозиционеры в целом считали партийное большинство носителем термидорианства. Большинство должно было, следовательно, перейти в контрнаступление для борьбы со все усиливающимся нажимом аналогии. Однако ему было трудно действовать из-за колебаний в своих собственных рядах: ведь большевики далеко не были уверены в том, что у них нет ничего общего с якобинцами. Тем более тот факт, что они находятся у власти, ставил перед ними ряд проблем, которые они не могли обойти, просто-напросто утверждая, что речь идет о другой эпохе, другой революции и другом типе революции. С другой стороны, они полагали, что угроза термидора реально существует, а рост числа кулаков на селе и нэпманов в городе — порождение нэпа — никак не мог придать им бодрости. Во всяком случае, «призрак термидора» присутствует в размышлениях партийного большинства в достаточной степени, чтобы вовлечь его в широкую кампанию против аналогии; размах этой кампании оказался явно несоразмерен объекту, против которого она была направлена: несколько составленных оппозицией текстов, которые было трудно критиковать из-за отсутствия в них прямых упоминаний о термидоре, и недвусмысленные высказывания, изложенные только в устной форме перед довольно-таки ограниченным числом лиц.

Сначала, летом 1926 г., партийная верхушка делала вид, что ничего не происходит, прекрасно зная при этом, что распространяются сомнительные аналогии. «Дело Залуцкого» показало, что руководство партии предпочитало скорее скрыть «преступление» секретаря Ленинградской организации от простых членов партии, чем использовать его против оппозиции, т. к. оно боялось дать почву опасным сравнениям. Если на июльском Пленуме 1926 г. и после него, руководство продолжало мол-

чать, то это следует понимать как надежду на то, что аналогию еще можно было замять, поскольку она все еще не вышла из узкого круга строптивых руководителей. Молчание несколько нарушилось странным откликом в «Правде» на внезапную смерть Ф. Дзержинского: газета опубликовала по этому случаю статью Бухарина под заголовком «Пролетарский якобинец», что звучало как завуалированный отпор всем тем, кто не был уверен в истинно якобинской, а не термидорианской природе центральных органов партии. В подтверждение своих слов Бухарин цитирует Ленина и напоминает угрожающим тоном, что «якобинцы были революционерами, которые с оружием в руках, прибегнув в безжалостному террору, сумели отразить наступление врагов контр-революционеров» [58].

И только осенью во время XV партконференции (26 октября — 3 ноября 1926 г.) широкая аудитория услышала, наконец, с высокой трибуны, что есть товарищи, обвиняющие партию в том, что «она встала на путь термидора». Открыл сосуд Пандоры Бухарин, проявивший себя с неожиданной стороны — язвительно насмешливым и раздраженным [59]. Внезапно, после недельной дискуссии, касавшейся вопросов первостепенной важности — международного положения, состояния экономики, профсоюзного движения, Бухарин заявил делегатам: до сих пор все только и делали, что ходили вокруг да около, тогда как вопрос о термидоре «предстает самым значительным вопросом, по которому возникают разногласия и который в конце концов решает дело» [60]. Вместе с тем Сталин, выступивший раньше Бухарина с официальным докладом по оппозиции, в котором как раз и шла речь об основных заблуждениях оппозиционеров, ни слова не сказал о термидоре. Ни один другой докладчик из его лагеря также ни словом о нем не обмолвился. Зиновьев, представлявший противоположный лагерь, говорил об «истинных и ложных разногласиях между партией и оппозиционерами» (и, следовательно, мог бы упомянуть о термидоре), но никоим образом не коснулся этого вопроса. Этот последний был вынесен на обсуждение так, как если бы особое право на ответ принадлежало только Бухарину. Возможно, это каким-то образом являлось подтверждением его компетентности в данной области, которую он доказал в 1925 г. во время полемики с Зиновьевым, различив термидорианцев «под маской революционности». По поводу выступлений оппозиционеров он сделал следующие наблюдения:

«Прежде всего меня лично страшно поразило следующее обстоятельство. Выступают один за другим Каменев, Троцкий и Зиновьев и просто-напросто держат себя так, как будто бы ничего особенного не случилось как будто бы были некоторые маленькие разногласия.

Эти разногласия теперь даже, по Каменеву, уменьшились до последних пределов, — заявление от известного числа ими дано, и больше ничего! Между тем необходимо прежде всего вспомнить, что было, с какой системой взглядов выступали названные товарищи и что проделала эта система взглядов внутри нашей партии, внутри Коминтерна. Об этом, о главном, об основном, о том, что в конце концов решает дело, они ничего не сказали. Вот я и думаю, что на это необходимо прежде всего обратить внимание.

Всем известно, что нас обвиняли в том, что наша партия стала на путь «термидора». Было это сказано оппозицией или нет? (Голоса: «Было».) Сказано об этом сейчас хоть одно слово? Нет, не сказано! Отказались они здесь от того, что у нас «термидорианская эпоха»? Ничего они об этом не сказали, как будто бы этого не было.

Сказаны ли были слова о Кавеньяках, о том, что мы душим пролетариат? Сказано это было или нет? Сказано! Радеком было сказано, Сапроновым, был сделан намек Преображенским, в широких партийных кругах эта история ходит. Вышли ли с повинной головой представители оппозиции, заклеймили ли они эту фразеологию, которая была возмутительной и преступной с партийной точки зрения? (Аплодисменты). Об этом ни звука, ни слова!» [61].

Бухарин обрушивается на оппозиционеров и переадресует обвинение в термидорианстве, как, впрочем, он однажды уже сделал, авторам «этой возмутительной фразеологии». Он не обращается к письменным документам оппозиции, в которых все выражения взвешены, но цитирует ряд фраз, произнесенных то там, то здесь, в кулуарах или на заседаниях ответственных партработников:

«Сталин — могильщик революции», — запальчиво заявлял Троцкий;

«Наше государство — далеко не пролетарское государство», — осмелился заявить он в другой раз и сразу же помчался в секретариат, чтобы исправить ошибку;

«Политика нашей партии расходится с интересами широких трудящихся масс», — заявил Каменев в разгар дискуссии на одном из заседаний Политбюро [62]. Все это возмущает Бухарина, потому что оправдывается оппозиционерами как вырвавшиеся слова.

«Теория «вырывания» вообще есть какая-то своеобразная теория тактики оппозиции. Это пустяки какие-то; разве можно этим оправдываться? Так можно от всего решительно отгородиться, если даже речь вырвалась, тогда все решительно может вырваться. Так ставить вопрос нельзя. Вовсе нельзя исходить из того, что «Кавеньяк» вырвался, «термидор» вырвался, «могильщики» вырвались, «кулацкий уклон» вырвался. Не слишком ли много вырвалось? (Бурные продолжительные аплодисменты, смех). А если бы даже все это вырвалось, то даже при том положении вся эта сумма вырвавшихся образует собой определенную политическую линию, и осью этой по-

литической линии является такая оценка нашего положения, что мы экономически и политически перерождаемся» [63].

Вот, как бы говорит Бухарин, какие контрреволюционные мысли скрываются за лозунгами о термидоре; судите сами, где истинные термидорианцы, на стороне Сталина или же среди его противников. И Бухарин добавляет, чтобы заклеймить оппозиционеров:

«Если вы занимаетесь разлагающей проповедью о термидорианстве, о перерождении и пр. и всякую дрянь вокруг себя собираете, то вы объективно капитулируете перед буржуазией, как бы это странным ни казалось. (Голоса: «Правильно!») [64].

Бухарин не допускает, что «вырвавшиеся» слова могут быть случайными или метафоричными, он воспринимает их очень серьезно и превращает обвинение в термидорианском перерождении партии в «политическую линию оппозиции». Оскорбительные эпитеты («преступная», «лживая», «галиматья», «преступление против духа и буквы ленинизма») нагнетали чудовищность образа, который он пытался создать у слушателей.

Бухарин искажает пропорции, которые сама оппозиция хотела придать аналогии. То, что в документах оппозиционеров было лишь намеком, превратилось в речах Бухарина в «термидорианскую теорию» первостепенной важности, которую обошли молчанием все три вождя оппозиции — Троцкий, Каменев и Зиновьев. Бухарин так интерпретирует их выступления: ни слова не говорить о термидоре равносильно тому, чтобы поставить под сомнение пролетарский характер революции и усомниться в возможности построения социализма в одной стране. Он провокационно требует ответа на коренной вопрос:

«У нас спор идет относительно того, позволяют ли нам наши внутренние силы с полной уверенностью вести вперед дело социалистического строительства. Мы утверждаем — да! Мы можем построить социализм. Поэтому мы представляем линию нэпа не только как отступление, но и как наступление. И когда мы говорим о текущем хозяйственном годе, мы все ощущаем действительный мышечный рост наших сил, потому что теперь переломный год. Несмотря на трудности, которые мы имеем в нашей стране, несмотря на них, это есть год начавшегося еще более решительного наступления на капитал. Это выражается в индустриализации, в вытеснении частника из розничной торговли, это выражается в его зажиме тарифами; это выражается в том, что он кинулся в сферу кустарного ремесла; это выражается в укреплении кредитной системы; это выражается, наконец, в растущей мощи социалистических элементов нашего хозяйства. Что тут похожего на термидор? И мне кажется, вся партия вправе поставить в укор товарищам из оппозиции: скажите, вы остаетесь при прежнем решении и при прежних взглядах о термидоре, или вы осуждаете их? Нам смешно, когда т. Каменев выходит и блох давит: маленькие практические разногласия. (Аплодисменты). Мы должны сейчас сказать: «Не давите блох, *а ответьте на эти коренные вопросы:* проповедуете ли вы, что мы гнием на корню, или согласны, что мы маршируем вперед?». Вот как стоит вопрос. Это коренной вопрос, и на этот вопрос мы отвечаем: мы идем вперед, мы будем идти вперед и победим, несмотря на пророчество о термидоре, вопреки ему и против него». (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Овация всего зала) [65].

Эти слова, как мы видим, были встречены овацией. Однако выступавшие после Бухарина не подхватили его возмущенный тон по поводу термидора. Редко кто произносил это слово, зато каждый настаивал на неприемлемости сомнений относительно возможности строительства социализма в России без помощи других революций. Настойчивость, с которой это повторялось, была равносильна упреку оппозиции в употреблении аналогии, тем более, что выступления следовали за речью Бухарина, который практически свел размышления оппозиционеров о термидоре к пораженчеству.

Резолюция, принятая XV конференцией, также обошла этот пункт молчанием: в ней оппозиция осуждалась за «упадочнические взгляды», и «вырвавшиеся слова» о термидоре ей в вину не вменялись [66]. Да и сам Бухарин не сохранил верность своим словам; через четыре дня после XV конференции в более спокойном и дидактическом тоне он изложил всей стране аргументы против аналогии. В статье «На пороге десятого года» [67], посвященной годовщине Октябрьской революции, он объяснял миллионам читателей, что якобинцы при помощи «самого великолепного орудия — «террора» разрушили феодализм. Но будучи представителями мелкой буржуазии, они не смогли удержать власть, т. е. по законам истории высший хозяйственный принцип представляла крупная буржуазия. Таким образом экономическое развитие предопределило гибель Робеспьера. В отличие от Французской революции, продолжал Бухарин, в результате Октябрьской революции к власти пришел пролетариат, которому не дано пасть, поскольку он является носителем наивысших хозяйственных принципов, диктуемых ходом Истории. Пролетариат имеет оружие, неизвестное в буржуазном мире: власть, сосредоточенную только в его руках, плановую государственную экономику и энтузиазм масс, постоянно выдвигающих своих собственных руководителей. Следовательно, те, кто говорит о термидоре, «не видят всей бездонной глупости в самом сердце аналогии». Они выносят приговор делу пролетариата, предсказывая его поражение, из-за «простого суеверия и боязни цифры 9», по поводу чего Бухарин иронизирует:

«9 — роковое число: трижды три — девять. 9 — число мистическое: на девятом месяце рождается человек. 9 — число историческое: девятого термидора пала диктатура Робеспьера. Разве не «вытекает» отсюда, что девятый год был годом нашего термидора?»

Читая статью, с удивлением констатируешь, что ни серьезные аргументы, ни шутки Бухарина не имеют точного адресата внутри страны; совершенно очевидно, что он обращается к тем, кто «разоблачает термидор» за границей, т. к. он называет Алданова, Устрялова, газеты «Руль» и «Соцвестник», а также цитирует Мартова. Но из его статьи неясно, повторяет ли кто-нибудь в России их «недостойную болтовню». «Люди, потерявшие из-за страха разум», — таков нарисованный в статье групповой портрет, характеризующий тех, кто использует этот термин. Читатели «Правды», конечно же, не могли догадаться, если только они не получали информацию из других источников, что оппозиционеры-большевики также входили в число «людей», позволявших себе «разглагольствовать» по поводу термидора. Таким образом, в отличие от того, что он говорил на XV конференции, Бухарин проявил осмотрительность: по разному обратился к узкому кругу делегатов и огромным массам. По-видимому, он предпочитал не выносить сор из избы.

В публикациях, разъяснявших рабочим, как это было принято, постановления конференций и съездов партии, также не упоминается о «главном вопросе, по которому возникают разногласия и который в конце концов решает дело». Так, например, в брошюре «Куда идет оппозиция?» Ф. Леонов по крайней мере трижды[68] подходит к тому, чтобы по всей логике сообщить читателю, что оппозиция «виновна» в использовании аналогии с термидором, но он ограничивается тем, что говорит: «Оппозиция не верит в строительство социализма. (...) Отсюда и проистекают у оппозиции обвинения партии в бюрократизме, в перерождении, в кулацком уклоне и т. д.»[69].

Подобное затишье после страстного выступления Бухарина на XV конференции, а также полное молчание по поводу термидора, соблюдавшееся оппозицией в течение всей конференции, знаменательно. Как руководство партии, так и руководство оппозиции продолжают, как и в 1925 г. в «деле Залуцкого», предпринимать все возможное, чтобы разговоры о термидоре не вышли за пределы руководящих кругов. Руководство партии, в том числе и Бухарин, исключает как представляющий опасность термин *термидор* из официально употребляемого словаря, предназначенного для критики «оппозиционного блока». Со своей стороны, руководство оппозиции считает этот термин подозрительным (ведь у него враждебное происхождение) и запрещает себе использовать аналогию в полной мере.

Бухарин не смог — действительно ли он этого хотел? — положить конец взаимным недомолвкам. Однако он, вероятно, оказал влияние на Сталина и подбодрил его, поскольку месяц спустя тот дал зеленый свет кампании, направленной на то, чтобы запугать оппозицию, открыто, публично вменяя ей в вину аналогию. Момент выдался благоприятный. Действительно, до XV конференции для большинства было рисковано вести наступление на оппозицию в вопросе о термидоре, т. е. оппозиционеры могли ответить речами более определенными, чем всевозможные намеки. Во время яростной полемики, проходившей с июля по октябрь, слово «термидор» оставалось словом-табу как для оппозиции, так и для партийного большинства. В *Заявлении от 16 октября* оппозиционеры никоим образом не продолжили свои еле внятные обвинения в «термидорианстве». Они промолчали и на XV конференции, хотя Бухарин и провоцировал их. На VII расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна поведение оппозиции позволило Сталину сделать следующие выводы:

«Надо признать и, признав это, надо подчеркнуть, что оппозиция не решилась повторить свои обвинения против партии на XV конференции ВКП(б). (...) ...От старых обвинений в оппортунизме, в термидорианстве... не осталось и следа... Если принять, кроме того, во внимание... что целый ряд делегатов обратился к оппозиции с вопросом о старых обвинениях, а оппозиция продолжала на этот счет упорно молчать, то нельзя не признать, что оппозиция отказалась на деле от своих старых обвинений против партии»[70].

Предшествующее конференции молчание оппозиции и молчание, хранимое ею в ответ на провокационные заявления Бухарина, дали возможность Сталину публично заявить об отказе оппозиционеров от своих слов: руководство партии окрепло после этой пробы сил, к которой оно стремилось и от которой уклонились оппозиционеры, отныне партийное руководство могло развязать общее решительное наступление на оппозицию.

Сталин выступил перед делегатами Коминтерна с обстоятельным докладом о социал-демократическом уклоне в большевистской партии. Говоря о практическом проявлении разногласий между большинством и оппозицией, он отметил, что оппозиция начала свою работу с того, что выставила против партии тягчайшие обвинения. По словам Сталина, оппозиция, начиная с июльского Пленума, утверждала в устной и письменной форме, что партия-де «сползает на рельсы оппортунизма», что «политика партии идет вразрез с классовой линией революции» и что «партия перерождается и идет к термидору»[71]. С полной уверенностью в справедливости своих слов Сталин приписывает оппозиционерам обвинения против партии, которые те всегда опасались высказывать, особенно в публичных выступлениях.

Во время дискуссии, последовавшей за докладом Сталина, Бухарин еще сильнее подчеркнул серьезность «преступления» оппозиции, упирая на особо важную теоретическую значимость аналогии с термидором.

«...товарищи, отстаивавшие эту теорию, разумеется, совершенно умалчивают о том, что они ревизуют основы экономического учения марксизма. (...) Термидор победил, и должен был победить во время Великой французской революции потому, что у крупно-капиталистической буржуазии в руках были более крупные экономические козыри; она была представителем крупного производства, а диктатура якобинцев отстаивала интересы мелкого производства. И это противоречие между великой революционной политической ролью мелкой буржуазии и ее мелко-производственными идеалами неизбежно должно было привести к победе крупной бружуазии, так как пролетариат в ту пору не был еще развит и не мог выступать в качестве самостоятельной и руководящей революционной силы. А как обстоит дело у нас? Поясните мне это, пожалуйста, товарищи, болтающие о «термидоре»! Объясните мне, пожалуйста, на чьей стороне самый прогрессивный экономический принцип? Абсолютно нелепо, экономически неграмотно, толковать у нас о «термидоре»» [72].

Вслед за Сталиным и Бухариным многие выступавшие подчеркнули серьезность заявлений оппозиционеров о термидоре. Так, Жак Дорио, бывший в то время одним из руководителей ФКП, не видел «ничего интересного и важного в троцкистской платформе», которую, как ему кажется, «рабочие уже отвергли». Он сожалел, что не слышны голоса вождей оппозиции в обсуждении действительно существенных вопросов.

«И в самом деле, они ничего не сказали нам о поднятых вопросах, о термидоре в России, об исчезновении диктатуры пролетариата, о линии кулачества» [73].

Итальянский делегат Пальмиро Тольятти (Эрколи) считал, что «в международном плане оппозиция, упуская из вида генеральную перспективу революции и недостаточно веря в революцию, серьезно запуталась в своих обвинениях в термидорианстве» [74].

Мануильский утверждал, что в вопросе о термидоре оппозиция подхватила лозунги социал-демократов:

«Мы не термидорианцы. Термидорианцы те, кто, как вы слышите, говорят с социал-демократическим акцентом. Коммунистический интернационал будет относиться к этим людям так, как они того заслуживают» [75].

На следующий день руководитель немецких коммунистов Эрнст Тельман отождествлял термидор и пораженчество:

«Перспектива, развернутая товарищами Бухариным и Сталиным, есть единственно верная революционная перспектива. Точка зрения оппозиции, напротив, это перспектива термидора. (...) Вот что называется пораженчеством и капитулянством» [76].

Таким образом, на VII расширенном Пленуме ИККИ пламенные речи против оппозиции положили конец замалчиванию термидора. Конечно же, Каменев категорически заявил, что у оппозиции не было ничего общего с Устряловым и что, напротив, Устрялов аплодировал Сталину. Тем не менее, в резолюции, принятой единогласно, впервые упоминалось «тягчайшее обвинение», выдвинутое оппозицией против партии. Оно заключалось в

«неверной оценке нэпа, как систематического отступления... неверной оценке госпредприятий и всей экономики в СССР, преувеличении кулацкой опасности, непонимании путей социлистического развития в деревне, неверной оценке характера государственной власти... и, наконец, в утверждении о перерождении пролетарской диктатуры и ВКП(б) вплоть до возмутительных и стоящих на грани контр-революции разговоров о термидоре. Всеми этими насквозь неверными и прямо клеветническими утверждениями оппозиция в ВКП(б) оказывает объективно поддержку врагам пролетарской диктатуры и ренегатам коммунизма...» [77].

Комментируя выступление Троцкого, «Правда» от 10 декабря называет вещи своими именами:

«О чем молчал тов. Троцкий? О чем т. Троцкий не посмел обмолвиться ни единым звуком, держа полуторачасовую речь перед лучшими людьми международного коммунизма? Тов. Троцкий не осмелился повторить зловонную и безвкусную ложь о «термидоре», которая ведь до сих пор продолжает гнить в «принципиальном» багаже оппозиции» [78].

Итак, термин «термидор» появился в спорах и стал произноситься высшим руководством партии. Наконец-то решились открыто использовать его против оппозиции. После того как VII расширенный Пленум ИККИ подтвердил, что соотношение сил — в пользу большинства, термин «термидор», до сих пор ужасавший и раздражавший большинство, отныне мог ему послужить: действительно, разве нельзя было вменявшийся в вину оппозиции и легко лишавшийся своего содержания [79] термин преобразовать в мощное средство легитимизации власти?

Глава VIII

Борьба с аналогией разворачивается

Ранее мы следили скорее за перипетиями, вызванными употреблением слова, чем за именениями его смысла. Среди оппозиционеров, не использовавших его открыто и опасавшихся четко сформулировать свои предположения, аналогия с термидором оставалась смутным намеком. Представители большинства считали себя вправе квалифицировать эту аналогию как «шумиху», «булавочные уколы» и «суеверное шушуканье»; они тщательно избегали термин или же использовали его как «пугало». Так же, как и оппозиционеры, партийное большинство старалось подменить слово вместо того, чтобы разъяснить, что оно означало.

С 1927 г. история аналогии принимает новый оборот: разоблачить смысл, вкладываемый оппозицией в это «ужасное слово», одновременно разъясняя его «классовое содержание», — вот насущная, не терпящая отлагательств задача, которая стоит перед партийным большинством; и это постоянно подчеркивается в официальных публикациях. В них многократно повторяется, что «в термидоре в один узел стянуты все разногласия оппозиции с партией»[1]. Рыков даже сказал, что «остальные видимые разногласия менее значительные»[2]. И он привел в качестве примера ни больше ни меньше как всеобщую забастовку в Англии и китайскую революцию, события первостепенной важности, по которым шла ожесточенная дискуссия. Позиция, занятая руководством ВКП(б), была расценена левым международным коммунистическим движением как оппортунистическая. Объяснить рядовым членам партии, что такое термидор, становилось тем более неотложной задачей, что в июне 1927 г. на заседании ЦКК Троцкий «бросил перчатку» и впервые предоставил возможность большинству перейти в наступление на оппозицию за обращение к аналогии. «Восходящая и нисходящая» Французской революции, столь образно им описанные, уже не могли в тот момент изгладиться из памяти его противников: разве Сталин и Бухарин прозрачно не намекали на гласность в этом деле на VII расширенном Пленуме ИККИ? Кроме того, с июня 1927 г. внутри страны получают распространение платформы троцкистов и сапроновцев, где сам термин избегается, но содержание его эксплицитно присутствует, а голоса, раздающиеся за рубежом, становятся все более настойчивыми[3].

Наступление организуется по двум направлениям: политическому и «научному». В выступлениях, во множестве полемических статей и брошюр, написанных партийными журналистами совместно с историками[4], приводятся аргументы с целью доказать общность взглядов оппозиции с одной стороны, и меньшевиков, сменовеховцев и буржуазии — с другой. В то же время историки вне политической полемики пытаются в своих исследованиях дискредитировать аналогию в научном плане.

ИНИЦИАТИВА СТОРОННИКОВ БУХАРИНА

Три молодых журналиста-историка из окружения Бухарина первыми поставили свои перья на службу новой цели: Александр Слепков, Дмитрий Марецкий и Александр Зайцев[5]. Все трое принадлежали к так называемой «бухаринской школе», то есть были из числа бывших учеников Бухарина в Институте красной профессуры, которая славилась своими интеллектуальными и литературными талантами и которой принадлежала идеологическая власть над органами печати и пропаганды с 1924 по 1928 гг.[6] Историк Александр Слепков вместе с Бухариным руководил журналом «Большевик», органом ЦК ВКП(б), Дмитрий Марецкий, специалист по истории экономики, и журналист Александр Зайцев постоянно сотрудничали с различными партийными периодическими изданиями. В начале 1928 г. все трое стали редакторами «Правды». Таким образом, лучшие идеологи партии приложили усилия к тому, чтобы перевести слухи о термидоре на интеллектуальный уровень, дабы успешнее контратаковать оппозицию.

В книге «Оппозиционный неоменьшевизм» Слепков разбирает *Платформу 15-ти*. Автор приводит массу цитат из этого документа оппозиции, рассматривая его как совершенное выражение концепции, совпадающей с «меньшевистскими теориями термидора». Однако, в *Платформе* ни разу не упоминается о *термидоре*. Таким образом, цель Слепкова состоит в том, чтобы приклеить этот ярлык ко всем критическим замечаниям оппозиции, выявленным в документе. Анализируя текст *Платформы*, он дает читателям точные ссылки с указанием страницы цити-

руемого источника, но в заключении, где сапроновцы обвиняются в том, что именно они являются авторами «теории термидора», не приводится ни одной цитаты, поскольку термина «термидор» нет в тексте *Платформы*. Вот один из примеров используемых им приемов, где он сам выделяет фразы курсивом, ставит кавычки и указывает номера страниц:

> «Политика ЦК в области промышленности... проникнута мелкобуржуазными уклонами» (стр. 13). «Вслед за *явно выраженным мелкобуржуазным уклоном* в области промышленной политики усиливается *кулацкий уклон* в деревенской политике» (стр. 33).
>
> «Идет развертывание *крестьянско-кулацкой демократии*» (ст. 37). «Внутрипартийный режим приводит к *перерождению верхушки партии и грозит ликвидировать партию, как авангард пролетариата*». «...все это показывает, что нынешние руководители ЦК *подходят к последним пределам сползания с пролетарских рельсов*» (стр. 82). «Идет *быстрый процесс перерождения ее* (партии) *верхушки*» (стр. 48). «Бюрократизация партии, *перерождение* ее правящих верхов... показывает, что ЦК в своей политике зажима партии *перешел уже ту границу*, за которой начинается *ликвидация партии*» (стр. 56).
>
> «Страшные слова» найдены. Уже «перейдена граница», уже происходит «ликвидация партии»; «верхушка» (Центральный комитет) «переродилась». «Термидор» идет! — оппозиционный прогноз торжествует! И платформа Сапронова-Смирнова раскрывает нам весь механизм пресловутого «отермидоривания»» [7].

Поскольку термин *термидор* отсутствует в *Платформе,* Слепков не может уточнить, где его можно найти в тексте, что не мешает ему, однако, вменить употребление термина в вину оппозиции. Например, он цитирует следующее высказывание:

> «Продолжение этой политики (политики ЦК) грозит тем, что власть диктатуры пролетариата, *все больше и больше отрываясь от породившего ее класса* и в то же время не выражая полностью интересов какого-либо другого класса, превратится в надклассовую» (стр. 46) [8].

И делает вывод о том, что теория государства как надклассовой категории служит для оппозиции аргументом, подтверждающим отермидоривание. За словами *Платформы* об опасности Слепков видит стремление доказать непролетарский характер Советского государства. Еще пример. В *Платформе* написано, что «Красной армии *грозит* (подчеркнуто мною. — Т. К.) превратиться в удобное орудие для успешного осуществления бонапартистских авантюр». Слепков оставляет без внимания гипотетический характер этой фразы и обвиняет группу 15-ти в клевете. Таким образом, там, где оппозиция выявляла всего лишь тенденцию, Слепков усматривал законченное утверждение. Использование подобных приемов привело к тому, что в последней главе автор книги перечислил составляющие

термидора в соответствии со взглядами, которые он приписывал оппозиции: 1) непролетарский характер государства; 2) перерождение верхушки партии; 3) мелкобуржуазный уклон; 4) разложение советов; 5) ГПУ против рабочих; 6) Красная армия — орудие бонапартистского переворота. Тем самым он представляет нам свое собственное понимание термидора, которое сводится к часто употребляемым в партии формулировкам, сходным с заклинанием злых духов. Слепков делает вывод, что сравнения с Французской революцией «просто-напросто глупы» [9].

Все же Слепков считает себя обязанным выдвинуть пусть даже хотя бы минимум «обоснованных» положений. Он использует те же аргументы, что и Бухарин в статье «На пороге десятого года», но добавляет несколько крепких слов и ставит вопросы, которые должны, как ему кажется, привести оппозицию в замешательство:

> «Может быть потому рвет и мечет против СССР международная буржуазия, что в нем ЦК ведет «кулацкую политику»? (...) Уж не потому ли грозят нам мечом Чемберлены, что мы «сползаем с классовых рельсов», что «упраздняем советы», «катимся к термидору»? Уж не тем ли объясняется истерический визг социал-негодяев из «Форвертс», всех кровавых собак международной социал-демократии, что «ГПУ сходит с позиций обороны пролетарской революции?». Уже не потому ли неистовствуют темные силы всемирной реакции, завывает белугой эмигрантская пресса, что «ЦК» собирается «ликвидировать большевистскую партию»? [10].

Затем он заявляет, что *Платформа 15-ти* является лишь «махрово меньшевистским пасквилем на Центральный Комитет» [11].

В книге Слепкова мы сталкиваемся с двумя тактиками по отношению к термидору: с одной стороны, возмущение и высказанный в ироническом и оскорбительном тоне отказ заниматься критикой «того, что уже тысячу раз было опровергнуто», и с другой — стремление не оставлять аналогию без контр-аргументов «научного» типа. Слепков считает нужным высказать по крайне мере «три элементарных замечания»: 1) гегемония мелкой буржуазии во Франции не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата в СССР; 2) невозможно говорить о перерождении там, где столь очевидны успехи экономического развития; 3) враждебность, проявляемая международной буржуазией по отношению к Советскому Союзу, служит доказательством тому, что термидор здесь никогда не совершался.

Д. Марецкому кажется недостаточным отбросить любое сравнение как «глупое» или «возмутительное». Он пишет длинную статью, которая опубликована «Правдой» под названием

«Так называемый «термидор» и опасность перерождения»[12]. Затем выпускает одноименную брошюру, в которой ироничные замечания и возмущение соседствуют с большим количеством тщательно продуманных возражений. Изложенные на сорока восьми страницах они имеют бóльший вес, чем восемь страниц последней главы книги Слепкова. В отличие от Слепкова Марецкий считает, что обвинения, выдвинутые Троцким против ЦК, «заслуживают большого внимания»[13]. Он неоднократно подчеркивает значение термидора в конфликте между партией и оппозицией: «Это обвинение лучше, чем что-либо другое свидетельствует о глубине и критическом состоянии разногласий»[14].

Подняв аналогию с термидором до уровня ключевых вопросов, он подвергает ее сравнительному анализу. Рассмотрев этапы Французской революции, которой, как ему представляется, руководила мелкая буржуазия (что совпадает с мнением Бухарина), он заключает, что выиграла ее крупная буржуазия. Причиной этого была непоследовательная политика в отношении народных масс, проводимая революционерами из среды мелкой буржуазии. В итоге: две революции не имеют ничего общего за исключением нескольких чисто формальных признаков (распад общественных отношений, обострение классовой борьбы, движение масс, революционная диктатура, террор, ускорение развития событий и т. д.).

> «Наша революция по сравнению с Великой французской революцией — коренным образом другая. Она происходит в другую эпоху, ее движущие силы другие; классы другие, по-другому расположенные; международная обстановка другая; опасности, трудности, противоречия должны быть и являются другими. О «термидоре», копирующем непосредственно французский термидор, не может быть и речи»[15].

Затем он переходит к тому, что он сам называет «сравнением соотносительным»: если Октябрьская революция не копирует Французскую революцию, возможно, она ее чем-то напоминает? Может быть, сомнения по поводу термидора законны, если можно подтвердить их, учитывая все различия эпох и обстановки, какими-нибудь фактами, позволяющими сопоставить эти две революции? Выдвинув такое, по его мнению, исходно неверное предположение, Марецкий тем не менее начинает приводить доказательства, которые могли бы опровергнуть идею о неизбежном повторении истории. Он развивает четыре контраргумента: термидор нельзя рассматривать ни как поражение, ни как эволюцию; термидор также не является перерождением, а расстановку политических сил в 1794 г. нельзя свести к той, которая сложилась в Коммунистической партии в СССР в 1927 г. Марецкий считает, что «говорить, что всякое поражение революции есть термидор, значит вещать глубокомысленную «истину»: поражение есть поражение»[16]. Мысль о постепенном поражении эволюционным путем, по его мнению противоречит историческим фактам и их марксистскому истолкованию.

> «Исторический термидор ничего общего не имеет со слащаво-вегетарианским устряловско-оппозиционным описанием. На самом деле 9 термидора и события, ему предшествовавшие и следовавшие за ним, были событиями ожесточенной классовой борьбы и борьбы партий. На самом деле 9 термидора было отнюдь не мирным, но весьма и весьма «драматическим», кровавым актом буржуазной контрреволюции против мелкобуржуазной диктатуры»[17].

Марецкий не отрицает угрозы перерождения, существующей в Советской России, но считает, что она связана с ростом производительных сил (кулачества и частного капитала), между тем как причиной, породившей термидор во Франции, был хозяйственный упадок, чего, по его мнению, достаточно, чтобы понять разницу. Однако, Марецкий делает парадоксальное замечание: термидор во Франции представлял собой не перерождение, что бы ни думали по этому поводу, а фактор прогресса. Когда поднимается вопрос о перерождении пролетариата, думают, что руководящие кадры обуял буржуазный дух и что под этим следует понимать экономический регресс, поскольку общество от высшей хозяйственной организации (социалистической) переходит к другой, низшей (буржуазной). В термидорианскую же эпоху, напротив, перерождение означало переход от низшей хозяйственной организации (мелкобуржуазной) к другой, высшей (капиталистической). Что касается четвертого контраргумента, то подведя читателя к мысли о том, что сама оппозиция состоит из термидорианцев, Марецкий опровергает идею советского термидора. Ведь отождествляя себя с французскими левыми, оппозиция должна также признать, что некоторые парижские секции, секция гравильеров например,— впрочем, одна из самых радикальных, поддержали термидорианский Конвент против Робеспьера. Марецкий делает вывод о том, что «все аналогии оказываются вздорными, нелепыми, безграмотными с марксистской точки зрения»[18]. Он полагает, что есть только один путь, пойдя по которому можно придать аналогии смысл: присоединиться к меньшевикам, поскольку они упорно настаивают на незрелости русского пролетариата и, следовательно, на буржуазном характере Октябрьской революции; только при этом условии пролетариат Советского Союза будет обречен, как некогда якобинцы, проложить дорогу буржуазии, т. е. окажется в термидорианском тупике.

> «Иного выхода нет для оппозиции: или большевизм или меньшевизм! (...) Или прав Мартов — тогда да здравствует «термидорианская» аналогия; или прав Ленин — тогда к черту меньшевистскую аналогию»[19].

Удивителен все-таки финал статьи: автору понадобилось несколько десятков страниц, чтобы доказать то, что доказательств не требовало. В самом деле, было хорошо известно, что именно меньшевики являлись авторами аналогии, и совсем не обязательно было выстраивать длинную цепочку доказательств, чтобы подкрепить совершенно очевидные обвинения в меньшевистском уклоне. Уже Слепков, как мы видели не хотел отвергать аналогию только из-за ее классового происхождения или же сосредоточиваться только лишь на ее соотношении с меньшевистской концепцией Октябрьской революции. Ему нужен был минимум более серьезных доказательств, относящихся к «научной» области. Марецкому же понадобилась целая система исторических и теоретических аргументов. Однако, в конце брошюры он совсем не использует их, т. к. упреки, высказываемые им в адрес оппозиции, не являются ни справедливыми, ни ложными, т. к. он клеймит оппозицию за то, что она следовала меньшевистской логике.

Стоит, может быть, предположить, что существовало две отдельно взятые задачи, хотя и смешавшиеся в умах учеников Бухарина, которые преследовали политические цели, воспользовавшись неожиданной счастливой возможностью, предоставленной им Троцким. С одной стороны, они должны были заклеймить поведение оппозиционеров, которые, говоря о термидоре, вставали, хотели они того или нет, на сторону меньшевиков. С другой стороны, в глазах большинства аналогия, по-видимому, являлась вопросом, требующим исчерпывающего ответа, чтобы придать уверенности и себе и своим собственным сторонникам, что значительно важнее, чем убеждать кого бы то ни было.

А. Зайцев, третий ученик Бухарина, блестяще подтверждает это предположение, так разъясняя возникшую в 1925 г. полемику между своим учителем и Устряловым:

> «Политический смысл бухаринского выступления по поводу выхода в свет сборника устряловских статей заключается в том, чтобы разоблачить и рассеять деморализующее воздействие, оказываемое произведениями Устрялова на некоторые клеточки нашего партийного организма, в особенности на часть *партийной интеллигенции*. В этом все дело. Противопоставить панике этой части партии, панике, вызванной объективными трудностями строительства социализма в крестьянской стране, панике, теоретически утверждавшей себя схемами, родственными устряловским, — противопоставить этой панике здоровую, большевистскую волю к преодолению указанных трудностей, указать материально-классовые основы и возможности их преодоления, — вот в чем смысл критико-полемической брошюры тов. Бухарина, а отнюдь не в том, чтобы убедить господ Устряловых в их теоретической несостоятельности» [20]

С тех же позиций Устрялова упрекает и Зайцев: «самоочевидно», что в Советском Союзе нет и быть не может событий, аналогичных 9 термидора. Обратные предположения, выдвигаемые социал-демократами и сменовеховцами, «бессмысленны» и свидетельствуют об их «невежестве». Однако, Зайцев, так же как Слепков и Марецкий, хочет пойти дальше, понять до конца «классовое содержание», конечно же присутствующее в этом «продукте человеческой глупости», и раскрыть «реальные классовые интересы», скрывающиеся «под бессмысленно-иррациональными оболочками» [21]. Конечно, он делает вывод, что «теория термидора есть теория буржуа» [22], и показывает, что Зиновьев, Каменев и их сторонники попались, «как мухи в паутину», сплетенную Устряловым. В то же время он пытается убедить большевиков, что они не зашли в тупик [23], для этого он использует аргументы «практики социалистического строительства» и «классовой борьбы». Он считает абсурдным пытаться найти решение вопроса о термидоре с позиций логики: только схоласты могут ответить на этот вопрос, не прибегая к конкретному анализу завоеваний революции [24]. Таким образом «теоретический турнир» с Устряловым «лишен смысла». Изящные аргументы звучат неубедительно, когда речь идет о борьбе социализма с капитализмом.

«Кто кого?» — именно так сформулировал Ленин вопрос о термидоре, напоминает Зайцев, подчеркивая обоснованность такого глобального подхода к проблеме. Не без оптимизма он перечисляет завоевания социализма: улучшение питания крестьян; значительное снижение смертности в деревне; успехи технической революции в сельском хозяйстве; огромные капиталовложения в промышленность; рост национального дохода на 7% против 2—4% в западных странах и т. д. и т. п. Таковы, по его мнению неопровержимые доказательства, которые позволяют прекратить дискуссию о термидоре.

Однако, он противоречит своей собственной концепции термидора: определив его как победу крупной буржуазии над мелкой, он никоим образом не ставит под сомнение вопрос о капитализме во Франции, где речь шла не о «борьбе феодализма с капитализмом», но о выборе пути развития капитализма, и борьба проходила внутри нового общества, а не между новым и старым. Тем не менее, проецируя эту концепцию на советские условия, Зайцев подчеркивает, что термидор есть выражение «смертельной схватки» между старым (капитализмом) и новым (социализмом).

С другой стороны, поскольку для него термидор представлял собой развязку борьбы между крупной и мелкой буржуазией, Зайцев считал, что это явление нужно рассматривать только с революционной точки зрения, что совпадает с основной мыслью

Устрялова. Тем не менее он, как, впрочем, Ленин, Бухарин и другие большевики, исходит из убеждения, что 9 термидора явилось началом контрреволюции и что перерождение никоим образом не связано с революцией. Для него опасность исходит только от еще не уничтоженной буржуазии и капитализма.

«Перерождение, это — экономическое банкротство рабочего класса, это — бессилие пролетариата построить социалистическую экономику» [25].

Его следует понимать как «угрозу буржуазной реставрации». Вопрос о перерождении можно ставить только в плоскости экономики, то есть так, как его ставил Ленин: «Кто кого?»

Используя термины, к которым прибегали и большевики, и их враги, Зайцев не допускает никакого совпадения взглядов в анализе перерождения, он сразу же отвергает все утверждения «врагов» об эволюции революционной власти и ее специфических проблемах. «Термидор» и «перерождение» оказались таким образом за счет некоторой непоследовательности в рассуждениях вне круга вопросов, которые обсуждали большевики [26].

НЕОБХОДИМОСТЬ «НАУЧНЫХ КРИТЕРИЕВ»

Бухаринцы упрекали оппозиционеров в том, что те прибегали к аналогии, не имевшей, по их мнению, никакого смысла вне рамок меньшевистской и устряловской концепций Октябрьской революции. Вся критика была направлена на то, чтобы показать, что оппозиционеры отказались от своих первоначальных убеждений (в чем они не признавались), убеждений, конечно же, оппозиционных, но все же еще не противоречащих духу партии, и пришли к тому, что ясно и во весь голос выговаривают враги. Абсурдно говорить о термидоре; бухаринцы не хотели даже обсуждать этот вопрос: если кто-нибудь об этом заговаривает, это означает, что он предает интересы партии и пролетариата. В проанализированных выше брошюрах, так же как и в некоторых других [27], сторонники Бухарина пытались привести доказательства такого предательства.

В книге «Что такое термидор?» В. Колоколкин и С. Моносов предлагают читателю другой подход к проблеме. Журналист Колоколкин и бывший ученик историка Лукина и специалист по новой истории Моносов [28] пытаются «дать бой» на поприще истории: ведь те, кто сравнивает две революции, выказывают такое незнание истории Французской революции, столько «невежества» и так «профанируют марксистскую методологию», что, по мнению авторов, необходимо дать «научный» ответ на вопрос: «Что такое термидор?». На первых же страницах они заявляют:

«Мы не только не отрицаем необходимости и безусловной полезности глубокого изучения этих революций, напротив, мы прямо обязываем к такому изучению всех тех, кто претендует на роль серьезных политиков и кто желает вести политику на строго научных основаниях. Но мы категорически отвергаем плоские и поверхностные сопоставления и аналогии, проводимые ныне оппозиционными теоретиками между социалистической революцией в нашей стране и классическими буржуазными революциями. Мы считали эти аналогии ненаучными, противными духу марксизма, поскольку к ним прибегают *только* для того, чтобы *показать и доказать сходство нашей революции* с другими, в частности, с буржуазными революциями. Всякая аналогия только тогда получает серьезное научное и политическое значение, когда она помогает выяснить не только и *не столько* сходство между явлениями одного и другого ряда, сколько различие между ними» [29].

Забота о «научном» обосновании того, что «аналогии с классическими буржуазными революциями» не внушают доверия, отличает книгу Колоколкина и Моносова от огромного количества литературы, разглагольствовавшей о «неоменьшевизме» и «устряловщине» оппозиционеров. В то же время эта книга не относится к специальным трудам по истории: она обращена к широкой публике, главным образом, к рабочим, опубликована большим тиражом в издательстве «Московский рабочий» и является книгой научно-популярной. В силу этого она занимает промежуточное положение между пропагандистской литературой и специальными исследованиями историков.

Концепция Французской революции и определение термидора, приводимые в книге, совпадают с тем, что говорили бухаринцы, но факты представлены иначе, с бóльшим учетом исторического анализа. Так что тедмидор, определенный grosso modo как «поворот от революции к реакции», оказывается в ходе описания событий скорее моментом обновления революции. Действительно, авторы объясняют, что «режим якобинской диктатуры не смог удовлетворить интересы крупной буржуазии». С точки зрения экономики «он был реакционным», и именно «период термидора завершил революцию». Авторы дают ясно понять, что термидор был частью революционного поцесса:

«До этого периода революция руками мелкой буржуазии разрушила строй феодальных производственных отношений. После этого периода революция руками буржуазии выполняла положительную созидательную работу, закрепляя строй новых отношений — капиталистический строй. (...)

Переход власти в руки крупной буржуазии отвечал объективным тенденциям. (...) Надо признать, что весь этот период, если судить о нем по его историческим результатам, имел прогрессивное значение» [30].

Таким образом, подобное изложение фактов устраняет контрреволюционный характер термидора, о котором авторы говорили в начале книги, и придает ему революционный характер. К тому же методу они прибегают, говоря о перерождении якобинцев, на первых страницах мы можем прочесть, что

> «...накануне 9 термидора внутри правящих верхушек были, правда, отдельные группки большей частью переродившихся якобинцев, ориентирующихся на защиту интересов крупной буржуазии против мелкой, но ни в Конвенте, ни в других государственных организациях эти группки не имели решающего влияния» [31].

Но за этим ясно выраженным положением следует повествование, являющееся частью концепции (пока еще не оформившейся), исключающей перерождение якобинцев.

> «В марте 1794 года... наступали левые. В их требованиях были сформулированы нужды обнищавшей мелкой буржуазии, парижской бедноты. Уход со сцены левых и с ними широких сочувствующих масс означал ослабление якобинцев. Вследствие участившихся отколов стала быстро таять прослойка старых руководителей революции» [32].

Раскол в рядах якобинцев не был случайным фактом, но отражал дифференциацию классов: левые якобинцы не смогли повести за собой массы, напротив, именно массы увели их в сторону от основного пути революции. Якобинцы были обречены на провал, но не по причине внутреннего перерождения, а из-за самой природы своего класса, поляризующего элементы общества либо на стороне крупной буржуазии, либо на стороне масс.

Разве подобный образ термидора, нарисованный Колоколкиным и Моносовым, не наводит нас на мысль, что авторы пытались смягчить черты «пугала»? Тем более, что создавая ткань повествования на противопоставлении «неизбежного во Франции» и того, что «можно избежать в Советском Союзе», авторы описывают термидор как явление, обусловленное «законами Истории». Завершение событий термидором было обязательным только «в эпоху буржуазных революций», в то время как «в эпоху пролетарских революций» не существует предпосылок для подобного исхода. В области экономики «очевидные успехи» социализма исключают возможность повторения термидора, в области политики рост инициативы и энтузиазма масс совпадает с планами и действиями партии. Между массами и их авангардом не существует трений; они едины в творческом порыве, что дает им возможность поставить существующие термидорианские элементы вне государственной машины и органов управления экономикой.

Таким образом появляется новая ориентация: во-первых, термидор, этот французский черт, не так страшен, как его малюют; во-вторых, согласно законам Истории ничто, похожее на термидор, не угрожает Советскому Союзу. Следовательно, неопределенность, сохранявшаяся благодаря знаменитой фразе Ленина: «то, о чем говорит Устрялов, возможно», была устранена от имени «исторической науки».

Необходимость в высшем авторитете», коим является наука, ощущалась с 1917 г. Это уже отмечалось как в трудах Лукина, так и в выступлениях Бухарина и его учеников, а также Колоколкина и Моносова, которые воистину считают «научный» критерий основным. В самом деле, партия постоянно настойчиво требовала более активного участия в дискуссии «представителей науки», специалистов по истории Французской революции. Историки со своей стороны, видя, какую значимость получает сопоставление двух революций, вмешались в обсуждение, чтобы высказать свою точку зрения и развернуть борьбу с аналогией [33]. Они следовали пути, диктуемому историографией, но в то же время на них влияла проводимая партией полемика.

СОМНЕНИЯ ИСТОРИКОВ

Советская школа истории Французской революции выросла на изучении прежде всего якобинского периода революции во всей его сложности и разнообразии в отличие от дореволюционной русской историографии, которая главным образом концентрировала свое внимание на периоде Учредительного собрания, являвшегося, по мнению историков того времени, единственной перспективой для России. Но после Октябрьской революции внимание привлекло только революционное правительство.

Н. М. Лукин взял на себя инициативу разрабатывать эту тему: его семинары по истории Конвента (1922—1923 гг.), по революционному правительству (1924—1925 гг.), по историкам Французской революции (1926—1928 гг.), организованные в Московском университете, в Институте красной профессуры и в Ассоциации исследователей в области общественных наук (РАНИОН) были основной базой подготовки специалистов [34]. Результатом работы семинаров явилась серия исследований, проведенных учениками Лукина, в частности, сборник статей «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции» [35], а также издание документов «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента», переведенных Н. П. Фрейберг; издание осуществлялось под общей редакцией Лукина [36].

Когда в 1926—27 гг. оппозиционеры заговорили о термидоре, эта проблема, как впрочем и проблема конца якобинской дик-

татуры, находилась уже в кругу вопросов, изучаемых историками. Безусловно, политические дискуссии побудили их незамедлительно высказать свое мнение[37], вступить в борьбу, используя факты в качестве оружия; но было бы ошибочным считать, что ими двигали только политические мотивы, и не учитывать развитие, свойственное собственно историографии.

До 1926—1927 гг. советские историки находились под влиянием немецкой социал-демократической историографии — К. Каутского, В. Блоса и особенно Г. Кунова, автора «Борьбы классов и партий в Великой Французской революции»[38]. По классификации, предложенной Куновым, якобинцы выражали политические интересы низшего слоя буржуазии, а феаны и жирондисты соответственно крупной и средней. Мелкая буржуазия, руководимая якобинцами, включала в себя широкие массы французского общества: крестьянство, пролетариат и мелкую городскую буржуазию, в том числе санкюлотов. В соответствии с таким анализом якобинцами были и дантонисты («якобинская интеллигенция»), и сторонники Робеспьера («люди свободных профессий, умеренные и зажиточные»), и центр (состоящий из бедных слоев буржуазии и пролетарской интеллигенции — Шометт, Паш, Моморо), и эбертисты («анархическое течение пролетарской богемы»), и, наконец, бешеные (последователи «полусоциалистической тенденции», на деле «защитники мелкого капиталистического производства от крупного»). Кунов считал реакционной объективную роль якобинской диктатуры из-за отсутствия интереса к капиталистическому развитию и что еще хуже, из-за того, что она мешала такому развитию, вследствие чего якобинцы были обречены на термидор.

В своей книге «Робеспьер» (1919 г.) Лукин разделял мнение Кунова. Небольшой по объему научно-популярный текст, выпущенный в серии «Кому возводит памятники пролетариат?», явился результатом исследований, основанных на подлинных документах. Якобинцы представлены здесь как объединение всех социальных элементов, более левых, чем жирондисты:

> «Крайнюю правую якобинцев составляли дантонисты... центром якобинства были сторонники Робеспьера... левое крыло якобинцев занимали Бильо-Варрен, Колло д'Эрбуа, Вадье. В Парижской Коммуне и департаменте эти «левые якобинцы» составляли большинство во главе с Шометтом, Пашем и Эбером... Крайнюю левую в Коммуне составляли одно время так называемые «бешеные»»[39].

Затем он дает определение якобинской диктатуры как диктатуры мелкой буржуазии, которая, опираясь на существовавший в то время пролетариат и используя плебейские методы, осуществила основные задачи буржуазной революции, задачи, которые буржуазия сама не смогла выполнить до конца. Но сама природа мелкой буржуазии обусловила рамки, в которых она действовала:

> «Выполнив свою историческую задачу, мелкая якобинская буржуазия становится мало-помалу консервативной силой: она против всяких сделок с контрреволюцией, но она не менее боится всякого движения вперед, к новым революционным завоеваниям, не укладывавшимся в головах самостоятельного мастера или мелкого лавочника»[40].

Эбертисты и бешеные, находившиеся в оппозиции к робеспьеристскому центру, были, по мнению Лукина, псевдо-левыми, «сектантами». Как и Кунов, он считает реакционным их идеал мелкого ремесленного производства.

Схема Кунова, развитая Лукиным, Фридляндом[41], Захером[42] и другими, была в общем принята и использовалась в популярных книгах, предназначенных для широкой публики[43].

В 1927—1928 гг. исследования, проведенные советскими историками в архивах, и знакомство (благодаря нормализации отношений с Францией) с трудами французских исследователей ознаменовали отход от куновской традиции. Самое сильное влияние оказал Матьез, «один из крупнейших специалистов по истории Французской революции»[44], уважаемый и признанный в то время властитель дум советских историков. В декабре 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР; в числе почетных членов его Общества робеспьеристских исследований было несколько советских исследователей; между Матьезом и его советскими коллегами — некоторых он знал лично (Преображенский, Тарле, Фридлянд, Вайнштейн)[45], установился интенсивный обмен информацией. Советские специалисты прекрасно знают статьи Матьеза, опубликованные в «Анналах Французской революции», а их переиздание в 1927 г. в сборнике «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» вскоре стало достоянием русских читателей[46]. Новые обстоятельства побуждали молодых исследователей выйти из рамок традиционной схемы, не слишком однако отдаляясь от нее: понятие «мелкобуржуазной диктатуры» оставалось целым и невредимым, и от него не отказывались, хотя оно в значительной мере и оказывалось подорванным.

Существенные изменения претерпели представления о якобинцах. Так Фрейберг, изучив некоторые документы из Национальных архивов, опубликовала статью «Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 года»[47], в которой не соглашается с предложенной Куновым и Лукиным классификацией якобинцев. Фрейберг считает ошибочным использование одного и того же термина, говоря о робеспьеристах, кордельерах (во главе которых стояли Эбер и Шометт) и о бешеных, представлявших, по ее мнению, три различных течения, каждое

из которых отражало интересы отдельного социального слоя. Фрейберг не отвергает тезис о мелкобуржуазной природе якобинцев, но различает якобинцев, зажиточных мелких буржуа и кордельеров, бедных трудящихся. Она утверждает, что

> «...несомненно, та резкая черта, которая отделила Якобинцев от Кордельеров еще 17 июля 1791 года, в день избиения на Марсовом поле, и была запечатлена кровью убитых и раненых патриотов, продолжала существовать на протяжении всей революции, несмотря на то, что в отдельные моменты эти организации, охватывавшие в общем разные слои населения, шли единым фронтом против общего классового врага» [48].

Фрейберг привлекает внимание к роли клуба кордельеров, который, опираясь на Коммуну, бывшую административным и политическим центром Парижа, соперничал с Конвентом; она показывает, что «иногда Коммуна оказывала влияние на ход событий, так как, руководя массами, одерживала верх над якобинским Конвентом» [49]. Таким образом, кордельеры и Генеральный совет Коммуны, в котором они главенствовали, оказывались еще в большей степени, чем якобинцы социальной группой, представлявшей авангард революции. Однако даже эта группа не исчерпывала весь потенциал революции. Третье течение, еще более радикальное, чем кордельеры, проявлявшее себя в парижских секциях (крайне левые группировки, бешеные) толкало революцию дальше, чем того хотели кордельеры и Коммуна. В период кризисов Центральный комитет секций оказывал давление на кордельеров и Коммуну, опираясь в своих требованиях на выступления рабочих масс, мелких ремесленников, безработных, заполонивших в то время столицу.

Новая, отличная от классификации Кунова, классификация политических сил, предложенная Фрейберг, предвосхищала выводы марксистов относительно роли движения санкюлотов Фрейберг также отмечала, что якобинская диктатура складывалась не только как сила подавления жирондистской и роялистской контрреволюции, но и для того, чтобы подчинить буржуазии плебейское движение. В доказательство этого тезиса она приводит факты прекращения действия конституции 1793 года, усиления власти Комитета общественного спасения и ограничения демократии в секциях (декреты от 19 вандемьера и 14 фримера о революционном правительстве). По ее мнению, политика, проводимая осенью 1793 г., положила конец независимости и энергичной деятельности секций. Фрейберг не разделяет мнение Лукина, согласно которому бешеные, настаивая на применении конституции 1793 г., не понимали необходимости революционной диктатуры как таковой. Она подчеркивает, что борьба

бешеных за эту конституцию представляла собой борьбу в защиту политических прав народа, ограниченных якобинской буржуазией: политическая, а не только экономическая программа бешеных носила революционный и демократический характер, благоприятствующий углублению революции.

Другое отклонение от взглядов Кунова выражается в интересе к социальной и экономической истории, который также пробудил Матьез. Узучая законодательство по вопросам продовольствия, французский историк констатирует смягчение с весны 1794 г. в применении законов, касающихся борьбы со спекуляцией (закон от 26 июля 1793 г.) и макимума (закон от 29 сентября 1793 г.). Он объясняет такой отказ от строгого соблюдения законов разгромом эбертистов, непримиримых защитников максимума; устранив этих подстрекателей народных бунтов, якобинцы могли вернуться к менее суровым законам, в большей степени соответствовавшим их взглядам на свободу торговли; таким образом, они действовали в интересах зажиточных торговцев. Впоследствии, в соответствии с таким ходом мысли, термидорианцы всего лишь пошли по уже проложенному пути. Матьез считает, что поворот в политике якобинцев начался за несколько месяцев до государственного переворота 9 термидора и сопровождался перерождением якобинцев в целом, в этом автор видит «отступление в области экономики», аналогичное новой экономической политике, введенной Лениным после кронштадтских событий.

Работы Матьеза, опубликованные в книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху термидора», побудили некоторых советских историков продолжить исследования в том же направлении. Так К. П. Добролюбский, изучая «новую экономическую политику» термидорианцев, в начале статьи ссылается на тезис Матьеза о законодательстве весны 1794 г. [50] Он исходит из убеждения, что термидорианцы продолжали действовать в том же духе, что и их предшественники.

В статье «Экономическая политика термидорианцев» П. П. Щеголев настоятельно подчеркивает тот факт, что «еще весной 1794 года якобинский режим переживает социальный сдвиг вправо» и что вследствие этого «прекращение террора и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета Общественного Спасения, еще с весны 1794-го года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства» [51]. Анализируя принятые весной 1794 г. меры защиты текстильной промышленности, Щеголев показывает, что законы защищали интересы зажиточной буржуазии и что законодательство восходит еще к Робеспьеру [52]. В полном соответствии с тезисом Матьеза автор делает заключение:

«Нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры. Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9 термидора, ближе к весне 1794 года. Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов в значительной степени восходят ко времени диктатуры «Неподкупного». Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и выживают тенденции, получающие полное свое развитие только к самому концу 1794 года»[53].

Ц. Фридлянд, автор статьи, посвященной классовой борьбе летом 1793 г., расценивает политику якобинцев этого периода как чисто буржуазную, хотя и не жирондистскую[54]. Под давлением масс и обстоятельств, самым значительным из которых была война, эта политика превратилась в мелкобуржуазную, но как только весной 1794 г. названные причины были устранены, якобинцы вернулись на свои исходные позиции, т. е. «пытались объединиться в борьбе против левых экстремистов с набравшей силу промышленной и торговой буржуазией»[55].

Я. М. Захер, наконец, в книге «9-е термидора» утверждал, что старания Робеспьера сохранить равновесие между правыми и левыми привели «к полному перерождению партии монтаньяров»[56].

Таково было положение в историографии в тот момент, когда полемика вышла за рамки узкого круга высшего эшелона партийных работников, и в нее вступили историки, число которых постоянно увеличивалось. Первым выражением слияния историографического подхода и политической полемики, а также участия историков в развертывании борьбы против аналогии явилась статья Захера, в которой автор анализирует работы специалистов по этому вопросу[57]. Он обрушивается с критикой на Матьеза, Щеголева, Добролюбского и Фридлянда за их тезис о «термидорианском перерождении до 9 термидора», напоминающий ему точку зрения Устрялова, который считал термидор логическим продолжением политики якобинцев и которого высмеял Бухарин в статье «Цезаризм под маской революции». Захер цитирует Бухарина, чтобы вновь подчеркнуть, что

«...термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и подготовленным всем предшествующим развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции»[58].

Он пытается показать, что «перерождение якобинцев», о котором говорили Матьез и его сторонники, противоречит истолкованию декретов вантоза, которое можно найти в «Борьбе с дороговизной...». Эти декреты, предвещавшие «новую социальную революцию» и направленные на удовлетворение интересов рабочих, казались Захеру необъяснимыми, если одновременно утверждать, что якобинцы проводили протермидорианскую политику. Автор устраняет это противоречие, подводя читателя к выводу, вторившему бухаринскому определению:

«Политика весны 1794 года, то есть политика колебаний между буржуазией и рабочим классом, есть типичная политика мелкой буржуазии, столь характерная для якобинцев на всем протяжении их деятельности. Поэтому для понимания якобинской политики весны 1794 года нет ровно никакой необходимости говорить о наступившем в это время их перерождении»[59].

Как было сказано выше, в 1926 г. в книге «9-е термидора» Захер сам говорил о перерождении якобинцев; теперь же он спешит, цитируя Бухарина, высказать категорическое утверждение:

«Для понимания сущности «термидора» нет ровно никакой необходимости говорить о каком-то до-термидоровском перерождении якобинцев, и все разговоры о таковом являются либо результатом непонимания истории Великой французской революции, либо сознательным подтасовыванием фактов в интересах фракционной борьбы. Исторический «термидор» был не эволюцией (или, вернее, контрреволюцией), подготовленной всем предыдущим ходом событий Великой французской революции, и «термидорианское перерождение», начавшееся не до, а после 9-го термидора, было вместе с тем не его причиной, а следствием»[60].

9 термидора не был подготовлен эволюцией в рядах якобинцев, но означал начало контрреволюции: все, кто думает иначе, «подтасовывают факты в интересах фракционной борьбы».

Эта мысль сформулирована четко, но сдержанно, поскольку Захеру не нравилось смешивать историю с политикой. Он цитирует Бухарина как бы «между прочим», заботясь о том, чтобы цитата подходила к его ученым аргументам. Он, конечно же, приоткрывает дверь «исторической науки» для внешних влияний, но так, чтобы не очень сильно смешивать жанры, историю и современность.

То же стремление избежать полемики прослеживается в длинном докладе Фридлянда на заседании Общества историков-марксистов, собравшегося 27 января и 3 февраля 1928 г., чтобы обсудить проблему «исторического термидора»[61]. По всей вероятности, заседание было организовано вслед за XV съездом.

Зал был переполнен: перед входом в Коммунистическую академию столпились столько народа, что пришлось вызвать наряд конной милиции[62]. Принимая во внимание вызванный рассматриваемой темой ажиотаж, Фридлянду пришлось сразу же уточнить свою позицию:

«Я имею в виду поставить основные вопросы и прежде всего установить неизбежность наступления кризиса буржуазной революции конца XVIII в., раскрыть по мере сил и возможности классовую природу переворота 9-го термидора, и, тем самым, установить его историческое значение для судеб революции. Совершенно очевидно тем самым, что для меня история «9-го термидора» не является поводом для вульгарного аналогизирования. Любители аналогий внешнего порядка могут доставлять себе удовольствие забавы этими блестящими стекляшками, — наша задача вскрыть сущность и содержание того исторического процесса, который в годы буржуазной революции конца XVIII в. привел Францию к «9-му термидора». (...) Пытающиеся аналогизировать, а чаще отождествлять обе революции, исходят из следующей ложной предпосылки: они рассматривают и ту и другую революции как буржуазно-демократические революции. Только при предположении, что наша революция не социалистическая, а буржуазно-демократическая, может идти речь о подобных «аналогиях», этого не понимают троцкисты. Поскольку наша революция, в отличие от французской революции конца XVIII в., не буржуазно-демократическая, а социалистическая, подобные аналогии не представляют интереса для историка. Я могу перейти теперь к моей теме» [63].

Это единственная видимая нить, связывавшая выступление Фридлянда с конфликтами в партии; однако, были другие неявные намеки на существующие разногласия, так, например, он настойчиво подчеркивал «углубление и обострение с весны 1794 года социальных противоречий, свойственных буржуазной революции», и видел в этом завязку термидорианской интриги или конфликта между «мелкобуржуазной, густо окрашенной аграрным утопизмом, а следовательно, исторически-реакционной системой» и «капиталистической программой буржуазного авангарда «термидорианской коалиции». Якобинский идеал «общества мелких независимых производителей» противоречил «идеалу создания индустриального государства и наилучших условий для капиталистического накопления в стране», носителями которого были термидорианцы. Правоту их идеала подтвердил исторический процесс. Проявления этого фундаментального противоречия многообразны. Перед тем, как их рассмотреть, Фридлянд мимоходом замечает, что не может быть и речи о перерождении; ведь в июне—августе 1793 г. якобинцы начали выполнять свою программу (с корнем вырвали феодальные пережитки и устранили опасность контрреволюции), а с весны 1794 г. «тот же класс мелкой буржуазии» хотел осуществить вторую часть программы: создать «эгалитарную аграрную республику».

«Мы не имеем «перерождения классов», потому что робеспьеристы, стремясь к осуществлению своей системы с весны 1794 года, не изменяли своей классовой природы и своей программы» [64].

Таким образом, он сразу же исключил из обсуждения проблему перерождения якобинцев, проблему, которая в большей степени, чем другие, представляла собой питательную почву для аналогии.

Затем, рассматривая политику якобинцев с целью проиллюстрировать выявленное им фундаментальное противоречие, Фридлянд ссылается также на дебаты, проходившие в партии, хотя и не говорит об этом открыто. Автор анализирует экономическую и социальную политику, в частности, разногласия, возникшие между робеспьеристами и термидорианцами по финансовому вопросу (проект Камбона). По мнению автора, идеалом Сен-Жюста была политика, ограничивающая капиталистическое накопление, с тем чтобы создать общество мелких независимых производителей. В этом смысле отмена максимума представляла собой радикальную меру, поскольку она могла бы положить конец эмиссии ассигнатов, обогащавшей спекулянтов, препятствующих осуществлению проектов Сен-Жюста. Итак, Фридлянд представляет смягчение максимума весной 1794 г. не как уступку буржуазии, но как шаг к эгалитаризму, и останавливается на вантозовских декретах, чтобы подчеркнуть сильную эгалитарную тенденцию, которую он находит уже в декретах от 12 прериаля (которыми мелким производителям гарантировались права собственности) и от 22 флореаля (которым обеспечивалась помощь бедным). Разбирая затем законы, принятые Конвентом, и их претворение в жизнь на практике, которая шла вразрез с эгалитаристской политикой (антирабочее законодательство, законы, защищающие промышленность, практика распродажи и распределения земли), Фридлянд делает вывод:

«Путь, по которому предполагал пойти Неподкупный, был намечен декретами вантоза и флореаля, но не финансовыми проектами жерминаля. Это не был путь буржуазно-финансовых комбинаций Камбона и Барера, но путь «фрагментов» Сен-Жюста» [65].

В области политики Фридлянд пытается показать «парламентаристские иллюзии» робеспьеристов, неизбежное следствие их утопических идей в области экономики. В результате этих двух серий доказательств 9 термидора оказывается «прогрессивным» государственным переворотом, и именно так это поняли участники обсуждения (Моносов, Кунисский, Фрейберг, Удальцов, Лукин):

«Если якобинцы представляли собой реакционно-утопическую идеологию, — сказал Кунисский, — то первый вывод, который следует по законам логики, это то, что те, которые выступали против них 9-го термидора, были силой прогрессивной, и переворот 9-го термидора носил прогрессивный характер. Это, мне кажется, элементарный вывод, о котором вы все время почему-то избегали говорить открыто, но который напрашивается сам собой» [66].

Фридлянд не устоял перед искушением смягчить черты «пугала». В своем рвении снять с якобинцев какое бы то ни было подозрение в перерождении он чуть было не превратил их в социалистов, представляя одновременно термидорианцев как носителей прогресса. Он не сумел убедить слушателей и навлек на себя критику со всех сторон, что выявило существование многочисленных разногласий. Его упрекали в том, что левее якобинцев он видит только толпу, не имеющую ни идей, ни экономической и социальной программы (Моносов), в чрезвычайном преувеличении эгалитаризма якобинцев, которые в конце концов с июня 1973 г. и до 9 термидора проводили политику, соответствующую интересам крупной буржуазии, в том, что он представлял эгалитаризм как реакционное явление, коим он не мог быть в XVIII в. (Кунисский), в том, что рассматривал робеспьеристов как представителей среднего крестьянства с его реакционной идеологией (Лукин). Наконец, Кунисский встал и выразил протест против утверждения, что среди якобинцев никакое перерождение не было возможно.

> «Ведь кем были сами якобинцы в своей правой части, как не переродившейся частию их, если вы хотите. И все то, что совершилось в 1793—94 гг., и даже разоблачения, сделанные Матьезом, и открытия, сделанные Матьезом по поводу Дантона и дантонистов, и все действия отдельных комиссаров в провинции, что это было, как не симптом связи части якобинцев со спекулятивной, выросшей в условиях гнилостного распада буржуазией?» [67].

Фридлянд попытался выйти из положения с помощью шутки и возразил: «Это были жулики среди якобинцев». Кунисский же вполне серьезно ответил ему, что подобный подход ведет к отказу от любого анализа и уже опровергнут фактами.

Так ярко проявились сомнения и несовпадения взглядов, разделявшие советских историков, и все-таки не были найдены формулировки, которые могли бы стать магическими ответами на постоянно возникающие вопросы. Моносов был прав, указав после прошедших дебатов на отсутствие «ясной и отчетливой концепции термидора» [68]. Тем не менее, дискуссия вновь подтвердила мнение Захера (хотя и с меньшей силой), что наступление на аналогию должно идти по двум основным направлениям: забыть о якобинском перерождении и с очевидностью показать контрреволюционный характер термидора.

Глава IX

Последнее слово принадлежит историкам

Следует отметить, что мнения оппозиционеров, сформировавшиеся на основе аналогий, застали историков врасплох. Летом и осенью 1927 г., когда «термидорианская опасность» превратилась в «навязчивую идею» у троцкистов, хору молодых советских историков явно не хватало согласия: Кунов, Матьез и другие «буржуазные» влияния сдерживали их стремление стать марксистами; замешательство, впрочем, длилось недолго. Первая всероссийская конференция историков-марксистов, проходившая в Москве с 28 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г., вразумила заблудших.

ИСТОРИКИ-МАРКСИСТЫ ОПРЕДЕЛЯЮТ ЗАДАЧИ

Инициатива собрать историков со всей страны принадлежала Обществу историков-марксистов [1]. Председательствовавший М. Н. Покровский так определил в выступлении на открытии конференции новый тип историка, которого представляло это Общество:

> «Мы историки-марксисты, как мы называем себя в СССР, мы являемся одним из отрядов ленинской армии, и положением фронта в целом объясняются и наши задачи. У нас на этом фронте есть свое определенное место, свои определенные противники, свои определенные позиции, которые мы штурмуем» [2].

Чрезвычайно твердый тон этого выступления и решимость дать бой отличали его от обычного существовавшего до этого в этих кругах стиля марксистской пропаганды. Действительно, начиная с 1919—1921 гг. существовала сеть коммунистических университетов, для которых ЦК партии утверждал через служ-

бу пропаганды — Агитпроп) назначение преподавателей и контролировал программы. При этом «буржуазные» специалисты и концепции допускались, хотя и подвергались критике. На конференции было заявлено, что настало время, принимая во внимание «мобилизацию сил на буржуазном фронте», изменить это положение; следовательно, долг историка-марксиста состоит в том, чтобы вести «беспощадную борьбу против тех, кто отвергает марксизм как единственный метод научного исследования»[3]. Так был ознаменован переход в наступление против «буржуазных концепций» через «марксистско-ленинское понимание исторического процесса».

Переход, конечно, ускоренный политическими дебатами, которые взывали к профессиональной компетентности и необходимости занять четко определенную позицию. Ведь нэп мешал тому, чтобы Октябрьская революция ясно и очевидно воспринималась как социалистическая. Меньшевики с начала века отрицали возможность немедленной социалистической революции в России, и поскольку нэп, казалось, подтверждал их прогнозы, они поднимали, как и сменовеховцы, вопрос о русском термидоре. Внутри большевистской партии оппозиционеры задавались вопросом, не переживает ли партия перерождение, ведущее к термидору. В такой атмосфере малейшее действие, направленное на то, чтобы доказать, что Россия действительно переживала социалистическую революцию, оказывалось кстати; но лучшим способом подкрепить это утверждение оставалась все-таки История. Стремясь к тому, чтобы История оправдала, утвердила и защитила победоносную революцию, историки имели тенденцию возводить ее в некий метафизический принцип. В этом стремлении историческая мысль сталкивалась с необходимостью охватить всю историю человечества в целом, учитывая смысл, который ей придавала Октябрьская революция. Говоря словами Г. Зайделя, произнесенными им на конференции, «ведь советская историография сейчас пересматривает и перетряхивает весь западноевропейский и русский исторический процесс»[4].

Такой пересмотр исторических событий затрагивал некоторое количество ключевых проблем, от которых зависело «марксистско-ленинское представление о смене общественных и экономических формаций, управляемой законами Истории». Генезис капитализма, промышленная революция, буржуазные революции, империализм — все эти проблемы значились в длинном списке вопросов, рассматриваемых в основном в свете тезисов «О государстве», развитых Лениным в июле 1919 г. Ленин анализировал экономические и общественные формации, ознаменовавшие одна за другой этапы развития Истории, неизбежно ведущей к коммунизму. Это представление о линейном развитии

Истории, наиболее критикуемое сегодня в «марксистской» схеме, окончательно утвердилось на конференции и последовавших за ней дискуссиях[5].

Французская революция сыграла исключительную роль в разработке этой схемы исторического развития. До конференции сходство преобладало: «русская школа» изучала аграрный вопрос во Франции XVIII в., чтобы понять, что происходит в этой области в России второй половины XIX в.; в 1902 г. Ленин обратился к опыту Французской революции, чтобы разобраться в проблемах, которые встанут в связи с неизбежной русской революцией; но интерес к «Великой французской буржуазной революции», проявленный участниками конференции, основывался a contrario на противопоставление 1789 и 1917 гг. с тем, чтобы более контрастно вырисовалась русская революция. Если следовать логике конференции, то первая революция — чисто буржуазная, а вторая — бесспорно пролетарская, т. е. революции представляют собой те две необходимые точки, через которые только и можно провести прямую исторического развития. Однонаправленный процесс проходит последовательно через первобытный способ производства, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм и заканчивается коммунизмом. Народы развиваются неравномерно: некоторые с опозданием включились в мировой процесс развития (поскольку существуют препятствия, обусловленные местными особенностями, климатом, средой, а также нестабильностью первобытных обществ), другим, т. е. сотням миллионов людей, колониализм помешал включиться в этот процесс. Но если вчера так называемых «развитых» народов было немного, завтра их будет намного больше, послезавтра не будет развитых или отсталых стран: все будут на одном уровне развития. Именно с этой точки зрения Лукин рассматривал проблемы империализма, «эпохи, когда отсталые страны с головокружительной быстротой догоняют страны развитые»[6]. Совершенно очевидно, в линейном движении вперед каждый новый строй оказывается прогрессивнее предыдущего.

В своем выступлении Фридлянд подвел итог исследованиям истории Французской революции, но начал он с того, что определил место конференции в вышеочерченном общем движении исторической мысли:

> «Мы настаиваем, однако, на том, что наша новая «советская школа» свое начало датирует не от работ этой «русской школы». Прорабатывая и усваивая наследство прошлого, критически анализируя его, мы прокладываем одновременно новые пути для исследования. Мы имеем право провозгласить свое революционно-марксистское слово в деле изучения революции. Не только потому, что в нашем активе значится верный метод, но и потому, что за все эти годы мы сде-

лали достаточно серьезные попытки конкретизировать наш метод, применить его на анализе конкретного исторического материала. Наше изучение Французской революции было поставлено на службу пролетарской революции, в основу его положено изучение литературного наследства Маркса, Энгельса и Ленина» [7].

Фридлянд подчеркнул, что «марксистская школа» истории Французской революции занимает «особое место в исторической науке». Это, по его мнению, делает невыносимым положение, характеризующееся отсутствием согласия между различными точками зрения: в этой связи он призвал своих коллег прийти к общему мнению по единой концепции, коллективно разработанной на основе трудов Ленина, что было бы хорошим ответом буржуазным историкам, в том числе Матьезу, ставшему «врагом революционного марксизма» [8].

И другие выступавшие, в частности Захер, высказывали то же мнение.

«Само собою разумеется, что проблема изучения Французской революции до сих пор остается делом не академическим, а делом прежде всего политическим, и мы знаем, что вся западно-европейская историография так вопрос и ставит».

Напомнив о нападках со стороны Олара, Гаксотта, Ленотра и даже «Action française», Захер заключает:

«И вот я думаю, что при том положении, когда изучение Французской революции носит ярко выраженный политический характер, наша задача, задача историков-марксистов, — образовать самостоятельную школу и выступить в качестве таковой не только внутри СССР, но и в более широком масштабе. Само собою разумеется, что выступать следует не каждому в отдельности, а в каком-то организованном и координированном виде с противопоставлением нашей марксистской точки зрения не только реакционной точке зрения Олара, но и точке зрения Матьеза» [9].

Щеголев также поддержал идею о единой школе:

«Перехожу к вопросу о «наших разногласиях». Мы несомненно имеем здесь дело с распадом целого ряда обобщающих точек зрения, распадом, который связан с отходом от Кунова, с пересмотром установленной им в свое время схемы. Мы не должны позволять себе в дальнейшем роскоши таких разногласий. Мы должны установить методы и способы, которые приведут нас к скорейшему изживанию этих разногласий» [10].

Лукин высказал пожелание стать на почву какой-то более организованной и более коллективной работы [11]. Зайдель констатировал, что начался новый «период более организованной работы, чем та работа, которая велась до сих пор» [12].

Таким образом, историки Французской революции приняли решение унифицировать свои взгляды, дабы противостоять «единому буржуазному фронту»: это было скорее не новым направлением, а проявлением недостававших им до этого — как они считали — твердости и бдительности. Если в начале 1928 г. Захер и Фридлянд еще колебались, стоит ли смешивать политику и историю, после конференции их устные и письменные выступления свидетельствуют об их боевом настрое.

В статье «О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР» Фридлянд заявил:

«...одна из величайших революций в области научной мысли осуществлена у нас в стране марксизмом — это сознание и популяризация той истины, что история — политика, острое оружие классовой борьбы» [13].

Говоря о конференции, он отметил, что ее задачей было раскрыть враждебные группы» в области истории и дать им «подходящую классовую оценку». Это полностью соответствует ленинскому принципу «партийности», которая должна пронизывать любое искусство и любую науку. Как и все другие участники, Фридлянд исходил из убеждения, что этот принцип, сознательно поставленный на службу пролетариату, должен главенствовать в истории.

КАЖДОЙ РЕВОЛЮЦИИ СВОЕ МЕСТО

В отношении Французской революции лозунги «за партийность», «покончить с разногласиями», противопоставить «пролетарскую науку» «науке буржуазной» были претворены в жизнь во время кампании, против матьезовщины. Так презрительно называли работы советских историков, разделявших некоторые выводы Матьеза.

Вскоре после конференции в предисловии к своей новой книге «Термидорианская реакция» Матьез вызывающе предстал защитником «объективной исторической науки», утверждая, что она ни в коей мере не должна быть связана с политикой. Если учесть, что его концепция термидора была уже неприемлема в СССР, такая позиция превратила задачу «преодоления» идей его исторических трудов и его политических взглядов в «насущную неотложную задачу для успеха марксистской историографии» [14]. Появилось большое число критических статей и обзоров: чаще всего их авторы начинали с восхваления Матьеза за его эрудицию, его интуицию историка, за страстную защиту Робеспьера или же за то, что он подчеркнул важность

социальных и экономических факторов Французской революции. Упреки, предъявляемые ими затем, должны были убедить читателя, что научный авторитет ничего из себя не представляет, если он не служит политическим убеждениям пролетариата.

В лице Матьеза разоблачали апологета мелкой буржуазии. В статье, название которой должно было помочь признать в историке-робеспьеристе «левого термидорианца», С. Лотте так представляла его произведения:

> «Через Матьеза мелкая буржуазия преклоняется перед собственным мнимым могуществом. Трепеща под ударами расшатывающейся стабилизации она в прошлом старается черпать мужество, она старается вдохновить свое воображение воспоминаниями своего былого величия» [15].

Из «родства» Матьеза с мелкобуржуазной идеологией делали вывод о всех других его «недостатках». Ученого обвиняли в том, что он «не признает теорию социально-экономических формаций, которая должна лежать в основе любой концепции революции», что якобы мешало ему понять, что классовая борьба является универсальным решением всех политических конфликтов. Якобы Матьез прекрасно осознавал значение классовой борьбы, когда говорил о жирондистах, но впадал в заблуждение, когда речь заходила о монтаньярах. Цель этих критических замечаний состояла в том, чтобы свести всю сложность феномена якобинства — что как раз и анализировал Матьез — единственно к вопросу борьбы классов, простому и однозначному. Матьезу также постоянно указывалось на то, что отношения робеспьеристов с дантонистами, так же как и между якобинцами с одной стороны, бешеными и эбертистами — с другой, можно понять и оценить только в свете борьбы классов. Нарождающийся пролетариат и разорившаяся мелкая буржуазия, которых представляли эти последние группы левых, были более революционны, чем робеспьеристы. Именно они способствовали продвижению революции вперед, но объективно у них не было ни малейших шансов на победу. Что до якобинской буржуазии, то так как она не была классом независимым по отношению ко всей остальной буржуазии, она в любом случае была обречена покинуть сцену Истории. Из такой логики рассуждений со всей очевидностью вытекал «неизбежный конец, диктуемый законами Истории», что находилось в полном противоречии с «фанатизмом», «политическим соперничеством», «личными антипатиями», «утопическими устремлениями» и любыми другими объяснениями термидора, выдвигаемыми французским историком.

Заявляя о неизбежности поражения, одновременно настойчиво подчеркивали контрреволюционный характер термидорианского государственного переворота. Матьезу не прощали ни малейшего намека, противоречащего этому мнению, в частности, мысль о том, что 9 термидора могло быть фактом положительным в том смысле, что он остановил террор. Не соглашались также с его анализом событий, к которому историк вновь обратился в 1930 г. в книге «Жирондисты и монтаньяры». Анализируя историческую обстановку и события, он стремился доказать, что весной—летом 1794 г. уже вырисовывалась термидорианская политика. Поскольку изменения в экономике, происходившие в тот период, напоминали Матьезу нэп, советские историки высказались против всякого «поверхностного сравнения» [16]. Выводы, сделанные Матьезом относительно декретов вантоза, подверглись наибольшей критике. Говорили, что историк до такой степени переоценивает значения этого документа, что преуменьшает вклад Бабефа в «сокровищницу коммунистических идей», ведь якобинцы, мелкие буржуа, были неспособны «проводить свою собственную конструктивную политику с целью создания эгалитарного общества». Углубление буржуазной революции могло быть единственным результатом вантозовских декретов в случае их претворения в жизнь; применение этих декретов никоим образом не было задачей социалистической и еще в меньшей степени коммунистической. 9 термидора должно было предстать как контрреволюционный перелом в буржуазной революции, не исчерпавшей еще своих потенциальных возможностей. В то же время не следовало представлять декреты вантоза как простой тактический маневр и лишать их значения [17]: это означало бы отказать якобинцам в их революционности, признание которой было необходимо для их реабилитации от обвинений в перерождении. Этим объясняется приговор, вынесенный Фридляндом в предисловии к книге Матьеза «Термидорианская реакция», вышедшей в 1931 г. в русском переводе:

> «Матьез не понял специфической мелкобуржуазной сущности «вантозовских декретов»... Марксистская критика «вантозовских декретов» под этим углом зрения, конечно, гораздо более целесообразна, чем огульная попытка отрицания всякого значения проектов осуществления эгалитарной утопии весны II-ого года и приводит целый ряд авторов к чисто устряловской концепции о буржуазном «перерождении» якобинцев, к совершенному непониманию того контрреволюционного перелома, который произошел 9 термидора 1794 года. Термидорианская реакция была контрреволюционным переворотом. Вульгарно и бессмысленно историческую неизбежность торжества буржуазного общества в конце XVIII века изображать так, будто термидорианцы, т. е. типичнейшие представители хищнической буржуазии, победили в борьбе с мелкобуржуазными утопистами, были «прогрессивным» элементом исторического развития, а их победа была торжеством прогресса над реакционной утопией Робеспьера и Сен-Жюста. (...) Победа буржуазной

республики в 1795 году была торжеством контрреволюции. Это необходимо подчеркнуть для того, чтобы критика мелкобуржуазной концепции Великой революции А. Матьеза не приводила нас к оправданию устряловских и троцкистских попыток изобразить 9 термидора только как «эпизод» истории кровавого торжества буржуазного общества во Франции, как спуск революции «на тормозах» («спуск на тормозах» — знаменитая формулировка Устрялова.— Т. К.)»[18].

Интерпретация термидора стала чем-то вроде лакмусовой бумажки, наилучшим образом отражающей классовую позицию того или иного историка. Если историк разделял точку зрения Матьеза, используя тот же подход к проблеме, он открывал дорогу аналогиям и, следовательно, вставал на сторону врага. Если же историк отказывался от своих собственных исследований, развивавшихся в направлении Матьеза, он доказывал пролетарский характер своих идей. Быть историком-марксистом было нелегкой задачей. В крайнем случае соглашались по убеждению или из предосторожности отмежеваться от Матьеза — политического деятеля[19], т. к. он подписал петицию протеста Советскому правительству против содержания в тюрьме Е. Тарле, Платонова и других обвиняемых в контрреволюционном заговоре, арестованных в январе 1930 г.[20], а также поддержал другое заявление протеста, опубликованное в газете «Matin», против расстрела в сентябре 1930 г. сорока восьми представителей советской интеллигенции[21]. Но советские специалисты-историки не проявляли такой же готовности разойтись с Матьезом-историком. Так, Щеголев в книге «После термидора», появившейся в конце 1930 г., не преминул указать на свое несогласие с мэтром (либо тот «лишь частично прав»[22], либо «его общая оценка не выдерживает критики»[23]; Щеголев выступает против тенденции «возводить напраслину на более левых, чем якобинцы, вождей оппозиции»[24] и заодно упрекает Старосельского в том, что тот «бездоказательно принял концепцию 9 термидора, выдвинутую Матьезом»[25]), но когда результаты его изысканий в Национальных архивах совпадают с выводами Матьеза, Щеголев проявляет твердость. Так, несмотря на критику, высказанную во время Первой всероссийской конференции историков-марксистов, он не отказывается от тезиса о новой экономической политике, предвосхищавшей начинания посттермидорианского периода. Он продолжал утверждать — опираясь на источники и подтверждая правоту Матьеза и Тарле — что 9 термидора не означал ничего особенного для истории максимума и что изменения в экономике начались еще при Робеспьере. В этой книге Щеголев значительно смягчил некоторые аспекты своей предыдущей статьи, которые шокировали историков и навлекли на него, как мы видели, гнев Захера. Однако его приверженность историческим документам, некоторые замечания типа «якобинцы защищали интересы кулаков»[26] и то, что он был учеником Тарле, вновь вызвали критику и даже гнев его коллег.

«Статья П. П. Щеголева в «Историке-марксисте», напечатанная в 1927 году, является антимарксистской и дает по существу устряловскую концепцию «Термидора», которая принимается троцкистами почти целиком и по аналогии переносится и на Октябрьскую революцию. Книга, хотя и трактующая об эпохе «После термидора», является продолжением развития этой же концепции. Если в ней нет явной защиты этой точки зрения, то во всяком случае в неудачно замаскированном виде обойден ряд существенных вопросов, не дано нигде характеристики «Термидора», как контрреволюционного переворота, дана совершенно точная ссылка на прежнюю статью, а в устном докладе П. П. Щеголев, отступая, явно переоценивает и проводит по существу апологию «Левых термидорианцев». (...) Считать грубой ошибкой и ослаблением классовой бдительности постановление Президиума Института истории от 4 ноября 1931 года, в котором дано принципиальное согласие Президиума на печатание книги Щеголева»[27].

Старосельский проявил себя как историк, еще в меньшей степени поддающийся исправлению, чем Щеголев. Его книга «Проблемы якобинской диктатуры» появилась в начале 1930 г., когда Матьез еще не выразил публично свою враждебность к советскому режиму. Старосельский не скупится на похвалы в адрес французского ученого и главное, несмотря на то, что в советских специализированных изданиях идеи Матьеза были дискредитированы, продолжает утверждать, что вантозовские декреты выходили за рамки буржуазной революции. Рассматривая этот тезис, С. Лотте задается вопросом: если к осени 1793 г. задачи буржуазной революции были уже выполнены, и весь последующий период революции прошел под знаком декретов, не являлся ли государственный переворот возвращением революции, заблудившейся в идеях эгалитаризма, к ее реальным задачам, обусловленным Историей?[28] По ее мнению, дело обстояло именно таким образом, и Старосельский, хотя он и навешивает ярлык «контрреволюционности» на 9 термидора, своей концепцией вантозовских декретов искажает его характер[29].

В некоторых выводах Щеголев и Старосельский твердо стоят на своем, т. к. выводы подкреплялись архивными документами. В научном плане им трудно было опровергнуть Матьеза, хотя они и согласны с приматом принципа «партийности» в истории, чтобы превратить его в оружие классовой борьбы. Именно во имя этого принципа они хотели — как то утверждал Щеголев[30] — учесть критику, но им не удалось избавиться от «заблуждений». В полном соответствии как с принципом «партийности», так и с решениями Первой конференции покончить с разногласиями в оценке Французской революции, взаимно исправлять друг друга, меняться ролями — то критиковать, то

быть объектом критики, было довольно распространенной практикой в среде советских историков. Исправление должно было стать «общим делом», результатом коллективной работы, при этом каждый должен был вносить свой личный вклад. Щеголев и Старосельский не оспаривали это положение, хотя им и было трудно отказаться от результатов своих исследований. Действительно, они изменили, насколько возможно, свои взгляды, приводя их в соответствие, пусть даже и приблизительное, с «принципом партийности». Этого оказалось недостаточно, и пришлось еще раз заставить их задуматься над теми же самыми проблемами: резкие выступления С. Лотте против обоих авторов и дискуссия, организованная по книге Щеголева, походили на трибунал. Если Щеголев и Старосельский не смогли (или не захотели?) исправить свои «заблуждения» в области истории, они показали приверженность принципу партийности, идя до конца в неодобрении политической позиции Матьеза и Тарле, и разделили совместно разработанную концепцию якобинской диктатуры [31].

После всех исправлений, продиктованных политической конъюнктурой, якобинская диктатура предстала как героическая жертва контрреволюционного заговора. Драматический эпизод из жизни мелкой буржуазии, обреченной Историей,— так она была показана в 1931 г. тысячам зрителей в пропагандистской пьесе Федора Раскольникова «Робеспьер» [32]. Якобинцы были до такой степени идеализированы, что их даже рассматривали иногда как приверженцев «диктатуры плебейских масс». Удивительно, но именно Щеголев отчитал Ж. Лефевра в предисловии к русскому переводу книги «Аграрный вопрос в эпоху террора»:

> «Положение Лефевра о принадлежности якобинцев к буржуазии неприемлемо. Было бы трюизмом вдаваться в полемику по этому вопросу» [33].

Хотя выражения Щеголева кажутся резкими [34], канонизированная концепция, которую мы находим в книге С. Лотте, вышедшей в 1933 г., едва ли звучит менее однозначно:

> «Диктатура якобинцев была революционной диктатурой мелкой буржуазии, тогдашнего пролетариата города и деревни, причем руководство в основном находилось в руках мелкой буржуазии» [35].

Пытаясь снять с якобинцев все подозрения в перерождении, историки строго придерживались ленинской формулировки — «якобинцы с народом». В 1934 г. в статье «Ленин и якобинская диктатура» [36] Лукин поставил себе целью подтвердить этот образ французских революционеров. Он применил к якобинской диктатуре понятие «революционно-демократической диктатуры», выработанное Лениным во время революции 1905 г. Следуя мысли Маркса о решающей роли крестьянства и народных масс в европейских революциях. Ленин выдвинул теорию диктатуры низших классов как необходимого условия самого радикального решения задач буржуазно-демократической революции. Ограниченный в своих знаниях конкретной истории, он утверждал, что в Конвенте господствовала не крупная и средняя буржуазия, а народ, бедняки или же те, кого марксисты называли пролетариатом и крестьянством [37]. В то время, когда Лукин писал свою статью, уже накопилось достаточно знаний для критического подхода к этому утверждению Ленина. Еще в 1911 г. Тарле опубликовал книгу, в которой показал, что политика якобинцев по отношению к рабочим была типично буржуазной [38]. В 1932 г. в «Аграрном вопросе в эпоху террора» Ж. Лефевр также утверждал, что аграрная политика якобинцев носила буржуазный характер. Представив кордельеров и Генеральный совет Коммуны, в котором они главенствовали, как социальную группу, часто конкурирующую с Конвентом и более радикальную, чем якобинцы, Фрейберг поставила вопрос о том, где находилась реальная власть масс. Старосельский пошел дальше, развивая мысль о двоевластии: органы власти, созданные низами, и представительные учреждения власти. Лукин не желал принимать во внимание результаты ни этих исследований, ни всех тех, которые шли вразрез с некоторыми предвзятыми идеями: могло сложиться впечатление, что плохих революционеров не существует, что революция не развивается, что буржуазная и пролетарская революция не могут иметь общих проблем и т. д. Поэтому Лукин постарался, чтобы историческая реальность соответствовала теории, что привело к схеме, мало соответствующей результатам исторических исследований, но полезной для использования против зачинщиков компаративистского подхода.

Статья Лукина поставила точку в дискуссии о якобинской диктатуре. В 1941 г. вышел большой коллективный труд по истории Французской революции, подготовленный Академией наук, где уже не было и следа тех двух тезисов, которые наводили на мысль о сравнении революций [39]: первые признаки, предвещавшие термидорианскую политику, появились еще с весны 1793 г., а якобинцы, оказавшись у власти, переродились. Термидор здесь представлен как реакция, возникшая в результате контрреволюционного государственного переворота, что было предопределено законами Истории; результатом Французской революции могло быть установление только буржуазного общества. Будучи истинными историками-марксистами, авторы этой книги тщательно установили взаимосвязь между эко-

номикой и осуществляемой действующими лицами Французской революции политикой; результатом такой трактовки событий явилась идеологически непоколебимая и закостеневшая на несколько десятилетий «историческая наука».

ПОРВАТЬ С РУССКИМИ «ЯКОБИНЦАМИ»

Кампания, направленная на то, чтобы загнать Французскую революцию в прошлое так, чтобы ничто не могло выскользнуть и смущать умы в настоящем, не ограничилась усилиями по искоренению духа матьезовщины у советских историков. Эту работу дополнила дискуссия о русских корнях ленинизма, развернувшаяся в основном в теоретических партийных журналах «Пролетарская революция», «Под знаменем марксизма» и «Большевик».

В 1923 г. бывший «якобинец» большевик С. Мицкевич опубликовал статью, в которой, напомнив «мало известную и замалчиваемую» историю этих революционеров, воздал должное их идеям. Статья называлась «Один из источников ленинизма» [40]. По воле случая или же по злой воле по отношению к автору рукопись дважды была потеряна в редакциях, куда Мицкевич представил статью [41]. «Не везет русским якобинцам в нашей литературе»,— так прокомментировал Мицкевич этот инцидент [42]. В сущности, неудачливая рукопись только выиграла от этого, т. к. по всей видимости, автор значительно расширил и дополнил ее перед тем, как статья появилась в журнале «Пролетарская революция».

По мнению Мицкевича, в «замечательной» прокламации «Молодая Россия», хотя она и была «утопистской», содержалось некоторое количество идей и лозунгов, конкретизированных Октябрьской революцией и после нее. Автор приводит следующие примеры: предсказание о том, что великое дело социализма победит в России, идея о федеративной социалистической республике на основе самоопределения наций, признание, что только путь революции приведет к социализму, предсказание, что все оппозиционные партии выступят единым фронтом против социальных завоеваний, требование организации фабрик, торговли и воспитания детей на коммунистических началах, национализация земли, конфискация церковного имущества и, наконец, признание необходимости существования строго централизованной партии, которая по приходу к власти при помощи диктатуры будет регулировать выборы в Учредительное собрание и установит новые экономические и социальные принципы. Не хватает только пролетариата, замечает Мицкевич,

чтобы можно было провести прямую линию от «Молодой России» через идеи Ткачева и организацию «Народная воля» к Ленину. Автор приводит множество цитат Ткачева и восклицает:

> «Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на «Народную Думу». Эта «Народная Дума» то же, что наши советы» [43].

«Программа рабочих — членов партии «Народная Воля», составленная в 1880 году при участии Желябова, кажется Мицкевичу «еще в большей степени большевистской», так что он советует «признать эту программу этапом перехода от народничества к революционному марксизму».

> «В ней мы уже видим ориентировку на рабочий класс. (...) Программа, очевидно, выражала взгляды левого якобинского крыла «Народной Воли», ибо в ней есть и захват власти, и проведение социалистических мер Временным Революционным Правительством» [44].

Таким образом, у автора нет никаких сомнений в преемственности идей якобинизма и ленинизма:

> «Заичневский умер в 1896 году. С ним вместе умерло и русское якобинство (бланкизм). (...) Умерло русское якобинство, для того чтобы воскреснуть в новом виде в русском марксизме — в революционном крыле русской социал-демократии — в большевизме» [45].

Эта статья вызвала резкую критику со стороны историков партии. В частности, по просьбе М. Ольминского, главного редактора журнала «Пролетарская революция», занимавшего ответственный пост при ЦК, что превращало его в рупор руководства партии, с резкой критикой выступил Н. Н. Батурин, член Совета Института истории партии [46]. Извинение перед читателями за ошибочность публикации статьи Мицкевича, объясненной отсутствием в тот момент Батурина, а contrario подчеркивало «официальный характер критической статьи» [47]. Назвав статью Мицкевича «образцом клеветы», Батурин свел все критические замечания к следующему основному упреку: Мицкевич не использовал классовый анализ и, следовательно, сравнивал несравнимое. Вывод Батурина категоричен: «мелкобуржуазные утописты» не могут быть «прямыми предшественниками большевиков».

Мицкевич направил в «Пролетарскую революцию» ответ Батурину. Обнадеженный, что статья будет напечатана вместе с новыми замечаниями того, кто его критиковал, Мицкевич тщетно прождал год, а затем поместил в журнале «Каторга и ссылка» статью «К вопросу о корнях большевизма». В отличие от

«Пролетарской революции», подчинявшейся Истпарту (Институту истории партии), журнал «Каторга и ссылка» был органом бывших политкаторжан и, следовательно, в меньшей степени зависел от «официальной линии партии».

В статье Мицкевич кажется озадаченным высказываниями своего оппонента:

> «Н. Н. Батурин приписал мне мысль, что русское якобинство — бланкизм — одно и то же, что и большевизм. И он опровергает это мнимое мое положение, частью приводя против него азбучные истины, частью неверные аргументы. В своей статье я указал, что русских якобинцев (Заичневский, Ткачев) можно рассматривать, как **предшественников** большевизма, что некоторые взгляды их вошли, как **элементы**, в большевизм. А тов. Батурин возражает: нет, якобинцы были мелкобуржуазными идеологами и знак равенства между большевизмом и якобинством ставить нельзя. Это все равно, как если бы кто-либо против положения, что социалисты-утописты были предшественниками Маркса в истории социалистической мысли, приводил бы такое возражение, что Маркс вовсе не был социалистом-утопистом или что социалисты-утописты не были марксистами. (...) Против чего же возражает т. Батурин? И все-таки он возражает и утверждает прежде всего, что русское якобинство было мелкобуржуазным течением» [48].

В то же время Мицкевич прекрасно понимал: именно аналогии, столь для него очевидные и оправданные, являются причиной агрессивности, с которой он столкнулся:

> «Некоторые товарищи, признавая много **аналогий** во взглядах русских якобинцев и большевиков, говорят, что **аналогии** эти поверхностны и случайны; но это совершенно неверно. **Причина аналогий** лежит глубоко и обусловлена особенностями русской истории, русской жизни» [49].

Мицкевич не согласен с определением русского якобинства как «мелкобуржуазного течения» (именно этот эпитет был основным аргументом критиков аналогий) и считает, что Заичневский и Ткачев были «наиболее чистыми для своего времени русскими социалистами». Ссылаясь на Ленина, который рассматривал народничество (в том числе и русских якобинцев) как «крестьянский социализм», он настаивает:

> «...русские якобинцы были предшественниками русского революционного марксизма, но они не были еще революционными марксистами. Якобинцы, связавшиеся с рабочей массой, стали революционными социал-демократами — большевиками» [50].

Он непоколебим в своих выводах:

> «Нам, большевикам, незачем отказываться от наследства, полученного от якобинцев. Наследство это было неплохое, а мы оказались хорошими наследниками, мы значительно приумножили и переработали это наследство, чему помогло нам в особенности то, что мы к этому наследству присоединили еще огромное новое наследство — марксизм, а из соединения их . . . и получился ленинизм-большевизм» [51].

Дискуссия, за которой мы проследили на примере Мицкевича и Батурина, не ограничивалась этими двумя действующими лицами. На стороне Мицкевича мы видим и М. Н. Покровского, центральную фигуру зарождающейся «советской исторической науки». Он, в частности, писал в докладе на смерть Ленина:

> «В рамках пролетарского движения Ленин — великий вождь. Но значит ли это, что все предшествующее ему революционное движение в России, хотя бы и не пролетарское, хотя бы и мелкобуржуазное, по отношению к Ленину и к ленинизму — простая археология и больше ничего?» [52].

Хотя он пришел к другим выводам, Покровский, как и Мицкевич, признает, что существовало нечто общее между большевиками и русскими якобинцами; так, он уверен, что русская традиция начиналась с вопроса о захвате власти:

> «Приходится, однако, сказать, что одна проблема, и проблема, чрезвычайно характерная для Ленина, была подготовлена и развита впервые русскими якобинцами. Это — проблема захвата власти. (...) «Молодая Россия» во многих отношениях чрезвычайно пророческая прокламация. Я имел дерзость назвать ее в своих лекциях первым большевистским документом нашей истории» [53].

Другой общей чертой большевиков и якобинцев, с которой начиналась русская революционная традиция, Покровский считал необходимость конспирации. «В этом пункте,— пишет он,— Ленин примыкает к якобинской традиции, на этот раз в лице Ткачева» [54].

Главной мыслью Покровского было подчеркнуть через несколько дней после смерти «вождя мирового пролетариата», что он был также «марксистским синтезом» русского революционного прошлого, при этом преемственность была обеспечена преимущественно якобинским течением [55].

В дискуссию были вовлечены и другие участники, разделявшие в той или иной степени взгляды Мицкевича и Покровского [56]. В числе предтечей ленинизма они включили Бакунина, Нечаева, Чернышевского, Лаврова и членов «Народной воли» [57]. Конечно, они все согласны с идеей, что ленинизм представляет собой «марксистский синтез», но одновременно ищут его русские составляющие.

С самого начала, как уже было показано на примере Мицкевича, эти поиски или скорее заявки о намерениях были приостановлены, но преграду на их пути поставили не непосредст-

венно руководители партии и не только их представители среди историков [58]. Она была плодом коллективных усилий, направленных на выработку «марксистской» концепции, которая, по единодушному мнению, могла быть только единой, очищенной от разногласий. Представление о долге историка-марксиста разделялось всеми от низовых организаций до верхушки партии; таким образом, мы видим, что В. Кирпотин, например, в поисках русских корней ленинизма обращается к Чернышевскому, «социалисту-утописту», и в то же время отказывает народникам из «Народной воли» в звании социалистов-утопистов, квалифицируя их как «мелкобуржуазных демократов» [59].

В 1930 г., когда была опубликована книга Кирпотина, это странное различие между Чернышевским и его последователями находит объяснение в контексте, явно отмеченном стремлением провести четкую демаркационную линию между Октябрьской революцией и Французской революцией. Сам Кирпотин заявляет:

> «Без ясного различения буржуазного переворота от социалистического марксисты и шагу не могли бы ступить в сложной и запутанной российской действительности» [60].

Его книга показывает это в еще большей степени; она похожа на фильм, прокрученный наоборот. В конце находится аналогия с термидором, неприемлемая, почти «преступная». В устах врагов и сомневающихся членов партии, если послушать Кирпотина, эта аналогия выиграла бы в силе, если бы большевики были носителями, пусть даже в ничтожных размерах, мелкобуржуазной идеологии. Поэтому Кирпотин, как и многие другие историки, обращается к прошлому, чтобы вырвать оттуда дурные мелкобуржуазные корни, реально существовавшие или мнимые. Народничество, значительно скомпрометировавшее себя своим якобинским компонентом (разве якобинцы не кончили термидором?), как раз и представляет собой воспоминание, которое нужно стереть из памяти.

Когда Кирпотин убирает народников с их места предполагаемых предшественников марксизма-ленинизма, рассматривая их как якобинцев, он тем самым отделяет их от большевиков:

> «Робеспьер, Сен-Жюст и их сподвижники боролись со старым порядком во имя идеализированных античных доблестей, во имя свободы, справедливости, добродетели, во имя прав человека. На деле же они были орудиями только буржуазного преобразования. Их преувеличенная политическая риторика выходила за рамки того, что могла и хотела дать буржуазия. Поэтому они и погибли. (...) Но и народники, и народовольцы в том числе, хотели превзойти самих себя, утопали в преувеличениях. Готовя крестьянству улучшение его участи в 100 раз, они полагали, что облегчат условия его существования в миллион раз. Будучи субъективно социалистами, они не знали, какими силами и какими путями можно добиться осуществления социализма. Будучи деятелями буржуазно-демократического переворота, они воображали, что борются за осуществление социализма, подобно тому, как Робеспьер и якобинцы воображали, что они борются за республику незапятнанных античных добродетелей. Поэтому *народничество*, в случае победы своей народнической революции, *должно было неминуемо погибнуть*, ибо победа революции выяснила бы всю иллюзорность их теории, всю преувеличенность их программы. (...) Марксизм-ленинизм... предохраняет рабочий класс от обманчивых иллюзий. (...) ...Гарантирует его и от разочарований после поражений, от уныния перед трудностями. (...) Рабочий класс никого не угнетает, никого не эксплуатирует. Его победа несет освобождение всему угнетенному человечеству. В то же время он знает, как себя освободить, как построить социализм и как повести трудящихся непролетариев к социализму. (...) Поэтому революция пролетариата при правильной политике не связана обязательно с реакцией, в то время как реакция есть обязательное последствие победившей буржуазной революции» [61].

Нетрудно увидеть в этом заботу, которую мы отмечали и у других: рассеять подозрения, «научно» доказав, что большевиков не ждет участь якобинцев. Отсюда вытекает искусственный разрыв между Чернышевским и народническим движением:

> «Путь к восприятию марксизма в России шел от русского гегельянства, от Белинского и отчасти Герцена к Чернышевскому. Главнейшим идейным предшественником марксизма в России был Чернышевский. Путь же от Герцена-народника к Бакунину, Лаврову, Михайловскому — к «Земле и воле» и «Народной воле — был в теоретическом отношении путем выработки враждебного марксизму течения. (...) По всему характеру своей теоретической концепции народники ни в коем случае не были предшественниками марксизма в России» [62].

В 1930 г. Кирпотин и многие другие критики народников [63] одержали победу над их защитниками в развернувшейся дискуссии по «Народной воле» [64]. Так, вычеркнутое из анналов марксизма-ленинизма народничество было обречено на забвение. Ф. Вентури вновь заговорил о нем в 1950-х гг. и за пределами СССР [65].

ОТВЕТ НА «ПРОВОКАЦИЮ» АЛЬФОНСА ОЛАРА

Описанная битва в области историографии достаточно наглядно показывает, как действовал идеологический фильтр.

Не пропуская ни одной подробности, которая могла бы навести на мысль о сходстве между русскими и французскими якобинцами, фильтр — а именно для этого он и предназначал-

ся — защищал пролетарскую сущность тех, кто считал себя последователями Ленина.

Серия критических статей, направленных против А. Олара, относится к тому же типу дебатов, с той разницей, что как со стороны Олара, так и со стороны советских историков проявлялось намерение вести «научную» дискуссию, а не внутрипартийную полемику, поскольку на этот раз тема, казалось, относилась лишь к далекому прошлому. В ней участвовали только историки.

Как мы уже отмечали, Олар с самого начала с энтузиазмом приветствовал русскую революцию: в октябре 1919 г. вместе с другими представителями французской интеллигенции он подписал протест против блокады революционной страны и против вмешательства европейских держав во внутренние дела России [66], хотя это и не означало, что приверженец демократии принял большевистский режим; Олар называл себя «врагом» этого режима и сотрудничал с русскими эмигрантами, мечтавшими о свержении большевизма силой оружия.

В апреле 1923 г. на Конгрессе научных обществ, проходившем в Сорбонне, Олар выступил с докладом «Теория насилия и Французская революция» [67]. В начале выступления он заявил, что все, что последует, отражает мнение историка, в глазах которого Французская революция ни в коей мере не является «школой насилия», как то часто думали.

> «С течением времени создалась теория насилия, которая, мало по малу, из книг перешла в умы, даже во Франции, и которую современные русские революционеры не только возвеличили, но и применили на деле. Согласно этой теории, насилие может быть плодотворным. Только оно может в корне исправить общество. Эта теория претендует на историческое обоснование. Она ссылается на пример Французской революции, которую в Москве — да и не только в Москве — воспринимают и толкуют как школу насилия.
>
> Нам, французам, изучающим историю революции по документам, научными методами, не подчиняя наших исторических изысканий какой бы то ни было политической либо социальной системе, нам-то и надлежит доказать историческую неправильность такого взгляда» [68].

Олар с блеском эрудита изложил историю идей и учреждений власти, что, по его мнению, доказывало, что насилие не было возведено в принцип Французской революции. Так, из всех политических деятелей только Марата можно рассматривать как сторонника насилия; остальные же, бывшие преимущественно юристами, стояли за новый порядок, опирающийся на законы, направленные против разброда, царившего при Людовике XVI. Идеи диктатуры и террора были им чужды: враги заставили прибегнуть к насилию, а террор был порожден войной: «Не существовало никакой классовой диктатуры, но только насильственные методы, явившиеся следствием войны как с внешними, так и с внутренними врагами» [69].

Это выступление было переведено на русский язык и опубликовано в Париже с большим предисловием Миркина—Гецевича (Мирского), который, напомним, спорил с Устряловым [70]. Автор предисловия подчеркнул, что изучая историю Французской революции, Олар, «республиканец, журналист и политический деятель, выступал лишь как ученый, следующий своим научным методам».

Намеренно научные тезисы Олара и предисловие «классового врага» вызвали возмущенные отклики советских историков: три отклика появились в 1924—1925 гг.[71], другой, запоздалый — в 1927 г.[72].

Авторы трех первых статей посчитали, что Олар преувеличивает в своих выводах, и поэтому им кажется нетрудным делом критиковать особенно по тому вопросу, который он сам выбрал. Его «научным» аргументам советские историки противопоставили контраргументы, почерпнутые в его же основном произведении «Политическая история Французской революции, истоки и развитие демократии и Республики (1789—1804)» или же из самой истории революции. Эти статьи практически сводятся к перечислению доказательств существовавшего в эпоху Французской революции насилия, редкие замечания о русской революции содержат две основные идеи, выраженные Малецким:

> «1) Террор русской Октябрьской революции был точно также необходим, как и террор Французской революции, точно также являлся доказательством силы, точно также доставил победу революции, ибо он опирался на движущие силы революции.
>
> 2) Трагедия Робеспьера заключалась в том, что, стоя во главе мелкой буржуазии, он не мог и не умел повести за собой пролетариат,— и такая задача вообще не по плечу мелкой буржуазии. (...) Террор Робеспьера в последний период был доказательством слабости» [73].

Заметим, что террор Французской революции воспринимается как явление, совершенно естественно *сравнимое* с тем, что происходило во время русской революции, причем до такой степени, что характеристика революционных комитетов, данная Оларом, по мнению Малецкого, «совершенно напоминает революционный комитет в России, русскую ЧК» [74]. Все три статьи стремились доказать, что пролетарский террор имел свой прецедент в истории.

Статья Старосельского, написанная в 1927 г., явно отличается от предшествующих критических статей. Показательно са-

мо язвительное название: «Буржуазная революция и юридический кретинизм». Тем самым автор, казалось, предупреждал, что выступления Олара будут рассмотрены не с точки зрения того, что он говорил о Французской революции, но того, что касается *буржуазной* революции. Объемная и эрудированная статья создает впечатление, что первые критические ответы Олару были поверхностными: совершенно очевидно, что Французская революция прибегала к насилию, для подтверждения этого достаточно привести факты, противоположные тем, которые использовал Олар. Старосельский усложняет ответ. Он тщательно подбирает исторические и юридические аргументы, поскольку видит, что нужно преодолеть одну трудность: показать, что два террора — французский и русский — *несравнимы*.

В самом деле, Старосельский выстраивает свой ответ вокруг идеи о том, что отсутствие теории насилия — он частично согласен с этим положением Олара — не помешало прибегнуть к террору. Он приводит целый список незаконных актов, начиная со взятия Бастилии и кончая казнью короля и установлением Комитета общественного спасения, Комитета всеобщей безопасности и революционных комитетов, диктаторская власть которых попирала Конституцию, принцип разделения властей и принцип независимости судебной власти. Цитируя закон о подозрительных от 17 сентября 1793 г., так же как и другие ему подобные, Старосельский утверждал, что правосудие вершилось в революционных трибуналах, а репрессировали большей частью несудебные органы (народные комиссии, военные комиссии, армия). Он делает вывод о том, что

> «...«теория ненасилия» не помешала мелкобуржуазным революционерам создать машину классовой диктатуры, действующей диктаторскими методами; но эта же теория помешала им организационно ее достроить, и фетишизм формы, не сделав революцию мягче, сделал ее беспомощнее» [75].

Отсутствие плана действий, чисто эмпирические способы создания машины диктатуры придали революционному правительству неповоротливость и жесткость, превратившие его в антидемократический орган, двумя основными недостатками которого были: оторванность центра от периферии и недостаточность политических отношений между руководством и массами. Таковы последствия «теории ненасилия» для диктатуры; они еще хуже для террора:

> «При отсутствии ясного сознания относительно истинно классового характера своей политики революционный класс в подавлении контрреволюции склонен будет к террористическим излишествам, не зная, куда бить, станет бить наобум» [76].

Приводя множество примеров разгула террора при якобинской диктатуре, Старосельский показывает специфическую черту буржуазных революций. Таким образом, якобинцы оказываются певцами террора, который стал не чрезвычайным средством в противоположность правосудию, но самим правосудием, проявлением столь дорогой их сердцу добродетели. Автор обильно цитирует Пейяна, Колло д'Эрбуа, Сен-Жюста и многих других, тех, кто оправдывал казнь десятков невиновных, если это позволяло уничтожить пусть даже одного-единственного врага революции. Старосельский определяет эту идеологию как «террористическую» и отличает террор как средство защиты революции от свойственного якобинцам «терроризма».

> «Идеология терроризма не только «признает» устрашение, как средство охраны существующей политики, но и возводит террор на степень самой политики. «Теория устрашения» становится, таким образом, «политикой истребления»,— и именно до такой политики дошли мелкобуржуазные революционеры к весне 1794 года. (...) Именно об истреблении, а не устрашении говорили эти законы и вся революционная идеология» [77].

Но поскольку культ закона не был отменен и находил свое выражение в формуле «судья идет впереди палача», Старосельский полагает, что террор от этого становился лишь безжалостнее: мщение стало лозунгом этого судьи, идущего впереди палача:

> «Призывы к мести в официальных документах, идеология мести как революционная идеология, это отличительный признак буржуазной революции».

Старосельский подробно излагает историю Великого террора, показывая, что

> «...революция, начавшаяся с безнаказанности роялистских памфлетов, кончила законом о подозрительных, проскрипцией целых классов и преследованием всех инакомыслящих» [78].

Мог ли он предугадать устрашающее сходство между разоблачаемой им логикой и той, что погубит его через несколько лет во время чисток? Но как человек, не ведающий своей судьбы, он посвящает последний раздел статьи опровержению возможности повторения якобинского террора.

> «Пролетарская революция не нуждается вообще в апологиях, ни в оправданиях перед проф. Оларом (...). Но небесполезным представляется разочаровать заграничных доброжелателей: «Москва» никогда и не думала «оправдывать кровь ЧК террором Конвента»: незачем ей это вовсе, зря вы за память французских революционеров беспокоитесь. Незачем,— потому что «издержки революции» пролетарской оказались гораздо скромнее, чем издержки буржуазной революции» [79].

Старосельский стремится доказать, что наличие «теории насилия» дало возможность снизить цену, заплаченную за пролетарскую революцию в России (существовавший в 1918 г. институт заложничества «унес меньше жизней», чем судебная практика Французской революции; создается впечатление, что репрессии ЧК были «образцом умеренности и целесообразности» по сравнению с репрессиями парижского революционного трибунала [80]).

> «Прежде всего вследствие приверженности «русских революционеров» к «теории насилия», методы диктатуры и террора никогда не могли занять в пролетарской революции неподобающего им места. «Теория насилия»,— если г. профессору угодно так именовать марксистско-ленинское учение,— у нас, действительно, имеется; но вот «идеологии терроризма» вследствие этого у нас никак получиться не могло» [81].

Понятие «идеологии терроризма», введенное Старосельским для обозначения якобинского террора с сентября 1793 по июль 1794 гг., служит здесь для того, чтобы отрицать связь между якобинцами и большевиками, на существовании которой настаивал Олар и другие враги Октябрьской революции. По мнению Старосельского, эта идеология, основанная на мести, свойственна только французским мелкобуржуазным революционерам или, на худой конец, членам «Народной воли», их русским двойникам [82].

Таким образом, мы можем констатировать, что критика, направленная против Олара, начавшись в 1924—1925 гг. без каких-либо намеков на сравнение большевиков с якобинцами, закончилась статьей Старосельского, где было проведено строгое разграничение между двумя революциями и их действующими лицами. Старосельский, твердо отстаивавший свою точку зрения в дискуссии о перерождении якобинцев, кажется, воспользовался возможностью представить доказательства этого перерождения, описывая якобинский террор. Он старается быть последовательным, но в то же время способствует проводившейся совместно работе, направленной на то, чтобы разрушить и переписать историю заново; последствия сего ему были неведомы [83].

Глава X

Термидор: отступление или шаг в неведомое?

Большевики отвергли аналогии с Французской революцией, что окончательно определило направленность советской философии истории, остававшейся неизменной на протяжении десятилетий. Другие революционеры, меньшевики и оппозиционеры, согласились с аналогиями, но с большим трудом: накануне Второй мировой войны аналогии еще мешали им изменить свое схематическое представление о СССР.

МЕНЬШЕВИКИ ПЕРЕСТАЮТ ГОВОРИТЬ ДВУСМЫСЛЕННО

В то время как большевики выступали против оппозиционеров, вменяя им в вину обращение к аналогии, что «являлось признаком скрытого родства с меньшевиками», меньшевики радовались: «Наконец-то термидор стал аргументом в ожесточенной борьбе большевистской клики за власть» [1]. Осенью 1927 г. «Социалистический вестник» поместил пять статей, свидетельствующих о том, что меньшевики пристально следят за развернувшейся вокруг термидора борьбой большинства с левой оппозицией [2], а также, что они стараются окончательно определить свое собственное отношение к аналогии, ставшей некстати их общей с оппозиционерами и сталинцами участью [3].

Основным пунктом, по которому меньшевики соглашались с оппозицией, была констатация все усиливающегося перерождения в рядах большевиков и в среде советских чиновников. Общим было также и то, что они воздерживались от заключения, что большевистская партия уже стала термидорианской: все считали, что партия еще находится «на пути к термидору»,

в конце которого действительно может произойти бонапартистский государственный переворот, но что партия может еще этого избежать. Все верили — правда, каждый в соответствии с собственной программой — что политическая борьба является средством избежать термидор.

Что касается разногласий между оппозиционерами и сталинцами, то меньшевики не признавали социалистический характер Октябрьской революции, которую они рассматривали в том же плане, что и Французскую революцию, что не исключает, по их утверждению, «наличие пропасти между обеими революциями». Убежденные в том, что русская революция была буржуазной, меньшевики рассматривали нэп и термидорианский лагерь не так, как оппозиция.

> «Нэп, явившийся капитуляцией перед крестьянством, перед частным товарным хозяйством, перед капитализмом, и был началом экономического термидора, открывшим новую главу буржуазного перерождения советской власти, неотвратимо ведущего к политическому термидору» [4].

Автор этих слов П. Гарви отдает должное Сталину за решительную поддержку новой экономической политики перед критикующей ее оппозицией, которая, впрочем, не осмеливается требовать отказа от нее.

> «Не забудем, что и Робеспьер в сущности перед гибелью готовился уже повернуть вправо, т. е. готовился встать на путь самотермидорианства, по которому неукоснительно шествует наученный его примером Сталин. (...) Сталинцы справедливо обвиняют оппозицию в военно-коммунистических тенденциях, в антикрестьянском уклоне» [5].

Очевидно, что в глазах Гарви сталинцы были термидорианцами, но Троцкий, Зиновьев и все их сторонники в не меньшей степени были:

> «...как две капли воды похожи на тех крайне левых якобинцев, что в союзе с «болотом», то есть главной армией термодорианцев, взяли на себя почин свержения Робеспьера» [6].

В этом отношении сталинцы вполне могли бы согласиться с меньшевиками. В свою очередь предъявить обвинения в термидорианстве было их излюбленным методом отвечать на нападки оппозиционеров внутри партии.

К лагерю термидорианцев, бывших или настоящих, меньшевики причисляли людей, находившихся у власти *до* государственного переворота, и тех, кто оказался у власти *после* него. Термин «термидор», по их мнению, включал в себя в некоторой степени представление об изменениях, происходящих в соотношении сил между классами и в самой диктатуре после революции.

Переустройство общества в Советской России зашло столь далеко, что качественные изменения уже существующих элементов термидорианства должны произойти вне зависимости от того, кто победит: сталинцы или троцкисты. Если победят сталинцы, то, вероятно, изменения не будут резкими; если же победят троцкисты, то их победа будет недолгой, т. к. их предрасположенность к военному коммунизму очень скоро спровоцирует термидорианский взрыв. Рано или поздно проявится буржуазный характер Октябрьской революции, и, как и во Франции, исторический смысл русского термидора будет заключаться в «ликвидации диктатуры мелкобуржуазного фланга, опирающейся на пролетариат, и переходе к откровенно буржуазному господству».

Вновь обратившись к анализу, предложенному задолго до этого Мартовым, меньшевики и в 1927 г. оставались верны его тактическому призыву придать ликвидации большевистской диктатуры «как можно менее термидорианский характер»:

> «Лишь широкое движение народных масс города и деревни во главе с пролетариатом под знаменем политической свободы и последовательной демократии, лишь демократическое преодоление засидевшейся диктатуры большевиков снизу сможет предотвратить как отечественный термидор, так и неотвратимо за ним следующий истинно русский бонапартизм» [7].

Отказ от нэпа не разубедил меньшевиков, для которых термидор означал антидемократическую контрреволюцию, в правильности своих прогнозов. Смешанная экономика — государственный и частный сектор — соответствовала их концепции русской революции, так что нэп являлся политикой, хорошо вписывающейся в рамки их революции, политикой, которую Мартов определил как *самотермидоризацию*. Отказ от нэпа достоен сожаления, поскольку большевики снова пустились в утопию, но он ничего не меняет в том, что касается угрозы контрреволюции. Вот почему Р. Абрамович, автор статьи, озаглавленной «Термидор и крестьянство» [8], воспринимает коллективизацию — основную меру, сводящую нэп на нет, как термидор и бонапартизм. Он полагает, что кризис в сельском хозяйстве, вызванный утопизмом индустриализации и антикрестьянской политикой Сталина, должен привести к взрыву недовольства в деревне, и тогда крестьянство сыграет решающую роль в ликвидации большевистской диктатуры. Падение диктатуры могло удовлетворить меньшевиков, но только не ценой подавления демократии. Однако крестьянство, собственнический инстинкт которого

бушует, а ненависть к городу и к рабочим еще больше возросла в результате действий, предпринятых большевиками, представляет собой огромную опасность: оно может превратить ликвидацию большевистской диктатуры в крестьянский термидор. Бонапартистский исход революции вполне возможен из-за сходства между процессом перерождения в аппарате большевистской партии и перегруппировкой социальных сил внутри крестьянства. «Если термидору в России суждено победить, то он победит лишь как крестьянский термидор»,— утверждал Абрамович [9].

Исчезновение явных — для Устрялова и многих других — признаков термидора (частной собственности, капиталистов в городе и деревне) не побудило меньшевиков отказаться от способа мышления по аналогии. До конца 30-х гг. в партийных платформах, в статьях, появлявшихся как в эмиграционной прессе, так и внутри страны (до запрещения этих изданий) при анализе положения в СССР постоянно используются термины «термидор» и «бонапартизм». Целью социал-демократической партии по-прежнему остается предотвращение риска контрреволюции, обозначенной этими двумя терминами, левая и правая часть партии по-разному представляют себе способы парировать эту угрозу [10].

Правые, бывшие в меньшинстве,— их представлял А. Н. Потресов, в основном делали упор на антидемократические, реакционные и утопические черты большевизма. Они рассматривали взятие власти в 1917 г. как начало контрреволюции в своеобразной форме. Следовательно, они не возлагали никаких надежд на эволюцию большевистской диктатуры в сторону демократии, если только ее не поглотит новая волна революции. Вдохновляемые Мартовым левые, бывшие в большинстве, основывались на убеждении, что большевизм следует рассматривать как историческую форму крестьянской революции. Хотя эта революция и была утопической, она сумела на свой лад решить вопросы национального масштаба, которые невозможно было решить демократическим путем. Вслед за Мартовым его сподвижники не отрицают, что большевизму присущи некоторые реакционные черты, и они даже считают, что бонапартистский финал вполне возможен, но не согласны с тем, что Октябрь был концом революции. Они полагают, что происходящий процесс двояк: с одной стороны, революционные и пролетарские силы побуждают власти во имя рабочего единства к демократизации режима, с другой — мелкобуржуазные силы стремятся к победе контрреволюции, к термидору. Отсюда вытекает двойная тактика, предложенная Мартовым. С годами «большевистская практика» безжалостно опровергала обоснованность этой тактики, тем не менее, социал-демократическая партия не хотела отказаться от своей оптимистической ориентации, ставшей признаком «хорошего политического поведения» [11].

В 1930—1933 гг. в партии прошла дискуссия. Некоторые меньшевики задумались о «новом этапе в развитии большевистской диктатуры» [12]. Они отмечают, что

> «...в области экономики этот новый этап характеризуется расширенным воспроизводством военного коммунизма, а в области политической — разгромом обеих оппозиций и персонификацией диктатуры».

Пересмотр «генеральной линии» меньшевистской партии кажется им необходимым. Они предлагают заменить тактику, основывающуюся до сих пор на идее поддержки демократизации режима, на «решительную и непримиримую борьбу, направленную против режима кровавой диктатуры Сталина» [13]. Однако эти оппозиционеры остаются в меньшинстве [14]. В официальных тезисах, изложенных Ф. Даном в 1933 г., утверждается, что «основная задача РСДРП — борьба за предотвращение контрреволюции» [15].

Более чем когда-либо, необходимо вести борьбу против большевистской диктатуры в соответствии с этой, ставшей первостепенной в международном контексте, задачей. Советский Союз — единственная страна, в которой начавшиеся революционные процессы еще не закончились: если бы внутренняя контрреволюция или международный капитализм задушили революцию, это нанесло бы ущерб мировому пролетариату и даже последующему историческому развитию.

Меньшевики цеплялись за любой реальный или выдуманный предлог (национализация, индустриализация, коллективизация, Конституция 1936 г., присоединение к Лиге Наций), чтобы питать выдуманный ими миф о революционных и социалистических достоинствах советской системы [16], и беспрестанно отделяли большевистскую диктатуру от революционной диктатуры трудящихся [17]: они превозносили эту последнюю и настоятельно подчеркивали, что в отличие от большевистской диктатуры «диктатура трудящихся совместима с демократией и могла бы существовать лишь опираясь на нее» [18].

Эти речи становились все более двусмысленными по мере того, как с каждым днем поступали все новые доказательства подавления демократии. Тем не менее, будучи добрыми оптимистами, меньшевики все еще пытались найти решение, которое дало бы им возможность бороться, пусть даже в своем воображении, с контрреволюционной угрозой, вместо того, чтобы прийти к заключению, что она уже реально осуществилась. Так, в январе 1935 г. Ф. Дан писал по поводу террора, развязанного после убийства Кирова:

> «...нынешняя волна террора способна не только отраженным действием своим взращивать контрреволюционную опасность, но прямо и непосредственно подготовлять почву для торжества контрреволюции.

И именно поэтому про нее можно сказать, что она окрашена в «термидорианский» цвет, более того, что это первый в истории большевистского периода революции акт, термидорианская окраска которого совершенно очевидна. (...) Разумеется, как и всякий термин, взятый в порядке исторической аналогии, и термин «термидор» надо понимать в применении к русской революции весьма условно. Он во всяком случае никак не может указывать на несуществующее тождество форм революционных процессов во Франции XVIII и в России XX века. Его задача лишь в том, чтобы одним словом вместо длинного описания характеризовать социально-политическую тенденцию той новой волны террора, о которой мы говорим. «Термидорианский» характер ее в том и состоит, что она грозит привести в другой исторической обстановке и при другом сочетании классовых сил, но к тем же последствиям, какие имела казнь Робеспьера. (...) Но опять-таки надо помнить, что речь идет не о термидориански законченном круговороте революционного процесса» [19].

Подобные же размышления мы встречаем в 1936 г. по поводу московских процессов и последовавших за ними казней:

«Московские события (расстрелы) последнего времени означают громадный шаг вперед к самоутверждению и дальнейшему оформлению единоличной диктатуры и тех бонапартистских и реставрационно-капиталистических тенденций, носительницей которых она все больше делается, громадное усиление ее шансов на победу в борьбе с теми низовыми, народными силами советского общества, которые воплощают в себе тенденции социалистическо-демократические» [20].

Наконец, хотя диктатура Сталина часто беспощадно критикуется, как только речь заходит о том, чтобы недвусмысленно обозначить ее как бонапартистскую, меньшевики говорят очень неопределенно:

«Мы совершенно согласны с Каутским, что диктатура Сталина по всем своим явлениям и методам как две капли воды похожа на бонапартизм. Но...

Когда Каутский спрашивает социал-демократов: «Что же еще нужно сделать Сталину, чтобы прийти к бонапартизму?», то на это ответ может быть только один: он должен, сохраняя антидемократическую диктатуру, наполнить ее капиталистическим содержанием, сделать ее инструментом и орудием для эксплуатации рабочих и крестьян в интересах новой буржуазии и новой плутократии.

Что большевистская диктатура к этому идет, что политика безудержного утопизма и насилия над экономикой подготовляет самую злейшую реставрацию капитализма на основе подавления демократии — это не подлежит никакому сомнению и теперь ясно сознается уже и многими коммунистами. (...) Но этот процесс еще не закончен и исторический зигзаг пока еще направлен в диаметрально-противоположную сторону, т. е. революционно-утопическую.

Все усилия и эксперименты большевиков, при которых многое создается, многое разрушается и бессмысленно расточается, направлены — субъективно и объективно — не на то, чтобы создать олигархию новых собственников, а наоборот на то, чтобы всеми силами воспрепятствовать образованию такого рода классов и слоев, и эта особенность

большевистской диктатуры в ее нынешней стадии опрокидывает все поверхностные аналогии с историческим бонапартизмом и контрреволюцией» [21].

В меньшевистской прессе появилось множество призывов защищать «существующие наряду и вопреки диктатуре Сталина возможности социализма» [22]. В 1936 г. они воспевают Конституцию, хотя и осведомлены об арестах и смертных приговорах [23]. Конституционные свободы или все «экономические завоевания социалистической направленности» (в том числе и в области планирования или сельского хозяйства) они воспринимают как подтверждение наличия сил, противостоящих термидору. Ф. Дан утверждал, что русская революция в себе самой получает «антитермидорианский заряд» несравнимо большей напряженности, чем тот, какой получала Французская революция XVIII в. [24] Он прославляет

«...непрерывно получаемые животворящие импульсы из окружающего ее мира, который весь живет в брожении и судорожном движении, весь объят предчувствием великих социальных потрясений» [25].

Перед лицом фактов, свидетельствующих о деятельности советского правительства, которую с трудом можно было интерпретировать как проявление социалистической тенденции, реакция некоторых меньшевиков следующая:

«...нельзя говорить о термидорианских тенденциях власти там, где мы имеем перед собой столь свойственный коммунистам «маневр», очередную попытку перехитрить Историю» [26].

Самовнушение относительно возможности демократического и социалистического развития СССР и стремление зацепиться за его воображаемые признаки столь сильны, что меньшевики возлагают даже надежды на «особо хитрую игру Сталина» [27]. Это объяснение выдвигалось, в частности, по поводу Германо-советского пакта.

На протяжении многих лет меньшевики не могли найти точный определенный ответ на вопрос, сформулированный однажды О. Доманевской в названии статьи «К социализму или к термидору?». В 1939 г. заключение пакта позволило, наконец, части меньшевиков окончательно отбросить «тягостный вопрос».

«Ход событий показал, что термидор в России остался уже далеко позади. Союз с Гитлером, раздел с ним Польши, бандитское нападение на Финляндию — это был полный политический обвал. Под этим обвалом погибли все прошлые иллюзии и надежды, все прежние представления и построения, от которых жестокая реальность не оставила камня на камне» [28].

Эта группа меньшевиков (Р. Абрамович, Б. Двинов, Г. Аронсон, М. Кефали, Б. Николаевский) потребовали пересмотреть программу партии и поставили себе целью «поражение диктатуры во вне и ее революционное свержение внутри страны» [29]. Вопрос «когда произошел русский термидор?» они считают совершенно безосновательным и уже не видят необходимости выяснять, был ли переход к термидору медленным, едва уловимым, или же он произошел в один день. Эта меньшевистская группа пересматривала свою тактику, отталкиваясь от совершенно установленного факта: «режим термидора окончательно оформлен в России» [30].

Ф. Дан и его единомышленники, с подозрением относившиеся к этой перемене курса, выступали против изменения тактики, ранее намеченной Мартовым. Они считали, что поскольку режим обречен, исправить положение в СССР можно только при помощи вмешательства извне — позиция, помешавшая Дану избавиться от двусмысленного толкования термидора. Он уже больше не верит в возможность развития сталинской диктатуры в сторону демократии; более того, он считал, что эта диктатура является разновидностью бонапартизма, а быть может даже и фашизма. Следовательно, он думал, что существующий в СССР режим контрреволюционен. Но он по-прежнему опасался, что режим, который придет на смену сталинской диктатуре, будет наихудшей формой контрреволюции. Дан безусловно отвергал выбор между существующим режимом, при котором сохранялась социалистическая экономика, и более свободным для рабочих, но делающим уступки капитализму политическим режимом: он требовал полной демократии с сохранением всех социалистических завоеваний и называл этот третий путь истинно социалистическим путем. Он с презрением отвергал любое другое решение, считая его капитуляцией перед контрреволюцией и даже пособничеством ей [31].

В 1943 г. Ю. Денике положил конец дебатам, заявив, что все меньшевистские оценки ситуации при помощи аналогии были ошибочны, поскольку русская революция, приведшая к тоталитарному государству, в корне отличается от Французской революции [32].

ТРОЦКИЙ: АНАЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Когда в ссылке Троцкий смог свободно выражать свои взгляды, он стал уделять все возрастающее внимание аналогии. В «Бюллетене оппозиции», который начал выходить в Париже в июле 1929 г., он часто поднимал вопрос о термидоре. Сознавая, что «дело идет не о тождестве, а об исторической анало-

гии, которая всегда находит свои пределы в различиях социальных структур и эпох», он, тем не менее, принимает ее всерьез, т. к. для него «данная аналогия не поверхностна и не случайна» [33]. Что бы о том ни говорили советские публицисты и несмотря на некоторые частные различия двух революций, термидорианская модель применима к Октябрьской революции так же, как вообще к любой революции. Пример термидора, как «лучший пример контрреволюционного акта насилия, первая часть которого полностью протекала под знаменами революции», дает возможность выявить опасность сползания к реакции [34]. К тому же использование аналогии как политического оружия оправдано, и если какой-нибудь Марецкий старается доказать, что аналогия «неприменима», так только потому, что он преследует четко определенную политическую цель. Если принять во внимание «гигантский международный размах полемики вокруг термидора», у Троцкого не остается никаких сомнений в том, что аналогия является частью игры, преследующей политические цели [35], поэтому он проявляет осторожность в применении термина «термидор» по отношению к советской действительности. Напоминая о переходе власти от одного класса к другому, «термидор» имеет очень серьезную политическую коннотацию: он полностью дискредитирует пролетариат СССР. Троцкий настаивает поэтому на термине «термидорианская тенденция» — понятии для него более точном, если говорить об откате революционной волны и сползании в сторону реакции. Рост слоя большевиков-хапуг, которые отрываются от масс в той же мере, как в свое время «разжиревшие якобинцы», является самым тревожным проявлением этой тенденции.

Учитывая различия между этими двумя понятиями — *термидор, термидорианская тенденция,* — Троцкий придает большое политическое значение тому, как аналогию использовала немецкая оппозиция, в частности, Leninbund. В начале 1929 г. эта группа во главе с Урбансом заявила, что высылка создателя Красной Армии за пределы СССР равносильна казни Робеспьера [36]: 11 февраля газета *«Фольксвилле»* опубликовала резолюцию относительно положения в СССР, где говорилось: «Это термидор!»; редакционная статья от 13 февраля была еще более сурова: «С высылкой Троцкого подведена заключительная черта под революцией 1917 года» [37].

Троцкий отвечает статьей, появившейся в «Бюллетене оппозиции». Он не приемлет употребления аналогии своими немецкими друзьями, которые, сводя термидор к его личной судьбе, не видят главного: классовая природа Советской России остается пролетарской.

«Русская революция XX века неизмеримо шире и глубже Французской XVIII века. Революционный класс, на который опирается Ок-

тябрьская революция, гораздо многочисленнее, однороднее, компактнее и решительнее, чем городские плебеи Франции. Руководство Октябрьской революции во всех своих течениях гораздо опытнее, проницательнее, чем были и могли быть руководящие группы Французской революции. Наконец, политические, экономические, социальные и культурные изменения, произведенные большевистской диктатурой, неизмеримо глубже изменений, произведенных якобинцами. Если вырвать власть из рук плебеев, несмотря на то, что они были ослаблены ростом классовых противоречий и бюрократизацией якобинцев, нельзя было без гражданской войны,— а термидор был гражданской войной, в которой санкюлоты потерпели поражение,— то неужели же кто-нибудь может подумать или поверить, что власть из рук русского пролетариата может перейти в руки буржуазии мирным, спокойным, незаметным бюрократическим путем? Такое понимание термидора есть не что иное, как реформизм наизнанку» [38].

Немецкие товарищи, заострив внимание на переходе к термидору (акт насилия или незаметный переход?), дали Троцкому повод вновь пристально изучить аналогию. Из этого анализа Троцкий извлек оптимистическую убежденность: если средства производства остаются в руках Советского государства, а земля национализирована, если буржуазные элементы по-прежнему исключены из Советов и Красной армии, а монополия на внешнюю торговлю по-прежнему предоставляет гарантии против экономической интервенции капитализма, то значит классовая борьба продолжается. Последнее слово еще не сказано.

«Термидор, по отношению к пролетарской революции, означает переход власти из рук пролетариата в руки буржуазии. Ничего другого он означать не может. Если термидор совершился, значит Россия — буржуазное государство» [39].

Таким образом, проанализировав положение в СССР по аналогии с событиями Французской революции, Троцкий ожидает радикального изменения режима в сторону капитализма. Пока этого не произошло, он предпочитает упомянуть о термидоре, лишь используя термин «термидорианская тенденция».

В конце 1930 г. в статье «О термидорианстве и бонапартизме» [40] Троцкий дает еще более разработанное толкование смысла, который он вкладывал в аналогию. Отвечая своим зарубежным друзьям, он говорит, что они ошибались, думая, что он по-новому оценивал Советское государство, обнаружив в нем «термидорианские тенденции» и «черты бонапартистского режима». По словам Троцкого, обращение к аналогии вовсе не означает, что в его глазах сущность Советского государства уже стала термидорианской. Напротив, он находит, что в Советском Союзе строят, и причем успешно, социализм. Но капиталистическое окружение, сопротивление враждебных пролетариату

сил внутри страны и ошибочная политика руководства партии осложняют этот процесс и обусловливают наличие противоречий, которые, в случае если они достигнут крайней точки, рискуют подорвать основы социализма. Социализм будет заменен капитализмом особого типа: вот тогда и свершится термидор. Так, под пером Троцкого термидор вновь предстает как контрреволюция, возвращающая страну к капитализму.

В то же время отметим, что в своем анализе Троцкий столкнулся с некоторыми трудностями. Например, в вопросе о форме, которую мог бы принять контрреволюционный государственный переворот. Если еще год назад Троцкий, ничуть не колеблясь, предсказывал насильственную форму или же во всяком случае «потрясение, которое не пройдет незамеченным», на этот раз он ограничился весьма неопределенным прогнозом. Сыграют роль многие факторы: серьезность экономических противоречий, баланс капиталистических и социалистических тенденций, соотношение сил между истинными пролетарскими большевиками и «псевдобольшевиками», схожими на самом деле с «разжиревшими якобинцами», и, наконец, иностранная интервенция. В любом случае Троцкий считает абсурдным полагать, что контрреволюционный режим в СССР переживет, в свою очередь, известные три стадии истории революции во Франции: Директорию, Консульство и Империю. Зато Троцкий предусмотрел при контрреволюционном режиме, какую бы форму он ни принял, место для «термидорианских и бонапартистских элементов, представленных советскими бюрократами». В глазах Троцкого вес и влияние этих элементов в партии и в советских органах становится все большей проблемой, т. к. именно с ними, по его мнению, связано возможное наступление термидора. И все-таки их невозможно определить как *буржуазные* и *капиталистические* в точном значении этих терминов, особенно в условиях национализированной и плановой экономики. С другой стороны, из-за «персонификации диктатуры» возможность переворота или даже акта насилия внутри партии становится все менее вероятной. Таким образом, определение советского термидора как «первого этапа буржуазной контрреволюции, направленной против социальной базы рабочего государства» выглядит противоречащим действительности [41].

Троцкий приходит к выводу, что «аналогия с термидором служила скорее к затемнению, чем к выяснению вопроса» и в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм» [42] он считает «необходимым пересмотреть и исправить историческую аналогию» и раскрыть «истинный смысл термидора».

Он начинает с вопроса требующего незамедлительного ответа: «Был ли термидор контрреволюцией?». Ответ отрицательный:

«Контрреволюция... должна была произвести восстановление феодальной собственности. Но термидор и не покушался на это (...) Термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции. Тот же смысл имело и 18 брюмера Бонапарта, следующий важный этап на пути реакции. Дело шло в обоих случаях не о восстановлении старых форм собственности или власти старых господствующих сословий, а о распределении выгод нового социального режима между разными частями победившего «третьего сословия» [43].

Подобная интерпретация событий французской истории привела к тому, что Троцкий коренным образом изменил смысл аналогии: она должна основываться не на идее возврата к буржуазному режиму, но на идее бюрократизации режима:

«Бюрократия в обоих случаях поднималась на спине плебейской демократии, обеспечившей победу нового режима. Якобинские клубы постепенно удушались. Революционеры 1793 года погибали в боях, становились дипломатами и генералами, падали под ударами репрессий или... уходили в подполье. Иные якобинцы с успехом превращались позже в наполеоновских префектов. К ним присоединялись все в большем числе перебежчики из старых партий, бывшие аристократы, вульгарные карьеристы. А в России? Постепенный переход от кипящих жизнью советов и партийных клубов к командованию секретарей, зависящих единственно от «горячо любимого вождя», воспроизводит через 130—140 лет ту же картину перерождения, но на более гигантской арене и в более зрелой обстановке» [44].

Благодаря такой поправке Троцкий может, наконец, ответить на вопросы, в отношении которых он был противоречив. Прежде всего он решительно отбрасывает упреки в противоречии, заключающемся в том, что отрицая свершение термидора, он в то же время отождествлял сталинцев с термидорианцами и бонапартистами, отбросившими «якобинцев» [45]; он также отрицает, что называл бонапартистским механизм власти в СССР. Теперь, когда он понял «истинный смысл термидора», ему кажется, что можно легко ответить на часто задававшийся ему вопрос «если советского термидора еще не было, то откуда было взяться бонапартизму?» — «1924 год — это и есть начало советского термидора». Он понимает под этим, что смена власти советов первых лет революции бонапартистским режимом Сталина «произошла не сразу, а в несколько приемов, посредством ряда гражданских войн бюрократии против пролетарского авангарда» [46].

Другой вопрос, который часто задавали Троцкому, касался природы Советского государства: можно ли считать его рабочим государством, учитывая положение трудящихся, неравенство условий существования и привилегии бюрократов? Троцкий замечает, что во Франции государственный переворот 9 термидора не ликвидировал завоеваний буржуазной революции. Также и в Советском Союзе «чудовищное бюрократическое перерождение» не помешало успехам в области экономики, которые стали возможны благодаря национализации средств производства, что подтвердило существование Советского государства как «исторического оружия рабочего класса»:

«...бюрократия вырвала власть из рук массовых организаций. В этом смысле можно говорить о диктатуре бюрократии и даже личной диктатуре Сталина. Но эта узурпация оказалась возможна и может держаться только потому, что социальное содержание диктатуры бюрократии определялось теми производственными отношениями, которые заложила пролетарская революция. В этом смысле можно с полным правом сказать, что диктатура пролетариата нашла свое искаженное, но несомненное выражение в диктатуре бюрократии» [47].

Таким образом, признав советский термидор и разоблачив режим Сталина как бонапартистский, Троцкий утверждает, как это не парадоксально, что социалистические завоевания Октябрьской революции еще не отброшены и что Советское государство все еще остается рабочим.

Изменения, внесенные им в аналогию, дают ему возможность не только вновь перечислить общие черты двух революций, но и по-другому, глазами оптимиста, оценить пределы этого сходства. С одной стороны, существует громадная разница между исторической ролью, выпавшей на долю буржуазного и пролетарского государства. Рабочее государство берет на себя обязанности руководителя и организатора, в то время как буржуазное государство «ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам». После буржуазной революции изменения политического характера оказывают лишь поверхностное и косвенное влияние на развитие экономики. Смена рабочего политического режима другим, буржуазным, напротив, неизбежно повлекла бы за собой ликвидацию принципа планирования, а затем восстановление частной собственности. Построение социализма, следовательно, неразрывно связано с сознательно направленными действиями государственной власти или, как говорит Троцкий, «современный этап развития — построение социализма — живет и умирает в то же время, что и рабочее государство» [48]. Таким образом, поскольку он считает, что Советское государство сохраняет свой рабочий характер, Троцкий находит политически оправданным попытаться защитить это государство от деформаций.

С другой стороны, «историческая аналогия не выходит за свои пределы», когда речь идет о бонапартизме. Для Троцкого бонапартизм — это режим маневрирования. В свое время Наполеон «вел борьбу не только против феодального мира, но и против *плебса* и демократических кругов мелкой и средней буржуазии». В настоящее время Сталин «охраняет завоевания Ок-

тябрьской революции не только от феодально-буржуазной контрреволюции, но и от притязаний трудящихся».

Режим маневрирования по своей природе не может долго продержаться. Низвержение Наполеона не повлекло за собой во Франции разрушение социальной пирамиды, сохранившей свой буржуазный характер; напротив, неизбежное крушение сталинского бонапартизма, положив конец рабочему характеру Советского государства, разрушит его социальную пирамиду. А поскольку социалистическую экономику невозможно строить без власти рабочих, судьба Советского Союза как социалистического государства зависит от политического режима, который придет на смену сталинскому бонапартизму. В конце этих размышлений Троцкий вновь рассматривает возможность счастливого завершения политических действий, которые надо будет предпринять: «Возродить советскую систему может только авангард пролетариата, если ему удастся собрать вокруг себя трудящихся города и деревни» [49].

То, что Троцкий по-особому относится к тщательно пересмотренной аналогии, в то время как он мог росчерком пера осудить ее, оправдано постоянно повторяющимся утверждением, что «без исторической аналогии невозможно учиться у истории». С этой точки зрения «Преданная революция», вышедшая в 1936 г., проливает свет на скрытие мотивы Троцкого.

В главе, посвященной советскому термидору, он дает новое определение этому явлению, называя его «победой бюрократии над массами», и на этот раз подробно останавливается на причинах победы: «Почему Сталин победил? Прежде всего потому, что существуют законы, общие для всех революций».

> «Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишено всякого научного содержания» [50].

Все революции повлекли за собой реакцию и даже контрреволюцию, что вызвано «переменами в отношениях между классами» и «глубокими изменениями в психологии масс, еще вчера революционных»: усталость, подавленность и разочарованность масс облегчили приход к власти деятелей, бывших на втором плане. «Объединившись со вчерашними врагами революции», эти люди превратились в новый слой руководителей. Большевистская партия переродилась: «Под знаменем борьбы с оппозицией» революционеров заменили на чиновников-бюрократов.

> «Второстепенная фигура пред лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде» [51].

Отсылая своих читателей к истории, Троцкий утешает их, замечая, что несмотря на ущерб, нанесенный реакционными силами, им «никогда не удавалось вернуть нацию к начальной точке» и уничтожить фундаментальные социальные завоевания революций.

Троцкий подробно рассматривает социальные причины советского термидора, свойственные русской революции. «Варварство царизма» и «отсталость капитализма» — условия, внутри которых сформировались классы в России,— вот, по его мнению, что главным образом предопределило недостаточную подготовленность масс к «социалистической революции по заказу». Нищета и невежество масс, в свою очередь, обусловили мощные тенденции к личному обогащению, постоянно возрождающиеся в советском обществе:

> «Не будучи еще способно удовлетворять элементарные нужды населения, советское хозяйство порождает и возрождает на каждом шагу спекулянтские и рваческие тенденции» [52].

В этих условиях государство не слабеет, как должно было бы быть по теории Ленина, но набирает силы, т. к. оно распределяет материальные блага и привилегии: бюрократия «знает, кому надо дать, а кто должен потерпеть». В «бюрократическом тоталитарном государстве» Троцкий разоблачает «реальные социальные силы, породившие противоречия между советской действительностью и традиционным марксизмом» [53]. Затем он описывает то, что называет «семейным термидором», который нашел свое выражение в ряде социалистических мер, «извращенных» с той точки зрения, какими они должны были бы быть (питание, социальные службы, ясли, законы о браке), а также в явлениях, чуждых социализму (проституция).

Таким образом, Троцкий пытается представить советский термидор во всем многообразии его конкретных проявлений, каждое из которых похоже на предательство, извращение или уклон по отношению к идеалам Октябрьской революции, социализму или марксистской теории. Но поскольку все обозначено термином *термидор,* который напоминает о реакции, следующей за революцией, но не снимающей ее фундаментальных завоеваний, читатель, вслед за Троцким, не можем поставить под сомнение ни социалистический характер Октябрьской революции, ни то, что СССР идет по пути к социализму, ни даже существование рабочего государства.

Таким образом, благодаря «поправке» Троцкий не уступает аналогию «врагам революции», он вновь использует ее, чтобы защищать дело своей жизни. С этой точки зрения он действует, как и другие революционеры, большевики или меньшевики.

Действительно, большевики стараются «научно» доказать незаконность аналогии и тем самым защитить Октябрьскую революцию от любых подозрений в термидорианстве, меньшевики постоянно отодвигают до конца тридцатых годов момент узнавания термидора. Троцкий также находит способ избавиться от аналогии: парадоксально он ставит ее на службу теоретической мысли.

«Великий перелом» ставит Устрялова в затруднительное положение

В 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключает из партии оппозиционеров, потому что они выражали сомнения в существовании диктатуры пролетариата, используя термин «термидор». Идеологи партии пошли в атаку на аналогию, разоблачая ее родство с «устряловщиной» и меньшевизмом, в то время как историки-марксисты мобилизовали силы, чтобы с помощью «научных» аргументов положить конец практике сравнений. Наряду с этими скорее незначительными мерами применили еще одну, гораздо более эффективную: отказ от нэпа в 1928—1929 гг. Советская власть покончила с тем, что эмигрантские комментаторы рассматривали, как проявления термидора в экономике: с частной собственностью, свободой торговли, концессиями западному капиталу, кулаками и нэпманами.

> «Как оценивать нынешнюю стадию революции? — спрашивает Устрялов.— (...) А что если никакого спуска на тормозах вообще нет, и «кривая» революции так-таки и не снизится на зло западным примерам?» [54].

Мысли Устрялова ясно не определены, он не предлагает единственного ответа на свои вопросы. Кажется, он отказывается от аналогии, потерявшей свою аналитическую ценность:

> «Революция вступила на линию наибольшего исторического сопротивления. Отвергнув путь компромиссов... она как бы восстает против собственной плоти и крови во имя своей чистой идеи... она стремится к непрерывному самоуглублению» [55].

В 1934 г. в сборнике статей, выпущенном в Шанхае, Устрялов высказался еще более категорично по поводу подъема кривой: «Пятилетний план и коллективизация являются новым скачком революции после передышки, предоставленной нэпом»[56]. «Генеральная линия партии», восторжествовавшая в 1933 г., натолкнет его на вывод о том, что большевики сумели избежать перерождения и что дан окончательный ответ на вопрос Ленина «Кто кого?»: социализм торжествует.

Но, по-видимому, Устрялов дорожит аналогией, как если бы «Великий перелом» его ничуть не удивил. В самом деле, и мы уже это отмечали, Устрялов не совсем уверен в том, что Советская Россия пошла по пути, ведущему к буржуазному обществу того же типа, как на Западе. Его сомнения, едва ощутимые в начале 20-х гг., становятся все более явными по мере того, как политика Советского государства дает ему пищу для размышлений. Так, в 1924 г. после XIII съезда партии он заметил первое отклонение от того, что он ждал от эволюции большевизма.

> «Частный торговый аппарат стали душить не «бескровно», не экономической конкуренцией, а административно» [57].

После XIV съезда партии он был удивлен еще больше, т. к. съезд «проходил как истинный церковный собор ВКП(б)» [58]. Он отмечает, что речь идет о чертах, которые уже нельзя квалифицировать как буржуазные. В ряде статей [59] он задается вопросом о возможно возникшей особенности Советского государства, приписываемой grosso modo «кризису современной демократии, состоящем в ниспровержении принципов 1789 года». Русская революция принесла миру откровения: может быть, они спасут человечество?

В начале 30-х г. Устрялов, наконец, найдет объяснения «русским откровениям», которые позволят ему дать ответ. В книге «Немецкий национал-социализм» [60] он ставит на одну доску «ленинскую концепцию Советов, следуя которой они являются выражением рабочей демократии», план «корпоративного государства Муссолини» и немецкий национал-социализм. Все три формы представляют собой новые формы государства, противостоящие «старому облику буржуазных государств», и были заимствованы немецким национал-социализмом у итальянских фашистов, которые в свою очередь позаимствовали их у большевиков. Устанавливая эту преемственность, Устрялов признавал правоту Ллойд Джорджа, якобы назвавшего Ленина «первым великим фашистом наших дней» [61], и Каутского, который считал, что Муссолини подражал Ленину как обезьяна [62].

Разгром оппозиции в СССР и отказ от нэпа позволили Устрялову осознать особенность Советского государства. Он напоминает, изменяя при этом свои взгляды начала 20-х г., что он понимал под своим знаменитым изречением «Происходит спуск революции на тормозах»:

> «Правда, мы говорили о перерождении большевизма, о спуске на тормозах... не к капитализму, а к особой, смешанной, гибридной форме «культурного государства» с ярко выраженными авторитарно-этатическими, или, если угодно, гос. социалистическими моментами в его законодательной и всей социально-политической структуре» [63].

Это объяснение a posteriori также, как и мысли Устрялова о «болезни буржуазного общества» позволяют предположить, что он пытался вернуться к своему давнишнему анализу и обновить его. Если сначала Устрялов ратовал за установление буржуазного режима, то теперь он верил, что в конце «термидорианского пути» вырисовывался новый, еще неизвестной природы режим, являющийся результатом борьбы между эволюцией и тактикой. Природу государства, которое заменит СССР, невозможно определить при помощи обычных понятий, таких как «буржуазное» или «социалистическое», ибо диктатура большевиков представляет собой новый тип государства XX в., отличающегося своим «идеократическим пафосом» [64]. Эти государства являются носителями — во всяком случае хотят быть ими — догм, образующих концепцию мира, и выбор руководителей происходит там по идеологическим критериям [65]. Устрялов утверждал, что диктатура «идеократического» типа присуща Октябрьской революции; более того, он рассматривал это как имманентность русской историко-философской традиции, зародившейся с Чаадаевым, продолженной славянофилами, Достоевским, Тютчевым, Владимиром Соловьевым и «богоискателями» и нашедшей свое воплощение в большевиках: большевизм — это откровение России миру, выражение религиозной и философской идеи, пронизывающей ее существование.

Устрялов остается «певцом термидора», но его «песнь» не настолько старая и однообразная, как считает меньшевик Г. Аронсон. Если и правда, что Устрялов продолжает восхвалять большевиков, их эволюция — синоним термидора — кажется ему, однако, иной, чем банальное буржуазное перерождение. Он вычерчивает кривую, представляющую преобразование «коммунистической» диктатуры в диктатуру «термидорианскую», сходную с диктатурой итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. В начале 30-х гг. подобные прогнозы стали практически прописной истиной, может быть, не в меньшей мере, чем мысль о том, что такой тип диктатуры присущ русской традиции. Но то, что Устрялов включил в эту схему термидор, понимаемый как обязательный этап революции, последствия которого никто не знает наперед, придает его идее яркую оригинальность.

Действительно, понятие «термидор», как его понимал Устрялов до отказа от нэпа, включало в себя жестокий кризис, угасание и конец революционного процесса — эти три этапа он рассматривал как необходимые предписанные объективным ходом Истории условия соответствия Революции норме. Для него революция останавливается на термидоре в тот момент, когда, выполнив свое национальное предназначение, определенное Историей, она переходит границы достижимого и осуществимого. В соответствии с таким осмыслением великих революций Устрялов был убежден, что русская революция всего лишь осуществила свои предпосылки, что означало, учитывая международный контекст и нэп, установление буржуазного общества. Отказ от нэпа и «Великий перелом», предпринятый Сталиным, обрекали такую перспективу на исчезновение. Казалось, что аналогией больше оперировать нельзя. Однако, вместо того, чтобы полностью от нее отказаться, Устрялов возвращается к своим словам, набрасывая концепцию, согласно которой термидор уже более не является частью нормы, но скорее открывает собой новую норму. Новую не только по сравнению со старой, дореволюционной нормой, но также по сравнению с той, которую пыталась навязать революция в момент своего апогея и которая провалилась. Мы бы сказали сегодня, что термидор в понимании Устрялова — это разрешение для исторических альтернатив.

Заключение

Проще всего наложить русскую революцию на французскую: разве у русских революционеров не было своего Учредительного собрания, своего цареубийства, своего террора и своих Комитетов общественного спасения в форме ЧК и почему бы и нет,— своего термидора? При таком сопоставлении большевики предстают двойниками якобинцев, однако зеркальное отражение обманчиво. Русское Учредительное собрание было распущено, оно не принимало Конституции, царь не предстал перед судом... Можно было бы продолжить пробелы, но это лишено смысла — ведь ни понимание революции 1917 г. как повторения революции 1789 г., ни стремление полностью противопоставить обе революции не убедительны для историка.

Сравнительный подход, хотя он и необходим для понимания феномена революции, в конечном итоге заводит в тупик. Действительно, он оказывается ограничен рамками, свойственными любому рассуждению по аналогии: аналогия, если ее применять с научной строгостью, предполагает возможность установить четкую пропорцию подобий и различий. Однако то, чего добивается математик, недоступно историку, который, сравнивая, всегда рискует «видеть первую реальность лишь через призму второй и таким образом упустить из виду оригинальность, свойственную обеим»[1]. Историк-компаративист, столкнувшись с фактами, тщетно будет стараться установить, были ли большевики якобинцами, был ли Ленин Робеспьером, а Сталин — Бонапартом. Подобный подход слишком зависит от конъюнктурных и лежащих на поверхности явлений, слишком обязывает высказаться решительно и категорично и при этом остается в плену у полувекового прошлого, втягивая задним числом в страстную и полную драматизма дискуссию, разделявшую современников русской революции по вопросу: свершился ли термидор в Советском Союзе или же, наоборот, это было лишь необоснованное предположение? Конечно, было бы небезинтересно получить ответ на этот вопрос, но аналогия и для действующих лиц истории, и для историков — всего лишь гипотеза (скорее умозрительная и произвольная), необходимая для творчества, но в то же время не поддающаяся ни проверке, ни опровержению. Она не позволяет определенно высказаться о реальности советского термидора или появлении Бонапарта в России XX в. Идея аналогии вполне реальна, но это — реальность верований, мифов, и она принадлежит коллективному воображаемому[2]. Русские переживали собственную революцию, одновременно переживая в своем воображении революцию Французскую. Как таковая эта «реальность» оставалась неизученной.

Для советских историков «влияние» Французской революции раз и навсегда прекратилось на пороге 1917 г.[3] Западные историки не раз отмечали, что 1793 г. стал основной, даже навязчивой отправной точкой большевизма[4]. Но эта «навязчивость» не превратилась в объект особого изучения, хотя там и здесь в работах, посвященных политической истории двадцатых годов, были сделаны некоторые наметки для исследователя[5].

Следовало поэтому обнаружить, что особенного было в том, как русские, а потом советские люди использовали аналогии. Ведь в отличие от Французской революции, оказавшейся чем-то неожиданным несмотря на американский прецедент, действующие лица русской революции не были «поражены новизной переживаемой ими коллективной авантюры». Вопрос, сформулированный М. Вовелем по поводу Французской революции: «Революционная ментальность: наследие или новшество?»[6], перед Россией не вставал. Здесь к 1917 г. и вожди, и массы разделяли революционную ментальность, унаследованную от Французской революции и других европейских революций, а также от русского опыта 1905 г. Положение, сложившееся после 1917 г., отмечено удивительным, никогда ранее не виданным совпадением двух элементов: революционная ментальность, истоки которой в основном следует искать во Французской революции, и чрезвычайно широкое распространение знаний об этой революции. Такое совпадение привело к распространению аналогий, к росту числа ссылок на исторический прецедент: возник эффект зеркала, блестящий пример весомости коллективного воображаемого для общественной жизни и для функционирования власти.

Если следовать по маршруту аналогий, то видно, что они выполняют не только семантические функции, но и влияют на ход событий. Так, мы находим в истории русского революционного движения ряд метафорических подмен, которые служат для вытеснения стеснительной проблематики: как избежать трансформации революции в диктатуру, опирающуюся на террор, как избежать «возврата к деспотизму»? У декабристов метафорическое название проекта преобразований «Русская правда» отсылало к правосудию XII в. Народников вдохновляло противопоставление *старая Европа — молодая Россия* или *новый человек*. Большевики же вышли из положения, заявив, что они *якобинцы, неразрывно связанные с организацией пролетариата, осознавшего свои классовые интересы*. Заменив в 1922 г. на XI съезде партии понятие «термидор» на «мелкобуржуазное перерождение», Ленин снял проблему конца революции. Или, можно сказать, завершил серию метафорических субституций, которые наводят на мысль, что их употребление — это подсознательный способ уйти от неразрешимой для революционера проблематики.

Конечно же, в речах русских революционеров легко выявить неприятие модели Французской революции, но возникают серьезные сомнения в том, что это неприятие существовало на деле,

поскольку они сравнивали себя с французами. Во всяком случае, на пути этого постоянного отталкивания аналогии образуют достаточно провалов, в которых обнаруживается иное отношение к Французской революции. Прежде всего, имеются в виду маргиналы — якобинцы, которые объявляли себя таковыми. Затем, тех, кто отрицал родство,— а их большинство,— часто считали якобинцами. Так, современники считали якобинцами декабристов, Белинский восхищался Робеспьером, Герцен восхвалял «Неподкупного», а Чернышевский хотел бы на него походить. Нечаев путешествовал с томиком Робеспьера под мышкой. Что до народника Михайлова, он мог бы при благоприятных условиях стать Робеспьером. По словам Троцкого, «Максимилиан Ленин» им уже был... Короче говоря, трудность скорее состоит в том, чтобы найти кого-нибудь, кто не упоминал бы Робеспьера, Дантона, Вандею или Французскую революцию в целом.

Помимо речей, отвергающих революционную модель, аналогии позволяют обнаружить эмоциональное отношение к Французской революции, присутствующее в революционной ментальности, вскормленной на мифах, героике и пафосе, чьи корни восходят к детству, проведенному в среде, которую можно было бы упрекнуть в чем угодно, только не в безразличии к истории Франции XVIII в. Очевидно, что на уровне ментальности через поиск новой революционной идентичности происходило возвращение к первоначальной модели, а это, за отсутствием другого родства, неизменно приводило к якобинцу.

С этой точки зрения родство между якобинцами и большевиками, которое, по мнению современников, основывалось на общих идеях, и о котором по установившейся в историографии традиции всегда говорилось в рациональных терминах (организация партии, восстание, захват власти, диктатура), коренится очень глубоко, поскольку несколько поколений русских революционеров не могли обойтись без ссылок на революционеров французских. Когда аналогия «большевики-якобинцы» начинает распространяться, большевики, подобно своим предшественникам, занимают двойственную позицию: они претендуют на то, что являются революционерами нового типа в соответствии с требованиями пролетарской партии, но при этом охотно сравнивают себя с «великими якобинцами» 1793 г., принадлежавшими, однако, к буржуазной или мелкобуржуазной партии. Таким образом, аналогия являлась средоточием сомнений большевиков относительно своей собственной идентичности.

Но наиболее ярко перформативный[7] характер аналогий проявился с 1917 по 1940 гг., когда, как это ни удивительно, они трансформируются в действия. Первый эффект от аналогий носил политический характер: опираясь на французский опыт, Ленин в 1921 г. предпринял нэп как *самотермидоризацию*. Речь

шла о том, чтобы взять под контроль отступление революции, дабы избежать термидора, то есть ниспровержения диктатуры.

Этот маневр, поначалу для него тактический, был воспринят вне страны как повторение термидора, как изменение природы режима. К 1927 г. метафора нэп-термидор захватила коллективное воображаемое с такой силой, что Советская власть предприняла ряд мер против образов, которые эту аналогию питали: снова были предприняты попытки избежать термидорианской развязки, которую упорно предсказывали наблюдатели и даже сами действующие лица. Отказ от нэпа, а затем антинэповская политика положили конец питавшим аналогию уступкам капитализму. Как во время введения нэпа при Ленине, так и теперь новая попытка предохранить диктатуру предпринималась под влиянием коллективного воображаемого. Избежать падения, о котором напоминали ссылки на французский прецедент, меняя направление политики, положить конец эксперименту, который до сих пор позволял режиму выжить, значило повторить операцию такого же типа, как та, которую Ленин назвал самотермидоризацией.

К этим двум главным примерам превращения слов в деле, т. е. аналогии «нэп-термидор» в политику, следует добавить и еще один: слово «термидор», употребленное лидерами оппозиции или вмененное в вину всем оппозиционерам на XV съезде, обернулось исключением из партии, арестами и ссылками тысяч людей.

Вторую серию эффектов, произведенных аналогией «нэп-термидор», можно проследить в области формирования официальной исторической «науки» на службе у власти и через нее, следовательно, в области формирования коллективной памяти. В 1927 г., когда оппозиция стала пользоваться аналогией в программных документах и речах, историки-марксисты мобилизовали свои силы, чтобы дать отпор «ужасному слову». Они постановили, что их задача заключается в выработке единого взгляда на Французскую революцию. Декретируя конец разногласиям, они отказались от ранее одобряемого и даже развиваемого ими тезиса А. Матьеза о перерождении якобинцев *до* 9 термидора, поскольку согласиться с тем, что хоть какая-нибудь эволюция якобинцев ведет к концу революции, означало оставить открытой возможность подобного же падения большевиков. В то же время историки противопоставили «терроризм», т. е., по их словам, французский «юридический кретинизм», революционному террору, который проводился в Советской России, террору справедливому, но без правосудия, и поэтому менее кровавому. Таким образом, история Французской революции становилась славной страницей истории, но уже окончательно перевернутой и не имеющей никакого отношения к на-

стоящему. Ее герои оставались героями, но только как носители революционного духа. В остальном они были обречены как «мелкие буржуа». Историки подчеркнуто останавливались на якобинской диктатуре, но упорно игнорировали другие проявления французского опыта. Их работы свидетельствуют о том, что отфильтровывал идеологический фильтр, и в них вырисовывается единая концепция, где все сомнения и вопросы были «преодолены».

Операция, направленная на то, чтобы выявить различия между Октябрьской и Французской революциями, сопровождалась также усилиями «очистить» большевизм, изолировав его от «мелкобуржуазных» корней, народничества и русского якобинства. Именно в этой руководимой историками «борьбе» все общественные науки были сведены к наукам «пролетарским», представляющим единый идеологический фронт. В постулатах, разработанных этим фронтом, Октябрьская революция предстает вне связи с прошлым или с окружающим миром, но становится основополагающим событием, «научно» определяющим будущее всего человечества. Подобным образом смоделированная историография имела целью узаконить и поддержать власть партии, подменяя собой коллективную память с помощью учебников, построенных по шаблону в соответствии с идеологическими предрассудками. Возникновение аналогии с термидором повлекло за собой разработку советской философии истории, поставившей эпистемологическую преграду, едва поколебленную лишь в последнее время. Аналогия с термидором, с трудом принимаемая прочими революционерами, меньшевиками и оппозиционерами, мешала им еще и накануне Второй мировой войны отказаться от схематичного представления об СССР.

Если аналогия таким образом принималась действующими лицами революции, то у зрителей советской сцены она вызывала противоположный эффект: аналогия служила им пищей для размышлений о природе СССР и о революциях вообще. Хотя Устрялову и не хватало аргументов, он вел речь о том, что позднее назовут государством с тоталитарной тенденцией [8].

И в России, и в СССР воздействие Французской революции было многоплановым и удивительным: она внесла смятение в сознание людей и в то же время была вытеснена из их сознания как раз потому, что стала источником смятения. Можно предположить, что за той настойчивостью, с которой в Советском Союзе утверждалось о полнейшем отсутствии связи с французским прецедентом, скрывается на самом деле преемственность, угадываемая за нарочито громко провозглашаемым «различным классовым содержанием» революций. Различие идей и классов существовали на самом деле, но слишком настойчивое подчеркивание этой разницы превратилось в ширму,

за которой скрываются ценности и иллюзии, общие для революционеров XVIII в. и для всех их последователей вплоть до XX в. Якобинцы 1793 г., неоякобинцы 1848 и 1871 гг., «большевики-якобинцы» 1917 г.— все они выстраиваются в один ряд, игнорируя пропасть, разделяющую пролетарские и буржуазные революции, т. к. у всех революционеров один и тот же набор представлений о революции.

История аналогий показывает если не невозможность, то по крайней мере сложность создать тип революционера, отличный от первоначального мифа. Если большевики были якобинцами, то скорее из-за своего отрицания какого-либо родства с ними — отрицания, опирающегося на аналогии, чем из-за чистой преемственности идей. Действительно, по сравнению со своими предшественниками большевики изменились в плане идей, а не на уровне менталитета, где продолжала играть роль слепая убежденность. Таким образом, можно предположить, что преемственность двух революций объясняется симпатией к революционерам прошлого, но основывается на общем фундаменте политического и нравственного выбора, который выявляется после взятия власти, хотя большевики и рассуждают о том, что у них другая диктатура, другой террор и другой исход революции. В послереволюционные годы постоянно меняющаяся оценка аналогии «большевики-якобинцы» в высшей мере показательна для подтверждения преемственности, ощущаемой со стороны, но ускользающей от участников событий. Обвинения в якобинстве (терроре и диктатуре) и в термидорианстве, которые не давали покоя большевикам, кажется, не лишены оснований: идентичности революционеров соответствовало сходство их действий.

Означает ли это реабилитацию наивного представления? Речь идет скорее о том, чтобы выявить созидательную функцию воображаемого в советской действительности после 1917 г., когда завязалась игра возможного с невозможным. Ленин, хотя и знал из опыта Французской революции об исторически невозможном, сумел использовать его, чтобы открыть новые возможности, вступив благодаря нэпу на путь *самотермидоризации*. Сталин, убедившись в том, что он не может преодолеть невозможное в Истории, воплощенное во французском опыте, покончил с нэпом, дабы избежать термидора.

Таким образом, эти два ключевых момента в строительстве советского государства были ограничены возможностями воображаемого, которое в свою очередь сводилось к вариациям на тему Французской революции. Ликвидация нэпа или его сохранение: выбор одной из возможностей определял судьбу России, но был обусловлен судьбой якобинцев. Да и могло ли быть по-другому, если путь к неизвестному проходит через аналогии?

Примечания

Глава I

[1] Это признание Герцен сделал в письме к редактору газеты «L'Homme» гражданину Ш. Риберолю, опубликованному 22 февраля 1854 г. (**Герцен А. И.** Собр. соч. в 30-ти томах. М., «Наука», 1965, т. XXX, кн. 2, с. 502). В авторизованном русском переводе, опубликованном в качестве приложения к «Письмам из Франции и Италии» (изд. 1855 и 1858 гг.), Герцен счел нужным изменить текст: «Есть люди, которые... вживаются в великие предания XVIII века, поклонение французской революции — их первая религия...» (Указ. соч., т. V, с. 221). Эта перемена, убирающая личностную оценку и имена революционеров, вполне подтверждает двойственность отношения к Французской революции, о которой пойдет речь ниже. Заметим сразу же, что религиозность, отмеченная Герценом, свойственна и его последователям. Так, в 1889 г. ссыльные в Якутске решили послать адрес Французской республике к столетию революции. Один из них, И. И. Майнов, вспоминал: «На чтениях о Великой революции все мы были воспитаны как наши предки — на Четьи-Минеях. Сами французы того поколения, пожалуй, так не знали наизусть всех ее дат, так не восхищались ее героями, как наши саратовские гимназистики и воронежские кадетики. Мы прямо-таки летоисчисление вели с 14 июля 1789 года, как с года Рождества Свободы...» (Цит. по статье: Итенберг Б. С. Россия и столетие Великой французской революции. — История СССР, 1988, n° 2, с. 73).

[2] Этот дуализм отмечен Герценом в цитированном выше письме Ш. Риберолю: «Дело в том, что мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литературно, по ее праздничной одежде..., по исключительным событиям, в которых она не похожа на себя». При столкновении с действительностью, «которая теряется в грязи улиц», происходит шок, и тогда «русский... оскорблен в своей любви, в своем упования, он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые от избытка любви и доверия». В этих строках, переведенных для русского читателя, Герцен предпочитает умерить степень увлечения идеалом по сравнению с французским текстом, где можно прочесть: «...мы являемся в Европу, неся в душе ее собственный идеал, который стал нашей религиозной догмой, нашим знаменем» (Герцен А. И. Указ. соч., т. V, с. 219—220 и т. XXX, кн. 2, с. 500).

[3] **Плимак Е. Г.** Радищев и Робеспьер. — Новый мир, 1966, n² 6. В свое время статья вызвала резкое недовольство партийного руководства. В книге, вышедшей в условиях гласности, Плимак более уверенно развивает свои мысли о судьбе Радищева. (См.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., «Мысль», 1986).

[4] **Лотман Ю. М.** Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века. — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 167, 1965.

[5] **Радищев А. Н.** Путешествие из Петербурга в Москву. Полное собр. соч. М., 1938—1952, т. 1, с. 361.

[6] См. об этом: Лотман Ю. М. Указ. соч. с. 19.

[7] Там же, с. 20.

[8] Подробный анализ этого текста см.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч., гл. 2.

[9] **Радищев А. Н.** Песнь историческая. Указ. соч., т. 1, с. 121.

[10] Наследие Радищева кажется противоречивым и вызывает нескончаемые споры. Одни считают его «первым» революционером. Другие видят в нем родоначальника либеральной традиции, представляя его сторонником «философа на троне» и связывая «Путешествие из Петербурга в Москву» с общим политическим контекстом, в котором готовились реформы Александра I. (Об этой дискуссии см.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966).

[11] **Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.** Указ. соч., с. 77.

[12] Мнение Н. М. Карамзина о Французской революции в большей степени показательно, чем мнение Радищева, так как интеллигенция, критически настроенная к Западу, считала Карамзина своим духовным отцом.

[13] **Карамзин** путешествует по Европе (Германия, Швейцария, Франция, Англия) и проводит много времени во Франции, очевидно дважды побывав в революционном Париже. (Об эволюции его отношения к Французской революции см. статью: Лотман Ю. М. и Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. — В кн.: **Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.** Л., «Наука», 1984).

[14] **Карамзин Н. М.** Письма. Указ. соч., с. 454.

[15] По воспоминаниям близкого друга Н. И. Тургенева, Ю. М. Лотман считает, что личные встречи с Робеспьером также служат объяснением этой позиции Карамзина. Ведь в отличие от своих друзей, знавших Робеспьера по прессе, Карамзин, узнав о его казни, увидел перед собой «человека, его жесты и позу». (См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987, с. 124).

[16] Цит. по: Лотман Ю. М. «Отражение...». Указ. соч., с. 26.

[17] Война против Наполеона привела более трети будущих декабристов в Париж: офицеры, дипломаты, специально посланные, или просто путешественники они пребывали там иногда по несколько лет.

[18] **Тургенев Николай.** Россия и русские. М., 1915, т. 1, с. 60—61.

[19] **Довнар-Запольский М. Б.** Мемуары декабристов. Киев. 1906, с. 184.

[20] О влиянии французских авторов см.: Комарницкая Ж. О. Роль французской книги в формировании мировоззрения декабристов. — Труды Ленинградского института культуры имени Н. И. Крупской, т. XXXII, История русского читателя, вып. 2, Л., 1976, с. 6—28.

[21] **В. В. Пугачев** утверждает: «В конце XVIII в. революционные взгляды высказывал Радищев. Между ним и декабристами — интервал в полтора десятка лет. В это время, в первом десятилетии XIX в., ни революционеров, ни революционных идей, ни революционных организаций в России не было. Все попытки найти таковые не увенчались успехом». (См. его статью «О специфике дворянской революционности». В кн.: Освободительное движение в России, Саратов, 1971, вып. 1, с. 6).

[22] Этот отход обсуждался в советской историографии. М. Н. Покровский и Н. М. Дружинин считали, что декабристы всегда колебались между революцией и реформизмом. М. В. Нечкина, напротив, не сомневалась в их приверженности революции. (См. об этом: Пугачев В. В. Указ. соч., с. 5).

[23] Цит. по: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов (1816—1825). М., 1975, с. 46.

[24] Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг. т. II, Спб., 1913, с. 333.

[25] Цит. по: Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979, с. 75.

[26] Там же, с. 74.

[27] В частности, см. одно из последних изданий: Нечкина М. В. Декабристы. М., «Наука», 1983, с. 39.

[28] Подробнее об этом см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.-Л., Изд. АН СССР, 1958. Об отношении к якобинской диктатуре с. 261—262.

[29] Восстание декабристов. 1925, т. IV, с. 90.

[30] Вслед за Лениным советские историки объясняли тактику заговора «классовой ограниченностью» дворянских революционеров, боявшихся участия народа, способного, как они думали, только на пугачевщину. (См., например: Нечкина М. В., Указ. соч., с. 155).

[31] **Довнар-Запольский М. Б.** Указ. соч., с. 211.

[32] Анализ «Социально-политического трактата», подготовительной работы к «Русской правде», позволяет думать, что Пестель предполагал будущее государственное устройство в двух вариантах. В одном предусматривалась «демократическая монархия», в другом — республика, но «в любом случае им предусматривалось наличие сильной исполнительной власти, держащей в руках все нити правления». (Подробно об этом см.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч., с. 124—125).

[33] В 1815 г. в Париже Н. Муравьев встречался с Б. Констаном, книга которого «О сущности захвата и узурпации власти», оказала на него большое влияние. Он знал также аббата Сийеса, одного из авторов конституции 1795 г. (См.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 74).

[34] **Горбачевский Н. И.** Записки. Письма. М., 1963, с. 23.

[35] Там же, с. 14.

[36] «...вопрос (о свободе. — Т. К.), потрясавший Европу с 1789 г., разрешился отрицательно» (Герцен А. И. Указ. соч., т. V, с. 199). Удрученный драматизмом событий, Герцен проводит целый год в уединении, в Ницце, чтобы затем снова воспылать надеждой, на этот раз на Россию.

[37] **Герцен А. И.** Западные арабески. Il pianto. Указ. соч., т. X, с. 118. Н. П. Огарев выражается более пространно по этому вопросу: «Французская революция 1789 года надолго убила свободу на европейском материке уничтожением областной жизни, поглощением ее в государственном единстве. Все подчинилось будто бы свободной централизации. Централизованная республика проповедовала свободу посредством гильотины и дошла до действительной императорской централизации. С тех пор Франция стала неспособна к своему идеалу гражданской свободы...». (Огарев Н. П. Конституция и Земский собор. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. I, с. 635).

[38] Об особенностях «русского» социализма см: Ingerflom C. S. Le citoyen impossible. Les racines russes du léninisme. Paris, Payot, 1988.

[39] **Герцен А. И.** Журналисты и террористы. Указ. соч. т. XVI, с. 221.

[40] **Герцен А. И.** О развитии революционных идей в России. Указ. соч., т. VII, с. 170. Н. П. Огарев также приравнивает «императорскую революцию» Петра I к «революционно-философскому единодержавию» французской революции. («Революция и реорганизация». Указ. соч. т. I, с. 643).

[41] **Герцен А. И.** Мясо освобождения. Указ. соч., т. XVI, с. 28.

[42] Там же, с. 27.

[43] Вопрос о том, был ли Герцен либералом или революционером, который так часто поднимается в историографии, в данном случае не имеет значения. Ведь неоспорим тот факт, что у Герцена были сомнения относительно возможности решить социальные проблемы России революционным путем, а природу этих сомнений обусловила Французская революция.

[44] Там же, с. 28. (Подчеркнуто автором). Та же мысль была сформулирована в 1850 г. в «Письмах из Франции и Италии». (Указ. соч., т. V, с. 195).

[45] Там же, с. 27.

[46] Чернышевский Н. Г. Полное собр. соч. в 15-ти томах. М. 1949—1950, т. XIII, с. 197.

[47] Там же, т. VI, с. 416.

[48] Там же, т. VI, с. 13.

[49] Там же, т. IX, с. 351—352.

[50] Роман «Что делать?» имеет подзаголовок («Из рассказов о новых людях»). Как известно, Чернышевский называл так разночинцев, людей, представлявших все классы общества, порвавших с семьей, чтобы жить свободно, создавая новые человеческие отношения. Подчеркнем, что новые люди, главные действующие лица романа, представляют собой «тип людей», отличительной чертой которых является «обычность», все люди могут и должны стать новыми людьми. Среди этих людей Чернышевский выделяет Рахметова, «особенного человека». По сравнению с ними он душой и телом предан «делу» вплоть до отказа от личной жизни. (Оригинальный анализ «Что делать?», выходящий на ключевые проблемы русской истории, см. у Ingerflom C. S. Op. cit.).

[51] В то время как его друзья занимались организацией «Земля и Воля», Чернышевский, по свидетельству В. Короленко, «прекрасно понимал иллюзорность революционных амбиций». (Цит. по: Туган-Барановский М. И. Памяти Н. Г. Чернышевского. СПб., 1910, с. 13). В. Н. Шаганов, товарищ Чернышевского по ссылке, отмечал, что он «никого не призывал ни к бунту, ни к восстанию». (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, Саратов, 1958, т. II, с. 120). Е. В. Аничков рассказывает, что Чернышевский выступал против восстания и отдавал предпочтение «медленной работе», направленной на то, чтобы гражданское самосознание овладело массами. (Записки Русского научного института в Белграде, выпуск 1, Белград, 1930, с. 231). Н. Лесков был одним из первых читателей романа, заметивших то, что впоследствии будет умалчиваться советской историографией, как, впрочем, и западной: Чернышевский был сторонником поступательного развития. В то же время Лесков отбрасывал обвинения Чернышевского в утопизме Мора, а также всякие аналогии с Маратом, Робеспьером и Пугачевым. («Северная пчела». Санкт-Петербург, 24 и 31 мая 1863).

[52] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. IX, с. 352.

[53] Об установлении и использовании большевиками народной легитимности того же деспотического типа после 1917 г. см.: M. Ferro. Des soviets au communisme bureaucratique. Paris, Gallimard, 1980.

Глава II

[1] После покушения Веры Засулич на жизнь генерала Трепова (1878 г.) индивидуальный терроризм вошел в практику, расколов народников на сторонников насилия (Народная воля) и его противников (Черный передел). Серия террористических актов, совершенных в 1879—1880 гг., вызвала реакцию со стороны правительства, так что социальная напряженность, усиленная войной на Балканах, воспринималась извне как предреволюционная.

[2] Проследив по западно-европейской прессе за различными толкованиями русского кризиса 1878—1880 гг., Б. С. Итенберг сделал вывод, что они единодушны в оценке его по аналогии: Россия находится накануне своего

1789 года. (Итенберг Б. С. Россия на рубеже 70—80 годов XIX века и опыт Великой французской революции. — Французский ежегодник, 1976, с. 139—155). Тот же прогноз делали Маркс и Энгельс. 22 января 1878 г. Энгельс писал в итальянской газете *«La Plebe»*: «В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год. Каков бы ни был исход войны, русская революция уже назрела и вспыхнет скоро, — может быть, в этом году...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., М., 1957, т. 19, с. 124).

[3] До 1830 г. отмечалось сильное влияние экономического либерализма (Смит, Бентам, Сэй) на государственных деятелей, таких, как Мордвинов или Сперанский, и политического либерализма (Констант, Гизо, Тьер) на интеллигенцию в целом, в том числе на декабристов. После революции 1830 г. во Франции русская либеральная публика отвернулась от таких дискредитированных в ее глазах либералов, как Гизо, и заинтересовалась социалистами (Кабе, Фурье, Леру). В 40-е г. этот интерес уступил место определенным позициям, ставшим окончательно явными после 1848 г.: одни критиковали социалистические идеи, возвращаясь к либерализму, другие, наоборот, отталкивались именно от них.

[4] Осенью 1839 г. перед отъездом Белинского в Петербург они встречались в Москве в кругу друзей, который часто собирался вокруг писателя В. П. Воткина, а еще чаще вокруг Огарева. См. подробнее об этих встречах: M. Mervaud. Socialisme et liberté, la pensée et l'action de Nicolas Ogarev, Publications de l'Université de Rouen, Institut d'Etudes Slaves, Paris, 1984. Московские кружки-салоны, в которых бывали преподаватели университета, журналисты, писатели и актеры, были тогда по воспоминаниям современников «легкими, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль». (Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 6; Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., Academia, 1928, с. 393).

[5] Письмо В. П. Боткину от 15—20 апреля 1842. В кн.: В. Г. Белинский. Собр. соч. М., 1982, т. 9, с. 511.

[6] Письмо М. Бакунину от 12—24 октября 1838. В кн.: В. Г. Белинский. Указ. соч., с. 201.

[7] F. Venturi. Les intellectuels, le peuple et la Révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle, Paris, Gallimard, 1972, t. 1, p. 122.

[8] **Белинский В. Г.** Указ. соч., с. 484. О том, что Белинский «пристроился к общему направлению» см. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 210—211.

[9] Там же, с. 483.

[10] Там же, с. 484.

[11] Там же, с. 511.

[12] Там же.

[13] Письмо Т. Н. Грановского опубликовано в комментариях к переписке Белинского. (См.: Белинский В. Г. Письма, в 3 т. под ред. Е. А. Ляцкаго. СПб., 1914, т. II, с. 424—425).

[14] Там же, «Письмо Боткина к Герцену» от 28 мая 1842. (Выделенные слова по-французски в оригинале).

[15] Публикация в: Литературное наследство, т. 56, 1950, с. 80—82.

[16] Спор о буржуазии, едва затронутый в этой переписке, возобновился и принял размах в 1846—1848 гг., приведя к разрыву Герцена с Грановским.

[17] Такова точка зрения В. И. Кулешова, единственного, кто обратил внимание на этот спор. См.: В. И. Кулешов «Белинский и Грановский в споре о Робеспьере». (К вопросу об идейных противоречиях между демократами и либералами в 40-х гг. XIX века. — Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1958, n° 1).

[18] **В. Г. Белинский** в воспоминаниях современников. М., 1948, с. 159. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[19] Приблизительно в это же время (1840—1841 гг.) Н. П. Огарев обрек в образную поэтическую форму отождествления себя с Робеспьером в поэме «Юмор»:

Есть к массам у меня любовь
И в сердце злоба Робеспьера
Я гильотину ввел бы вновь.
Вот исправительная мера!
(Огарев Н. П. Избр. произв. М., 1956, т. 2, с. 18).

[20] **А. С. Пушкин** называл так декабристов, критиковавших «Историю государства Российского» Карамзина: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения». (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. М.—Л., 1949, т. 8, с. 67—68). Образ Пестеля, «кандидата в русские Робеспьеры» является общим местом. (См., например: Slonim M. De Pierre le Grand à Lénine, Paris, 1933, p. 44). После восстания декабристов призрак якобинцев не давал покоя царской полиции. Так, например, в одном из донесений 1827 г. читаем: «Люди, переходящие с места на место, объясняют крестьянам их положение. То же делают и священники. Учение этих сектантов привлекает внимание крестьян, и их очаги можно рассматривать как... якобинские клубы». (Крестьянское движение (1827—1869 гг.), под ред. Е. А. Мороховец, вып. I, М., 1931, с. 9).

[21] «Письмо из Петербурга» и «Письмо редактору» опубликованы соответственно 15 сентября и 1 октября 1858 г. С уверенностью нельзя сказать, кто их автор, хотя по некоторым признакам они наводят на мысль о Добролюбове. (Подробнее см.: «Бушканец Е. Г. О двух письмах в редакцию «Колокола». — Литературное наследство, т. 63, с. 662—667. Его же: Добролюбов и Герцен. В кн.: Проблемы изучения Герцена. М., АН СССР, 1963, с. 280—292).

[22] Письмо к редактору. — «Колокол», факсимильное изд. М., 1960. вып. 1, с. 205.

[23] Там же, с. 237.

[24] См.: «Колокол» от 15 декабря 1858, 1 января 1859, 1 и 15 апреля 1859 гг., где опубликованы письма протеста против «Обвинительного акта». Письмо, подписанное псевдонимом А. Спартанской и защищавшее точку зрения Чичерина, опубликовано в номере от 1 января 1859 г.

[25] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. V, с. 648.

[26] Письмо М. К. Рейхель от 6—7 апреля 1859 г. Герцен А. И. Указ. соч., т. XXVI, с. 252. В книге «Былое и думы» Герцен также упоминает об этой победе: «Чичерин компанию потерял — в этом для меня нет сомнения. Взрыв негодования, вызванный его письмом, напечатанным в «Колоколе», был общим в молодом обществе, в литературных кругах. Я получил десятки статей и писем» (т. IX, с. 249).

[27] Конечно, здесь намек на полемику между Белинским и Грановским. Но ведь расхождение, которое мы заметили между Радищевым и Карамзиным подходит под то же определение. Как отмечает Ю. М. Лотман, с Радищева и Карамзина «в русской общественной мысли начинают противопоставляться две тенденции: одна возлагала надежды на человека, другая на государство». (Лотман Ю. М. Отражение... Указ. соч., с. 31). По поводу споров между Белинским и Грановским в 1842 г. Герцен особо подчеркивает в «Былом и думах» поддержку со стороны молодежи (т. IX, с. 204).

[28] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. XIV, с. 379. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[29] **Н. Г. Чернышевский** в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 336.

[30] Текст прокламации переиздан в кн.: Лемке М. Политические процессы в России 1860-х годов. По архивным документам. Изд. 2-е, М.—Л., 1923, с. 513.

[31] Некоторые, противоречащие этому факты, установленные Ю. В. Куликовым, кажутся мне малоубедительными по сравнению с теми, о которых говорит Б. П. Козьмин. (Ср.: Куликов Ю. В. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» 1862 г. В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., т. II, М., 1962 и Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961).

[32] **Герцен А. И.** Молодая и старая Россия. Указ. соч., т. XVI, с. 203.

[33] **Б. П. Козьмин** предполагает, что прокламация «Предупреждение», полемизирующая с «Молодой Россией» по вопросу о якобинстве, была написана Н. Утиным и опубликована его кружком, принадлежавшим к организации «Земля и Воля». (Козьмин Б. П. Указ. соч., с. 284).

[34] **Герцен А. И.** Журналисты и террористы. Указ. соч., т. XVI, с. 222.

[35] Там же.

[36] См. письмо Заичневского некоему Андрею Михайловичу, написанное в 1889 г. (В кн.: Лемке М. М. Указ. соч., с. 521).

[37] Там же.

[38] См. об этом фундаментальное исследование Б. П. Козьмина. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». Указ. соч., с. 266—290.

[39] **Виленская Э. С.** Революционное подполье в России. 60-е годы XIX в. М., 1965, с. 389—414.

[40] 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов, член кружка Ишутина, покушался на жизнь Александра II.

[41] **Козьмин Б. П.** Н. В. Соколов, его жизнь и литературная деятельность. В кн.: Литература и история. М., 1969, с. 375—376, 440—441.

[42] **Кропоткин П. А.** Записки революционера. М.—Л., 1933.

[43] См.: F. Venturi, op. cit., p. 806.

[44] **Л. Дейч.** За полвека. Берлин, 1923, с. 167. Широко известно свидетельство В. Засулич о Нечаеве, человеке, «чуждом интеллигенции». Все историки также сходятся на том, что Нечаев почти не нашел поддержки среди народников. Ф. Вентури, разделяющий по этому вопросу мнение советских историков, пишет: «Мало кто последовал за Нечаевым до конца; многие выступили против него после первых же его заявлений. Еще большее число людей отошло от его образа мыслей и тактики, когда процесс закончился разоблачением его действий. И те, кто проявил враждебность по отношению к Нечаеву, положили начало новой стадии народничества». Цит. произв. т. 2, с. 787. См. также: M. Confino. Violense dans la violence. Le débat Bakounine—Nečaev, Paris, François Maspero, 1973, p. 73.

[45] **Тун А.** История революционных движений в России. Москва—Петроград. 1919; Корнилов А. Очерки освободительного движения при Александре II. М., 1909; Сватиков П. Общественное движение в России. М., 1905; Богучарский В. Активное народничество 70-х гг. и из истории политической борьбы в 70—80 гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

[46] **Козьмин Б. П.** От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». В кн.: Очерки по истории народничества. М., 1933, с. 131.

[47] **Седов М. Г.** Некоторые проблемы истории бланкизма в России. — Вопросы истории, 1971, n° 10, с. 48—49. Ткачева резко критиковали и в международном рабочем движении, в частности, Ф. Энгельс. (См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 62).

[48] Во Франции понятия «якобинство» и «бланкизм» обозначали разные, хотя и очень близкие, течения. Под влиянием рабочего движения часть бланкистов во главе с Тридоном к концу 1860-х гг. начала искать основы своей идеологии в традициях санкюлотов, а не в якобинской диктатуре. В России эти два понятия слились. Говорить о русских якобинцах равнозначно тому, что говорить о бланкистах и наоборот.

[49] **Николаевский Б.** Памяти последнего якобинца. — Каторга и ссылка, кн. 23, 1926, с. 211—227. В. Фигнер утверждает, что только Мария Ошанина, родом из Орла, ученица Заичневского, была сторонницей якобинства «Набат», по утверждению Фигнер, был малораспространен в России. (Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1922, ч. I, с. 164—165). Л. Дейч также свидетельствует о незначительном распространении идей Ткачева (Указ. соч., с. 169). П. Аксельрод считает, что многие были якобинцами «сами того не зная», и было «очень мало сознательных и последовательных якобинцев (Переходный момент нашей партии. — Община, n° 8—9, 1878, с. 22).

[50] Письмо Исполнительного комитета «Народной Воли» заграничным товарищам. — В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.—Л., 1965, т. II, с. 320—321. (Подчеркнуто авторами).

[51] **Фигнер В.** Указ. соч., с. 163—164. По мнению Д. Кузьмина «в народовольческой журналистике мы наблюдаем полное отсутствие всякого проявления якобинских тенденций за все время ее существования вплоть до февраля 1882 г. и после него, так что статья «Положение партии в данный момент» (в n° 8—9 «Народной Воли») с ее чисто якобинской идеей захвата власти является в этом отношении исключением». Кузьмин объясняет его тем, что автор статьи В. С. Лебедев находился под влиянием М. Ошаниной, а, может быть, она и писала письмо. (См. об этом: Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930, с. 101 и далее).

[52] До такой степени, что Б. Николаевский рассматривает молчание, которым народники обходят в своих воспоминаниях встречи и полемику с якобинцами, как средство не говорить об этом плохо (Указ. соч., с. 212). Н. А. Морозов рассказывает, как Д. Клеменц, член «Земли и Воли», был возмущен его намерением поместить статью в «Набате»: «Это безумие, — восклицал он. — Твое имя окажется рядом с именем Ткачева! (...) В России нет ни одного революционера, который рассматривал бы возможность взять власть в результате заговора». (Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1965, т. II, с. 481—482).

[53] «Земля и Воля» от 15 декабря 1878. В кн.: Революционная журналистика 70-ых годов, с. 108.

[54] «Народная Воля», 1881, n° 6.

[55] Ответ С. М. Кравчинского на письмо Исполнительного комитета «Народной Воли». В кн.: Революционное народничество..., т. II, с. 345.

[56] **Фигнер В.** Указ. соч., с. 194.

[57] Письмо П. Аксельрода к южным народникам, осень 1880. В кн.: Революционное народничество..., т. II, с. 166.

[58] «Черный передел. Орган социалистов-федералистов» от 15 января 1880.

Глава III

[1] Стараясь привлечь народовольцев на свою сторону, марксистская группа «Освобождение труда», руководимая Плехановым, избегала слишком задевать их по поводу терроризма. Это хорошо видно при сравнении двух программ группы: программы 1884 г., «признающей необходимость терроризма в борьбе против абсолютизма», и программы 1888 г., составленной в момент, когда «Народная Воля» окончательно потеряла авторитет. Здесь уже основным средством борьбы называлась пропагандистская работа, а террористические акты — лишь крайним средством (Плеханов Г. В. Сочинения. М.—Л., 1926, т. II, с. 361 и 402). Зато газета «Искра», руководимая Плехановым и Лениным, вела ожесточенную компанию против террористической тактики социалистов-революционеров в 1901—1902 гг.

[2] **Поссе В. А.** Мой жизненный путь. М.—Л., 1929, с. 321. Поссе — активный деятель легального марксизма, редактор и издатель легального марксистского журнала «Жизнь». Его отношение к «клубу» Плеханова можно рассматривать как типичное для многих русских интеллигентов, идущих за

Толстым и Кропоткиным и одновременно увлекающихся Марксом: «Речи Ленина и Плеханова меня взволновали и заставили серьезно задуматься, могу ли я работать в союзе с теми, кто считает, что каждый социал-демократ должен быть террористом à la Робеспьер... Задуматься приходилось тем более, что ближайший мой товарищ... В. Д. Бонч-Бруевич подписывался под каждым словом речей Плеханова и Ленина. Якобинцем я быть не мог... и в конце концов решил, что мне лучше уйти из марксистского клуба, основанного Плехановым.» (Там же, с. 322).

[3] Там же.

[4] Цит. по статье: Рулий В. Плеханов и террор. — Под знаменем марксизма, n° 6—7, 1923, с. 33.

[5] **Плеханов Г. В.** Столетие Великой революции. — Сочинения. Москва—Петроград, 1923, т. IV, p. 64.

[6] **Ленин В. И.** С чего начать? — Полное собрание сочинений (ПСС). 5-е изд. М., 1960, т. 5, с. 7.

[7] **Ленин В. И.** Революционный авантюризм. ПСС, т. 6, с. 386. О том же см.: т. 5, с. 8.

[8] **Ленин В. И.** К оценке русской революции. ПСС, т. 17, с. 49—50.

[9] ***Ленин** черпал знания по истории Французской революции из книг* Ж. Жореса, А. Олара, П. Кропоткина, Г. Кунова. В своих размышлениях о *якобинской диктатуре он опирался на Маркса и Энгельса в публикации* Ф. Меринга Aus dem literarischen Nachla von KK. Marx, F. Engels, und F. Lassalle. Hrgs. uon F. Mehring. BD. II. Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels. Von Juli 1844 bis November 1847. Stuttgart, Dietz, 1902. Ленин также прочел «Святое семейство», но критика якобинского террора Марксом не побудили его сделать комментарии.

[10] **Ленин В. И.** Революция типа 1789 или типа 1848 года? ПСС, т. 9, с. 380. Рукопись по всей вероятности не предназначалась для публикации. Она была напечатана только в 1926 г.

[11] **Ленин В. И.** Доклад об Объединительном съезде РСДРП. ПСС, т. 13, с. 54.

[12] **Ленин В. И.** Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. ПСС, т. 10, с. 134.

[13] **Ленин В. И.** Социал-демократия и временное революционное правительство. ПСС, т. 10, с. 14.

[14] **Ленин В. И.** Доклад об участии... ПСС, т. 10, с. 138. Цитата заимствована из статьи Маркса «Буржуазия и контрреволюция».

[15] **Ленин В. И.** О врагах народа. ПСС, т. 32, с. 307. После прихода к власти речь Ленина заметно изменилась: в ней стало преобладать условное наклонение, выражающее сомнение. Так, в 1919 г. когда Бухарин предложил ограничить карательные функции ЧК, Ленин назначил его представителем Политбюро с правом вето в коллегии ЧК. «Пусть отправляется туда, — сказал Ленин, — постарается удержать террор в некоторых рамках, **если** это возможно. Мы будет счастливы, **если** ему это удастся». (Цит. по: Nikolaevskij B. I. Les dirigeants soviétiques et la lutte pour le pouvoir. Paris, Danoël, 1969, p. 29—30. Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[16] **Мартынов А.** Две диктатуры. Женева, 1905, с. 8, 12—13.

[17] Там же, с. 15.

[18] Там же, с. 49.

[19] Там же, с. 58. Те же аргументы находим в статье Плеханова «К вопросу о захвате власти». (См.: Плеханов Г. В. Сочинения. Указ. соч., т. XIII, с. 207).

[20] **Мартынов А.** Указ. соч., с. 10—11.

[21] Там же, с. 66—67.

[22] Протоколы четвертого (объединительного) съезда РСДРП. М., 1934, с. 61.

[23] **Ленин В. И.** Объединительный съезд РСДРП (апрель 1906). ПСС, т. 12, с. 362.

[24] Там же, с. 363.

[25] **Плеханов Г. В.** На пороге XX века. — Сочинения. Указ. соч., т. XII, с. 65.

[26] Журнал, выходивший в Женеве (1899—1902) под руководством Б. Кричевского, И. Теплова, В. Ивашина, А. Мартынова.

[27] **Аксельрод П. Б.** Объединение российской социал-демократии и ее задачи. — «Искра», nn° 55, 57.

[28] **Мартынов А.** Указ. соч., с. 5.

[29] Протоколы четвертого... Указ. соч., с. 145.

[30] **Ленин В. И.** Шаг вперед, два шага назад. ПСС, т. 8, с. 368—370.

[31] **Ленин В. И.** Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС, т. 11, с. 48.

[32] **Ленин В. И.** Доклад об участии... ПСС, т. 10, с. 139.

[33] **Ленин В. И.** Две тактики..., ПСС, т. 11, с. 47; Политические софизмы, т. 10, с. 201.

[34] **Ленин В. И.** Русская революция и задачи пролетариата. ПСС, т. 12, с. 210—211; Две тактики..., т. 11, с. 47; Доклад об участии..., т. 10, с. 138.

[35] ***Ленин В. И.** О временном революционном правительстве. ПСС, т. 10,* с. 246.

[36] ***Ленин В. И.** Задачи русских социал-демократов. ПСС, т. 2, с. 459.*

[37] **Ленин В. И.** Две тактики..., ПСС, т. 11, с. 69.

[38] Критику бланкизма см.: ПСС, т. 13, с. 76; т. 16, с. 9—10; т. 17, с. 416.

[39] **Ленин В. И.** Что делать? ПСС, т. 6, с. 135—136.

[40] **Акимов В.** Принципы старой «Искры». Материалы для характеристики развития российской социал-демократической рабочей партии. Женева, 1904, с. 95.

[41] **Рязанов Д.** «Сверху» или «снизу». В кн.: Разбитые иллюзии. К вопросу о причинах кризиса в нашей партии. Женева, 1904, с. 88.

[42] **Аксельрод П. Б.** Письмо к Каутскому от 6 июня 1904. — Искра, 1904, n° 68.

[43] См. ее статью Организационные вопросы русской социал-демократии. — «Искра», 1904, n° 69. Точка зрения Г. Парвуса изложена в: «Искра», 1905, n° 111, 112.

[44] **Троцкий Л.** Наши политические задачи. Женева, 1904. Имеется в виду первый параграф устава партии, как известно, по-разному сформулированный Лениным и Мартовым.

[45] **Троцкий Л.** Отчет сибирской делегации. II съезд РСДРП. Женева, 1903, с. 29.

[46] Там же, с. 30. (Подчеркнуто автором).

[47] **Троцкий Л.** Наши политические задачи. Указ. соч., с. 95.

[48] Там же, с. 99.

[49] Там же, с. 98.

[50] Там же, с. 100. Вопрос сформулирован Аксельродом в статье: Объединение российской социал-демократии...

[51] Для подтверждения распространенности этой идентификации среди большевиков он ссылается на документ, исходящий от рядовых членов ленинской партии: «Ответ представителей комитетов Уфы, Среднего Урала и Перми на письмо Центрального органа». Троцкий назвал его «Уральский манифест».

[52] **Ленин В. И.** Что делать? ПСС, т. 6, с. 171.

[53] **Trotski L.** Lénine. Paris, 1925, с. 58.

[54] **Мартов Ю. О.** Вперед или назад? — Искра, 1904, Приложение к n° 67.

[55] **Троцкий Л.** Наши политические задачи..., с. 96.

Глава IV

[1] A. Aulard, «Deux révolutions 1789—1917», dans «Histoire des Soviets», publiée sous la direction de M. Henri de Weindel, Paris, 1922, p. 9.

[2] V. Serge, «L'An I de la révolution russe. Les débuts de la dictature du prolétariat», Paris, 1930, p. 419. Профессор А. В. Чаянов, репрессированный экономист-аграрник, также использовал революционный календарь для названия одного из своих литературных произведений: «Венедиктов, или достопамятные события жизни моей. Москва, V год республики».

[3] E. Labrouse, «Comment la Révolution française explique et justifie aves éclat l'héroïque histore de la révolution russe», «L'Humanité», 6 novembre 1921.

[4] A. Aulard, op. cit., c. 9; см. также его статью «Les Soviets et la Révolution», «Floréal», 24 janvier 1920, p. 77.

[5] K. Kautsky, «Die Dictatur des Proletariats», Vienne, 1918. По-французски: La dictature du proletariat, Paris, éd Bourgevis, 1972, p. p. 220, 271.

[6] **П. Струве.** Размышления о русской революции. София, 1921, с. 32—33.

[7] E. Labrousse op. cit.

[8] A. Mathiez. Le bolchevisme et le jacobinisme, Paris, 1920, p. 1.

[9] **А. А. Гольденвейзер.** Якобинцы и большевики. Берлин, 1922, с. 8.

[10] **И. Безработный** (псевдоним Д. З. Мануильского). Две революции, *Петроград, 1918; А. Самохвалов. Две революции. Нижний Новгород*, 1919; В. Быстрянский. Революция буржуазная и революция пролетарская, Петроград, 1920.

[11] **О. А. Волькенштейн.** Как и почему возникла Великая французская революция 1789 года. Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов, Петроград, 1919; Г. Линдов, Великая французская революция. Петроградский совет..., Петроград, 1919; Бакс. Великая французская революция. Петроградский совет..., Петроград, 1919; Э. К. Пименова. Очерки Великой французской революции. Петроградский совет..., Петроград, 1919.

[12] **А. Стражев.** Как французы добыли и потеряли свою свободу. Серия «Революция и История», М., 1917; Великая французская революция. Москва—Петроград, Коммунист, без года; Е. Ефимова. Великая французская революция. Народная библиотека, М., 1917; Народ и Учредительное собрание. Издано Ю. Д. Маковским, Народные чтения, М., 1917; В. Филатов. Социализм во время Великой французской революции. Народная библиотека, М., 1917.

[13] Взятие Бастилии. Очерк. изд. Пролетарская мысль, Петроград, 1918; Взятие Бастилии. без года.

[14] **К. Н. Беркова.** Процесс Людовика XVI. Петроград, 1920.

[15] **В. Третьяков.** Французские революционные войны 1792—1796, М., 1919.

[16] **Б. Никольский.** Права гражданина. М., «Практические занятия», 1917; Г. Гурвич. Руссо и Декларация прав 1789 года. Петроград, 1918. См. также статью о veto короля в журнале Министерства народного просвещения: Л. Холостов. Прения о вето короля, Журнал..., т. LXXVII, ноябрь—декабрь 1917, Петроград, 1917.

[17] **Е. Васильева.** Из истории Великой французской революции. Учредительное собрание 1789—1791. Изд. 2-е, М., 1917; Е. Шведер, Учредительное собрание в 1789 году во Франции. М., 1917.

[18] **Д. Шиковский.** Люди и нравы Французской революции. Перевод с немецкого, *Москва—Петроград*, 1922; Р. А. Пельше, «Нравы и искусство французской революции», Петроград, 1918.

[19] **М. С. Попов.** Французская революция и религия, Петроград, 1919.

[20] **А. Овсянников.** Последние дни Людовика XVI по песням Великой французской революции, Петроград, 1921. Его же: Великая французская революция в песнях современников, Петроград, изд. 2-е, 1922.

[21] **С. А. Фалькнер.** Бумажные деньги Французской революции. М., 1919; А. Смирнов. Кризис денежной системы Французской революции, М., 1921.

[22] **С. Лозинский, Мирабо.** Петроград, 1917.

[23] **И. И. Скворцов—Степанов.** Марат и его борьба с контрреволюцией. Петроградский совет..., Петроград, 1918. С 1918 по 1921 гг. эта книга издавалась пять раз.

[24] **Я. М. Захер.** Сен-Жюст, жизнь, деятельность, идеология, Петроград, 1922.

[25] **Н. М. Лукин.** Робеспьер. Петроград, 1919.

[26] **А. Олар.** Политическая история французской революции. Петроград, Петроградский совет..., 1918; В. Блос. История французской революции. Петроград, Петроградский совет, 1919; П. Кропоткин. Собрание сочинений, т. II. — Великая французская революция. Петроград, 1918; Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., М., 1919; Ж. Мишле. Кордельеры и Дантон, Петроград, 1920.

[27] Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы. Под ред. Е. Тарле, Петроград, 1918—1919; Дантон. Министр юстиции французской революции. Его речи, Петроград, 1917; Процесс жирондистов. Петроград, 1919.

[28] Материалы 1-го всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921, с. 41. См. анализ этого источника: M.—H. Mandrillon, «L'image de l'enfant dans la presse eugénique dans les années vingt soviétiques», dans «L'évolution des modèles familiaux dans les pays de l'Est et en URSS» sous la direction de B. Kerblay, Institut d'Etudes Slaves, 1988, pp. 41—46.

[29] 5-ый том его «Die Geschichte des achtsehnten Jahrhunderts...», посвященный Французской революции, был переведен на русский язык в 1859 г. Чернышевским.

[30] Цит. по: Б. Г. Вебер. Историографические проблемы. М., Наука, 1974, с. 203.

[31] **Д. И. Илловайский.** Новая история. Курс старшего возраста. М., 1878, с. 196—197.

[32] Концепция В. И. Герье выработана на основе французской историографической традиции, представленной Токвилем и Тэном. Можно говорить об истинном культе Токвиля в России и создателем этого культа был Герье. «Старый режим и революция» был переведен на русский язык четыре раза и неоднократно переиздавался до 1917 г. И. Тэн также был хорошо знаком русской публике: в 1887, 1889—1890, 1894—1895 гг. Герье написал серию статей, посвященных творчеству Тэна, писателя и теоретика, и в частности, его интерпретации Французской революции. Почти все работы Тэна были переведены *на русский язык после их публикации во Франции*. «Истоки современной Франции» в пяти томах вышли на русском языке в 1907 г., а затем переиздавались.

[33] **В. И. Герье.** Идея народовластия и французская революция 1789 года. СПб., 1904.

[34] **В. И. Герье.** Французская революция 1789—1795 в интерпретации И. Тэна. СПб., 1911.

[35] **П. Н. Ардашев.** Новая критика Тэна. Киев, 1910. Автор защищает Тэна от критики А. Олара, высказанной последним в книге A. Aulard, «Taine historien de la Révolution».

[36] **П. Г. Виноградов.** Учебник всеобщей истории. Часть III. Новое время. М., 1908, с. 159, 161.

[37] Народники уже пытались приобщить мужиков, рассказывая им историю одного французского крестьянина по инсценировке Эркман—Шатриана, одна из пьес которого о Французской революции была также инсценирована (См.: «История одного французского крестьянина. Книга сия написана французским крестьянином в знак братской любви к русским кре-

стьянам», Женева, 1873). Рабочие также получали сведения о Французской революции: в одну из учебных программ, предназначенных для революционеров, ведущих пропаганду среди рабочих в Петербурге в 1886 г., была включена книга Н. И. Кареева о крестьянском вопросе во Франции конца XVIII века. (См. Б. С. Итенберг. «Первая в России книга о французской буржуазной революции конца XVIII века». «Вопросы истории», 1988, № 11, с. 126).

[38] **Е. Ефимова,** Указ. 102, с. 71.

[39] Там же, с. 70.

[40] **Ю. О. Мартов.** Накануне русского термидора. — «Вперед», 22 (9) марта 1918. Интернационалисты (Мартов, Аксельрод, Мартынов) представляли левое крыло меньшевиков, выделившееся в 1914 г., когда они выступили против войны и не разделили патриотические чувства своих друзей, призывавших к «гражданскому миру» перед лицом внешней опасности.

[41] За исключением особо оговоренных случаев термин «национальный» связан с обозначением не национальности, но государственности. Аналогия затрагивала и большевиков и правых социал-демократов, пытавшихся в то время организовать «общенациональный центр», нечто вроде союза всех политических сил для защиты родины. Совпадение взглядов большевиков и правых социал-демократов по вопросу о национальной обороне задевало интернационалиста Мартова, считавшего интересы Социалистического интернационала приоритетными по сравнению с теми, которые были, по его мнению, узконациональными и послужили причиной перерождения демократии в термидорианской Франции.

[42] Те же проблемы были затронуты и другими меньшевиками, использующими без нюансировки термины «термидор» или «бонапартизм». Так, например, В. О. Левицкий в письме П. Б. Аксельроду от 16 июня 1918 года писал, что «опыт, начатый во имя диктатуры пролетариата, привел к диктатуре над ним и против него», автор делает заключение, что «это подлинно бонапартистский режим» в кн. Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 64).

[43] **А. Измайлович.** Послеоктябрьские ошибки. М., 1918.

[44] Там же, с. 4.

[45] «Иностранное вмешательство, внутренняя контрреволюция — все это не может сломить революцию, когда сам трудовой народ в своей массе двигает ее». (Там же, с. 4.)

[46] Там же, с. 30.

[47] Там же, с. 28.

[48] Там же, с. 15.

[49] И. Н. Штейнберг. Почему мы против Брест-Литовского мира? М., 1918, с. 24.

[50] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 24.

[51] Несмотря на глубокое разочарование, вызванное у «левых коммунистов» политикой отступления, Ленин и партия по-прежнему являются в их глазах воплощением революции. Так, когда левое крыло эсеров, выступив против Брест-Литовского договора, предложило свою поддержку, чтобы отстранить Ленина, руководители «левых коммунистов» от этого предложения отказались.

[52] **Н. М. Лукин,** профессор Московского университета с 1915 г., был одним из немногих дореволюционных университетских преподавателей, примкнувших к большевикам. С 1904 г. он ведет пропагандистскую работу в рабочих районах Москвы, печатается под псевдонимом «Антонов» в выходящей легально большевистской газете «Наш путь». С первых дней Февральской революции состоит в редколлегии газеты «Социал-демократ», а с 1918 г. сотрудничает в «Правде». В двадцатые годы Лукин один из тех, очень немногих, кто закладывал фундамент советской исторической науки.

Он пишет первые учебники по новейшей истории, руководит изданием многотомной «Всеобщей истории». Его образ учителя и наставника утверждается через Общество историков-марксистов и журнал «Историк-марксист». Он известен как один из основателей советской школы историков Французской революции. В 1936 г. Лукин стал директором Института Истории АН СССР. В 1938 г. был арестован и погиб в тюрьме двумя годами позже.

ГЛАВА V

[1] Мы вновь находим аналогию в печатном органе меньшевиков «Социалистический вестник» (1921—1940, Берлин, затем Париж), в кадетской газете «Последние новости» (1920—1940, Париж) или же в газете эсеров «Воля России» (1922—1932, Прага). Газета монархистов «Руль» (1920—1931, Берлин) и орган правых эсеров «Дни» (1922—1928, Берлин, затем Париж), издания, наиболее враждебно настроенные к революции и Советской власти, также обращаются к аналогии.

[2] См.: «Социалистический вестник», 16 сентября 1921, с. 14; Н. В. Устрялов. Patriotica. В сб. «Смена вех». Прага, 1921, с. 69; Б. Мирский. В изгнании. Публицистические очерки. Париж, 1922, с. 104, 107. Находившиеся в эмиграции русские следили за событиями в Советской России, постоянно думая о Французской революции. Они обращались к образу «французского термометра» или «французского календаря» и по-видимому, эмигрантам полюбилось остроумное выражение поэта Федора Сологуба: «Октябрьская революция — это обезьяна Французской». (Об этом в кн.: Р. Гуль. Я унес с собой Россию. Нью-Йорк, 1981, т. I, с. 167).

[3] «Социалистический вестник», 6 декабря 1930.

[4] Биографиеские данные см.: «Большая советская энциклопедия», изд. 1 и 2; «Известия юридического факультета. Высшая школа в Харбине». Харбин, 1925, т. 1, с. 239—240; Н. В. Устрялов. Из прошлого. В кн. Под знаком революции. Изд 2-ое, Харбин, 1927 (далее ПЗР).

[5] «Смена вех», 1921, № 3, с. 15.

[6] Там же. См. об этом: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Ymca-Press, 1980.

[7] Сборник вышел в Праге летом 1921 г. Его название должно было напомнить читателю о другом сборнике — «Вехи», который, выступив как рупор интеллигенции, в 1909 г. осудил революцию. Авторы «Смены вех» пытались оправдать Октябрьскую революцию. Все авторы сборника: Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин, за исключением монархиста-консерватора А. В. Бобрищева-Пушкина, были видными деятелями партии кадетов.

[8] В статье «Patriotica» собраны отрывки из книги «В борьбе за Россию», вышедшей в 1920 г., цитаты из последних работ Устрялова и его статья «Путь термидора», появившаяся в Харбине в газете «Новости жизни».

[9] Действительно, терпимость, о которой свидетельствует все написанное Устряловым и другими сменовеховцами, явно отличается от довлевшего над эмигрантами чувства ненависти, которое выражалось даже в названиях их обильной печатной продукции. (См., например: М. Горелов. Дьявол у руля! Заметки о большевизме. Берлин, 1920; В. Бурцев. Будьте прокляты большевики! Париж. 1919; Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, В. Злобин, Царствование Антихриста. Мюнхен, 1921).

[10] У сменовеховцев было много печатных органов. В Париже выходил еженедельник «Смена вех», в Берлине — газета «Накануне» с приложениями, у которой были подписчики по всей Европе. Грузинские эмигранты в Париже, русские, бежавшие в балканские страны или в Харбин, издавали

свои собственные газеты, представлявшие это течение. Названия этих изданий часто отражали надежду на национальное обновление: «Новая Россия» в Софии, «Новый путь» в Риге, «Новая Грузия» в Париже. До 1925 г. сторонники «Смены вех» внутри Советской России имели разрешение на издание своей литературы. Тираж их основной газеты «Россия», издававшейся в Москве, достигал иногда 15 тысяч экземпляров. Журналы «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль», «Слово и мысль», хотя они и недолго издавались, свидетельствуют о том, что внутри страны идеи сменовеховцев получили широкое распространение.

[11] См., например, большие статьи по вопросам этики, о политическом идеале Платона или же понятии государства: «О фундаменте этики» (известия юридического факультета. Высшая школа в Харбине», т. 3); «Этика Шопенгауэра» (там же, т. 4); «О политическом идеале Платона» (там же, т. 7); «Понятие государства» (там же, т. 9); «Проблема прогресса» (там же).

[12] «Смена вех», № 16, 11 февраля 1922.

[13] Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова. Публикация М. Агурского в «Slavica hierosolymitana», 1981, vol. V—VI, с. 556.

[14] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. V.

[15] Там же.

[16] «Переписка...», Указ. соч., с. 554.

[17] Там же.

[18] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 112.

[19] Там же, с. 69.

[20] Там же, с. 111.

[21] Там же, с. 5, 36, 108.

[22] Там же, с. 89.

[23] Там же, с. 4.

[24] Там же, с. 107.

[25] Там же, с. 68.

[26] **Н. Устрялов.** Patriotica. Ук. соч., с. 65.

[27] Там же.

[28] Там же, с. 61.

[29] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 111.

[30] **Н. В. Устрялов.** Patriootica. Указ. соч., с. 56.

[31] Там же, с. 53.

[32] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, стр. 111.

[33] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 61.

[34] Там же, с. 63.

[35] Там же, с. 69.

[36] См., например: Б. Мирский. 14 июля, «Последние новости», 14 июля 1921. Борис Мирский (псевдоним М. В. Миркина-Гецевича) — профессор юридического факультета Петроградского университета. Эмигрировал в 1920 г. Преподавал в Парижском университете и Национальной школе восточных языков, знакомя французов с международным правом и конституционным правом Центральной и Восточной Европы. Самые известные его работы: Les Constitutions de l'Europe nouvelle», Paris, 1928; «Les Déclarations des droits de l'homme. Textes constitutionnes concernant les droits de l'homme et les garanties des libertés individuelles dans tous les pays», Payot, Paris, 1929; «L'intluence de la Révolution française sur le développement du droit international dans l'Europe centrale», Paris, Hachette, 1929; «La Constitution de l'Union des républiques soviétiques socialistes», dans «Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger», janvier-mars, 1925.

[37] Сочинение А. Сореля «Европа и Французская революция» в восьми томах было переведено на русский язык в 1908 г. Существует также его краткое изложение, составленное Т. А. Богдановичем: «Франция и Европа на грани XIX века».

[38] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 70.

[39] **Б. Мирский.** Путь термидора. «Последние новости», 3 марта 1921; газета, издававшаяся П. Н. Милюковым, скептически относилась к идеям сменовеховцев.

[40] Дав своей статье «Путь термидора» то же название, что и у Мирского, Устрялов как бы заявлял читателям о своем намерении «усвоить урок французского» в противовес тем, кто злоупотреблял термином. (Н. В. Устрялов. Patriotica. Указ. соч., с. 69.)

[41] **Б. Мирский.** Путь термидора. Указ. соч.

[42] Там же.

[43] В появившейся через несколько месяцев статье «После термидора» Устрялов еще сильнее настаивает на бесполезности подобного сравнения: «Если жить в России по календарю Французской революции, можно зайти в тупик». («Смена вех», № 9, с. 7).

[44] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соз., с. 68.

[45] Уже в феврале 1920 г. Устрялов говорил в интервью газете «Вестник Маньчжурии» о своей гипотезе наступления «экономического Брест—Литовска» для большевизма. В марте, в статье «Перспективы», он так описывает свое видение будущего: «По логике вещей большевизм будет эволюционировать от якобинства к наполеонизму (не в смысле конкретной формы правления, но в смысле общего направления)». (В борьбе за Россию. Указ. соч., с. 13). После Кронштадтского восстания, откликаясь на первые новости о нэпе, только что — как он это и предвидел — введенном, Устрялов подтверждал свои предвидения — лозунги: «Мир с мировой буржуазией», «уступки иностранному капиталу», «отказ от незамедлительного построения коммунизма» представляют собой достаточно доказательств «экономического Брест—Литовска». (Перерождение большевизма. «Новости жизни», 6 апреля 1921 г. Воспроизведено в кн. Н. Устрялова «ПЗР»).

[46] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 66.

[47] Там же. (Подчеркнуто автором).

[48] Там же, с. 70. (Подчеркнуто автором).

[49] **Б. Мирский.** Термидорианцы. — «Последние новости», 22 марта 1921.

[50] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 66.

[51] Термин «перерождение» имеет два значения: возрождение и вырождение. В дореволюционном словаре мы находим лишь первое значение (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1907). В словаре советского времени указано второе, неодобрительное значение (С. Ожогов. Словарь русского языка. Изд. 13-ое, М., 1981). **Перерождение** в смысле «утраты прежнего мировоззрения, социального облика под воздействием чуждой среды, идеологии» (там же) вошло в повседневный обиход как раз в послереволюционном контексте.

[52] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 68. (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[53] Там же, с. 69. (Подчеркнуто автором.)

[54] Там же, с. 66—67.

[55] Там же, с. 62.

[56] Там же, с. 61—62.

[57] Там же.

[58] Зато победа Кронштадта была бы великим несчастьем для России. «Она означала бы гибель государства и полное поражение революции»,— так Устрялов сформулировал несколько лет спустя свое мнение о весеннем кризисе 1921 г. (См. На новом этапе. Харбин, 1930, с. 23). После кронштадтских событий начался спуск революции.

[59] Устрялов заимствует эти слова у Ленина. (ПЗР, с. 108).

[60] Подчеркнуто мною.— Т. К.

[61] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 29.

[62] Там же, с. 243.

[63] Там же, с. 75.

[64] Там же, с. 68.

[65] «Смена вех». 1922, № 13, с. 17—19.

[66] Выступая на XI Съезде партии через два месяца после публикации этой статьи, Ленин приписывает сменовеховцам и, в частности, Устрялову именно такую постановку вопроса: «эволюция **или** тактика?»

[67] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 75. Устрялов обильно цитировал свою статью «Перерождение большевизма», написанную в апреле 1921 г., чтобы доказать, что его перевирают.

[68] Там же, с. 77.

[69] Там же, с. 76—77. Те же мысли высказываются и во многих других работах Устрялова. В 1925 г. например, когда он переиздает некоторые статьи под общим названием «Философия эпохи», большевики, так же как и меньшевики, истолковали это как философию, объясняющую эволюцию России к буржуазному обществу. (См. Г. Е. Зиновьев. Философия эпохи. К съезду партии. — «Правда», 19, 20 сентября 1925; Он же: «Философия диктатуры. — «Социалистический вестник», 15 октября 1925).

[70] Н. В. Устрялов. ПЗР, с. 76. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[71] Там же.

[72] Ю. О. Мартов. Мировой большевизм. Берлин, 1923, с. 39.

[73] Там же, с 40.

[74] Там же.

[75] Там же, с. 39.

[76] Там же.

[77] Там же, с. 40.

[78] Там же, с. 42.

[79] «Социалистический вестник», 10 апреля 1923, с. 11.

[80] Это письмо опубликовано в «Социалистическом вестнике» (20 апреля 1921, с. 3, 4; 20 мая 1921, с. 5).

[81] Ю. О. Мартов. На пути к ликвидации.— «Социалистический вестник», 1 ноября 1921.

[82] Там же, с. 5.

[83] Там же.

[84] «Социалистический вестник», 1 ноября 1921.

ГЛАВА VI

[1] Цит. по: «Смена вех», n° 6, с. 12. В этом номере содержатся выдержки из советской прессы с отзывами о сборнике «Смена вех», (в частности: Стеклов Ю. Психологический перелом.— «Известия», 13 октября 1921 и Мещеряков Н. Знамение времени.— Правда, 14 октября 1921).

[2] **Стеклов Ю.** Указ. ст.

[3] Известия 27 октября 1921. Цит. по: «Смена вех», n° 6, с. 21.

[4] В середине 1922 г., когда ряды сменовеховцев значительно увеличились внутри страны, и они стали действовать активно (собрания, конференции, научные общества, издательства, пресса), большевистская партия перешла в систематическое наступление на их идеологию.

[5] Эти слова, сказанные в мае 1921 г., приведены Ж. Садулем. Опубликованные в «Известиях» от 1 февраля 1924 г., они воспроизведены в сб. «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». (М., 1966, с. 284) (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[6] Weiss L. Cinq semaines à Moscou.—Le Petit Parisien, 9 novembre 1921. (Подчеркнута мной.— Т. К.)

[7] «Социалистический вестник», 16 сентября 1921, с. 14. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)

[8] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, с. 28.

[9] **Ленин В. И.** Планы политического отчета Центрального Комитета РКП(б). ПСС, т. 45, с. 409—418.

[10] **Ленин В. И.** Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта. ПСС, т. 45, с. 94.

[11] «Заметки публициста», написанные незадолго до XI съезда, позволяют судить об озабоченности Ленина опасностью, а также о его отношении к «злорадным» голосам». Он призывает признать угрозу, обусловленную несовершенством основ социалистической экономики, потому что «нет ничего опаснее иллюзий», и противопоставить им «ясность головы». Что до вражеских голосов, то он советует не прислушиваться к ним. «Не погибли **(и, вероятнее всего, не погибнут)** те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче» (ПСС, т. 44, с. 418). (Подчеркнуто мной.— Т. К.)

[12] В 1927 г., когда об аналогии заговорили открыто как оппозиционеры, так и партийные пропагандисты, часто ссылались на это выступление Ленина, как на первое, где была указана термидорианская опасность. (См. например: Радек К. Термидорианская опасность и оппозиция. В кн.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927, в 4-х томах. Под ред. Ю. Фельштинского. «Терра», 1990, т. 3, с. 75. При написании книги в случае этого документа и ряда других был использован непосредственно «Архив Троцкого» из библиотеки Гарвардского университета. В настоящем издании сноски даются на появившуюся между тем публикацию Ю. Фельштинского. Зайцев А. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. М., 1928, с. 5).

[13] Троцкий свидетельствует: «Перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о термидоре. Самое слово это было у нас в большом ходу». (Архив Троцкого. Указ. соч. Т. 4, с. 14).

[14] **Ленин В. И.** Политический отчет... ПСС, т. 45, с. 93.

[15] Там же.

[16] Там же, с. 94.

[17] Там же, с. 95.

[18] Там же.

[19] «Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно» (ПСС, т. 45, т. 93). Не в меньшей степени ему было «тошнехонько» от «революционности» зарубежных товарищей. В июле 1921 г. на III конгрессе Коминтерна Ленин, по его собственным словам в «Заметках публициста», «стоял на крайне правом фланге» по отношению к многочисленной группе делегатов, занявших «неумеренно левую и неправильно левую позицию» (ПСС, т. 44, с. 419).

[20] Он цитирует Набокова, редактора монархической право-кадетской газеты «Руль» и книгу меньшевика Далина «После войн и революций» (См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Указ. соч. с. 383, 407—408).

[21] Там же, с. 392—393.

[22] Там же, с. 382.

[23] Там же, с. 73—74.

[24] Там же, с. 78.
[25] Там же, с. 395. Заметим, что говоря о партии, Зиновьев вместо термина «перерождение» предпочитает говорить «омертвение некоторых частей партийного организма».
[26] Там же, с. 436.
[27] Там же.
[28] Там же, с. 101.
[29] Там же, с. 79.
[30] Там же, с. 438.
[31] Там же, с. 437, 102.
[32] Там же, с. 438. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)
[33] Там же, с. 547.
[34] **Троцкий Л.** Новый курс. М., 1924, с. 10.
[35] Письмо напечатано в «Правде» от 11, 28 и 29 декабря 1923 г.
[36] В частности, главой «Бюрократизм и революция», наиболее важной для нашего анализа.
[37] Об этой ошибке Ленин говорил на XI съезде «У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счет у нас полное единодушие. (...) Тут была так же большая моя вина...» (ПСС, т. 45, с. 113).
[38] Троцкий Л. Новый курс. Указ. соч. с. 17, 19, 37.
[39] Там же, с. 19.
[40] Там же.
[41] Там же, с. 34.
[42] Там же, с. 17.
[43] Там же, с. 10.
[44] Там же, с. 13. Интересно сравнить эти теоретические размышления с суждениями о Центральном Комитете, высказанными Троцким в беседе с М. Истменом примерно в то же время. Истмен вспоминает: «Мы разговаривали об основных руководящих деятелях ЦК: в беседе он сформулировал чрезвычайно ясные и точные суждения о характере каждого, но ни одну из его оценок нельзя истолковать как обвинение в «оппортунистическом перерождении». Он описал мне Сталина как человека смелого и искреннего революционера». (Eastman M. Depuis la mort de Lénine. Paris, 1925, p. 76).
[45] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 33.
[46] **Бухарин Н. И.** Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. В сб.: В защиту пролетарской диктатуры. М., 1928, с. 234.
[47] **Троцкий Л.** Моя жизнь. М., Книга, 1990 (репринт Берлин, 1930), Т. 2, с. 255.
[48] **Канатчиков С. И.** История одного уклона. Л., 1924, с. 33—49.
[49] **Бухарин Н. И.** Доклад... Указ. соч. с. 234.
[50] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 80.
[51] Там же, с. 13.
[52] Сначала дискуссия развернулась вокруг статьи Зиновьева «О новых задачах партии», опубликованной 7 ноября; затем она продолжалась в связи с «Резолюцией ЦК», опубликованной 7 декабря. В январе 1924 г. письмо Троцкого «Новый курс» дало ей новый импульс.
[53] Наша партия и оппортунизм.— «Правда», 13 декабря. См. также: Под знаком единства.— «Правда», 12 декабря; Старики и молодежь в нашей партии.— «Правда», 14 декабря.
[54] **Раковский Х. Г.** Письмо Г. В. Валентинову от 2—6 августа 1928 г. Впервые опубликовано Троцким в «Бюллетене оппозиции», 1929, n° 6, с. 14—20. Здесь и далее цитируется последняя публикация В. П. Данилова.— «Вопросы истории», 1989, n° 12, с. 74. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)
[55] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 33.
[56] В самых общих чертах эта проблема обозначена в документах организации «Рабочая правда» и «Рабочая группа». Призыв «Рабочей правды» опубликован в «Социалистическом вестнике» (№ 3, январь 1923 и № 19, октябрь 1923). В кн. В. Сорина «Рабочая группа (Мясниковщина)», М., 1924, воспроизведены длинные выдержки из манифеста этой группы от февраля 1923 г.

[57] 15 октября 1923 г. 46 видных руководителей партии (Преображенский, Серебряков, Пятаков, И. Н. Смирнов, Сапронов и др.) передали в Политбюро заявление, резко критикующее экономическую политику и антидемократический режим, царящий в партии. В документе поднималась проблема бюрократизации в связи с изменениями внутри самой партии.
[58] **А. Камень.** На повороте.— «Правда», 11 и 13 ноября 1923.
[59] Новые решения или исполнение старых? (Подписано: Г. И. — «Правда», 16 ноября 1923.)
[60] Отклики на дискуссию. (Подписано: А. С.— «Правда», 5 декабря 1923. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)
[61] В этом отношении показательна статья, призывающая начать демократизацию партии с низовых организаций. (См. Н. Виглянский. Ударная задача партии. — «Правда», 27 ноября, 1923).
[62] На собрании актива Московской партийной организации Каменев указал лишь на две опасности, угрожавшие извне: «со стороны перерождения, **вызванного нэпом** (подчеркнуто мною. — Т. К.) и со стороны профсоюзов, где получили распространение анархистские идеи Махайского». (Цит. по: «Правда», 13 декабря 1923).
[63] **И. В. Сталин.** О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого.— «Правда», 15 декабря 1923.
[64] Там же.
[65] **Н. В. Устрялов.** Под знаком революции, 1-ое изд. Харбин, 1925.
[66] **Г. Зиновьев.** Философия эпохи. К съезду партии.— «Правда», 19 и 20 сентября 1925.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] **Н. И. Бухарин.** Цезаризм под маской революции.— «Правда», 13, 14 и 15 ноября 1925 г.
[70] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет.— М.—Л., 1926, с. 238.
[71] **Г. Зиновьев.** Философия эпохи.
[72] **П. А. Залуцкий** (1887—1937) начал революционную деятельность в 1905 г. в партии эсеров. С 1907 г. перешел в ряды большевиков. В 1916 г., когда из-за трудностей подпольной борьбы и ареста большого числа образованных членов партии несколько рабочих смогли войти в состав руководства большевистской партии, Залуцкий был кооптирован в новое «Русское бюро» ЦК РСДРП(б). С тех пор он активный член руководства партии: один из создателей первого Петроградского совета в 1917 г., на важных постах в Красной армии, во ВЦИКе, в ЦК партии. На XV съезде он исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Восстановлен с 1928 по 1934 гг. и вновь исключен за «антисоветскую деятельность», арестован и приговорен к заключению в лагерь, где погиб в 1937 г.
[73] В 1916 г. Молотов так же, как и Залуцкий, был кооптирован в «Русское бюро» ЦК РСДРП(б).
[74] На протяжении 1925 г. увеличивалось количество конфликтов между сталинским руководством партии с одной стороны и Зиновьевым и Каменевым — с другой. Эти еще недавние сторонники Сталина, а также руководители Ленинградской организации, воспользовались при нападках на аппаратчиков недовольством рабочих. Те не одобряли расширение нэпа, выразившееся в 1925 г. в уступках зажиточным крестьянам, саботировавшим снабжение городов продовольствием. Следствием распада прежней тройки явилась абсурдная враждебность, возникшая между Москвой и Ленин-

градом, центрами одной и той же пролетарской традиции. (См. анализ, проливающий свет на эти противоречия в кн. P. Broué, Trotski. Paris, Fayard, 1988 chapitre XXIX — Lutte de clans, lutte de classes?).

[75] XIV съезд... Указ. соч., с. 358—360.

[76] Летом 1924 г. Сталин, действуя против Зиновьева и Каменева, назначил их сторонника И. А. Зеленского, секретаря Московского губкома, в Среднюю Азию, заменив его Н. А. Углановым.

[77] Два основных источника позволяют воссоздать «дело Залуцкого»: стенографический отчет XIV съезда партии и стенографический отчет XXII конференции Ленинградской губернской партийной конференции. В последнем многотомном издании истории КПСС имя Залуцкого едва упоминается, лишь для того, чтобы заявить, что «новая оппозиция» прибегала к клевете, устами своего «активного деятеля», повторяя «злобные измышления врагов партии и Советской власти» и утверждая, что «Центральному Комитету угрожает термидорианское перерождение». (См. «История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1964, т. 4 (1), с. 410). История Ленинградской партийной организации, которая должна была бы быть более подробной, ограничивается замечанием о том, что Залуцкий был отозван с поста секретаря губкома. (См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», Л., 1980, т. 2, с. 151).

[78] XIV съезд. Указ. соч., с. 230.

[79] Там же, с. 231.

[80] Там же, с. 281.

[81] Там же, с. 415.

[82] Там же, с. 169.

[83] А. Зимин (Э. Г. Лейкин), автор книги «У истоков сталинизма. 1918—1923», вышедшей на русском языке во Франции в 1984 г., который в свое время принадлежал к кругам, близким к Зиновьеву, подтвердили в разговоре со мной, что аналогия с термидором имела хождение в рядах Ленинградской оппозиции.

[84] XIV съезд. Указ. соч., с. 238.

[85] Там же, с. 281. Под «кружком» Зиновьева Томский, вероятно, понимал собрания, на которых Зиновьев и его сторонники обсуждали планы издания в Ленинграде журнала «Большевик», того же названия, что и издававшийся в Москве теоретический орган партии. Руководство партии твердо отклонило эту идею, видя в ней зачатки фракционности.

[86] Брошюры о XIV съезде (отрывки из документов с комментариями партийных пропагандистов, публиковавшиеся по всей стране, — прекрасное тому подтверждение: либо в них нет никаких сведений о «деле Залуцкого», и тогда очевидно, что его обходят молчанием, т. к. в то же время говорят о нападках на ЦК или о перерождении. (См., например: К. Бауман. Основные вопросы разногласий и решении XIV съезда ВКП(б). М., 1926; А. Бузников, И. Иванов. О XIV партсъезде. Сборник материалов с методической проработкой для комсополитшкол и для самообразования. Л., 1926; В. Сегалович. Что обсудил и что решил XIV съезд ВКП(б)? Харьков, 1926), либо они содержат краткую информацию, объясняющую дело причинами психологического характера, недостатком веры или пессимизмом отдельных личностей, при этом оппозиция в целом не обвинялась. (См.: Партия и новая оппозиция. Материалы к проработке решений XIV съезда ВКП(б). Л. 1926).

[87] XIV съезд. Указ. соч. с. 393.

[88] Там же, с. 358.

[89] Там же, с. 414.

[90] Там же.

[91] Там же, с. 230.

[92] Там же.

[93] Там же, с. 229.

[94] На самом деле Залуцкий, вероятно, не так наивен, как кажется: в выступлениях на публику и в личных беседах он приводит разные исторические примеры. В брошюре «Звеновые организаторы и их задачи», написанной в 1925 г., где упоминается о проблеме перерождения, он ссылается не на историю Французской революции, а на историю II Интернационала, как это уже делал Троцкий в «Новом курсе».

[95] В словаре А. М. Селищева, собравшего в 1926 г. новые слова, вошедшие в обиход с 1917 г., указано, что эти два термина впервые были употреблены в «деле Залуцкого». (См. А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928. с. 190).

[96] XIV съезд. Указ. соч., с. 414.

[97] Там же, с. 590.

[98] Там же, с. 414.

[99] «Стенографический отчет XXII Ленинградской губернской партийной конференции, 7-ой день», 8 декабря 1925, с. 44. (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[100] Там же, стр. 40. История двух резолюций изложена так, как она вырисовывается по стенографическим отчетам XXII партконференции Ленинградской губернии. В. М. Иванов, предлагает несколько иную версию, по которой Политбюро оказывается непричастным к перемене формулировки (Иванов В. М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965, с. 80). Не имея возможности проверить версии по архивным материалам, замечу только, что вопрос о том, кто ответственен — Политбюро или Ленинградское руководство, второстепенен для моего анализа: главное — было две резолюции, и одна из них умалчивала о «вине Залуцкого».

[101] Партия и новая оппозиция. Материалы к проработке решений XIV съезда ВКП(б). Л., 1926, с. 201. Тм. также: Ленинградская организация и четырнадцатый съезд. Сборник материалов и документов. М.— Л., 1926.

ГЛАВА VII

[1] **В. М. Смирнов, Т. В. Сапронов, Н. Осинский, М. И. Минков, Т. Хореч-ко, В. П. Оборин, В. Емельянов (Калин), Рафаил, С. В. Косиор, А. С. Бубнов, М. С. Богуславский** и др. Уже на IX съезде партии в 1920 г. децисты проявили себя как фракция. В платформе, выработанной весной 1921 г. к X съезду, они требовали ответственной автономии местных организаций, в том числе профсоюзов, по отношению к центральным органам партии.

[2] **Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Муралов, Г. Е. Евдокимов, Г. Л. Пятаков, Х. Г. Раковский, И. Т. Смилга** и др.

[3] **Троцкий Л.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм. Историко-теоретическая справка. — «Бюллетень оппозиции», n° 43, апрель 1935, с. 2.

[4] **Цейтлин Е.** Об Иванах непомнящих. В кн.: Партия против оппозиции. Материалы и документы к XV съезду. М., 1927, с. 564—565. Впервые опубликовано в «Правде» 24 июля 1927.

[5] Говоря о перспективах советской республики, он уже в 1919 г. заявлял: «Конец будет не совсем таким, каким было 9 Термидора, но я думаю, что он будет не очень далек от него». (Kautsky K., Terrorisme et communisme. Paris, 1921, p. 232).

[6] 30 апреля 1926 г. Корш и Шварц были исключены из немецкой коммунистической партии за утверждение, что ВКП(б) и Коминтерн «переродились». (La correspondance internationale, n° 86, 10 juillet 1926, p. 903, fac-similé, Milan, Feltrinelli, 1967).

[7] **Цейтлин Е.** Указ. соч. с. 564.

[8] **Souvarine B.** Staline. Aperçu historique du bolchevisme. Champ libre. Paris, 1977, p. 358.

[9] XV Конференция. Стенографический отчет. М., 1927, с. 578, 581, 589.

[10] **Souvarine B.** Op. cit., p. 366.

[11] XV Конференция. Указ. соч., с. 578.

[12] **Souvarine B.** Op. cit., p. 366.

[13] Текст заявления, отсутствовавший в стенографическом отчете пленума, был опубликован на французском языке в Bulletin communiste (апрель—июнь 1927 г.), органе оппозиции ФКП, руководимом Б. Сувариным, который в 1924 г. был исключен из своей партии за публикацию «Нового курса» Троцкого. Хранившийся до последнего времени в архиве Троцкого в библиотеке Гарвардского университета текст заявления стал доступен русскому читателю благодаря публикации Ю. Фельштинского. (Указ. соч.).

[14] XV Конференция. Указ. соч., с. 490.

[15] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 20—21.

[16] Там же, с. 17.

[17] **Троцкий Л.** Моя жизнь. Указ. соч., с. 255.

[18] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 11.

[19] XV Конференция. Указ. соч., с. 624.

[20] К итогам июльского пленума. — Большевик, 1926, n° 14, с. 6. Архив Троцкого. Указ. соч. т. 2, с. 37.

[21] Например: Бухарин Н. И. Партия и оппозиционный блок, доклад на собрании актива Ленинградской организации 28 июля («Правда», 1 августа 1926); Рыков А. И. Об итогах июльского пленума, доклад на собрании актива Московской организации 26 июля («Правда», 1 августа 1926); Каганович Л. Об итогах июльского пленума, доклад на собрании актива Харьковской организации («Правда», 15 августа 1926). В сентябре А. Зайцев написал статью, в которой, сопоставляя взгляды оппозиции и социал-демократов, дважды цитировал Залуцкого и его «теорию термидора», как если бы это был самый свежий источник, который он мог найти. (Зайцев А. Международная социал-демократия и оппозиция в ВКП(б). («Большевик», 1926, n° 18, с. 40—42). В отчетах о пленуме, выпущенных в Харькове, Туле, Баку и Ростове-на-Дону термидор не упоминается. Зато в Иркутске пренебрегли (или просто не знали ?) правилами игры, дав показательный комментарий: «В нескольких словах критика, выдвинутая оппозицией против новой политики партии сводится к тому, что ... ЦК, не замечая отрицательных сторон нэпа, ведет страну к термидору, т. е. к реставрации буржуазного режима». (Диман Ю. Ошибки оппозиции, Иркутск, 1926, с. 3).

[22] **Бухарин Н. И.** Партия и оппозиционный блок. Указ. соч.

[23] Лидеры оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Радек, Пятаков), не добившись права на открытую дискуссию, не имея, следовательно, возможности сделать свое заявление в официальной прессе, отправились прямо к рабочим. Первое собрание принесло им успех. Другие собрания, по словам оппозиционеров, прошли «под дудку сторонников Сталина или же выступавшие были освистаны агентами ГПУ» («Социалистический вестник», 16 октября 1926). В обильной информации, появившейся по этому вопросу в «Правде», описывалось, напротив, «возмущение» рабочих и приводились «катастрофические» для оппозиции итоги голосования. («Правда» от 1—16 октября 1926).

[24] Т. В. Сапронов, член партии с 1912 г., ответственный работник госаппарата, один из подписавших Заявление 46-ти. Его группа состояла из децистов и бывших членов Рабочей оппозиции (о Рабочей оппозиции в 1920—1922 г. см.: Kollontaï A. L'opposition ouvrière. Paris, Seuil, 1976).

[25] Заявление от 16 октября см.: Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 108—111. В Заявлении осуждались действия германских левых, о чем Троцкий будет сожалеть в речи перед ЦКК в июне 1927 г. (Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 92). Мнение сапроновцев о Заявлении цит по: Ярославский Е. Старое и новое в «новой оппозиции». В сб.: Против оппозиции. М.— Л. 1928, с. 32. Впервые опубликовано в «Правде» от 26 июля 1927.

[26] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 67.

[27] Там же, с. 106.

[28] В статье «Кризис ВКП», опубликованной в газете «Новости жизни» от 19 октября 1926 г., Устрялов высказался против «рабочей демагогии» оппозиции и заключил: «...мы сейчас не только «против Зиновьева», но и определенно «за Сталина»». (ПЗР, с. 239).

[29] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 108—109.

[30] Там же, с. 124. В июле 1927 г. Троцкий систематизирует свои мысли о термидоре, но они не будут опубликованы. Главное, между этими заметками и его публично занятой позицией нет расхождения. Троцкий не отрицает возможности термидора, но подчеркивает, что оппозиция «ни в коем случае не считает термидор неизбежным». (Архив Троцкого. Указ. соч., т. 4, с. 18).

[31] Проект платформы большевиков-ленинцев к XV съезду ВКП(б), кризис партии и пути его преодоления с. 3. Цит. по копии, хранящейся в библиотеке современной международной документации (BDIC) в Париже.

[32] Там же. Напомним, что на XI съезде Ленин не употреблял слова «термидорианская опасность», а Платформа 13-ти цитирует их, как если бы то была ленинская формулировка, подтверждая таким образом, что несмотря на то, что Ленин не произносил этих слов, члены партии сделали из его выступления вывод, что именно термидорианская опасность угрожала стране.

[33] Там же.

[34] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 111.

[35] Проект платформы... Указ. соч., с. 132.

[36] Заявление оппозиции объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б). — Архив Троцкого. Указ. соч., т. 4, с. 68, а также в: Партия против оппозиции. Материалы и документы к XV съезду партии. М. 1927, с. 469. Письмо подписали Авдеев, Бакаев, Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Лиздин, Муралов, Петерсон, Пятаков, Раковский, Смилга, Соловьев, Троцкий.

[37] XV съезд, Стенографический отчет. М., Партиздат, 1935, часть I, с. 277. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[38] **Радек К.** Термидорианская опасность и оппозиция. — Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 74—81. При написании книги использовался машинописный текст из библиотеки Гарвардского университета.

[39] **Троцкий Л.** Радек и оппозиция.— «Бюллетень оппозиции», 1929, n° 1—2, с. 10. После XV съезда партии Радек резко изменил свое мнение о термидоре: он стал для него не больше, чем мифом.

[40] Их сторонники за рубежом тоже были осторожны. В ноябре 1927 г. оппозиция, сформировавшаяся во французской коммунистической партии (А. Барре, М. Фоскав, С. Жиро, А. Трэн), составила к XV съезду ВКП(б) платформу, изобилующую выражениями типа «рост сил термидорианской реакции». В этой платформе есть даже глава под названием «Рост термидорианских элементов», но в соответствии с **Платформой 13-ти** здесь тоже не утверждается, что «термидор уже совершился», хотя слово «рост» практически снимает этот нюанс. (См.: «La plate-forme politique de l'opposition française pour le XV Congrès du parti de l'URSS. Additif à la plate-forme des membres oppositionnels du Comité central», Paris, 1927). В конце декабря 1927 г. вокруг Трэна образовалась новая группа, опубликовавшая статью Троцкого, в которой тот объяснял свою точку зрения о термидорианской опасности, настоятельно подчеркивая тот факт, что «даже исключение из партии всех членов оппозиции не означает переход к термидору». L. Trotski. La nouvella étape.— Redressement communiste, n° 1—2, octobre 1928).

[41] Христиан Георгиевич Раковский (1873—1941), болгарин по происхождению, до 1917 г. был одним из виднейших деятелей социалистического

движения в балканских странах. В 1917 г. присоединился к большевикам, с 1919 по 1923 гг. был председателем Совета народных комиссаров и наркомом иностранных дел Украины, членом ЦК с 1919 по 1925 гг. и видным советским дипломатом. С 1923 г. был одним из основных руководителей левой оппозиции. После XV съезда сослан в Астрахань, затем в Барнаул и Якутию. Символизировал самую упорную оппозицию. В 1934 г. он в конце концов подчинился партийной дисциплине, и «Правда» (14 апреля) торжествующе напечатала его заявление с отречением от оппозиционности.

[42] Письмо написано в Астрахани в ответ на «Размышления о массах» Г. Б. Валентинова, одного из сосланных оппозиционеров.

[43] **Раковский Х. Г.** Указ. соч., с. 76.

[44] Там же, с. 73.

[45] Там же.

[46] Лидеры оппозиции следили за тем, чтобы слово «термидор» не проскользнуло в письменные документы. Однако, могла произойти и оплошность. Так, Бухарин рассказывал на одном из собраний: «Недавно я получил из Одессы программу «коммунистической рабочей партии». (...) По программе можно видеть, что она написана хитроумным интеллигентом. Он берет тезис о термидоре и перерождении и развивает его более резко и прямо, чем оппозиция: руководство партии превратилось мол в новых капиталистов, кровопийцев и еще похлеще». (Бухарин Н. И. Доклад на XVI Московской губернской конференции ВКП(б). Цит. по: La corresponadance ... op. cit., n° 120, 3 декабря 1927, с. 1755).

[47] Заявление оппозиции, переданное президиуму XV съезда партии. (См.: XV съезд ВКП(б). Указ. соч., часть II, с. 1283).

[48] Там же, ч. I, с. 250. А. Зимин (см. о нем сноску 83, гл. VI), принимавший участие в этих демонстрациях, подтвердил, что демонстранты скандировали эти лозунги.

[49] **Эрде Д.** Девятое термидора в исторической литературе. М.— Л., 1931, с. 95.

[50] Два варианта платформы, имеющие незначительные расхождения, один от 27 июня без названия и с пятнадцатью подписями, другой, озаглавленный «Под знамя Ленина!» — без даты и без подписей, находятся в Гарвардском университете (соответственно T* 964 и T* 963). Ни в одном из этих текстов нет слова «термидор». Название «Von dem Thermidor. Revolution und Kontrrevolution in Sowjetru land» («Перед термидором. Революция и контрреволюция в Советской России»), данное платформе ее гамбургским издателем Ф. Эрулатом, а затем и французским издателем (Avant Thermidor. Plate-forme de l'opposition de gauche dans le parti bolchevique. La révolution et la contre-révolution en URSS, Lyon, Editions du Reveil communiste, 1928), свидетельствует о том, как внутрипартийная борьба воспринималась заграницей. Ясно было, что в центре расхождений с большинством был термидор. Нюансы же позиций сторонников Троцкого или Сапронова, вероятно, оставались неуловимыми. При работе над книгой использованы архивные документы. Сноски в настоящем издании даются по публикации Ю. Фельштинского.

[51] Под знамя Ленина! Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 207.

[52] Там же, с. 183.

[53] Там же, с. 154.

[54] Там же, с. 179.

[55] Если верить Е. Ярославскому, рупору большинства, «группа Сапронова-Смирнова на Украине отличалась от троцкистов своей более откровенной позицией, выступая за создание второй партии». (Цит. по: La correspondance... op. cit., n° 128, 24 décembre 1927, p. 1959).

[56] Это слова из предисловия нелегального центра децистов к письму Сапронова от 9 августа 1929 г. (Цит. по: Эрде Д. Указ. соч., с. 94—95).

[57] Под знамя Ленина! Указ. соч., с. 210.

[58] **Бухарин Н. И.** Пролетарский якобинец.— «Правда», 24 июля 1926.

[59] Сталин подал ему ободряющую реплику, которая хорошо передает, в каком возбуждении был Бухарин, а также общий тон его выступления: «Здорово, Бухарин, здорово! Не говорит, а режет». (XV Конференция. Указ. соч., с. 601).

[60] Там же, с. 578.

[61] Там же, с. 577—578.

[62] Там же.

[63] Там же, с. 581.

[64] Там же, с. 594.

[65] Там же, с. 604.

[66] КПСС в резолюциях. 7-ое изд. М., 1953, т. 11, с. 210. В отчетах о конференции термидор либо не упоминается (например: Рубинштейн Н. О внутрипартийном положении. Итоги XV конференции ВКП(б). М., 1927; Бузников А., Коган Л. Основные вопросы XV конференции ВКП(б). М., 1927), либо о нем говорится очень коротко (например: Крылов С. Основные вопросы XV конференции ВКП(б). М.— Л., 1927; Позерн Б. Л. Оппозиция на XV конференции. Л., 1927).

[67] **Бухарин Н. И.** На пороге десятого года. — «Правда», 7 ноября 1926.

[68] **Леонов Ф.** Куда идет оппозиция? М.— Л., 1927. В книге есть три главы, в которых, судя по названию, автор должен был бы говорить о термидоре: 1) Крупнейшие факты внутрипартийной жизни и их значение; 2) В чем состоит социал-демократический уклон оппозиции? 3) О капитулянстве и пораженчестве оппозиции.

[69] Там же, с. 24.

[70] **Сталин И. В.** Сочинения. М., 1948, т. 9, с. 58.

[71] Там же, с. 48—49, 51.

[72] **Н. И. Бухарин.** Выступление на VII расширенном пленуме ИККИ.— «Правда» 14 декабря 1926 г. Бухарин говорил о термидоре с таким раздражением и возбуждением, что это запечатлелось в памяти Антона Чилыги, делегата от сербо-хорватской партии. (Ciliga A. Dix ans au pays du mensonge déconcertant. Paris, Champ libre, 1977, p. 26).

[73] La correspondance..., op. cit., n° 137, 18 déc. 1926, p. 1736. Любопытно сравнить эту выдержку из телеграфного отчета с полным текстом выступления Дорио, застенографированного и опубликованного через месяц в том же журнале. В нем уже не чувствуется специального акцента на термидоре. (n° 8, 17 janvier 1927, p. 105). Расхождение можно объяснить впечатлением от речи Бухарина: при передаче телеграфных отчетов ее пафос проектировался на речи выступавших непосредственно за ним ораторов.

[74] Ibid., p. 1737. В телеграфном отчете Эрколи приписываются слова о термидоре, которых он не говорил, если судить по стенограмме его речи (сравни: n° 8, 17 janvier 1927, p. 110—112).

[75] Ibid., p. 1738.

[76] Ibid., p. 1774.

[77] Тезисы и резолюции VII расширенного пленума ИККИ. М., 1927, с. 60.

[78] За товарищем Троцким товарищ Зиновьев. — «Правда», 10 декабря 1926.

[79] **А. Чилыга** описывает атмосферу, царившую на собраниях, предшествующих или же непосредственно следовавших за VII расширенным пленумом ИККИ: «Горе тому, кто высказывал свои сомнения, кто заявлял, что тот или иной пункт разногласий между оппозицией и большинством кажется ему недостаточно ясным! (...) Обращаясь к такому человеку, официальный оратор повышал голос: «Вам это кажется неясным? Товарищ Х.... заявляет, что ему это кажется неясным, ему видите ли, кажется неясным обоснованность политики партии и мелкобуржуазный характер оппозиции... Кого он хочет ввести в заблуждение? Мы прекрасно знаем, что скрывается за его

лицемерием. Партия не потерпит никаких колебаний, никакого недостатка ясности...» В таких условиях пропадала всякая охота сомневаться». (Ciliga A. Op. cit. p. 24—25).

ГЛАВА VIII

[1] **А. Угаров.** Рост социализма или термидорианское прерождение. Л., 1928, с. 7. В борьбе против большинства оппозиция также придавала огромное значение термидору. (См.: Л. Троцкий. Что и как произошло? Париж, 1929, с. 43).

[2] Выступление Рыкова на собрании партактива Московской организации ВКП(б). (Цит. по La Correspondance... op. cit.) № 94, 10 сентября 1927, с. 1322. Оценка, которую можно проследить и в последовательности глав учебника, изданного в Ростове-на-Дону и предназначенного для студентов партийной школы: первая глава посвящена характеристике революции и ее перспективам; вторая озаглавлена «О термидоре и перерождении Советского государства». Затем следуют главы о народном хозяйстве, условиях жизни рабочего класса, о крестьянстве и о внешней политике. (См.: М. Соколов. Партия и оппозиция. История всех оппозиционных течений и группировок в ВКП(б) от октября 1917 по XV партсъезд. Пособие-конспект для изучающих историю партии и пленумов. Издание методкабинета партработы Донкома ВКП(б). Ростов-на-Дону, 1928).

[3] В 1927 г. в Харбине Устрялов выпустил второе издание своей книги «Под знаком революции», дополненное статьями о «кризисе» большевистской партии. В том же году экономист Спектатор (псевдоним М. Нахимсона), бывший бундовец, находившийся вместе с Устряловым в эмиграции в Харбине, проанализировал экономику нэпа в книге «Русский термидор. Сумерки коммунизма». Принимая во внимание противоречия в большевистской партии, П. Милюков, явный противник сменовеховцев, тем не менее признал правоту Устрялова в вопросе о термидоре. (См.: П. Милюков. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 92). Писатели и историки интересовались 9 термидора (например: М. Алданов. Девятое термидора, Берлин, 1923; L. Barthou. «Le 9 Thermidor». Paris, 1926). Некоторые предполагают, что ссылки на термидор сыграли свою роль в успехах Сталина. H. Rollin, Une nouvelle étape de la révolution russe: le congrès du parti bolcheviste. Paris, Comité national d'études sociales et politiques, 1926). Оппозиционеры зарубежных коммунистических партий (см. об их выступлениях: D. Durand. Opposants à Staline. L'opposition de gauche internationale et Trotski, 1929—1930. Paris, La pensée sauvage, 1988) меньшевики и немецкие социалдемократы — все оценивают положение в Советском Союзе, проводя аналогию с термидором.

[4] В первую очередь речь идет о выступлениях на пленарном заседании ЦК и ЦКК (29 июля — 9 августа 1927 г.), на котором оппозиция подверглась нападкам, в основном, по вопросу о термидоре. Сталин, в частности, несколько раз возвращался к этой теме, чтобы подчеркнуть «невежество и глупость» тех, кто использует аналогию. (Сталин. Указ. соч., т. 10, с. 80, 88, 165). Бухарин и Рыков, выступившие на партактиве Ленинграда и Москвы об итогах пленума, задали тон дискуссиям о термидоре. Хотя термидор и был разоблачен как «чистая бессмыслица» и «неслыханный вывод», именно в нем заключалась суть разногласий, возникших между оппозицией и партией. Вместо того, чтобы отбросить вопрос о термидоре без дополнительных комментариев как «полную нелепость», руководство партии считало нужным показать его меньшевистские корни. (См.: Доклад Бухарина на собрании партактива Ленинградской организации ВКП(б) 9 августа 1927 года.— «Правда», 16 августа; А. И. Рыков. Доклад на собрании партактива Московской организации ВКП(б). Указ. соч.).

[5] **А. Слепков.** Оппозиционный неоменьшевизм. О «новой платформе». М., 1927, Одна из глав этой книги «Классы, партия и так называемое перерождение» включена также в сборник статей и документов, выпущенный к XV съезду с предисловием А. Слепкова. (См.: Партия против оппозиции. Сборник статей и документов. Вступительная статья А. Слепкова. М.— Л., 1927; А. Слепков. Платформа оппозиционного ликвидаторства. Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV съезду» в сб. Партия и оппозиционный блок. Минск, 1926; В. Фейгин. Оппозиционный блок и идеология ликвидаторства. Под редакцией А. Слепкова М.— Л., 1927; Д. Марецкий. Так называемый «термидор». М.— Л., 1927; А. Зайцев. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. М.— Л., 1928).

[6] О «бухаринской» школе см.: С. Коен. Бухарин. М., 1989.

[7] **А. Слепков.** Оппозиционный неоменьшевизм. Указ. соч., с. 29—30.

[8] Там же.

[9] Там же, с. 33.

[10] Там же, с. 34. Намек на статью меньшевика П. Гарви «Под знаком термидора», опубликованную в «Vorwärts» 27 августа 1927 г.

[11] Там же, с. 35.

[12] **Д. Марецкий.** Так называемый «термидор» и опасности перерождения. — «Правда», 24 и 29 июля 1927.

[13] **Д. Марецкий.** Так называемый «термидор». М.— Л., 1927, с. 7.

[14] Там же, с. 9. Вопрос о термидоре является «самым бурным и самым драматичным выражением всех разногласий».

[15] Там же, с. 31.

[16] Там же, с. 32.

[17] Там же, с. 34.

[18] Там же, с. 39.

[19] Там же, с. 43, 47.

[20] **А. Зайцев.** Указ. соч., с. 66—67. См. также его статью о политике в деревне, в которой он советует читателям перечитать «Цезаризм под маской революции» Бухарина, где они найдут лучший анализ устряловской идеологии (Новые моменты в нашей деревенской политике. — «Правда», 30 октября 1927).

[21] **А. Зайцев.** Указ. соч., с. 14—15.

[22] Там же, с. 32.

[23] Там же, с. 111, 120, 162.

[24] Там же, с. 78.

[25] Там же, с. 29.

[26] А. Угаров следует той же логике, что и Зайцев. В его брошюре мы находим цифры и факты, цель которых — доказать исключительно экономический характер термидора. «Куда мы идем? — вперед к коммунизму или назад к капитализму, продолжает ли Октябрьская революция восходящее движение к социализму или начался уже закат пролетарской революции в нашей стране — таков вопрос, на который необходимо дать прямой ответ»,— так он пишет, делая разрядку в знак особой важности, придаваемой им вопросу о термидоре. Перерождение он также считает результатом экономической борьбы». Нет лучшего способа проверки действительного направления нашего роста и развития, чем пристальный анализ итоговых и перспективных цифр развертывания народного хозяйства ... «перерождение» прежде всего равнозначно непрерывному ослаблению и разрушению социалистических элементов хозяйства» (А. Угаров. Указ. соч., с. 5 и 8).

[27] См.: П. Боярский. Почему троцкизм вернулся к меньшевизму? М., 1928; Факты и цифры против ликвидаторов и перерожденцев. (К внутрипартийным разногласиям). М., 1928; Факты и цифры против демагогии и измышлений оппозиции. М.— Л., 1927; Н. Мандельштам. Новый меньшевизм

в платформе оппозиции. М., 1928; А. Шлихтер. На платформе социал-демократического уклона. М.—Л., 1927; его же: На платформе меньшевизма. М.—Л., 1928; его же: Сущность неоменьшевизма и его банкротство. М., 1928; С. Крылов. Кто кого? Оппозиция и третья сила. М., 1928; А. Слепков, Д. Марецкий. Экономическая платформа оппозиции. Л., 1926; Б. Ольховый. Корни оппозиции и опасности перерождения. Харьков, 1927; Н. Бухарин. Партия и оппозиция накануне XV партсъезда. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 окт. 1927, М., 1928.

[28] **С. М. Моносов** принадлежал к первому выпуску Института красной профессуры 1924 г., был на преподавательской работе, участвовал в работе Общества историков-марксистов и РАНИОНа, был первым директором МИФИ (позднее МИФЛИ) (См.: С. Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба. Харьков, 1925). Это — история якобинского клуба, написанная для широкой публики, хотя и при использовании документов, опубликованных А. Оларом.

[29] **В. Колоколкин, С. Моносов.** Что такое термидор? М., «Московский рабочий», 1928, с. 5—6.

[30] Там же, с. 66—67.

[31] Там же, с. 65—66.

[32] Там же, с. 112—113.

[33] В то время, как аналогия с термидором распространялась в рядах оппозиции, восприятие событий по французским матрицам, столь характерное после 1917 г., по-прежнему находило свое отражение в брошюрах. Так контрреволюционное движение 1918—1919 гг. под предводительством Деникина было названо «Русская Вандея». (См.: И. М. Калинин. Русская Вандея. М.—Л., 1926).

[34] Из этих семинаров вышли известные историки, такие как В. М. Далин или же А. З. Манфред, и другие, менее известные, но оставившие, однако, свой след в изучении Французской революции, такие, как Н. П. Фрейберг и Я. Старосельский, погибшие в тридцатые годы.

[35] Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. Сб. статей. М.—Л., 1931.

[36] Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. статей и документов. М., 1927.

[37] Почти все работы, посвященные термидору, появились в период с 1926 по 1930 гг. Книга К. П. Добролюбского «Термидор», вышедшая в 1949 г. кажется вне этих хронологических рамок, однако в действительности она написана на основе статей, опубликованных в исторических журналах в двадцатые годы и в самом начале тридцатых.

[38] H. Cunow. Die revolutionäre Zeitungsliteratur frankrei chs während der Jahre 1789—1794. Ein Beitzag zur Geschichte der französischen klassen — und Parteikämpfe gegen Ende des 18, Berlin, Vorwärts, 1908. Книга была переведена на русский язык и издана дважды в период с 1917 по 1919 гг. В предисловии к первому изданию И. Скворцов-Степанов отмечал, что «социал-патриотизм» Кунова во время Первой мировой войны «не уменьшает ценности его книги». (Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794. М., 1919, с. VI—VII).

[39] Революционное правительство во Франции. Указ. соч., с. 501—502.

[40] **Н. М. Лукин.** Избранные труды. М., 1960, т. 1, с. 132.

[41] **Ц. Фридлянд.** Классовая борьба в июне—июле 1793 года. — «Историк-марксист», т. II, 1926.

[42] **Я. Захер.** Парижские секции 1790—1795 годов. Петроград, 1921.

[43] См., например: **С. Фрязинов.** Великая французская революция. М., 1927, с. 256—257.

[44] **Н. М. Лукин.** Альбер Матьез (1874—1932). — «Историк-марксист», т. 3, 1932, с. 60.

[45] А. Матьез встречался с этими историками в Национальном архиве.

(См. подробнее: A. Mathiez. Les travaux russes sur la Révolution française.— Annales historiques de la Révolution française т. IV, 1927, p. 589—592 J. Friguglietti. Albert Mathiez, historien révolutionnaire (1874—1932). Paris, Société des Etudes Robespierristes, 1974, с. 211).

[46] Русский перевод вышел в 1928 г. под названием «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». Трехтомный труд «Французская революция», написанный Матьезом в 1921—1927 гг., был также переведен и опубликован: первый том — в 1925 г., два других — в 1929—1930 гг.

[47] **Н. П. Фрейберг.** Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 года. — «Историк-марксист», т. VI, 1927.

[48] Там же, с. 144.

[49] Там же.

[50] **К. П. Добролюбский.** Новая экономическая политика термидорианского Конвента. — «Записки Одесского Института Народной Освиты», т. 1, 1927.

[51] **П. П. Щеголев.** К характеристике экономической политики термидорианской реакции.— «Историк-марксист», т. IV, 1927, с. 74—76.

[52] Там же, с. 81.

[53] Там же, с. 100.

[54] **Ц. Фридлянд.** Классовая борьба в июне—июле 1793 года, — «Историк-марксист», т. I—II, 1926.

[55] **Ц. Фридлянд.** Переписка Робеспьера. — «Историк-марксист», т. III, 1927, с. 89.

[56] **Я. Захер.** Девятое термидора. М., 1926, с. 17.

[57] **Я. Захер.** Проблема «термидора» в свете новейших исторических работ.— «Историк-марксист», т. VI, 1927.

[58] Там же, с. 239.

[59] Там же, с. 242.

[60] Там же.

[61] **Ц. Фридлянд.** «9-е термидора», — «Историк-марксист», т. VII, 1928, с. 158—206.

[62] Об этом мне рассказал историк В. М. Далин, принявший участие в дискуссии.

[63] **Ц. Фридлянд.** 9-е термидора. с. 158—159.

[64] Там же, с. 160.

[65] Там же, с. 181. Речь идет о «Фрагментах республиканских учреждениях» (Fragment sur les institutions républicaines), написанных весной 1794 г.

[66] Там же, с. 191.

[67] Там же, с. 193.

[68] Там же, с. 189.

ГЛАВА IX

[1] Общество было создано в 1925 г. Особенно известен выпускавшийся обществом журнал «Историк-марксист». Среди пятнадцати членов совета Общества было четыре специалиста по истории Французской революции: Лукин, Моносов, Фридлянд, Авербух. (См.: П. Горин, Доклад о работе Общества Историк-марксист. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. 1.

[2] **М. Н. Покровский.** Избранные сочинения. М., 1967, т. 4, с. 427.

[3] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 2, с. 111.

[4] Там же, т. 1, с. 109.

[5] В частности, дискуссия, направленная против идеи А. А. Богданова о «торговом капитализме». (См.: Против механических тенденций в историче-

ской науке. М.— Л., 1930; Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930).

[6] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 2, с. 49.

[7] Выступление Ц. Фридлянда (См.: Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. Сб. статей. М.— Л., 1931, с. 394).

[8] Там же, с. 405, 407.

[9] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 1, с. 97—98.

[10] Там же, с. 101.

[11] Там же, с. 107.

[12] Там же, с. 109.

[13] **Ц. Фридлянд.** О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1929, № 2—3, с. 103.

[14] **Ц. Фридлянд.** Итоги изучения Великой французской революции в СССР. В сб. Классовая борьба во Франции... Указ. соч., с. 400.

[15] **С. Лотте.** Робеспьерист в роли «левого» термидорианца.— «Проблемы марксизма», 1931, №№ 8—9, с. 161.

[16] См. рецензию Я. Старосельского на книгу «Жирондисты и монтаньяры» («Историк-марксист», т. 18—19, 1930, с. 202—205).

[17] В частности, в предисловии к переведенной на русский язык книге «Термидорианская реакция» Ц. Фридлянд делает такой упрек П. Щеголеву. (См. А. Матьез, «Термидорианская реакция», М., 1931, с. 5).

[18] Там же, с. 4—5.

[19] **Д. Эрде.** Девятое термидора.

[20] Петицию также подписали: Ж. Пажес, К. Блох, Р. Гийо, Ф. Саньяк, А. Озе, П. Ренувен, Ш. Сеньобос, П. Карон, Ж. Буржен и А. Се. Этот эпизод подробно изложен в кн. I. Friguglietti, op. cit., с. 214.

[21] «Le Matin», 18 janvier 1931. Протест подписан: П. Пэнлеве, Ф. Бюисон, Поль Валери, братья Таро, М. Реклю, Ж. Дюамель, А. Тибоде, Ж. Марсель.

[22] **П. Щеголев.** После термидора, Л., 1930, с. 21.

[23] Там же, с. 24.

[24] Там же, с. 33—34.

[25] Там же, с. 61.

[26] Там же, с. 74—76.

[27] **С. Лотте.** Против «матьезовщины» и «устряловщины» в исторической литературе.— «Проблемы марксизма», 1931, № 2, с. 210.

[28] Там же, с. 214.

[29] Там же, с. 211—212.

[30] Там же, с. 212. Действительно, Щеголев попытался исправить свои «ошибки»: в немного назойливом тоне — может быть для того, чтобы усыпить бдительность критиков? — он выразил мысль, что мелкая буржуазия неспособна проводить свою собственную политику, независимую от политики, отвечающей интересам всего класса буржуазии в целом (См.: П. Щеголев. После термидора, с. 175).

[31] См. выступление Щеголева во время дискуссии по докладу «Вредительство на фронте исторической науки», организованной в Ленинграде в Коммунистической академии. («Проблемы марксизма», 1931, № 3, с. 113). В декабре 1930 г. Старосельский вместе с семью другими историками (Авербух, Далин, Фрейберг, Кунисский, Лукин, Моносов, Завитневич) подписал письмо Матьезу, которое можно рассматривать как разрыв. (См.: A. Mathiez. «Choses de Russie soviétique» — Annales historiques de la Révolution française, 1931, n° VIII).

[32] Пьеса «Робеспьер», поставленная в 1931 г. в Ленинграде, была расценена прессой как «трагедия мелко-буржуазной революционности», в которой личный крах героя символизировал неизбежное падение его класса. (Ф. Раскольников. Робеспьер.— «Красная новь», 1930, № 1). Однако в 1938 г. автор пьесы поступил так, как будто бы не хотел повторить судьбу своего героя:

будучи послом в Болгарии, он вопреки приказу Сталина не вернулся в Москву, а уехал в Париж. Оттуда Ф. Ф. Раскольников (Ильин) написал «Открытое письмо Сталину» — одно из первых разоблачений режима.

[33] **Ж. Лефевр.** «Аграрный вопрос в эпоху террора», М.— Л., 1936, с. 15—16.

[34] См.: В. Г. Ревуненков. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966, с. 126.

[35] **С. А. Лотте.** Великая французская революция. М.— Л., 1933, с. 266.

[36] **Н. М. Лукин.** Ленин и проблема якобинской диктатуры. Избранные труды, М., 1960, т. 1, с. 322—389.

[37] Там же, стр. 342.

[38] **Е. В. Тарле.** Рабочий класс во Франции в эпоху революции. М., 1909—1911.

[39] Французская буржуазная революция под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.— Л., 1941. Отметим также, что оба эти положения исчезли из трудов Добролюбского, который в большей степени, чем кто-либо другой развивал их в конце 20-х г. Вместо «социальной и экономической политики в интересах буржуазии», свойственной якобинцам летом 1794 г., мы находим здесь «мелко-буржуазную и противоречивую политику робеспьеристов, поставивших утопическую задачу создать республику мелких производителей». Если речь идет о термидорианском блоке, замышлявшем заговор, то мы узнаем, что в него входили «левые термидорианцы, экс-террористы, дантонисты, депутаты «болота» в Конвенте». Якобинцы не названы. (См.: К. К. Добролюбский. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949, с. 12, 46—48).

[40] **С. Мицкевич.** Русские якобинцы.— «Пролетарская революция», № 6—7, 1923. Мицкевич, член РСДРП с 1904 г., врач по профессии, был активным членом Московской организации. В 1924—1934 гг. был директором музея Революции.

[41] «Известия ВЦИК» и «Молодая гвардия».

[42] С. Мицкевич. Указ. соч., с. 3.

[43] Там же, с. 15.

[44] Там же, с. 21.

[45] Там же, с. 24.

[46] **Н. Н. Батурин.** О наследстве русских якобинцев.— «Пролетарская революция», № 7, 1924; его же: Еще раз о цветах русского якобинства.— «Пролетарская революция», № 8, 1925; его же: Сочинения. М.— Л., 1930. Н. Н. Батурин (Замятин), член РСДРП с 1901 г., соратник Ленина по работе в редакции «Правды» и «Звезды» (1911—1914). В 1924 г. все еще работал в редакции «Правды» и преподавал историю партии в Коммунистическом университете им. Свердлова.

[47] Там же, с. 89.

[48] **С. Мицкевич.** К вопросу о корнях большевизма. Ответ тов. Н. Н. Батурину.— «Каторга и ссылка», т. 16, № 3, 1925, с. 92.

[49] Там же, с. 95.

[50] Там же.

[51] Там же, с. 101.

[52] **М. Н. Покровский.** Ленин в русской революции.— «Вестник Коммунистической академии», № 7, 1924, с. 8.

[53] Там же, с. 12—13.

[54] Там же, с. 14.

[55] Эту же концепцию мы находим в его труде «Очерки русского революционного движения XIX—XX веков». (М., 1924).

[56] **Б. Козьмин.** Ткачев и Лавров.— «Воинствующий материализм», № 1, 1924; Н. Кравцов. П. Н. Ткачев, первый русский критик-марксист,— «На литературном посту», № 3, 1927.

[57] **Б. Горев.** Российские корни ленинизма.— «Под знаменем марксизма», № 2, 1924; А. Гамбаров. В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. М.— Л., 1926; В. Кирпотин. Чернышевский и марксизм.— «Историк-марксист», № 8, 1928; Н. Сергиевский. Партия русских социал-демократов. М.— Л., 1929; И. Теодорович. Историческое значение партии Народной Воли.— «Каторга и ссылка», №№ 8, 9, 1929.

[58] По этому вопросу см. мою статью («L'historiographie soviétique et la question nationale: continuité et rupture», dans L'expérience soviétique et le problème national dans le monde. 1920—1939, Actes du colloque Langues Orientales — CNRS, Paris, 1981.

[59] **В. Кирпотин.** Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России, М., 1930, с. 89.

[60] Там же, с. 101.

[61] Там же, с. 107—108. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[62] Там же, с. 96.

[63] См.: А. Рындич. К вопросу о классовой природе революционного народничества 70-ых годов.— «Пролетарская революция», № 5, 1930; И. Таtаров. Право-оппортунистическая апология Народной Воли.— «Историк-марксист», т. 18—19. 1930; Е. Ярославский. Маркс и революционное народничество.— «Историк-марксист», т. 1, 1933.

[64] См.: Дискуссия о Народной Воле. М., 1930.

[65] F. Venturi. op. cit.

[66] «L'Humanite», 26 octobre 1919. Делегатам VII съезда Советов Ленин представил это выражение чувств со стороны буржуазной интеллигенции как «победу», одержанную большевиками «над империалистической Францией внутри нее самой» (В. И. Ленин. ПСС), т. 39, с. 399.

[67] A. Aulard, «La théorie de la violence et la révolution française», Etudes et leçons sur la Révolution française, Paris, 1924.

[68] Там же, с. 3.

[69] Там же, с. 17.

[70] **А. Олар.** Теория насилия и Французская революция, Предисловие приват-доцента Б. С. Миркина—Гецевича. Париж, 1924.

[71] **С. Моносов.** Насилие и Французская революция.— «Под знаменем марксизма», №№ 8, 9, 1924; Р. Авербух. Олар и теория насилия.— «Печать и революция», № 1, 1925; А. Малецкий, Насилование теории или теория насилия господина Олара.— «Коммунистический интернационал», № 7, 1925.

[72] С-Я. Буржуазная революция и юридический кретинизм. О речи Олара «Теория насилия и Французская революция» — «Революция права», №№ 2, 3, 1927. Автор этой статьи Я. Старосельский.

[73] А. Малецкий. Указ. соч., с. 82—83.

[74] Там же, с. 74. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[75] С-Я. Указ. соч., № 3, с. 68.

[76] Там же, с. 70.

[77] Там же, с. 77.

[78] Там же, с. 73 и 92.

[79] Там же, с. 92.

[80] Эти утверждения Старосельского находятся в явном противоречии с документами и свидетельствами о практике взятия заложников и репрессиях ЧК, впервые приведенными в книге С. П. Мелгунова «Красный террор в России» (1918—1924), Париж, 1927. (См., в частности, I главу).

[81] Там же, с. 95.

[82] Там же.

[83] Старосельский был репрессирован в конце 30-х гг.

ГЛАВА X

[1] **Гарви П.** Под знаком термидора.— «Социалистический вестник», 22 сентября 1927, с. 4.

[2] Кроме указанной выше, см. его статьи: «От судьбы не уйдешь» 7 октября; «Юбилей или финал?» 20 октября, а также статью Д. Далина «О термидоре» 1 декабря и передовую «Борьба с термидором» 21 декабря 1927.

[3] Тогда говорили «сталинцы», слово «сталинисты» вошло в широкое употребление после смерти Сталина.

[4] **Гарви П.** Под знаком термидора. Указ. соч. Казалось, нэп был блестящим подтверждением прогнозов меньшевиков. «Разве не меньшевики чуть ли не со дня захвата власти большевиками требовали соглашения с крестьянством; разве не они аппелируя к основам русского марксизма, протестовали против огульных национализаций; и разве не они в листовке «Что делать?» сформулировали идею смешанных форм хозяйства?» (Цит. по предисловию Б. Сапира к мемуарам меньшевика Б. Л. Двинова. От легальности к подполью. 1921—1922. Stanford univ press, 1968, с. 9).

[5] **Гарви П.** Под знаком термидора. Указ. соч.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] **Абрамович Р.** Термидор и крестьянство.— «Социалистический вестник», 12 апреля 1929, с. 5.

[9] Там же.

[10] **Б. Двинов.** От легальности к подполью..., с. 10.

[11] **Б. Двинов.** На почве действительности.— «Социалистический вестник», 15 февраля 1940, с. 32.

[12] Новый этап диктатуры и наша тактика. В порядке дискуссии.— «Социалистический вестник», 8 февраля 1930.

[13] Там же.

[14] Они пытались сотрудничать с Потресовым, но поскольку не хотели порывать с партией, переговоры зашли в тупик. (См. Б. Николаевский, А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. В кн. «А. Н. Потресов 1869—1934». Париж, 1937, с. 87).

[15] Материалы к пересмотру партийной программы.— «Социалистический вестник», 25 октября 1933, с. 14—15.

[16] **Б. Двинов.** На почве..., с. 33.

[17] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 17 сентября 1936, с. 3.

[18] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 9.

[19] **Ф. Дан.** Против террора — за революцию.— «Социалистический вестник», 10 января 1935, с. 3.

[20] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 3.

[21] **Р. Абрамович.** Большевизм в тупике. О книге Каутского того же названия.— «Социалистический вестник», 25 октября 1930, с. 6—7.

[22] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 4.

[23] «Социал-демократия с большим удовлетворением отмечает, что наступил исторический момент, когда провозглашается свобода печати, совести, собраний и т. д., когда лозунг демократического режима становится лозунгом всего советского общества». (См.: Б. Двинов. На почве..., с. 32.)

[24] **Ф. Дан.** Против террора..., с. 4.

[25] Там же.

[26] **О. Доманевская.** К социализму или термидору? — «Социалистический вестник». 17 января 1937, с. 16.

[27] **Б. Двинов.** На почве..., с. 33.

[28] **Б. Двинов.** К партийной платформе.— «Социалистический вестник», 24 марта 1940, с. 71.
[29] Там же, с. 75.
[30] Там же.
[31] См.: Ф. Дан. Два пути.— «Новый мир», №№ 1 и 2, 1940; Р. Абрамович, Наши разногласия.— «Социалистический вестник», 25 апреля 1940.
[32] **Ю. Денике.** Революция без термидора.— «Новый журнал», 1943, т. VII. Б. Николаевский признал его правоту в статье «Термидор русской революции». («Социалистический вестник», 1945, № 15—16).
[33] **Л. Троцкий.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм. Историко-теоретическая справка.— «Бюллетень оппозиции», № 43, апрель 1935, с. 8.
[34] **Л. Троцкий.** По поводу тезисов Радека.— «Бюллетень оппозиции», №№ 1—2, июль 1929, с. 13. Троцкий критикует тезисы Радека, в которых тот пересматривает свое отношение к термидору. Тезисы написаны в Сибири в начале 1928 г. и распространялись среди ссыльных оппозиционеров. До XV съезда партии мнения Троцкого и Радека по этому вопросу совпадали.
[35] Там же.
[36] **Л. Троцкий.** Термидор или партийная репетиция термидора.— «Бюллетень оппозиции», № 5, октябрь 1929, с. 9. Об обстановке, в которой проходила эта дискуссия между Троцким и левым крылом международного движения, см.: D. Dukand. Op. cit. 61—77.
[37] **Л. Троцкий.** Термидор или... Указ. соч., с. 9.
[38] Там же, с. 10.
[39] Там же, с. 11.
[40] **Л. Троцкий.** О термидорианстве и бонапартизме.— «Бюллетень оппозиции», №№ 17—18, ноябрь—декабрь, 1930, с. 29—31.
[41] Сложность советской действительности создавала трудности для схемы оппозиционеров, представлявших «термидорианство» и «бонапартизм» как два этапа контрреволюции. Несмотря на это, мы находим именно эту схему в проекте платформы международной левой оппозиции в апреле 1931 г. (См.: «Бюллетень оппозиции», № 20, апрель 1930, с. 10.
[42] **Л. Троцкий.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм, Указ. соч., с. 3.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 8.
[45] В качестве примера Троцкий приводит имена советских послов Майского, Трояновского, Потемкина, Хинчука — бывших меньшевиков; народного комиссара Финансов Гринько — бывшего правого эсера; крупного дореволюционного промышленника инженера Серебровского, который «объяснялся в любви к Сталину по пять раз на странице»; Заславского, одного из руководителей прессы, который «перешел на сторону советской власти лишь в 1923 году». (Там же, с. 9—10).
[46] Там же, с. 7.
[47] Там же.
[48] Там же, с. 11.
[49] Там же, с. 12.
[50] **Л. Троцкий.** Преданная революция. М. НИИ Культуры, 1991, с. 77.
[51] Там же, с. 80.
[52] Там же, с. 97.
[53] Там же, с. 93.
[54] **Н. В. Устрялов.** На новом этапе. Харбин, 1930, с. 17.
[55] Там же, с. 9—10.
[56] **Н. В. Устрялов.** Наше время. Шанхай, 1934, с. 4.
[57] **Н. В. Устрялов.** 13 съезд. ПЗР, с. 182.
[58] **Н. В. Устрялов.** XIV съезд. Собор XX века. ПЗР, с. 222.
[59] См.: Интеллигенция и народ в революции; Кризис современной демократии; Русская звезда; Россия и поэзия Блока. ПЗР, с. 248—357.

[60] **Н. В. Устрялов.** Германский национал-социализм. Харбин, 1933.
[61] Там же, с. 18—19.
[62] **Kautsky K.** Le bolchévisme dans e'impasse. Paris, P.U.F., 1987, p. 112.
[63] **Н. В. Устрялов.** На новом этапе, с. 23.
[64] Устрялов позаимствовал этот термин у Н. С. Трубецкого, ссылаясь на его статью «О государственном строе и форме правления», («Евразийская хроника», вып. VIII, Париж, 1927).
[65] **Н. В. Устрялов.** Германский национал-социализм, с. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] M. de Coster, L'analogie en sciences humaines. Paris, PUF, 1978, p. 22.
[2] Если судить по совокупности работ советских историков, они уделяют особое внимание теме непосредственного воздействия Французской революции на русское общество XVIII — начала XIX вв. См. фундаментальное исследование М. М. Штранге «Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг.» (М., 1956), а также серию статей о печати в эпоху Екатерины II (С. Пумпянский. Великая французская революция в освещении екатерининских газет.— «Звезда», №№ 9—10, 1930; В. Альтман. Русская пресса и начало французской буржуазной революции 1789 г.— «Книга и пролетарская революция», №№ 7—8, 1939); о редких русских, находившихся в революционном Париже см.: В. Виргинский. Жильбер Ромм, история одного якобинца.— «Борьба классов», № 4, 1936; В. Далин. Первый русский якобинец. В кн. «Люди и идеи», М., 1970; о свободомыслящих якобинских кружках в Смоленске см.: Т. Снытко. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века.— «Вопросы истории», № 9, 1952; о мерах, предпринятых Павлом I против проникновения Французских идей в Россию — См.: П. Садиков. Несколько материалов для истории мер правительства императора Павла I против проникновения в Россию идей Французской революции.— «Дела и дни», т. 1, 1920; о влиянии Французской революции на Радищева или Карамзина, как об этом уже было сказано в гл. 1. Исследования по истории XIX в. очень разнообразны. В основном, они касаются состояния общества во время и после наполеоновских войн (А. Л. Нарочницкий. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой. Сопротивление и приспособление.— «Вопросы истории», № 4, 1979; Н. И. Казаков. Наполеон глазами его русских современников.— «Новая и новейшая история», № 3, 1970; В. Г. Сироткин. Великая французская революция, Наполеон и самодержавная Россия.— «История СССР», № 5, 1981; О. В. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция (первая половина XIX века). М., 1973. Другая разработанная тема — литература (Е. Н. Купреянова. Французская революция и борьба направлений в русской литературе первой четверти XIX века.— «Русская литература», № 2, 1978; П. Р. Заборов. Материалы по истории французской литературы XVIII—XIX века. В сб. «Русские источники для истории зарубежных литератур». Л., 1980; Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли. Л., 1938). Много работ о декабристах и Французской революции. Что касается второй половины XIX в., отметим две статьи Б. С. Итенберг «Россия и столетие Великой французской революции» («История СССР», № 2, 1988), «Русское общество на рубеже 70—80-х гг. и опыт Великой французской революции» («Французский ежегодник», 1976), его книгу «Россия и Великая французская революция» (М., 1988) и несколько историографических статей, рассматривающих работы «русской школы», с тем, чтобы прояснить крестьянский вопрос в России конца XIX в. (Буржуазные историки Запада в СССР.— «Историк-марксист», № 21, 1931; В. М. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции 18 века в освещении «русской школы».— «Историк-марксист», № 14, 1929; Б. С. Итен-

берг. Первая в России книга о Французской буржуазной революции конца XVIII века.— «Вопросы истории», № 11, 1988). Тема русского революционного движения и его связь с Французской революцией находится в зачаточном состоянии: за исключением темы «Ленин о Французской революции» (см., на пример, специальный выпуск «Французского ежегодника» за 1970 г.), пространно обсуждаемой, и несколько статей о «русских якобинцах», насыщенных информацией, но не претендующих на концептуализацию (Б. Козьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». В сб. «Из истории революционной мысли в России. Избранные труды». М., 1961; М. Седов. Некоторые проблемы истории бланкизма в России.— «Вопросы истории», № 10, 1971), в советской историографии нет обобщающей работы о том, что в ней постоянно называется «влиянием» Французской революции на русское революционное движение. Какие бы темы не затрагивались, методологический подход советских историков исключал проблему повторения, проблему, с которой революционеры, однако, сталкивались. После 1917 г. качественное различие двух революций, принятое как аксиома, снимало вопрос о «влиянии» Французской революции после прихода большевиков к власти.

[3] «Вся история большевизма у власти писалась под сенью Конвента, а 1793 год оставался основной исторической отсылкой. Ленин закончил свою карьеру, размышляя, как и его будущие последователи, о возможности советского термидора. Эта навязчивая идея вновь сближала Россию XX века и Францию XVIII века. J. Solé, «La Révolution en question, éd. du Seuil, 1988, pp. 333—334).

[4] В первую очередь это относится к аналогии с термидором. В общем западная историография рассматривает ее как курьез или же приписывает ей роль ругательства в споре между партийным большинством и оппозицией. Во всяком случае аналогии не придают никакого особого значения. Е. Карр (E. H. Carr, «Socialism in one country», t. 11, Baltimore-Maryland, Penguin Books; 1970, pp. 125—126), Б. Суварин, (B. Souvarine. Staline. Aperçu histirique du bolchévisme, Paris, Ed. Champ libre, 1977, N. 358—359, 36 6, 374, 384), Л. Шапиро (L. Schapiro, «De Lénine à Staline. Histoire du parti communiste de l'URSS», Paris, 1967, p. 336) и Р. Дэниэлз (R. Da niels, «The Conscience of the revolution: Communist Opposition in Soviet Russia», Cambridge, Massachusetts, Harward University Press 1960) довольно кратко упоминают о ее появлении. П. Бруе (P. Broué, «Trotski», Paris, Fayard, 1988) уделяет особое внимание термидору в выступлениях оппозиции и Троцкого. И. Дейчер является единственным западным историком, которого удивила аналогия с термидором в Советской России и который, предположив, что она имеет значение, попытался объяснить ее роль. Его внимание привлек «непонятный», «странный», «не поддающийся проверке» аспект воздействия аналогии. Данное им объяснение «чрезвычайному разгулу страстей» предполагает иррациональное начало, но на этот счет историк краток и говорит намеками. (См.: I. Deutcher, «Staline», Paris, Gallimard, 1953, p. 10; «Trotski. Le prophète désarmé (1921—1929), Paris, Julliard, 1953, pp. 614, 421—423).

[5] M. Vovelle, «La mentalité revolutionnaire. Société et mentalité sous la Révolution française», Messidor, Paris, 1985, chap. 1.

[6] Имеется в виду термин, введенный в научный оборот в кн.: Austin. How to do Things with Nords, 1962, Oxford Univ. Press (когда сказать — значит сделать).

[7] Можно привести и другие примеры, выходящие за рамки моего исследования: Грамши широко использовал понятие якобинства, рассматривая под воздействием фашизма проблему отношений между «силой и консенсусом», в том числе и в СССР. Каутский и Бауер, используя аналогию с Французской революцией как ключ к анализу советской действительности, также пытались наметить некоторые пути исследований.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИПОЛ»

Тамара Кондратьева

БОЛЬШЕВИКИ-ЯКОБИНЦЫ И ПРИЗРАК ТЕРМИДОРА

Тамара Кондратьева

Большевики — якобинцы
и призрак термидора
(перевод с французского)

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2004, 2013

Обращаем внимание читателей:
практически все работы историков
1920-30-х годов,
упоминаемые автором,
можно прочитать в нашей библиотеке,
разделы
"Великая французская революция"
http://istmat.info/node/31148
и
"Историки и историография"
http://istmat.info/node/31025

Москва, 1993
Издательство Ипол

ББК 63.3.(4Фр)+66.61(2)2
К 642
УДК 321.6(44)«1789/1794»+321.6(47+57)«19»

Перевод *Лебедевой Е. А* и *Пошерстник Т. Б.*
Художественное оформление *Чаузов А. И.*
Техническое редактирование *Калинина В. Н.*

Т. Кондратьева.
«Большевики-якобинцы и призрак термидора». — М., Ипол, 1993.

15 июля 1791 г. якобинец Антуан Барнав призвал остановить революцию. Революция не остановилась и через два года он стал ее жертвой. Нечто подобное происходило и в России. Проблема революционера, поглощаемого стихией «своей» революции, и шире — проблема конца революции, французской, русской, любой другой — предмет исследования французского историка Т. Кондратьевой.

Книга основана на тщательном изучении русских и советских первоисточников и впервые дает полное представление о них. Рядом с Лениным и Троцким на страницах книги оживают значительные исторические фигуры: Раковский, Устрялов и др.

Т. Кондратьева — кандидат исторических наук (МГУ), доктор исторических наук (Сорбонна), читает курс русской истории в Государственном институте Восточных языков и цивилизаций (Париж).

ISBN 5-900144-02-X

© Éditions Payot, 1989, Paris.
© Издательство «Ипол» 1993, Москва.

Сдано в набор 6.08.93. Подп. в печать 17.11.93. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура литерат. Печать высокая. Тираж 3000. Зак. 489.

АО «Чертановская типография»
113545, Москва, Варшавское ш., д. 129а

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Глава I. Как завершить революцию, не прибегая к террору и избежать возврата к деспотизму? 9

Этатистский вариант Карамзина, 12; — Заговор декабристов, 14; — Ответы народников, 18.

Глава II. Между аналогией и отождествлением: какой революционер нужен России? 25

За террор или против Робеспьера. русские «якобинцы» и русские «жирондисты», 25; — Три «степени» русского якобинства, 30; — Народники против «русских якобинцев», 34.

Глава III. «Большевики — якобинцы» и «меньшевики — жирондисты»: лицом к наследию 38

Новые ответы на старые вопросы, 38; — Сомнения большевиков в вопросе о родстве с якобинцами, 47.

Глава IV. Пробуждение исторического сознания (1917—1921) . . 55

Распространение аналогий и представления о Французской революции, 55; — Первая аналогия с термидором, 63; — Ответный удар большевиков, 67.

Глава V. У истоков второй аналогии с термидором 70

Николай Устрялов — «певец термидора», 70.

Глава VI. Аналогия проникает в Советскую Россию 87

Термидор: проблема, загнанная в глубь сознания, 89; — Термидор название, которого следует избегать, 96; — «Термидорианцы»: невыговариваемый упрек, 103, — 1925 год «дело Залуцкого» или выговоренное, наконец, слово «термидор», 105.

Глава VII. Был ли НЭП термидором? 114

Колебания среди оппозиционеров: совершился ли термидор в Советском Союзе?, 114; — Партийное большинство категорически отказывается от аналогий, 127.

Глава VIII. Борьба с аналогией разворачивается 136

Инициатива сторонников Бухарина, 137; — Необходимость «научных критериев», 144, — Сомнения историков, 147.

Глава IX. Последнее слово принадлежит историкам 157

Историки-марксисты определяют задачи, 157, — Каждой революции свое место, 161, — Порвать с русскими «якобинцами», 168; — Ответ на «провокацию» Альфонса Олара, 173.

Глава X. Термидор: отступление или шаг в неведомое? 179

Меньшевики перестают говорить двусмысленно, 179, — Троцкий аналогия на службе теоретической мысли, 186, — «Великий перелом» ставит Устрялова в затруднительное положение, 194.

Заключение 198

Примечания 204

Предисловие

Прежде, чем написать эту книгу, я изучала идейное наследие Антуана Барнава, французского революционера, яркого оратора, который 15 июля 1791 г. с трибуны Учредительного собрания призвал своих соотечественников остановить революцию. Теоретические размышления привели его к заключению, что революция рискует зайти слишком далеко, дальше положенного ей ходом Истории. Революция не остановилась, и в 1793 г. Барнав стал ее жертвой. Проблема революционера, поглощаемого стихией «своей» революции и шире проблема конца революции, французской или любой другой, была таким образом в центре моего внимания, когда М. Я. Гефтер упомянул в разговоре со мной о «русском термидоре». В то время мало кто о таковом слышал, не слышала и я, а Михаил Яковлевич достал с полки запрещенную книгу Н. В. Устрялова «Под знаком революции» и навел меня тем самым на тему-табу. Начну эту книгу с благодарности ему.

* * *

В России, как и повсюду, Французская революция завораживала или вызывала резкое неприятие. Следовало ли повторить опыт или надо было превзойти французов, добившихся лишь формальных свобод и равенства? Можно ли было обойтись без того, что русские революционеры считали ошибками и крайностями предшественников, избежав при этом их трагического конца?

В России революционеры отказывались следовать французской модели. И если Ленин во время первой русской революции, в 1905 г., пришел к выводу о необходимости революции, подобной той, что произошла в 1789 г., он отнюдь не отказался от намерения превзойти Французскую революцию, предусмотрев перерастание «буржуазно-демократической революции в социалистическую». После 1917 г. большевики станут отвергать все аргументы в пользу того, что Октябрьская революция имеет те же признаки, что и революция 1789 г.

Однако отношение русских к Французской революции не ограничивалось одним лишь аспектом отрицания—преодоления. Также сильны были стремление и соблазн прибегнуть, размышляя о действительности, к сравнениям с французскими событиями и персонажами XVIII в. Ни одно рассуждение, будь оно революционным или либеральным, не обходилось без того, чтобы не примерить на себя обветшалое платье 1789 г. Даже консерваторы, защищая порядок и царское самодержавие, вынуждены были доказывать невозможность повторения подобной «слепой случайности» в России.

Подтверждением сказанному служат многочисленные аналогии. Они повторяются с поразительным постоянством. В 40-е годы XIX в., когда внутри освободительного движения началось размежевание на либералов и радикалов, на сцену вышли русские «жирондисты» и «якобинцы». В течение десятка лет они не сходили со сцены. Однако «якобинцы» чувствовали себя неловко в костюмах своих персонажей, и на их место пришли более решительные актеры, воплощающие, как им казалось, «молодую Россию». Они претендовали на роль подлинных якобинцев. Тем временем «жирондисты» покинули подмостки, заявив, что французская пьеса не годится для России. Первая русская революция породила новых актеров (кое-кого из них в будущем ждал успех!), и они перехватили роли. «Жирондистами» стали меньшевики, а «якобинцами» — большевики. Но и этим актерам непросто было входить в роль, ибо они хотели быть оригинальными, но при этом находились в плену своих героев воплощавших французский опыт. Получалась двусмысленная игра, которая после 1917 г. породила вопросы относительно природы спектакля, разыгравшегося на сцене, коей был Советский Союз. В 20-е и 30-е годы на этой сцене можно было видеть «большевиков-якобинцев» в схватке с призраком термидора. Отсюда новые многочисленные и часто проницательные вопросы. Пригоден ли французский образец? Был ли Ленин Робеспьером, который сам организовал термидор? Был ли Сталин Бонапартом? Можно ли считать большевистский термидор собственно термидором?..

Разумеется, к опыту Французской революции обращались и в других странах. Но особенность ситуации в России, и тем более в СССР, состояла в том, что Французская революция обрела здесь особую, в других местах неизвестную политическую значимость, так как явилась историческим прецедентом для свершившейся, а не только проектируемой революции. Со времени перестройки события в сегодняшней России, расцениваемые как «новая революция», придают этой предшествующей ситуации еще больший вес.

Действительно, эта книга была почти закончена, когда в СССР в 1987 г. вновь стали прибегать к сравнениям, вышедшим из употребления в 30-е годы. В первой серии сравнений происходит возврат к формуле «так же, как», оттеснившей на задний план единственную до сих пор освященную формулу «в отличие от». Пример подал М. С. Горбачев, предложив рас-

смотреть советские реалии с помощью исторических аналогий [1] Он сравнивал «классическую буржуазную» Французскую революцию с «пролетарской социалистической» Октябрьской революцией и при этом утверждал, что механизм их осуществления был один и тот же, утверждение абсолютно небывалое с точки зрения официального толкования Октябрьской революции в советской историографии. Он не колеблясь поставил в один ряд 1789 и 1871 гг., т. е. «буржуазную революцию» и первый опыт «пролетарской революции» (если придерживаться марксистского и советского понимания Парижской коммуны). Горбачев интерпретировал революционный феномен как некое самостоятельное целое без учета его «классового содержания». Таким образом, он, сознательно или нет, поставил под вопрос всю советскую концепцию Истории, которая зиждилась на аксиоме, что 1917 год есть начало новой эры, исходный момент пролетарской социалистической революции, истории Советского Союза и поворот в мировой истории.

Изменение отношения советского руководства к правам человека равным образом заставляло думать, что Горбачев и его сторонники непроизвольно смешивали воды из двух источников, т. е. «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 г., хотя эта последняя и была сформулирована Лениным в противоположность первой Вслед за Лениным французскую декларацию считали важным, но недостаточным достижением, ибо она «маскировала классовое содержание буржуазного государства» [2]. Произнося 7 декабря 1989 г. речь в ООН, Горбачев как будто забыл об этом· воздав формальные почести «двум великим революциям», «радикально изменившим ход событий», он, делая их достоянием прошлого, отдал сегодняшний приоритет «общечеловеческим ценностям», корни которых уходят, надо понимать, глубоко в историю, которая началась не в 1917 г

Из высказываний тогдашнего главы Советского государства и Генерального секретаря ЦК КПСС следовало, что он стирает установленную границу между революциями. Конечно, он не выразил такого намерения открыто. Зато у советских рокеров из группы «ДДТ» появилась песня, прямо-таки подарок к 200-летию Французской революции, не оставляющая места сомнениям.

«Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра
Сколько миров сжигают в час во имя твоего святого костра?»

[1] Горбачев М С Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира М Политиздат, 1987, с 46—47

[2] История СССР с древнейших времен М Наука, 1967, т VII, с 284

Разумеется, сомнению здесь подвергается Октябрьская революция, но и Французская тоже, так как в конце песни звучит мелодия Марсельезы.

Вторая серия сравнений обнаружилась в советской прессе. В ней снова, как когда-то в 20-е годы, замелькали сопоставления террора, экономических реформ, личностей. Так, один из авторов признавал, что в СССР извлекли кое-какие уроки из опыта Робеспьера, но в то же время осторожно спрашивал себя, не явилась ли идеализация Неподкупного в революционной историографии главной причиной трагического развития событий в 20-е и 30-е годы [3]. Другой автор признавал важность проблемы термидора в 20-е годы и призывал изучать ее в свете перестройки [4]. Параллели оказывались в избытке, коль скоро речь заходила о природе сталинского переворота (был ли он бонапартистским?)[5] или, к примеру, когда высказывалось беспокойство по поводу «ощутимых признаков бонапартизма у товарища Ельцина» [6]. А. Яковлев в речи перед ЦК 2 декабря 1987 г. (причем, по-видимому, не догадываясь о совпадении даты с бонапартистским переворотом во Франции 2 декабря 1852 г.) заявил, что следует избавиться от десятков тысяч мелких бонапартистов, которые подрывают общество и мешают двигаться больше, чем всякий другой недостаток [7]. Можно лишь пожалеть, что неизвестно, к какой эпохе относятся эти «бонапартисты»: к послеоктябрьской или к послетермидорианской.

Перемены в России, начавшиеся в 1985 г., и по сегодняшний день переживаются как революционные. Исторические отсылки кажутся совершенно необходимыми для осмысления происходящего, но варьируются они мало. Так, еще совсем недавно Виктор Манухин, набрасывая «штрихи к портрету отечественного либерал-большевизма», не смог обойтись без Французской революции.

«Ныне русская революция беременна термидором, который, опираясь на идею национального согласия, был бы способен обуздать эксцессы смутного времени и гарантировать обществу разумные стандарты свободы, безопасности и развития» [8].

[3] Сергеев В Тигр в болоте — *Знание — сила,* 1988, n° 7, с 74

[4] Волобуев П В Октябрь история и историки — *Советская культура,* 5 ноября 1988

[5] Волков Г Вознесение О том, как Сталин сделался великим философом — *Советская культура,* 7 июня 1988, Затонский Д Почему они оговаривали себя и других — Неделя, 1988, n° 28. Волкогонов Д А Шанс совести существует всегда — Книжное обозрение, 1988, n° 33

[6] *Правда,* 13 ноября 1987.

[7] *Правда,* 3 декабря 1987

[8] *Независимая газета,* 15 апреля 1993

Ссылка на бонапартизм — это общее место в политическом дискурсе, упоминания о Французской революции в нем тоже не редкость. Конечно, в языке постоянно проскакивают то те, то другие сравнения, но если одни и те же образы повторяются вот уже более ста лет, то это свидетельствует о постоянстве восприятия, которому следует уделить особое внимание.

В книге систематически прослеживаются условия, в которых в России возникали аналогии с Французской революцией и восприятие их действующими лицами истории. В последнее время появились работы, в которых показано, как в 1917—1918 гг. груз деспотического прошлого помешал спонтанно возникшим демократическим организациям ужиться между собой на демократической основе [9]. Интересно также изучить и другой аспект прошлого, тяготеющего над настоящим. Я имею в виду то отношение — смесь влечения и неприятия,— которое в России испытывали к Французской революции. Особенно это касается политических последствий такого отношения в 20-е годы, когда существовала парадоксальная ситуация: большевики, русские революционеры XX в., боролись с термидором — явлением, имевшим место в XVIII в. во Франции. Ситуация ирреальная, или точнее сказать, реально существующая только в коллективном воображаемом [10]. Цель книги, поэтому, не добавить к обширной историографии, где сравниваются революции, вымеряются их схожие и несхожие черты и ищется самая «правдивая» аналогия, а выяснить роль, сыгранную коллективным воображаемым в реальных событиях, а именно роль указанного парадокса в политическом выборе пути развития и в формулировании новой советской философии Истории в конце 20-х — начале 30-х годов

Чему соответствует тот бесхитростный суммарный образ, что воспроизведен на обложке книги: Робеспьер — Ленин, Наполеон — Сталин?

[9] О политическом абсолютизме, отвечающем ожиданиям народных масс в 1917 году и сразу после октябрьского переворота, а также о деспотизме (самодурстве), который пронизывал общество снизу доверху, мешая предусмотреть и особенно осуществить антидеспотический разрыв см.: Ferro M. *Des soviets au communisme bureaucratique.* Paris, Gallimard, 1980; Ingerflom C. S. Le citoyen impossible. Les racines russes du leninisme. Paris, Payot, 1988.

[10] О термине «воображаемое» (imaginaire) см. книгу: Baczko B. *Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs.* Paris, Payot, 1984. Коротко говоря, воображаемое — это представления коллектива или общества о самом себе, идеи-образы, через которые общество идентифицирует себя, ощущает разногласия, узаконивает свои полномочия, вырабатывает для своих членов модели, способствующие развитию..

Глава I

Как завершить революцию, не прибегая к террору, и избежать возврата к деспотизму?

Образ русского революционера, преклоняющегося перед величием Французской революции, восхищающегося ее героями, столь часто мелькает в воспоминаниях, что выглядит самоочевидным. Духовная суть его хорошо передана в словах Герцена:

> «Поклонение Французской революции — это первая религия молодого русского, и кто из нас тайно не владел портретами Робеспьера и Дантона?» [1].

Не будучи ошибочным, этот образ все же не отражает полноты отношения русских революционеров XIX в. к Французской революции, ибо при ближайшем рассмотрении оказывается, что это отношение имеет своей основой скорее неприятие, чем восхищение [2]. Для большинства революционеров исключена была возможность какого бы то ни было повторения. Начиная с Радищева, — аристохрата и приверженца Просвещения, ставшего прототипом всех русских революционеров, — и кончая Лениным, все они стремились превзойти опыт XVIII в., отвергая его содержание и ставя под сомнение формы, в которых он осуществлялся, или же не приемля ни то, ни другое. Но поскольку они безоговорочно принимали саму идею революции, они не могли примирить преданность ей с мучительными вопросами, которые возникли по их мнению на исходе Французской революции: террор, диктатура, реставрация...

Таким образом, та щекотливая проблема, — как завершить революцию, не прибегая к террору, — которую унаследовала социал-демократическая партия, наметилась в истории освободительной борьбы в России задолго до начала XX в.

ДРАМА РАДИЩЕВА

Александр Радищев вошел в русскую историю как человек, первым осмелившийся в XVIII в. распространять идеи Французской революции в России. Его имя неизменно фигурировало во всех советских учебниках, где обязательно связывалось с мыслью о закономерности революций, и где Радищев изображался приверженцем Французской революции.

Такой образ Радищева был стереотипом Во время «оттепели» Е. Г. Плимак [3] и Ю. М. Лотман [4] предложили иной, мало соответствующий стереотипу образ. Они соглашались с тем, что Радищева следует считать революционером, но при этом подчеркивали противоречивость его представлений и сомнения относительно успеха революционного действия. Исходя из идейной эволюции Радищева, они оспаривали официальную точку зрения, утвердившуюся в 30-ые годы. Согласно ей, этот «гений» всю жизнь неизменно оставался певцом революции, они же попытались показать сложность его политической мысли. Анализ радищевских текстов, основанный на тщательных сопоставлениях, позволил им прояснить отношение мыслителя к Французской революции.

Уже в 1783 г. в оде «Вольность» Радищев прославляет английскую и американскую революции и приветствует грядущую русскую. В этом поэтическом произведении особенно ощутимо влияние Руссо. Так, когда Радищев одобряет казнь короля и революционное насилие, он обращается к мысли философа о верховенстве «всеобщей воли» над «волей каждого», к мысли в высшей мере спорной, ибо она позволяет принуждать человека (или «всех людей»!) к свободе. В 1790 г. под непосредственным впечатлением от событий Французской революции Радищев печатает в своей собственной типографии и анонимно выпускает «Путешествие из Петербурга в Москву», куда частично включает оду и где безоговорочно осуждает самодержавный строй и крепостное право, это «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», а также утверждает законность сокрушающего его народного гнева. Эта книга стоила Радищеву смертного приговора, замененного затем на ссылку в Сибирь.

В двух названных сочинениях Радищев бесспорно выглядит убежденным сторонником политической свободы и революции. И все-таки при более внимательном чтении и сопоставлении с более поздними его сочинениями обнаруживается Радищев, весьма далекий от какой бы то ни было сакрализации революции. За эпопеей установления независимости Америки он видит различия между сотней людей, ведущих роскошную жизнь, и тысячами других, у которых нет ни крыши над голо-

вой, ни куска хлеба. И он думает, что Франция лишь повторила злополучный опыт Англии, ведь на место старого тирана, который был гильотинирован, пришел новый. Народ восстановил, разумеется, свободу, попранную тиранией, но лишь для того, чтобы тут же ее потерять: «Таков есть закон природы, из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...» [5]. Итак, две ключевые проблемы, поднимаемые Радищевым начиная с его первых революционных сочинений, — это трагические метаморфозы революций и перерождение свободы.

Уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев отходил от руссоистской идеи о революционной диктатуре [6], а в более поздних сочинениях это отмежевание проявилось еще сильнее, ведь действия якобинцев были практически неприемлемы для Радищева, а Гельвеция он предпочитал Руссо В сознании Радищева этика удовольствия, разумного эгоизма и права каждого на возможно большее счастье возобладала над идеалами героического аскетизма и над идеей о диктаторских правах «всеобщей воли» [7].

Результаты Французской революции, в особенности 18 брюмера, глубоко разочаровали Радищева Об этом ясно свидетельствует «Песнь историческая», написанная в 1802 г, одно из его последних сочинений [8]. Здесь Радищев вновь обращался к намеченной еще в оде «Вольность» теме заката свободы и развивал ее И если в оде упоминание естественного закона выглядело как простое предостережение, то «Песнь историческая» определенно пессимистична. Она изобилует примерами «просвещенного деспотизма» и политической борьбы, почерпнутыми из истории античной Греции и Рима, и все они истолкованы как поражение свободы Только один пример взят автором из современности, и он показателен: кровавая диктатура Суллы сравнивается с диктатурой Робеспьера.

Разумеется, Радищев и теперь признавал право народа на восстание. Французская революция оставалась в его глазах событием позитивным, законным. Но если он полагал, что народ, как высший суверен имеет право на жизнь и смерть каждого гражданина, то террора, в котором выражалась диктатура, он не принимал, а сама диктатура ужасала его еще больше, чем кровь: состоящий из множества депутатов Конвент ведет себя так же, как один деспот, попирающий личную свободу Радищева мучила проблема противовеса неискоренимому деспотизму. По его мнению, наилучшая гарантия должна была проистекать от народа, но лишь в той мере, в какой тот осознавал свой суверенитет. Однако же выводы Радищева пессимистичны В заключительных строках «Песни исторической» он сетовал на горькую участь смертных иметь благие помышления о бла-

женстве, но не уметь их осуществить раз и навсегда [9].

Однако в «Осмнадцатом столетии», где эпоха изображена как время безумия и мудрости, русскому читателю давалась надежда: Радищев, возвращенный Александром I из Сибири, восхвалял императора за стремление управлять согласно закону. Можно ли из этого заключить, что Радищев-революционер пришел к упованию на добрую волю монарха? [10]. Утвердительно ответить трудно, так как в 1802 г., вскоре после восшествия на престол Александра I, писатель покончил с собой. Скорее всего прав Е. Г. Плимак, объясняя странный поворот мысли и кончину Радищева «духовной драмой революционера» [11], потерявшего веру в спасительную роль революции.

ЭТАТИСТСКИЙ ВАРИАНТ КАРАМЗИНА

Если Радищев кажется раздавленным грузом проблем, вскрытых им во Французской революции, то Николай Карамзин [12] как бы развивает идеи в ответ на те же самые вопросы.

В отличие от Радищева, Карамзин не был страстным обличителем режима, не был он и гонимым распространителем революционных идей. Крупная фигура в сентиментализме, он был также официальным историком, приверженность которого монархическому принципу ощущается в каждой строке знаменитой «Истории государства Российского». В политическом смысле он принадлежал к числу умеренных, которых было в русском обществе подавляющее большинство, тогда как радищевы составляли в нем исключение. В 1789—1790 гг. Карамзин совершил путешествие по Европе, и таким образом стал очевидцем Французской революции. Карамзин не выносил о ней однозначного суждения [13]. Изначально, вне связи с конкретными событиями, он относился к ней позитивно, считая революции фактором прогресса. Что же касается Французской, то тут еще прибавлялось обаяние захватывающей действительности. Для Карамзина революция — это не действия горстки фанатиков, «дерзких» и «хищных, как волки», а результат длительного прохождения французской нацией всех стадий цивилизации.

> «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел» [14].

Карамзин считал революционные изменения законными и интересовался их историческим воплощением. Поначалу ему показалось, что Французская революция реализует принципы равенства, братства и гуманизма, провозглашенные просветителями. Но в 1793 г., когда развитие революции подвергло эти принципы, так же как и представления философов о народе, серьезному испытанию, Карамзин отвернулся от неистовой стихийной борьбы. Можно было бы ожидать, что его симпатии обратятся к революционерам типа Барнава, которым претила казнь короля, и что он сразу же отвергнет якобинский этап революции. Но как это ни парадоксально, Карамзин плакал, узнав о смерти Робеспьера, о котором говорил с большим почтением, восхищался его бескорыстием, серьезностью, не часто встречающейся силой характера [15].

Такое отношение было продиктовано тем, что Карамзин проникся уважением к личности Робеспьера, встречаясь с ним в Париже, а также тем, что вдохновлявшие его политические идеалы были не свободны от утопий. Дорогая сердцу философов XVIII в. республика, основанная на суверенитете народа, или защищавшийся либералами начала XIX в. парламентаризм его не привлекали. Идеалом Карамзина была платоновская «республика мудрецов». Он понимал под этим социальный порядок, установленный в ущерб личной свободе, но полный государственной добродетели. «Мудрецы» регламентируют все: экономику, искусство и даже личную жизнь граждан. Карамзин не принимал уличного санкюлотского насилия, но насилие как выражение сильной власти, например, в деятельности Петра Великого, не шокировало его. Он разделял руссоистскую идею верховенства «всеобщей воли» над «волей каждого». Государственный деспотизм, осужденный Радищевым, находил полное одобрение у Карамзина. Вот почему опечаленный казнью Робеспьера, он в то же время сожалеет и о падении якобинской диктатуры. Эта диктатура, по его мнению, была вполне готова силой утвердить «высокую добродетель» и равенство и таким образом реализовать платоновскую утопию.

Карамзин был убежденным монархистом. Когда его спрашивали, как он может называть себя в душе республиканцем и защищать в то же время монархический принцип, он отвечал:

> «Без высокой добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают» [16].

Падение Робеспьера было, как раз примером, подтверждавшим эту мысль. Французский опыт приводил Карамзина к заключению, что революция сверху, исходящая от монарха или

от государства, должна заключать в себе больше возможностей утвердить «высокую добродетель», чем революция, зародившаяся на улице, и государственный деспотизм парадоксальным образом оказывался у него лучшим средством для осуществления революционных преобразований.

ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ

Разочарование Радищева и Карамзина в результатах Французской революции являло собой лишь наиболее законченную форму воззрений, широко распространенных в русском обществе начала XIX в. Тогда казалось, что диктатура якобинцев нарушила свободу личности, и логично было считать, что Бонапарт — продолжатель Робеспьера. Для русских образованных людей было совершенно очевидно, что военная диктатура Наполеона прямо противоречила исходным идеям Просвещения. Равенство и свобода оказывались химерами, а «власть толпы», виновная в новом деспотизме, дискредитировала идеи Руссо о суверенитете народа. Испытав разочарование и разделяя недовольство самих французов, русские решительно отрицали законность революций.

В самом деле, после 1815 г.[17] их взгляды формировались главным образом на основе французских авторов, критиковавших принцип неограниченного суверенитета народа, поскольку, как они утверждали, он ведет к деспотизму одного лица. Излюбленным чтением будущих декабристов были произведения Бенжамена Констана «О духе завоевания и узурпации» и «Курс конституционной политики»[18] или «Размышления о Французской революции» г-жи де Сталь[19]. Точно так же читали, несмотря на запреты цензуры, и авторов XVIII в.: Руссо, Мабли, Вольтера, Гельвеция[20]. Они оставались источником вдохновения и объектом восхищения, но их политические идеи воспринимались критически, в свете имеющегося уже опыта, продемонстрировавшего их несостоятельность.

В этих условиях не встречали отклика призывы Радищева к революции, столь сильные в оде «Вольность» и в «Путешествии из Петербурга в Москву»[21]. Тогда в моде был Н. И. Новиков. Этот лидер русского Просвещения, разделяя с Радищевым критическое отношение к самодержавному режиму, был лишен радищевской революционной страсти. Просвещенные дворяне, которые, благодаря войне, открыли для себя Европу, воспринимали критику крепостного права и самодержавия и у Радищева, и у Новикова, но отдавали предпочтение Новикову за его лояльность. Они считали, что превыше всего стоит закон, и ни монарх, ни народ не имеют права его нарушать. Все декабристы формировались в атмосфере этой либеральной идеологии и разделяли подобные настроения.

Таким образом, по-видимому не было прямой преемственности между идеями Радищева и идеями декабристов. Осуществляя свои заговорщические замыслы, декабристы отходили от либеральной среды[22]. Их тайные общества, конечно же, свидетельствуют о возврате революционных идей. Но в какой мере эти идеи были вдохновлены Французской революцией и «первым русским революционером»?

Вопрос проясняется, если посмотреть, что́ говорили о Французской революции эти революционеры, вышедшие из дворян. Вот отрывок из дневника Сергея Тургенева за 1915 г.:

> «Сохрани меня Бог думать о революции в России в смысле... внезапной и похожей на ту, которая имела место во Франции. Я желаю для своего отечества, которое люблю, совершенно другого и верю, что мои стремления столь же разумны, сколь и законны... И вот какой революции я хочу. Нужно, чтобы эта революция развивалась медленно, чтобы она шла шаг за шагом. Чтобы она направлялась правительством и чтобы граждане лишь ей содействовали»[23].

Не менее красноречивые суждения о революционном катаклизме, вовлекающем массы, оставил в своем дневнике старший брат Сергея Николай Тургенев:

> «Все в России должно быть сделано правительством, ничто самим народом. Если правительство ничего не будет делать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу»[24].

В трактате Николая Тургенева «Теория политики», написанном в 1818 г., опыт Французской революции осужден и, наоборот, восхваляется английский парламент: «Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть»[25]. Сходные взгляды высказывал и поэт П. А. Вяземский, человек близкий декабристам, почитатель Бенжамена Констана[26].

Историки считают такие суждения типичными для первого периода декабристского движения, примерно до 1820 г.[27] Этот бурный, по выражению историка М. В. Нечкиной, год принес революционные потрясения в Испании, Неаполе, восстание Семеновского полка и крестьянские бунты в России; и все это произвело сильное впечатление на будущих декабристов. К тому же примерно в тот же момент рассеялись иллюзии относительно реформ Александра I, а Реставрация во Франции продемонстрировала декабристам необратимость основных завоеваний революции. М. В. Нечкина заключила, что эти события пробудили в декабристах революционные мысли, подтолкнули их перейти к делу. Такое объяснение создает ошибочное представление, позволяя думать, что после 1820 г. де-

кабристы перестали желать, чтобы русская революция отличалась от французской. Вся их деятельность и их мысли, напротив, свидетельствуют о том, что они по-прежнему отвергали французский образец [28].

Действительно, переход в 1820 г. к активным действиям означал изменение тактики: на место тайной деятельности с целью воздействия на общественное мнение ставился военный заговор с целью государственного переворота. Притом решение поднять армию и действовать силой нисколько не означало, что пропало недоверие декабристов к народному бунту; русские аристократы продолжали отрицать идею стихийной революции вроде той, что была во Франции. Достаточно вспомнить, что в отличие от итальянских карбонариев, в рядах которых насчитывались десятки тысяч человек, декабристы исчислялись лишь десятками. И в Испании, и в Греции, и в Неаполитанском королевстве революционеры-дворяне пользовались поддержкой если не всего народа, то во всяком случае широких социальных слоев. Ничего подобного не было в России.

П. Пестель утверждал во время допросов, что декабристы пытались избежать «ужасов, имевших место во Франции» [29]. Под таким углом зрения военный заговор декабристов выглядит скорее как альтернатива Французской революции в русских условиях. Действовали ли декабристы, повинуясь классовому инстинкту [30] или нет, фактом остается их стремление избежать того, что они называли «бесконтрольной резней» по французскому образцу. И точно так же они надеялись обуздать размах революции, чтобы получить результаты, отличные от разочаровавших их результатов Французской революции.

Действительно, составленная Пестелем «Русская правда», т. е. план преобразований, ожидавших Россию в случае успеха заговора, оставляет впечатление, будто революция и контрреволюция должны быть проиграны в одном акте. В плане социальных изменений предполагалась аграрная реформа, призванная разрушить феодальную систему, но в то же время и помешать росту новой «аристократии богатств».

На формировании таких антибуржуазных позиций не могли не сказаться представления, которые декабристы имели о политике, проводившейся Маратом, Робеспьером или Сен-Жюстом. Освобождение крепостных крестьян, создание государственных земельных владений на землях, конфискованных у крупных собственников, распределение наделов среди освобожденных крестьян — все это меры, направленные против угрозы деспотизма, которая, по мнению Пестеля, исходила от новой аристократии. Он обращался к традиционным общинным формам владения и распределения земель, и именно они должны были обеспечить успех России там, где другие страны потерпели неудачу. Такой порядок, в сущности, социалистический, хотя слово это и не употреблялось, предвосхищавший революционные теории второй половины XIX в., рассматривался как превентивное средство от возврата к деспотизму.

В плане политическом Пестель, принимая во внимание ситуацию в России, пришел к идее военной диктатуры. Он был глубоко убежден, что масса — это ничто и будет лишь тем, чего хотят личности, которые есть все [31]. Он утверждал, что европейские события последних пятидесяти лет доказали: народы, которые хотели все изменить одним махом и отказывались от постепенных преобразований своего государства, вновь оказывались под игом деспотизма. В России не приходилось ничего ждать от народных масс; следовательно, инициатива должна была исходить от тайной организации, узкой группы личностей, и военная диктатура понималась как средство, предохраняющее от ловушек деспотизма. Согласно Пестелю, диктатуру следовало ограничить сроком в десять—двенадцать лет, в течение которых надлежало обеспечить постепенность преобразований. Народное представительство не могло взять на себя власть немедленно; требовался переходный период, чтобы приучить народ к новым принципам правления, формы которого, будь то республика или конституционная монархия, имели второстепенное значение [32]. Идеалом Пестеля была сильная и централизованная государственная власть, на которую он возлагал функцию распределителя благ в соответствии с критерием социальной справедливости, и если во имя процветания всего народа в целом нужно было ограничить свободу личности, эта власть должна была действовать без колебаний. Таким образом, формально гарантированные в «Русской правде» свободы печати, собраний, совести оказываются урезанными или даже вовсе сводятся на нет.

Политическая модель Пестеля являла черты, присущие якобинской диктатуре, авторитарной по своим методам и демократической по целям, но при этом Пестель претендовал на то, чтобы избежать ошибок французских революционеров.

Иной по сравнению с перспективой военной диктатуры путь был предложен Н. Муравьевым, разработавшим конституционный проект Северного общества. Н. Муравьев как бы предлагал здесь собственное средство от возврата к деспотизму. Его программа предусматривала учреждение в России уже проверенной в других странах системы конституционной монархии и федерации [33]. Учредительное собрание должно было разработать конституцию или утвердить ее проект, приготовленный заранее. В оппозиции Муравьева и его сторонников идеям Пестеля выявляется проблема, поднятая когда-то Радищевым. Это проблема перерождения революционной диктатуры, трансформации

Музей-панора

ее в единоличную власть бонапартистского типа. П. Борисов, один из основателей Общества соединенных славян, влившегося в 1825 г. в Южное общество, так возражал, например, М. Бестужеву—Рюмину:

> «По вашим словам, революция будет совершена военная... одни военные люди произведут и совершат ее. Кто же назначит членов Временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять 10 лет целою Россиею? Что составит его силу и какие ограждения представит в том, что один из членов нашего правления, избранный воинством и поддержанный штыками, не похитит самовластия» [34].

Другой представитель Общества соединенных славян, И. Горбачевский, соглашаясь принять программу Пестеля при слиянии двух обществ, разработал тем не менее свой собственный проект. Он проявил таким образом свое критическое отношение к «официальному» проекту общества и сформулировал при этом возражения, сходные с приведенными выше:

> «Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются» [35].

Итак, возвращение декабристов к идее революции происходит через постановку вопроса об исходе Французской революции, поставленного еще Радищевым: это бесконтрольная резня, организованный террор и диктатура, вырождающаяся в новый деспотизм... Их решение поднять армию с целью захвата власти продиктовано надеждой, проявив находчивость, осуществить революцию такими методами, которые позволят избежать уготованных ей ловушек. Военный заговор и конституционные проекты декабристов явно представляют собой первую попытку превзойти в социальной и политической области Французскую революцию.

ОТВЕТЫ НАРОДНИКОВ

Стремление превзойти Французскую революцию в большой степени присуще и народникам. У них оно приобретает социалистическое содержание, начало которому было положено Герценом. Размышляя в «Письмах из Франции и Италии» об опыте 1848 г., Герцен пришел к выводу, что революционный потенциал Европы исчерпан. Лишь мещане, полагал он, присвоили себе на сегодняшний день результаты Французской революции в этой части света. И если сохранилось еще несколько малочисленных наследников революции — социалистов, идущих по стопам Бабёфа, то опору они могут найти лишь за пределами западных стран [36]. Отсюда антителеологическое видение Истории. исторический процесс, дошедший в Европе до идеи социализма, теперь должен возобновиться от этой отправной точки в другом месте и в качестве альтернативы европейскому развитию. В такой перспективе политическая революция. типа 1789 г. теряла всякую актуальность в России, так как теория освобождала ее от обязательности повторения европейского пути. Герцен считал, что об ограниченном характере этой революции (имеется в виду лишь формальное установление свобод — Т. К.) можно было догадаться еще в конце XVIII в., теперь, после 1848 г. он стал очевиден. По поводу либерализма Герцен, все еще находившийся под впечатлением событий июня 1848 г. в Париже, замечал, что «скептицизм» его современников «провозглашен вместе с Республикой 22 сентября 1792 г.» [37]. Быть революционером после 1848 г. означало в его глазах желать глубоких социальных преобразований, не ограниченных только политическими свободами, т. к. либерализм, эта «последняя религия» человечества, не привлекал больше верующих.

Проделав этот теоретический анализ, Герцен приходил к формулированию идеи «русского социализма», который, как он считал, сможет заменить собой и превзойти достижения европейских революций [38]. Русскую сельскую общину Герцен после поражения революции 1848 г. рассматривал как зародыш социализма, но развиваться этот зародыш может только в контакте с Западом и при условии модернизации русского государства и общества. Для обеспечения этого последнего условия Герцен допускал разные методы борьбы, начиная монаршей волей и кончая народным бунтом в качестве крайнего средства.

> «Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас; это отчаянное средство, ultima ratio народов, как и царей...» [39].

Нерешительность Герцена в отношении «отчаянного средства» продиктована в первую очередь впечатлением от кровопролития на улицах Парижа, свидетелем которого он был в 1848 г. Отныне Герцен на словах и на деле отвергал всякую идею насилия и деспотизма, включая и якобинский вариант революции. Его афоризм: «Петр I был деспот наподобие Комитета общественного спасения» [40] вскрывает, разумеется, революционный смысл деятельности Петра, но он может быть истолкован и противоположным образом. Ибо для Герцена реформаторы или революционеры, мыслители или авторы утопических теорий использовали свой народ, который во все времена служил им

«мясом освобождения»[41]. Если Герцен бросал молодым русским революционерам пламенный призыв: «Идите в народ!», так это потому, что он был убежден:

> «Методы *просвещений* и *освобождений*, придуманные за спиною народа и втесняющие ему его *неотъемлемые* права и его благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром I и французским террором»[42].

В центре сомнений Герцена относительно выбора пути революции стояла проблема выходящего боком народу разрыва между намерениями революционеров и результатами, которых они достигают. В своих сочинениях Герцен постоянно использовал для иллюстрации тех или иных суждений мысль об откате Французской революции (о Наполеоне)[43]. Наиболее резко и язвительно эта проблема ставится в полемической статье «Мясо освобождения» (1862 г.), направленной против всех «доктринеров» (от Петра I и Сперанского до Сийеса и Руссо), а в первую очередь, против русских радикалов, объединившихся вокруг «Современника».

> «За собственным шумом и собственными речами добрые квартальные прав человеческих и Петры I свобод, равенства и братства долго не слыхали, что говорит государь-народ; потом рассердились за навуходоносоровский материализм его... Однако и тут не спросили его, в чем дело. (..) А пропасть между ними и народом не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вследствие трагической, неотвратимой необходимости. (...) Чем тут наполнишь пропасть, каким доктринерским схоластицизмом тут поможешь? (...) Сделан был опыт, не удался, и опять-таки потому, что социалисты учили прежде, чем знали, устраивали фаланстеры, не отыскав нигде такой породы людей, которая хотела бы жить в рабочих домах.
>
> И вот из этой-то пропасти выходят, выплывают гильотины, красные шапки на пиках, Наполеоны, армии, легитимисты, орлеанисты, другая республика и, наконец, Июньские дни — дни, ничего не создавшие, ничего не уложившие, дни, в которые самые лучшие и самые несчастные из народа, гонимые нуждой и отчаянием, вышли безумно без плана, без цели, от отчаяния и сказали своим опекунам, законодателям и воспитателям: *«Мы вас не знаем!»*. Мы были голодны — вы нам дали парламентскую болтовню, мы были наги — вы нас послали на границу убивать других голодных и нагих; мы просили совета мы просили научить нас, как выйти из нашего положения, — вы научили нас риторике; мы возвращаемся в тьму сырых подвалов наших часть нас ляжет в неравном бою, но прежде мы вам, книжники революции, скажем громко и ясно: *«народ не с вами!»*[44].

В свете этой статьи становится ясно, что социализм, разрабатывавшийся тогда Герценом и который позже будет назван «народническим», противостоит западной революционной традиции. Этот социализм, склонявшийся перед мужиком, как казалось Герцену, защитит Россию от повторения «глупостей» предшественников французов. Он полагал, что хотя никакой опыт, никакая мудрость не могут оградить народы, активно вступающие в историю, от глупостей, тем не менее глупости должны быть «не те же самые»[45].

Если русский социализм мог, согласно Герцену, обеспечить будущей революции более справедливое социальное содержание, чем содержание Французской революции, то способ превзойти ее предложил революционерам Н. Г. Чернышевский, еще один властитель дум нескольких поколений народников. В самом деле, он не считал, что революционный потенциал Европы исчерпан, а напротив, полагал, что она продолжает двигаться вперед. Россия должна догнать Европу, интегрироваться в процесс ее развития и затем идти дальше вместе с ней. Как этого достичь? Чернышевский не верил в российский реформизм. Ему представлялось необходимым вырваться из порочного круга деспотизма, который он клеймил недвусмысленной формулировкой: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, — снизу доверху, сплошь рабы...»[46]. Но однако же революция, которую он имел в виду, не похожа на Французскую.

Во многих сочинениях Чернышевский поднимает проблему, которую формулирует так: прогресс неизбежно сопровождается откатом назад. Здесь, собственно, средоточие его забот. Комментируя перипетии западной политики в 1859 г., Чернышевский конкретизирует мысль. Он отсылает к историческому примеру Французской революции и ее последствий, когда прогресс чередовался с откатом назад.

> «Французская революция, например, не успела совершенно искоренить во Франции старого порядка вещей: он воскрес при Наполеоне и оказался очень сильным при Реставрации; с другой стороны, и реакция, начавшаяся еще до Наполеона и почти беспрерывно господствовавшая во Франции до сих пор, не сумела искоренить ни революционной тенденции, ни даже законов, ею произведенных в краткий период шести лет от 1789 до 1795: каждый раз, как только начинала она действовать успешно, большинство легкомысленно переходило на сторону революции, которую также легкомысленно покидало, едва революция появлялась на горизонте»[47].

В этой цитате ключ к смыслу всего комплекса ссылок Чернышевского на Французскую революцию, которые он сознательно, дабы сбить с толку цензуру, строил на намеках. Так, можно догадаться, что размышления Чернышевского об историческом прогрессе питаются среди прочих элементов опытом Французской революции:

> «Прогресс совершается чрезвычайно медленно в том нет спора, но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История дви-

жется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть, — чтобы опять-таки упасть. Смешно, если хотите, и жалко, если хотите, смотреть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно. (..) А еще со временем, птичка и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселою песнею».

Верный своему обыкновению, Чернышевский сначала утомляет цензора образом неоперившегося воробушка и вдруг обращается к внимательному читателю: «Правда и то, что, судя по нынешнему не слишком еще скоро придет ей время летать, а все-таки придет, сомневаться тут нечего»[48]. Разумеется, Чернышевский верил, что революционные преобразования, которые приведут к социализму и коммунизму, можно теоретически предполагать в далеком будущем. Неравномерность развития исторического прогресса ведет к тому, что повсюду их реализация осуществляется поначалу с трудом, но в России, в силу прочности деспотического устройства, трудности особенно велики. Чернышевский сомневается в возможности осуществления в России самых «малых дел», простых преобразований:

«В одних ли вещах важных сомнительна возможность скорой, полной перемены к лучшему? Возьмите какие хотите пустяки, во всех пустяках она сомнительна. Например, можно ли быстро сделать, чтобы петербургские или московские вывески не отличались безграмотностью . Кажется, всё это желания и удобоисполнимые, а между тем о каждом из них надобно решительно сказать, что очень скорого исполнения ожидать нельзя».

Иначе говоря, Чернышевскому представлялись в тот момент маловероятными даже самые «малые дела», которые повели бы Россию по пути европейской цивилизации.

«Разумеется, ничто на свете вдруг не делается! И хорошо еще если дело идет хотя медленно, но без остановок, без неудач, без поворотов к старому. Только идут так лишь неважные дела. В делах важных успех достигается после длительного ряда неудач, и за каждым движением вперед следует реакция, теснящая дело назад с таким упорством, что преодолевается лишь чрезвычайным напряжением сил, за которым, конечно, следует утомление с новым преобладанием реакции.

Есть люди, которые не ждут успеха ни при каком отдельном факте, и знают только, что в окончательном результате будет успех, — знают потому, что сомневаться в нем нельзя· неизбежность его доказывает себя математически. Распространяется ли грамотность в России? Сомневаться в этом просто глупо. Но если хотите, можете ждать неудачи при открытии каждой воскресной школы, можете, если хотите, ждать, что и все нынешнее движение в пользу воскресных школ потерпит как-нибудь неудачу, — что ж из этого? Только то, что от неудач унывать нечего, их надо предвидеть. Но если ждать неудачи, то как же браться за дело?»[49].

На этот вопрос Чернышевский отвечает в романе «Что делать?». Ясно, что Чернышевский предвидел длительный процесс «постепенного подготовления», в результате которого наступит когда-нибудь социализм. Началом его должно стать формирование «новых людей»[50], а не бунт, и не восстание[51]. Узкая группа «особенных» людей типа Рахметова призвана расчистить почву для «новых людей», но потом она должна уйти со сцены, ибо удел «особенных» людей — пожертвовать собой, сознавая, что при жизни их поколения «цель», главная цель не будет достигнута. Они должны знать, что обречены полностью истощить свои силы, и лишь в последующих поколениях будет достигнут результат:

«А надобно заметить, что мы вовсе не полагаем, будто бы в какую бы то ни было данную минуту большинство людей, убежденных в известной истине, могло не находить, что она готова вполне осуществиться при первом несколько удобном случае силою одной попытки. Хладнокровно рассуждать о шансах любимого дела в то самое время, когда стараешься об исполнении его, — это возможно только или при сильной большой опытности, или при особенном темпераменте, в котором холодность ума соединяется с горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бывает довольно мало. Остальных не разубедишь: им все будет казаться, что вот-вот представляется один из тех, почти беспримерных в истории случаев, когда с одного раза прочно приобреталось многое. Стало быть, взгляд наш на шансы близкого будущего не охладит никого. Кто разделяет или будет разделять его, тот уже не способен охлаждаться перспективою или полных неудач, или удач, слишком неполных, потому что он давно свыкся с этой перспективой, и деятельность его происходит из необходимой потребности всей его натуры, а не из юношеской веры в свое счастье или в свое время. А кого оживляет доверчивость к своему счастью или своему времени, кто охладился бы, утратив ее, тот и не примет нашего сурового взгляда. Но он позволит нам не высказывать надежд, которых мы не имеем, и рассуждать о вещах не с угождением ему, а сообразно своему взгляду»[52].

Итак, Чернышевский скептичен относительно немедленных перемен, русская революция не должна быть кратковременным восстанием. Невозможное во Франции, такое восстание тем более немыслимо в России. Напротив, осуществление революции возможно только через многоэтапные преобразования, это должна быть своего рода революция путем реформ. В «Письмах без адреса» Чернышевский почти пророчествует, когда пишет, что если революционное восстание в России одержит победу раньше, чем страна европеизируется, то это будет не более, чем обновление старой системы, осуществляемое за счет группы,

которая будет стоять у власти в момент восстания, а также «европеизированной» части населения. Ибо народные массы, носитель деспотических представлений о власти, в случае такой победы немедленно придадут новую народную легитимность политической системе все того же старого типа [53]. Стремясь разорвать этот порочный круг, Чернышевский делал ставку на «новых людей», которые, множась, одни только и будут способны разрушить деспотическую иерархию, в которой каждый человек является одновременно и подданным и деспотом над кем-то другим. «Новые люди» установят свободные от деспотической ментальности новые общественные связи снизу. Конечно, для этого «новый человек» должен уметь вести себя как «особенный» человек, т. е. профессиональный революционер, единственный, кто способен противостоять самодержавному государству.

Глава II

Между аналогией и отождествлением: какой революционер нужен России?

Французский пример только обескураживал и приводил в уныние тех, кто желал революционных преобразований без террора, диктатуры и реставрации. Он ставил перед Герценом и Чернышевским ключевую проблему: о цене революции. Размышления о «неудачах» предшественников заставляли думать о необходимости революционера нового типа, который взял бы на себя ответственность за революционное действие, во всяком случае типа, отличного от того, который символизировал собой Робеспьер.

В этих поисках подходящей модели революционера вновь обнаруживается та проблематика, которую впервые сформулировал Радищев. В конце 1870-ых гг. время было чрезвычайно благоприятным для проведения аналогий с Французской революцией [1], поскольку вся Европа ждала тогда, что в России произойдет подобный взрыв [2]. Русские социалисты, которых непреодолимо влекла французская модель, были больше, чем прежде озабочены тем, чтобы не оказаться у нее в плену.

ЗА ТЕРРОР ИЛИ ПРОТИВ РОБЕСПЬЕРА: РУССКИЕ «ЯКОБИНЦЫ» И РУССКИЕ «ЖИРОНДИСТЫ»

Аналогия «русские якобинцы» — «русские жирондисты» для характеристики типов революционеров впервые появилась в 1840-е гг., когда заканчивался период постдекабристского затишья и появлялись признаки пробуждения освободительного движения, что давало себя знать в спорах между западниками и

славянофилами. Эти два течения, рожденные из, до сих пор единого, движения идей 1820-х гг., уточняются и утверждаются Споры заставляют западников определиться по отношению к идущим с Запада влияниям Отказываясь от бесконечных и бесплодных дискуссий об эпохе Петра Великого, западники мобилизовали против славянофилов как идеи европейской буржуазии, так и идеи социалистов. Ибо деление произошли и среди самих западников: с одной стороны, либералы, «доктринеры», верные букве западного либерализма, с другой стороны, радикалы, склонявшиеся к социализму и даже развивавшие теорию «русского социализма» [3].

Исходный момент раскола внутри лагеря западников запечатлен в обмене мнениями о Робеспьере между В. Г. Белинским и Т. Н Грановским В зарождавшейся западнической среде [4], к которой принадлежали оба, участников спора стали называть русскими «якобинцами» или русскими «жирондистами» в зависимости от того, чью точку зрения они принимали

Начало дискуссии было положено письмом Белинского к Боткину от 15—20 апреля 1842 г. Белинский защищал Робеспьера от расхожих обвинений, утверждая, что тот «был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор» [5] Белинский уже имел случай продемонстрировать свою симпатию к Робеспьеру, когда в 1836 г он спорил с отцом М. Бакунина Тогда он высказал все хорошее, что думал о якобинском правлении [6]. Но вплоть до начала 1840-х гг. Белинский был гегельянцем, и это умеряло его симпатии к французским революционерам и в целом сдерживало его размышления о революциях. Преклонение перед Гегелем привело его к прославлению абсолютизма русских императоров. он видел в нем воплощение «объективного разума» [7]. Но абсолютистский конформизм не оставлял никакой возможности для действия, и как только с ним было покончено, Белинский с жадностью принялся читать изложения современных общественных теорий: Кабэ, Фурье, Леру и Прудона. Он искал ориентиры для практических действий, чего не мог дать ему Гегель Одновременно с этим и в противоположность немецкому идеализму Белинский открывал для себя французский XVIII век. Франция давала ему теории и примеры такой социальной и политической силы, какие невозможно было отыскать в немецком романтизме и в немецкой философии. Он не мог, следовательно, избежать размышлений о Французской революции. 8 сентября 1841 г. он писал Боткину

«Я читаю Тьера Новый мир открылся передо мною Я выдумал что понимал революцию — вздор — только начинаю понимать Лучше го люди ничего не сделают» [8]

Отныне Белинский — решительный противник какого бы то ни было сохранения существующего порядка, так как это парализует волю человека·

«Отрицание — мой бог В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон » [9]

Итак, в начале 1840 г. Белинский освободился от влияния немецкой философии и стал, по его собственным словам, «реалистом», полагающим, что нравственное совершенствование человека происходит по мере осуществления социальных преобразований. И нет более благородной миссии, нежели способствовать этому Но ему казалось смешным думать, что социальные изменения произойдут сами собой, постепенно, без насилия и крови [10]. Вставая на защиту Робеспьера в апреле 1842 г., Белинский признавался Боткину, что был во власти дьявольской мечты о терроре [11] Ему стало ясно, что «тысячелетнее царство божие (социализм — Т К) утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [12]

Узнав содержание письма «Неистового Роланда», то есть Белинского, к Боткину, Грановский выразил свою собственную позицию. Он обратился к Белинскому так:

«Тебе нравится личность Робеспьера, потому что он удовлетворяет делами своими твоей ненависти к аристократии и т д Но, Боже мой, сколько мелких личных побуждений вмешивалось в общие виды Робеспьера! Как бесконечно выше его стоит Сен-Жюст, ограниченный фанатик, но благородный и глубоко убежденный Красноречие Робеспьера, несмотря на приводимые тобою отрывки, все-таки далеко не может сравниться с красноречием жирондистов, не говоря уже о Мирабо Как государственный человек, в великом значении слова, Робеспьер ничтожен, равно как и Сен Жюст За него работали Карно, Мерлен и другие даровитые Горцы Он был практический человек, потому что умел опошлять и прикладывать к действительности высшие вопросы, решение которых очевидно принадлежит будущности, т е из общих вопросов он извлекал частную пользу для себя и для своей партии Его добродетель, которой главною чертой было то, что он не крал и не искал выгодных должностей, очень похвальна во французском bourgeois, но сама по себе дрянь Жиронда выше его по тому именно, что у нее недоставало так называемого практического смысла Она понимала значение революции, которая должна была изменить не одни наружные политические формы, но решить все общественные задачи и противоречия, которыми так давно страдает мир Жиронда определила и указала на все вопросы, о которых теперь размышляет Европа, Жиронда сошла в могилу чистая и святая, исполнив свое теоретическое назначение Робеспьер, хотя он говорит противное, смотрел на революцию, как на событие политическое (исключительно) и французское» [13]

Ответ Грановского, как и вызвавшее его письмо Белинского, породили отклики. Боткин, Герцен, Панаев, Кетчер, Языков и некоторые авторы «Отечественных записок» поддержали Белинского против Грановского. В частности, Боткин писал Герцену:

> «Мнение его (Грановского — Т. К.) о Робеспьере и жирондистах совершенно противоположно мнениям всех лучших умов во Франции и Леру в особенности Леру чрезвычайно высоко ставит Робеспьера называя его la pythonisse et l'oracle de la Revolution * и решительным противником bourgeoisie, представителями которой, по мнению Леру, были жирондисты» [14]

Позиция Герцена по поводу суждения Грановского известна благодаря комментариям, которые он сделал на полях письма, адресованного Белинскому в мае 1842 г.:

> «Господь ведает откуда отрыл Шепелявый (Грановский — Т. К.) личные виды у Максимилиана Петровича, — о котором я совершенно разделяю твое мнение Как человек, лишенный всех внешних, материальных пособий, с жалкой наружностью, без дара красноречия, которым так роскошно блестела Жиронда, торжествует над колоссами, вооружает против себя все партии, держит на себе судьбу Франции, всю (дело) революцию, павшую тотчас с его падением И как будто S Just, которому Шепелявый отдает полную справедливость, подчинился бы кошельку? И как будто Карно и прочие даровитые горцы не остались после казни его — и все-таки не были поглощены гнусной директорией? Врет Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие — необходимые бестящие явления ее и только Может быть в этом случае я вдаюсь точно потвоему в величайшую крайность, но что делать, это не минутное увлечение, а убеждение глубокое!» [15].

В этом споре вокруг Робеспьера обнаруживается преемственность, восходящая к Радищеву. Все те же вопросы: прежде всего, как соотносятся великие принципы и их применение в реальной жизни («связь слова и дела» согласно выражению, вошедшему в употребление в 40-е гг. — Т. К.). Радищева, Карамзина и декабристов занимала, в сущности, та же проблема, хотя они и изъяснялись в других выражениях: «возврат к деспотизму» подразумевает несовпадение между намерениями революционеров и результатами революции. Этот вопрос поднимает Грановский, когда упрекает Робеспьера, что тот действует как человек практичный, опошляет идеи и извлекает из них выгоду для своей партии.

Грановский хвалит мудрость жирондистов, отдавая им предпочтение перед якобинцами, потому что жирондисты не пытались вести революцию дальше, чем было возможно. Грановский упрекает Робеспьера за то, что тот дискредитировал принципы, имеющие великое будущее, иными словами, обвиняет в том, что именно Робеспьер — причина социального неблагополучия западных обществ, где царствует буржуазия, наиболее законченным воплощением которой является Неподкупный

Белинский, в отличие от него зачарованный террором, остается нечувствительным к последствиям революционного произвола. Для него именно жирондисты являются наиболее полным воплощением пороков буржуазного общества [16].

В конечном счете, обе эти ключевые фигуры — Грановский и Белинский — не прощали Французской революции, что ее увело в сторону от провозглашенных идеалов. Перед тем и другим вставала одна и та же проблема, хотя подходили они к ней по-разному. Это проблема того, как применить великие принципы в русской реальности и какой тип людей способен это сделать. Для Белинского и его сторонников речь идет о том, чтобы найти «правильную революционную теорию», а в методах действия подражать якобинцам. Для Грановского и его последователей 50-х гг., знаменитых теоретиков государства Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, речь идет о создании правового механизма, также призванного предотвратить отход от принципов.

Полемику вокруг Робеспьера можно, конечно, рассматривать как начало долгих поисков «правильной революционной теории» [17], исканий, которые после многочисленных конфликтов закончились полным разрывом между «радикалами» и «либералами», как сами они себя называли. Эта дискуссия действительно выявила первые идеологические расхождения между двумя течениями. Однако ее смысл поисками «правильной теории» не исчерпывается. Ибо в этом споре сказалось восприятие русской реальности, основанное на аналогии с Францией конца XVIII в.

В самом деле, участники спора считают, что он касается не исключительно прошлого, но также затрагивает и настоящее. Когда И. И. Панаев в своих воспоминаниях сообщает, что некоторые стали убежденными жирондистами [18], он употребляет выражение, свидетельствующее о своего рода исторической проекции. И если «некоторые стали жирондистами», то Панаев и Белинский, со своей стороны, считают тебя якобинцами [19]. Отождествление себя с деятелями Французской революции не оригинально, оно было достаточно распространено и в других регионах мира, в Европе и в Латинской Америке, но в России это отождествление имело особенно насыщенную историю.

---

* Гадалкой и оракулом революции

ТРИ «СТЕПЕНИ» РУССКОГО ЯКОБИНСТВА

Радищев, а затем декабристы, то есть те, кто провозглашал и себя сторонниками революционных преобразований или даже готовы были их спровоцировать, отказывались отождествлять себя с якобинцами, хотя подчас и слыли таковыми в глазах других [20].

В 40-е гг. почитатели Робеспьера и в их числе Герцен группировались вокруг Белинского. Можно было подумать, что на этот раз русские «якобинцы» готовы идентифицировать себя со своим прототипом. Но как только того требовали обстоятельства, они оказывались неспособны перейти от восхваления Робеспьера к принятию на вооружение идей и методов якобинцев. С этой точки зрения показательна ситуация конца 50-х — начала 60-х гг., когда встала проблема идентификации.

15 февраля 1858 г. в «Колоколе» была опубликована статья Герцена «Через три года». Автор обращался к царю со знаменитым восклицанием: «Ты победил, Галилеянин!», называл его «освободителем крестьян» и «наследником 14 декабря». Публикация вызвала цепную реакцию. Прежде всего негодование поднялось в кругах, близких к «Современнику». Свидетельство тому — два письма, опубликованных в «Колоколе» осенью 1858 г. и исходящих скорее всего из окружения Чернышевского [21]. Там подчеркивалось, что надежды, связанные с царем, исчерпаны, авторы призывали народ освободиться собственными силами и среди средств упоминали «топор» — аллегорию народного бунта [22]. В свою очередь, эти два письма имели также большой резонанс: 1 декабря 1858 г. письмо в «Колоколе» опубликовал Б. Н. Чичерин. Он упрекал Герцена в том, что тот «раздувает пламя», открывая страницы своего журнала «безумным воззваниям к дикой силе» [23]. За этим письмом, названным Герценом «Обвинительным актом», также последовала оживленная полемика [24]. С протестом выступили прежде всего Анненков, Панаев, Кавелин, Тургенев, Тютчев и другие московские друзья Герцена, тогда как Чернышевский поддержал Герцена в статье «Чичерин-публицист», где подверг осмеянию автора письма. Как писал Чернышевский, проповедуя покорность власти и отговаривая активно ей противостоять в стране, где эта власть подмяла под себя все и вся, Чичерин как бы предостерегал «белого медведя от пристрастия к тропическому климату» [25].

Эта полемика знаменует собой развязку сложных взаимоотношений между различными группами интеллигенции. Близкие к «Современнику» радикалы стремились привести в свой лагерь сторонников «Колокола», в первую очередь его редактора Герцена, который все еще сохранял надежды на реформистский

путь. В то же время и радикалы, и Герцен оказывались в одном лагере, когда речь заходила о полемике с Чичериным и его друзьями-либералами. В этих спорах позиции вырисовывались четче, а Манифест 19 февраля 1861 г. довел их до полной определенности, выразившейся в разрыве между либералами и радикалами.

Напомнить это расхождение необходимо, ибо оно содержит в себе аспект, объяснимый лишь в рамках сопоставления русских «якобинцев» и русских «жирондистов», деление, которое не совсем и не всегда совпадает с обычным делением на радикалов-революционеров и либералов.

В самом деле, согласно Герцену его полемика с Чичериным соответствует борьбе между якобинцами и жирондистами [26]. Используя эту классификацию, Герцен отмечал, что речь идет о разделении, восходящем к «прародительским» временам [27] и что вся молодежь, ясное дело — «якобинская», за него. Точно так же само собой разумелось для Герцена и то, что люди, близкие «Современнику», становились в этой полемике на его сторону.

Однако эта молодежь и ее духовный наставник Чернышевский стояли на позициях, характеризуемых более высокой степенью «якобинства», чем позиция Герцена. Полностью солидаризируясь с «антижирондистским» поведением Герцена в полемике с Чичериным, они в то же время упрекали его за «жирондистскую» умеренность. В той мере, в какой «призыв к топору» в двух письмах, вызвавших реакцию Чичерина, звучал как якобинский, авторы надеялись, что Герцен их позицию разделит. Со своей стороны, Чернышевский, предпринявший в 1859 г. поездку в Лондон с целью скорейшего урегулирования конфликта между «Колоколом» и «Современником», подводя итог поездке в письме к Добролюбову, говорил о Герцене:

> «Разумеется, я ездил не понапрасну. (...) Но боже мой, по делу надобно вести какие разговоры! (...) Кавелин в квадрате — вот Вам все» [28].

Можно предположить, что выражение «Кавелин в квадрате» означало «либерал в квадрате» или же человек неопределенных взглядов: ни либерал, ни радикал, т. е. еще вдвое хуже, чем либерал Кавелин. Когда знаешь, что Чернышевский, выносивший такое суждение о Герцене, «высоко ценил Робеспьера» и находил в себе большое сходство с вождем якобинцев [29], то приходится констатировать, что полемизируя между собой, Герцен и Чернышевский вкладывали в термин «якобинец» разный смысл.

Можно сказать, что «якобинство» Герцена и «якобинизм» Чернышевского отличаются друг от друга как отличаются ана-

логия и тождество. В то время как Герцен прибегал к аналогии, радикалы из «Современника» начинали, по-видимому, отождествлять или идентифицировать себя с французскими якобинцами.

Но вот в 1862 г. авторы прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневский и его друзья прямо и открыто доводят идентификацию до конца. Представляясь «якобинцами-бланкистами», они призывают к революции по французскому образцу. Теперь, в начале 60-х гг. они выступают сторонниками заговора с целью захвата власти, заговора бабувистского по природе и соответствующего учению Бланки. Прокламация предусматривает после взятия власти установление диктатуры якобинского толка, которая осуществит глубокие социальные преобразования. Желая извлечь уроки из истории, Заичневский и его друзья рассматривают террор как испытанное и оправданное средство защиты завоеваний революции. В «Молодой России» налицо все элементы якобинства.

> «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 1848 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90 годах!» [30].

Революционные круги практически единодушно с восхищением приветствовали дерзость и отвагу авторов «Молодой России», но в большинстве своем они отвергли идеи этой прокламации [31]. И тогда «якобинцы» «двух первых степеней», т. е. Герцен и Чернышевский, составили общий фронт против авторов «Молодой России».

Так, Герцен, демонстрируя не лишенную отеческого высокомерия снисходительность к тому, что квалифицировал как юношескую горячность, прощал крайности в выражении якобинизма, но не отпускал при этом греха якобинства как такового. Герцен выдвигал два главных возражения. Первое приводят часто:

> «Молодая Россия» нам кажется ошибкой... *она вовсе не русская* это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции, политическо-социальные desiderata, которым придана форма вызова к оружию» [32].

Среди русских же проблем главенствует земельный вопрос: нужно проповедовать «религию земли», а не абстрактные принципы прав человека, принципы Бабёфа или Фейербаха. Революция придет снизу, и тогда придется быть готовыми *действовать вместе с народом,* а *не от его имени.* Из этого суждения Герцена, основанного, как он считал, на специфике России, можно сделать вывод, что полемика с «Молодой Россией» позволила ему сформулировать до сих не ясную проблему взаимоотношений между образованным меньшинством и народом. Некоторые историки подчеркивают этот аспект критики «Молодой России» не только Герценом, но также и Чернышевским, Бакуниным и членами «Земли и Воли» [33]. Революционеры отвергали якобинские методы и прежде всего заговор главным образом потому, что они игнорировали народ, который старались заменить революционной организацией.

Второе возражение Герцена, комментаторы, как правило, обходят молчанием. Речь идет о терроре, и Герцен заключает, что повторение его невозможно:

> «...май смерти, как май жизни, цветет только один раз und nicht wieder» [34].

Герцен считал, что было бы безнравственно если бы революционеры его времени действовали так, как действовали революционеры XVIII в. Июньская резня 1848 г. в Париже решительно и бесповоротно продемонстрировала гибельность самих идей о насилии и терроре: разве они не показали со всей очевидностью, как революционный террор в руках реакционеров перерождается в отработанный метод уничтожения?

После 1848 г. революционеры уже не могут игнорировать подобное понимание террора, не нарушая при этом элементарных нравственных норм.

> «Террор девяностых годов повториться не может, он имел в себе наивную чистоту неведения, безусловную веру в правоту и успех, которых последующие терроры не могут иметь» [35].

Итак, помимо тех возражений против якобинства «Молодой России», на которые обычно указывают, Герцен приводил доводы этического порядка, за которыми следует усматривать принципиальную невозможность для него отождествлять себя с якобинцами.

«Молодая Россия», написанная тоном неистового протеста, должна была, по признанию Заичневского, вызвать тошноту у всех «чертовых либералов и реакционеров» [36]. Но коль скоро якобинизм «Молодой России» выражался в программе конкретных действий, то всем тем, кто подобно Герцену и Чернышевскому объявлял себя «якобинцами», пришлось высказаться по поводу революционного пути, проложенного Французской революцией.

«Хотелось, наконец, сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть... так было противно, так было гнусно, что если бы не мы, так за нами то же самое сделали другие» [37]

Эти слова, написанные Заичневским почти сорок лет спустя, проливают свет на критику «Молодой Россией» либерализма Герцена и других революционеров, которые в начале 60-х гг выразили свои позиции в серии прокламаций. A posteriori он более определенно формулировал свое суждение: его критика касалась не только либерализма, но прежде всего того, что он считал непоследовательностью революционного дискурса.

Претензия «Молодой России» состояла, следовательно, в том, чтобы произнести, наконец, ту «правду», которую остальные умалчивали. Она провокационным образом ставила революционеров, считавших себя «якобинцами», перед необходимостью выбирать между аналогией и идентификацией. Фактически она толкала к избранию типа революционера. Будет ли этот революционер точной копией якобинца или он будет создан заново лишь по аналогии с якобинцем? «Молодая Россия» была первой, кто поставил эту дилемму со всей ясностью. Она же первой предложила ответ, имевший столь большое значение в спорах вокруг типа необходимого для России революционера, воображаемого всегда хотя бы с малым оттенком якобинизма. Оттенок проявлялся сильнее или слабее в зависимости от степени идентификации, но он всегда был заметен именно потому, что существовала аналогия, от которой революционеры не отказывались.

НАРОДНИКИ ПРОТИВ «РУССКИХ ЯКОБИНЦЕВ»

«Русские якобинцы» с самого момента своего появления в 1862 г. были оттеснены на обочину революционного движения. Прокламация «Молодая Россия» встретила благосклонный прием лишь у небольшого числа офицеров и студентов. Большинство революционеров не скрывало своего критического отношения к ней [38]. Судьба якобинства после «Молодой России» оказалась не многим счастливее.

Конечно, якобинством проникнуты уставы и программы подпольных организаций Н. А. Ишутина («Организация» и «Ад»). Они предусматривали заговор, захват власти горсткой революционеров и ратовали за террор [39]. Но в то же время боевая организация Ишутина составляла исключение среди многочисленных мирных кружков и ассоциаций, которые существовали накануне покушения на Александра II в 1866 г. [40]. Типичным

для тех лет можно считать негативное отношение к французскому якобинству XVIII в., выразившееся в книге Н. В. Соколова «Отщепенцы», которая была запрещена цензурой и с большим успехом распространялась подпольно [41]. Соколов, испытавший влияние антигосударственной доктрины Прудона, рассматривал Робеспьера и Сен-Жюста как государственных деятелей, политиков (или политиканов) и в этом смысле считал их продолжателями Старого порядка. Диктатура Комитета общественного спасения представлялась ему столь же деспотичной, что и неограниченная власть монарха.

Несколько лет спустя ишутинские якобинские тенденции достигнут своего пароксизма у С. Нечаева. Однако известно, что среди мотивов, вдохновивших народников в первой половине 70-х гг. обратиться к «книжному делу», т. е. к пропаганде и образованию народа и к «хождению в народ», большую роль сыграло отвращение к методам Нечаева. Кружок С. Чайковского, подробная история которого описана в мемуарах П. Кропоткина, был основан как раз в противоположность способу действия Нечаева [42]. Сам Чайковский утверждал это в открытом письме своим друзьям [43]. Другие свидетельства сообщают, что после мистификаций Нечаева молодежь, не имевшая никакой склонности к якобинству, стала испытывать еще большее неприятие к какому бы то ни было централизму или иерархии» [44].

Наконец, отвергнуто было якобинство, воплотившееся в П. Ткачёве [45]. В 1874 г. П. Ткачёв и П. Лавров скрестили шпаги в споре: за или против якобинства [46]. Молодые народники поддержали Лаврова [47]. Именно возглавляемое им течение задало тон революционному движению середины 70-х гг. Сторонники Лаврова презирали писания и деятельность ткачевской газеты «Набат», разделявшей с французскими бланкистами культ якобинцев 1793 г. [48] Внутри России открыто встала на сторону «Набата» одна лишь группа Заичневского, но она была малочисленна и действовала только в Орле [49]. Народовольцы, в которых современники и историки усматривали идейное родство с ткачевским течением, не признавали себя якобинцами. Вот что они писали своим товарищам за границей:

«Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. Поэтому мы лучше объясним вам. Во-первых, слово «якобинизм» в России очень *загажено болтунами*, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами *называть не согласны* Затем, мы по убеждениям и стремлениям *государственники*, т. е. признаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность Это сила, а потому она должна быть умно организована Государственная власть была, есть и будет, вероятно, всегда .. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захва-

тить ее, так как народ, *пока* он раб, тысячи условий ее все равно не удержит. Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы ее не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ. Значит ли это, что мы якобинцы? Но что касается дальнейшего, то мы это народное опекание в вечную систему не вводим... Но если мы даже якобинцы, то этого не проповедуем, потому что это была бы болтовня. Этим мы могли бы только вооружить против себя и дать повод к обвинению в деспотизме. Зачем же говорить?» [50].

О такой же позиции внутри «Народной воли» свидетельствует Вера Фигнер:

«Да и все мы были недовольны, так как не признавали себя якобинцами. Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории. (...) Как далеки мы были от якобинизма, показывает письмо Исполнительного Комитета к Александру III после 1-го марта 1881 года» [51].

Народники, включая народовольцев, были против якобинизма, и если им указывали на следы якобинизма в их собственных действиях, они не желали это признавать. Быть якобинцами в их глазах было постыдно [52]. Такое представление об отношении между народниками и русскими якобинцами, создавшееся благодаря свидетельствам современников и работам историков, — русских, советских или западных. Оно основано на высказываниях самих народников, и действительно позволяет думать, будто бы они отвергали якобинизм и стремились отмежеваться от его российских глашатаев. Напротив, если не ограничиваться мнением, восходящим к самим действующим лицам, а обратить внимание на то, что подчас помимо воли прорывается в их оценках Французской революции, то можно всерьез усомниться в твердости их антиякобинской позиции. Приведем несколько примеров. Покушение на барона Гейкинга и убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова, совершенные народниками в 1878 г., ставились газетой «Земля и воля» в один ряд с покушениями на монархов Германии, Испании и Италии. Газета оправдывала эти террористические акты, как законные, ссылаясь на Французскую революцию.

«Осмеянный Вольтером, проклятый Руссо и подкопанный в корень энциклопедистами, порядок этот был потрясен до основания, и человечество вступило в новый период всемирной истории — период революций! Хотя революция 1789 г., провозгласившая ниспровержение идолов и права человека, не успела осуществить свои задачи, но семя брошенное ею, не пропало бесследно, суд над Людовиком XVI и грозные слова, раздавшиеся во время его с «Горы» Конвента: «Людовик Капет повинен в смерти уже за то, что был королем!» — глубоко запали в памяти народов» [53].

Несмотря на внешне антиякобинскую позицию, организация «Земля и воля» сама ставила себя в ряд, восходящий к Горе.

В организации «Народная воля» следы аналогии видны еще более явно. Будучи убеждены, что энергичная авангардная группа есть движущая сила революционного движения, народовольцы утверждали: «Во Франции во время революции эту группу долгое время составляли якобинцы; в России ту же роль играет Исполнительный комитет» [54]. Они настаивали на своем сходстве с деятелями Французской революции для того, чтобы расположить западное общественное мнение к себе и своей борьбе против царизма. Так, С. Кравчинский упрекал своих товарищей, таких же как он эмигрантов, что те не видели во французских революционерах части самих себя. Он сожалел, что не мог им внушить: сегодняшние террористы это люди 1793 и 1789 гг. во Франции, канонизированные по всей Европе [55]. Конкретное обращение к той же аналогии обнаруживается у Веры Фигнер, когда она описывает знаменитого народовольца Михайлова:

«Узкие рамки русской жизни не дали ему возможность развернуть свои силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером» [56].

Наконец, народовольцы были почти якобинцами в глазах Аксельрода, члена организации «Черный передел» [57]. Порвав с народовольцами из-за несогласия по вопросам политической борьбы и индивидуального террора, оставаясь верной аграрному народничеству, организация «Черный передел» упрекала их именно в тенденции к якобинизму и даже в сходстве с якобинцами 1793 г. В первом номере газеты «Черный передел» оспаривался тезис о борьбе за политические цели (народный суверенитет, всеобщее избирательное право) и утверждалось, что такая борьба, так же как и якобинская доктрина, совершенно недостаточна для страны, где центральной проблемой остается перераспределение земли. Политический переворот и диктатура «именем народа», не опирающаяся на инициативу народа, будут лишь очень непродолжительны.

Впрочем, члены «Черного передела», сторонники федеративного устройства и противники централизации власти, объясняли, что Робеспьер, Дантон и Марат пожертвовали жизнью не за народ, а за «Республику единую и неделимую», которая отвечала их интересам. Великие принципы (нация, народный суверенитет, равенство) были лишь политическим маскарадом, который позволял якобинцам думать и делать, что они хотели [58].

В итоге, тип революционера, о котором мечтали народники, страдал двусмысленностью: с одной стороны, ими использовались аналогии, а с другой — они отказывались идентифицировать себя с якобинцами.

Глава III

«Большевики — якобинцы» и «меньшевики — жирондисты» лицом к наследию

Навязчивая идея отставания России, с начала XIX века не отпускавшая русское освободительное движение, не вела, однако, революционеров к стремлению наверстать упущенное целою повторения Французской революции. Они воображали чисто русскую, в своей основе новую, революцию, которая имела бы исторической задачей превзойти достижения Французской. Герцен, к примеру, доходил до того, что в самих пороках российской отсталости находил условия более радикальной, чем Французская, революции. Исходя из идеи о необходимости различать освобождение политическое и освобождение социальное, Чернышевский, скептически относившийся к парадоксальной мысли, что признаки отставания есть преимущество, предлагал в антропологической философии своего рода постепенное, рассчитанное на очень длительный срок движение к результатам, превосходящим политическую революцию по французскому образцу. У народников, стремившихся воплотить в жизнь идеи двух теоретиков, критика якобинских традиций стала непременным условием их собственного радикализма. Но при этом их усилия, направленные на создание революционера нового типа наталкивались на скудность воображения, которое не шло дальше якобинца 1793 года.

НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Когда на русской исторической сцене появляются социал-демократы, они наследуют определенные представления о Французской революции как на уровне рационального осмысления, так и на уровне, который можно было бы назвать «революционной ментальностью». Первый уровень можно проследить по вполне определенным высказываниям: рационально предшественники социал-демократов совсем не думали о новом 1789 г., так как считали устаревшими содержание и методы Французской революции. Напротив, на втором уровне, который можно проследить по аналогиям, устойчивым в нескольких поколениях революционеров, заметно то, что оставляет скрытым первый, открытый способ выражения: Французскую революцию с идеологической точки зрения отвергают (или, по крайней мере, претендуют на то, что отвергают), но ментальности тем не менее остаются несвободны от нее. Революционеры сохраняют по отношению к ней слабость, восходящую к усвоенным с детства и питающим их среду мифам. Революционер порожден якобинским примером, независимо от того, сознает ли он это (как Заичневский, Нечаев и их друзья) или не сознает (как народовольцы).

Социал-демократы как будто снимают двусмысленность, присущую их предшественникам, но вместе с тем доводят ее до предела возможного. Отброшенные ранее террор и диктатуру социал-демократы на теоретическом уровне вновь берут на вооружение, объявив о своей готовности их использовать, владея ими лучше, чем это делалось прежде. В самом деле, начиная с конца XIX в. они стали признавать допустимость массового террора типа 1793 года, противопоставляя его индивидуальному террору, который практиковали народовольцы и социалисты-революционеры [1]. Они считали, что если ход революции требует массового террора, то не следует колебаться в его применении. Этот взгляд защищал прежде всего Плеханов, главный критик народничества. Подчас он делал это с большим пафосом, например, в 1902 г. во время собрания, посвященного обсуждению терроризма социалистов-революционеров. Вот в каких словах передает это очевидец В. А. Поссе:

«Говорил он с продуманной жестикуляцией, говорил красно, точнее пестро: так и сыпались остроты, цитаты из Крылова, из Гоголя, из Щедрина Несмотря на это или именно поэтому, слушать его было жутко, ибо легкая шутливая форма особенно ярко оттеняла жесткость содержания.

Нападая на террор социалистов-революционеров, он восхвалял террор Великой Французской революции, террор Робеспьера

Каждый социал-демократ, — говорил Плеханов, — должен быть террористом à la Робеспьер. Мы не станем подобно социалистам-революционерам стрелять в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них и многих других гильотину на Казанской площади» [3].

В самый разгар спора Плеханов заходил так далеко, что тишина, сопутствовавшая его речи, прерывалась выкриками «Какой ужас!», «Какой стыд!», «Якобинцы!», «Убийцы!». [4].

Плеханов высказал, хоть и в провокационной форме, самую суть позиции социал-демократов: если надо, гильотина будет пущена в ход. Однако ни он, ни его друзья не верили, что террор станет в какой-то момент действительно необходим: ведь Коммунистический манифест и международное рабочее движение открыли ясные перспективы и должны были облегчить и упрочить победу пролетариата. В статье, написанной по случаю столетия Французской революции, Плеханов уточнял причину такого оптимизма:

> «Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия, наверное, не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь самой историей, что ему не будет надобности в терроре. Конечно, буржуазные реакционеры хорошо сделают, если постараются не попадаться в железные объятия победоносного пролетариата. Они поступят благоразумно, если не будут подражать монархическим заговорщикам первой революции. A la guerre comme à la guerre, справедливо говорит пословица, и в разгаре борьбы заговорщикам может прийтись плохо. Но, повторяем, успех пролетариата обеспечен теперь самой историей» [5].

Примерно тогда же, когда и Плеханов, Ленин противопоставлял террор масс индивидуальному террору. В его глазах террор законен как «одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы», а не как «самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения» [6].

Квалифицируя индивидуальный террор как «революционный авантюризм», он утверждал, что террор должен практически смешаться с массовым движением.

> «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» [7]

Под принципом насилия Ленин понимает ярость масс, борьбу на баррикадах или вооруженное восстание. Он твердо верит, что революционеры окажутся способными включить террор в свою тактику, контролировать его и подчинить интересам рабочего движения.

> «Разве традиция такой именно борьбы, традиция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путем обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы» [8].

Такое понимание террора зародилось в борьбе между социал-демократами и народниками. Поначалу оно было практически одинакового присуще и меньшевикам и большевикам, но с 1905 г. оно стало различаться в зависимости от представлений, которые те и другие имели о связи террора и диктатуры.

1905 г. продемонстрировал большевикам активное участие крестьянства в революционных событиях. Ленин объяснял этот теоретически неожиданный для социал-демократов феномен тем, что русское крестьянство стремилось к тем же целям, что прежде ставили перед собой французские крестьяне. Он полагал, что крестьянский вопрос в России ставится так же, как когда-то ставился во Франции. И тогда обратился к Французской революции, которая согласно международной марксистской традиции уже не имела непосредственной актуальности [9]. Ленин, напротив, говорил, что эта революция все еще представляет интерес для России. Начиная с весны 1905 г. он задается вопросом: «Революция типа 1789 или типа 1848 года?»

> «Важный вопрос относительно русской революции состоит вот в чем:
>
> 1. Дойдет ли она до *полного* свержения царского правительства, до республики,
>
> 2. или ограничится урезкой, ограничением царской власти, монархической конституцией?
>
> Или иначе. суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года?
>
> Что социал-демократ должен желать и добиваться первого, в этом вряд ли возможны сомнения» [10].

Взвешивая возможности того или иного варианта, Ленин заключал, что русская революция будет аналогична революции 1789 г. Сходство между Францией XVIII в. и современной ему Россией он усматривал прежде всего в следующем: крестьянству, впавшему в невправдоподобную нищету, нечего терять, а самодержавие, воплощающее в себе чисто азиатский деспотизм, нужно сокрушить. Революция типа 1848 г. к тому же неудавшаяся, недостаточна как для того, чтобы вывести крестьянство из нищеты, так и для того, чтобы покончить с самодержавием.

Но и несходство с Францией XVIII в. также служит Ленину аргументом в пользу типа 1789 г. Особенно он подчеркивает существование теперь, в начале XX в., достаточно развитого и организованного пролетариата. В России, где буржуазная ре-

волюция может приобрести очень большой размах из-за аграр ного кризиса и благодаря участию крестьянства, т. е. миллионо мелких буржуа, пролетариат же может сыграть решающую ро в победе революции, если только его партия сумеет направи борьбу на установление «революционно-демократической дик татуры пролетариата и крестьянства». Под этим странным вы ражением Ленин понимал диктатуру, прототип которой суще ствовал в 1793—1794 гг.

> «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших сл ев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это был именно такое полновластное учреждение, в котором господствовал всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а просто народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат крестьянство» [11].

Примером Конвента Ленин, несомненно, руководствовался при ответе на жгучий для России политический вопрос: об Уч редительном собрании. Согласно резолюции, принятой в 1905 г IV съездом РСДРП, на котором восторжествовала ленинская тактика, недостаточно созвать Собрание. Лишь вооруженное восстание может сокрушить самодержавие; оно должно приве сти к власти временное революционное правительство, способ ное на деле обеспечить демократические условия для выборов на основе всеобщего избирательного права. Давление снизу — «революционно-демократическая диктатура пролетариата крестьянства» — должно было гарантировать реальную власть избранному таким образом Собранию для установления нового порядка. Эта диктатура по образцу Конвента должна была обеспечить успех крестьянского восстания, искоренив остатки феодализма так же решительно, как это было сделано во Фран ции. Она должна была осуществить демократические преобразо вания. Разоблачая слабость русской буржуазии, готовой к ком промиссу с царизмом, Ленин заключал, что без «революционно демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» рес публика в России невозможна [12].

Этот план назван Лениным программой-минимум, и здесь сочетание диктатуры и террора предназначено для решения за дач буржуазно-демократической революции типа 1789 г. Однако борьба, размах которой диктуется Историей, которая должна привести к установлению социализма, на этом не прекратится Затем предусмотрена программа-максимум, соответствующая социалистическим задачам пролетарской партии.

> «Он (революционный социал-демократ. — Т. К.) будет мечтать — он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер, — о том, чт после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энерги

> рабочего класса в России нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны власть предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»· тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий ..» [13].

Следовательно, террор должен играть не совсем ту же роль, что во Франции, где он был не чем иным — Ленин повторяет тут слова Маркса, — как «плебейским способом разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией» [14]. Непосредственно накануне взятия власти, летом 1917 г. Ленин заявляет, что террора, дискредитировавшего якобинцев, можно было бы избежать.

> «Якобинцы XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование. Достаточно было бы арестовать 50—100 магнатов и тузов банкового капитала .. на несколько недель, *чтобы раскрыть их проделки*... Раскрыв проделки банковых королей, их можно бы выпустить, поставив под контроль рабочих и банки, и синдикаты капиталистов, и всех подрядчиков, «работающих» на казну» [15]

Сделал ли он это заявление из тактических соображений (социалисты-революционеры выступали в это время против смертной казни) или потому, что соотношение сил представлялось ему тогда благоприятствующим большевикам, все равно он упустил из виду, хотя может быть и не забыл, что логика развития конфликта может привести к террору.

Меньшевики выработали в 1905 г. другое мнение. Их точку зрения выразил Мартынов в брошюре «Две диктатуры», направленной против ленинской теории. Он критикует Ленина за намерение сочетать «незаконной связью» марксизм и якобинизм, а идеи Ленина о русской революции он квалифицирует как «ортодоксальное якобинство», представляющее собой исторический анахронизм, пагубный для дела социализма [16]. Под якобинством Мартынов понимает каррикатурные идеи о взятии власти и о диктатуре, которые развивались эпигонами якобинцев из Конвента, сами же якобинцы в его глазах остаются великими революционерами.

> «Я указал на то, что неизбежным логическим выводом из всякого рода якобинства и венцом всякого якобинства является идея револю-

ционной диктатуры в ближайшей революции. Несомненно, что эт заманчивая идея смутно рисовалась воображению наиболее рьяны смелых и последовательных «учеников» Ленина Несомненно, что эт мечта «окрыляла» и самого Ленина Разрушьте эту «мечту» о ре волюционной диктатуре в ближайшей революции, и вместе с ней не избежно разрушится и якобинский план подготовки восстания, и як бинский метод завоевания гегемонии, и вся вообще карточная по стройка Ленина» [17].

Согласно Мартынову, возможны только две диктатуры:

« современное буржуазное общество запишет в свою истори только две революционных диктатуры революционную диктатуру край них элементов буржуазии на его заре и революционную диктатур пролетариата на его закате» [18].

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» кажется ему противоречащей марксизму. Отсылая к «Классовой борьбе во Франции», он утверждает, что Маркс был далек от мысли о возможности совместной работы политических представителей пролетариата и мелкой буржуазии над строительством нового общества. Опираясь на Маркса Мартынов утверждал, что когда мелкобуржуазные демократы берут власть, отстранив крупную буржуазию, пролетариат должен сплачиваться вокруг своей собственной, стоящей в оппозиции партии и оказывать на мелкобуржуазное правительство давление критическими выступлениями и агитацией [19]. Если пролетариат добьется гегемонии, как думает Ленин, то он сможет установить свою собственную классовую диктатуру, не сотрудничая с мелкой буржуазией (в России — крестьянством). Но в таком случае на повестке дня в России встанет уже не буржуазная революция, а революция социалистическая, для нее же еще не созрели условия. Мартынов упрекал Ленина, что в борьбе против самодержавия тот пренебрегал классовыми антагонизмами. Мартынову представлялось опасным воскрешать политический проект диктатуры, как это делал Ленин, в XX веке, в контексте борьбы между пролетариатом и буржуазией. Пролетариат в России малочислен, не проникнут в достаточной мере социал-демократическим сознанием, он еще не достаточно зрел, чтобы удержаться у власти, так что революционное нетерпение Ленина приведет к диктатуре его партии

«Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии. Представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось «подготовить, *назначить* и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля *назначит* бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? (...) Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть

оказанного ему раньше народом доверия, вынуждена была бы, *обязана* была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции» [20].

В условиях, когда пролетариат еще не обрел необходимого классового сознания и не способен вести собственную классовую политику, — например, в Европе в 1848 г. или в России в 1905 г., он обречен на поражение. Если ему и удастся на какой-то момент захватить власть, его партия будет вынуждена прибегнуть к террору прежде, чем переродиться в цезаризм, открытую диктатуру буржуазии. Правило здесь не имеет исключений: чем меньше класс имеет шансов удержаться у власти, тем больше он склоняется к террору. Итог своей аргументации Мартынов подводит в шести пунктах расхождений с большевиками, выражая в них позицию меньшевиков.

«1) Партия отвергла положение Ленина, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, есть революционный социал-демократ. (...)

2) Партия отвергла якобинскую теорию Ленина об отношении стихийности к сознательности, теорию о тред-юнионизме рабочего класса и о внесении социализма только извне. (...)

3) Партия отвергла ленинскую теорию «хождения во все классы», теорию якобинской гегемонии и противопоставила ей теорию хождения пролетариата во все классы, борьбу пролетариата с буржуазией за влияние на ход революции (...)

4) Партия отвергла якобинский «организационный план» Ленина, скопированный с бакунинско-нечаевской Alliance de la démocratie socialiste. (..)

5) Партия отвергла ленинский план подготовления восстания, заимствованный с некоторыми модификациями у якобинца Ткачева. (...)

6) Партия отвергла задачу «хотя бы временного захвата власти» и революционной диктатуры в предстоящей России буржуазной революции партия признает, что социал-демократия есть и останется партией революционной оппозиции вплоть до социалистической революции». (. .) [21]

Таким образом, беря на себя роль выразителя идей социал-демократической партии, Мартынов отвергал «якобинские теории Ленина». Как и многие его предшественники, как Плеханов и другие меньшевики, Мартынов старался не попасться в ловушки, уготованные потомкам Французской революцией.

С этой точки зрения из меньшевиков особенно интересен Плеханов, когда он на IV съезде поднял вопрос о гарантиях против реставрации. Съезд проходил в апреле 1906 г., когда волна революции временно отступила, чтобы летом обрушиться снова в неистовстве крестьянских волнений. Съезд ясно показал различия в тактике большевиков и меньшевиков, но формально он объединил два течения. В центре дебатов был пересмотр

аграрной программы, по поводу которой Плеханов критиковал выдвинутую Лениным идею национализации земли. В России, где земля веками была присвоена государством, подобная мера облегчила бы реставрацию, и Плеханов в резкой форме ставил под сомнение весь план осуществления революции, разработанный Лениным:

> «Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации, а такой гарантии нет и быть не может! Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация» [22].

Ленин разрешал трудность, различая «полноту» и «относительную» гарантии. Он признавал, что полная гарантия практически невозможна.

> «Где гарантия от реставрации, спрашивал тов. Плеханов. (. .) Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации... то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе, никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может» [23].

Но затем характер его речи меняется так, что можно понять, что такая гарантия не совсем исключена. Что же касается относительной гарантии, то Ленин видел ее в своем собственном проекте.

> «...Если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: (такой) гарантией является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников (...), чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации» [24].

Итак, если унаследованные от предшественников проблемы продолжали тревожить меньшевиков, то позиция Ленина и шедших за ним большевиков была очень оптимистична. Они объявляли, что готовы в нынешних условиях, в XX в. взять на себя ответственность за якобинские методы (диктатуру и террор), благодаря им достичь результатов, отвечающих интересам пролетариата и крестьянства, и при этом избежать реставрации.

СОМНЕНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ВОПРОСЕ О РОДСТВЕ С ЯКОБИНЦАМИ

Оптимизм позиции большевиков не означал однако, что она была окончательно и ясно сформулирована. Показательно в этой связи отношение большевиков к применению аналогии, к уподоблению их якобинцам.

В начале 1901 г. Плеханов впервые, размышляя о международном социалистическом движении, в том числе и русском, стал проводить аналогию с Французской революцией:

> «Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа... Немало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «горы» с социал-демократической «жирондой» [25].

Этой статьей открылась трехлетняя кампания против социал-демократической «жиронды», т. е. органа «экономистов» «Рабочего дела» [26]. Экономисты, отказываясь от идеи революционной партии, стремились лишь помочь рабочему классу в его стихийной экономической борьбе, в стачках. Такую позицию Плеханов и Ленин расценивали как оппортунистическую и по отношению к ней считали себя монтаньярами. В 1902 г. после II съезда социал-демократической партии произошел раскол на меньшевиков и большевиков, и «Гора» в свою очередь раздробилась. Ленин стал упрекать в «жирондизме» Плеханова, а тот — критиковать Ленина за якобинизм. В 1903 г. в статье «Объединение русской социал-демократии и ее задачи» [27] П. Аксельрод, разделявший позиции Плеханова, уточнял, что якобинскую тенденцию внутри РСДРП представляют большевики. Ведь именно они вслед за Лениным считали, что партия — это организация профессиональных революционеров и отстаивали «утопическую» идею привести к власти радикальную буржуазию (то есть крестьянство) и пролетариат. Аксельрод критиковал такую тенденцию, утверждая, что она превращает членов партии в маленькие винтики, которые в будущем организуют якобинский клуб. Он полагал, что борьба с самодержавием не требует партии такого типа, ибо речь идет о решении буржуазных задач. В самом лучшем случае революционное движение придет к кратковременному господству опирающихся на пролетариат радикалов, как это было во Французской революции, но в конце концов власть захватит буржуазия. Большевики могут переоблачаться в якобинские одежды, как французские революционеры воображали себя в римских тогах, но «переодева-

ние» лишь скрыло бы истинное содержание движения, ограниченного рамками буржуазных задач.

Вслед за Аксельродом противники стали часто называть большевиков «якобинцами», вкладывая в определение смысл — «неоякобинцы» или «бланкисты». Мартынов специально подчеркивал это в работе «Две диктатуры»[28], а Плеханов, говоря на IV съезде РСДРП о расхождениях с Лениным по аграрному вопросу, доходил в обобщении до следующего заявления: «бланкизм или марксизм, — вот вопрос, который мы решаем сегодня»[29]. Со своей стороны, большевики, и в первую очередь Ленин, охотно сравнивали себя с «великими якобинцами» 1793 г., но отнюдь не с бланкистами. Отныне по этому вопросу, как и по многим другим, между меньшевиками и большевиками будет идти диалог глухих.

В позиции большевиков, воплощением которой был Ленин, наблюдалось три типа реакции на обвинения в якобинизме. В зависимости от того, какой аспект якобинизма вменялся в вину, большевики либо полностью отвергали аналогию (в вопросе о классовом характере революции), либо занимали двойственную позицию (в вопросе о методах борьбы), защищая наследие якобинцев, а не их «эпигонов», либо, наконец, говоря об исторических целях революции, впадали в противоречие, так как утверждали, что их задачи те же, что и задачи Французской революции, и вместе с тем социалистические убеждения влекли их к иным горизонтам.

Классовый характер революции

Большевики категорически отвергали какое бы то ни было уподобление, когда речь шла о классовой природе движения. В качестве «авангарда пролетариата» они не признавали в себе никакого сходства с «мелкобуржуазными революционерами» XVIII в. Для Ленина, часто пользовавшегося этим сравнением, оно означало корреляцию двух революционных течений XVIII и XIX вв., а не отождествление этих течений самих по себе[30].

> «Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программы, лозунги, способы действия. Ничего подобного. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы»[31].

Так же энергично он отмежевывался и от русских «якобинцев»[5] периода народничества, которых обвинял по обстоятельствам то в слишком больших надеждах на крестьянскую общину, то в недооценке роли капитализма в России, что в том и другом случае означало квалифицировать их термином «мелкобуржуазные».

Методы борьбы

На вопрос о методах борьбы большевики давали двойственный ответ. С одной стороны, они признавали законность революционных действий якобинцев XVIII в. Тексты Ленина 1904—1905 гг. пестрят призывами не пренебрегать якобинским способом действия[32], не изображать якобинизм «вздорным пугалом»[33], и по-плебейски покончить с самодержавием[34]. В этом требовании Ленин часто ссылался на Маркса и Энгельса, а в пылу спора доходил до того, что называл Энгельса «настоящим якобинцем социал-демократии»[35].

С другой стороны, можно заметить, что отношение большевиков к наследию русских «якобинцев» дифференцированно: они берут на вооружение часть их арсенала (концепция партии-авангарда, привнесения политического сознания в народ извне, борьба за власть методом вооруженного восстания и установление революционной диктатуры), но не приемлют тактику заговора и вообще «бланкистский» дух.

> «Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны, в заговоры они не верят, думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»[36].

Другой пример: в 1905 г. Ленин критиковал решение Женевской конференции, где меньшевики приняли резолюцию об образовании революционных коммун в городах и регионах, в противовес резолюции III съезда, в которой, в свою очередь, говорилось о временном революционном правительстве. Он пишет буквально следующее: «Употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более» и продолжает:

> «Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделываться ссылкой на нее без разбора ее

ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять не
лепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (
1874 г. в своем манифесте) перед каждым актом Коммуны»[37].

Бланкизм в любом случае осуждался[38], и в то же время са
Ленин приводил членам партии в пример русских представите
лей этого движения в 70—80-х гг., сознававших или нет свою
принадлежность к бланкизму. В работе «Что делать?» подобна
двусмысленность бросается в глаза. Прежде всего видно вос
хваление:

«...превосходная организация, которая была у революционеров
70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом
создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*... Таким образом
видеть в боевой революционной организации что-либо специфическое
народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* ре
волюционное направление, если оно только действительно думает
серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в
том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к
своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на
решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, и
великая историческая заслуга». (...)

Через несколько строк восхваление уравновешивается не
приятием заговора, но сразу же вслед за этим Ленин косвенно
как бы присваивает себе как раз эту самую бланкистскую так
тику:

«Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против
сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовс
не означало отрицания необходимости крепкой революционной орга
низации... настолько крепкой, чтобы она могла «прибегнуть для нане
сения решительного удара по абсолютизму» и к «восстанию» и ко
всякому «другому приему атаки» (Ленин цитирует «Задачи» — Т. К
По своей форме такая крепкая революционная организация в само
державной стране может быть названа и заговорщической органи
зацией... конспиративность необходима такой организации в макси
мальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое ус
ловие такой организации, что все остальные условия (число членов
подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Был
бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что
мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию
Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага «эко
номизма», как и обвинения в «народовольчестве»[39].

Это противоречие у Ленина было замечено его критиками
например, В. П. Акимовым, который сформулировал его в виде
противоречия между функцией и формой:

«1) По своим функциям социал-демократическая организация есть
отражение заговорщических приемов борьбы и рассчитана на то
чтобы вызвать «отклики», «поддержку» масс.

2) По своей форме эта организация должна быть заговорщи
ческой.

В этом противоречии функциональной и формальной стороны со
циал-демократической организации сказалось основное противоречие
во взглядах Ленина, отразилась его позиция промежуточной системы
между партией социалистического заговора, Народной воли и партией
пролетарского социализма, социал-демократией»[40].

Аналогично высказался, со своей стороны, Д. Б. Рязанов: «За
говорщическая организация социал-демократии это логический
абсурд»[41]. Объясняя К. Каутскому расхождения внутри рус
ской социал-демократической партии, П. Аксельрод разоблачал
бюрократическо-бонапартистский режим, который Ленин и его
сторонники навязывали партии: «централизм», «строгая дисцип
лина»... конкретизируются требованием беспрекословного «повино
вения» и «подчинения», требованием, вырождающимся на
практике не в «якобинизм», бланкизм и т. п., а в самую что ни
на есть заурядную жалкую каррикатуру на бюрократическую
бюрократическую систему нашего министерства внутренних
дел»[42]. К этим пассажам хорошо, впрочем, известной полемики
вокруг организационного плана Ленина, добавляется неистовая
критика Троцкого, тем более интересная в связи с нашей темой,
что Троцкий в своих рассуждениях более, чем кто-либо другой,
обращался к аналогиям.

В самом деле, Троцкий, подобно Розе Люксембург или дру
гим, не только критиковал ленинское определение социал-де
мократа («якобинец, неразрывно связанный с организацией
пролетариата, осознавший ее классовые интересы»), но усмат
ривал в нем ключ к самой сути спора:

«Эта формула должна санкционировать политические и теорети
ческие завоевания, сделанные ленинским крылом нашей партии. В ней,
в этой маленькой формуле скрывается теоретический корень разно
гласий по злосчастному § первому устава, как и по всем тактическим
вопросам»[44].

Еще более красноречиво название главы, открываемой этой
цитацией. Оно сразу сообщает читателю, как Троцкий, в от
личие от Ленина, видит стоящую перед партией проблему: «не
якобинец и социал-демократ, а якобинец или социал-демократ».
И наконец, именно Троцкий защищает позиции и тактику мень
шевиков, обращая внимание как раз на якобинизм, от которого
Ленин не хотел отмежевываться, и на его скрываемую привер
женность бланкизму.

«В ортодоксальной Горе начался процесс самопожирания. — «Оте
чество в опасности! Caveant consules!» — и тов. Ленин превратил
скромный Совет во всемогущий комитет Общественного Спасения, да
бы взять в нем на себя роль «неподкупного» Робеспьера. Все, что

стояло на пути, должно было быть снесено, — и тов. Ленин не оста новился перед разгромом искровской Горы, только бы получить воз можность через посредство Совета беспрепятственно насадить «ре публику добродетели и ужаса» [45].

«...Режим, который в *интересах своего поддержания* начинает изгнания целого ряда лучших работников литературного и практич ского дела, такой режим обещает слишком много казней и слишко мало хлеба. Он неизбежно вызовет разочарование, которое может ок заться роковым не только для Робеспьеров и илотов централизма, н и для идеи единой боевой партийной организации. Тогда хозяевам положения окажутся «термидористы» социалистического оппортуни ма, и двери партии действительно распахнутся настежь..» [46].

Этот отрывок из Отчета сибирской делегации II съезд РСДРП в зачаточном виде содержит основную идею, развит затем в работе «Наши политические задачи» и для нашей тем важнейшую: что бы ни говорили Ленин и его сторонники, он с неосознанным старанием копируют якобинцев. Троцкий объ является, что говоря о якобинизме и о социал-демократии, он имеет в виду два мира, две доктрины, две тактики, два отде ленных друг от друга пропастью миропонимания [47]. Троцки старается доказать, что Ленин возводит теоретический мос между революционной буржуазной демократией (якобинцев) пролетарской демократией [48] и что своим определением социал демократа-якобинца он затемняет четкий классовый характер социализма [49]. К эволюции Ленина от марксизма к якобинизм Троцкий относится с иронией, вместе с Аксельродом задаваясь вопросом:

«Почему этой проказнице истории... не доставить революционно буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революц онного марксизма?».

И он не менее иронично отвечает:

«Вождем *революционной* буржуазной демократии может быт только *якобинец*. Он соберет свою армию, — она будет не велика не грозна эта армия! — вокруг бряцающих лозунгов суровой «дикта туры», железной «дисциплины», «призыва к восстанию».

Идеологической формой примирения революционной ин теллигенции с ее ограниченной буржуазно-революционно (якобинской) ролью может явиться марксизм, — разумеется, не его классовое социалистическое содержание, а его формальные рамки, настолько опустошенные, что этот ортодоксальный «марксизм» можно *связать* с якобинизмом, чтобы получить «ре волюционную социал-демократию» [50].

Так, в брошюре «Наши политические задачи» Троцкий ве дет речь об идентификации большевиков [51] с якобинцами, от вергая претензию Ленина на простую корреляцию между двумя движениями.

Исторические задачи революции

На первый взгляд, большевики полностью принимали аналогию с якобинцами, поскольку сравнивали «задачи» Французской революции с теми задачами, которые они намечали решить в России. Заявив в 1905 г., что русская революция будет буржуазно-демократической типа 1789 года, а не социалистической, большевики признали своими «задачи», которые революционеры обычно относили на счет французских якобинцев. В то же время социалистические убеждения большевиков подтачивали аналогию. В 1917 г. в «Апрельских тезисах» Ленин решительно поставил ее под вопрос, когда утверждал, что теперь буржуазно-демократические задачи могут быть быстро решены, это может быть сделано «мимоходом», в ходе революции под руководством пролетариата и его партии, и что в рамках той же революции можно перейти к решению социалистических задач.

При этом, хотя буржуазно-демократические преобразования имели переходный характер и им отводился чрезвычайно короткий срок, все равно теория предполагала, что большевики должны готовиться к роли якобинцев, тем более, что в спорах с меньшевиками они давно уже использовали по отношению к себе наименование «якобинцы». Но ведь исполнение роли неумолимо должно было привести большевиков к идентификации себя со своими героями. Так что *просто аналогия*, о которой всегда говорил Ленин, должна была превратиться в идентификацию, тем более, что тип революционера так и не стал новым. Конечно, в 1917 г. на большевиках лежал отпечаток усилий многих лет, прошедших после выхода книги «Что делать?», по формированию революционера нового типа, определяемого одновременно партией и задачами, существенно отличающимися от французских XVIII в. и русско-якобинских XIX в. Но не менее важным оставалось и то, что большевики не знали других примеров самоотречения и революционной отваги, кроме Робеспьера и Дантона, членов «Земли и Воли» и «Народной воли». Русские или французские, якобинцы были единственным символом революционера. В самый момент основания партии восхищение боевыми качествами руководителей «Народной воли» побуждало Ленина мечтать о «социал-демократических Желябовых» [52]. И в самом деле, позже, накануне 1917 г., большевики оказались перед противоречием между прославлением предшественников, возводимых в ранг образца, и поисками собственной идентичности. И это отразилось на характеристиках, которые давали большевикам их противники, когда, например, Плеханов говорил, что Ленин сделан из того же «теста», что и Робеспьер [53], Мартов приписывал Ленину бонапартистские амбиции [54], а Троцкий называл его «Максимилианом Лениным» [55].

Итак, колебания идентифицировать себя с якобинцами или не признавать сходство, показывают, что аналогия была средоточием сомнений большевиков относительно своей идентичности и существа выдвинутых задач. Была проблемой важной но накануне взятия власти все ещё нерешенной.

Глава IV

Пробуждение исторического сознания (1917—1921 гг.)

Большинство аналогий, упоминавшихся в предыдущих главах, известны историкам русского революционного движения. О них упоминается в биографических очерках, в книгах по истории идей и партий, но они никогда не рассматривались глобально. Я представила их именно так потому, что в свете революции 1917 г. они приобретают смысл как целое, перестают быть выразительными метафорами, риторическими фигурами или конъюнктурными отсылками к прошлому, если учесть их вторжение в политику 20-х гг.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНАЛОГИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИИ

Революция 1917 г. повлияла на частоту употребления аналогий и на их смысл. Начиная с февральских событий, как с французской, так и с русской стороны, нарождавшуюся в России революцию стали сравнивать с аналогом.

> «Французская лига прав человека и гражданина получила разрешение провести (1 апреля 1917 г.) большое публичное собрание, единственное, имевшее место в Париже в годы войны. Русских революционеров там славили, сравнивая с французскими революционерами, с людьми 1792 и 1793 гг., и точно так же царя сравнивали с Людовиком XVI, а царицу — с Марией-Антуанеттой»[1].

Примеры можно было бы множить, констатируем только, что аналогии стали использовать чаще и по любому поводу. Что же касается смысла аналогий, то здесь, напротив, требуются более детальные наблюдения.

Распространение аналогий отражало пробуждение исторического сознания. Начиная с 1917 г. они перестали быть прерогативой узкого круга социал-демократов; в сопоставления пустились все политические деятели, журналисты, историки, интеллектуалы и даже просто люди с улицы. Произошло смещение и в объекте сравнения: если раньше оно затрагивало революционеров, то теперь и сами происходящие события классифицировались в зависимости от степени схожести с событиями Французской революции.

Типологизация сравнений, употреблявшихся небольшевиками (симпатизировавшими или враждебными революции, в России или за рубежом), и тех, что распространяли сами большевики, поможет лучше понять перемену в судьбе аналогий.

Прежде всего, сравнения, порожденные стремлением точно определить сходство и различие между двумя революциями. Такого рода статьи и брошюры исходят из самых разных политических кругов, как внутри страны, так и вовне. В зависимости от политической ориентации автора и от того, в какой степени он склонен опираться на аналогию, обнаруживается три типа толкований.

Первое отражает экзальтированное восприятие происходящего в России и распространено среди зарубежных или русских, плохо информированных наблюдателей, которые мало озабочены исторической точностью. Такое толкование характерно для французов, активно участвовавших в русской революции в первые ее годы. Виктор Серж особенно красноречиво выразил эту разделявшуюся многими его соотечественниками позицию:

> «Между французской и русской революциями прочерчиваются поразительные параллели, вплоть до подробностей событий и действий. Впечатляющие совпадения наблюдаются даже в датах» [2].

Названия его хроник: «Первый год русской революции», «II год русской революции», «Версальцы» (участники октябрьских боев 1919 г. под Петроградом), «Набросок параллели: 1793 и 1918 гг.» и другие, хотя и предназначены для возбуждения интереса читателей, тем не менее хорошо показывают типичное восприятие русских событий, которое В. Серж взял на себя труд сформулировать и которого ожидала от него публика.

Аналогии другого типа исходят от историков. Обычно они осторожны, так как убеждены, что историку, как никому другому следует проявлять строгое недоверие к доказательству по аналогии [3].

Матьез, например, употреблял сдержанное выражение «развитие отмечено сходством», а не говорил попросту, что развитие

сходно. А. Олар, который сам же обнаружил черты подобия революций, тут же установил дистанцию:

> «Отмечая сходства между этой революцией и нашей, мы не поддавались исторической или гражданской иллюзии. Мы очень хорошо чувствовали различия, а если и подчеркивали сходство, то только лишь затем, чтобы увлечь русских примером французских патриотов 1792 года» [4].

Есть ли связь между проявляемой осторожностью и политической позицией автора или нет, фактом остается то, что историки, когда они высказывались как таковые, в гораздо большей степени были склонны выявлять расхождения, чем отождествлять или находить общее. Симпатизировавшие большевикам Лабрусс и Матьез и относившийся к ним враждебно Олар сходились в том, что общность имеет поверхностный характер, а расхождения — основополагающий, и их политические пристрастия чувствуются скорее в выборе аргументов. Эти историки стремились умерить увлечение аналогией, напоминая о различиях эпох, и подчеркивая, что речь идет о разных странах и идеологиях, что вопрос крестьянской собственности совершенно оригинален и что социальные результаты русской революции более значительны, чем результаты французской.

Аналогии третьего типа, не столь утонченные в том, что касается исторических ссылок, возводили сходство или различие в ранг абсолютных категорий. Одни, например К. Каутский, считали, что революции идентичны, поскольку их социальное содержание одинаково. Для Каутского русская революция есть последняя великая буржуазно-демократическая революция:

> «Если современная Россия демонстрирует такое сходство с Францией 1793 г., это доказательство того, что она близка к стадии французской революции. (...) Революция в России совершила лишь то же самое, что было во Франции в 1793 г. и позже продолжалось в Германии» [5].

Однако согласно другой точке зрения, распространенной преимущественно среди русских эмигрантов и лучше всего представленной П. Струве [6], две революции, наоборот, радикальным образом различаются. Для Струве феномен, аналогичный русской революции, следует искать в Смутном времени начала XVII в. или в «пугачевщине».

Если мнения о социальном содержании Октябрьской революции расходились, то сходство между большевиками и якобинцами не вызывало сомнений. Журналисты использовали метафору «большевики-якобинцы» как само собой разумеющуюся, а историки специально останавливались на методах русской революции и указывали на их неоспоримую идентичность [7] с

методами, употреблявшимися якобинцами. Матьез, например, часто повторяет, что русская революция «дополнила» Французскую в том, что касается социального содержания, т. е. что одна отличается от другой. Но тот же Матьез не колеблется в вопросе о тесной связи большевизма и якобинизма.

> «В кратком рассуждении я хотел показать, что между методами большевиков и методами французских монтаньяров не только существуют очевидные аналогии, но что одни и другие состоят в тесной связи, их соединяет как бы логическое родство» [8].

Диктатура, установленная большевиками, применявшиеся ими террор, конфискации, экспроприации и реквизиции укрепляли историков и всех толкователей в мысли, что можно, не совершая ошибки, объединять большевиков с якобинцами. Но подчас, как, например, у русских эмигрантов, аналогия зиждилась на убеждении, что главная причина повторения феномена якобинизма состояла в общности психологического типа А. А. Гольденвейзер, написавший небольшую брошюру «Якобинцы и большевики», основываясь на труде И. Тэна, шел именно в этом направлении, отзвуки его сравнения легко обнаружить в эмигрантской литературе. Деятели революции, пришедшие к власти благодаря социальному потрясению, являли собой низший в интеллектуальном и в моральном отношении тип (чернь). Вот почему, пишет Гольденвейзер, якобинец, взращенный на идеях Руссо, есть брат, если не двойник большевика, воспитанного на идеях Маркса [9]. То, что большевики в глазах как друзей, так и врагов выглядели якобинцами, это известный, не требующий подтверждения факт, но о нем полезно вспомнить, чтобы лучше представить себе атмосферу, в которой первостепенное значение приобрел вопрос: какое продолжение дадут якобинской истории большевики?

В отличие от тех кругов, где преувеличивали, вымеряли или отвергали сходство, сами большевики почти не применяли аналогии. Их брошюры, проводившие сравнения, были редки [10]. Моменты соответствия там едва упоминались, и анализ обычно сводился к трем различиям: существование пролетариата, наличие партии, которую поддерживает «весь народ» и социалистический характер Октябрьской революции. Зато множатся всякого рода Истории Французской революции, в частности издаваемые Петроградским советом [11], или специальные серии, предназначавшиеся для народа (Народная библиотека, Народные чтения, Народные беседы и т. д.) [12]. Там могла быть представлена не вся история революции, а отдельные ее эпизоды: взятие Бастилии [13], процесс над королем [14], революционные войны [15], Декларация прав человека и гражданина [16], Учредительное собрание [17], нравы эпохи Французской революции [18], религия [19], песни и праздники [20], проблема бумажных денег [21] — все эти темы рассматривались в доступной массам форме, а авторами были большевики или их сторонники. Биографии крупных деятелей Французской революции, вроде Мирабо [22], Марата [23], Сен-Жюста [24], Робеспьера [25] ставились в пример молодым коммунистам. Появление большого числа «Историй Французской революции», лепившихся в спешке пропагандистами, уравновешивалось переизданием работ, считавшихся классическими, например, Олара [26], или публикацией документов [27].

Обильная литература должна была, по мысли большевиков, познакомить массы с Французской революцией, а также с другими, особенно с революцией 1848 г. и с Парижской Коммуной. При этом число книг и разнообразие тем свидетельствует о том, что явное преимущество отдавалось Французской революции. В самом деле, 1917—21 гг. были периодом, когда централизация прессы и подчинение ее единому плану не задушили еще инициативу издателей. Решающее место, занимаемое в публикациях Французской революцией, определялось, надо думать, тем, что особый интерес проявляли к ней власти, а также издатели и публика. Интерес этот одинаково стихийно проявлялся у всех. Ссылки на Французскую революцию попадали иногда даже в прессу разного толка, а подчас всплывали в самом неожиданном контексте. Так, Французская революция дважды упоминается в докладе профессора Н. К. Кольцова, который он представил в 1921 г. своим коллегам, специалистам по евгенике, во время заседания, посвященного охране материнства и детства [28]. Первое упоминание: «сто тридцать лет тому назад во время Французской революции такой науке о благородстве не было и места», есть не что иное, как скрытое сравнение двух революций Кольцов полагает, конечно, что Октябрьская революция выше, поскольку она открыла возможности развития новой науки евгеники. Второе упоминание: «это естественное биологическое благородство имеет мало общего с тем благородством, против которого сражались французские революционеры сто тридцать лет тому назад», вызвано восхищением героями прошлого, как если бы они были героями сегодняшними. И в самом деле, то представление, которое имел о Французской революции Кольцов, было характерно для людей, симпатизировавших Октябрьской революции, но не приобщившихся к марксистскому учению. Для Кольцова революционеры всех времен одинаковы, это не буржуа или пролетарий, а именно революционер, борющийся за доброе дело Только русские это делают лучше, чем французы.

Если профессор-биолог не может обойтись без ссылок на Французскую революцию, значит, она у всех на устах, она интересует всех. Понятно, почему распространение знаний приоб-

ретает такой размах, оттесняя на второй план подходящие по обстоятельствам сопоставления двух революций Была ли на то команда большевиков или просто проявлялось стремление удовлетворить интерес публики, но читателю предлагали в первую очередь историю Французской революции, а не сравнение ее с Октябрьской Большая и повсеместно распространенная потребность в знаниях о прошлом, порожденная поисками ответов на актуальные вопросы, свидетельствует как ни что другое о пробуждении исторического сознания, последовавшем за поворотными событиями Что касается большевиков, то они могли путем распространения знаний внедрить свою главную идею, единственный возможный для них подход к аналогии революции коренным образом отличаются друг от друга, одна из них — буржуазная, а другая — пролетарская Названия, предисловия, примечания, включенные в текст брошюр, давали массу возможностей популяризовать этот тезис В итоге, в Советской России хотя и пользовались аналогиями не так широко, как за рубежом, распространение всесторонних знаний о Французской революции побуждало проводить аналогии

Поток информации о Французской революции после 1917 г коснулся в основном двух типов общественной среды С одной стороны, это был круг образованных, или, как минимум, имевших среднее образование людей, и тогда новые знания налагались на уже имеющиеся представления С другой стороны, знания распространялись за пределами образованной среды, затрагивали рабочих и крестьян, до тех пор ничего не знавших о Французской революции

Преподавание истории Французской революции было запрещено в России со времен Екатерины II Это была таинственная, полная притягательности тема, причем интерес к ней подогревался тем, как запрет осуществлялся на практике Так, книги можно было публиковать (Ф-Х Шлоссер[29], А де Токвиль, Зибель, Ф Минье, Э Кинэ переведены на русский язык и опубликованы еще до 1868 г), но их нельзя было читать В библиотеках, доступных студентам и даже широкой публике стояли запертые на ключ застекленные шкафы, полные книг о Французской революции В том случае, если автор симпатизировал революции то на книжке был ярлычок «запрещено безусловно» К таким книгам не имели доступа даже преподаватели Если же это был просто рассказ о революционной эпохе, документы или мемуары, то ярлычок гласил «запрещено для публики» Переводы и оригиналы сочинений циркулировали тайно, читать их нужно было быстро, чтобы передать книгу нетерпеливому товарищу Вот как описывает атмосферу, характерную для 1860—70 гг, Н А Любимов, человек, которого трудно заподозрить в преувеличении, т к в 1880 е гг он после

краткого увлечения революцией находился в лагере самой непримиримой реакции

> «Какое, бывало, наслаждение доставлял добытый от какого нибудь обладателя запрещенного плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время опасный том какой нибудь истории революции, в котором, казалось и заключается самая то скрываемая истина Помнишь с какою жадностью одолевали мы в одну ночь том Мишле, Луи Блана в четыреста, пятьсот страниц Надо признаться, что нашим юношеским увлечениям немало содействовало то обстоятельство, что в литературных и профессорских кружках, имевших наиболее влияния на молодые умы, этот «культ революции» принадлежал к числу основных убеждений»[30]

К тому моменту, когда запрет был снят, в ментальности интеллигенции уже прочно укоренилось эмоционально окрашенное отношение к Французской революции, будь то восхищение, симпатия, антипатия или ненависть

Французская революция впервые появилась в университетских программах в конце 60 х—начале 70 х гг XIX в Это был период, когда цензурные ограничения потеряли свой смысл по причине проводившихся реформ и появления первых русских работ о Французской революции

Таким образом, ситуация становилась благоприятной для преподавания В 1868 г профессор В И Герье, ученик Т Н Грановского, которому попечитель Московского учебного округа граф С Г Строганов запретил в свое время курс о Французской революции, вводит эту страницу новой истории в программу Московского университета В начале 70 х гг история Французской революции уже фигурировала среди специальных курсов в Петербургском университете, а В О Ключевский читал ее слушателям Александровского военного училища в Москве А в середине 70- гг Французская революция вошла и в среднее образование

Школьные учебники, например, широко употреблявшийся, верный монархическому принципу учебник Д И Иловайского, представляли Французскую революцию как дело рук смутьянов, подстрекателей черни Конец революции знаменовался падением диктатуры «кровожадных демагогов» Робеспьера, Дантона и Марата[31] Что же касается университетов, то там господствовало толкование Герье Опираясь на Токвиля[32], этот историк старался доказать, что Французская революция логически вытекала из прошлого и что вследствие слабости монархии республика должна была возобладать[33] В установлении республики он видел кульминацию революции, вслед за тем она как бы «сбилась с пути» и скатилась к безумной диктатуре Размышления о Французской революции вели Герье к выводам и относительно прошлого России Он считал, что поскольку ре

волюции здесь осуществляются сверху, то деяния Петра Вел кого были антитезой Французской революции. В отличие о Франции, в России революция не предопределена, ее можно должно избежать В 1911 г Герье выпустил книгу, посвящен ную И. Тэну[34], которого он высоко оценил за точность псих логического портрета якобинцев. Герье защищал там ту ж концепцию Французской революции, добавив к ней лишь осо бенно страстное неприятие якобинцев, порожденное первой рус ской революцией 1905—1907 гг. В предисловии к этой книге о доходил до сравнения с якобинцами русских конституционны демократов (кадетов). Он приписывал им намеренье через вс Россию протянуть нити организации на манер якобинской, а если читатель хотел знать, к чему это может привести в случае удачи, Герье отсылал к книге Тэна. Книга Герье имела успех свидетельствующий об интересе интеллигенции к Тэну и о том что она разделяла идеи французского историка и самого Герье

Целая плеяда историков (П. Н. Ардашев, Н. И. Карасев Р. Ю. Виппер, П. Г. Виноградов), лидером которой был Герье присоединилась к традиции Токвиля—Тэна[35]. В учебнике П Г. Виноградова студентам сообщалось, что 9 термидора по ложило конец «тирании» террористов, истреблявших друг дру га[36] Итак, насаждавшиеся в русском обществе и широко рас пространенные до 1917 г. представления о Французской рево люции, были антиякобинскими.

После октября 1917 г. при переизданиях и адаптациях для широкой публики стали предпочитаться работы Жореса, Олара Кропоткина, Кунова, в которые раньше заглядывали лишь пред ставители радикального меньшинства интеллигенции. В соответ ствии с ними начало распространяться благожелательное от ношение к якобинизму и, следовательно, образ Французской революции, противоположный тому, который был знаком рус ским со школы или университета. Новый образ не мог не столкнуться с уже имеющимися представлениями. Но он не мог также завоевать среду, до сих пор мало или вовсе не затронутую школьным образованием.

Здесь новое видение не прививалось на старое: огромно число людей приобретало его впервые[37] Они приобщались истории Французской революции, читая брошюры, в большин стве своем написанные большевиками, которые в начале 20-х г предлагали достаточно разнообразный набор исторических очер ков Некоторые, как, например, видные большевики Д. З Ма нильский, и Г. Линдов, в своей интерпретации вдохновлялис Марксом и Жоресом, а другие, например, А. Самохвалов, едва заговаривали о классовом анализе. Большинство же писало в эклектической манере. Традиция Токвиля—Тэна перемешива лась с социал-демократической традицией Каутского—Кунова

так что происхождение тех или иных выводов трудно определить. Очень показательна в этом смысле брошюра Е. Ефимовой, опубликованная в серии «Народная библиотека». Характеристика якобинской диктатуры здесь намного мягче, чем у Тэна, но встречаются враждебные ей определения: «деспотическая» диктатура, «гнусность и ненужность кровавой деятельности ревтрибуналов», «попрание свободы совести» — это касательно культа Верховного существа, дорогого сердцу Робеспьера. А в выводах звучат токвилевские нотки:

> «Военный же деспотизм Наполеона во многих отношениях был лишь возобновлением республиканской диктатуры якобинцев, как эта последняя — возобновлением абсолютизма старой монархии»[38]

Но Французская революция — это ориентир, опыт, который обязан знать каждый, несмотря на тот факт, что эта «великая книга успехов и ошибок человеческой мысли» не провела полностью в жизнь своих идеалов. Перестройка государства и общества оказалась гораздо сложнее, чем представляли себе теоретики XVIII века[39].

Итак, в начале 20-х гг. в брошюрах фигурировали разные образы Французской революции, и якобинцы-мученики встречались там реже, чем якобинцы-диктаторы и террористы. В целом общество, находившееся под властью диктатуры пролетариата, воспринимало якобинскую диктатуру недоброжелательно, следовательно, и о термидорианском конце Французской революции это общество имело невнятное представление: был ли он освобождением или контрреволюцией?

ПЕРВАЯ АНАЛОГИЯ С ТЕРМИДОРОМ

С того момента, как большевики взяли власть, противники стали рассматривать их политику в свете французского революционного опыта конца XVIII в. Первыми воспоминания разбудили меньшевики. В марте 1918 г. Ю Мартов, возглавлявший фракцию меньшевиков-интернационалистов, опубликовал статью под названием: «Накануне русского термидора»[40].

Здесь основу параллели с французским прецедентом составляют два момента: большевистские репрессии, главной из которых был разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г., и мирный договор, заключенный в Брест—Литовске 3 марта того же года. В глазах Мартова первый наносил ущерб демократическим завоеваниям революции, и в этом смысле напоминало термидор; второй знаменовал собой свертывание русской революции, так как сводил социалистический

идеал к осуществлению лишь кое-каких национальных задач. Брестский мир представлялся автору концом революционного порыва и, следовательно, также знаменовал собою термидорианский закат.

Поражение демократии перед новым русским термидором упрочивало меньшевиков в их концепции революции. Для Мартова и его соратников победа демократии зависела от способности пролетариата завершить политическое самовоспитание, достичь необходимой зрелости, чтобы взять власть в свои руки и отстранить буржуазию. Октябрьская революция весьма плохо согласовывалась с наиболее распространенным толкованием марксизма. Противники считали ее абсолютно «антимарксистской», и меньшевики, побитые на поприще политики, после Брест—Литовска думали взять реванш в области идей и замахивались на Ленина доктриной. Не без чувства превосходства они квалифицировали большевистскую диктатуру как «жалкую пародию». Ленин ведет «протермидорианскую политику», заключал Мартов. Это не обязательно означает, что он готовит государственный переворот, но действия его облегчают наступление термидорианской реакции.

Мартов различал эпизод, имевший место 9 термидора и термидорианскую реакцию. В день 9 термидора власть взяли «подлинные революционеры, не уступавшие в радикализме политических и социальных взглядов павшему диктатору».

Наоборот, термидорианская реакция — это политика, которую вели против подлинних революционеров авантюристы, нажившиеся на революции. В 1918 г., как и в 1794 г., Мартов видел на политической сцене трех главных актеров: диктатора, окруженного группой фанатиков, подлинных революционеров или демократов, и термидорианцев.

Большевики относились к первой категории. Сравнивая их с якобинцами, Мартов заключал, что в отличие от диктатуры этих последних, диктатура большевиков окажется лишь «трагическим фарсом». Подлинные революционеры, сокрушившие в 1794 г. Робеспьера или приветствовавшие падение диктатуры, как Бабёф,— сегодня это русские социал-демократы, т. е. меньшевики. Термидорианцы же есть «двусмысленные авантюристы», порожденные режимом диктатуры и террора. Они делают карьеру, приспосабливаясь к диктаторскому режиму и всячески стараясь превзойти фанатиков в жестокости, но в последний момент они поворачиваются к диктатору спиной. В России это те, кто «спекулирует» благодаря сообщничеству находящихся у власти, «вся эта прожорливая саранча, примазавшаяся к вчерашним победителям и перешедшая на сторону победителей сегодняшних, образовала авангард термидорианцев».

Проведя аналогию с 1794 г. для характеристики политических сил 1918 г., Мартов ставил центральный с его точки зрения вопрос: «Стоим ли мы накануне русского термидора?». Все, начиная с заглавия статьи, позволяло догадаться об утвердительном ответе.

Формула «русского термидора» обозначает у Мартова упадок революции, который проявится прежде всего в «ликвидации коммунистической диктатуры большевиков», сопоставимой с 9 термидора, а затем в фиаско «подлинных революционеров» или демократов. Во Франции «подлинные революционеры» сокрушили Робеспьера, но были, в свою очередь, побеждены термидорианцами, настоящими агентами контрреволюционной буржуазии, которым удалось установить буржуазный порядок. «Подлинные революционеры», те, что на каждой стадии революции сражались за демократию, были уничтожены, отстранены от власти или изгнаны.

За вопросом о «термидоре», по мнению Мартова обнаружилась подлинная проблема: судьбы демократии при диктатуре большевиков[42]. С теоретической точки зрения дело термидора представлялось решенным: если исторически господство буржуазии неизбежно, то неизбежен и термидор. Но лидер меньшевиков был политическим руководителем, и на этой почве считал возможным дать бой теоретической неотвратимости. Он написал поэтому статью, в которой предложил отличный от французского путь перехода от диктатуры к буржуазно-демократическому режиму. Успех на этом пути зависел от способности меньшевиков направить все силы пролетариата на борьбу против ограничения демократических свобод. Ибо следует действовать так, чтобы устранение ленинской диктатуры совершалось на основе укрепления демократии. Иначе говоря, Мартов желал бы,

> «...чтобы исторически неизбежное восстановление классового господства буржуазии не совершилось путем подавления и лишения прав пролетариата, но осуществилось в рамках самой широкой демократической свободы».

Если государственный переворот, подобный перевороту 9 термидора, опрокинет большевиков, то социал-демократы должны будут сделать все возможное, чтобы не допустить реванша контрреволюционной буржуазии и спасти революцию.

Итак, Мартов отчетливо разграничивал две аналогии: одну — 9 термидора, другую — с разгулом контрреволюции после термидора. И он делал разные выводы: 9 термидора иллюстрирует неизбежное падение большевистской диктатуры («уже ликвидируется»), в то время как призрак контрреволюции, наступившей после термидора, должен предостеречь от такого

именно конца большевистской диктатуры. В свете этих выводов меньшевики должны подвести пролетариат к защите идеи Учредительного собрания.

«Если рабочий класс, уходя от большевистского солдатско крестьянского «коммунизма» не поднимается до идеи Учредительного собрания, как естественного наследника не промотанной большевиками части революционного наследства, если демократические массы не удержатся на этой идее в момент развязки трагического фарса ленинской диктатуры, падение этой последней будет началом подлинного русского термидора»

Критические выступления, адресованные большевикам левыми эсерами, не так резки, как высказывания меньшевиков, открытых и давних противников большевиков, привыкших напрямик выражать свое несогласие с прежними товарищами по РСДРП. В то время как Мартов недвусмысленно облекал в теорию враждебность меньшевиков, с левыми эсерами, союзниками большевиков после Октября, дело обстояло иначе Они были критически настроены по отношению к большевикам, но разделяли с ними ответственность, входя в правительство - ситуация, которая не могла не сказаться на их толковании аналогий с Французской революцией. Как и меньшевики, они сравнивали политику большевиков и особенно Брест—Литовский мирный договор с тем, что происходило во Франции, но они делали это уже после Мартова, когда ссылка на термидор уже приобрела отпечаток меньшевизма Желая избежать идентификации с меньшевиками, левые эсеры, говоря о заключительной стадии Французской революции, не употребляли слово «термидор». Так, А. Измайлович, анализируя ошибки, совершенные после Октября, назвал первую главу своей брошюры «Наша Октябрьская революция и Французская революция» [43] Автор не оставлял никакого места сомнению: если он останавливался на политических ошибках революционных вождей [44] говорил о роли французского народа [45], так это потому, что не скрывал своего беспокойства относительно возможного краха Октябрьской революции, аналогичного краху Французской революции Измайлович никогда не употреблял слово «термидор», но тем не менее ясно, что именно этот последний остался бы на совести большевиков.

« Преступление совершает сейчас ЦК партии большевиков Он систематически и безудержно травит и гонит самую левую чисто интернационалистическую партию в стране» [46]

Большевики уже совершили первую ошибку: они заключили Брестский мир, который означает измену заветам Интернационала.

«Вторая ошибка — отход от октябрьских позиций в области внутренней политики и экономики к централизации ( )
И третья ошибка — это недоверие центрального правительства к самому многочисленному и основному трудовому классу России — к крестьянству» [47].

Измайлович делает вывод — опять-таки не употребляя термина «термидор», что Великая Октябрьская революция «пошла под гору» [48].

Та же идея проходит через брошюру другого левого эсера, народного комиссара юстиции И Штейнберга «Почему мы против Брест—Литовского мира?»

«Брест—Литовск, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче позиций октябрьской революции внутри страны» [49]

И в других публикациях эсеров бывает, что, хотя Французская революция не называется, разочарование и тревога левых эсеров в связи с заключением мира открывают путь сравнениям: ведь Брест—Литовский мир поставил проблему конца революции и одновременно с этим толкал к размышлению о неизбежном отступлении, называли его термидорианским или нет.

ОТВЕТНЫЙ УДАР БОЛЬШЕВИКОВ

Большевики считали, что удержаться у власти можно только обеспечив крестьянам мир, обещанный первым декретом советской власти. Следовательно, нужно было подписывать сепаратный мир с Германией. Но удовлетворять таким образом интересы крестьян означало идти на предательство мирового пролетариата и откладывать мировую революцию, «полную гарантию» успеха социалистической революции. Ситуация представлялась безвыходной как большевикам, так и их противникам Большевики в большинстве своем сомневались в возможности сохранить власть без поддержки международного пролетариата Ленин и его сторонники настаивали на необходимости «паузы» даже ценой тяжелых территориальных потерь и утраты революционного престижа. Они отказывались от идеи революционной войны и немедленной мировой революции Им противостояла сильная оппозиция «левых коммунистов» во главе с Бухариным, которая не скрывала своего пессимизма:

«Русская революция будет спасена международным пролетариатом или падет под ударами мирового капитализма» [50].

Вести революционную войну было бы честно по отношению к мировому пролетариату и спасло бы русскую революцию, как полагали оппозиционеры. Эти расхождения не мешали Ленину и Бухарину разделять основополагающее убеждение, что без мировой революции спасение невозможно. Но в то время как Ленин считал необходимым отступить, Бухарин отвергал эту мысль, противопоставляя ей альтернативу: мировая революция и окончательный триумф или не менее окончательное поражение.

Здесь привлекает внимание в первую очередь то, что даже противники мира в партии большевиков не переходили от разоблачения политики, квалифицируемой как «отступление» (Рязанов) или как «фатальная» (Бухарин), к размышлениям о конце революции. Их рассуждение останавливалось как раз там, где логика могла бы подвести к установлению подобия с термидором. Это умолчание вскрывает фактически то, что есть общего у сторонников Ленина и его противников внутри партии: революцию и те и другие отождествляли с властью большевиков. И только падение этой власти означало для них крушение революции. Пока большевики будут у власти, конец революции невозможен [51]. Тем больше, следовательно, оснований считать, что термидор немыслим, пока они правят страной.

Так объясняется быстрота, с какой большевики отвергли сходство, указанное Мартовым. 27 (14) марта, то есть через пять дней после появления статьи меньшевистского лидера в «Правде», был опубликован ответ большевиков под названием «Историческая экскурсия Мартова», подписанный Н. Лукиным-Антоновым [52]. Автор, известный историк и большевик со стажем, выдвигал целую серию аргументов против «обывательского ненаучного характера» статьи Мартова.

Лукин утверждал, что две революции осуществлялись в разных общественно-экономических контекстах. Французская революция относится к эпохе «неразвитости капиталистических отношений», когда буржуазия была революционной, а «пролетариата в нашем смысле слова почти не существовало». Русская же революция разразилась в эпоху империализма, когда «буржуазия стала глубоко реакционной силой и когда в недрах капиталистического общества вырос и окреп ее могильщик — социалистический пролетариат». Затем Лукин останавливался на классовом содержании революционной власти. Якобинская диктатура была «мелкобуржуазной», то есть, она не могла вести последовательной политики в интересах трудящихся, рано или поздно она должна была пасть,

«. ибо она опиралась на экономически реакционный класс мелкой буржуазии, который должен был уступить свое место крупной буржуазии, выдвигавшейся тогда на первое место всем ходом исторического развития»

Диктатура большевиков «опирается на огромное большинство пролетариата и беднейшего крестьянства». Политика, проводимая советской властью, полностью соответствует жизненным интересам масс, и именно это предотвратит падение диктатуры большевиков.

Наконец, Лукин подчеркивал большую стабильность диктатуры в России. Ведь в отличие от якобинцев, вынужденных отбивать удары и справа и слева, «большевики являются самой крайней революционной партией», «режим репрессий большевикам приходится применять к контрреволюционным силам — буржуазии и помещикам, — а порою и к их подголоскам — правым эсерам и меньшевикам».

Прочность власти большевиков подкреплена еще и поддержкой европейского пролетариата. Конечно, если помощи стало недоставать, у контрреволюции появились шансы опрокинуть советскую власть. Но она в своей защите — в отличие от якобинцев — может рассчитывать на поддержку всех трудящихся своей страны.

Таким вышел из-под пера Лукина-Антонова ответ руководства партии Мартову и противникам Брест—Литовского мирного договора внутри самой партии. Опубликованный в «Правде», этот текст выглядел как официальная позиция партии, которую отныне все ее рядовые члены должны были разделять.

ГЛАВА V

У истоков второй аналогии с термидором

В 1921 г. Кронштадтский мятеж и новая экономическая политика дают основания для новой аналогии с термидором. Она возникает за границей, в кругу русской эмиграции, эмигрантская пресса, причем всех направлений[1], была переполнена метафорами, сближавшими нэп с закатом Французской революции, и одновременно с этим выходили статьи и брошюры, поднимавшиеся над уровнем элементарного сравнения, в них предлагалась система доказательств. Брошюр было не очень много, но их авторы, так же как и пресса, часто утверждали, что «слово термидор у всех на устах», что «все о нем говорят» или что тут и там «поднимаются толки о русском термидоре»[2].

Эти свидетельства показывают, что полемика имела более широкий резонанс, чем можно думать, исходя из достаточно ограниченного числа специальных работ. Происходили, по-видимому, оживленные устные споры, что увеличивает для нас ценность письменных источников, своего рода отражения жаркой полемики, затрагивавшей активистов различных общественных кругов. Во всяком случае, работы о термидоре, авторы которых принадлежали ко всем имеющимся политическим направлениям, достаточно богаты и разнообразны, чтобы восстановить споры вокруг аналогии «нэп-термидор».

НИКОЛАЙ УСТРЯЛОВ — «ПЕВЕЦ ТЕРМИДОРА»

В 1930 г. в «Социалистическом вестнике» появилась статья «Певец термидора»[3], посвященная Николаю Устрялову, написанная одним из его противников, меньшевиком Г. Аронсоном. Этот текст, хотя и насквозь иронический, напоминает о главенствующей роли Устрялова в спорах о русском термидоре. Согласно Аронсону, в 1920-х гг. никто не высказывался по этому вопросу так много и так красноречиво, и эта оценка не выглядит преувеличением.

Николай Васильевич Устрялов родился в 1890 г. в Санкт-Петербурге, получил юридическое образование в Московском университете, где с 1916 по 1918 гг. преподавал государственное право. Во время Февральской революции Устрялов — активный член партии кадетов. Во время гражданской войны он на короткий период вышел на авансцену политики в качестве президента Центрального комитета партии кадетов на востоке страны, находившемся под властью Колчака. Устрялов отвечал в правительстве Колчака за прессу и в этом качестве стоял во главе омской газеты «Русское дело». После поражения Колчака Устрялов скрывался в Харбине, самом большом центре русской эмиграции в Китае, где в 1920 г. по 1934 г. преподавал международное право на юридическом факультете. В 1925 г. он был нанят советскими властями и работал в Бюро преподавания зоны Китайско-Восточной железной дороги — КВЖД, находившейся в совместном владении Китая и СССР. В 1928 г. стал директором центральной Библиотеки зоны КВЖД. В 1935 г. КВЖД была продана Японии, и Устрялов возвратился в Советский Союз, где стал профессором экономической географии в Институте инженеров транспорта в Москве. В июле 1937 г. он был арестован, осужден «за антисоветскую деятельность» и расстрелян[4].

Таковы контуры бурной и трагически оборванной жизни Устрялова. Что же касается идей, составивших его репутацию, то они, как утверждал сам Устрялов, начали оформляться в последние месяцы, проведенные в правительстве Колчака[5]. Под впечатлением энтузиазма, который большевики пробудили в населении Сибири, Устрялов изменил свое отношение к советской власти и с 1920 г. стал выражать надежды на национальное возрождение посредством сотрудничества с советской властью. Эту концепцию Устрялов назвал национал-большевизмом[6].

Вместе со своими товарищами по партии кадетов в 1921 г. он призвал русскую интеллигенцию «идти в Каноссу». Новая ориентация выразилась в коллективном сборнике «Смена вех»[7], где Устрялов опубликовал статью «Patriotica»[8].

Основные идеи этого сборника потрясли рассеянную по всему свету русскую эмиграцию и, в конце концов, завоевали часть интеллигенции русской диаспоры независимо от политической принадлежности. Эти идеи породили новое течение, сто-

ронники которого, сменовеховцы, стали восхвалять национальный характер Октябрьской революции. Они приветствовали в большевиках государственную власть, которая сумела, введя нэп, отставить на второй план коммунистические задачи, выдвинув вперед национальные интересы. Они призывали интеллигенцию во имя могущества России преодолеть ненависть к советской власти и понять, что эта последняя неумолимо трансформируется в обычное буржуазное государство.

Сменовеховцы быстро создали широкую сеть прессы, через которую распространяли свои идеи[10]. Устрялов очень активно в этом участвовал. В 1920—34 гг. он был главным редактором самой большой харбинской газеты «Новости жизни» и сотрудничал в другой местной газете «Вестник Манчжурии». В 1922—1924 гг. он вместе с писателем Г. Н. Диким издавал альманах «Русская жизнь». Его статьи выходили и в газете «Россия», органе сменовеховцев внутри советской России. Устрялов стал популярным журналистом. Специалист по философии и праву, автор многих работ в этих областях[11], он умело использовал свой широкий культурный кругозор, и это обеспечивало ему успех. Статьи Устрялова отчетливо выделялись на «сером фоне академизма кадетов», «романтизма эсеров»[12] или революционного и вульгарного романтизма сменовеховцев[13]. Конечно, как и все сменовеховцы, он приветствовал национальный характер Октябрьской революции, выказывал надежду увидеть «воскресающую родину», по его собственному выражению[14]. И эту надежду он горячо отстаивал перед лицом всех тех, кто твердил «упрямо и озлобленно»: «Не может и не будет возрождаться, пока живы большевики»[15].

Устрялов вдохновлялся тем же, чем и все сменовеховцы. Но он отличался от всех уровнем разработанности аргументов в пользу патриотического сотрудничества с большевиками, и это принесло ему признание как идеолога течения. И. Лежнев, главный редактор журнала «Россия» и руководитель сменовеховцев внутри страны, говорил об Устрялове с восхищением:

> «В новом общественном течении эмиграции это, несомненно, самая яркая фигура. Цельная и выдержанная до конца позиция (чем сменовеховцы, увы, похвастаться не могут), блестящее и острое перо публициста, пафос государственника»[16].

Окружавшие Устрялова в Харбине сменовеховцы казались Лежневу «поверхностными». Они плохо понимали величие момента, состоящее в национальном обновлении, обновлении культуры, государства, религии. Он упрекал их в легкомыслии

> «С обязательной улыбкой заметить мимоходом, что эти заветы посланы вглубь истории по доброму примеру Французской революции — значит ограничиться красивой и светской отпиской»[17].

Для того, чтобы доказать свой патриотизм, сменовеховцы прибегали к риторической фразеологии, и к упрощенной ссылке на Французскую революцию. Устрялов же стремился обосновать свои построения теоретическим, как бы беспристрастным анализом событий, уже принадлежавших истории, но все же значимых в современной политической игре.

Аналогию с термидором он вычленял, ведя рассуждения по трем направлениям: он размышлял о великих революциях вообще, рассматривал Французскую революцию и анализировал революционные события в России.

Обобщение опыта великих революций

В статье «Patriotica» описанию «пути термидора» предшествует рассуждение о революциях вообще. Такой порядок не случаен, он показывает, что теоретическое построение дает автору ключ к толкованию как французского, так и русского термидора. Философия истории, на которую при этом опирается Устрялов, отчетливо позитивистская. Для того, чтобы подкрепить свои утверждения, он часто говорит об «объективно исторических задачах революции»[18], об «органическом процессе революционного развития»[19] или о «внутренней логике», присущей развитию «великих революций»[20]. Разумеется, подчас он использует и менее научные термины, например, «фатально»[21], «интуиция величия русской революции»[22], «причудливая диалектика истории»[23]; но какова бы ни была терминология, она происходит из глубокого убеждения, что «железная логика истории враждебна не только попятному движению реакционеров, но и слишком проворному забеганию вперед»[24]. С этой точки зрения Устрялов присоединяется к критикам, выпустившим в 1909 г. сборник «Вехи».

Всякую великую революцию Устрялов рассматривает как «жизненный порыв»[25], имеющий свое начало и свой конец. Ограниченный во времени, порыв имеет двойное значение в жизни людей. С одной стороны, великая революция имеет следствием разрушение, с другой — революция является очевидным моментом созидания. С близкого расстояния она вызывает ужас, но в исторической перспективе она выглядит как неизбежное проявление жизни. Это

> «. быть может, и несколько грустный признак было бы лучше, если бы творчество не предполагало разрушения и, скажем, ценности языческой культуры мирно уживались бы рядом с явлениями христианства »[26]

Но этого нет и не может быть, а значит остается лишь признать законный характер революции. А разве «культура человечества» не «тем только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь, сгорая и возрождаясь, как Феникс из пепла...?» [27]. И великая революция есть средство возрождения. Давая новый духовный опыт, она с блеском выявляет национальный гений, но одновременно она вырабатывает и новые ценности для всего человечества.

> «Взятая в историческом плане, великая революция, несомненно вносит в мир новую «идею», одновременно разрушительную и творческую. Эта идея в конце концов побеждает мир. Очередная ступень всеобщей истории принадлежит ей. Долгими десятилетиями будет она впитывать в себя человечество, облекая ее в плоть и кровь новой культуры, нового быта» [28].

Вывод о двойственности, о сочетании разрушения и созидания как в национальном, так и в мировом масштабе составляет первый уровень устряловской теории революций. Второй вскрывает национальный характер главных революций.

> «В отличие от мятежей, переворотов и простых династических «революций» (фр. 1830, англ. 1688), они всенародны, т. е. захватывают собой всю страну, жизненно отражаются на всех, даже самых далеких от «политики», слоях населения. Великие революции всегда органически и подлинно национальны, какими бы идеями они ни воодушевлялись, какими бы элементами ни пользовались для своего торжества» [29]

Согласно этому критерию, статус великих революций придается лишь двум революциям: 1789 и 1917 гг.

> «Французская революция внесла в европейскую культуру самозаконный мир своих ценностей, ставших воздухом нового человечества и прославив Францию навеки» [30].

Русской революции присуще такое же величие, что и Французской, и Устрялов негодует против тех, кто объясняет катаклизм в России дурным влиянием марксистских идей, пришедших с Запада. «Какое глубочайшее недоразумение — считать русскую революцию не национальной!» [31].

На третьем уровне размышлений Устрялов задается вопросом о границах революционного порыва: как далеко может он завести преобразования? Устрялов убежден, что великие революции выдвигают программу на будущее, но что у них никогда не хватает сил осуществить ее немедленно.

> «Они экстремичны и непременно «углубляются» до «чистой идеи», не имеющей корней в наличной действительности» [32].

Теоретически Устрялов предполагает, что отступление в послереволюционный период происходит обязательно, и считает его тем более неизбежным, что всякая революция когда-нибудь приходит к концу.

> «Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают *эволюционно* воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее оживляющего яда» [33].

Возвращение к прошлому невозможно, реставрация немыслима, напротив, должна осуществиться «здоровая, плодотворная реакция», которая тормозит революцию, заставляет отказаться от немедленного воплощения в жизнь ее идеи в чистом виде. И, наконец, именно благодаря ей революция поворачивается обратно, и наступает та реакция, которая, по словам Устрялова, «вершит революцию духа» [34]. Это не контрреволюция, а логическое завершение революционного процесса.

Анализ Французской революции

Вслед за этим теоретическим рассуждением статья «Путь термидора» свидетельствует о том, что Устрялов придавал большое значение хорошему знанию истории Французской революции для обоснования сравнительного подхода.

> «И когда в наши дни там и сям поднимаются толки о «русском термидоре», необходимо прежде всего усвоить истинные черты и усвоить урок французского. Иначе, кроме «злоупотребления термином» ничего не получится» [35]

Сама по себе эта декларация еще не делает Устрялова исключением; он не был единственным из писавших, кто стремился к подобной точности. Такого рода призывы к осторожности часто обнаруживаются и у других [36], но редко кто этим призывам следовал. Произведения Устрялова, пестрящие большим количеством ссылок на специальные работы о Французской революции, свидетельствуют, что в этом отношении он был неусыпен и строг прежде всего к самому себе, тогда как у других эмигрантов, поддававшихся соблазну применения аналогии, почти нет следов подобного чтения. Устрялов часто цитировал А. Сореля [37], своего любимого автора, например, когда аргументировал главную идею своей теории — о национальной традиции в революциях. Он ссылался также на Тэна, Ламартина, Токвиля. Упоминанием локальных бунтов эпохи Французской революции [38] он отличался от большинства публи-

цистов, удовлетворявшихся лишь несколькими клише из парижской истории Легкость же, с которой Устрялов сыпал именами якобинцев, может быть объяснена только скрупулезным изучением периода Налицо множество признаков, определенно выделяющих Устрялова из числа комментаторов, задававших тон в русской эмигрантской прессе

Устряловская концепция французского термидора сформировалась в газетной полемике с Б Мирским, выражавшим идеи левых кадетов, которые объединились вокруг газеты «Последние новости»[39] Сам Устрялов рассматривал эту концепцию одновременно как предварительное размышление и как необходимую составляющую анализа русских событий

Он разделял с Мирским изначальное убеждение об обоснованности аналогии между Французской революцией и той, что переживала Россия Но если оба считали, что «путь термидора»[40] возможен в России, то в остальном они расходились и по-разному оценивали ее место на этом пути Пошла ли уже Россия по пути термидора или еще нет? Мирский, который написал статью о восстаниях в Москве и Петрограде в марте 1921 г, прежде всего о Кронштадтском мятеже, старался выявить в русской реальности черты французской модели Восстания у него еще не составляют русского термидора, но предвещают падение большевиков-якобинцев

> «Есть два пути преодоления революции Путь механический — подавление внешнее как результат вооруженной борьбы, другой путь — органический, который можно было бы парадоксально назвать революционной контрреволюцией как в смысле силы, так и в смысле идеи»[41]

Кронштадт это еще не контрреволюция, но это ее начало большевики погибнут в какой-то момент от термидорианского переворота Чуть позже, 14 июля, Мирский вновь будет успокаивать читателей политическая жизнь в России, пережившей большевистскую бурю, будет развиваться как когда то политическая жизнь во Франции В России тоже будет демократическая республика, вдохновленная идеями 14 июля[42]

Устрялов не соглашался с Мирским Он считал, что тот впадает в банальное сравнение, занимается бесплодными поисками совпадений двух революций в каждом событии[43]. Напротив, плодотворным он полагал сопоставление общей ориентации революций, которое будет способствовать проникновению в смысл послереволюционной ситуации, что так необходимо для России. В отличие от Мирского, Устрялов не ждал какого то особого события, которое можно было бы сравнить с термидором Он не привязывал свой анализ к конкретике совр...

ской истории во всех ее подробностях Разумеется, как политический комментатор, он к ней предельно внимателен, но рамки теоретического рассуждения позволяют ему держаться на разумном расстоянии от происходящего В противовес проповедовавшему контрреволюцию Мирскому, он утверждал

> «9 термидора не есть новая революция, не есть революционная ликвидация революции Это лишь один из второстепенных и «бытовых» моментов развития революционного процесса»[44]

В соответствии с этим представлением, русская революция уже давно, по меньшей мере с начала 1918 г, с Брестского договора шла путем термидора Уточнив концепцию термидора, Устрялов делал прогноз относительно новой политики большевиков, то есть нэпа[45]

Изменения в термидорианском духе не обязательно проходят в результате кровавых или особо значимых событий Оно может быть даже делом рук самих революционных властей

> «Кровавый эпизод 9 числа (падение Робеспьера) есть не более, как деталь или случайность, которой могло бы и не быть и которая нисколько не нарушила необходимой и предопределенной связи исторических событий»[46]

Если понимать под термидором поворот, обозначивший начало нисходящей линии революции, то нет никакой необходимости обращаться к хронике Французской революции Признавая авторитет французских историков, особенно А Сореля, Устрялов предлагал концепцию термидора, диаметрально противоположную концепции Мирского:

> «*Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец* сопровождаться так сказать легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права»[47]

Соответствие деталей необязательно, и судьба русской революции может оказаться несопоставимо отличной, однако же аналогия между эпизодом французской истории и кризисом весны—лета 1921 г в глазах Устрялова выглядит законной, если только слово термидор понимается в широком смысле, как обозначение эволюции

> « В теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора Но, как мы установили, он и не существенен *сам по себе* для развития революции Он мог быть, но его могло и не быть, — «путь термидора" не в нем»[48]

Итак, в этом ключевом вопросе Устрялов в корне расходился с Мирским. Для Устрялова именно неизбежная эволюция революции определяла природу термидора, а не контрреволюция.

Расхождение во взглядах коснулось также и вопроса о типе термидорианца, которому Мирский посвятил статью «Термидорианцы», а Устрялов вывел в статье «Путь термидора». Для первого одна из особенностей термидора состояла в том, что он породил новых людей. Эти люди

> « оказались более бесталанными и даже более порочными, чем прежние.. И за тем же столом революционного трибунала, сменив вчерашних санкюлотов, но соблюдая вчерашний обряд — уселись и купцы, и бывшие дворяне, и зажиточные буржуа» «Термидор оставил прежние учреждения, прежнее право, прежнюю организацию, но он дал новую психику; прежде всего новых людей. Новые люди — разгадка термидора, психологический ключ к его пониманию»[49].

Устрялов видел в термидоре «изменение общего стиля революционной Франции», так же как и «эволюцию якобинизма в его толпе»[50]. Но было бы ошибкой думать, что оба отдавали предпочтение идее перерождения[51]. Ведь когда Мирский категорически противопоставлял сегодняшних новых людей тем, что были на авансцене вчера, он подчеркивал идею замены одних другими, что, конечно, не исключает полностью мысль о перерождении, но она все же достаточно чужда Мирскому: вчерашние революционеры не фигурируют среди новых людей.

В отличие от Мирского, Устрялов не придавал психологическому фактору решающего значения. Он не пренебрегал им, но искал сначала разрешения проблемы термидора, так как появление новых людей, в свою очередь, требовало объяснения. Секрет термидора будет найден в анализе революционного процесса в целом, ибо этот этап неразрывно связан со всей тканью революционного феномена в его целостности.

> «Революция перерождается, оставаясь сама собой. Ее уродливости уходят в прошлое, ее «запросы» и крайности — в будущее, ее конкретные «завоевания» для настоящего обретают прочную опору ( ) Революция ищет и находит свои достижимые задачи
>
> Но старые формы ее всестороннего «углубления» еще продолжают некоторое время соблюдаться, хотя дух, их воодушевлявший, уже исчез Революция эволюционирует ( ) Она становится менее великой, но зато уже не столь тягостной для страны. На сцену выступают люди «равнины» и «болота», *смешиваясь с оставшимися монтаньярами*»[52].

Устрялов, конечно, не оспаривает притока новых людей, но этот приток у него вторичен по отношению к идее перерождения.

> *«Термидорианский сдвиг был подготовлен настроениями революционной Франции и совершен Конвентом, т. е. высшим законным органом революции* ( ) Не протестуя, таким образом, против самого принципа революции, «термидорианцы» восстают лишь против его своеобразного применения Робеспьером и его друзьями»[53].

Термодорианское преобразование — это прежде всего внутренний процесс, захватывающий самих деятелей революции.

> «Якобинцы не пали — они переродились в своей массе. Якобинцы, как известно, надолго пережили термидорские события — сначала как власть, потом как влиятельная партия· сам Наполеон вышел из их среды. Робеспьер был устранен теми из своих друзей, которые всегда превосходили его в жестокости и кровожадности. Если бы не они его устранили, а он их, если бы даже они продолжали бы жить с ним дружно, результат оказался бы тот же: гребень революционной волны, достигнув максимальной высоты, стал опускаться »[54]

Этому толкованию французских событий у Устрялова предшествовал лозунг восставших Кронштадта: «Советы, но без коммунистов!». В противоположность Мирскому, который видел в этом знак появления контрреволюционных сил, Устрялов полагал, что речь идет о революционных термидорианцах. К тому же знания, которые демонстрировал Устрялов, изобилие приводившихся им имен, речей, политических акций известных якобинцев в Конвенте придавало его интерпретации историческую достоверность, которую в статьях Мирского, не ссылавшегося на конкретные события французской истории, читатели не находили.

Анализ революционных событий в России

Только после разработки концепции термидора Устрялов обращается к событиям в Советской России, осмысляя их в свете того, что он называет «внутренней динамикой» двух революций.

В восстаниях весны 1921 г. в Москве, Петрограде, Кронштадте Устрялов видел проявления « недовольства Горы», которое вдруг показало большевикам «спасительный путь термидора»: новую экономическую политику. Введение нэпа доказывает, что партия большевиков обдуманно избрала путь приспособления к новой фазе революции. Этот выбор представлялся Устрялову одновременно спасительным и чисто термидорианским, потому что начало нэпа знаменовало собой «радикальный тактический поворот в направлении отказа от правоверных коммунистических позиций»[55]. Это правоверие было «запросом ко времени», который сделала русская революция»,

но не смогла выполнить. «Отсюда — ее «вихревой облик», ее «экстремизм», типичный для всякой великой революции, отсюда же и неизбежность ее «неудачи» в сфере нынешнего дня»[56]. Нэп соответствует этой неудаче, и Устрялов доволен. «Только в изживании, преодолении коммунизма — залог хозяйственного возрождения государства»[57]. Нэп нужно приветствовать, ибо это здоровая реалистичная политика, закладывающая основы процесса национального возрождения[58]: революция, по выражению Устрялова, ставшим крылатым в 20-е гг., осуществляет «спуск на тормозах». Это не зависит от воли или ошибок большевиков, а зависит от того «социологического», как говорит Устрялов, фактора, что реализоваться могут лишь те цели, которые имеют объективные возможности осуществления. Без проблем усваиваются лишь «переваримые элементы»[59], поэтому нэп есть термидор, **обусловленный объективными причинами**[60].

Объективная необходимость выразилась в форме политики, обдуманно принятой партией большевиков, потому что во главе ее находился гегелевский «герой истории», «примерный государь Макиавелли, совмещающий в себе качества льва и лисицы», «реальный политик, разгадавший лукавство исторического разума», «фантаст и практик одновременно»[61]. Устрялов посвятил Ленину статью-некролог, в которой писал:

> «Он может быть назван духовным собратом таких исторических деятелей, как Петр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, Робеспьер — посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера»[62].

Охарактеризованный таким образом Ленин никак не мог игнорировать уроки прошлого, и Устрялов заключает, что лидер большевиков сознательно вступил на «путь термидора», что он «жертвует коммунизмом», чтобы «спасти советы»[63], то есть что он пошел на компромисс с буржуазией, чтобы не пасть, как Робеспьер.

> «В свое время,— пишет Устрялов в день четвертой годовщины Октября,— французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни — и погибли. Ни Робеспьер, ни его друзья не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы. Потому она и живет до сих пор, и положение ее вполне прочно, поскольку она, повинуясь велениям жизни, спускает нынешнюю Россию с вершин революции. Судя по всему, она делает это твердо разумно, энергично»[64].

Такое толкование, превозносившее в нэпе то, что можно назвать «самотермидоризацией», стоило Устрялову обвинений со стороны сторонников Милюкова. Они упрекали его в том, что тактические изменения в политике большевиков он маскирует под их полную трансформацию. На это Устрялов ответил статьей, озаглавленной «Эволюция и тактика»[65]. Он утверждает здесь, что его концепция нэпа имеет смысл лишь в той мере, в какой объективная необходимость идет рука об руку с тактической проницательностью. Вопрос вовсе не стоит: «эволюция **или** тактика». Утверждать, что сменовеховцы противопоставляют одно другому, значит проявлять ограниченность, хотя и «широко распространенную»[66]. Не сомневаясь в тактическом характере намерений большевиков, Устрялов убежден, что эта тактика неизбежно повлечет за собой радикальную эволюцию, поскольку результаты новой ориентации выйдут из-под контроля авторов. Само собой, революционная фраза, лозунги, зовущие к победе коммунизма, идеология в целом продолжают властвовать над большевиками. Но большевизм, переставший быть воплощением немедленного коммунизма, не есть уже прежний большевизм, и то, что они приводят доводы лишь тактического порядка, не мешает их трансформации. Само собой, Ленин остается Лениным, даже когда он предоставляет экономические концессии, и Устрялов повторяет здесь то, что уже писал однажды в апреле 1921 г.:

> «Но оставаясь самим собой, он вместе с тем несомненно «эволюционирует», т. е по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму»[67].

Объявив совершенно неприемлемым толкование, противопоставляющее «тактику» и «эволюцию», Устрялов меняет тон на торжественный и призывает, как если бы сам он был советским, эмигрантов-патриотов примириться с большевиками.

> «Мы вступили на «путь термидора», который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией — долг русских патриотов, а посильно содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу «новому курсу» революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского»[68].

Какова будет природа этого нового государства? Вот центральный вопрос «русского термидора» в понимании Устрялова. С одной стороны, его статья ведет к мысли, что в результате термидорианской эволюции установится буржуазный режим.

«Все яснее становится, что повернуть «назад к коммунизму» в Москве даже и при желании уже не удалось бы Формируются новые социальные связи, созревает «советская буржуазия» — прочное и реальное «завоевание революции». (..) Новые экономические отношения уже отражаются в правовой сфере (новый гражданский кодекс вырабатываемый народным комиссариатом юстиции), затем неизбежно наметятся реформы управления, а когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, последуют, вероятно, соответствующие «реформы» и в области «большой политики» [69]

С другой стороны, повторяющиеся ссылки Устрялова на непоколебимость большевистской идеологии и стабильность их политической диктатуры выдают некоторые сомнения, будет ли итогом русского термидора лишь простой буржуазный режим, плоское повторение западной модели? Сомнения тем более ощутимые, что Устрялов превозносит Ленина за то, что тот сумел мобилизовать политику на сопротивление возникающему буржуазному режиму.

Из этой не вполне четкой мысли следует неожиданная оценка взаимоотношения между эволюцией и тактикой: тактика большевиков направлена против эволюции. Эволюция ведет к буржуазному порядку, а тактика сопротивляется ему. Похоже что даже сам Устрялов отдавал себе отчет в противоречии так как утверждал, что большевики **«притворяются»** властью, способствующей насаждению «буржуазного строя» [70].

Его замечания о природе будущего государства немногочисленны, но из высказанного все же скорее вытекает, что эволюция одержит верх над тактикой.

«Но ведь в конце концов важны не мотивы их, а конкретные результаты их деятельности» [71].

Несколько лет спустя Устрялов придет к пересмотру вопроса о соотношении эволюции и тактики. Но тогда, в начале 20-х гг., он думал, что эта пара, хотя и внутренне противоречивая, действует заодно во имя утверждения буржуазного порядка. Само собой разумеется, большевики не желают этого признавать, но «путь термидора» таков, что рано или поздно он непременно приведет их именно к такому концу.

Понятие термидора у меньшевиков

Мартов, как было показано, был первым из меньшевиков кто поднял проблему русского термидора еще в 1918 г. Со времени Кронштадтского мятежа и введения нэпа до самой своей смерти 3 апреля 1923 г. Мартов был наиболее красноречивым выразителем взглядов своей партии по этому вопросу

главным участником спора о термидоре с меньшевистской стороны. С сентября 1920 г., после того, как большевистские преследования окончились насильственным изгнанием Мартова из России, он выступал главным образом на страницах газеты «Социалистический вестник».

Он и в эмиграции продолжал утверждать, что между опытом большевиков и опытом якобинцев существуют параллели:

«.. диктатура меньшинства есть то общее, что роднит нынешние революции с революциями предыдущей исторической эпохи» [72]

Две диктатуры могут выступать в одних и тех же формах:

« .партийные ячейки ничем не отличаются от якобинских клубов, ревкомы 1794 и 1919 годов совершенно однородны, комитеты бедноты выдерживают аналогию с теми комитетами и клубами, на которые якобинская диктатура опиралась в деревне, создавая их преимущественно из бедняков » [73].

Их устройство не может разниться:

«Якобинская партия осуществляла свою диктатуру через сеть различных учреждений коммун, секций, клубов, революционных комитетов единицы типа наших Советов совершенно отсутствовали в этой сети» [74].

Мартов призывал читателей не обманываться тем, что устройство государственного аппарата, созданного каждой из двух революций, различно, т. к. «сущность механизма государственного управления» [75], его содержание определялись общим элементом: и там, и там — диктатура меньшинства:

«форма Советов в силу законных исторических условий (у большевиков — Т. К) является уже относительно второстепенной» [76]

Эти исторические условия — наличие в России крупной промышленности и пролетариата.

« .Рядом с учреждениями, совершенно аналогичными учреждениям якобинской диктатуры (..) встречаем Советы, фабрично-заводские комитеты и профсоюзные центры, как нечто специфическое, налагающее особую печать на революции нашего времени В этом, конечно, сказывается то влияние, которое на содержание и ход революции ныне оказывает пролетариат крупной промышленности И, однако, это ни в малой мере не мешает тому, что и эти, чисто классовые, пролетарские по происхождению органы, выросшие из самих условий современной промышленности, точно так же служат аппаратом проведения диктатуры определенного партийного меньшинства, как и имевшие совершенно другие корни органы якобинской диктатуры 1792—1794 годов» [77].

В то же время Мартов полагал, что значение специфических форм большевистской диктатуры, развивающихся в новых

исторических условиях, выходит за пределы Российского государства.

> « Та исторически необходимая иллюзия, через посредство которой революционный пролетариат ликвидирует веру в свою способность непосредственно вести за собой большинство народа и воскрешает формы якобинской диктатуры меньшинства, созданные буржуазной революцией XVIII века и отвергнутые всем предыдущим ходом идейного развития рабочего класса в процессе его освобождения от духовного наследия мелкобуржуазного революционизма Но как только таким образом «советская система» сыграла свою роль псевдонима, под покрытием которого сознание пролетариата воскрешает якобинско-бланкистскую идею диктатуры партийного меньшинства, она эта система, приобретает тот характер универсальности, всеобщей применимости ко всяким революционным переворотам, при которых из нее необходимо вылущивается все специфическое содержание связанное с определенным фазисом капиталистического развития, и становится всеобщей формой революции, совершающейся в обстановке политической распыленности и внутренней неспаянности народных масс при условии, когда старый режим в корне подточен ходом исторического развития» [78]

Итак, по мнению Мартова, специфические формы Октябрьской революции, соответствующие эпохе империализма, могут быть обнаружены в любой, сходной по своей природе революции, но они будут лишены революционного содержания (социализма) в угоду мелко-буржуазной идеологии, признанными носителями которой были французские якобинцы В этом убеждении, а также в убеждении, что происходит якобинская деградация русской революции, скатывание ее к термидору, все больше укреплялся Мартов в последние годы своей жизни находясь в эмиграции.

Мартов категорически отвергал как большевистскую схему толковавшую русскую революцию как социалистическую, так и упрощенное представление о ней, как о чисто буржуазной Он стремился доказать, что эта революция была отмечена оригинальным сочетанием двух тенденций: господствующей антифеодальной якобинского типа и той, что представляла стихийную борьбу городского пролетариата за освобождение

Исходя из такого понимания, Мартов предлагал членам своей партии так называемую «двойную тактику» социал-демократов по отношению к большевикам: поддерживать их в реализации объективно оправданных задач, но постоянно непримиримо критиковать все элементы утопии и якобинского перерождения революции и даже бороться против них [79]. Под «утопией» Мартов понимал коммунистические идеалы, которых нельзя достичь немедленно по причинам объективного порядка. «Якобинское перерождение» означало у него необратимую трансформацию, сводящую на нет специфическую черту революции XX в., т. е. борьбу пролетариата за свое освобождение. Мелкобуржуазная революция якобинского типа не может быть целью сама по себе, т. к. она, по мнению Мартова, была бы анахронизмом. Вспоминается то недоверие, презрение, которое он выказывал по отношению к диктатуре большевиков: «жалкой пародии». Диктаторские методы в глазах Мартова исторически несовместимы с нынешней борьбой пролетариата за демократию и социализм.

П. Аксельрод полностью разделял скептицизм Мартова. Письмо Аксельрода Мартову, написанное в сентябре 1920 г., пестрит сходными суждениями: прежде героические битвы якобинцев сегодня, в XX в., выглядели бы как «искусное подражание», «фарс» или «ловкая пародия» [80]. Репрессии против восставшего пролетариата Кронштадта, террор и нетерпимость по отношению к другим социалистическим партиям для Аксельрода, Мартова и всех следовавших за ними меньшевиков, являлись выражением «якобинского перерождения».

В соответствии с «двойной тактикой» меньшевики одобряли принятые большевиками «антифеодальные меры», но критиковали любое проявление максимализма большевиков и их диктатуру. Так, нэп сразу же был одобрен как путь, ведущий к ликвидации утопии [81].

> «То чего не могли сделать Робеспьер и Сен Жюст, когда их утопическая диктатура завела их в тупик,— поворот к экономическому реализму — это удалось большевистской партии без того, чтобы сразу же подорвать основы своего существования (..) В отличие от того, что было во Франции, у нас начало ликвидации утопического режима взяла на себя сама диктатура, установившая этот режим» [82].

В этих строках, кажется, проступает та же идея самотермидоризации, которую мы выделили у Устрялова Однако прежде чем к ней подойти, каждый из авторов по-своему прибегает к аналогии. У Мартова нэп сам по себе не означает термидора; это всего лишь экономическая политика, весьма позитивная и реалистичная, в отличие от совершенно утопической, которая проводилась ранее. Природа нэпа соответствует режиму буржуазной демократии. Но в России — политический режим диктатуры, и он, стало быть, противен духу нэпа. Именно в этой несовместимости кроется термидор. Его наступление тем более возможно, что революционная утопическая диктатура не обеспечивает в достаточной мере интересов обездоленного класса. Мартов думает прежде всего о пролетариате:

> « ликвидация утопии (благодаря нэпу — Т К) наталкивается на столь непреодолимые препятствия, создаваемые режимом диктатуры, что практическая развязка коммунистического опыта должна оказать-

ся только отсроченной, а не совершенно избегнутой И тогда русское 9 термидора, т е такой развал диктатуры, при котором ликвидация нагроможденных ею противоречий переходит в руки имущих классов в порядке подлинной буржуазной контрреволюции, стало бы лишь вопросом времени» [83].

Итак, в отличие от Устрялова, Мартов не отождествлял термидор с политикой экономического компромисса типа нэпа, он понимал под термидором антидемократическую политику, направленную против пролетариата; то, к чему идет страна, напоминает завершение Французской революции, ибо диктатура подавила первое серьезное проявление недовольства рабочего класса — Кронштадтский мятеж, и таким образом демократия, главная цель революции, подвергнута поруганию. Для сменовеховцев, напротив, Советская Россия вступает на путь термидора, так как с начала нэпа восстановлена частная собственность. Они приветствуют эту политику, как победу революции, узаконенной Историей.

С точки зрения меньшевиков, сборник «Смена вех» представлял идеологию новой советской буржуазии, указывал пути, которыми ей следовало идти, и методы, которыми следовало пользоваться на протяжении термидорианской стадии революции. Мартов отбрасывал идеологию сменовеховства, ссылаясь на интересы рабочего класса. Эту идеологию он считал безусловно «термидорианской». «Социалистический вестник», комментируя выход «Смены вех», писал:

«Этот сборник — идеология нашего термидора, идеология русского бонапартизма. В этом его сила. Он глубоко национален и патриотичен Однако несмотря на свою большевистскую внешность, этот сборник подлинно контрреволюционен» [84]

Будучи символом контрреволюции, термидор претил революционному духу меньшевиков, привлекая, напротив, сменовеховцев, видевших в нем единственное позитивное завершение революции; таким образом, демаркационная линия, разделившая мнения по поводу термидора, совпала с той, что разделяла два политических лагеря.

Меньшевики и сменовеховцы не одинаково объясняли термидор или русский термидор. Однако те и другие исходили из убеждения, что русская революция уже проходит свою термидорианскую стадию. Ставя такой диагноз, они не придавали значения фактору государственного переворота, вроде того что произошел 9 термидора. Переворот может быть, а может и не быть, в судьбах революции это ничего не меняет, поскольку на политической сцене Советской России феномен термидора уже заявил о себе.

ГЛАВА VI

Аналогия проникает в Советскую Россию

В то время как в эмиграции «все говорят о русском термидоре», внутри страны вплоть до 1925 г. никто из большевиков не обращался к этой аналогии и не комментировал взгляды эмигрантов по этому вопросу. Сборник «Смена вех» оценивался в целом, без различия авторов и их собственных позиций; в нем видели психологический перелом в душах представителей определенных кругов буржуазной интеллигенции [1]. Корреспондент «Известий» думал даже, «что Советской власти следовало бы перепечатать этот сборник в России и распространить его в большом числе экземпляров» [2]. То же пожелание сформулировал 20 октября 1921 г. Л. Троцкий, выступая на II Всероссийском съезде политпросветов: нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки [3]. По мнению Троцкого, инструкторы могли использовать идеи сменовеховцев в политическом воспитании воинов Красной Армии.

Итак, вначале сборник «Смена вех» был принят хорошо, поскольку большевики видели в нем лишь средство расположить интеллигенцию в свою пользу [4]. Проблеме термидора, на которую большое внимание обращал Устрялов, не уделяли, следовательно, никакого особенного внимания.

Объяснением такого молчания служит, возможно, уже упоминавшийся ответ Лукина-Антонова Мартову: раз природа русской революции отлична от природы Французской, аналогия с термидором не имеет смысла. Большевики, по-видимому, не желали возвращаться к этому вопросу. Но главное, почему их не шокировало, во всяком случае в 1921-23 гг., постоянное упоминание слова «термидор» для обозначения отступления или признания невозможности немедленного введения комму-

низма, так это потому, что смысл слова соответствовал их собственному видению нэпа. До тех пор, пока уступки капитализму будут исходить от властей, контролируемых «пролетариатом», большевики могут не беспокоиться по поводу общей тенденции революции.

Однако Французская революция в целом и термидор в особенности несомненно присутствовали в сознании Ленина. Известно, что он рассматривал нэп как тактическое отступление в глобальной политике, имеющей целью построение социализма, но слишком мало известно о том, что он размышлял о нэпе, прибегая к аналогии, и утверждал:

> «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость *сами себя термидоризовать*» [5].

Или в плане брошюры «О продовольственном налоге» замечал: «1794 Versus 1921».

Ту же идею высказал Г. В. Чичерин, народный комиссар иностранных дел, в интервью Луизе Вейс, специальному корреспонденту газеты «Le Petit Parisien». По словам журналистки, речь шла о том, что «все в Москве, подражая Ленину или повинуясь ему, называли «новой политикой». Отвечая ей, Чичерин сказал:

> «Наша внешняя политика есть лишь выражение той новой экономической политики, которая есть *настоящий пролетарский термидор*» [6]

Когда Л. Вейс заметила, что это означает восприятие опыта Французской революции: лучше самим осуществить термидорианский переворот, Чичерин согласился, подчеркнув, что в советском контексте нет факторов, вынудивших Французскую революцию двигаться к термидору: «Заметьте, что нам никто никогда не угрожал. Наше положение никогда не было шатким». Оптимизм Ленина или Чичерина, по крайней мере в первые годы нэпа, разделяли большевики низовых организаций. Удивительно, но для выражения этого оптимизма им представлялась необходимой ссылка на Французскую революцию. Об этом красноречиво свидетельствует корреспонденция из Советской России, напечатанная в «Социалистическом вестнике»:

> «Присылайте побольше «Социалистического вестника», ибо... особенно велика жадность на «Вестник» в большевистских кругах. Но некоторые из них находят, что дело не так плохо· *«термидор», дескать, мы сами проделали,* проделаем сами и 18-е брюмера» [7].

Итак, понятно, почему большевики не реагировали на прогнозы Устрялова и сменовеховцев: что бы ни говорили эти «враги», это может быть только ложью. Убежденные в том, что вводя нэп, они управляют революционным процессом, большевики не вмешиваются в дискуссию, бесполезную с их точки зрения. Однако, в 1922 г. это ощущение собственной силы было поколебно заявлением Ленина: Устрялов говорит «классовую правду» [8].

В теории проблему термидора легко было отринуть, провозгласив, что она не стоит перед пролетарской революцией. Но то, что теория отвергала, революционная практика так или иначе должна была учитывать. Ведь вопрос в повседневной жизни было трудно игнорировать. Мы впервые сталкиваемся здесь с проявлением противоречия, ставшего впоследствии традиционным для Советского Союза: противоречием между революционным правоверием и исторической реальностью. Как выходили из подобных противоречивых ситуаций у истоков советской истории?

ТЕРМИДОР: ПРОБЛЕМА, ЗАГНАННАЯ ВГЛУБЬ СОЗНАНИЯ

То, что компромиссам советской власти эмиграция приписывала «термидорианский» смысл, как будто не занимало большевиков, убежденных Лениным, что они управляют новой экономической политикой. Но социальные последствия этой политики и появление мелкой буржуазии их беспокоило. В докладе, представленном от имени Центрального Комитета XI съезду партии, Ленин проявил особый интерес к этому вопросу. Он во всеуслышанье привлекал внимание большевиков к тому, что называл опасным подъемом участников новой экономической политики.

Сохранилось четыре варианта плана этого доклада. Все они показывают высокую степень озабоченности Ленина, а также значение, которое он придавал высказываниям Устрялова. Среди первых пунктов, которые Ленин собирался развить перед съездом, во всех вариантах фигурирует дилемма: «Эволюция или тактика?». Упорное повторение этого вопроса, так же как и лаконичный ответ на него в том же наброске плана: «Устрялов в «Смене вех» лучше чем «сладенькое комвранье» [9], показывают, что Ленин со своей стороны отчасти признавал наличие проблемы, поставленной Устряловым. В речи на съезде это положение трансформируется в предупреждение:

> «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо История знает превращения всяких сортов, полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое чис-

ло людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

Много тому бывало примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит»[10].

Беспокойство Ленина заметно сразу[11]. Очевидно, что революция подвергается разным опасностям. Однако исторические примеры, приводимые Устряловым, не в состоянии усилить это опасение. Ни одного слова о термидоре. В то же время большевистский лидер строит свою речь исходя из «откровенного заявления» Устрялова; намек на единственный пример, который Устрялов постоянно употребляет в «Смене вех» прозрачен[12]. Делегаты, со своей стороны, легко могли понять, что вертелось у Ленина на языке (но не срывалось), принимая во внимание большое распространение сборника «Смена вех» и широкие отклики, которые он вызвал среди советской интеллигенции. Намек на термидор им был понятен[13]. Однако, никто из делегатов съезда не сделал решительного шага: слово термидор ни разу не было произнесено на съезде.

Молчание тем более странное, что Ленин излагает идеи автора-Устрялова, который получил известность именно как толкователь термидора. Как Ленину удалось пропустить термидор, тогда как по сути дела речь шла только о нем, и почему он пренебрег этим историческим примером?

Прежде всего Ленин приписывал Устрялову вопрос «Эволюция или тактика», против чего, как мы видели, Устрялов решительно возражал. Ленин утверждал следующее:

«Что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы»[14].

Далее он обращал внимание персонально на Устрялова и выделял его среди других сменовеховцев:

«Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов.. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: «Вы там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю: это у них не тактика, а эволюция»[15].

Вопрос, поставленный таким образом, нес в себе ответ: Устрялов и сменовеховцы утверждают, что наша новая политика свидетельствует об «эволюции», тогда как мы, большевики, говорим, что речь идет о «тактических» мерах с нашей стороны. Такая подмена устряловской постановки вопроса позволяла избежать упоминания о связи между «эволюцией» и «тактикой». Но ведь известно, какое значение придавал этой связи сам Устрялов. Поставив «или» на место «и», Ленин исказил мысль Устрялова и мог спокойно таким образом подчеркивать в своей речи те «опасности», которые влекла за собой новая «тактика», но однако совсем не те, о которых предупреждал Устрялов. Ибо не говоря об эволюции, Ленин не должен был останавливаться на вопросе о перерождении, которое происходит, согласно Устрялову, с революционной властью и самими революционерами. Ленин представлял опасности таким образом, чтобы заставить думать, будто они происходят из «духа сменовеховства». Ленин заключал, что они

«.. выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев и советских служащих, участников нашей новой экономической политики Это — основная и действительная опасность»[16]

Опасность в его понимании исходила извне, от буржуазии и от «огромной массы», зараженной мелкобуржуазным духом. Малочисленные коммунисты (4700 ответственных коммунистов в Москве, как говорил Ленин), часто оказывались на поводу, их одурачивала бюрократическая машина, которая представляла собой как раз «огромную массу». В самих коммунистах Ленин не сомневался, не сомневался ни в их политическом влиянии, ни в экономической силе. Он обращался к делегатам съезда:

«..в чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно.. Основная экономическая сила — в наших руках.. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет»[17]

Буржуазия берет верх, потому что «буржуазные специалисты» лучше умеют управляться с делами, чем самые лучшие коммунисты, стоящие у власти. Учиться управлять, повышать культурный уровень членов партии и изгонять из партии чуждые ей элементы — вот средства, позволявшие выйти победителями из «отчаянной, бешеной, если не последней, то близкой к тому, борьбе не на живот, а насмерть между капитализмом и коммунизмом»[18].

Таким образом, проблема буржуазии, поднимающейся в государственном аппарате и внутри партии, рассматривалась как продолжение борьбы против давно известного пролетариату и его партии врага: буржуазии вообще. При диктатуре пролетариата и в условиях нэпа этот враг проявляет себя в виде «мелкобуржуазного духа», присущего крестьянству, «нэпманам» и особенно бюрократам, число которых увеличивается так, что вызывает тревогу. Социальные изменения, указанные в речи Ленина, выглядят как зло, порожденное «мелкобуржуазным духом», который завоевывает пролетарское государство.

Противник находится вовне, капитализм и коммунизм, старое и новое схватились в борьбе не на жизнь, а на смерть. Идею же борьбы внутри нового, то есть перерождения, а значит трансформации руководящих кадров пролетариата и партии в новый господствующий класс с неизвестной еще ментальностью, Ленин отвергает, заменяя слово термидор другими словами. Ленин предпочитал привлекать внимание съезда к опасности, исходящей от буржуазии, к пережиткам прошлого, а не к перспективе термидорианского перерождения, обозначенной Устряловым.

В то же время Ленин реагировал на появление нового руководящего слоя, когда стали заметны первые симптомы трансформации революционного режима в бюрократическое государство. Особое внимание уделено этому в последних ленинских статьях, объединенных общим названием «политическое завещание». Но и здесь он едва касается этой мысли, как будто боится довести свое рассуждение до конца, то есть до установления аналогии с термидором. Над сомнениями одерживала верх вера во всесилие основанной им партии, которая должна обеспечить непрерывность революции.

Причину обращения Ленина на съезде к такому пережитку прошлого как буржуазия, а не к «термидорианскому перерождению», что отвечало бы его ссылке на Устрялова, нужно также искать в вере в революционный реформизм. Ленин считал возможным победить напускную революционность, от которой становится «тошнехонько», как он признавался делегатам [19], с помощью революционного реформизма, что равнозначно замыслу управлять термидорианским заносом революции.

Наконец, если Ленин не применяет те же термины, что и «классовый враг», то только потому, что он убежден: «эволюции», о которой говорил тот, можно избежать. Эти термины рискованны, так как могут исказить оценку опасностей. Он различал опасности двух типов: первую, уже упомянутую «внешнюю», непосредственно угрожающую революции; вторую, связанную с повседневными трудностями, и ей партия должна противостоять, организуя строительство нового мира. По-видимому, предупреждение «термидорианского перерождения» в устряловском смысле слова составляло часть этой повседневной работы, и в глазах Ленина это была второстепенная опасность, вполне преодолимая проблема роста.

Именно под этим углом зрения она ставилась и другими выступавшими на съезде. Зиновьев, например, построил свою речь в соответствии с той же логикой, что и Ленин. Он ссылался на злорадство классового врага [20], чтобы констатировать, что за ним есть доля правды. Далее следовал призыв не закрывать глаза на трудности, которым радуются враги; и, наконец, давалось представление об опасности. Она представала в виде враждебного буржуазного окружения или чуждого элемента, проникающего в партию:

> «Верно то, что в силу нашей «монополии легальности» к нам проникает совершенно стихийно, непроизвольно, такой элемент, который при другой обстановке не был бы в партии большевиков, а был бы в партии эсеров» [21].

Картину дополняет образ наводнения партии «мартовскими большевиками» [22].

В речи Скрыпника, делегата от Киевской организации КП(б)У, опасность отождествляется с государственным аппаратом, переполненным сменовеховцами:

> «Мы замечаем весьма много фактов и явлений, когда на практике линия советских агитаторов совсем иная, нежели та линия, которую дает наша партия» [23].

Один из военных руководителей, Антонов-Овсеенко, видит опасность в крестьянстве, и особенно в растущем кулацком засилье» [24].

Итак, лейтмотивом выступлений, в которых ставится вопрос об опасности, является образ врага, подстерегающего партию извне.

Другая общая черта речей — оптимизм. Зиновьев, например, верит, как и Ленин, во всемогущество партии. Избежать перерождения коммунистов — это трудная, но вполне осуществимая задача:

> «Мы говорим: НЭП отразится на нашей партии и остро поставит проблему неравенства в партии и создаст кучу всяких других проблем (...). Он создаст много мелких перегруппировок, которые, если вовремя не увидеть, могут привести к омертвению некоторых частей партийного организма. Он создаст для нас огромные трудности, но мы знаем, что путь пролетарской диктатуры не устлан розами и имеет очень много трудностей, которые мы должны преодолеть» [25].

Нэп являет собой угрозу, но если линия партии и ее Центрального комитета верна, то нэп может привести к положительному результату. Вот почему эта политика должна сопровождаться чистками партии, которые будут обновлять ее состав. Зиновьев заключает, что если первая чистка совпадает с началом нэпа, то это не случайно.

Если судить по выступлению Бубнова, отвечающего в партии за пропаганду, то не все коммунисты разделяли такой чрезмерный оптимизм. Бубнов упрекает Зиновьева, что тот несколькими «слабенькими словечками» разделывается с про-

блемой мелкобуржуазного перерождения[26]. Но и он, в свою очередь, не задерживается на проблеме перерождения, а ограничивается лишь указанием на нее:

> «Не нужно быть трусами, нужно резко эту опасность формулировать. Т. Зиновьев ничего не сказал относительно внутреннего состояния партии. Оно неблагополучно. Я утверждаю, что предсъездовская кампания говорит, что внутреннее положение партии таит в себе большие опасности»[27].

Бубнов не доводит свою мысль до конца, возможно впрочем, что он и не вполне додумал ее. Но неудовлетворенность тем, как подходят к проблеме перерождения, выражена у него четко. И если такой четкости у других ораторов не было, то схожее недовольство прорывалось и у них.

Один делегат от Москвы, Стуков, например, не соглашался с Лениным в том, что все проблемы, связанные с властью, с которыми пришлось столкнуться партии, можно исчерпывающе объяснить недостатком культуры руководителей-коммунистов[28]. Рязанов, делегат от Социалистической академии, заявлял, что Ленин, говоря о внутренних делах партии, преподнес съезду «нечто вроде сахарных пряников» — такой сладкой показалась ему ленинская речь[29]. Что же касается Мануильского, секретаря ЦК партии Украины, то он упрекал Зиновьева в недостатке ясности в вопросе о трудностях, вставших перед партией в связи с нэпом[30].

Подчас в поддержку тезиса о моральном падении коммунистов обращались к примеру скатывания к контрреволюции после 1848 или 1905 гг.[31]. Но и в этом нащупывании проблемы перерождения на исторических примерах никогда не доходили до термидора. Даже у тех коммунистов, которые призывали как будто бы посмотреть на внутренние дела партии, ситуация, в которой очутились большевики, не ассоциировалась с той, какую переживали якобинцы в 1794 г. Одно замечание Мануильского помогает понять, почему выбирали 1848 или 1905 гг., а не 1794 г.:

> «Французская революция была началом новой эпохи в истории развития человечества, и третье сословие в *исторической перспективе выиграло*»[32]

Был термидор или нет, но Французская революция оставалась победоносной буржуазной революцией, и как таковая не имела точек соприкосновения с пролетарской революцией. Пожелание Бубнова, так же как едва заметная критика в выступлениях других делегатов, не было подхвачено, и спор о перерождении тут же оборвался. Резолюция «Об укреплении

и новых задачах партии» отражала сформулированное Лениным мнение, которое господствовало на съезде:

> «Обстоятельства переходного периода, несомненно таят в себе потенциальную возможность ухудшения социального состава партии и заражения ее мелкобуржуазным влиянием»[33].

Как и у Ленина, в резолюции фигурирует угроза партии извне. Выражения, вроде «проникновение чуждых элементов», «мелкобуржуазная волна, увлекающая крестьян-собственников и нестойких пролетариев», «распространение мелко-буржуазных нравов в партии» способствуют складыванию у членов партии представления, что, с одной стороны, есть авангард пролетариата, партия, и даже пролетарское государство, и они совершенно здоровы, с другой стороны, есть мелкобуржуазный многоликий враг, который угрожает этому здоровью.

Поднимая вновь проблему перерождения в 1923 г., Троцкий начал со следующего поразительного заявления:

> «Достаточно сказать, что еще 2—3 месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата.. встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса, в центре и на местах, высокомерное пожимание плеч или возмущенный протест. (...) Эти товарищи искренне не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами. (...) И этот бюрократизм они истолковывали как простой пережиток военного периода, т е. как нечто такое, что постепенно идет на убыль..»[34].

Троцкий полностью подтвердил, что ответственные коммунистические работники на XI съезде поддержали то понимание перерождения, которое им больше всего подходило: бюрократическое зло, наследие царизма и буржуазии, чуждое диктатуре пролетариата и его партии по самой своей сути. Они тем более были в этом убеждены, что в докладе Ленина и в резолюции съезда указывались те же самые признаки опасности.

Следует ли думать, что члены партии не замечали сходства между упомянутым на съезде перерождением и «термидорианским перерождением», о котором предупреждали классовые враги? Вряд ли, ведь заявление Ленина о том, что «классовый враг говорит классовую правду», побуждало размышлять о различии между «буржуазным» перерождением (под влиянием внешнего фактора) и «термидорианским перерождением» (внутренне присущим революционной партии).

Было ли это заявление ясным, как это позволяет думать партийное мнение? Конечно, «правда», которую Ленин извлекал из произведений Устрялова, лишь частично соответствовала мысли последнего, так как большевистский лидер обходил молчанием термидор. Но коль скоро было избрано слово

«правда», а никакое другое, то аналогия с термидором получала как бы официальное дозволение не только от Ленина, но и от съезда. Используя слово «правда» по отношению к высказываниям Устрялова, Ленин исподволь побуждал членов партии обратиться к первоисточнику. Любой и каждый мог поискать «правду» у самого Устрялова. В то же время отсутствие на съезде каких бы то ни было ссылок на термидор служило предостережением для тех, кто позволял себе задавать вопросы. Предупрежденные, но дисциплинированные члены партии должны были считать, что говорить о термидоре — политическая ошибка. Разница между «правдой» Ленина и «правдой» Устрялова не была четкой, и члены партии, уважая молчание, установленное съездом вокруг термидора, должны были сами разбираться с неясной речью о двух «правдах».

Итак, в 1922 г. в отличие от предшествующего периода, ознаменованного ясностью позиций, сформулированных Лукиным-Антоновым, вопрос об аналогии с термидором оказался запутанным. Ибо нужно думать, что двусмысленность широко известной ленинской формулы не могла остаться незамеченной

ТЕРМИДОР: НАЗВАНИЕ, КОТОРОГО СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ

Еще более настойчиво, чем Ленин, забил тревогу Троцкий. В опубликованном в «Правде» письме «Новый курс»[35], а затем в брошюре под тем же названием, дополненной новыми главами[36], Троцкий энергично разоблачал опасность перерождения, полагая, что со времени XI съезда коммунисты не вполне ее осознают и не применяют предписанные меры. Анализируя феномен бюрократизации, он приходил к выводу о «бюрократическом перерождении».

Под этими терминами Троцкий понимал процесс, происходящий в аппарате партии, который наполнялся бюрократами в связи со свойственной ему тенденцией смешивать свои собственные задачи с задачами государственного аппарата. Это смешение, о котором уже беспокоился Ленин как о серьезной ошибке, автор «Нового курса» сделал стержнем своей критики[37]. Согласно ему, именно это все растущее смешение вело к проникновению повседневной бюрократической практики государства в аппарат партии[38]. Наряду с медленным развитием промышленности оно являлось главным источником бюрократизации. Так, Троцкий переносил акцент со столь свойственного ленинской речи мелкобуржуазного вмешательства, вызывающего перерождение, на то, что вытекало из «новых

функций», «новых трудностей» и «новых ошибок» партии[39]. Троцкий многократно повторял мысль, что

> «...бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление, по существу, новое»[40].

Термин «буржуазное перерождение», употребляемый обычно членами партии, в брошюре Троцкого фигурирует только один раз, когда он излагает наиболее неблагоприятные для советской власти гипотезы:

> «В случае медленного роста перевеса частного капитала над государственным, политический процесс принял бы преимущественно характер перерождения государственного аппарата в буржуазном направлении с соответственными отсюда последствиями для партии. При быстром росте частного капитала и смычки его с крестьянством могли бы возобладать активные контрреволюционные тенденции, направленные против коммунистической партии»[41].

Итак, буржуазное перерождение требует для своего осуществления особых условий, тогда как «бюрократическое перерождение» (Троцкий называет его также «оппортунистическим») порождает само себя. Опасности, обусловленные нэпом и задержкой европейской революции, не стоят на первом плане. Для него подлинная проблема состоит не в том, какой климат благоприятен для «бюрократического перерождения», но корни зла. Не нужно приписывать их царистскому прошлому или частному капиталу, а нужно согласиться с тем, что даже лучшие из революционеров не застрахованы от опасности «идейного измельчания и оппортунистического перерождения»[42].

Как этого избежать? Нужно бороться за демократию внутри партии. Этот ответ лежит в основе брошюры Троцкого, показывая, что он не так, как Ленин, представляет себе перспективу: призыв к борьбе против мелкобуржуазной опасности, выдвинутый XI съездом, заменен у него лозунгом объединения членов партии во имя демократии. Речь идет о двух сторонах одной медали. Троцкий стремился ее перевернуть, чтобы показать опасность, грозящую партии изнутри: в самом ее аппарате, где бюрократизм достиг «чрезвычайного поистине опасного развития»[43].

> «Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что формулированное резолюцией ЦК (опубликованной 7 декабря 1923 г. в «Правде» — Т. К.) обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных уклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической

тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья т. е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу» [44].

Эволюция партии, картину которой набросал Троцкий, незаметно сближается с определением, которое Устрялов давал «пути термидора». В последней фазе сделан даже смутный намек на государственный переворот. Речь идет о чертах перерождения, которые радовали сменовеховцев, но сильно беспокоили Троцкого, боявшегося возможной эволюции партии. Текст «Нового курса» пестрит словами, выражающими тревогу, вроде «опасность» и «перерождение». Троцкий решительно отбрасывал такую бы то ни было аналогию с Французской революцией.

«Исторические аналогии с Великой французской революцией (крушением якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны» [45].

Это заявление выглядит ясным и четким, и именно такое впечатление оно произвело на современников. В 1927 г. в докладе на собрании актива Ленинградской организации его процитирует Бухарин, как неоспоримое доказательство лояльности Троцкого в период «Нового курса», когда тот стремился отмежеваться от «либерализма» и «меньшевизма» [46].

Можно однако усмотреть расхождение между утверждением Троцкого, предназначенным для публики, и его более интимными размышлениями. Так, четкость его позиции в 1923—1924 гг. сильно поколеблена одним его собственным воспоминанием. В книге «Моя жизнь» он рассказывает о своей беседе со Склянским летом 1925 г. и признает, что тогда «впервые с полной ясностью», «с физической убедительностью подошел к проблеме термидора» [47]. Иначе говоря, до 1925 г. термидор представлял для Троцкого затруднение. Впрочем, мог ли он его игнорировать, даже отказывать ему в возможности осуществиться в России и в то же время ставить в центр своих забот «перерождение» революционеров?

Позволительно думать, что если термидор отсутствует в «Новом курсе», так это потому, что автор сознательно избегает его. Почему Троцкий предпочитает говорить о «крушении якобинцев» там, где «либерализм» (то есть сменовеховцы) и «меньшевизм» употребляли совершенно определенный термин?

Выяснить это тем более интересно, что намек на термидор был прозрачен, если судить по работе, написанной по свежим следам истории троцкистского «уклона». Ее автор, старый большевик С. И. Канатчиков, связанный с Зиновьевым, следует весьма показательной логике: раскритиковав «Новый курс», он целую главу посвящает якобинизму, разоблачая троцкизм, дебютировавший в 1904 г. с работой «Наши политические задачи», в которой Троцкий предсказывал пришествие термидорианцев социалистического оппортунизма [48]. Еще более красноречивы комментарии Бухарина. В уже цитированном выше докладе на собрании актива Ленинградской организации, ссылаясь на «Новый курс», он объяснил, что в 1923 г. все знали, как расшифровать слова Троцкого:

«Что это за аналогия с Великой французской революцией? Эта аналогия с Великой французской революцией, это есть аналогия с термидором, бонапартизмом и прочими „жупелами“» [49].

Почему же Троцкий не произнес слово, которое все были готовы услышать?

Следует думать, что одной из причин могло быть отсутствие уверенности в отношении к термидору (не играла ли тут свою роль «классовая правда»?) Намеренно или нет, Троцкий должен был стремиться заменить термин, даже если приходилось лишить «либерализм» и «меньшевизм» того, что было им свойственно. Кроме того, слово было скомпрометировано вдвойне: оно означало контрреволюцию и происходило из словаря, который использовал для выкрикивания угроз классовый враг. Сверх того, термин «термидор» рисковал привлечь внимание читателей к деморализующему историческому прецеденту и толкнуть их к ассоциации с перерождением, а это как раз и должно было смущать Троцкого. Зато выражение «крушение якобинцев» вызывало в памяти образ героев и мучеников, пробуждающий сострадание, а не пессимизм, и это придавало читателям энтузиазм бороться, чтобы избежать участи якобинцев. Таким образом замену слов можно объяснить стремлением защитить советских людей от дурного влияния проклятого термина. Историческая память Троцкого избирательна для того, чтобы избавить советских людей от искушения сравнивать Октябрьскую революцию с Французской. Он действительно отсылает читателей к Истории, говоря, что она предоставляет немало случаев перерождения, и он выбирает один из них: самый «свежий и яркий» — тот, что касается руководителей партий II Интернационала, прямых учеников Маркса и Энгельса [50]. И хотя самый неудобный из примеров — термидор — тщательно замалчивался, но и только что приведенного было вполн-

не достаточно, чтобы задеть чувствительность бюрократов, которые расценили содержавшееся в «Новом курсе» предупреждение и саму брошюру, как «оскорбление», «покушение»[51]. Партийное мнение упрекало Троцкого в клевете на Центральный Комитет. Свободная дискуссия в печати превратилась после опубликования «Нового курса» в антитроцкистскую кампанию, страницы «Правды» пестрели разоблачениями «уклонистов», «мелких буржуа», «антиленинцев» или меньшевиков, а для оппозиционеров эти страницы были закрыты.

Поскольку слово «перерождение» стояло в центре упреков в адрес руководителей, то реакция членов партии на этот термин в ходе дискуссии декабря—января выявила сложности его восприятия, порожденные недосказанностью со стороны критиков. Известно, что XI съезд принял значение слова, определявшее источник перерождения вовне партии, и это еще усиливалось прилагательным «мелкобуржуазное». С тех пор эти два слова употребляли вместе, не подозревая, что они могут нанести ущерб революционному достоинству, точнее, на это не обращали особое внимание, поскольку формула была дозволена. Но когда Троцкий поменял прилагательное «мелкобуржуазное» на «бюрократическое» и таким образом расширил значение слова «перерождение», которое теперь относилось к партийным кадрам, включая и самых лучших членов партии, то аппарат выказал ему свое возмущение.

В относящихся к дискуссии материалах газеты «Правда» (статьях, письмах, отчетах о собраниях) слово «перерождение» фигурирует лишь для того, чтобы отрицать реальность того, что оно обозначает, или чтобы упрекнуть Троцкого в его употреблении[52]. Вот что можно было прочесть в анонимной статье, появившейся на первой странице «Правды» 13 декабря 1923 г.:

> «За последнее время начали связывать — и в печати и на дискуссионных собраниях — критику аппарата с критикой политической линии ЦК. Фундаментом для этой критики послужила известная аналогия между учениками Маркса и Энгельса, с одной стороны, и учениками тов. Ленина, с другой. (...) Но смешно и нелепо намекать на перерождение ближайших учеников Ленина. (...) ...Всякому ясно что цель такой постановки вопроса не имеет ничего общего с объективным анализом событий. (...) Когда внутри нашей партии начинается такая «критика», то партия с громадным единодушием отвергнет самую постановку вопроса»[53].

Итак, после выхода «Нового курса» руководство партии смешивало употребление слова с оппозиционным духом, и участники дискуссии, следовательно, его не употребляли. Зато реакция на проблемы, которые поднимало слово «перерождение», была не столь единообразной, как реакция на само слово. Здесь можно различить как минимум две позиции: уклончивость и непонимание.

Уклончивость наблюдается у самого Троцкого, когда он утверждает, что бюрократизм вытекает из новых функций партии. Логика требовала от него заключения, что эти трудности *свойственны революционной власти как таковой*; буржуазная или пролетарская, она подвергалась одинаковым опасностям, тем, что Х. Г. Раковский, близкий Троцкому, назовет позже «профессиональным риском» власти[54]. Но «Новый курс» ограничился оптимистической перспективой:

> «Гибель якобинизма была предопределена незрелостью социальных отношений: левое крыло — разоренные ремесленники и торговцы, лишенное возможностей хозяйственного развития, не могло быть устойчивой опорой революции; правое крыло — буржуазия — неизбежно возрастало, наконец, Европа, экономически и политически более отсталая, не давала возможности революции развернуться за пределами Франции Во всех этих отношениях наше положение несравнимо более благоприятно. Ядром революции и одновременно ее левым флангом является у нас пролетариат, задачи и цели которого целиком и полностью совпадают с задачами социалистического строительства»[55].

Уклончивость свойственна также руководству партии; она проявляется в расплывчатости, с которой оно представляет проблему бюрократизации перед рядовыми членами партии. Центральный Комитет отвергал эту проблему, поставленную оппозицией[56]. Однако после осуждения «Заявления 46» как «фракционного» маневра ЦК, чтобы умиротворить оппозицию, подхватил почти все выдвинутые ею критические соображения[57]. Но в низовых организациях не смогли уловить, что нового возникло в старой проблематике и почему об этом теперь стали столько говорить.

Публикации в «Правде» показывают непонимание низами официальной позиции относительно «бюрократизма» и «перерождения». А. Камень, один из первых, кто отвечал на статью Зиновьева «О новых задачах партии», опубликованную 7 ноября и открывшую обсуждение, утверждал, что проблемы бюрократизации и демократии, поставленные в повестку дня Зиновьевым, не новы[58]. Другая статья, само название которой «Новые решения или исполнение старых?» свидетельствует о недоумении, отвечала Зиновьеву не без язвительности:

> «Многочисленные постановления и борьба с бюрократизацией партии и профсоюзов, принимавшиеся и неоднократно подтверждавшиеся партийными съездами и конференциями, предопределили решение этих вопросов на ряд лет[59]. Третья статья дает представление о самой распространенной среди членов партии реакции. низы молчат, громад-

ное большинство членов партии не читает «Правды» и или ничего
знает о дискуссии или знает о ней только понаслышке Та часть
которая о дискуссии кое что слышала, не придает и *новым* разгово
рам большого значения» [60]

Вначале дискуссия базировалась на двух проблемах: бюро
кратизации и демократии, но затем первая быстро была о
брошена, и спор сконцентрировался на второй Практическ
обсуждалась только необходимость преобразования партии в
направлении большей демократии [61] Почти все участники д
куссии коротко упоминали о бюрократии, но всегда заканч
вали выводом, что это, конечно, проблема, но рутинная Ведь
то новое, что было в этом вопросе, т е понимание «бюрокра
тического перерождения» как явления, коренящегося в само
партии, членам партии не было сообщено Во всяком случае
«Правда», орган, отражавший позицию руководства партии
так ориентировала своих сотрудников и читателей, что новый
аспект проблемы бюрократизации, выделенный оппозицией
развернутый в «Новом курсе», не затрагивался в обсуждении

То, как употребляли слово «перерождение», подтверждает
что начиная с XI съезда, говоря об этой опасности, благо
зумно следовали стереотипу Перерождение должно было быт
буржуазного происхождения и вытекать из нэпа Никаких
иных суждений не терпели Разоблачения, которые изредка
делались, в частности Каменевым, имели все тот же смысл
Любое другое перерождение было немыслимо, потому что
гика требовала бы тогда признания конца революции, т е тер
мидора Так, когда Троцкий вышел за рамки допустимого о
натолкнулся на всеобщее неодобрение, и сам Сталин взял на
себя труд его критики. В «Правде» от 15 декабря 1923 г о
напомнил публике тот условный язык, которого следовало
придерживаться:

«Я отнюдь не думаю, что старые большевики абсолютно гар
тированы от опасности перерождения так же, как не имею основа
утверждать, что мы абсолютно гарантированы скажем от землет
сения Опасность такую как возможную, можно и нужно допусти
Но значит ли это, что опасность эта является реальной, наличн
Я думаю, что не значит Да и сам тов Троцкий не привел никак
данных говорящих об опасности перерождения, как и реальной оп
ности А между тем внутри партии имеется у нас ряд элемент
могущих породить действительную опасность перерождения неко
рых рядов нашей партии Я имею в виду одну часть меньшевик
вошедших в нашу партию поневоле и не изживших еще ст
оппортунистических навыков» [63]

В этом пункте Сталин вспомнил слова Ленина, которы
сентябре 1921 г во время чисток разоблачал оппортунист
умевших приспособиться, и продолжал тоном негодования

«Как можно закрывать глаза на реальную опасность, выдвигая
на первый план опасность, собственно говоря, нереальную » [64]

Так, сделав авансы тем, кто мог оказаться чувствителен к
речам оппозиции, Сталин в конце концов отбрасывал всякие
сомнения. Опасности нет — таково было последнее слово гене
рального секретаря Центрального Комитета партии

Какой вывод мог извлечь из дискуссии вокруг «Нового кур
са» рядовой член партии? Было ясно, что не нужно трогать
проблему «перерождения», но граница между тем, о чем мож
но было говорить, и тем, о чем следовало молчать, отчетливо
прочерчена не была. Предосторожности, которые принял Троц
кий, поднимая проблему, лишь доказывали, что она весьма
деликатна. Между «перерождением» и «термидором» явно
была перекличка Кроме того, если кто-то хотел коснуться во
проса о «перерождении», нужно было это делать так, чтобы
и тень подозрения не пала на партию Дискуссия как бы пока
зывала, что говорить о перерождении — это дело Ленина и
Сталина.

«ТЕРМИДОРИАНЦЫ»: НЕВЫГОВАРИВАЕМЫЙ УПРЕК

1924 г ознаменован поворотом в видении большевиками
нэпа После смерти Ленина некоторые руководители, так же
как и коммунисты низовых организаций, начали сомневаться,
что эта политика имела тактический характер Если впервые
аналогия «нэп-термидор» всплыла в эмиграции, то теперь она
начинала понемногу завоевывать оппозиционные круги внутри
партии.

Первый шаг был сделан осенью 1925 года и вел дальше,
чем «Новый курс». Импульс опять исходил от Устрялова, ко
торый опубликовал в Харбине сборник статей «Под знаком
революции», где речь шла о русском термидоре [65] Эта книга
породила отклики внутри партии, где недовольство нэпом ста
вило серьезные проблемы .Книга стала мишенью как для оппо
зиции в Ленинграде, так и для партийного большинства. Обе
стороны, критикуя Устрялова, использовали его для сведения
своих счетов В их скрытой полемике подразумевались взаим
ные обвинения в термидорианском стиле поведения, и все вер
телось вокруг невыговариваемого вопроса кто же истинный
термидорианец? Тот, кто вставал в ряды оппозиции, или тот,
кто следовал большинству?

На первый взгляд, ленинградская оппозиция в лице Зи
новьева, автора статьи «Философия эпохи», упрекала Устряло-

ва[66]. Но при более внимательном анализе статья разоблачала политику, напоминавшую о вещах, о которых говорил Устрялов: приверженность нэпу, доверие к крестьянам, выраженное в лозунге «Обогащайтесь!», тенденция к смешению нэпа с социализмом, короче говоря, комплекс мер, которые оппозиция рассматривала как уступки капитализму. Ясно было, что Зиновьев бросал камни в огород партийного большинства. Через критику, внешне направленную против Устрялова, он предостерегал партию и в особенности Центральный Комитет от опасности перерождения.

> «Полезно выслушать грубую классовую правду классового врага, узнать, на что он ставит ставку»[67]

Зиновьев не нападал прямо на руководство партии. Он был настолько осторожен, что не говорил о перерождении. Так, он предварил свою статью эпиграфом, являющимся цитатой из речи Ленина на XI съезде: «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны...». На протяжении всей статьи — почти две полных страницы в двух номерах «Правды» — он противопоставлял рассуждения Устрялова словам Ленина, чтобы прийти к выводу, что второй был прав и что нужно прислушаться к его предупреждениям, остающимся актуальными и теперь.

> «Наш долг — долг пролетарских революционеров — трезво отдать себе отчет, действительно ли в современной социально-политической обстановке намечаются те процессы, которые так приветствует, так призывает, так славословит Устрялов.
>
> Ставя этот вопрос, мы должны вслед за Лениным ответить на него прямо да, развитие нэпа при затяжке мировой революции действительно чревато среди других опасностей и опасностями перерождения На это десятки раз указывал Ленин На это указываем мы все теперь, хотя наши хозяйственные успехи огромны»[68]

Несмотря на множество предосторожностей — обращение к словам Ленина, высказывание от имени «нас всех» или получение предварительного одобрения статьи Центральным комитетом — «Философия эпохи» была осуждена как покушение на революционное достоинство партии и ее Центрального Комитета, заподозренных в перерождении и в склонности к термидорианству. Именно таков был смысл статьи Бухарина «Цезаризм под маской революции»[69], опубликованной в ответ на статью Зиновьева, хотя автор ее и не употреблял данных определений.

Бухарин, олицетворявший партийное большинство, в свою очередь, атаковал Устрялова, но лишь для того, чтобы полемизировать с ленинградской оппозицией. Бухарин обвинял ее, хотя и не говорил об этом прямо, в увлечении ошибочной аналогией с термидором. Это обвинение еще более отчетливо прозвучало на XIV съезде, когда «Философию эпохи» живо критиковали как источник вдохновения для тех, кто открыто говорил о термидоре.

> «Почитайте внимательно «Философию эпохи» тов Зиновьева,— говорит Л М Каганович,— там вы найдете метко, искусно, литераторски составленные цитаты, такие, что даже сразу не поймешь Как будто об Устрялове речь идет, а на самом деле там стреляют по товарищу Бухарину, пытаются показать, что есть перерождение»[70].

В речи первого секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича хорошо видно, что если поднимался вопрос о перерождении, то подразумевался термидор. Даже те, кто уважал неписанные правила обращения к этому деликатному сюжету, как, например, Зиновьев, не были гарантированы от обвинений в «термидорианстве». Совершенно очевидно, что в этот период слово «перерождение» стало синонимом слова «термидор».

В споре Зиновьева с Бухариным важно прежде всего то, что открыто поставленные оппозицией вопросы о перспективах нэпа на самом деле отражали растущее беспокойство по поводу термидорианской альтернативы. Это не было еще отчетливо сформулировано, так как слово «термидор» было впервые произнесено «классовым врагом» (Устряловым и другими). Данный смысл, как еретический и фракционный, отвергался всеми, в том числе и оппозицией. Зиновьев, к примеру, категорически отвергал аналогию:

> «Устрялов и прочие переносят на пролетарскую революцию законы развития буржуазной Они по аналогии думают и ошибаются»[71].

Конечно, главной причиной неприятия было то, что большевики усматривали классовое различие между двумя революциями. Но отсутствие «полной ясности», если воспользоваться выражением Троцкого, тоже имело значение. Большевики предпочитали уклоняться от нерешенного вопроса: казалось, чем меньше говоришь, тем меньше и угроза термидора.

1925 ГОД: «ДЕЛО ЗАЛУЦКОГО» ИЛИ ВЫГОВОРЕННОЕ, НАКОНЕЦ, СЛОВО «ТЕРМИДОР»

Анализ того, что не говорилось о термидоре, можно дополнить и подкрепить тем, что было о нем сказано. В 1925 г. аналогия по оплошности срывается с уст, и тогда раздражение, как будто долго сдерживаемое, вырывается, наконец, наружу Реакция оказалась столь бурной, что невозможно не

задаться вопросом о причинах этого внезапного неистовства · не вспомнить о предшествовавшем ему молчании Сказанн о термидоре можно объяснить лишь невысказанным до сих по и наоборот.

Но прежде чем разбираться в негодующих выкриках, ге меках и недомолвках, нужно обратиться к истории того, что называется «делом Залуцкого».

Осенью 1925 г. П. А. Залуцкий[72], секретарь Ленинградс го губкома партии, беседовал в своем рабочем кабинете Леоновым, уполномоченным Молотова, в то время секрета ЦК. Делая ставку на свою давнюю дружбу с Залуцким[73], Мо лотов хотел через посредство эмиссара осведомиться о по жении дел в Ленинграде, так как оно сильно беспокоило ен тральное руководство партии[74]. Леонов обратил внимание З луцкого на то, что Ленинградская организация находится в оппозиции Центральному Комитету, и потребовал объяснени Прекрасно сознавая, что Леонов передаст его слова Молотов и таким образом они дойдут до Секретариата ЦК, Залуцки воспользовался случаем, чтобы защитить позицию Ленинград ской организации. Вот его рассуждения:

«Один исторический пример должен быть у нас сейчас в центр внимания это — термидорианский путь развития Великой француз ской революции

Не надо забывать, что «устранение» эбертистов было начало пути к термидору Три социальные силы в данный момент занимают ся изучением этого периода сменовеховская и милюковская бурж зия, эсеры и меньшевики и пролетариат

Первые две силы в своей политике исходят из того, что русская революция уже вступила на этот путь развития и, конечно, всячес му этому содействуют.

Пролетариат в целом еще не видит этой опасности, хотя она очень реальна

Тем более опасна политика, которой придерживаются наши «вожди»

В погоне за развитием производительных сил во что бы то ни стало они (т. е. ЦК) развязывают рост частнокапиталистических от ношений, ничего этому росту не противопоставляя Бухарин выбр сывает лозунг «Крестьяне, обогащайтесь» Кулачество растет, крепнет а они этого не видят или даже скрывают, затушевывают Строят ме щанское государство, то, что Ленин назвал «царством крестьянской ограниченности», а они называют строительством социализма

Умные сменовеховцы, вроде Устрялова, лучше, чем наши «вожди» и «теоретики» учитывают обстановку Они видят слабость наших вер хов и, оказывая давление на госаппарат и некоторые слои партии помогают им, толкая революцию к термидору

В Москве громадный слой государственных чиновников, масса новой и старой буржуазии Все это давит на нашу партию, создает в ней общественное мнение Не мы ведем за собой чиновничество, а оно вместе с буржуазией определяет наше сознание — служит прово ником в партию устряловской идеологии и политики

В такой обстановке ЦК не в силах управлять госаппаратом. Гос аппарат пленил ЦК, давит на него и диктует ему свою политику

Мелкобуржуазная Москва не может предохранить партию от этого напора, и пролетарская ленинградская организация изолируется от партии На нас нажимают и притесняют по всем линиям — и по партийной, и по хозяйственной, и по комсомольской

С Ленинградом не считаются, превращают его в провинцию»

Когда Леонов спросил, сознают ли руководители партии опасность, заключающуюся в том положении, которое представил Залуцкий, тот ответил:

«В том то и дело, что не видят Да и кто из них может видеть? Молотов что ли? Конечно он хороший парень, но в вожди то не го дится Он сидит как раздатчик благодати и раздает «эполеты» — ко му секретаря губкома, кому предгубисполкома и т п Его слушают, ему хлопают, докладывают, что все благополучно,— ну, он и доволен.

Или Николай Иванович? Возьмите его книжку «Экономика переходного периода», что он в ней дал? Все на смарку пошло Или его книжку о диалектическом материализме, в которой он показал, что совершенно не понимает диалектики Обычно Н И считают добро душным На самом деле он страшно честолюбив Этим объясняется и его плодовитость Взбредет ему в голову «идейка», но, и пойдет валять глядишь — книга

Сталин это — конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор но его ум не аналитический, а схематический Вопросы прошлого он разберет великолепно, так что всем ясно станет Но перспективы ему не уловить Он к этому не привык

К тому же зазнались люди Критики и слушать не хотят Старуха (Н К Крупская) написала две статьи, критикующие их политику, так ведь ни одной не напечатали Это не то, что Владимир Ильич, который давал себя критиковать и разъяснял критикам, в чем их ошибки

Ну, а Зиновьев, он то что же? Теперь принято ругать Зиновьева К нам из Москвы каждый день приезжают тысячи «агитаторов» и «информаторов» с этой целью Но ведь дело не в Зиновьеве дело в правильной пролетарской политике Мы сами великолепно знаем недостатки Зиновьева Но у него есть то громадное преимущество что он связывает свою судьбу с пролетарской революцией Он связан с рабочими массами Но он один ничего не может сделать Нужно, чтобы сплоченная пролетарская группа подняла свой голос»

В ответ Леонов замечает, что в создавшемся положении ледовало бы действовать

«Это верно,— продолжает Залуцкий,— но попробуй ка закричать — сейчас и пришибут Эполеты мешают Не того жалко, что эполеты снимут, но ведь очернят, подорвут доверие и потом скажут «из за эполет дерется» Надо осторожно Нужно выждать момент Надо учесть, поймут ли тебя в партии Конечно на съезде и следовало бы поставить этот вопрос, но это будет зависеть от соотношения сил ( ) Другой исторический пример который надо помнить при оценке внутрипартийного положения, это период мирного развития германской социал демократии после отмены закона о социалистах Когда на одном фланге партии вырос оппортунизм, на другом — левое революционное крыло, а в центре стоял старик Бебель, так и сейчас

Сталин, возможно, сам того не замечая, играет историческую ро
Бебеля в нашей партии.

Оппортунистическое крыло Троцкого вызвало к жизни своего а
типода — левое крыло Оппортунисты были бы разбиты вдребезги, н
Сталин ценит в них качества хороших работников и берет их п
свою защиту. Это вызывает оппозицию и к Сталину, что в свою оч
редь толкает последнего в сторону оппортунистов И хотя Сталин, к
Бебель, в решающие моменты оказывает поддержку левому рево
ционному крылу против оппортунистов, но конечные результаты е
политики могут оказаться не более благоприятны, чем у Бебеля»

Собеседник Залуцкого не стал хранить тайну и в частно
письме Н. А. Угланову, секретарю Московского губкома па
тии, изложил все, что тот говорил. Угланов, человек Сталина,
развязавший кампанию против сменовеховцев, передал письм
окружению Сталина и в Центральный Комитет[76]. Эта высша
инстанция осудила историческую параллель, проведенную н
задачливым оппозиционером, он был отстранен от своих обя
занностей за антибольшевистское поведение и обвинение Це
трального Комитета в «термидорианстве» и «оппортунизме»
Собравшийся в декабре 1925 г. XIV съезд партии вновь обра
тился к этому вопросу и представил его таким образом, что
сам Залуцкий пришел в ужас от своих собственных слов
поспешил покаяться[78].

Письмо Леонова позволяет нам сделать вывод, что Залуц
кий точно следовал духу политического доклада Ленина н
XI съезде. Он говорил о той же опасности и, как и Ленин
считал, что она исходит «от мелкой буржуазии», «государ
венного аппарата», «кулачества» и сменовеховцев. Пролета
риат, партия и даже «вожди» оказались под влиянием этих
сил, вдохновляемых «устряловской идеологией и политикой»
Они не осознавали опасности, и Залуцкий посчитал своим до
гом вслед за Лениным предупредить о ней (с той только ра
ницей, что привел вслух пример термидора, в то время как н
XI съезде его тщательно обходили молчанием). Залуцкий не
обвиняет явно Центральный Комитет в «термидорианстве» и
же «оппортунизме», поскольку он отличает себя от врагов
(сменовеховцев, меньшевиков), считавших, что революция
якобы уже встала на путь термидора. Однако он использует
аналогию, равносильную обвинению против Центрального К
митета, что в корне меняет смысл его речей относительно т
го, что до сих пор говорили об «опасностях», «бюрократич
ском перерождении» и о внутренних трудностях партии.

В работах по политической истории 1920—1930 гг. имя За
луцкого упоминается в связи с действиями Сталина, стремивше
гося заменить людей, находящихся на ключевых постах, сво
ми приверженцами. Действительно, Центральный Комитет ре
гировал довольно неожиданно для Залуцкого, который стре

мился именно к тому, чтобы его мнение было услышано на
верху. Вместо того, чтобы прислушаться к критике, руковод
ство партии создало «дело Залуцкого», то есть придало сло
вам этого оппозиционера чрезмерное значение лишь потому,
что они исходили от оппозиции. Разумеется, дело было «раз
дуто», а аналогия с термидором послужила предлогом для
отставки секретаря Ленинградского губкома. Залуцкий сам
разоблачил на съезде эту политическую игру. Но к вышесказан
ному следует добавить, что аналогия создавала неудобства:
в этом деле термидор не был просто предлогом, но сам по себе
представлялся событием. Проследим за «делом», чтобы отделить
в нем политическую интригу от реакции на аналогию.

Первое замечание. Политбюро не довольствуется примене
нием соответствующих, полагающихся в подобных случаях
санкций, которые можно было бы ожидать от Сталина и его
сторонников. Специальной комиссии из семи членов ЦК во гла
ве с Куйбышевым, председателем ЦКК, поручается изучить
дело и провести расследование. Казалось бы, подобная мера
продиктована необходимостью сопоставить свидетельство Ле
онова с другими показаниями. Однако поразительно то, что из
стенографического отчета XIV съезда ВКП(б) явствует: целью
этого расследования было успокоить руководство партии, сде
лав вывод о том, что никто кроме Леонова не слышал мятеж
ных речей Залуцкого[79].

Второе замечание. Выступавшие на съезде постоянно под
черкивали, что Залуцкий «был не единственным», кто прово
дил аналогии с Французской революцией. Так, Томский заявил:
«...ты громче говорил то, о чем другие говорили потихоньку»[80].
Охваченный сомнениями Рыков возразил: «Если есть секретарь
ленинградской организации с таким, извините за выражение,
уклоном, то ведь в его группе есть еще кто-нибудь»[81]. Со своей
стороны Петровский, председатель ЦИК Украины, делает вы
вод, что не один Залуцкий полностью одобряет то, что напи
сано в письме Леонова[82]. Аплодисменты ленинградской деле
гации, сопровождавшие выступление Залуцкого, также под
тверждают солидарность с высказанными им мыслями, тем
более, что они раздались после речи, в которой Залуцкий,
восхваляя ЦК, тем не менее с непреклонностью говорил об
опасности термидора и о необходимости принимать ее во вни
мание[83]. Кроме того, некоторые делегаты дают понять, что,
будучи человеком очень близким к Зиновьеву, Залуцкий выра
зил, а может быть и просто повторил сокровенные мысли ав
тора «Философии эпохи», о чем совершенно ясно сказал Кага
нович[84]. Томский намекает на это, сближая Залуцкого, позво
лившего увлечь себя историей термидора, с «кружком» Зи
новьева, куда входило только высшее руководство Ленинграда:

в этом кружке, а может быть и каким-либо другим образом. Зиновьев мог якобы повлиять на Залуцкого. Будучи человеком «простым и прямым», Залуцкий говорил о термидоре со «свойственной ему прямотой[85]».

Можно предположить, что впутать в это дело Зиновьева, а с ним и Ленинградскую организацию в высшей степени соответствовало интересам Сталина, стремившегося скомпрометировать эту организацию, имевшую репутацию авангарда пролетариата. Однако вопреки логике, диктуемой политической интригой, выводы комиссии взяли верх над единодушными выступлениями, и Залуцкий был признан единственным ответственным за аналогию. Подобное решение, странное с политической точки зрения, требует объяснения: совершенно очевидно, что не только Залуцкий сравнивал «устранение эбертистов» с отношением Центрального Комитета к Ленинградской партийной организации; аналогия, напоминающая о термидорианском перерождении, действительно имела хождение, но руководство партии не желало, чтобы она получила распространение. Наверху не хотели использовать аналогию как средство устрашения[86].

Третье замечание. Не слышен более, как то было в 1918 г., спокойный голос человека, подобного Лукину-Антонову, который выступил бы против слов, кажущихся руководству преувеличением, но произнесенных Залуцким, человеком благонамеренным по отношению к партии. На этот раз рассуждает не историк, а целый судейский корпус ведет дело: следователи, прокуроры, судьи (отсутствовали только защитники). И в самом деле, сначала частное письмо Леонова оглашается в Москве на узком заседании ответственных работников. Затем, сразу же после того как с ним ознакомилось руководство, была создана комиссия по расследованию, выполнявшая роль суда, когда перед ней предстал Залуцкий. Наконец, XIV съезд партии выглядит процессом над Залуцким: вместо того, чтобы предоставить аргументы, напоминающие, что речь идет о размышлениях над историческими событиями, ораторы с ожесточением обрушиваются на их автора, пытаясь представить его врагом партии. «Взгляды Залуцкого, преступные с точки зрения нашей партии»,— заявил Ворошилов[87]. Изложенное в письме Леонова «хуже аксельродовщины», восклицает Кабаков, делегат из Тулы[88]. «С такими вещами, как обвинение ЦК в термидорианстве, члены партии шутить не могут»,— заявляет Рыков[89]. На съезде стало известно, что после первого чтения письма, когда Залуцкий отказался говорить, поскольку «все уже сказано Леоновым», его поведение вызвало возмущение присутствующих[90].

«Возмущение» направлено против термидора, а не против

личности Залуцкого: это становится особенно очевидным, если рассмотреть поведение Залуцкого в ответ на неожиданный для него тон комиссии. Вначале Залуцкий не понимает, в чем его «преступление». Так, он предложил комиссии, занимавшейся расследованием его дела, написать брошюру, в которой аналогия с термидором получила бы развитие. Он удивлен, что его критика «вождей» и «теоретиков» партии воспринята как обвинение против ЦК. За кулисами он пытается получить одобрение некоторых членов ЦК, в частности Сталина. Но все объяснения напрасны: Сталин, Куйбышев и другие не реагируют на его оправдания[91]. Получив чрезвычайно холодный прием от своих товарищей, Залуцкий изменяет тактику. Так, он более не соглашается со всем тем, что говорил Леонову, и категорически отвергает все намеки на термидорианское перерождение, которые ему приписываются в письме. То, каким образом Залуцкий пытается обелить себя на съезде, прекрасно доказывает, что именно термидор представлял существо дела:

> «Если бы я приписал нашему ЦК, что он термидориански перерождается, у меня хватило бы революционного мужества... уйти из такого ЦК»[92].

Кроме того Залуцкий пытается доказать свою невиновность, отмежевываясь от тех, кто действительно был способен обвинить партию в термидорианстве. Нужно быть «сумасшедшим, мерзавцем или врагом нашей партии», чтобы говорить о перерождении Центрального Комитета, провозглашает он с трибуны.

> «Я уверен, что товарищи, знающие меня, не могут приписать мне качеств ни шкурника, ни карьериста»[93].

Употребляя подобные выражения для своего оправдания, Залуцкий выражает мнение, которое должно было бы сложиться у делегатов о человеке, заговорившем о перерождении ЦК. В период между 1921 и 1925 гг., когда об аналогиях умалчивали, большевики еще могли различать «мелкобуржуазное перерождение», угрожающее партии, и перерождение термидорианское, о котором говорили классовые враги. Теперь же, после того как по чрезвычайной наивности Залуцкий произнес слова, которые все из осторожности остерегались говорить, он тщетно доказывал свою невиновность: все его заявления о лояльном отношении к ЦК звучали для окружающих фальшиво[94]. Как только было произнесено слово «термидор» и производное от него «термидорианство», вся двусмысленность, которую термин «перерождение» давал возможность сохранить, исчезла[95].

Выступление Залуцкого на съезде вызвало практически единогласное осуждение За эту ошибку, по категорическому заявлению Рыкова, Залуцкого как минимум следует исключить из членов ЦК[96] Ярославский, секретарь ЦКК и идеолог партии, сказал еще резче: Ленин, мол, потребовал бы его исключения из ЦК[97]. Рыков утверждал, что использование аналогии как это сделал Залуцкий, является знаком, разоблачающим «исключительное паникерство»[98]

Четвертое замечание· Если бы требовалось только, чтобы Залуцкий покинул свой пост, Политбюро не нужно было бы слишком заботиться о выборе выражений для объяснения причин. Таким образом, факт, что существуют две разные формулировки резолюции, излагающей мотивы снятия Залуцкого можно объяснить стремлением безоговорочно положить конец распространению аналогии

Первая формулировка — для присутствовавших, среди которых было несколько представителей Ленинградской организации, в частности, Зиновьев и Евдокимов, и для членов ЦК — гласила:

> «Войти с предложением на пленум Губкома о снятии тов Залуцкого с работы ввиду ухудшившихся отношений у тов Залуцкого с ЦК *по вине т Залуцкого*»[99]

Вторая «смягченная» формулировка, в которой последние слова «по вине т Залуцкого» опущены, была принята Политбюро по предложению представителей Ленинградской организации и предназначалась для пленума Губкома и для рядовых членов партии Руководство партии пыталось возложить на Залуцкого и только на него одного ответственность за оскорбительные высказывания «Вожди» оппозиции также не хотели, чтобы его слова компрометировали Ленинградскую организацию Таким образом, перед аналогией вырвавшейся у Залуцкого, стирались противоречия, существовавшие между оппозиционерами, такими как Зиновьев или Евдокимов, и Политбюро

Очевидно, что Политбюро так же, как и руководители Ленинграда, хотели избежать затруднительных вопросов, которые могли возникнуть по поводу «вины» Залуцкого Вторая формулировка была равносильна запрещению давать какие бы то ни было разъяснения Во всяком случае, большевистские руководители Ленинграда именно так это поняли, поскольку на собрании секретарей первичных организаций они пресекали любые попытки прояснить вопрос о снятии Залуцкого Они выдвинули версию, согласно которой секретарь Ленинградской партийной организации ушел со своего поста по состоянию здоровья Затем, когда неудовлетворенные подобным ответом

секретари потребовали дополнительных разъяснений, ответственные товарищи попытались призвать их к порядку, напомнив что они должны полностью доверять руководству партии. В конце концов, когда это заявление потонуло среди возмущенных криков («Что мы, как стадо!»), заседание было закрыто[100]

Таким образом, из «дела Залуцкого» следует, что аналогия была неприемлемой, так как казалась угрожающей, особенно потому, что ее использовал такой человек, как Залуцкий В ответе Московского комитета партии на письмо конференции Ленинградской партийной организации, написанное в начале декабря 1925 г, объясняется, в чем заключается опасность·

> «В ответ на нашу резолюцию вы, товарищи, пишите что Ленинградская организация партии обвиняется нами в безверии в дело социалистического строительства Это неправда Обвинялась вовсе не Ленинградская организация обвинялись некоторые правда, влиятельные у вас товарищи
>
> За что был снят Ленинградским комитетом т Залуцкий, один из ваших руководителей? За то что он, поддавшись с рядом других товарищей эсэровско меньшевистской идеологии, обвинял ЦК партии в перерождении и в термидорианстве т е в политике восстановления буржуазных порядков Когда троцкистская оппозиция только намекнула на возможность перерождения нашего ЦК (Гэды и Вальяны) вся партия, и в первую очередь вы товарищи дали дружный отпор А теперь, после того, как т Залуцкий поднял прямое неслыханное, несуразнейшее обвинение против ЦК во много раз усилив намеки прежней оппозиции, по инициативе ваших руководителей выбирается т Залуцкий в награду за преступление против партии, на XIV партийный съезд»[101]

В 1925 г, в отличие от предыдущего периода, периода Лукина Антонова, почти не ссылаются на «обывательский и ненаучный характер» аналогии, но принимают меры, чтобы покончить с «ликвидаторским скептицизмом», который она означает

С другой стороны, «дело Залуцкого» выявляет две тенденции осознание действительности в рядах оппозиционеров с помощью аналогии и отказ от переосмысления настоящего путем сравнения его с прошлым

ГЛАВА VII

Был ли НЭП термидором?

В 1926—1927 гг. в рядах левой оппозиции шла дискуссия по вопросу: «является ли термидор свершившимся фактом?»

Троцкий считал, что позиции разделились «примерно так»: с одной стороны, группа Демократического централизма, или децисты [1], которая дошла до того, что утверждала: термидор уже свершившийся факт; с другой стороны, большевики-ленинцы, то есть те, кто разделял точку зрения самого Троцкого [2] и «категорически отвергал это утверждение» [3].

Если изучать данный вопрос в общих чертах, то действительно существовало два противоположных мнения, но при ближайшем рассмотрении отношение оппозиционеров к аналогии оказывается более сложным. По крайней мере два факта заставляют задуматься: наблюдается расхождение между тем, что оппозиционеры утверждали в устной форме, и тем, что было записано в их документах. Невозможно, исходя из платформ, изложенных в письменном виде, уловить разницу между двумя группами, на которую указывал Троцкий.

КОЛЕБАНИЯ СРЕДИ ОППОЗИЦИОНЕРОВ: СОВЕРШИЛСЯ ЛИ ТЕРМИДОР В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

В начале 1926 г., а именно после VI расширенного Пленума Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта), одобрившего решения XIV съезда ВКП(б) по вопросу о ленинградской оппозиции и одновременно осудившего ее сторонников — А. Маслова, Рут Фишер и К. Корша (аналогия была использована этими немецкими коммунистами). Будучи несогласны с

разгромом ленинградской оппозиции, они выражали свою озабоченность «оппортунистическим перерождением большевистской партии и Коммунистического интернационала» [4]. До сих пор в Германии только социал-демократы, в частности Каутский, анализируя политику большевистской партии, обращались к опыту Французской революции [5]. Теперь же оппозиционеры из рядов немецких коммунистов, хотя они и отмежевывались от социал-демократов, в конце концов обратились к тому же историческому примеру, что и их политические противники [6]. Таким образом, в апреле 1926 г., когда произошло первое сближение между Троцким, Каменевым и Зиновьевым с целью организовать единую оппозицию, уже создалась, благодаря веяниям из Германии и Коминтерна, благоприятная почва для аналогии с термидором [7]. Однако, как отмечает хорошо осведомленный Борис Суварин [8], эти три деятеля пока о ней не говорили, т. к. не пришли еще к «совпадению мнений о термидоре». Весной 1926 г., когда произошло объединение оппозиционных сил, не только вожди, но все те, кто без различия групп [redacted]ошли в «оппозиционный блок», избегали открыто говорить о [redacted]оих сомнениях по поводу возможного термидора. В подобных мыслях признавались во время частных разговоров, делая [redacted] смутные намеки на всевозможные исторические параллели ([redacted]789 г., 1848 г., II Интернационал) в кулуарах Коммунистической академии и во время собраний в узком кругу, где понизив голос говорили о «термидорианцах Сталина» или же о Ворошилове, напоминающем генерала Кавеньяка [9]. Есть много свидетельств, подтверждающих, что обвинения в «термидорианстве», выдвигаемые вполголоса против Сталина и его окружения, получали все большее распространение [10] и что «история термидора распространялась в широких кругах партии» [11].

В рядах оппозиции слово произносилось, но это было всего лишь внешним проявлением едва появившихся сомнений относительно русского термидора, ведь оппозиция открыто не использовала аналогию, не записывала ее на бумаге в подтверждение своих политических аргументов. Развитие событий на пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г. — прекрасное тому подтверждение.

На открытии пленума царила «тревожная» атмосфера, постоянно упоминалось слово «термидор» [12]. Однако, критические замечания, впервые сформулированные оппозицией в письменном виде в *Заявлении 13-ти* и представленные на этом пленуме, не содержали ни одного термина, который можно было бы использовать для обвинения оппозиции в том, что она говорит о термидоре [13]. Тем не менее речь идет о документе, который был в высшей степени «искренним», как скажет о нем Каменев несколько месяцев спустя:

«в этом официальном документе мы излагали обдуманно перед партией то, что мы действительно хотели сказать партии»

Троцкий, один если не единственный из авторов *Заявления*, выступая на пленуме, проявил чрезвычайную осторожность и ограничился тем, что еще раз указал на «бюрократическую опасность». Он даже смягчил свои слова в сравнении с 1923—1924 гг. и не использовал выражение «перерождение», заменив его на «бюрократические извращения партийного аппарата». И даже при упоминании дискуссии 1923 г. в *Заявлении 13-ти* не употребляется термин «перерождение», столь характерный для той эпохи[15]. Если в 1923 г. *Новый курс* признавал, что бюрократизация коснулась даже лучших большевиков, то *Заявление 13-ти* 1926 г. уже не содержит столь явных обвинений против партийного аппарата:

«Партийный аппарат в большинстве своем состоит из преданных и бескорыстных партийцев, у которых нет других побуждений, кроме борьбы за интересы рабочего класса»[16].

Именно отсутствие «правильного режима» мешает им претворять в жизнь демократию и рационально использовать свои способности. Известно однако, благодаря мемуарам Троцкого, что его мысли по поводу бюрократического перерождения уже созрели, и он считал, что термидорианская реакция уже началась в России и что Сталин был ее самым явным воплощением:

«Сталин ,— это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор, нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа»[17].

Таков был ответ Троцкого летом 1925 г. на вопрос Склянского о личности Сталина.

Но хотя оппозиционеры обязуются «со всей прямотой, отчетливостью и даже резкостью изложить свой взгляд», «ни о чем не умалчивая, ничего не затушевывая и не смягчая»[18], в *Заявлении 13-ти* нет ни одного слова, которое можно было бы понять как ссылку на Французскую революцию, упоминание о которой в кругах оппозиции звучит, однако, все чаще и чаще. Можно обнаружить лишь несколько выражений, подчеркивающих серьезность угрозы бюрократизма, таких как «бюрократизм чудовищно вырос в период после смерти Ленина», «бюрократизм жестоко бьет по рабочему», «бюрократический режим внедряется, как ржавчина». Вот все, что косвенным образом можно соотнести с закулисными слухами о термидоре. Несколько месяцев спустя на XV конференции, когда оппозиционерам нужно было публично выдвинуть обвинения против бюрократизма, они сделали еще шаг назад по сравнению с тем, что говорилось в *Заявлении 13-ти*. Не были даже использованы вышеназванные формулировки, и Угланов, представитель большинства на конференции, объяснил подобное поведение тем, что оппозиция «до конца не верила в собственные обвинения»[19].

Таким образом, с точки зрения употребленной терминологии большинство не могло найти в *Заявлении* ни одного предлога, чтобы обвинить оппозицию в том, что она увлеклась компрометирующими аналогиями. Заявления менее общего характера, чем *Заявление 13-ти,* и проекты резолюций, предложенные оппозицией, также не содержали опасных терминов. Конечно же, оппозиционеры позволяли себе выступать с жесткой критикой. Каменев, например, предостерегал об огромной опасности, состоящей в том, что Советы нижнего уровня может поглотить мелкая буржуазия, Осовский ставил под сомнение политику государства, не соответствующую интересам рабочего класса. Троцкий, защищаясь от приписанной ему мысли о «далеко не пролетарском государстве» в стенограмме июльского Пленума выправил эти слова, звучащие резко, на «далеко не *чисто пролетарское государство*»[20]. Но это практически все, в чем большинство могло упрекнуть оппозиционеров. И в отчетах о пленуме, появившихся в «Правде», либо во время, либо сразу после его работы, среди вопросов, поднятых оппозицией, не упоминается о «термидорианской опасности»[21]. Ничто не дает повода предположить, было ли что-либо сказано хотя бы вскользь о русском термидоре. В докладе Бухарина по итогам пленума едва можно уловить намек на «скептицизм» Залуцкого.

«Это непонимание есть точно так же один из образцов того *неверия в возможность социалистического строительства* в нашей стране, непонимание методов этого социалистического строительства, о котором с такой решительностью говорил наш XIV съезд»[22].

Бухарин перечисляет некоторые тезисы оппозиции о перерождении государственного аппарата, в частности, упоминает слова Каменева о Советах, поглощаемых мелкой буржуазией, подчеркивая, что эти тезисы «прекраснейшим образом совпадают со слухами, касающимися перерождения советской власти», но он ни слова не говорит о термидоре.

Обычно внимательная к аналогиям зарубежная пресса — «Bulletin Communiste» Суварина и «Социалистический вестник» — в материалах, посвященных июльскому Пленуму, также

не сообщает ни о каких следах термидора. Маловероятно, что Суварин или меньшевики не заметили подобного рода информацию, очевидно, на пленуме об этом не говорилось.

В начале октября 1926 г. меры, предпринятые Сталиным и ГПУ с целью дискредитировать оппозицию в глазах рабочих[23], привели к тому, что группа оппозиционеров, сторонников Сапронова[24], пришла к выводу, что партия бесповоротно переродилась и что «истинные революционеры» должны с ней порвать XV Конференция (26 октября — 3 ноября), на которой оппозиция была разбита, а ее деятельность квалифицирована как «социал-демократический уклон», а также VII расширенный Пленум исполкома Коминтерна, одобривший несколькими месяцами позже решения конференции, укрепил этих оппозиционеров в правильности своих выводов. Весной 1927 г. сапроновская группа распространила проект платформы, в котором расходилась с оппозицией Троцкого и Зиновьева, вменяя им в вину, что они хранили молчание во время самых бурных кампаний против оппозиции, а также *Заявление* от 16 октября 1926 г., которое «помогло фракции Сталина оказать оппортунистическое влияние на Коммунистический интернационал»[25]. Если верить Троцкому, критика этой группы в адрес ЦК сводилась к четкой формулировке: «Термидор — свершившийся факт». Что же касается самого Троцкого и его сторонников, то они не желали соглашаться с тем, что положение безвыходно, хотя и признавали, что опасность термидора реально существует. По их мнению, было еще возможно оздоровление партии, что предотвратило бы термидорианское перерождение.

Подобные разногласия между сторонниками Сапронова и троцкистами, казалось, могли бы привести если не к определению сущности термидора, то по крайней мере к использованию, наконец, этого термина. Но в *Заявлении 83* от 25 мая 1927 г. троцкисты предпочитают говорить не о «термидорианстве», а об «устряловщине».

> «Вся наша партийная политика страдает от курса направо. Если подготовляемый теперь новый удар налево, по оппозиции, будет нанесен, это окончательно развяжет руки правым, непролетарским и антипролетарским элементам, отчасти в нашей собственной партии, а главным образом — за ее пределами Удар по левым будет иметь своим неизбежным последствием торжество устряловщины. Такого удара по оппозиции давно требует Устрялов во имя неонэпа. Устрялов является наиболее последовательным, наиболее принципиальным и непримиримым врагом большевизма Самодовольные администраторы равняющиеся по начальству чиновники, мелкие буржуа, дорвавшиеся до командных постов и высокомерно глядящие на массу, все тверже чувствуют почву под ногами и все выше поднимают голову. Это все элементы неонэпа. За ними стоит устряловец-спец, а в следующем ряду нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика. Вот откуда надвигается подлинная опасность»[26].

Хотя в основе этого суждения о внутренней политике страны лежит аналогия с термидором, оппозиция все еще избегает открыто использовать ее. Кажется, что она в точности следует примеру условного употребления понятий, который ей подал Ленин на XI съезде.

Если проанализировать известные выступления Троцкого на заседании ЦКК в июне 1927 г. то окажется, что вначале он также следует стереотипу, предложенному Лениным. Так, в первой речи читаем:

> «Реальная опасность идет справа — не с правого крыла нашей партии, правое крыло партии является лишь передаточным механизмом, — настоящая опасность, коренная опасность, идет со стороны поднимающих голову буржуазных классов, идеологом которых является Устрялов, этот умный, дальновидный буржуа, к которому прислушивался и от которого предостерегал Ленин»[27].

Троцкий указывает, ссылаясь на слова самого Устрялова, что тот «определенно за Сталина» и что он выступает против оппозиции потому, что ее победа «будет бедою для страны»[28]. Таким образом мы видим, что выдвинуто то же скрытое обвинение в термидорианстве, что и в *Заявлении 83,* и при этом упоминается имя Устрялова. Однако в отличие от сказанного, в *Заявлении* Троцкий идет дальше и наглядно показывает, почему Устрялов поддерживает Сталина. Он приходит к единственному выводу, которого можно было ожидать: в ответ на свой собственный риторический вопрос: «Что он защищает вместе с вами?» (речь идет об Устрялове, этом «буржуа, который знает историю Великой французской буржуазии»), Троцкий, наконец, прибегает к аналогии.

Личность такого же политического масштаба, что и Ленин, Троцкий осмеливается переступить черту, но делает это с большой осмотрительностью. Не забудем, что он знает, перед кем выступает: перед очень узким кругом людей и то, что его слова будут записаны в стенограмме, предназначенной только для очень ограниченного пользования. Дабы смягчить впечатление шока от выступления, Троцкий прибегает к аналогии лишь после ссылки на Сольца, то есть на одного из своих судей из ЦКК, который также использовал сравнение с Французской революцией.

> «Тов. Сольц здесь присутствует, он лучше знает, что он говорил, и если я передам неправильно, он меня поправит (следует изложение беседы Сольца с Воробьевым). Я и говорю (Троцкий не хочет быть ни первым, ни единственным ответственным. — Т. К.), что нам нужно сейчас во что бы то ни стало подновить наши знания о Великой французской революции, — это абсолютно необходимо. (...) Во время Великой французской революции гильотинировали многих. И мы расстре-

ляли многих Но в Великой французской революции было две большие главы, одна шла так (показывает вверх), а другая этак (вниз) ( ) Когда глава шла так — вверх, французские якобинцы, тогдашние б ьшевики, гильотинировали роялистов и жирондистов И у нас та ая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, вместе с вами б ли расстрельщиками, — это когда расстреливали белогвардейцев и и рондистов, — мы были с вами расстрельщиками А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы — термидорианцы и бонапартисты — из правых якобинцев с ли ссылать и расстреливать левых якобинцев — тогдашних большев ков Я бы хотел, чтобы тов Сольц продумал свою аналогию до к ца и, прежде всего, себе самому сказал по какой главе Сольц соб рается нас расстреливать? (Шум в зале) Тут не надо шутить, резо люция дело серьезное Расстрелов никто из нас не пугается Мы все — старые революционеры Но надо знать, кого и по какой «главе» рас стреливать Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой гла ве А вот сейчас — ясно ли вы понимаете, тов Сольц, по какой главе собираетесь расстреливать? Я опасаюсь, тов Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т е термидорианской гла ве» [29]

Довольно-таки необычная речь: Троцкий не только называет термидор, но он уравнивает мелкобуржуазных якобинцев и пролетарских революционеров-большевиков. Он идентифицирует представляемую им оппозицию с группой Робеспьера, так как только она «отражала низовую революционную стихию тогдашнего времени». Тем самым Троцкий приписывает группе Робеспьера максимализм, который до сих пор оставался особенностью большевиков. Казалось, он забыл самое распространенное в партии положение о том, что у якобинцев в отличие от большевиков были враги слева, представлявшие революционную силу, идущую снизу. Он отказывается также от другого традиционно признанного положения, согласно которому термидорианцы были «отъявленными контр-революционерами» и впервые определяет их как «поправевших якобинцев» Таким образом большевистская концепция Французской революции оказывается серьезно подорванной. Тем не менее Троцкий далек от того, чтобы полностью ее разрушить. Во второй речи он утверждает как ни в чем не бывало, что различие между мелкобуржуазными якобинцами и пролетарскими большевиками является основной чертой, разделяющей две революции [30].

Выступления Троцкого перед ЦКК, аудиторией очень немногочисленной и подготовленной, тем не менее получило весьма широкий отклик, достаточный для того, чтобы руководители оппозиции в своих выступлениях, наконец, смогли говорить свободно. В *Платформе 13-ти,* политической программе большевиков-ленинцев (сторонников Троцкого) к XV съезду, датируемой июнем того же 1927 года, о термидорианской опас-

ности говорится напрямик во введении: «В этом (перечислены пункты — Т. К.) и состоит сейчас основа вопроса о «термидорианской опасности» и о борьбе с нею» [31].

Хотя слово и названо, чувствуются сильные колебания по поводу его применения: так, оно поставлено в кавычки, которые объясняются следующей тут же фразой:

«С тех пор, как Ленин сделал свое предупреждение, у нас многое улучшилось, но многое и ухудшилось» [32].

Определение опасности также в точности повторяет ленинское определение. «в нашем строе существуют враждебные силы — кулак, нэпман, бюрократ, использующие нашу отсталость и ошибки нашей политики и фактически опирающиеся при этом на весь международный капитализм» [33]. Авторитет Ленина оказался необходим, дабы избежать возможных упреков большинства, но также и для того, чтобы ободрить авторов *Платформы.* Они (а среди них был и Троцкий) более сдержаны в критике руководства партии, чем Троцкий, вышедший из себя на заседании ЦКК. Конечно, их критика категорична, когда они разоблачают «ленинский путь» и избранный Сталиным «путь устряловщины» и считают необходимым вернуться на путь, указанный Лениным; такое исправление политики, по их мнению, возможно, и еще не поздно осуществить его. Все же они не выступают ни против ЦК, ни против «правоуклонистских элементов» с тем пылом что и Троцкий. нет и намека на наличие термидорианцев в партии. С первых же страниц *Платформы* «буржуазным и устряловским элементам» предусмотрительно отводится место вне партии, и вместе с тем указывается на «консолидацию правоуклонистских элементов внутри партии» — утверждение значительно более сдержанное по сравнению с тем, о чем негодующе говорил Троцкий на заседании ЦКК:

«Этот запах «второй главы» бьет в нос. Запах второй главы есть устряловщина, которая пробивается уже через официальные учреждения нашей партии (следует понимать: «Правду».— Т. К) и которая разоружает революционный авангард пролетариата» [34].

В *Платформе* делается заключение о том, что, поднимая вопрос о термидорианской опасности, она ставит под сомнение лишь возможные последствия политики большинства, а не его намерения:

«Даже наиболее крайние представители правого крыла нашей партии убеждены, что соглашение с буржуазными элементами, на которое они готовы идти, нужно в интересах рабочих и крестьян Даже правая группа, представляющая открытую тенденцию к сползанию, не хочет термидора Тем более это относится к «центру», который ведет типичную политику иллюзий, самоутешения и самообмана» [35]

Так, обозначив угрожающую стране опасность как «термидорианскую», лица, подписавшие *Платформу,* чуть ли не извиняются: конечно, опасность существует, но центральные органы партии не стали термидорианскими. В этом-то и заключается смысл заявления, направленного по поводу «неслыханных обвинений», которые они позволили себе в *Платформе 13-ти.*

> «По вопросу о термидорианстве мы говорим: в стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу Мы не сомневаемся, что партия и пролетариат преодолеют эти силы при ленинской линии и внутрипартийной демократии Чего мы требуем, это — чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии более систематический твердый планомерный отпор Мы отвергаем мысль о том, что будто наша большевистская партия, ее ЦК и ЦКК стали термидорианскими»[3]

Оппозиционер, И. Н. Стуков, подписи которого под заявлением не было, тем не менее так же, как и подписавшие его, отреагировал на вопрос: «Обвиняете ли Вы ЦК в термидорианстве?». Он ответил представителю большинства И. А. Головешко: «Мы не обвиняем ЦК и никогда не обиняли его. *В стране назревает термидор»*[37].

Можно также привести некоторые выступления К. Радека, относящиеся, как и *Платформа 13-ти,* к лету 1927 г. Они составлены по той же схеме за исключением того факта, что каждый пункт обвинений, выдвинутых оппозицией против руководства партии, сопровождается у Радека определением «термидорианская тенденция», встречающимся тридцать два раза на восьми страницах машинописного текста[38]. Концессии и иностранные займы, развитие капиталистического сектора и кулачества, препятствия, чинимые участию рабочих в процессе производства, плохие условия жизни, допуск сменовеховцев и кулаков к работе в Советах, отсутствие партийной демократии — все это представлено как выражение «термидорианских тенденций», основными носителями которых являются мещане. К. Радек делает вывод, что эти тенденции лишь частично затронули партию, но зато они довлеют в государственном аппарате и среди руководителей советской экономики. В заключение он заявляет, что партия не переродилась и призывает поддержать лозунги оппозиционеров. Наконец, будучи последовательным он утверждает, что термидор еще не совершился.

В документах, предназначенных для узкого круга оппозиционеров, Радек использует термины «термидорианская опасность» и «термидорианская тенденция» более настойчиво, чем это делается в *Платформе 13-ти,* однако не отклоняясь от установки, данной оппозицией в этом доступном всем тексте. Однако он мог пойти и дальше: ведь по словам Троцкого он был

человеком «импульсивным», он вполне мог утверждать, что термидор уже совершился. Впрочем, он об этом неоднократно говорил во время дискуссий, устраиваемых оппозицией на протяжении всего 1927 г.[39]

Троцкисты не высказывали своих мыслей до конца, иначе им пришлось бы поставить под сомнение революционную власть — партию, и тем самым встать на сторону «классовых врагов»[40]. Они остановились перед непреодолимым порогом: переступить его означало бы порвать с партией, то есть покончить с собственным существованием в политической жизни. Именно для того, чтобы иметь право вернуться с повинной, они отказываются после XV съезда, который исключил их из партии (конец декабря 1927 г.), от всех ранее высказанных критических замечаний. Они по-прежнему привязаны к партии, единственной в их глазах организации, воплощающей их революционные идеалы.

Даже Х. Г. Раковский, у которого, казалось бы, разум торжествовал над верованиями, в конце концов не стал исключением[41]. Действительно, автор письма, озаглавленного «О причинах перерождения партии и государственного аппарата»[42], довольно-таки оригинально оценивает термидор, объясняя, что падение Робеспьера было следствием «опьянения властью» окружающих его якобинцев. Раковский не останавливается на самых известных причинах перерождения якобинцев — их стремлении к богатству, участии в подрядах, поставках и т. д., а ставит на первое место «постепенную ликвидацию выборного начала и замену его назначенством». Этот принцип, а также уничтожение всех левых элементов сыграли первостепенную роль в отчуждении Робеспьера и якобинского клуба от масс рабочих и мелкой буржуазии Принимая меры по замене выборных лиц, якобинцы лишь способствовали укреплению бюрократии и убивали инициативу народа. 10 термидора, когда раненого и окровавленного Робеспьера провезли по улицам Парижа, народные массы проявили полнейшее безразличие к судьбе вчерашнего диктатора.

> «Таким образом режим Робеспьера, — заключает Раковский, — вместо поднятия активности масс, активности, которую уже подавлял экономический и в частности продовольственный кризис, он только усугублял зло и способствовал работе антидемократических сил»[43]

В России пролетариат также подвергается большой опасности, т. к. он стал руководящим классом. Раковский уточняет, что здесь он имеет в виду «не объективные трудности, вытекающие из общей исторической обстановки: капиталистическое окружение извне и мелкобуржуазное окружение внутри стра-

ны, а те трудности, которые присущи всякому новому правящему классу, трудности, которые проистекают от захвата и применения самой власти, от умения или неумения пользоваться ею»[44].

Он явно приводит к общему знаменателю — «профессиональному риску» власти — преобразования в революционной Франции в 1794 г. и перемены, переживаемые советской властью в своей стране. В то же время он видит и различие между тем, что произошло во Франции, и русской революцией:

> «Это (политический индеферентизм масс — Т. К.) происходит по-моему от того, что вопрос сам по себе является новым. (...) Об упадочности в пролетариате в момент, когда у него в руках находится политическая власть, до сих пор мы не могли иметь примеров по той простой причине, что мы являемся первым случаем в истории, когда пролетариат удержался у власти в течение такого длительного периода времени»[45].

Замечание чрезвычайно проницательное, но оно тут же частично утрачивает проницательность, т. к. новизна ситуации дает Раковскому надежду на иной, чем во Франции исход. Кажется, он забывает, что опасности «проистекают от захвата и применения самой власти».

К тому же, он предлагает решения, противоречащие его собственному анализу и заявлению о том, что он считает «утопией всякую реформу партии, которая опиралась бы на партийную бюрократию», а именно: вместо политического механизма, обеспечивающего демократический противовес власти, что соответствовало бы логике его рассуждений, он предлагает «сократить объем и функции руководства партии». Противореча самому себе, он приписывает власти партии способности, которых ее лишает «профессионализм» власти, т. е. он также непоколебимо верит в нее, как и все большевики.

Таким образом, в глазах троцкистов пролетариат и его партия по-прежнему священны. Просто им угрожает перерождение, которое пока еще их окончательно не преобразило. Троцкисты не допускают, что опасность может быть непреодолимой. Во всяком случае, таков дух и смысл их выдержанных в осторожных выражениях платформ, документов и тезисов, которые они предлагают вниманию партии[46]. То, что они избегали употреблять термин «термидор», было для них еще и средством отличить свою собственную политическую мысль от «правды» классовых врагов. Ведь мнение противника должно было обязательно противоречить мнению его антагониста. Это положение, уже de facto включенное в партийные дискуссии, мешало значительному количеству оппозиционеров, размышляющих о

термидоре, раскрыть свои тайные мысли и признать важность слов, которые у них иногда вырывались.

> «Мы никогда не считали и не считаем, что наша партия или ее ЦК стали термидорианскими или что наше государство перестало быть рабочим государством.. Мы продолжаем утверждать и будем защищать тот взгляд, что наша партия как была, так и остается организацией авангарда пролетариата, а Советское государство — организацией диктатуры пролетариата»[47].

На XV съезде, когда сторонники Сталина обвинили оппозиционеров в том, что во время Октябрьских праздников они вышли на улицы Москвы, Ленинграда и других городов с лозунгами: «Долой термидор!»[48], именно это заявление было использовано ими для своей защиты.

Каменев снимает с оппозиции всякую ответственность за слова, не закрепленные в письменном виде. На все попытки большинства выявить в их платформе рассуждения, связанные с аналогией, оппозиционеры отвечают неприятием малейшего сопоставления с Устряловым.

В 1928 г. после полного краха надежд, которые они возлагали на XV съезд, некоторые троцкисты, такие как Ельцин, Нев, Белобородов, высказали и даже доверили бумаге мысль о том, что термидор свершился[49], после чего их причислили к сторонникам Сапронова и Смирнова.

«Сапроновцы» же имели репутацию самых левых в партии. Их экстремизм состоял будто бы в том, что в отличие от троцкистов они уже допускали существование термидорианской ситуации. *Платформа 15-ти* (июнь 1927 г.), подписанная Сапроновым, В. Смирновым, М. Смирновым, Обориным, Хоречко и другими, должна была заключать в себе, если верить высказывавшимся в их адрес подозрениям, четкую и решительную формулировку типа: «Термидор — свершившийся факт». Однако, как это ни странно, в тексте *Платформы* тщательно избегается термин «термидор», а также все производные от него (термидорианство, термидорианский и т. п.)[50]. Имя Устрялова упоминается для того, чтобы повторить вслед за Троцким, говорившем о том же на заседании ЦКК: «Устрялов уже сейчас приветствует Сталина за его борьбу с оппозицией»[51]. Однако само содержание *Платформы* подсказывает вывод, смысл которого близок к заключению о совершившемся термидоре. Неоднократно повторяется, что «пронизанный мелкобуржуазностью» ЦК проводит политику уступок мелкой буржуазии и что правящие верхи партии переродились. Проанализировав советскую действительность, подписавшие *Платформу* приходят к выводу:

« ЦК в своей политике зажима партии перешел уже ту границу, за которой начинается ликвидация партии и превращение ее в послушный аппарат государства» [52]

Мы встречаем в *Платформе* такие сильные выражения, как «полное извращение партийных и профессиональных функций» [53], «сталинская группа прибегла к явно фашистским методам борьбы» [54], в которых чувствуются сомнения по поводу существования партии. Хотя в этом документе эксплицитно не выражена мысль о том, что партию необходимо заменить на новую, судя по общему содержанию она присутствовала в умах составителей платформы [55].

Кроме того, когда в партийных брошюрах политические позиции оппозиционеров объяснялись широкой публике, в них различались сапроновцы и троцкисты, и утверждалось, что сапроновцы находили в Советском Союзе признаки уже свершившегося термидора. Однако в подтверждение подобных утверждений не находилось цитаты лучше, чем нижеследующая:

«Перед рабочим классом СССР стоит грандиозная задача восстановления диктатуры пролетариата путем устранения от власти враждебного ему класса мелкой буржуазии путем длительной классовой борьбы, путем новой пролетарской революции» [56].

В тех же брошюрах часто цитировались «обвинения», выдвинутые в *Платформе* против ГПУ, скатывающегося к контрреволюции, против Красной Армии, которой угрожало превращение в «удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба». Эти слова, столь же уклончивые, что и первая цитата, тем не менее использовались авторами брошюр, позволяя им утверждать, что сапроновцы считали термидор свершившимся фактом.

Таким образом, если судить по комментариям, появившимся в партийной прессе, на словах сапроновцы были явно смелы. Но в *Платформе 15-ти* в письменном виде они не связывали со всей ясностью слово «термидор» с критикой, высказанной в адрес руководства партии.

Причины подобного подбора слов те же, что и у троцкистов: не использовать выражения, свойственные классовым врагам, и не переступать черту, за которой придется оспаривать свое собственное существование в политике. Вот почему в последних строках *Платформы 15-ти* мы находим следующее противоречивое утверждение:

« все это (перечислены 7 пунктов — Т. К.) показывает, что нынешние руководители ЦК подходят к последним пределам сползания с пролетарских позиций. Это, конечно, не означает, что партия переродилась» [57].

Эти слова очень близки к тому, что говорили троцкисты, цитированные выше, и, действительно, между троцкистами и сапроновцами никогда не было существенных разногласий. Несмотря на критику в адрес троцкистско-зиновьевского блока за отсутствие политической линии и ясной тактики по отношению к руководству партии, т. е. к Сталину, и несмотря на различные точки зрения на термидор, Троцкий и другие руководители оппозиции отказались отмежеваться от Сапронова и его группы.

ПАРТИЙНОЕ БОЛЬШИНСТВО КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ АНАЛОГИЙ

Несмотря на все указанные выше колебания оппозиционеры в целом считали партийное большинство носителем термидорианства. Большинство должно было, следовательно, перейти в контрнаступление для борьбы со все усиливающимся нажимом аналогии. Однако ему было трудно действовать из-за колебаний в своих собственных рядах: ведь большевики далеко не были уверены в том, что у них нет ничего общего с якобинцами. Тем более тот факт, что они находятся у власти, ставил перед ними ряд проблем, которые они не могли обойти, просто-напросто утверждая, что речь идет о другой эпохе, другой революции и другом типе революции. С другой стороны, они понимали, что угроза термидора реально существует, а рост числа кулаков на селе и нэпманов в городе — порождение нэпа — никак не мог придать им бодрости. Во всяком случае, «призрак термидора» присутствует в размышлениях партийного большинства в достаточной степени, чтобы вовлечь его в широкую кампанию против аналогии; размах этой кампании оказался явно несоразмерен объекту, против которого она была направлена: несколько составленных оппозицией текстов, которые было трудно критиковать из-за отсутствия в них прямых упоминаний о термидоре, и недвусмысленные высказывания, изложенные только в устной форме перед довольно-таки ограниченным числом лиц.

Сначала, летом 1926 г., партийная верхушка делала вид, что ничего не происходит, прекрасно зная при этом, что распространяются сомнительные аналогии. «Дело Залуцкого» показало, что руководство партии предпочитало скорее скрыть «преступление» секретаря Ленинградской организации от простых членов партии, чем использовать его против оппозиции, т. к. оно боялось дать почву опасным сравнениям. Если на июльском Пленуме 1926 г. и после него, руководство продолжало мол-

чать, то это следует понимать как надежду на то, что аналогию еще можно было замять, поскольку она все еще не вышла из узкого круга строптивых руководителей. Молчание несколько нарушилось странным откликом в «Правде» на внезапную смерть Ф Дзержинского: газета опубликовала по этому случаю статью Бухарина под заголовком «Пролетарский якобинец», что звучало как завуалированный отпор всем тем, кто не был уверен в истинно якобинской, а не термидорианской природе центральных органов партии. В подтверждение своих слов Бухарин цитирует Ленина и напоминает угрожающим тоном, что «якобинцы были революционерами, которые с оружием в руках, прибегнув в безжалостному террору, сумели отразить наступление врагов контр-революционеров»[58].

И только осенью во время XV партконференции (26 октября — 3 ноября 1926 г.) широкая аудитория услышала, наконец, с высокой трибуны, что есть товарищи, обвиняющие партию в том, что «она встала на путь термидора». Открыл сосуд Пандоры Бухарин, проявивший себя с неожиданной стороны — язвительно насмешливым и раздраженным[59]. Внезапно, после недельной дискуссии, касавшейся вопросов первостепенной важности — международного положения, состояния экономики, профсоюзного движения, Бухарин заявил делегатам: до сих пор все только и делали, что ходили вокруг да около, тогда как вопрос о термидоре «предстает самым значительным вопросом, по которому возникают разногласия и который в конце концов решает дело»[60]. Вместе с тем Сталин, выступивший раньше Бухарина с официальным докладом по оппозиции, в котором как раз и шла речь об основных заблуждениях оппозиционеров, ни слова не сказал о термидоре. Ни один другой докладчик из его лагеря также ни словом о нем не обмолвился. Зиновьев, представлявший противоположный лагерь, говорил об «истинных и ложных разногласиях между партией и оппозиционерами» (и, следовательно, мог бы упомянуть о термидоре), но никоим образом не коснулся этого вопроса. Этот последний был вынесен на обсуждение так, как если бы особое право на ответ принадлежало только Бухарину. Возможно, это каким-то образом являлось подтверждением его компетентности в данной области, которую он доказал в 1925 г. во время полемики с Зиновьевым, различив термидорианцев «под маской революционности». По поводу выступлений оппозиционеров он сделал следующие наблюдения:

> «Прежде всего меня лично страшно поразило следующее обстоятельство Выступают один за другим Каменев, Троцкий и Зиновьев и просто-напросто держат себя так, как будто бы ничего особенного не случилось как будто бы были некоторые маленькие разногласия

> Эти разногласия теперь даже, по Каменеву, уменьшились до последних пределов, — заявление от известного числа ими дано, и больше ничего! Между тем необходимо прежде всего вспомнить, что было, с какой системой взглядов выступали названные товарищи и что проделала эта система взглядов внутри нашей партии внутри Коминтерна Об этом, о главном, об основном, о том, что в конце концов решает дело, они ничего не сказали Вот я и думаю, что на это необходимо прежде всего обратить внимание
>
> Всем известно что нас обвиняли в том, что наша партия стала на путь «термидора» Было это сказано оппозицией или нет? (Голоса «Было») Сказано об этом сейчас хоть одно слово? Нет, не сказано! Отказались они здесь от того, что у нас «термидорианская эпоха»? Ничего они об этом не сказали, как будто бы этого не было
>
> Сказаны ли были слова о Кавеньяках, о том, что мы душим пролетариат? Сказано это было или нет? Сказано! Радеком было сказано, Сапроновым, был сделан намек Преображенским, в широких партийных кругах эта история ходит Вышли ли с повинной головой представители оппозиции, заклеймили ли они эту фразеологию, которая была возмутительной и преступной с партийной точки зрения? (Аплодисменты) Об этом ни звука, ни слова!»[61]

Бухарин обрушивается на оппозиционеров и переадресует обвинение в термидорианстве, как, впрочем, он однажды уже сделал, авторам «этой возмутительной фразеологии». Он не обращается к письменным документам оппозиции, в которых все выражения взвешены, но цитирует ряд фраз, произнесенных то там, то здесь, в кулуарах или на заседаниях ответственных партработников:

«Сталин — могильщик революции», — запальчиво заявлял Троцкий;

«Наше государство — далеко не пролетарское государство», — осмелился заявить он в другой раз и сразу же помчался в секретариат, чтобы исправить ошибку;

«Политика нашей партии расходится с интересами широких трудящихся масс», — заявил Каменев в разгар дискуссии на одном из заседаний Политбюро[62]. Все это возмущает Бухарина, потому что оправдывается оппозиционерами как вырвавшиеся слова.

> «Теория «вырывания» вообще есть какая то своеобразная теория тактики оппозиции Это пустяки какие-то, разве можно этим оправдываться? Так можно от всего решительно отгородиться, если даже речь вырвалась, тогда все решительно может вырваться Так ставить вопрос нельзя Вовсе нельзя исходить из того, что «Кавеньяк» вырвался, «термидор» вырвался, «могильщики» вырвались, «кулацкий уклон» вырвался Не слишком ли много вырвалось? (Бурные продолжительные аплодисменты смех) А если бы даже все это вырвалось, то даже при том положении вся эта сумма вырвавшихся образует собой определенную политическую линию, и осью этой по

литической линии является такая оценка нашего положения, что мы экономически и политически перерождаемся» [63].

Вот, как бы говорит Бухарин, какие контрреволюционные мысли скрываются за лозунгами о термидоре; судите сами, где истинные термидорианцы, на стороне Сталина или же среди его противников. И Бухарин добавляет, чтобы заклеймить оппозиционеров:

«Если вы занимаетесь разлагающей проповедью о термидорианстве, о перерождении и пр. и всякую дрянь вокруг себя собираете, то вы объективно капитулируете перед буржуазией, как бы это странным ни казалось. (Голоса: «Правильно!») [64].

Бухарин не допускает, что «вырвавшиеся» слова могут быть случайными или метафоричными, он воспринимает их очень серьезно и превращает обвинение в термидорианском перерождении партии в «политическую линию оппозиции». Оскорбительные эпитеты («преступная», «лживая», «галиматья», «преступление против духа и буквы ленинизма») нагнетали чудовищность образа, который он пытался создать у слушателей.

Бухарин искажает пропорции, которые сама оппозиция хотела придать аналогии. То, что в документах оппозиционеров было лишь намеком, превратилось в речах Бухарина в «термидорианскую теорию» первостепенной важности, которую обошли молчанием все три вождя оппозиции — Троцкий, Каменев и Зиновьев. Бухарин так интерпретирует их выступления: ни слова не говорить о термидоре равносильно тому, чтобы поставить под сомнение пролетарский характер революции и усомниться в возможности построения социализма в одной стране. Он провокационно требует ответа на коренной вопрос:

«У нас спор идет относительно того, позволяют ли нам наши внутренние силы с полной уверенностью вести вперед дело социалистического строительства. Мы утверждаем — да! Мы можем построить социализм Поэтому мы представляем линию нэпа не только как отступление, но и как наступление. И когда мы говорим о текущем хозяйственном годе, мы все ощущаем действительный мышечный рост наших сил, потому что теперь переломный год Несмотря на трудности, которые мы имеем в нашей стране, несмотря на них, это есть год начавшегося еще более решительного наступления на капитал. Это выражается в индустриализации, в вытеснении частника из розничной торговли, это выражается в его зажиме тарифами; это выражается в том, что он кинулся в сферу кустарного ремесла, это выражается в укреплении кредитной системы; это выражается, наконец, в растущей мощи социалистических элементов нашего хозяйства. Что тут похожего на термидор? И мне кажется, вся партия вправе поставить в укор товарищам из оппозиции. скажите, вы остаетесь при прежнем решении и при прежних взглядах о термидоре, или вы осуждаете их? Нам смешно, когда т. Каменев выходит и блох давит: маленькие практические разногласия. (Аплодисменты). Мы должны сейчас сказать. «Не давите блох, *а ответьте на эти коренные вопросы*. проповедуете ли вы, что мы гнием на корню, или согласны, что мы маршируем вперед?». Вот как стоит вопрос Это коренной вопрос, и на этот вопрос мы отвечаем: мы идем вперед, мы будем идти вперед и победим, несмотря на пророчество о термидоре, вопреки ему и против него». (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты Овация всего зала) [65].

Эти слова, как мы видим, были встречены овацией. Однако выступавшие после Бухарина не подхватили его возмущенный тон по поводу термидора. Редко кто произносил это слово, зато каждый настаивал на неприемлемости сомнений относительно возможности строительства социализма в России без помощи других революций. Настойчивость, с которой это повторялось, была равносильна упреку оппозиции в употреблении аналогии, тем более, что выступления следовали за речью Бухарина, который практически свел размышления оппозиционеров о термидоре к пораженчеству.

Резолюция, принятая XV конференцией, также обошла этот пункт молчанием: в ней оппозиция осуждалась за «упадочнические взгляды», и «вырвавшиеся слова» о термидоре ей в вину не вменялись [66]. Да и сам Бухарин не сохранил верность своим словам; через четыре дня после XV конференции в более спокойном и дидактическом тоне он изложил всей стране аргументы против аналогии. В статье «На пороге десятого года» [67], посвященной годовщине Октябрьской революции, он объяснял миллионам читателей, что якобинцы при помощи «самого великолепного орудия — «террора» разрушили феодализм. Но будучи представителями мелкой буржуазии, они не смогли удержать власть, т. е. по законам истории высший хозяйственный принцип представляла крупная буржуазия. Таким образом экономическое развитие предопределило гибель Робеспьера. В отличие от Французской революции, продолжал Бухарин, в результате Октябрьской революции к власти пришел пролетариат, которому не дано пасть, поскольку он является носителем наивысших хозяйственных принципов, диктуемых ходом Истории. Пролетариат имеет оружие, неизвестное в буржуазном мире: власть, сосредоточенную только в его руках, плановую государственную экономику и энтузиазм масс, постоянно выдвигающих своих собственных руководителей. Следовательно, те, кто говорит о термидоре, «не видят всей бездонной глупости в самом сердце аналогии». Они выносят приговор делу пролетариата, предсказывая его поражение, из-за «простого суеверия и боязни цифры 9», по поводу чего Бухарин иронизирует:

«9 — роковое число: трижды три — девять. 9 — число мистическое: на девятом месяце рождается человек. 9 — число историческое: девятого термидора пала диктатура Робеспьера. Разве не «вытекает» отсюда, что девятый год был годом нашего термидора?»

Читая статью, с удивлением констатируешь, что ни серьезные аргументы, ни шутки Бухарина не имеют точного адресата внутри страны; совершенно очевидно, что он обращается к тем, кто «разоблачает термидор» за границей, т. к. он называет Алданова, Устрялова, газеты «Руль» и «Соцвестник», а также цитирует Мартова. Но из его статьи неясно, повторяет ли кто-нибудь в России их «недостойную болтовню». «Люди, потерявшие из-за страха разум», — таков нарисованный в статье групповой портрет, характеризующий тех, кто использует этот термин. Читатели «Правды», конечно же, не могли догадаться, если только они не получали информацию из других источников, что оппозиционеры-большевики также входили в число «людей», позволявших себе «разглагольствовать» по поводу термидора. Таким образом, в отличие от того, что он говорил на XV конференции, Бухарин проявил осмотрительность: по разному обратился к узкому кругу делегатов и огромным массам. По-видимому, он предпочитал не выносить сор из избы.

В публикациях, разъяснявших рабочим, как это было принято, постановления конференций и съездов партии, также не упоминается о «главном вопросе, по которому возникают разногласия и который в конце концов решает дело». Так, например, в брошюре «Куда идет оппозиция?» Ф. Леонов по крайней мере трижды[68] подходит к тому, чтобы по всей логике сообщить читателю, что оппозиция «виновна» в использовании аналогии с термидором, но он ограничивается тем, что говорит: «Оппозиция не верит в строительство социализма. (...) Отсюда и проистекают у оппозиции обвинения партии в бюрократизме, в перерождении, в кулацком уклоне и т. д.»[69].

Подобное затишье после страстного выступления Бухарина на XV конференции, а также полное молчание по поводу термидора, соблюдавшееся оппозицией в течение всей конференции, знаменательно. Как руководство партии, так и руководство оппозиции продолжают, как и в 1925 г. в «деле Залуцкого», предпринимать все возможное, чтобы разговоры о термидоре не вышли за пределы руководящих кругов. Руководство партии, в том числе и Бухарин, исключает как представляющий опасность термин *термидор* из официально употребляемого словаря, предназначенного для критики «оппозиционного блока». Со своей стороны, руководство оппозиции считает этот термин подозрительным (ведь у него враждебное происхождение) и запрещает себе использовать аналогию в полной мере.

Бухарин не смог — действительно ли он этого хотел? — положить конец взаимным недомолвкам. Однако он, вероятно, оказал влияние на Сталина и подбодрил его, поскольку месяц спустя тот дал зеленый свет кампании, направленной на то, чтобы запугать оппозицию, открыто, публично вменяя ей в вину аналогию. Момент выдался благоприятный. Действительно, до XV конференции для большинства было рисковано вести наступление на оппозицию в вопросе о термидоре, т. е. оппозиционеры могли ответить речами более определенными, чем всевозможные намеки. Во время яростной полемики, проходившей с июля по октябрь, слово «термидор» оставалось словом-табу как для оппозиции, так и для партийного большинства. В *Заявлении от 16 октября* оппозиционеры никоим образом не продолжили свои еле внятные обвинения в «термидорианстве». Они промолчали и на XV конференции, хотя Бухарин и провоцировал их. На VII расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна поведение оппозиции позволило Сталину сделать следующие выводы:

«Надо признать и, признав это, надо подчеркнуть, что оппозиция не решилась повторить свои обвинения против партии на XV конференции ВКП(б). (...) . От старых обвинений в оппортунизме, в термидорианстве . не осталось и следа . Если принять, кроме того, во внимание . что целый ряд делегатов обратился к оппозиции с вопросом о старых обвинениях, а оппозиция продолжала на этот счет упорно молчать, то нельзя не признать, что оппозиция отказалась на деле от своих старых обвинений против партии»[70].

Предшествующее конференции молчание оппозиции и молчание, хранимое ею в ответ на провокационные заявления Бухарина, дали возможность Сталину публично заявить об отказе оппозиционеров от своих слов: руководство партии окрепло после этой пробы сил, к которой оно стремилось и от которой уклонились оппозиционеры, отныне партийное руководство могло развязать общее решительное наступление на оппозицию.

Сталин выступил перед делегатами Коминтерна с обстоятельным докладом о социал-демократическом уклоне в большевистской партии. Говоря о практическом проявлении разногласий между большинством и оппозицией, он отметил, что оппозиция начала свою работу с того, что выставила против партии величайшие обвинения. По словам Сталина, оппозиция, начиная с июльского Пленума, утверждала в устной и письменной форме, что партия-де «сползает на рельсы оппортунизма», что «политика партии идет вразрез с классовой линией революции» и что «партия перерождается и идет к термидору»[71]. С полной уверенностью в справедливости своих слов Сталин приписывает оппозиционерам обвинения против партии, которые те всегда опасались высказывать, особенно в публичных выступлениях.

Во время дискуссии, последовавшей за докладом Сталина, Бухарин еще сильнее подчеркнул серьезность «преступления» оппозиции, упирая на особо важную теоретическую значимость аналогии с термидором.

« товарищи, отстаивавшие эту теорию, разумеется, совершенно умалчивают о том, что они ревизуют основы экономического учения марксизма ( ) Термидор победил, и должен был победить во время Великой французской революции потому, что у крупно-капиталистической буржуазии в руках были более крупные экономические корни, она была представителем крупного производства, а диктатура якобинцев отстаивала интересы мелкого производства И это противоречие между великой революционной политической ролью мелкой буржуазии и ее мелко производственными идеалами неизбежно должно было привести к победе крупной буржуазии, так как пролетариат в ту пору не был еще развит и не мог выступать в качестве самостоятельной и руководящей революционной силы А как обстоит дело у нас? Поясните мне это, пожалуиста, товарищи, болтающие о «термидоре»! Объясните мне, пожалуйста, на чьей стороне самый прогрессивный экономический принцип? Абсолютно нелепо, экономически неграмотно, толковать у нас о «термидоре»» [72]

Вслед за Сталиным и Бухариным многие выступавшие подчеркнули серьезность заявлений оппозиционеров о термидоре. Так, Жак Дорио, бывший в то время одним из руководителей ФКП, не видел «ничего интересного и важного в троцкистской платформе», которую, как ему кажется, «рабочие уже отвергли». Он сожалел, что не слышны голоса вождей оппозиции в обсуждении действительно существенных вопросов.

«И в самом деле они ничего не сказали нам о поднятых вопросах, о термидоре в России, об исчезновении диктатуры пролетариата, о линии кулачества» [73]

Итальянский делегат Пальмиро Тольятти (Эрколи) считал, что «в международном плане оппозиция, упуская из вида генеральную перспективу революции и недостаточно веря в революцию, серьезно запуталась в своих обвинениях в термидорианстве» [74].

Мануильский утверждал, что в вопросе о термидоре оппозиция подхватила лозунги социал-демократов

«Мы не термидорианцы Термидорианцы те, кто, как вы слышите, говорят с социал-демократическим акцентом Коммунистический интернационал будет относиться к этим людям так, как они того заслуживают» [75].

На следующий день руководитель немецких коммунистов Эрнст Тельман отождествлял термидор и пораженчество·

«Перспектива, развернутая товарищами Бухариным и Сталиным, есть единственно верная революционная перспектива Точка зрения оппозиции, напротив, это перспектива термидора ( ) Вот что называется пораженчеством и капитулянством» [76]

Таким образом, на VII расширенном Пленуме ИККИ пламенные речи против оппозиции положили конец замалчиванию термидора. Конечно же, Каменев категорически заявил, что у оппозиции не было ничего общего с Устряловым и что, напротив, Устрялов аплодировал Сталину. Тем не менее, в резолюции, принятой единогласно, впервые упоминалось «тягчайшее обвинение», выдвинутое оппозицией против партии. Оно заключалось в

«неверной оценке нэпа, как систематического отступления неверной оценке госпредприятий и всей экономики в СССР, преувеличении кулацкой опасности, непонимании путей социалистического развития в деревне, неверной оценке характера государственной власти и, наконец, в утверждении о перерождении пролетарской диктатуры и ВКП(б) вплоть до возмутительных и стоящих на грани контрреволюции разговоров о термидоре Всеми этими насквозь неверными и прямо клеветническими утверждениями оппозиция в ВКП(б) оказывает объективно поддержку врагам пролетарской диктатуры и ренегатам коммунизма » [77]

Комментируя выступление Троцкого, «Правда» от 10 декабря называет вещи своими именами:

«О чем молчал тов Троцкий? О чем т Троцкий не посмел обмолвиться ни единым звуком, держа полуторачасовую речь перед лучшими людьми международного коммунизма? Тов Троцкий не осмелился повторить зловонную и безвкусную ложь о «термидоре», которая ведь до сих пор продолжает гнить в «принципиальном» багаже оппозиции» [78]

Итак, термин «термидор» появился в спорах и стал произноситься высшим руководством партии. Наконец-то решились открыто использовать его против оппозиции. После того как VII расширенный Пленум ИККИ подтвердил, что соотношение сил — в пользу большинства, термин «термидор», до сих пор ужасавший и раздражавший большинство, отныне мог ему послужить: действительно, разве нельзя было вменявшийся в вину оппозиции и легко лишавшийся своего содержания [79] термин преобразовать в мощное средство легитимизации власти?

Глава VIII

Борьба с аналогией разворачивается

Ранее мы следили скорее за перипетиями, вызванными употреблением слова, чем за именениями его смысла. Среди оппозиционеров, не использовавших его открыто и опасавшихся четко сформулировать свои предположения, аналогия с термидором оставалась смутным намеком. Представители большинства считали себя вправе квалифицировать эту аналогию как «шумиху», «булавочные уколы» и «суеверное шушуканье»; они тщательно избегали термин или же использовали его как «пугало». Так же, как и оппозиционеры, партийное большинство старалось подменить слово вместо того, чтобы разъяснить, что оно означало.

С 1927 г. история аналогии принимает новый оборот: разоблачить смысл, вкладываемый оппозицией в это «ужасное слово», одновременно разъясняя его «классовое содержание», — вот насущная, не терпящая отлагательств задача, которая стоит перед партийным большинством; и это постоянно подчеркивается в официальных публикациях. В них многократно повторяется, что «в термидоре в один узел стянуты все разногласия оппозиции с партией»[1]. Рыков даже сказал, что «остальные видимые разногласия менее значительные»[2]. И он привел в качестве примера ни больше ни меньше как всеобщую забастовку в Англии и китайскую революцию, события первостепенной важности, по которым шла ожесточенная дискуссия. Позиция, занятая руководством ВКП(б), была расценена левым международным коммунистическим движением как оппортунистическая. Объяснить рядовым членам партии, что такое термидор, становилось тем более неотложной задачей, что в июне 1927 г. на заседании ЦКК Троцкий «бросил перчатку» и впервые предоставил возможность большинству перейти в наступление на оппозицию за обращение к аналогии. «Восходящая и нисходя-

щая» Французской революции, столь образно им описанные, уже не могли в тот момент изгладиться из памяти его противников: разве Сталин и Бухарин прозрачно не намекали на гласность в этом деле на VII расширенном Пленуме ИККИ? Кроме того, с июня 1927 г. внутри страны получают распространение платформы троцкистов и сапроновцев, где сам термин избегается, но содержание его эксплицитно присутствует, а голоса, раздающиеся за рубежом, становятся все более настойчивыми[3].

Наступление организуется по двум направлениям: политическому и «научному». В выступлениях, во множестве полемических статей и брошюр, написанных партийными журналистами совместно с историками[4], приводятся аргументы с целью доказать общность взглядов оппозиции с одной стороны, и меньшевиков, сменовеховцев и буржуазии — с другой. В то же время историки вне политической полемики пытаются в своих исследованиях дискредитировать аналогию в научном плане.

ИНИЦИАТИВА СТОРОННИКОВ БУХАРИНА

Три молодых журналиста-историка из окружения Бухарина первыми поставили свои перья на службу новой цели Александр Слепков, Дмитрий Марецкий и Александр Зайцев[5]. Все трое принадлежали к так называемой «бухаринской школе», то есть были из числа бывших учеников Бухарина в Институте красной профессуры, которая славилась своими интеллектуальными и литературными талантами и которой принадлежала идеологическая власть над органами печати и пропаганды с 1924 по 1928 гг.[6] Историк Александр Слепков вместе с Бухариным руководил журналом «Большевик», органом ЦК ВКП(б), Дмитрий Марецкий, специалист по истории экономики, и журналист Александр Зайцев постоянно сотрудничали с различными партийными периодическими изданиями. В начале 1928 г. все трое стали редакторами «Правды». Таким образом, лучшие идеологи партии приложили усилия к тому, чтобы перевести слухи о термидоре на интеллектуальный уровень, дабы успешнее контратаковать оппозицию.

В книге «Оппозиционный неоменьшевизм» Слепков разбирает *Платформу 15-ти*. Автор приводит массу цитат из этого документа оппозиции, рассматривая его как совершенное выражение концепции, совпадающей с «меньшевистскими теориями термидора». Однако, в *Платформе* ни разу не упоминается о *термидоре*. Таким образом, цель Слепкова состоит в том, чтобы приклеить этот ярлык ко всем критическим замечаниям оппозиции, выявленным в документе. Анализируя текст *Платформы*, он дает читателям точные ссылки с указанием страницы цити-

руемого источника, но в заключении, где сапроновцы обвиняются в том, что именно они являются авторами «теории термидора», не приводится ни одной цитаты, поскольку термина «термидор» нет в тексте *Платформы*. Вот один из примеров используемых им приемов, где он сам выделяет фразы курсивом, ставит кавычки и указывает номера страниц:

> «Политика ЦК в области промышленности... проникнута мелкобуржуазными уклонами» (стр. 13). «Вслед за *явно выраженным мелкобуржуазным уклоном* в области промышленной политики усиливается *кулацкий уклон* в деревенской политике» (стр. 33).
>
> «Идет развертывание *крестьянско-кулацкой демократии*» (ст. 37). «Внутрипартийный режим приводит к *перерождению верхушки партии и грозит ликвидировать партию, как авангард пролетариата*». «... все это показывает, что нынешние руководители ЦК *подходят к последним пределам сползания с пролетарских рельсов*» (стр. 82). «Идет *быстрый процесс перерождения ее* (партии) *верхушки*» (стр 48). «Бюрократизация партии, *перерождение* ее правящих верхов.. показывает что ЦК в своей политике зажима партии *перешел уже ту грани* за которой начинается *ликвидация партии*» (стр. 56).
>
> «Страшные слова» найдены. Уже «перейдена граница», уже происходит «ликвидация партии»; «верхушка» (Центральный комитет) «переродилась». «Термидор» идет! — оппозиционный прогноз торжествует! И платформа Сапронова-Смирнова раскрывает нам весь механизм пресловутого «отермидоривания»» [7].

Поскольку термин *термидор* отсутствует в *Платформе,* Слепков не может уточнить, где его можно найти в тексте, что не мешает ему, однако, вменить употребление термина в вину оппозиции. Например, он цитирует следующее высказывание:

> «Продолжение этой политики (политики ЦК) грозит тем, что власть диктатуры пролетариата, *все больше и больше отрываясь от породившего ее класса* и в то же время не выражая полностью интересов какого-либо другого класса, превратится в надклассовую (стр. 46) [8].

И делает вывод о том, что теория государства как надклассовой категории служит для оппозиции аргументом, подтверждающим отермидоривание. За словами *Платформы* об опасности Слепков видит стремление доказать непролетарский характер Советского государства. Еще пример. В *Платформе* написано, что «Красной армии *грозит* (подчеркнуто мною. — Т. К.) превратиться в удобное орудие для успешного осуществления бонапартистских авантюр». Слепков оставляет без внимания гипотетический характер этой фразы и обвиняет группу 15-ти в клевете. Таким образом, там, где оппозиция выявляла всего лишь тенденцию, Слепков усматривал законченное утверждение. Использование подобных приемов привело к тому, что в последней главе автор книги перечислил составляющие

термидора в соответствии со взглядами, которые он приписывал оппозиции: 1) непролетарский характер государства; 2) перерождение верхушки партии; 3) мелкобуржуазный уклон; 4) разложение советов; 5) ГПУ против рабочих; 6) Красная армия — орудие бонапартистского переворота. Тем самым он представляет нам свое собственное понимание термидора, которое сводится к часто употребляемым в партии формулировкам, сходным с заклинанием злых духов. Слепков делает вывод, что сравнения с Французской революцией «просто-напросто глупы» [9].

Все же Слепков считает себя обязанным выдвинуть пусть даже хотя бы минимум «обоснованных» положений. Он использует те же аргументы, что и Бухарин в статье «На пороге десятого года», но добавляет несколько крепких слов и ставит вопросы, которые должны, как ему кажется, привести оппозицию в замешательство:

> «Может быть потому рвет и мечет против СССР международная буржуазия, что в нем ЦК ведет «кулацкую политику»? (. .) Уж не потому ли грозят нам мечом Чемберлены, что мы «сползаем с классовых рельсов», что «упраздняем советы», «катимся к термидору»? Уж не тем ли объясняется истерический визг социал-негодяев из «Форвертс», всех кровавых собак международной социал-демократии, что «ГПУ сходит с позиций обороны пролетарской революции?» Уже не потому ли неистовствуют темные силы всемирной реакции, завывает белогвардейская эмигрантская пресса, что «ЦК» собирается «ликвидировать большевистскую партию»? [10].

Затем он заявляет, что *Платформа 15-ти* является лишь махрово меньшевистским пасквилем на Центральный Комитет» [11].

В книге Слепкова мы сталкиваемся с двумя тактиками по отношению к термидору: с одной стороны, возмущение и высказанный в ироническом и оскорбительном тоне отказ заниматься критикой «того, что уже тысячу раз было опровергнуто», и с другой — стремление не оставлять аналогию без контр-аргументов «научного» типа. Слепков считает нужным высказать по крайне мере «три элементарных замечания»: 1) гегемония мелкой буржуазии во Франции не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата в СССР; 2) невозможно говорить о перерождении там, где столь очевидны успехи экономического развития; 3) враждебность, проявляемая международной буржуазией по отношению к Советскому Союзу, служит доказательством тому, что термидор здесь никогда не совершался.

Д. Марецкому кажется недостаточным отбросить любое сравнение как «глупое» или «возмутительное». Он пишет длинную статью, которая опубликована «Правдой» под названием

«Так называемый «термидор» и опасность перерождения»[14]. Затем выпускает одноименную брошюру, в которой ироничные замечания и возмущение соседствуют с большим количеством тщательно продуманных возражений. Изложенные на сорока восьми страницах они имеют бóльший вес, чем восемь страниц последней главы книги Слепкова. В отличие от Слепкова Марецкий считает, что обвинения, выдвинутые Троцким против ЦК, «заслуживают большого внимания»[13]. Он неоднократно подчеркивает значение термидора в конфликте между партией и оппозицией: «Это обвинение лучше, чем что-либо другое свидетельствует о глубине и критическом состоянии разногласий»[14].

Подняв аналогию с термидором до уровня ключевых вопросов, он подвергает ее сравнительному анализу. Рассмотрев этапы Французской революции, которой, как ему представляется, руководила мелкая буржуазия (что совпадает с мнением Бухарина), он заключает, что выиграла ее крупная буржуазия. Причиной этого была непоследовательная политика в отношении народных масс, проводимая революционерами из среды мелкой буржуазии. В итоге: две революции не имеют ничего общего за исключением нескольких чисто формальных признаков (распад общественных отношений, обострение классовой борьбы, движение масс, революционная диктатура, террор, ускорение развития событий и т. д.).

> «Наша революция по сравнению с Великой французской революцией — коренным образом другая Она происходит в другую эпоху ее движущие силы другие; классы другие, по-другому расположенные международная обстановка другая, опасности, трудности, противоречия должны быть и являются другими О «термидоре», копирующем непосредственно французский термидор, не может быть и речи»[15].

Затем он переходит к тому, что он сам называет «сравнением соотносительным»: если Октябрьская революция не копирует Французскую революцию, возможно, она ее чем-то напоминает? Может быть, сомнения по поводу термидора законны, если можно подтвердить их, учитывая все различия эпох и обстановки, какими-нибудь фактами, позволяющими сопоставить эти две революции? Выдвинув такое, по его мнению, исходно неверное предположение, Марецкий тем не менее начинает приводить доказательства, которые могли бы опровергнуть идею о неизбежном повторении истории. Он развивает четыре контраргумента: термидор нельзя рассматривать ни как поражение ни как эволюцию; термидор также не является перерождением а расстановку политических сил в 1794 г. нельзя свести к той, которая сложилась в Коммунистической партии в СССР в 1927 г. Марецкий считает, что «говорить, что всякое поражение революции есть термидор, значит вещать глубокомысленную «истину»: поражение есть поражение»[16]. Мысль о постепенном по-

ражении эволюционным путем, по его мнению противоречит историческим фактам и их марксистскому истолкованию.

> «Исторический термидор ничего общего не имеет со слащаво-вегетарианским устряловско-оппозиционным описанием На самом деле 9 термидора и события, ему предшествовавшие и следовавшие за ним, были событиями ожесточенной классовой борьбы и борьбы партий На самом деле 9 термидора было отнюдь не мирным, но весьма и весьма «драматическим», кровавым актом буржуазной контрреволюции против мелкобуржуазной диктатуры»[17].

Марецкий не отрицает угрозы перерождения, существующей Советской России, но считает, что она связана с ростом производительных сил (кулачества и частного капитала), между тем как причиной, породившей термидор во Франции, был хозяйственный упадок, чего, по его мнению, достаточно, чтобы понять разницу. Однако, Марецкий делает парадоксальное замечание: термидор во Франции представлял собой не перерождение, что бы ни думали по этому поводу, а фактор прогресса. Когда поднимается вопрос о перерождении пролетариата, думают, что руководящие кадры обуял буржуазный дух и что под этим следует понимать экономический регресс, поскольку общество от высшей хозяйственной организации (социалистической) переходит к другой, низшей (буржуазной). В термидорианскую же эпоху, напротив, перерождение означало переход от низшей хозяйственной организации (мелкобуржуазной) к другой, высшей (капиталистической). Что касается четвертого контраргумента, то подведя читателя к мысли о том, что сама оппозиция состоит из термидорианцев, Марецкий опровергает идею советского термидора. Ведь отождествляя себя с французскими левыми, оппозиция должна также признать, что некоторые парижские секции, секция гравильеров например,— впрочем, одна из самых радикальных, поддержали термидорианский Конвент против Робеспьера. Марецкий делает вывод о том, что «все аналогии оказываются вздорными, нелепыми, безграмотными с марксистской точки зрения»[18]. Он полагает, что есть только один путь, пойдя по которому можно придать аналогии смысл: присоединиться к меньшевикам, поскольку они упорно настаивают на незрелости русского пролетариата и, следовательно, на буржуазном характере Октябрьской революции; только при этом условии пролетариат Советского Союза будет обречен, как некогда якобинцы, проложить дорогу буржуазии, т. е. окажется в термидорианском тупике.

> «Иного выхода нет для оппозиции: или большевизм или меньшевизм! (...) Или прав Мартов — тогда да здравствует «термидорианская» аналогия; или прав Ленин — тогда к черту меньшевистскую аналогию»[19].

Удивителен все-таки финал статьи: автору понадобилось несколько десятков страниц, чтобы доказать то, что доказательства не требовало. В самом деле, было хорошо известно, что именно меньшевики являлись авторами аналогии, и совсем не обязательно было выстраивать длинную цепочку доказательств, чтобы подкрепить совершенно очевидные обвинения в меньшевистском уклоне. Уже Слепков, как мы видели не хотел отвергать аналогию только из-за ее классового происхождения или сосредоточиваться только лишь на ее соотношении с меньшевистской концепцией Октябрьской революции. Ему нужен был минимум более серьезных доказательств, относящихся к «нашей» области. Марецкому же понадобилась целая система исторических и теоретических аргументов. Однако, в конце брошюры он совсем не использует их, т. к. упреки, высказываемые им в адрес оппозиции, не являются ни справедливыми, ни логичными, т. к. он клеймит оппозицию за то, что она следовала меньшевистской логике.

Стоит, может быть, предположить, что существовало две отдельно взятые задачи, хотя и смешавшиеся в умах учеников Бухарина, которые преследовали политические цели, воспользовавшись неожиданной счастливой возможностью, предоставленной им Троцким. С одной стороны, они должны были заклеймить поведение оппозиционеров, которые, говоря о термидоре, вставали, хотели они того или нет, на сторону меньшевиков. С другой стороны, в глазах большинства аналогия, по-видимому, являлась вопросом, требующим исчерпывающего ответа, чтобы придать уверенности и себе и своим собственным сторонникам, что значительно важнее, чем убеждать кого бы то ни было.

А. Зайцев, третий ученик Бухарина, блестяще подтверждает это предположение, так разъясняя возникшую в 1925 г. полемику между своим учителем и Устряловым:

> «Политический смысл бухаринского выступления по поводу выхода в свет сборника устряловских статей заключается в том, чтобы разоблачить и рассеять деморализующее воздействие, оказываемое произведениями Устрялова на некоторые клеточки нашего партийного организма, в особенности на часть *партийной интеллигенции* В этом все дело Противопоставить панике этой части партии, панике, вызванной объективными трудностями строительства социализма в крестьянской стране, панике, теоретически утверждавшей себя схемами родственными устряловским, — противопоставить этой панике здоровую большевистскую волю к преодолению указанных трудностей, указать материально-классовые основы и возможности их преодоления, — вот в чем смысл критико-полемической брошюры тов Бухарина, а отнюдь не в том, чтобы убедить господ Устряловых в их теоретической несостоятельности» [20]

С тех же позиций Устрялова упрекает и Зайцев: «самоочевидно», что в Советском Союзе нет и быть не может событий, аналогичных 9 термидора. Обратные предположения, выдвигаемые социал-демократами и сменовеховцами, «бессмысленны» и свидетельствуют об их «невежестве». Однако, Зайцев, так же как Слепков и Марецкий, хочет пойти дальше, понять до конца «классовое содержание», конечно же присутствующее в этом «продукте человеческой глупости», и раскрыть «реальные классовые интересы», скрывающиеся «под бессмысленно-иррациональными оболочками» [21]. Конечно, он делает вывод, что «теория термидора есть теория буржуа» [22], и показывает, что Зиновьев, Каменев и их сторонники попались, «как мухи в паутину», сплетенную Устряловым. В то же время он пытается убедить большевиков, что они не зашли в тупик [23], для этого он использует аргументы «практики социалистического строительства» и «классовой борьбы». Он считает абсурдным пытаться найти решение вопроса о термидоре с позиций логики: только схоласты могут ответить на этот вопрос, не прибегая к конкретному анализу завоеваний революции [24]. Таким образом «теоретический турнир» с Устряловым «лишен смысла». Изящные аргументы звучат неубедительно, когда речь идет о борьбе социализма с капитализмом.

«Кто кого?» — именно так сформулировал Ленин вопрос о термидоре, напоминает Зайцев, подчеркивая обоснованность такого глобального подхода к проблеме. Не без оптимизма он перечисляет завоевания социализма: улучшение питания крестьян; значительное снижение смертности в деревне; успехи технической революции в сельском хозяйстве; огромные капиталовложения в промышленность; рост национального дохода на 7% против 2—4% в западных странах и т. д. и т. п. Таковы, по его мнению неопровержимые доказательства, которые позволяют прекратить дискуссию о термидоре.

Однако, он противоречит своей собственной концепции термидора: определив его как победу крупной буржуазии над мелкой, он никоим образом не ставит под сомнение вопрос о капитализме во Франции, где речь шла не о «борьбе феодализма с капитализмом», но о выборе пути развития капитализма, и борьба проходила внутри нового общества, а не между новым и старым Тем не менее, проецируя эту концепцию на советские условия, Зайцев подчеркивает, что термидор есть выражение «смертельной схватки» между старым (капитализмом) и новым (социализмом).

С другой стороны, поскольку для него термидор представлял собой развязку борьбы между крупной и мелкой буржуазией, Зайцев считал, что это явление нужно рассматривать только с революционной точки зрения, что совпадает с основной мыслью

Устрялова. Тем не менее он, как, впрочем, Ленин, Бухарин и другие большевики, исходит из убеждения, что 9 термидора явилось началом контрреволюции и что перерождение никоим образом не связано с революцией. Для него опасность исходит только от еще не уничтоженной буржуазии и капитализма.

> «Перерождение, это — экономическое банкротство рабочего класса, это — бессилие пролетариата построить социалистическую экономику» [25]

Его следует понимать как «угрозу буржуазной реставрации». Вопрос о перерождении можно ставить только в плоскости экономики, то есть так, как его ставил Ленин: «Кто кого?»

Используя термины, к которым прибегали и большевики, и их враги, Зайцев не допускает никакого совпадения взглядов в анализе перерождения, он сразу же отвергает все утверждения «врагов» об эволюции революционной власти и ее специфических проблемах. «Термидор» и «перерождение» оказались таким образом за счет некоторой непоследовательности в рассуждениях вне круга вопросов, которые обсуждали большевики [26].

НЕОБХОДИМОСТЬ «НАУЧНЫХ КРИТЕРИЕВ»

Бухаринцы упрекали оппозиционеров в том, что те прибегали к аналогии, не имевшей, по их мнению, никакого смысла вне рамок меньшевистской и устряловской концепций Октябрьской революции. Вся критика была направлена на то, чтобы показать, что оппозиционеры отказались от своих первоначальных убеждений (в чем они не признавались), убеждений, конечно же, оппозиционных, но все же еще не противоречащих духу партии, и пришли к тому, что ясно и во весь голос выговаривают враги. Абсурдно говорить о термидоре; бухаринцы не хотели даже обсуждать этот вопрос: если кто-нибудь об этом заговаривает, это означает, что он предает интересы партии и пролетариата. В проанализированных выше брошюрах, так же как и в некоторых других [27], сторонники Бухарина пытались привести доказательства такого предательства.

В книге «Что такое термидор?» В. Колоколкин и С. Моносов предлагают читателю другой подход к проблеме. Журналист Колоколкин и бывший ученик историка Лукина и специалист по новой истории Моносов [28] пытаются «дать бой» на поприще истории: ведь те, кто сравнивает две революции, выказывают такое незнание истории Французской революции, столько «невежества» и так «профанируют марксистскую методологию», что,

по мнению авторов, необходимо дать «научный» ответ на вопрос: «Что такое термидор?». На первых же страницах они заявляют:

> «Мы не только не отрицаем необходимости и безусловной полезности глубокого изучения этих революций, напротив, мы прямо обязываем к такому изучению всех тех, кто претендует на роль серьезных политиков и кто желает вести политику на строго научных основаниях. Но мы категорически отвергаем плоские и поверхностные сопоставления и аналогии, проводимые ныне оппозиционными теоретиками между социалистической революцией в нашей стране и классическими буржуазными революциями. Мы считали эти аналогии ненаучными, противными духу марксизма, поскольку к ним прибегают *только* для того, чтобы *показать и доказать сходство нашей революции* с другими, в частности, с буржуазными революциями. Всякая аналогия только тогда получает серьезное научное и политическое значение, когда она помогает выяснить не только и *не столько* сходство между явлениями одного и другого ряда, сколько различие между ними» [29]

Забота о «научном» обосновании того, что «аналогии с классическими буржуазными революциями» не внушают доверия, отличает книгу Колоколкина и Моносова от огромного количества литературы, разглагольствовавшей о «неоменьшевизме» и «устряловщине» оппозиционеров. В то же время эта книга не относится к специальным трудам по истории: она обращена к широкой публике, главным образом, к рабочим, опубликована большим тиражом в издательстве «Московский рабочий» и является книгой научно-популярной. В силу этого она занимает промежуточное положение между пропагандистской литературой и специальными исследованиями историков.

Концепция Французской революции и определение термидора, приводимые в книге, совпадают с тем, что говорили бухаринцы, но фактыпредставлены иначе, с бóльшим учетом исторического анализа. Так что тедмидор, определенный grosso modo как «поворот от революции к реакции», оказывается в ходе описания событий скорее моментом обновления революции. Действительно, авторы объясняют, что «режим якобинской диктатуры не смог удовлетворить интересы крупной буржуазии». С точки зрения экономики «он был реакционным», и именно «период термидора завершил революцию». Авторы дают ясно понять, что термидор был частью революционного поцесса:

> «До этого периода революция руками мелкой буржуазии разрушила строи феодальных производственных отношений. После этого периода революция руками буржуазии выполняла положительную созидательную работу, закрепляя строи новых отношений — капиталистический строй ( )
>
> Переход власти в руки крупной буржуазии отвечал объективным тенденциям ( ) Надо признать, что весь этот период, если судить о нем по его историческим результатам, имел прогрессивное значение» [30]

Таким образом, подобное изложение фактов устраняет контрреволюционный характер термидора, о котором авторы говорили в начале книги, и придает ему революционный характер К тому же методу они прибегают, говоря о перерождении якобинцев, на первых страницах мы можем прочесть, что

> «. накануне 9 термидора внутри правящих верхушек были, правда, отдельные группки большей частью переродившихся якобинцев ориентирующихся на защиту интересов крупной буржуазии против мелкой, но ни в Конвенте, ни в других государственных организациях эти группки не имели решающего влияния» [31].

Но за этим ясно выраженным положением следует повествование, являющееся частью концепции (пока еще не оформившейся), исключающей перерождение якобинцев.

> «В марте 1794 года.. наступали левые В их требованиях были сформулированы нужды обнищавшей мелкой буржуазии, парижской бедноты. Уход со сцены левых и с ними широких сочувствующих масс означал ослабление якобинцев Вследствие участившихся отколов стала быстро таять прослойка старых руководителей революции» [32].

Раскол в рядах якобинцев не был случайным фактом, но отражал дифференциацию классов: левые якобинцы не смогли повести за собой массы, напротив, именно массы увели их в сторону от основного пути революции. Якобинцы были обречены на провал, но не по причине внутреннего перерождения, а из-за самой природы своего класса, поляризующего элементы общества либо на стороне крупной буржуазии, либо на стороне масс.

Разве подобный образ термидора, нарисованный Колоколкиным и Моносовым, не наводит нас на мысль, что авторы пытались смягчить черты «пугала»? Тем более, что создавая ткань повествования на противопоставлении «неизбежного во Франции» и того, что «можно избежать в Советском Союзе», авторы описывают термидор как явление, обусловленное «законами Истории». Завершение событий термидором было обязательным только «в эпоху буржуазных революций», в то время как «в эпоху пролетарских революций» не существует предпосылок для подобного исхода. В области экономики «очевидные успехи» социализма исключают возможность повторения термидора, в области политики рост инициативы и энтузиазма масс совпадает с планами и действиями партии. Между массами и их авангардом не существует трений; они едины в творческом порыве, что дает им возможность поставить существующие термидорианские элементы вне государственной машины и органов управления экономикой.

Таким образом появляется новая ориентация: во-первых, термидор, этот французский черт, не так страшен, как его малюют; во-вторых, согласно законам Истории ничто, похожее на термидор, не угрожает Советскому Союзу. Следовательно, неопределенность, сохранявшаяся благодаря знаменитой фразе Ленина: «то, о чем говорит Устрялов, возможно», была устранена от имени «исторической науки».

Необходимость в высшем авторитете», коим является наука, ощущалась с 1917 г. Это уже отмечалось как в трудах Лукина, так и в выступлениях Бухарина и его учеников, а также Колоколкина и Моносова, которые воистину считают «научный» критерий основным. В самом деле, партия постоянно настойчиво требовала более активного участия в дискуссии «представителей науки», специалистов по истории Французской революции. Историки со своей стороны, видя, какую значимость получает сопоставление двух революций, вмешались в обсуждение, чтобы высказать свою точку зрения и развернуть борьбу с аналогией [33]. Они следовали пути, диктуемому историографией, но в то же время на них влияла проводимая партией полемика.

СОМНЕНИЯ ИСТОРИКОВ

Советская школа истории Французской революции выросла на изучении прежде всего якобинского периода революции во всей его сложности и разнообразии в отличие от дореволюционной русской историографии, которая главным образом концентрировала свое внимание на периоде Учредительного собрания, являвшегося, по мнению историков того времени, единственной перспективой для России. Но после Октябрьской революции внимание привлекло только революционное правительство.

Н. М. Лукин взял на себя инициативу разрабатывать эту тему: его семинары по истории Конвента (1922—1923 гг.), по революционному правительству (1924—1925 гг.), по историкам Французской революции (1926—1928 гг.), организованные в Московском университете, в Институте красной профессуры и в Ассоциации исследователей в области общественных наук (РАНИОН) были основной базой подготовки специалистов [34]. Результатом работы семинаров явилась серия исследований, проведенных учениками Лукина, в частности, сборник статей «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции» [35], а также издание документов «Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента», переведенных Н. П. Фрейберг; издание осуществлялось под общей редакцией Лукина [36].

Когда в 1926—27 гг. оппозиционеры заговорили о термидоре, эта проблема, как впрочем и проблема конца якобинской дик-

татуры, находилась уже в кругу вопросов, изучаемых историками. Безусловно, политические дискуссии побудили их незамедлительно высказать свое мнение[37], вступить в борьбу, используя факты в качестве оружия; но было бы ошибочным считать, что ими двигали только политические мотивы, и не учитывать развитие, свойственное собственно историографии.

До 1926—1927 гг. советские историки находились под влиянием немецкой социал-демократической историографии — К. Каутского, В. Блоса и особенно Г. Кунова, автора «Борьбы классов и партий в Великой Французской революции»[38]. По классификации, предложенной Куновым, якобинцы выражали политические интересы низшего слоя буржуазии, а феаны и жирондисты соответственно крупной и средней. Мелкая буржуазия, руководимая якобинцами, включала в себя широкие массы французского общества: крестьянство, пролетариат и мелкую городскую буржуазию, в том числе санкюлотов. В соответствии с таким анализом якобинцами были и дантонисты («якобинская интеллигенция»), и сторонники Робеспьера («люди свободных профессий, умеренные и зажиточные»), и центр (состоящий из бедных слоев буржуазии и пролетарской интеллигенции — Шометт, Паш, Моморо), и эбертисты («анархическое течение пролетарской богемы»), и, наконец, бешеные (последователи «полусоциалистической тенденции», на деле «защитники мелкого капиталистического производства от крупного»). Кунов считал реакционной объективную роль якобинской диктатуры из-за отсутствия интереса к капиталистическому развитию и что еще хуже, из-за того, что она мешала такому развитию, вследствие чего якобинцы были обречены на термидор.

В своей книге «Робеспьер» (1919 г.) Лукин разделял мнение Кунова. Небольшой по объему научно-популярный текст, выпущенный в серии «Кому возводит памятники пролетариат?», явился результатом исследований, основанных на подлинных документах. Якобинцы представлены здесь как объединение всех социальных элементов, более левых, чем жирондисты:

> «Крайнюю правую якобинцев составляли дантонисты центром якобинства были сторонники Робеспьера левое крыло якобинцев занимали Бильо-Варрен, Колло д'Эрбуа, Вадье В Парижской Коммуне и департаменте эти «левые якобинцы» составляли большинство во главе с Шометтом, Пашем и Эбером Крайнюю левую в Коммуне составляли одно время так называемые «бешеные»»[39]

Затем он дает определение якобинской диктатуры как диктатуры мелкой буржуазии, которая, опираясь на существовавший в то время пролетариат и используя плебейские методы осуществила основные задачи буржуазной революции, задачи которые буржуазия сама не смогла выполнить до конца. Но сама природа мелкой буржуазии обусловила рамки, в которых она действовала:

> «Выполнив свою историческую задачу, мелкая якобинская буржуазия становится мало-помалу консервативной силой она против всяких сделок с контрреволюцией, но она не менее боится всякого движения вперед, к новым революционным завоеваниям, не укладывавшимся в головах самостоятельного мастера или мелкого лавочника»[40].

Эбертисты и бешеные, находившиеся в оппозиции к робеспьеристскому центру, были, по мнению Лукина, псевдо-левыми, «сектантами». Как и Кунов, он считает реакционным их идеал мелкого ремесленного производства.

Схема Кунова, развитая Лукиным, Фридляндом[41], Захером[42] и другими, была в общем принята и использовалась в популярных книгах, предназаченных для широкой публики[43].

В 1927—1928 гг. исследования, проведенные советскими историками в архивах, и знакомство (благодаря нормализации отношений с Францией) с трудами французских исследователей ознаменовали отход от куновской традиции. Самое сильное влияние оказал Матьез, «один из крупнейших специалистов по истории Французской революции»[44], уважаемый и признанный в то время властитель дум советских историков. В декабре 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР; в числе почетных членов его Общества робеспьеристских исследований было несколько советских исследователей; между Матьезом и его советскими коллегами — некоторых он знал лично (Преображенский, Тарле, Фридлянд, Вайнштейн)[45], установился интенсивный обмен информацией. Советские специалисты прекрасно знают статьи Матьеза, опубликованные в «Анналах Французской революции», а их переиздание в 1927 г. в сборнике «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» вскоре стало достоянием русских читателей[46]. Новые обстоятельства побуждали молодых исследователей выйти из рамок традиционной схемы, не слишком однако отдаляясь от нее: понятие «мелкобуржуазной диктатуры» оставалось целым и невредимым, и от него не отказывались, хотя оно в значительной мере и оказывалось подорванным.

Существенные изменения претерпели представления о якобинцах. Так Фрейберг, изучив некоторые документы из Национальных архивов, опубликовала статью «Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 года»[47], в которой не соглашается с предложенной Куновым и Лукиным классификацией якобинцев. Фрейберг считает ошибочным использование одного и того же термина, говоря о робеспьеристах, кордельерах (во главе которых стояли Эбер и Шометт) и о бешеных, представлявших, по ее мнению, три различных течения, каждое

из которых отражало интересы отдельного социального слоя Фрейберг не отвергает тезис о мелкобуржуазной природе якобинцев, но различает якобинцев, зажиточных мелких буржуа и кордельеров, бедных трудящихся. Она утверждает, что

> « несомненно, та резкая черта, которая отделила Якобинцев от Кордельеров еще 17 июля 1791 года, в день избиения на Марсовом поле, и была запечатлена кровью убитых и раненых патриотов, продолжала существовать на протяжении всей революции, несмотря на то, что в отдельные моменты эти организации, охватывавшие в общем разные слои населения, шли единым фронтом против общего классового врага» [48]

Фрейберг привлекает внимание к роли клуба кордельеров, который, опираясь на Коммуну, бывшую административным и политическим центром Парижа, соперничал с Конвентом; она показывает, что «иногда Коммуна оказывала влияние на ход событий, так как, руководя массами, одерживала верх над якобинским Конвентом» [49]. Таким образом, кордельеры и Генеральный совет Коммуны, в котором они главенствовали, оказывались еще в большей степени, чем якобинцы социальной группой, представлявшей авангард революции. Однако даже эта группа не исчерпывала весь потенциал революции. Третье течение, еще более радикальное, чем кордельеры, проявлявшее себя в парижских секциях (крайне левые группировки, бешеные) толкало революцию дальше, чем того хотели кордельеры и Коммуна. В период кризисов Центральный комитет секций оказывал давление на кордельеров и Коммуну, опираясь в своих требованиях на выступления рабочих масс, мелких ремесленников, безработных, заполонивших в то время столицу.

Новая, отличная от классификации Кунова, классификация политических сил, предложенная Фрейберг, предвосхищала выводы марксистов относительно роли движения санкюлотов Фрейберг также отмечала, что якобинская диктатура складывалась не только как сила подавления жирондистской и роялистской контрреволюции, но и для того, чтобы подчинить буржуазии плебейское движение. В доказательство этого тезиса она приводит факты прекращения действия конституции 1793 года, усиления власти Комитета общественного спасения и ограничения демократии в секциях (декреты от 19 вандемьера и 14 фримера о революционном правительстве). По ее мнению, политика, проводимая осенью 1793 г., положила конец независимости и энергичной деятельности секций. Фрейберг не разделяет мнение Лукина, согласно которому бешеные, настаивая на применении конституции 1793 г., не понимали необходимости революционной диктатуры как таковой. Она подчеркивает, что борьба

бешеных за эту конституцию представляла собой борьбу в защиту политических прав народа, ограниченных якобинской буржуазией: политическая, а не только экономическая программа бешеных носила революционный и демократический характер, благоприятствующий углублению революции.

Другое отклонение от взглядов Кунова выражается в интересе к социальной и экономической истории, который также пробудил Матьез. Изучая законодательство по вопросам продовольствия, французский историк констатирует смягчение с весны 1794 г. в применении законов, касающихся борьбы со спекуляцией (закон от 26 июля 1793 г.) и макимума (закон от 29 сентября 1793 г.). Он объясняет такой отказ от строгого соблюдения законов разгромом эбертистов, непримиримых защитников максимума; устранив этих подстрекателей народных бунтов, якобинцы могли вернуться к менее суровым законам, в большей степени соответствовавшим их взглядам на свободу торговли; таким образом, они действовали в интересах зажиточных торговцев. Впоследствии, в соответствии с таким ходом мысли, термидорианцы всего лишь пошли по уже проложенному пути Матьез считает, что поворот в политике якобинцев начался за несколько месяцев до государственного переворота 9 термидора и сопровождался перерождением якобинцев в целом, в этом автор видит «отступление в области экономики», аналогичное новой экономической политике, введенной Лениным после кронштадтских событий.

Работы Матьеза, опубликованные в книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху термидора», побудили некоторых советских историков продолжить исследования в том же направлении Так К. П. Добролюбский, изучая «новую экономическую политику» термидорианцев, в начале статьи ссылается на тезис Матьеза о законодательстве весны 1794 г. [50] Он исходит из убеждения, что термидорианцы продолжали действовать в том же духе, что и их предшественники.

В статье «Экономическая политика термидорианцев» П. П. Щеголев настоятельно подчеркивает тот факт, что «еще весной 1794 года якобинский режим переживает социальный сдвиг вправо» и что вследствие этого «прекращение террора и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета Общественного Спасения, еще с весны 1794-го года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства» [51]. Анализируя принятые весной 1794 г. меры защиты текстильной промышленности, Щеголев показывает, что законы защищали интересы зажиточной буржуазии и что законодательство восходит еще к Робеспьеру [52]. В полном соответствии с тезисом Матьеза автор делает заключение:

«Нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9 термидора, ближе к весне 1794 года. Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов в значительной степени восходят ко времени диктатуры «Неподкупного» Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и выживают тенденции, получающие полное свое развитие только к самому концу 1794 года »[53]

Ц. Фридлянд, автор статьи, посвященной классовой борьбе летом 1793 г., расценивает политику якобинцев этого периода как чисто буржуазную, хотя и не жирондистскую[54]. Под давлением масс и обстоятельств, самым значительным из которых была война, эта политика превратилась в мелкобуржуазную, но как только весной 1794 г. названные причины были устранены, якобинцы вернулись на свои исходные позиции, т. е. «пытались объединиться в борьбе против левых экстремистов с набравшей силу промышленной и торговой буржуазией»[55].

Я. М. Захер, наконец, в книге «9-е термидора» утверждал, что старания Робеспьера сохранить равновесие между правыми и левыми привели «к полному перерождению партии монтаньяров»[56].

Таково было положение в историографии в тот момент, когда полемика вышла за рамки узкого круга высшего эшелона партийных работников, и в нее вступили историки, число которых постоянно увеличивалось. Первым выражением слияния историографического подхода и политической полемики, а также участия историков в развертывании борьбы против аналогии явилась статья Захера, в которой автор анализирует работы специалистов по этому вопросу[57]. Он обрушивается с критикой на Матьеза, Щеголева, Добролюбского и Фридлянда за их тезис о «термидорианском перерождении до 9 термидора», напоминающий ему точку зрения Устрялова, который считал термидор логическим продолжением политики якобинцев и которого высмеял Бухарин в статье «Цезаризм под маской революции». Захер цитирует Бухарина, чтобы вновь подчеркнуть, что

« термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и подготовленным всем предшествующим развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции» [58].

Он пытается показать, что «перерождение якобинцев», о котором говорили Матьез и его сторонники, противоречит истолкованию декретов вантоза, которое можно найти в «Борьбе с дороговизной...». Эти декреты, предвещавшие «новую социальную революцию» и направленные на удовлетворение интересов рабочих, казались Захеру необъяснимыми, если одновременно утверждать, что якобинцы проводили протермидорианскую политику. Автор устраняет это противоречие, подводя читателя к выводу, вторившему бухаринскому определению:

«Политика весны 1794 года, то есть политика колебаний между буржуазией и рабочим классом, есть типичная политика мелкой буржуазии, столь характерная для якобинцев на всем протяжении их деятельности. Поэтому для понимания якобинской политики весны 1794 года нет ровно никакой необходимости говорить о наступившем в это время их перерождении» [59].

Как было сказано выше, в 1926 г. в книге «9-е термидора» Захер сам говорил о перерождении якобинцев; теперь же он спешит, цитируя Бухарина, высказать категорическое утверждение:

«Для понимания сущности «термидора» нет ровно никакой необходимости говорить о каком-то до-термидоровском перерождении якобинцев, и все разговоры о таковом являются либо результатом непонимания истории Великой французской революции, либо сознательным подтасовыванием фактов в интересах фракционной борьбы Исторический «термидор» был не эволюцией (или, вернее, контрреволюцией), подготовленной всем предыдущим ходом событий Великой французской революции, и «термидорианское перерождение», начавшееся не до, а после 9-го термидора, было вместе с тем не его причиной, а следствием» [60]

9 термидора не был подготовлен эволюцией в рядах якобинцев, но означал начало контрреволюции: все, кто думает иначе, «подтасовывают факты в интересах фракционной борьбы».

Эта мысль сформулирована четко, но сдержанно, поскольку Захеру не нравилось смешивать историю с политикой. Он цитирует Бухарина как бы «между прочим», заботясь о том, чтобы цитата подходила к его ученым аргументам. Он, конечно же, приоткрывает дверь «исторической науки» для внешних влияний, но так, чтобы не очень сильно смешивать жанры, историю и современность.

То же стремление избежать полемики прослеживается в длинном докладе Фридлянда на заседании Общества историков-марксистов, собравшегося 27 января и 3 февраля 1928 г., чтобы обсудить проблему «исторического термидора»[61]. По всей вероятности, заседание было организовано вслед за XV съездом.

Зал был переполнен: перед входом в Коммунистическую академию столпились столько народа, что пришлось вызвать наряд конной милиции[62]. Принимая во внимание вызванный рассматриваемой темой ажиотаж, Фридлянду пришлось сразу же уточнить свою позицию:

«Я имею в виду поставить основные вопросы и прежде всего установить неизбежность наступления кризиса буржуазной революции конца XVIII в., раскрыть по мере сил и возможности классовую природу переворота 9-го термидора, и, тем самым, установить его историческое значение для судеб революции Совершенно очевидно тем самым, что для меня история «9-го термидора» не является поводом для вульгарного аналогизирования Любители аналогий внешнего порядка могут доставлять себе удовольствие забавы этими блестящими стекляшками, — наша задача вскрыть сущность и содержание того исторического процесса, который в годы буржуазной революции конца XVIII в привел Францию к «9-му термидора» ( ) Пытающиеся аналогизировать, а чаще отождествлять обе революции, исходят из следующей ложной предпосылки: они рассматривают и ту и другую революции как буржуазно-демократические революции. Только при предположении, что наша революция не социалистическая, а буржуазно-демократическая, может идти речь о подобных «аналогиях», этого не понимают троцкисты Поскольку наша революция, в отличие от французской революции конца XVIII в., не буржуазно-демократическая, а социалистическая, подобные аналогии не представляют интереса для историка Я могу перейти теперь к моей теме» [63]

Это единственная видимая нить, связывавшая выступление Фридлянда с конфликтами в партии; однако, были другие неявные намеки на существующие разногласия, так, например, он настойчиво подчеркивал «углубление и обострение с весны 1794 года социальных противоречий, свойственных буржуазной революции», и видел в этом завязку термидорианской интриги или конфликта между «мелкобуржуазной, густо окрашенной аграрным утопизмом, а следовательно, исторически-реакционной системой» и «капиталистической программой буржуазного авангарда «термидорианской коалиции». Якобинский идеал «общества мелких независимых производителей» противоречил «идеалу создания индустриального государства и наилучших условий для капиталистического накопления в стране», носителями которого были термидорианцы. Правоту их идеала подтвердил исторический процесс. Проявления этого фундаментального противоречия многообразны. Перед тем, как их рассмотреть, Фридлянд мимоходом замечает, что не может быть и речи о перерождении; ведь в июне—августе 1793 г. якобинцы начали выполнять свою программу (с корнем вырвали феодальные пережитки и устранили опасность контрреволюции), а с весны 1794 г. «тот же класс мелкой буржуазии» хотел осуществить вторую часть программы: создать «эгалитарную аграрную республику».

«Мы не имеем «перерождения классов», потому что робеспьеристы, стремясь к осуществлению своей системы с весны 1794 года, не изменяли своей классовой природы и своей программы» [64].

Таким образом, он сразу же исключил из обсуждения проблему перерождения якобинцев, проблему, которая в большей степени, чем другие, представляла собой питательную почву для аналогии.

Затем, рассматривая политику якобинцев с целью проиллюстрировать выявленное им фундаментальное противоречие, Фридлянд ссылается также на дебаты, проходившие в партии, хотя и не говорит об этом открыто. Автор анализирует экономическую и социальную политику, в частности, разногласия, возникшие между робеспьеристами и термидорианцами по финансовому вопросу (проект Камбона). По мнению автора, идеалом Сен-Жюста была политика, ограничивающая капиталистическое накопление, с тем чтобы создать общество мелких независимых производителей. В этом смысле отмена максимума представляла собой радикальную меру, поскольку она могла бы положить конец эмиссии ассигнатов, обогащавшей спекулянтов, препятствующих осуществлению проектов Сен-Жюста. Итак, Фридлянд представляет смягчение максимума весной 1794 г. не как уступку буржуазии, но как шаг к эгалитаризму, и останавливается на вантозовских декретах, чтобы подчеркнуть сильную эгалитарную тенденцию, которую он находит уже в декретах от 12 прериаля (которыми мелким производителям гарантировались права собственности) и от 22 флореаля (которым обеспечивалась помощь бедным). Разбирая затем законы, принятые Конвентом, и их претворение в жизнь на практике, которая шла вразрез с эгалитаристской политикой (антирабочее законодательство, законы, защищающие промышленность, практика распродажи и распределения земли), Фридлянд делает вывод:

«Путь, по которому предполагал пойти Неподкупный, был намечен декретами вантоза и флореаля, но не финансовыми проектами жерминаля Это не был путь буржуазно-финансовых комбинаций Камбона и Барера, но путь «фрагментов» Сен-Жюста» [65].

В области политики Фридлянд пытается показать «парламентаристские иллюзии» робеспьеристов, неизбежное следствие их утопических идей в области экономики. В результате этих двух серий доказательств 9 термидора оказывается «прогрессивным» государственным переворотом, и именно так это поняли участники обсуждения (Моносов, Кунисский, Фрейберг, Удальцов, Лукин):

«Если якобинцы представляли собой реакционно-утопическую идеологию, — сказал Кунисский, — то первый вывод, который следует по законам логики, это то, что те, которые выступали против них 9-го термидора, были силой прогрессивной, и переворот 9-го термидора носил прогрессивный характер Это, мне кажется, элементарный вывод, о котором вы все время почему-то избегали говорить открыто, но который напрашивается сам собой» [66].

Фридлянд не устоял перед искушением смягчить черты «пугала». В своем рвении снять с якобинцев какое бы то ни было подозрение в перерождении он чуть было не превратил их в социалистов, представляя одновременно термидорианцев как носителей прогресса. Он не сумел убедить слушателей и навлек на себя критику со всех сторон, что выявило существование многочисленных разногласий. Его упрекали в том, что левее якобинцев он видит только толпу, не имеющую ни идей, ни экономической и социальной программы (Моносов), в чрезвычайном преувеличении эгалитаризма якобинцев, которые в конце концов с июня 1973 г. и до 9 термидора проводили политику, соответствующую интересам крупной буржуазии, в том, что он представлял эгалитаризм как реакционное явление, коим он не мог быть в XVIII в. (Кунисский), в том, что рассматривал робеспьеристов как представителей среднего крестьянства с его реакционной идеологией (Лукин). Наконец, Кунисский встал и выразил протест против утверждения, что среди якобинцев никакое перерождение не было возможно.

> «Ведь кем были сами якобинцы в своей правой части, как не переродившейся частию их, если вы хотите И все то, что совершилось в 1793—94 гг., и даже разоблачения, сделанные Матьезом, и открытия, сделанные Матьезом по поводу Дантона и дантонистов, и все действия отдельных комиссаров в провинции, что это было, как не симптом связи части якобинцев со спекулятивной, выросшей в условиях гнилостного распада буржуазией?» [67].

Фридлянд попытался выйти из положения с помощью шутки и возразил: «Это были жулики среди якобинцев». Кунисский же вполне серьезно ответил ему, что подобный подход ведет к отказу от любого анализа и уже опровергнут фактами.

Так ярко проявились сомнения и несовпадения взглядов, разделявшие советских историков, и все-таки не были найдены формулировки, которые могли бы стать магическими ответами на постоянно возникающие вопросы. Моносов был прав, указав после прошедших дебатов на отсутствие «ясной и отчетливой концепции термидора» [68]. Тем не менее, дискуссия вновь подтвердила мнение Захера (хотя и с меньшей силой), что наступление на аналогию должно идти по двум основным направлениям. забыть о якобинском перерождении и с очевидностью показать контрреволюционный характер термидора.

Глава IX

Последнее слово принадлежит историкам

Следует отметить, что мнения оппозиционеров, сформировавшиеся на основе аналогий, застали историков врасплох. Летом и осенью 1927 г., когда «термидорианская опасность» превратилась в «навязчивую идею» у троцкистов, хору молодых советских историков явно не хватало согласия: Кунов, Матьез и другие «буржуазные» влияния сдерживали их стремление стать марксистами; замешательство, впрочем, длилось недолго. Первая всероссийская конференция историков-марксистов, проходившая в Москве с 28 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г., вразумила заблудших.

ИСТОРИКИ-МАРКСИСТЫ ОПРЕДЕЛЯЮТ ЗАДАЧИ

Инициатива собрать историков со всей страны принадлежала Обществу историков-марксистов [1]. Председательствовавший М. Н. Покровский так определил в выступлении на открытии конференции новый тип историка, которого представляло это Общество:

> «Мы историки-марксисты, как мы называем себя в СССР, мы являемся одним из отрядов ленинской армии, и положением фронта в целом объясняются и наши задачи У нас на этом фронте есть свое определенное место, свои определенные противники, свои определенные позиции, которые мы штурмуем» [2]

Чрезвычайно твердый тон этого выступления и решимость дать бой отличали его от обычного существовавшего до этого в этих кругах стиля марксистской пропаганды. Действительно, начиная с 1919—1921 гг. существовала сеть коммунистических университетов, для которых ЦК партии утверждал через служ-

бу пропаганды — Агитпроп) назначение преподавателей и контролировал программы. При этом «буржуазные» специалисты и концепции допускались, хотя и подвергались критике. На конференции было заявлено, что настало время, принимая во внимание «мобилизацию сил на буржуазном фронте», изменить это положение; следовательно, долг историка-марксиста состоит в том, чтобы вести «беспощадную борьбу против тех, кто отвергает марксизм как единственный метод научного исследования»[3]. Так был ознаменован переход в наступление против «буржуазных концепций» через «марксистско-ленинское понимание исторического процесса».

Переход, конечно, ускоренный политическими дебатами, которые взывали к профессиональной компетентности и необходимости занять четко определенную позицию. Ведь нэп мешал тому, чтобы Октябрьская революция ясно и очевидно воспринималась как социалистическая. Меньшевики с начала века отрицали возможность немедленной социалистической революции в России, и поскольку нэп, казалось, подтверждал их прогнозы, они поднимали, как и сменовеховцы, вопрос о русском термидоре. Внутри большевистской партии оппозиционеры задавались вопросом, не переживает ли партия перерождение, ведущее к термидору. В такой атмосфере малейшее действие, направленное на то, чтобы доказать, что Россия действительно переживала социалистическую революцию, оказывалось кстати; но лучшим способом подкрепить это утверждение оставалась все-таки История. Стремясь к тому, чтобы История оправдала, утвердила и защитила победоносную революцию, историки имели тенденцию возводить ее в некий метафизический принцип. В этом стремлении историческая мысль сталкивалась с необходимостью охватить всю историю человечества в целом, учитывая смысл, который ей придавала Октябрьская революция. Говоря словами Г. Зайделя, произнесенными им на конференции, «ведь советская историография сейчас пересматривает и перетряхивает весь западноевропейский и русский исторический процесс»[4].

Такой пересмотр исторических событий затрагивал некоторое количество ключевых проблем, от которых зависело «марксистско-ленинское представление о смене общественных и экономических формаций, управляемой законами Истории». Генезис капитализма, промышленная революция, буржуазные революции, империализм — все эти проблемы значились в длинном списке вопросов, рассматриваемых в основном в свете тезисов «О государстве», развитых Лениным в июле 1919 г. Ленин анализировал экономические и общественные формации, ознаменовавшие одна за другой этапы развития Истории, неизбежно ведущей к коммунизму. Это представление о линейном развитии

Истории, наиболее критикуемое сегодня в «марксистской» схеме, окончательно утвердилось на конференции и последовавших за ней дискуссиях[5].

Французская революция сыграла исключительную роль в разработке этой схемы исторического развития. До конференции сходство преобладало: «русская школа» изучала аграрный вопрос во Франции XVIII в., чтобы понять, что происходит в этой области в России второй половины XIX в.; в 1902 г. Ленин обратился к опыту Французской революции, чтобы разобраться в проблемах, которые встанут в связи с неизбежной русской революцией; но интерес к «Великой французской буржуазной революции», проявленный участниками конференции, основывался a contrario на противопоставление 1789 и 1917 гг. с тем, чтобы более контрастно вырисовалась русская революция. Если следовать логике конференции, то первая революция — чисто буржуазная, а вторая — бесспорно пролетарская, т. е. революции представляют собой те две необходимые точки, через которые только и можно провести прямую исторического развития. Однонаправленный процесс проходит последовательно через первобытный способ производства, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм и заканчивается коммунизмом. Народы развиваются неравномерно: некоторые с опозданием включились в мировой процесс развития (поскольку существуют препятствия, обусловленные местными особенностями, климатом, средой, а также нестабильностью первобытных обществ), другим, т. е. сотням миллионов людей, колониализм помешал включиться в этот процесс. Но если вчера так называемых «развитых» народов было немного, завтра их будет намного больше, послезавтра не будет развитых или отсталых стран: все будут на одном уровне развития. Именно с этой точки зрения Лукин рассматривал проблемы империализма, «эпохи, когда отсталые страны с головокружительной быстротой догоняют страны развитые»[6]. Совершенно очевидно, в линейном движении вперед каждый новый строй оказывается прогрессивнее предыдущего.

В своем выступлении Фридлянд подвел итог исследованиям истории Французской революции, но начал он с того, что определил место конференции в вышеочерченном общем движении исторической мысли:

> «Мы настаиваем, однако, на том, что наша новая «советская школа» свое начало датирует не от работ этой «русской школы». Прорабатывая и усваивая наследство прошлого, критически анализируя его, мы прокладываем одновременно новые пути для исследования. Мы имеем право провозгласить свое революционно-марксистское слово в деле изучения революции. Не только потому, что в нашем активе значится верный метод, но и потому, что за все эти годы мы сде-

лали достаточно серьезные попытки конкретизировать наш метод, применить его на анализе конкретного исторического материала Наше изучение Французской революции было поставлено на службу пролетарской революции, в основу его положено изучение литературного наследства Маркса, Энгельса и Ленина» [7]

Фридлянд подчеркнул, что «марксистская школа» истории Французской революции занимает «особое место в исторической науке». Это, по его мнению, делает невыносимым положение, характеризующееся отсутствием согласия между различными точками зрения: в этой связи он призвал своих коллег прийти к общему мнению по единой концепции, коллективно разработанной на основе трудов Ленина, что было бы хорошим ответом буржуазным историкам, в том числе Матьезу, ставшему «врагом революционного марксизма» [8].

И другие выступавшие, в частности Захер, высказывали то же мнение.

«Само собою разумеется, что проблема изучения Французской революции до сих пор остается делом не академическим, а делом прежде всего политическим, и мы знаем, что вся западно-европейская историография так вопрос и ставит»

Напомнив о нападках со стороны Олара, Гаксотта, Ленотра и даже «Action française», Захер заключает:

«И вот я думаю, что при том положении, когда изучение Французской революции носит ярко выраженный политический характер, наша задача, задача историков-марксистов, — образовать самостоятельную школу и выступить в качестве таковой не только внутри СССР, но и в более широком масштабе Само собою разумеется, что выступать следует не каждому в отдельности, а в каком-то организованном и координированном виде с противопоставлением нашей марксистской точки зрения не только реакционной точке зрения Олара, но и точке зрения Матьеза» [9]

Щеголев также поддержал идею о единой школе:

«Перехожу к вопросу о «наших разногласиях» Мы несомненно имеем здесь дело с распадом целого ряда обобщающих точек зрения, распадом, который связан с отходом от Кунова, с пересмотром установленной им в свое время схемы Мы не должны позволять себе в дальнейшем роскоши таких разногласий Мы должны установить методы и способы, которые приведут нас к скорейшему изживанию этих разногласий» [10]

Лукин высказал пожелание стать на почву какой-то более организованной и более коллективной работы [11]. Зайдель констатировал, что начался новый «период более организованной работы, чем та работа, которая велась до сих пор» [12].

Таким образом, историки Французской революции приняли решение унифицировать свои взгляды, дабы противостоять «единому буржуазному фронту»: это было скорее не новым направлением, а проявлением недостававших им до этого — как они считали — твердости и бдительности. Если в начале 1928 г. Захер и Фридлянд еще колебались, стоит ли смешивать политику и историю, после конференции их устные и письменные выступления свидетельствуют об их боевом настрое.

В статье «О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР» Фридлянд заявил:

« одна из величайших революций в области научной мысли осуществлена у нас в стране марксизмом — это сознание и популяризация той истины, что история — политика, острое оружие классовой борьбы» [13]

Говоря о конференции, он отметил, что ее задачей было раскрыть враждебные группы» в области истории и дать им «подходящую классовую оценку». Это полностью соответствует ленинскому принципу «партийности», которая должна пронизывать любое искусство и любую науку. Как и все другие участники, Фридлянд исходил из убеждения, что этот принцип, сознательно поставленный на службу пролетариату, должен главенствовать в истории.

КАЖДОЙ РЕВОЛЮЦИИ СВОЕ МЕСТО

В отношении Французской революции лозунги «за партийность», «покончить с разногласиями», противопоставить «пролетарскую науку» «науке буржуазной» были претворены в жизнь во время кампании, против матьезовщины. Так презрительно называли работы советских историков, разделявших некоторые выводы Матьеза.

Вскоре после конференции в предисловии к своей новой книге «Термидорианская реакция» Матьез вызывающе предстал защитником «объективной исторической науки», утверждая, что она ни в коей мере не должна быть связана с политикой. Если учесть, что его концепция термидора была уже неприемлема в СССР, такая позиция превратила задачу «преодоления» идей его исторических трудов и его политических взглядов в «насущную неотложную задачу для успеха марксистской историографии» [14]. Появилось большое число критических статей и обзоров: чаще всего их авторы начинали с восхваления Матьеза за его эрудицию, его интуицию историка, за страстную защиту Робеспьера или же за то, что он подчеркнул важность

социальных и экономических факторов Французской революции. Упреки, предъявляемые ими затем, должны были убедить читателя, что научный авторитет ничего из себя не представляет, если он не служит политическим убеждениям пролетариата.

В лице Матьеза разоблачали апологета мелкой буржуазии. В статье, название которой должно было помочь признать в историке-робеспьеристе «левого термидорианца», С. Лотте так представляла его произведения:

> «Через Матьеза мелкая буржуазия преклоняется перед собственным мнимым могуществом. Трепеща под ударами расшатывающейся стабилизации она в прошлом старается черпать мужество, она старается вдохновить свое воображение воспоминаниями своего былого величия» [15].

Из «родства» Матьеза с мелкобуржуазной идеологией делали вывод о всех других его «недостатках». Ученого обвиняли в том, что он «не признает теорию социально-экономических формаций, которая должна лежать в основе любой концепции революции», что якобы мешало ему понять, что классовая борьба является универсальным решением всех политических конфликтов. Якобы Матьез прекрасно осознавал значение классовой борьбы, когда говорил о жирондистах, но впадал в заблуждение, когда речь заходила о монтаньярах. Цель этих критических замечаний состояла в том, чтобы свести всю сложность феномена якобинства — что как раз и анализировал Матьез — единственно к вопросу борьбы классов, простому и однозначному. Матьезу также постоянно указывалось на то, что отношения робеспьеристов с дантонистами, так же как и между якобинцами с одной стороны, бешеными и эбертистами — с другой, можно понять и оценить только в свете борьбы классов. Нарождающийся пролетариат и разорившаяся мелкая буржуазия, которых представляли эти последние группы левых, были более революционны, чем робеспьеристы. Именно они способствовали продвижению революции вперед, но объективно у них не было ни малейших шансов на победу. Что до якобинской буржуазии, то так как она не была классом независимым по отношению ко всей остальной буржуазии, она в любом случае была обречена покинуть сцену Истории. Из такой логики рассуждений со всей очевидностью вытекал «неизбежный конец, диктуемый законами Истории», что находилось в полном противоречии с «фанатизмом», «политическим соперничеством», «личными антипатиями», «утопическими устремлениями» и любыми другими объяснениями термидора, выдвигаемыми французским историком.

Заявляя о неизбежности поражения, одновременно настойчиво подчеркивали контрреволюционный характер термидорианского государственного переворота. Матьезу не прощали ни малейшего намека, противоречащего этому мнению, в частности, мысль о том, что 9 термидора могло быть фактом положительным в том смысле, что он остановил террор. Не соглашались также с его анализом событий, к которому историк вновь обратился в 1930 г. в книге «Жирондисты и монтаньяры». Анализируя историческую обстановку и события, он стремился доказать, что весной—летом 1794 г. уже вырисовывалась термидорианская политика. Поскольку изменения в экономике, происходившие в тот период, напоминали Матьезу нэп, советские историки высказались против всякого «поверхностного сравнения» [16]. Выводы, сделанные Матьезом относительно декретов вантоза, подверглись наибольшей критике. Говорили, что историк до такой степени переоценивает значения этого документа, что преуменьшает вклад Бабефа в «сокровищницу коммунистических идей», ведь якобинцы, мелкие буржуа, были неспособны «проводить свою собственную конструктивную политику с целью создания эгалитарного общества». Углубление буржуазной революции могло быть единственным результатом вантозовских декретов в случае их претворения в жизнь; применение этих декретов никоим образом не было задачей социалистической и еще в меньшей степени коммунистической. 9 термидора должно было предстать как контрреволюционный перелом в буржуазной революции, не исчерпавшей еще своих потенциальных возможностей. В то же время не следовало представлять декреты вантоза как простой тактический маневр и лишать их значения [17]: это означало бы отказать якобинцам в их революционности, признание которой было необходимо для их реабилитации от обвинений в перерождении. Этим объясняется приговор, вынесенный Фридляндом в предисловии к книге Матьеза «Термидорианская реакция», вышедшей в 1931 г. в русском переводе:

> «Матьез не понял специфической мелкобуржуазной сущности «вантозовских декретов»... Марксистская критика «вантозовских декретов» под этим углом зрения, конечно, гораздо более целесообразна, чем огульная попытка отрицания всякого значения проектов осуществления эгалитарной утопии весны II-ого года и приводит целый ряд авторов к чисто устряловской концепции о буржуазном «перерождении» якобинцев, к совершенному непониманию того контрреволюционного перелома, который произошел 9 термидора 1794 года. Термидорианская реакция была контрреволюционным переворотом. Вульгарно и бессмысленно историческую неизбежность торжества буржуазного общества в конце XVIII века изображать так, будто термидорианцы, т. е. типичнейшие представители хищнической буржуазии, победили в борьбе с мелкобуржуазными утопистами, были «прогрессивным» элементом исторического развития, а их победа была торжеством прогресса над реакционной утопией Робеспьера и Сен-Жюста. (...) Победа буржуазной

республики в 1795 году была торжеством контрреволюции. Это необходимо подчеркнуть для того, чтобы критика мелкобуржуазной концепции Великой революции А. Матьеза не приводила нас к оправданию устряловских и троцкистских попыток изобразить 9 термидора только как «эпизод» истории кровавого торжества буржуазного общества во Франции, как спуск революции «на тормозах» («спуск на тормозах» — знаменитая формулировка Устрялова.— Т. К.)»[18].

Интерпретация термидора стала чем-то вроде лакмусовой бумажки, наилучшим образом отражающей классовую позицию того или иного историка. Если историк разделял точку зрения Матьеза, используя тот же подход к проблеме, он открывал дорогу аналогиям и, следовательно, вставал на сторону врага. Если же историк отказывался от своих собственных исследований, развивавшихся в направлении Матьеза, он доказывал пролетарский характер своих идей. Быть историком-марксистом было нелегкой задачей. В крайнем случае соглашались по убеждению или из предосторожности отмежеваться от Матьеза — политического деятеля[19], т. к. он подписал петицию протеста Советскому правительству против содержания в тюрьме Е. Тарле, Платонова и других обвиняемых в контрреволюционном заговоре, арестованных в январе 1930 г.[20], а также поддержал другое заявление протеста, опубликованное в газете «Matin», против расстрела в сентябре 1930 г. сорока восьми представителей советской интеллигенции[21]. Но советские специалисты-историки не проявляли такой же готовности разойтись с Матьезом-историком. Так, Щеголев в книге «После термидора», появившейся в конце 1930 г., не преминул указать на свое несогласие с мэтром (либо тот «лишь частично прав»[22], либо «его общая оценка не выдерживает критики»[23]; Щеголев выступает против тенденции «возводить напраслину на более левых, чем якобинцы, вождей оппозиции»[24] и заодно упрекает Старосельского в том, что тот «бездоказательно принял концепцию 9 термидора, выдвинутую Матьезом»[25]), но когда результаты его изысканий в Национальных архивах совпадают с выводами Матьеза, Щеголев проявляет твердость. Так, несмотря на критику, высказанную во время Первой всероссийской конференции историков-марксистов, он не отказывается от тезиса о новой экономической политике, предвосхищавшей начинания посттермидорианского периода. Он продолжал утверждать — опираясь на источники и подтверждая правоту Матьеза и Тарле — что 9 термидора не означал ничего особенного для истории максимума и что изменения в экономике начались еще при Робеспьере. В этой книге Щеголев значительно смягчил некоторые аспекты своей предыдущей статьи, которые шокировали историков и навлекли на него, как мы видели, гнев Захера. Однако его приверженность историческим документам, некоторые замечания типа «якобинцы защищали интересы кулаков»[26] и то, что он был учеником Тарле, вновь вызвали критику и даже гнев его коллег.

«Статья П. П. Щеголева в «Историке-марксисте», напечатанная в 1927 году, является антимарксистской и дает по существу устряловскую концепцию «Термидора», которая принимается троцкистами почти целиком и по аналогии переносится и на Октябрьскую революцию. Книга, хотя и трактующая об эпохе «После термидора», является продолжением развития этой же концепции. Если в ней нет явной защиты этой точки зрения, то во всяком случае в неудачно замаскированном виде обойден ряд существенных вопросов, не дано нигде характеристики «Термидора», как контрреволюционного переворота, дана совершенно точная ссылка на прежнюю статью, а в устном докладе П. П. Щеголев, отступая, явно переоценивает и проводит по существу апологию «Левых термидорианцев». (...) Считать грубой ошибкой и ослаблением классовой бдительности постановление Президиума Института истории от 4 ноября 1931 года, в котором дано принципиальное согласие Президиума на печатание книги Щеголева»[27].

Старосельский проявил себя как историк, еще в меньшей степени поддающийся исправлению, чем Щеголев. Его книга «Проблемы якобинской диктатуры» появилась в начале 1930 г., когда Матьез еще не выразил публично свою враждебность к советскому режиму. Старосельский не скупится на похвалы в адрес французского ученого и главное, несмотря на то, что в советских специализированных изданиях идеи Матьеза были дискредитированы, продолжает утверждать, что вантозовские декреты выходили за рамки буржуазной революции. Рассматривая этот тезис, С. Лотте задается вопросом: если к осени 1793 г. задачи буржуазной революции были уже выполнены, и весь последующий период революции прошел под знаком декретов, не являлся ли государственный переворот возвращением революции, заблудившейся в идеях эгалитаризма, к ее реальным задачам, обусловленным Историей?[28] По ее мнению, дело обстояло именно таким образом, и Старосельский, хотя он и навешивает ярлык «контрреволюционности» на 9 термидора, своей концепцией вантозовских декретов искажает его характер[29].

В некоторых выводах Щеголев и Старосельский твердо стоят на своем, т. к. выводы подкреплялись архивными документами. В научном плане им трудно было опровергнуть Матьеза, хотя они и согласны с приматом принципа «партийности» в истории, чтобы превратить его в оружие классовой борьбы. Именно во имя этого принципа они хотели — как то утверждал Щеголев[30] — учесть критику, но им не удалось избавиться от «заблуждений». В полном соответствии как с принципом «партийности», так и с решениями Первой конференции покончить с разногласиями в оценке Французской революции, взаимно исправлять друг друга, меняться ролями — то критиковать, то

быть объектом критики, было довольно распространенной практикой в среде советских историков. Исправление должно было стать «общим делом», результатом коллективной работы, при этом каждый должен был вносить свой личный вклад. Щеголев и Старосельский не оспаривали это положение, хотя им и было трудно отказаться от результатов своих исследований. Действительно, они изменили, насколько возможно, свои взгляды, приводя их в соответствие, пусть даже и приблизительное, с «принципом партийности». Этого оказалось недостаточно, и пришлось еще раз заставить их задуматься над теми же самыми проблемами: резкие выступления С. Лотте против обоих авторов и дискуссия, организованная по книге Щеголева, походили на трибунал. Если Щеголев и Старосельский не смогли (или не захотели?) исправить свои «заблуждения» в области истории, они показали приверженность принципу партийности, идя до конца в неодобрении политической позиции Матьеза и Тарле, и разделили совместно разработанную концепцию якобинской диктатуры [31].

После всех исправлений, продиктованных политической конъюнктурой, якобинская диктатура предстала как героическая жертва контрреволюционного заговора. Драматический эпизод из жизни мелкой буржуазии, обреченной Историей,— так она была показана в 1931 г. тысячам зрителей в пропагандистской пьесе Федора Раскольникова «Робеспьер» [32]. Якобинцы были до такой степени идеализированы, что их даже рассматривали иногда как приверженцев «диктатуры плебейских масс». Удивительно, но именно Щеголев отчитал Ж. Лефевра в предисловии к русскому переводу книги «Аграрный вопрос в эпоху террора»:

> «Положение Лефевра о принадлежности якобинцев к буржуазии неприемлемо. Было бы трюизмом вдаваться в полемику по этому вопросу» [33].

Хотя выражения Щеголева кажутся резкими [34], канонизированная концепция, которую мы находим в книге С. Лотте, вышедшей в 1933 г., едва ли звучит менее однозначно:

> «Диктатура якобинцев была революционной диктатурой мелкой буржуазии, тогдашнего пролетариата города и деревни, причем руководство в основном находилось в руках мелкой буржуазии» [35].

Пытаясь снять с якобинцев все подозрения в перерождении, историки строго придерживались ленинской формулировки — «якобинцы с народом». В 1934 г. в статье «Ленин и якобинская диктатура» [36] Лукин поставил себе целью подтвердить этот образ французских революционеров. Он применил к якобинской диктатуре понятие «революционно-демократической диктатуры», выработанное Лениным во время революции 1905 г. Следуя мысли Маркса о решающей роли крестьянства и народных масс в европейских революциях. Ленин выдвинул теорию диктатуры низших классов как необходимого условия самого радикального решения задач буржуазно-демократической революции. Ограниченный в своих знаниях конкретной истории, он утверждал, что в Конвенте господствовала не крупная и средняя буржуазия, а народ, бедняки или же те, кого марксисты называли пролетариатом и крестьянством [37]. В то время, когда Лукин писал свою статью, уже накопилось достаточно знаний для критического подхода к этому утверждению Ленина. Еще в 1911 г. Тарле опубликовал книгу, в которой показал, что политика якобинцев по отношению к рабочим была типично буржуазной [38]. В 1932 г. в «Аграрном вопросе в эпоху террора» Ж. Лефевр также утверждал, что аграрная политика якобинцев носила буржуазный характер. Представив кордельеров и Генеральный совет Коммуны, в котором они главенствовали, как социальную группу, часто конкурирующую с Конвентом и более радикальную, чем якобинцы, Фрейберг поставила вопрос о том, где находилась реальная власть масс. Старосельский пошел дальше, развивая мысль о двоевластии: органы власти, созданные низами, и представительные учреждения власти. Лукин не желал принимать во внимание результаты ни этих исследований, ни всех тех, которые шли вразрез с некоторыми предвзятыми идеями: могло сложиться впечатление, что плохих революционеров не существует, что революция не развивается, что буржуазная и пролетарская революция не могут иметь общих проблем и т. д. Поэтому Лукин постарался, чтобы историческая реальность соответствовала теории, что привело к схеме, мало соответствующей результатам исторических исследований, но полезной для использования против зачинщиков компаративистского подхода.

Статья Лукина поставила точку в дискуссии о якобинской диктатуре В 1941 г. вышел большой коллективный труд по истории Французской революции, подготовленный Академией наук, где уже не было и следа тех двух тезисов, которые наводили на мысль о сравнении революций [39]: первые признаки, предвещавшие термидорианскую политику, появились еще с весны 1793 г., а якобинцы, оказавшись у власти, переродились. Термидор здесь представлен как реакция, возникшая в результате контрреволюционного государственного переворота, что было предопределено законами Истории; результатом Французской революции могло быть установление только буржуазного общества. Будучи истинными историками-марксистами, авторы этой книги тщательно установили взаимосвязь между эко-

номикой и осуществляемой действующими лицами Французской революции политикой; результатом такой трактовки событий явилась идеологически непоколебимая и закостеневшая на несколько десятилетий «историческая наука».

ПОРВАТЬ С РУССКИМИ «ЯКОБИНЦАМИ»

Кампания, направленная на то, чтобы загнать Французскую революцию в прошлое так, чтобы ничто не могло выскользнуть и смущать умы в настоящем, не ограничилась усилиями по искоренению духа матьезовщины у советских историков. Эту работу дополнила дискуссия о русских корнях ленинизма, развернувшаяся в основном в теоретических партийных журналах «Пролетарская революция», «Под знаменем марксизма» и «Большевик».

В 1923 г. бывший «якобинец» большевик С. Мицкевич опубликовал статью, в которой, напомнив «мало известную и замалчиваемую» историю этих революционеров, воздал должное их идеям. Статья называлась «Один из источников ленинизма» [40]. По воле случая или же по злой воле по отношению к автору рукопись дважды была потеряна в редакциях, куда Мицкевич представил статью [41]. «Не везет русским якобинцам в нашей литературе»,— так прокомментировал Мицкевич этот инцидент [42]. В сущности, неудачливая рукопись только выиграла от этого, т. к. по всей видимости, автор значительно расширил и дополнил ее перед тем, как статья появилась в журнале «Пролетарская революция».

По мнению Мицкевича, в «замечательной» прокламации «Молодая Россия», хотя она и была «утопистской», содержалось некоторое количество идей и лозунгов, конкретизированных Октябрьской революцией и после нее. Автор приводит следующие примеры: предсказание о том, что великое дело социализма победит в России, идея о федеративной социалистической республике на основе самоопределения наций, признание, что только путь революции приведет к социализму, предсказание, что все оппозиционные партии выступят единым фронтом против социальных завоеваний, требование организации фабрик, торговли и воспитания детей на коммунистических началах, национализация земли, конфискация церковного имущества и, наконец, признание необходимости существования строго централизованной партии, которая по приходу к власти при помощи диктатуры будет регулировать выборы в Учредительное собрание и установит новые экономические и социальные принципы. Не хватает только пролетариата, замечает Мицкевич, чтобы можно было провести прямую линию от «Молодой России» через идеи Ткачева и организацию «Народная воля» к Ленину. Автор приводит множество цитат Ткачева и восклицает:

> «Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на «Народную Думу». Эта «Народная Дума» то же, что наши советы» [43].

«Программа рабочих — членов партии «Народная Воля», составленная в 1880 году при участии Желябова, кажется Мицкевичу «еще в большей степени большевистской», так что он советует «признать эту программу этапом перехода от народничества к революционному марксизму».

> «В ней мы уже видим ориентировку на рабочий класс. (...) Программа, очевидно, выражала взгляды левого якобинского крыла «Народной Воли», ибо в ней есть и захват власти, и проведение социалистических мер Временным Революционным Правительством» [44].

Таким образом, у автора нет никаких сомнений в преемственности идей якобинизма и ленинизма:

> «Заичневский умер в 1896 году. С ним вместе умерло и русское якобинство (бланкизм). (...) Умерло русское якобинство, для того чтобы воскреснуть в новом виде в русском марксизме — в революционном крыле русской социал-демократии — в большевизме» [45].

Эта статья вызвала резкую критику со стороны историков партии. В частности, по просьбе М. Ольминского, главного редактора журнала «Пролетарская революция», занимавшего ответственный пост при ЦК, что превращало его в рупор руководства партии, с резкой критикой выступил Н. Н. Батурин, член Совета Института истории партии [46]. Извинение перед читателями за ошибочность публикации статьи Мицкевича, объясненной отсутствием в тот момент Батурина, а contrario подчеркивало «официальный характер критической статьи» [47]. Назвав статью Мицкевича «образцом клеветы», Батурин свел все критические замечания к следующему основному упреку: Мицкевич не использовал классовый анализ и, следовательно, сравнивал несравнимое. Вывод Батурина категоричен: «мелкобуржуазные утописты» не могут быть «прямыми предшественниками большевиков».

Мицкевич направил в «Пролетарскую революцию» ответ Батурину. Обнадеженный, что статья будет напечатана вместе с новыми замечаниями того, кто его критиковал, Мицкевич тщетно прождал год, а затем поместил в журнале «Каторга и ссылка» статью «К вопросу о корнях большевизма». В отличие от

«Пролетарской революции», подчинявшейся Истпарту (Институту истории партии), журнал «Каторга и ссылка» был органом бывших политкаторжан и, следовательно, в меньшей степени зависел от «официальной линии партии».

В статье Мицкевич кажется озадаченным высказываниями своего оппонента:

> «Н. Н. Батурин приписал мне мысль, что русское якобинство — бланкизм — одно и то же, что и большевизм. И он опровергает это мнимое мое положение, частью приводя против него азбучные истины, частью неверные аргументы. В своей статье я указал, что русских якобинцев (Заичневский, Ткачев) можно рассматривать, как **предшественников** большевизма, что некоторые взгляды их вошли, как **элементы**, в большевизм. А тов. Батурин возражает: нет, якобинцы были мелкобуржуазными идеологами и знак равенства между большевизмом и якобинством ставить нельзя. Это все равно, как если бы кто-либо против положения, что социалисты-утописты были предшественниками Маркса в истории социалистической мысли, приводил бы такое возражение, что Маркс вовсе не был социалистом-утопистом или что социалисты-утописты не были марксистами. (...) Против чего же возражает т. Батурин? И все-таки он возражает и утверждает прежде всего, что русское якобинство было мелкобуржуазным течением» [48].

В то же время Мицкевич прекрасно понимал: именно аналогии, столь для него очевидные и оправданные, являются причиной агрессивности, с которой он столкнулся:

> «Некоторые товарищи, признавая много **аналогий** во взглядах русских якобинцев и большевиков, говорят, что **аналогии** эти поверхностны и случайны; но это совершенно неверно. **Причина аналогий** лежит глубоко и обусловлена особенностями русской истории, русской жизни» [49].

Мицкевич не согласен с определением русского якобинства как «мелкобуржуазного течения» (именно этот эпитет был основным аргументом критиков аналогий) и считает, что Заичневский и Ткачев были «наиболее чистыми для своего времени русскими социалистами». Ссылаясь на Ленина, который рассматривал народничество (в том числе и русских якобинцев) как «крестьянский социализм», он настаивает:

> «...русские якобинцы были предшественниками русского революционного марксизма, но они не были еще революционными марксистами. Якобинцы, связавшиеся с рабочей массой, стали революционными социал-демократами — большевиками» [50].

Он непоколебим в своих выводах:

> «Нам, большевикам, незачем отказываться от наследства, полученного от якобинцев. Наследство это было неплохое, а мы оказались хорошими наследниками, мы значительно приумножили и переработали это наследство, чему помогло нам в особенности то, что мы к этому наследству присоединили еще огромное новое наследство — марксизм, а из соединения их . . . и получился ленинизм-большевизм» [51].

Дискуссия, за которой мы проследили на примере Мицкевича и Батурина, не ограничивалась этими двумя действующими лицами. На стороне Мицкевича мы видим и М. Н. Покровского, центральную фигуру зарождающейся «советской исторической науки». Он, в частности, писал в докладе на смерть Ленина:

> «В рамках пролетарского движения Ленин — великий вождь. Но значит ли это, что все предшествующее ему революционное движение в России, хотя бы и не пролетарское, хотя бы и мелкобуржуазное, по отношению к Ленину и к ленинизму — простая археология и больше ничего?» [52].

Хотя он пришел к другим выводам, Покровский, как и Мицкевич, признает, что существовало нечто общее между большевиками и русскими якобинцами; так, он уверен, что русская традиция начиналась с вопроса о захвате власти:

> «Приходится, однако, сказать, что одна проблема, и проблема, чрезвычайно характерная для Ленина, была подготовлена и развита впервые русскими якобинцами. Это — проблема захвата власти. (..) «Молодая Россия» во многих отношениях чрезвычайно пророческая прокламация. Я имел дерзость назвать ее в своих лекциях первым большевистским документом нашей истории» [53].

Другой общей чертой большевиков и якобинцев, с которой начиналась русская революционная традиция, Покровский считал необходимость конспирации. «В этом пункте,— пишет он,— Ленин примыкает к якобинской традиции, на этот раз в лице Ткачева» [54].

Главной мыслью Покровского было подчеркнуть через несколько дней после смерти «вождя мирового пролетариата», что он был также «марксистским синтезом» русского революционного прошлого, при этом преемственность была обеспечена преимущественно якобинским течением [55].

В дискуссию были вовлечены и другие участники, разделявшие в той или иной степени взгляды Мицкевича и Покровского [56]. В числе предтечей ленинизма они включили Бакунина, Нечаева, Чернышевского, Лаврова и членов «Народной воли» [57]. Конечно, они все согласны с идеей, что ленинизм представляет собой «марксистский синтез», но одновременно ищут его русские составляющие.

С самого начала, как уже было показано на примере Мицкевича, эти поиски или скорее заявки о намерениях были приостановлены, но преграду на их пути поставили не непосредст-

венно руководители партии и не только их представители среди историков [58]. Она была плодом коллективных усилий, направленных на выработку «марксистской» концепции, которая, по единодушному мнению, могла быть только единой, очищенной от разногласий. Представление о долге историка-марксиста разделялось всеми от низовых организаций до верхушки партии; таким образом, мы видим, что В. Кирпотин, например, в поисках русских корней ленинизма обращается к Чернышевскому, «социалисту-утописту», и в то же время отказывает народникам из «Народной воли» в звании социалистов-утопистов, квалифицируя их как «мелкобуржуазных демократов» [59].

В 1930 г., когда была опубликована книга Кирпотина, это странное различие между Чернышевским и его последователями находит объяснение в контексте, явно отмеченном стремлением провести четкую демаркационную линию между Октябрьской революцией и Французской революцией. Сам Кирпотин заявляет:

> «Без ясного различения буржуазного переворота от социалистического марксисты и шагу не могли бы ступить в сложной и запутанной российской действительности» [60].

Его книга показывает это в еще большей степени; она похожа на фильм, прокрученный наоборот. В конце находится аналогия с термидором, неприемлемая, почти «преступная». В устах врагов и сомневающихся членов партии, если послушать Кирпотина, эта аналогия выиграла бы в силе, если бы большевики были носителями, пусть даже в ничтожных размерах, мелкобуржуазной идеологии. Поэтому Кирпотин, как и многие другие историки, обращается к прошлому, чтобы вырвать оттуда дурные мелкобуржуазные корни, реально существовавшие или мнимые. Народничество, значительно скомпрометировавшее себя своим якобинским компонентом (разве якобинцы не кончили термидором?), как раз и представляет собой воспоминание, которое нужно стереть из памяти.

Когда Кирпотин убирает народников с их места предполагаемых предшественников марксизма-ленинизма, рассматривая их как якобинцев, он тем самым отделяет их от большевиков:

> «Робеспьер, Сен-Жюст и их сподвижники боролись со старым порядком во имя идеализированных античных доблестей, во имя свободы, справедливости, добродетели, во имя прав человека. На деле же они были орудиями только буржуазного преобразования. Их преувеличенная политическая риторика выходила за рамки того, что могла и хотела дать буржуазия. Поэтому они и погибли. (...) Но и народники, и народовольцы в том числе, хотели превзойти самих себя, утопали в преувеличениях. Готовя крестьянству улучшение его участи в 100 раз, они полагали, что облегчат условия его существования в миллион раз. Будучи субъективно социалистами, они не знали, какими силами и какими путями можно добиться осуществления социализма. Будучи деятелями буржуазно-демократического переворота, они воображали, что борются за осуществление социализма, подобно тому, как Робеспьер и якобинцы воображали, что они борются за республику незапятнанных античных добродетелей. Поэтому *народничество*, в случае победы своей народнической революции, *должно было неминуемо погибнуть*, ибо победа революции выяснила бы всю иллюзорность их теории, всю преувеличенность их программы. (...) Марксизм-ленинизм .. предохраняет рабочий класс от обманчивых иллюзий. (...) ...Гарантирует его и от разочарований после поражений, от уныния перед трудностями. (...) Рабочий класс никого не угнетает, никого не эксплуатирует. Его победа несет освобождение всему угнетенному человечеству. В то же время он знает, как себя освободить, как построить социализм и как повести трудящихся непролетариев к социализму. (...) Поэтому революция пролетариата при правильной политике не связана обязательно с реакцией, в то время как реакция есть обязательное последствие победившей буржуазной революции» [61].

Нетрудно увидеть в этом заботу, которую мы отмечали и у других: рассеять подозрения, «научно» доказав, что большевиков не ждет участь якобинцев. Отсюда вытекает искусственный разрыв между Чернышевским и народническим движением:

> «Путь к восприятию марксизма в России шел от русского гегельянства, от Белинского и отчасти Герцена к Чернышевскому. Главнейшим идейным предшественником марксизма в России был Чернышевский. Путь же от Герцена-народника к Бакунину, Лаврову, Михайловскому — к «Земле и воле» и «Народной воле — был в теоретическом отношении путем выработки враждебного марксизму течения. (...) По всему характеру своей теоретической концепции народники ни в коем случае не были предшественниками марксизма в России» [62].

В 1930 г. Кирпотин и многие другие критики народников [63] одержали победу над их защитниками в развернувшейся дискуссии по «Народной воле» [64]. Так, вычеркнутое из анналов марксизма-ленинизма народничество было обречено на забвение. Ф. Вентури вновь заговорил о нем в 1950-х гг. и за пределами СССР [65].

ОТВЕТ НА «ПРОВОКАЦИЮ» АЛЬФОНСА ОЛАРА

Описанная битва в области историографии достаточно наглядно показывает, как действовал идеологический фильтр.

Не пропуская ни одной подробности, которая могла бы навести на мысль о сходстве между русскими и французскими якобинцами, фильтр — а именно для этого он и предназначал-

ся — защищал пролетарскую сущность тех, кто считал себя последователями Ленина.

Серия критических статей, направленных против А. Олара, относится к тому же типу дебатов, с той разницей, что как со стороны Олара, так и со стороны советских историков проявлялось намерение вести «научную» дискуссию, а не внутрипартийную полемику, поскольку на этот раз тема, казалось, относилась лишь к далекому прошлому. В ней участвовали только историки.

Как мы уже отмечали, Олар с самого начала с энтузиазмом приветствовал русскую революцию: в октябре 1919 г. вместе с другими представителями французской интеллигенции он подписал протест против блокады революционной страны и против вмешательства европейских держав во внутренние дела России [66], хотя это и не означало, что приверженец демократии принял большевистский режим; Олар называл себя «врагом» этого режима и сотрудничал с русскими эмигрантами, мечтавшими о свержении большевизма силой оружия.

В апреле 1923 г. на Конгрессе научных обществ, проходившем в Сорбонне, Олар выступил с докладом «Теория насилия и Французская революция» [67]. В начале выступления он заявил, что все, что последует, отражает мнение историка, в глазах которого Французская революция ни в коей мере не является «школой насилия», как то часто думали.

> «С течением времени создалась теория насилия, которая, мало по малу, из книг перешла в умы, даже во Франции, и которую современные русские революционеры не только возвеличили, но и применили на деле. Согласно этой теории, насилие может быть плодотворным. Только оно может в корне исправить общество. Эта теория претендует на историческое обоснование. Она ссылается на пример Французской революции, которую в Москве — да и не только в Москве — воспринимают и толкуют как школу насилия.
>
> Нам, французам, изучающим историю революции по документам, научными методами, не подчиняя наших исторических изысканий какой бы то ни было политической либо социальной системе, нам-то и надлежит доказать историческую неправильность такого взгляда» [68].

Олар с блеском эрудита изложил историю идей и учреждений власти, что, по его мнению, доказывало, что насилие не было возведено в принцип Французской революции. Так, из всех политических деятелей только Марата можно рассматривать как сторонника насилия; остальные же, бывшие преимущественно юристами, стояли за новый порядок, опирающийся на законы, направленные против разброда, царившего при Людовике XVI. Идеи диктатуры и террора были им чужды: враги заставили прибегнуть к насилию, а террор был порожден войной: «Не существовало никакой классовой диктатуры, но только насильственные методы, явившиеся следствием войны как с внешними, так и с внутренними врагами» [69].

Это выступление было переведено на русский язык и опубликовано в Париже с большим предисловием Миркина—Гецевича (Мирского), который, напомним, спорил с Устряловым [70]. Автор предисловия подчеркнул, что изучая историю Французской революции, Олар, «республиканец, журналист и политический деятель, выступал лишь как ученый, следующий своим научным методам».

Намеренно научные тезисы Олара и предисловие «классового врага» вызвали возмущенные отклики советских историков: три отклика появились в 1924—1925 гг. [71], другой, запоздалый — в 1927 г. [72].

Авторы трех первых статей посчитали, что Олар преувеличивает в своих выводах, и поэтому им кажется нетрудным делом критиковать особенно по тому вопросу, который он сам выбрал. Его «научным» аргументам советские историки противопоставили контраргументы, почерпнутые в его же основном произведении «Политическая история Французской революции, истоки и развитие демократии и Республики (1789—1804)» или же из самой истории революции. Эти статьи практически сводятся к перечислению доказательств существовавшего в эпоху Французской революции насилия, редкие замечания о русской революции содержат две основные идеи, выраженные Малецким:

> «1) Террор русской Октябрьской революции был точно также необходим, как и террор Французской революции, точно также являлся доказательством силы, точно также доставил победу революции, ибо он опирался на движущие силы революции.
>
> 2) Трагедия Робеспьера заключалась в том, что, стоя во главе мелкой буржуазии, он не мог и не умел повести за собой пролетариат,— и такая задача вообще не по плечу мелкой буржуазии. (...) Террор Робеспьера в последний период был доказательством слабости» [73].

Заметим, что террор Французской революции воспринимается как явление, совершенно естественно *сравнимое* с тем, что происходило во время русской революции, причем до такой степени, что характеристика революционных комитетов, данная Оларом, по мнению Малецкого, «совершенно напоминает революционный комитет в России, русскую ЧК» [74]. Все три статьи стремились доказать, что пролетарский террор имел свой прецедент в истории.

Статья Старосельского, написанная в 1927 г., явно отличается от предшествующих критических статей. Показательно са-

мо язвительное название: «Буржуазная революция и юридический кретинизм». Тем самым автор, казалось, предупреждал, что выступления Олара будут рассмотрены не с точки зрения того, что он говорил о Французской революции, но того, что касается *буржуазной* революции. Объемная и эрудированная статья создает впечатление, что первые критические ответы Олару были поверхностными: совершенно очевидно, что Французская революция прибегала к насилию, для подтверждения этого достаточно привести факты, противоположные тем, которые использовал Олар. Старосельский усложняет ответ. Он тщательно подбирает исторические и юридические аргументы, поскольку видит, что нужно преодолеть одну трудность: показать, что два террора — французский и русский — *несравнимы*.

В самом деле, Старосельский выстраивает свой ответ вокруг идеи о том, что отсутствие теории насилия — он частично согласен с этим положением Олара — не помешало прибегнуть к террору. Он приводит целый список незаконных актов, начиная со взятия Бастилии и кончая казнью короля и установлением Комитета общественного спасения, Комитета всеобщей безопасности и революционных комитетов, диктаторская власть которых попирала Конституцию, принцип разделения властей и принцип независимости судебной власти. Цитируя закон о подозрительных от 17 сентября 1793 г., так же как и другие ему подобные, Старосельский утверждал, что правосудие вершилось в революционных трибуналах, а репрессировали большей частью несудебные органы (народные комиссии, военные комиссии, армия). Он делает вывод о том, что

> «...«теория ненасилия» не помешала мелкобуржуазным революционерам создать машину классовой диктатуры, действующей диктаторскими методами; но эта же теория помешала им организационно ее достроить, и фетишизм формы, не сделав революцию мягче, сделал ее беспомощнее» [75].

Отсутствие плана действий, чисто эмпирические способы создания машины диктатуры придали революционному правительству неповоротливость и жесткость, превратившие его в антидемократический орган, двумя основными недостатками которого были: оторванность центра от периферии и недостаточность политических отношений между руководством и массами. Таковы последствия «теории ненасилия» для диктатуры; они еще хуже для террора:

> «При отсутствии ясного сознания относительно истинно классового характера своей политики революционный класс в подавлении контрреволюции склонен будет к террористическим излишествам, не зная, куда бить, станет бить наобум» [76].

Приводя множество примеров разгула террора при якобинской диктатуре, Старосельский показывает специфическую черту буржуазных революций. Таким образом, якобинцы оказываются певцами террора, который стал не чрезвычайным средством в противоположность правосудию, но самим правосудием, проявлением столь дорогой их сердцу добродетели. Автор обильно цитирует Пейяна, Колло д'Эрбуа, Сен-Жюста и многих других, тех, кто оправдывал казнь десятков невиновных, если это позволяло уничтожить пусть даже одного-единственного врага революции. Старосельский определяет эту идеологию как «террористическую» и отличает террор как средство защиты революции от свойственного якобинцам «терроризма».

> «Идеология терроризма не только «признает» устрашение, как средство охраны существующей политики, но и возводит террор на степень самой политики. «Теория устрашения» становится, таким образом, «политикой истребления»,— и именно до такой политики дошли мелкобуржуазные революционеры к весне 1794 года. (...) Именно об истреблении, а не устрашении говорили эти законы и вся революционная идеология» [77].

Но поскольку культ закона не был отменен и находил свое выражение в формуле «судья идет впереди палача», Старосельский полагает, что террор от этого становился лишь безжалостнее: мщение стало лозунгом этого судьи, идущего впереди палача:

> «Призывы к мести в официальных документах, идеология мести как революционная идеология, это отличительный признак буржуазной революции».

Старосельский подробно излагает историю Великого террора, показывая, что

> «...революция, начавшаяся с безнаказанности роялистских памфлетов, кончила законом о подозрительных, проскрипцией целых классов и преследованием всех инакомыслящих» [78].

Мог ли он предугадать устрашающее сходство между разоблачаемой им логикой и той, что погубит его через несколько лет во время чисток? Но как человек, не ведающий своей судьбы, он посвящает последний раздел статьи опровержению возможности повторения якобинского террора.

> «Пролетарская революция не нуждается вообще в апологиях, ни в оправданиях перед проф. Оларом (...). Но небесполезным представляется разочаровать заграничных доброжелателей: «Москва» никогда и не думала «оправдывать кровь ЧК террором Конвента»: незачем ей это вовсе, зря вы за память французских революционеров беспокоитесь Незачем,— потому что «издержки революции» пролетарской оказались гораздо скромнее, чем издержки буржуазной революции» [79].

Старосельский стремится доказать, что наличие «теории насилия» дало возможность снизить цену, заплаченную за пролетарскую революцию в России (существовавший в 1918 г институт заложничества «унес меньше жизней», чем судебная практика Французской революции; создается впечатление, что репрессии ЧК были «образцом умеренности и целесообразности» по сравнению с репрессиями парижского революционного трибунала [80])

> «Прежде всего вследствие приверженности «русских революционеров» к «теории насилия», методы диктатуры и террора никогда не могли занять в пролетарской революции неподобающего им места «Теория насилия»,— если г профессору угодно так именовать марксистско-ленинское учение,— у нас, действительно, имеется, но вот «идеологии терроризма» вследствие этого у нас никак получиться не могло» [81]

Понятие «идеологии терроризма», введенное Старосельским для обозначения якобинского террора с сентября 1793 по июль 1794 гг, служит здесь для того, чтобы отрицать связь между якобинцами и большевиками, на существовании которой настаивал Олар и другие враги Октябрьской революции По мнению Старосельского, эта идеология, основанная на мести, свойственна только французским мелкобуржуазным революционерам или, на худой конец, членам «Народной воли», их русским двойникам [82]

Таким образом, мы можем констатировать, что критика, направленная против Олара, начавшись в 1924—1925 гг без каких-либо намеков на сравнение большевиков с якобинцами, закончилась статьей Старосельского, где было проведено строгое разграничение между двумя революциями и их действующими лицами Старосельский, твердо отстаивавший свою точку зрения в дискуссии о перерождении якобинцев, кажется, воспользовался возможностью представить доказательства этого перерождения, описывая якобинский террор Он старается быть последовательным, но в то же время способствует проводившейся совместно работе, направленной на то, чтобы разрушить и переписать историю заново, последствия сего ему были неведомы [83]

Глава X

Термидор: отступление или шаг в неведомое?

Большевики отвергли аналогии с Французской революцией, что окончательно определило направленность советской философии истории, остававшейся неизменной на протяжении десятилетий Другие революционеры, меньшевики и оппозиционеры, согласились с аналогиями, но с большим трудом· накануне Второй мировой войны аналогии еще мешали им изменить свое схематическое представление о СССР

МЕНЬШЕВИКИ ПЕРЕСТАЮТ ГОВОРИТЬ ДВУСМЫСЛЕННО

В то время как большевики выступали против оппозиционеров, вменяя им в вину обращение к аналогии, что «являлось признаком скрытого родства с меньшевиками», меньшевики радовались «Наконец-то термидор стал аргументом в ожесточенной борьбе большевистской клики за власть» [1] Осенью 1927 г «Социалистический вестник» поместил пять статей, свидетельствующих о том, что меньшевики пристально следят за развернувшейся вокруг термидора борьбой большинства с левой оппозицией [2], а также, что они стараются окончательно определить свое собственное отношение к аналогии, ставшей некстати их общей с оппозиционерами и сталинцами участью [3]

Основным пунктом, по которому меньшевики соглашались с оппозицией, была констатация все усиливающегося перерождения в рядах большевиков и в среде советских чиновников Общим было также и то, что они воздерживались от заключения, что большевистская партия уже стала термидорианской· все считали, что партия еще находится «на пути к термидору»,

в конце которого действительно может произойти бонапартистский государственный переворот, но что партия может еще этого избежать. Все верили — правда, каждый в соответствии с собственной программой — что политическая борьба является средством избежать термидор.

Что касается разногласий между оппозиционерами и сталинцами, то меньшевики не признавали социалистический характер Октябрьской революции, которую они рассматривали в том же плане, что и Французскую революцию, что не исключает, по их утверждению, «наличие пропасти между обеими революциями». Убежденные в том, что русская революция была буржуазной, меньшевики рассматривали нэп и термидорианский лагерь не так, как оппозиция.

> «Нэп, явившийся капитуляцией перед крестьянством, перед частным товарным хозяйством, перед капитализмом, и был началом экономического термидора, открывшим новую главу буржуазного перерождения советской власти, неотвратимо ведущего к политическому термидору» [4].

Автор этих слов П. Гарви отдает должное Сталину за решительную поддержку новой экономической политики перед критикующей ее оппозицией, которая, впрочем, не осмеливается требовать отказа от нее.

> «Не забудем, что и Робеспьер в сущности перед гибелью готовился уже повернуть вправо, т. е. готовился встать на путь самотермидорианства, по которому неукоснительно шествует наученный его примером Сталин. (...) Сталинцы справедливо обвиняют оппозицию в военно-коммунистических тенденциях, в антикрестьянском уклоне» [5].

Очевидно, что в глазах Гарви сталинцы были термидорианцами, но Троцкий, Зиновьев и все их сторонники в не меньшей степени были:

> «...как две капли воды похожи на тех крайне левых якобинцев, что в союзе с «болотом», то есть главной армией термодорианцев, взяли на себя почин свержения Робеспьера» [6].

В этом отношении сталинцы вполне могли бы согласиться с меньшевиками. В свою очередь предъявить обвинения в термидорианстве было их излюбленным методом отвечать на нападки оппозиционеров внутри партии.

К лагерю термидорианцев, бывших или настоящих, меньшевики причисляли людей, находившихся у власти *до* государственного переворота, и тех, кто оказался у власти *после* него. Термин «термидор», по их мнению, включал в себя в некоторой степени представление об изменениях, происходящих в соотношении сил между классами и в самой диктатуре после революции.

Переустройство общества в Советской России зашло столь далеко, что качественные изменения уже существующих элементов термидорианства должны произойти вне зависимости от того, кто победит: сталинцы или троцкисты. Если победят сталинцы, то, вероятно, изменения не будут резкими; если же победят троцкисты, то их победа будет недолгой, т. к. их предрасположенность к военному коммунизму очень скоро спровоцирует термидорианский взрыв. Рано или поздно проявится буржуазный характер Октябрьской революции, и, как и во Франции, исторический смысл русского термидора будет заключаться в «ликвидации диктатуры мелкобуржуазного фланга, опирающейся на пролетариат, и переходе к откровенно буржуазному господству».

Вновь обратившись к анализу, предложенному задолго до этого Мартовым, меньшевики и в 1927 г. оставались верны его тактическому призыву придать ликвидации большевистской диктатуры «как можно менее термидорианский характер»:

> «Лишь широкое движение народных масс города и деревни во главе с пролетариатом под знаменем политической свободы и последовательной демократии, лишь демократическое преодоление засидевшейся диктатуры большевиков снизу сможет предотвратить как отечественный термидор, так и неотвратимо за ним следующий истинно русский бонапартизм» [7].

Отказ от нэпа не разубедил меньшевиков, для которых термидор означал антидемократическую контрреволюцию, в правильности своих прогнозов. Смешанная экономика — государственный и частный сектор — соответствовала их концепции русской революции, так что нэп являлся политикой, хорошо вписывающейся в рамки их революции, политикой, которую Мартов определил как *самотермидоризацию*. Отказ от нэпа достоен сожаления, поскольку большевики снова пустились в утопию, но он ничего не меняет в том, что касается угрозы контрреволюции. Вот почему Р. Абрамович, автор статьи, озаглавленной «Термидор и крестьянство» [8], воспринимает коллективизацию — основную меру, сводящую нэп на нет, как термидор и бонапартизм. Он полагает, что кризис в сельском хозяйстве, вызванный утопизмом индустриализации и антикрестьянской политикой Сталина, должен привести к взрыву недовольства в деревне, и тогда крестьянство сыграет решающую роль в ликвидации большевистской диктатуры. Падение диктатуры могло удовлетворить меньшевиков, но только не ценой подавления демократии. Однако крестьянство, собственнический инстинкт которого

бушует, а ненависть к городу и к рабочим еще больше возросла в результате действий, предпринятых большевиками, представляет собой огромную опасность: оно может превратить ликвидацию большевистской диктатуры в крестьянский термидор. Бонапартистский исход революции вполне возможен из-за сходства между процессом перерождения в аппарате большевистской партии и перегруппировкой социальных сил внутри крестьянства. «Если термидору в России суждено победить, то он победит лишь как крестьянский термидор»,— утверждал Абрамович [9].

Исчезновение явных — для Устрялова и многих других — признаков термидора (частной собственности, капиталистов в городе и деревне) не побудило меньшевиков отказаться от способа мышления по аналогии. До конца 30-х гг. в партийных платформах, в статьях, появлявшихся как в эмиграционной прессе, так и внутри страны (до запрещения этих изданий) при анализе положения в СССР постоянно используются термины «термидор» и «бонапартизм». Целью социал-демократической партии по-прежнему остается предотвращение риска контрреволюции, обозначенной этими двумя терминами, левая и правая часть партии по-разному представляют себе способы парировать эту угрозу [10].

Правые, бывшие в меньшинстве,— их представлял А. Н. Потресов, в основном делали упор на антидемократические, реакционные и утопические черты большевизма. Они рассматривали взятие власти в 1917 г. как начало контрреволюции в своеобразной форме. Следовательно, они не возлагали никаких надежд на эволюцию большевистской диктатуры в сторону демократии, если только ее не поглотит новая волна революции. Вдохновляемые Мартовым левые, бывшие в большинстве, основывались на убеждении, что большевизм следует рассматривать как историческую форму крестьянской революции. Хотя эта революция и была утопической, она сумела на свой лад решить вопросы национального масштаба, которые невозможно было решить демократическим путем. Вслед за Мартовым его сподвижники не отрицают, что большевизму присущи некоторые реакционные черты, и они даже считают, что бонапартистский финал вполне возможен, но не согласны с тем, что Октябрь был концом революции. Они полагают, что происходящий процесс двояк: с одной стороны, революционные и пролетарские силы побуждают власти во имя рабочего единства к демократизации режима, с другой — мелкобуржуазные силы стремятся к победе контрреволюции, к термидору. Отсюда вытекает двойная тактика, предложенная Мартовым. С годами «большевистская практика» безжалостно опровергала обоснованность этой тактики, тем не менее, социал-демократическая партия не хотела отказаться от своей оптимистической ориентации, ставшей признаком «хорошего политического поведения» [11].

В 1930—1933 гг. в партии прошла дискуссия. Некоторые меньшевики задумались о «новом этапе в развитии большевистской диктатуры» [12]. Они отмечают, что

> «..в области экономики этот новый этап характеризуется расширенным воспроизводством военного коммунизма, а в области политической — разгромом обеих оппозиций и персонификацией диктатуры».

Пересмотр «генеральной линии» меньшевистской партии кажется им необходимым. Они предлагают заменить тактику, основывающуюся до сих пор на идее поддержки демократизации режима, на «решительную и непримиримую борьбу, направленную против режима кровавой диктатуры Сталина» [13]. Однако эти оппозиционеры остаются в меньшинстве [14]. В официальных тезисах, изложенных Ф. Даном в 1933 г., утверждается, что «основная задача РСДРП — борьба за предотвращение контрреволюции» [15].

Более чем когда-либо, необходимо вести борьбу против большевистской диктатуры в соответствии с этой, ставшей первостепенной в международном контексте, задачей. Советский Союз — единственная страна, в которой начавшиеся революционные процессы еще не закончились: если бы внутренняя контрреволюция или международный капитализм задушили революцию, это нанесло бы ущерб мировому пролетариату и даже последующему историческому развитию.

Меньшевики цеплялись за любой реальный или выдуманный предлог (национализация, индустриализация, коллективизация, Конституция 1936 г., присоединение к Лиге Наций), чтобы пикетать выдуманный ими миф о революционных и социалистических достоинствах советской системы [16], и беспрестанно отделяли большевистскую диктатуру от революционной диктатуры трудящихся [17]: они превозносили эту последнюю и настоятельно подчеркивали, что в отличие от большевистской диктатуры «диктатура трудящихся совместима с демократией и могла бы существовать лишь опираясь на нее» [18].

Эти речи становились все более двусмысленными по мере того, как с каждым днем поступали все новые доказательства подавления демократии. Тем не менее, будучи добрыми оптимистами, меньшевики все еще пытались найти решение, которое дало бы им возможность бороться, пусть даже в своем воображении, с контрреволюционной угрозой, вместо того, чтобы прийти к заключению, что она уже реально осуществилась. Так, в январе 1935 г. Ф. Дан писал по поводу террора, развязанного после убийства Кирова:

> «...нынешняя волна террора способна не только отраженным действием своим взращивать контрреволюционную опасность, но прямо и непосредственно подготовлять почву для торжества контрреволюции.

И именно поэтому про нее можно сказать, что она окрашена в «термидорианский» цвет, более того, что это первый в истории большевистского периода революции акт, термидорианская окраска которого совершенно очевидна. (...) Разумеется, как и всякий термин, взятый в порядке исторической аналогии, и термин «термидор» надо понимать в применении к русской революции весьма условно. Он во всяком случае никак не может указывать на несуществующее тождество форм революционных процессов во Франции XVIII и в России XX века. Его задача лишь в том, чтобы одним словом вместо длинного описания характеризовать социально-политическую тенденцию той новой волны террора, о которой мы говорим. «Термидорианский» характер ее в том и состоит, что она грозит привести в другой исторической обстановке и при другом сочетании классовых сил, но к тем же последствиям, какие имела казнь Робеспьера. (...) Но опять-таки надо помнить, что речь идет не о термидориански законченном круговороте революционного процесса» [19].

Подобные же размышления мы встречаем в 1936 г. по поводу московских процессов и последовавших за ними казней:

«Московские события (расстрелы) последнего времени означают громадный шаг вперед к самоутверждению и дальнейшему оформлению единоличной диктатуры и тех бонапартистских и реставрационно-капиталистических тенденций, носительницей которых она все больше делается, громадное усиление ее шансов на победу в борьбе с теми низовыми, народными силами советского общества, которые воплощают в себе тенденции социалистическо-демократические» [20].

Наконец, хотя диктатура Сталина часто беспощадно критикуется, как только речь заходит о том, чтобы недвусмысленно обозначить ее как бонапартистскую, меньшевики говорят очень неопределенно:

«Мы совершенно согласны с Каутским, что диктатура Сталина по всем своим явлениям и методам как две капли воды похожа на бонапартизм. Но...

Когда Каутский спрашивает социал-демократов: «Что же еще нужно сделать Сталину, чтобы прийти к бонапартизму?», то на это ответ может быть только один: он должен, сохраняя антидемократическую диктатуру, наполнить ее капиталистическим содержанием, сделать ее инструментом и орудием для эксплуатации рабочих и крестьян в интересах новой буржуазии и новой плутократии.

Что большевистская диктатура к этому идет, что политика безудержного утопизма и насилия над экономикой подготовляет самую злейшую реставрацию капитализма на основе подавления демократии — это не подлежит никакому сомнению и теперь ясно сознается уже и многими коммунистами. (...) Но этот процесс еще не закончен и исторический зигзаг пока еще направлен в диаметрально-противоположную сторону, т. е. революционно-утопическую.

Все усилия и эксперименты большевиков, при которых многое создается, многое разрушается и бессмысленно расточается, направлены — субъективно и объективно — не на то, чтобы создать олигархию новых собственников, а наоборот на то, чтобы всеми силами воспрепятствовать образованию такого рода классов и слоев, и эта особенность

большевистской диктатуры в ее нынешней стадии опрокидывает все поверхностные аналогии с историческим бонапартизмом и контрреволюцией» [21].

В меньшевистской прессе появилось множество призывов защищать «существующие наряду и вопреки диктатуре Сталина возможности социализма» [22]. В 1936 г. они воспевают Конституцию, хотя и осведомлены об арестах и смертных приговорах [23]. Конституционные свободы или все «экономические завоевания социалистической направленности» (в том числе и в области планирования или сельского хозяйства) они воспринимают как подтверждение наличия сил, противостоящих термидору. Ф. Дан утверждал, что русская революция в себе самой получает «антитермидорианский заряд» несравнимо большей напряженности, чем тот, какой получала Французская революция XVIII в. [24] Он прославляет

«...непрерывно получаемые животворящие импульсы из окружающего ее мира, который весь живет в брожении и судорожном движении, весь объят предчувствием великих социальных потрясений» [25].

Перед лицом фактов, свидетельствующих о деятельности советского правительства, которую с трудом можно было интерпретировать как проявление социалистической тенденции, реакция некоторых меньшевиков следующая:

«...нельзя говорить о термидорианских тенденциях власти там, где мы имеем перед собой столь свойственный коммунистам «маневр», очередную попытку перехитрить Историю» [26].

Самовнушение относительно возможности демократического и социалистического развития СССР и стремление зацепиться за его воображаемые признаки столь сильны, что меньшевики возлагают даже надежды на «особо хитрую игру Сталина» [27]. Это объяснение выдвигалось, в частности, по поводу Германо-советского пакта.

На протяжении многих лет меньшевики не могли найти точный определенный ответ на вопрос, сформулированный однажды О. Доманевской в названии статьи «К социализму или к термидору?». В 1939 г. заключение пакта позволило, наконец, части меньшевиков окончательно отбросить «тягостный вопрос».

«Ход событий показал, что термидор в России остался уже далеко позади. Союз с Гитлером, раздел с ним Польши, бандитское нападение на Финляндию — это был полный политический обвал. Под этим обвалом погибли все прошлые иллюзии и надежды, все прежние представления и построения, от которых жестокая реальность не оставила камня на камне» [28].

Эта группа меньшевиков (Р. Абрамович, Б. Двинов, Г. Аронсон, М. Кефали, Б. Николаевский) потребовали пересмотреть программу партии и поставили себе целью «поражение диктатуры во вне и ее революционное свержение внутри страны» [29]. Вопрос «когда произошел русский термидор?» они считают совершенно безосновательным и уже не видят необходимости выяснять, был ли переход к термидору медленным, едва уловимым, или же он произошел в один день. Эта меньшевистская группа пересматривала свою тактику, отталкиваясь от совершенно установленного факта: «режим термидора окончательно оформлен в России» [30].

Ф. Дан и его единомышленники, с подозрением относившиеся к этой перемене курса, выступали против изменения тактики, ранее намеченной Мартовым. Они считали, что поскольку режим обречен, исправить положение в СССР можно только при помощи вмешательства извне — позиция, помешавшая Дану избавиться от двусмысленного толкования термидора. Он уже больше не верит в возможность развития сталинской диктатуры в сторону демократии; более того, он считал, что эта диктатура является разновидностью бонапартизма, а быть может даже и фашизма. Следовательно, он думал, что существующий в СССР режим контрреволюционен. Но он по-прежнему опасался, что режим, который придет на смену сталинской диктатуре, будет наихудшей формой контрреволюции. Дан безусловно отвергал выбор между существующим режимом, при котором сохранялась социалистическая экономика, и более свободным для рабочих, но делающим уступки капитализму политическим режимом: он требовал полной демократии с сохранением всех социалистических завоеваний и называл этот третий путь истинно социалистическим путем. Он с презрением отвергал любое другое решение, считая его капитуляцией перед контрреволюцией и даже пособничеством ей [31].

В 1943 г. Ю. Денике положил конец дебатам, заявив, что все меньшевистские оценки ситуации при помощи аналогии были ошибочны, поскольку русская революция, приведшая к тоталитарному государству, в корне отличается от Французской революции [32].

ТРОЦКИЙ: АНАЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Когда в ссылке Троцкий смог свободно выражать свои взгляды, он стал уделять все возрастающее внимание аналогии. В «Бюллетене оппозиции», который начал выходить в Париже в июле 1929 г., он часто поднимал вопрос о термидоре. Сознавая, что «дело идет не о тождестве, а об исторической анало-

гии, которая всегда находит свои пределы в различиях социальных структур и эпох», он, тем не менее, принимает ее всерьез, т. к. для него «данная аналогия не поверхностна и не случайна» [33]. Что бы о том ни говорили советские публицисты и несмотря на некоторые частные различия двух революций, термидорианская модель применима к Октябрьской революции так же, как вообще к любой революции. Пример термидора, как «лучший пример контрреволюционного акта насилия, первая часть которого полностью протекала под знаменами революции», дает возможность выявить опасность сползания к реакции [34]. К тому же использование аналогии как политического оружия оправдано, и если какой-нибудь Марецкий старается доказать, что аналогия «неприменима», так только потому, что он преследует четко определенную политическую цель. Если принять во внимание «гигантский международный размах полемики вокруг термидора», у Троцкого не остается никаких сомнений в том, что аналогия является частью игры, преследующей политические цели [35], поэтому он проявляет осторожность в применении термина «термидор» по отношению к советской действительности. Напоминая о переходе власти от одного класса к другому, «термидор» имеет очень серьезную политическую коннотацию: он полностью дискредитирует пролетариат СССР. Троцкий настаивает поэтому на термине «термидорианская тенденция» — понятии для него более точном, если говорить об откате революционной волны и сползании в сторону реакции. Рост слоя большевиков-хапуг, которые отрываются от масс в той же мере, как в свое время «разжиревшие якобинцы», является самым тревожным проявлением этой тенденции.

Учитывая различия между этими двумя понятиями — *термидор, термидорианская тенденция,* — Троцкий придает большое политическое значение тому, как аналогию использовала немецкая оппозиция, в частности, Leninbund. В начале 1929 г. эта группа во главе с Урбансом заявила, что высылка создателя Красной Армии за пределы СССР равносильна казни Робеспьера [36]: 11 февраля газета *«Фольксвилле»* опубликовала резолюцию относительно положения в СССР, где говорилось: «Это термидор!»; редакционная статья от 13 февраля была еще более сурова: «С высылкой Троцкого подведена заключительная черта под революцией 1917 года» [37].

Троцкий отвечает статьей, появившейся в «Бюллетене оппозиции». Он не приемлет употребления аналогии своими немецкими друзьями, которые, сводя термидор к его личной судьбе, не видят главного: классовая природа Советской России остается пролетарской.

«Русская революция XX века неизмеримо шире и глубже Французской XVIII века. Революционный класс, на который опирается Ок-

тябрьская революция, гораздо многочисленнее, однороднее, компактнее и решительнее, чем городские плебеи Франции. Руководство Октябрьской революции во всех своих течениях гораздо опытнее, проницательнее, чем были и могли быть руководящие группы Французской революции. Наконец, политические, экономические, социальные и культурные изменения, произведенные большевистской диктатурой, неизмеримо глубже изменений, произведенных якобинцами. Если вырвать власть из рук плебеев, несмотря на то, что они были ослаблены ростом классовых противоречий и бюрократизацией якобинцев, нельзя было без гражданской войны,— а термидор был гражданской войной, в которой санкюлоты потерпели поражение,— то неужели же кто-нибудь может подумать или поверить, что власть из рук русского пролетариата может перейти в руки буржуазии мирным, спокойным, незаметным бюрократическим путем? Такое понимание термидора есть не что иное, как реформизм наизнанку» [38].

Немецкие товарищи, заострив внимание на переходе к термидору (акт насилия или незаметный переход?), дали Троцкому повод вновь пристально изучить аналогию. Из этого анализа Троцкий извлек оптимистическую убежденность: если средства производства остаются в руках Советского государства, а земля национализирована, если буржуазные элементы по-прежнему исключены из Советов и Красной армии, а монополия на внешнюю торговлю по-прежнему предоставляет гарантии против экономической интервенции капитализма, то значит классовая борьба продолжается. Последнее слово еще не сказано.

«Термидор, по отношению к пролетарской революции, означает переход власти из рук пролетариата в руки буржуазии. Ничего другого он означать не может. Если термидор совершился, значит Россия — буржуазное государство» [39].

Таким образом, проанализировав положение в СССР по аналогии с событиями Французской революции, Троцкий ожидает радикального изменения режима в сторону капитализма. Пока этого не произошло, он предпочитает упомянуть о термидоре, лишь используя термин «термидорианская тенденция».

В конце 1930 г. в статье «О термидорианстве и бонапартизме» [40] Троцкий дает еще более разработанное толкование смысла, который он вкладывал в аналогию. Отвечая своим зарубежным друзьям, он говорит, что они ошибались, думая, что он по-новому оценивал Советское государство, обнаружив в нем «термидорианские тенденции» и «черты бонапартистского режима». По словам Троцкого, обращение к аналогии вовсе не означает, что в его глазах сущность Советского государства уже стала термидорианской. Напротив, он находит, что в Советском Союзе строят, и причем успешно, социализм. Но капиталистическое окружение, сопротивление враждебных пролетариату

сил внутри страны и ошибочная политика руководства партии осложняют этот процесс и обусловливают наличие противоречий, которые, в случае если они достигнут крайней точки, рискуют подорвать основы социализма. Социализм будет заменен капитализмом особого типа: вот тогда и свершится термидор. Так, под пером Троцкого термидор вновь предстает как контрреволюция, возвращающая страну к капитализму.

В то же время отметим, что в своем анализе Троцкий столкнулся с некоторыми трудностями. Например, в вопросе о форме, которую мог бы принять контрреволюционный государственный переворот. Если еще год назад Троцкий, ничуть не колеблясь, предсказывал насильственную форму или же во всяком случае «потрясение, которое не пройдет незамеченным», на этот раз он ограничился весьма неопределенным прогнозом. Сыграют роль многие факторы: серьезность экономических противоречий, баланс капиталистических и социалистических тенденций, соотношение сил между истинными пролетарскими большевиками и «псевдобольшевиками», схожими на самом деле с «разжиревшими якобинцами», и, наконец, иностранная интервенция. В любом случае Троцкий считает абсурдным полагать, что контрреволюционный режим в СССР переживет, в свою очередь, известные три стадии истории революции во Франции: Директорию, Консульство и Империю. Зато Троцкий предусмотрел при контрреволюционном режиме, какую бы форму он ни принял, место для «термидорианских и бонапартистских элементов, представленных советскими бюрократами». В глазах Троцкого вес и влияние этих элементов в партии и в советских органах становится все большей проблемой, т. к. именно с ними, по его мнению, связано возможное наступление термидора. И все-таки их невозможно определить как *буржуазные* и *капиталистические* в точном значении этих терминов, особенно в условиях национализированной и плановой экономики. С другой стороны, из-за «персонификации диктатуры» возможность переворота или даже акта насилия внутри партии становится все менее вероятной. Таким образом, определение советского термидора как «первого этапа буржуазной контрреволюции, направленной против социальной базы рабочего государства» выглядит противоречащим действительности [41].

Троцкий приходит к выводу, что «аналогия с термидором служила скорее к затемнению, чем к выяснению вопроса» и в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм» [42] он считает «необходимым пересмотреть и исправить историческую аналогию» и раскрыть «истинный смысл термидора».

Он начинает с вопроса требующего незамедлительного ответа: «Был ли термидор контрреволюцией?». Ответ отрицательный:

«Контрреволюция... должна была произвести восстановление феодальной собственности. Но термидор и не покушался на это (...) Термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции Тот же смысл имело и 18 брюмера Бонапарта, следующий важный этап на пути реакции. Дело шло в обоих случаях не о восстановлении старых форм собственности или власти старых господствующих сословий, а о распределении выгод нового социального режима между разными частями победившего «третьего сословия» [43].

Подобная интерпретация событий французской истории привела к тому, что Троцкий коренным образом изменил смысл аналогии: она должна основываться не на идее возврата к буржуазному режиму, но на идее бюрократизации режима:

«Бюрократия в обоих случаях поднималась на спине плебейской демократии, обеспечившей победу нового режима. Якобинские клубы постепенно удушались. Революционеры 1793 года погибали в боях, становились дипломатами и генералами, падали под ударами репрессий или . уходили в подполье. Иные якобинцы с успехом превращались позже в наполеоновских префектов. К ним присоединялись все в большем числе перебежчики из старых партий, бывшие аристократы, вульгарные карьеристы А в России? Постепенный переход от кипящих жизнью советов и партийных клубов к командованию секретарей, зависящих единственно от «горячо любимого вождя», воспроизводит через 130—140 лет ту же картину перерождения, но на более гигантской арене и в более зрелой обстановке» [44].

Благодаря такой поправке Троцкий может, наконец, ответить на вопросы, в отношении которых он был противоречив. Прежде всего он решительно отбрасывает упреки в противоречии, заключающемся в том, что отрицая свершение термидора, он в то же время отождествлял сталинцев с термидорианцами и бонапартистами, отбросившими «якобинцев» [45]; он также отрицает, что называл бонапартистским механизм власти в СССР. Теперь, когда он понял «истинный смысл термидора», ему кажется, что можно легко ответить на часто задававшийся ему вопрос «если советского термидора еще не было, то откуда было взяться бонапартизму?» — «1924 год — это и есть начало советского термидора». Он понимает под этим, что смена власти советов первых лет революции бонапартистским режимом Сталина «произошла не сразу, а в несколько приемов, посредством ряда гражданских войн бюрократии против пролетарского авангарда» [46].

Другой вопрос, который часто задавали Троцкому, касался природы Советского государства: можно ли считать его рабочим государством, учитывая положение трудящихся, неравенство условий существования и привилегии бюрократов? Троцкий замечает, что во Франции государственный переворот 9 термидора не ликвидировал завоеваний буржуазной революции. Также и в Советском Союзе «чудовищное бюрократическое перерождение» не помешало успехам в области экономики, которые стали возможны благодаря национализации средств производства, что подтвердило существование Советского государства как «исторического оружия рабочего класса»:

«...бюрократия вырвала власть из рук массовых организаций. В этом смысле можно говорить о диктатуре бюрократии и даже личной диктатуре Сталина. Но эта узурпация оказалась возможна и может держаться только потому, что социальное содержание диктатуры бюрократии определялось теми производственными отношениями, которые заложила пролетарская революция. В этом смысле можно с полным правом сказать, что диктатура пролетариата нашла свое искаженное, но несомненное выражение в диктатуре бюрократии» [47].

Таким образом, признав советский термидор и разоблачив режим Сталина как бонапартистский, Троцкий утверждает, как это не парадоксально, что социалистические завоевания Октябрьской революции еще не отброшены и что Советское государство все еще остается рабочим.

Изменения, внесенные им в аналогию, дают ему возможность не только вновь перечислить общие черты двух революций, но и по-другому, глазами оптимиста, оценить пределы этого сходства. С одной стороны, существует громадная разница между исторической ролью, выпавшей на долю буржуазного и пролетарского государства. Рабочее государство берет на себя обязанности руководителя и организатора, в то время как буржуазное государство «ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам». После буржуазной революции изменения политического характера оказывают лишь поверхностное и косвенное влияние на развитие экономики. Смена рабочего политического режима другим, буржуазным, напротив, неизбежно повлекла бы за собой ликвидацию принципа планирования, а затем восстановление частной собственности. Построение социализма, следовательно, неразрывно связано с сознательно направленными действиями государственной власти или, как говорит Троцкий, «современный этап развития — построение социализма — живет и умирает в то же время, что и рабочее государство» [48]. Таким образом, поскольку он считает, что Советское государство сохраняет свой рабочий характер, Троцкий находит политически оправданным попытаться защитить это государство от деформаций.

С другой стороны, «историческая аналогия не выходит за свои пределы», когда речь идет о бонапартизме. Для Троцкого бонапартизм — это режим маневрирования. В свое время Наполеон «вел борьбу не только против феодального мира, но и против *плебса* и демократических кругов мелкой и средней буржуазии». В настоящее время Сталин «охраняет завоевания Ок-

тябрьской революции не только от феодально-буржуазной контрреволюции, но и от притязаний трудящихся».

Режим маневрирования по своей природе не может долго продержаться. Низвержение Наполеона не повлекло за собой во Франции разрушение социальной пирамиды, сохранившей свой буржуазный характер; напротив, неизбежное крушение сталинского бонапартизма, положив конец рабочему характеру Советского государства, разрушит его социальную пирамиду. А поскольку социалистическую экономику невозможно строить без власти рабочих, судьба Советского Союза как социалистического государства зависит от политического режима, который придет на смену сталинскому бонапартизму. В конце этих размышлений Троцкий вновь рассматривает возможность счастливого завершения политических действий, которые надо будет предпринять: «Возродить советскую систему может только авангард пролетариата, если ему удастся собрать вокруг себя трудящихся города и деревни» [49].

То, что Троцкий по-особому относится к тщательно пересмотренной аналогии, в то время как он мог росчерком пера осудить ее, оправдано постоянно повторяющимся утверждением, что «без исторической аналогии невозможно учиться у истории». С этой точки зрения «Преданная революция», вышедшая в 1936 г., проливает свет на скрытие мотивы Троцкого.

В главе, посвященной советскому термидору, он дает новое определение этому явлению, называя его «победой бюрократии над массами», и на этот раз подробно останавливается на причинах победы: «Почему Сталин победил? Прежде всего потому, что существуют законы, общие для всех революций».

> «Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишено всякого научного содержания» [50].

Все революции повлекли за собой реакцию и даже контрреволюцию, что вызвано «переменами в отношениях между классами» и «глубокими изменениями в психологии масс, еще вчера революционных»: усталость, подавленность и разочарованность масс облегчили приход к власти деятелей, бывших на втором плане. «Объединившись со вчерашними врагами революции», эти люди превратились в новый слой руководителей. Большевистская партия переродилась: «Под знаменем борьбы с оппозицией» революционеров заменили на чиновников-бюрократов.

> «Второстепенная фигура пред лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде» [51].

Отсылая своих читателей к истории, Троцкий утешает их, замечая, что несмотря на ущерб, нанесенный реакционными силами, им «никогда не удавалось вернуть нацию к начальной точке» и уничтожить фундаментальные социальные завоевания революций.

Троцкий подробно рассматривает социальные причины советского термидора, свойственные русской революции. «Варварство царизма» и «отсталость капитализма» — условия, внутри которых сформировались классы в России,— вот, по его мнению, что главным образом предопределило недостаточную подготовленность масс к «социалистической революции по заказу». Нищета и невежество масс, в свою очередь, обусловили мощные тенденции к личному обогащению, постоянно возрождающиеся в советском обществе:

> «Не будучи еще способно удовлетворять элементарные нужды населения, советское хозяйство порождает и возрождает на каждом шагу спекулянтские и рваческие тенденции» [52].

В этих условиях государство не слабеет, как должно было бы быть по теории Ленина, но набирает силы, т. к. оно распределяет материальные блага и привилегии: бюрократия «знает, кому надо дать, а кто должен потерпеть». В «бюрократическом тоталитарном государстве» Троцкий разоблачает «реальные социальные силы, породившие противоречия между советской действительностью и традиционным марксизмом» [53]. Затем он описывает то, что называет «семейным термидором», который нашел свое выражение в ряде социалистических мер, «извращенных» с той точки зрения, какими они должны были бы быть (питание, социальные службы, ясли, законы о браке), а также в явлениях, чуждых социализму (проституция).

Таким образом, Троцкий пытается представить советский термидор во всем многообразии его конкретных проявлений, каждое из которых похоже на предательство, извращение или уклон по отношению к идеалам Октябрьской революции, социализму или марксистской теории. Но поскольку все обозначено термином *термидор,* который напоминает о реакции, следующей за революцией, но не снимающей ее фундаментальных завоеваний, читатель, вслед за Троцким, не можем поставить под сомнение ни социалистический характер Октябрьской революции, ни то, что СССР идет по пути к социализму, ни даже существование рабочего государства.

Таким образом, благодаря «поправке» Троцкий не уступает аналогию «врагам революции», он вновь использует ее, чтобы защищать дело своей жизни. С этой точки зрения он действует, как и другие революционеры, большевики или меньшевики.

Действительно, большевики стараются «научно» доказать незаконность аналогии и тем самым защитить Октябрьскую революцию от любых подозрений в термидорианстве, меньшевики постоянно отодвигают до конца тридцатых годов момент узнавания термидора. Троцкий также находит способ избавиться от аналогии: парадоксально он ставит ее на службу теоретической мысли.

«Великий перелом» ставит Устрялова в затруднительное положение

В 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключает из партии оппозиционеров, потому что они выражали сомнения в существовании диктатуры пролетариата, используя термин «термидор». Идеологи партии пошли в атаку на аналогию, разоблачая ее родство с «устряловщиной» и меньшевизмом, в то время как историки-марксисты мобилизовали силы, чтобы с помощью «научных» аргументов положить конец практике сравнений. Наряду с этими скорее незначительными мерами применили еще одну, гораздо более эффективную: отказ от нэпа в 1928—1929 гг. Советская власть покончила с тем, что эмигрантские комментаторы рассматривали, как проявления термидора в экономике: с частной собственностью, свободой торговли, концессиями западному капиталу, кулаками и нэпманами.

> «Как оценивать нынешнюю стадию революции? — спрашивает Устрялов.— (...) А что если никакого спуска на тормозах вообще нет, и «кривая» революции так-таки и не снизится на зло западным примерам?» [54].

Мысли Устрялова ясно не определены, он не предлагает единственного ответа на свои вопросы. Кажется, он отказывается от аналогии, потерявшей свою аналитическую ценность:

> «Революция вступила на линию наибольшего исторического сопротивления. Отвергнув путь компромиссов... она как бы восстает против собственной плоти и крови во имя своей чистой идеи... она стремится к непрерывному самоуглублению» [55].

В 1934 г. в сборнике статей, выпущенном в Шанхае, Устрялов высказался еще более категорично по поводу подъема кривой: «Пятилетний план и коллективизация являются новым скачком революции после передышки, предоставленной нэпом»[56]. «Генеральная линия партии», восторжествовавшая в 1933 г., натолкнет его на вывод о том, что большевики сумели избежать перерождения и что дан окончательный ответ на вопрос Ленина «Кто кого?»: социализм торжествует.

Но, по-видимому, Устрялов дорожит аналогией, как если бы «Великий перелом» его ничуть не удивил. В самом деле, и мы уже это отмечали, Устрялов не совсем уверен в том, что Советская Россия пошла по пути, ведущему к буржуазному обществу того же типа, как на Западе. Его сомнения, едва ощутимые в начале 20-х гг., становятся все более явными по мере того, как политика Советского государства дает ему пищу для размышлений. Так, в 1924 г. после XIII съезда партии он заметил первое отклонение от того, что он ждал от эволюции большевизма.

> «Частный торговый аппарат стали душить не «бескровно», не экономической конкуренцией, а административно» [57].

— После XIV съезда партии он был удивлен еще больше, т. к. съезд «проходил как истинный церковный собор ВКП(б)» [58]. Он отмечает, что речь идет о чертах, которые уже нельзя квалифицировать как буржуазные. В ряде статей [59] он задается вопросом о возможно возникшей особенности Советского государства, приписываемой grosso modo «кризису современной демократии, состоящем в ниспровержении принципов 1789 года». Русская революция принесла миру откровения: может быть, они спасут человечество?

В начале 30-х г. Устрялов, наконец, найдет объяснения «русским откровениям», которые позволят ему дать ответ. В книге «Немецкий национал-социализм» [60] он ставит на одну доску «ленинскую концепцию Советов, следуя которой они являются выражением рабочей демократии», план «корпоративного государства Муссолини» и немецкий национал-социализм. Все три формы представляют собой новые формы государства, противостоящие «старому облику буржуазных государств», и были заимствованы немецким национал-социализмом у итальянских фашистов, которые в свою очередь позаимствовали их у большевиков. Устанавливая эту преемственность, Устрялов признавал правоту Ллойд Джорджа, якобы назвавшего Ленина «первым великим фашистом наших дней» [61], и Каутского, который считал, что Муссолини подражал Ленину как обезьяна [62].

Разгром оппозиции в СССР и отказ от нэпа позволили Устрялову осознать особенность Советского государства. Он напоминает, изменяя при этом свои взгляды начала 20-х г., что он понимал под своим знаменитым изречением «Происходит спуск революции на тормозах»:

> «Правда, мы говорили о перерождении большевизма, о спуске на тормозах... не к капитализму, а к особой, смешанной, гибридной форме «культурного государства» с ярко выраженными авторитарно-этатическими, или, если угодно, гос. социалистическими моментами в его законодательной и всей социально-политической структуре» [63].

Это объяснение a posteriori также, как и мысли Устрялова о «болезни буржуазного общества» позволяют предположить, что он пытался вернуться к своему давнишнему анализу и обновить его. Если сначала Устрялов ратовал за установление буржуазного режима, то теперь он верил, что в конце «термидорианского пути» вырисовывался новый, еще неизвестной природы режим, являющийся результатом борьбы между эволюцией и тактикой. Природу государства, которое заменит СССР, невозможно определить при помощи обычных понятий, таких как «буржуазное» или «социалистическое», ибо диктатура большевиков представляет собой новый тип государства XX в., отличающегося своим «идеократическим пафосом»[64]. Эти государства являются носителями — во всяком случае хотят быть ими — догм, образующих концепцию мира, и выбор руководителей происходит там по идеологическим критериям[65]. Устрялов утверждал, что диктатура «идеократического» типа присуща Октябрьской революции; более того, он рассматривал это как имманентность русской историко-философской традиции, зародившейся с Чаадаевым, продолженной славянофилами, Достоевским, Тютчевым, Владимиром Соловьевым и «богоискателями» и нашедшей свое воплощение в большевиках: большевизм — это откровение России миру, выражение религиозной и философской идеи, пронизывающей ее существование.

Устрялов остается «певцом термидора», но его «песнь» не настолько старая и однообразная, как считает меньшевик Г. Аронсон. Если и правда, что Устрялов продолжает восхвалять большевиков, их эволюция — синоним термидора — кажется ему, однако, иной, чем банальное буржуазное перерождение. Он вычерчивает кривую, представляющую преобразование «коммунистической» диктатуры в диктатуру «термидорианскую», сходную с диктатурой итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. В начале 30-х гг. подобные прогнозы стали практически прописной истиной, может быть, не в меньшей мере, чем мысль о том, что такой тип диктатуры присущ русской традиции. Но то, что Устрялов включил в эту схему термидор, понимаемый как обязательный этап революции, последствия которого никто не знает наперед, придает его идее яркую оригинальность.

Действительно, понятие «термидор», как его понимал Устрялов до отказа от нэпа, включало в себя жестокий кризис, угасание и конец революционного процесса — эти три этапа он рассматривал как необходимые предписанные объективным ходом Истории условия соответствия Революции норме. Для него революция останавливается на термидоре в тот момент, когда, выполнив свое национальное предназначение, определенное Историей, она переходит границы достижимого и осуществимого. В соответствии с таким осмыслением великих революций Устрялов был убежден, что русская революция всего лишь осуществила свои предпосылки, что означало, учитывая международный контекст и нэп, установление буржуазного общества. Отказ от нэпа и «Великий перелом», предпринятый Сталиным, обрекали такую перспективу на исчезновение. Казалось, что аналогией больше оперировать нельзя. Однако, вместо того, чтобы полностью от нее отказаться, Устрялов возвращается к своим словам, набрасывая концепцию, согласно которой термидор уже более не является частью нормы, но скорее открывает собой новую норму. Новую не только по сравнению со старой, дореволюционной нормой, но также по сравнению с той, которую пыталась навязать революция в момент своего апогея и которая провалилась. Мы бы сказали сегодня, что термидор в понимании Устрялова — это разрешение для исторических альтернатив.

Заключение

Проще всего наложить русскую революцию на французскую: разве у русских революционеров не было своего Учредительного собрания, своего цареубийства, своего террора и своих Комитетов общественного спасения в форме ЧК и почему бы и нет,— своего термидора? При таком сопоставлении большевики предстают двойниками якобинцев, однако зеркальное отражение обманчиво. Русское Учредительное собрание было распущено, оно не принимало Конституции, царь не предстал перед судом... Можно было бы продолжить пробелы, но это лишено смысла — ведь ни понимание революции 1917 г. как повторения революции 1789 г., ни стремление полностью противопоставить обе революции не убедительны для историка.

Сравнительный подход, хотя он и необходим для понимания феномена революции, в конечном итоге заводит в тупик. Действительно, он оказывается ограничен рамками, свойственными любому рассуждению по аналогии: аналогия, если ее применять с научной строгостью, предполагает возможность установить четкую пропорцию подобий и различий. Однако то, чего добивается математик, недоступно историку, который, сравнивая, всегда рискует «видеть первую реальность лишь через призму второй и таким образом упустить из виду оригинальность, свойственную обеим»[1]. Историк-компаративист, столкнувшись с фактами, тщетно будет стараться установить, были ли большевики якобинцами, был ли Ленин Робеспьером, а Сталин — Бонапартом. Подобный подход слишком зависит от конъюнктурных и лежащих на поверхности явлений, слишком обязывает высказаться решительно и категорично и при этом остается в плену у полувекового прошлого, втягивая задним числом в страстную и полную драматизма дискуссию, разделявшую современников русской революции по вопросу: свершился ли термидор в Советском Союзе или же, наоборот, это было лишь необоснованное предположение? Конечно, было бы небезинтересно получить ответ на этот вопрос, но аналогия и для действующих лиц истории, и для историков — всего лишь гипотеза (скорее умозрительная и произвольная), необходимая для творчества, но в то же время не поддающаяся ни проверке, ни опровержению. Она не позволяет определенно высказаться о реальности советского термидора или появлении Бонапарта в России XX в. Идея аналогии вполне реальна, но это — реальность верований, мифов, и она принадлежит коллективному воображаемому[2]. Русские переживали собственную революцию, одновременно переживая в своем воображении революцию Французскую. Как таковая эта «реальность» оставалась неизученной.

Для советских историков «влияние» Французской революции раз и навсегда прекратилось на пороге 1917 г.[3] Западные историки не раз отмечали, что 1793 г. стал основной, даже навязчивой отправной точкой большевизма[4]. Но эта «навязчивость» не превратилась в объект особого изучения, хотя там и здесь в работах, посвященных политической истории двадцатых годов, были сделаны некоторые наметки для исследователя[5].

Следовало поэтому обнаружить, что особенного было в том, как русские, а потом советские люди использовали аналогии. Ведь в отличие от Французской революции, оказавшейся чем-то неожиданным несмотря на американский прецедент, действующие лица русской революции не были «поражены новизной переживаемой ими коллективной авантюры». Вопрос, сформулированный М. Вовелем по поводу Французской революции: «Революционная ментальность: наследие или новшество?»[6], перед Россией не вставал. Здесь к 1917 г. и вожди, и массы разделяли революционную ментальность, унаследованную от Французской революции и других европейских революций, а также от русского опыта 1905 г. Положение, сложившееся после 1917 г., отмечено удивительным, никогда ранее не виданным совпадением двух элементов: революционная ментальность, истоки которой в основном следует искать во Французской революции, и чрезвычайно широкое распространение знаний об этой революции. Такое совпадение привело к распространению аналогий, к росту числа ссылок на исторический прецедент: возник эффект зеркала, блестящий пример весомости коллективного воображаемого для общественной жизни и для функционирования власти.

Если следовать по маршруту аналогий, то видно, что они выполняют не только семантические функции, но и влияют на ход событий. Так, мы находим в истории русского революционного движения ряд метафорических подмен, которые служат для вытеснения стеснительной проблематики: как избежать трансформации революции в диктатуру, опирающуюся на террор, как избежать «возврата к деспотизму»? У декабристов метафорическое название проекта преобразований «Русская правда» отсылало к правосудию XII в. Народников вдохновляло противопоставление *старая Европа — молодая Россия* или *новый человек*. Большевики же вышли из положения, заявив, что они *якобинцы, неразрывно связанные с организацией пролетариата, осознавшего свои классовые интересы*. Заменив в 1922 г. на XI съезде партии понятие «термидор» на «мелкобуржуазное перерождение», Ленин снял проблему конца революции. Или, можно сказать, завершил серию метафорических субституций, которые наводят на мысль, что их употребление — это подсознательный способ уйти от неразрешимой для революционера проблематики.

Конечно же, в речах русских революционеров легко выявить неприятие модели Французской революции, но возникают серьезные сомнения в том, что это неприятие существовало на деле,

поскольку они сравнивали себя с французами. Во всяком случае, на пути этого постоянного отталкивания аналогии образуют достаточно провалов, в которых обнаруживается иное отношение к Французской революции. Прежде всего, имеются в виду маргиналы — якобинцы, которые объявляли себя таковыми. Затем, тех, кто отрицал родство,— а их большинство,— часто считали якобинцами. Так, современники считали якобинцами декабристов, Белинский восхищался Робеспьером, Герцен восхвалял «Неподкупного», а Чернышевский хотел бы на него походить. Нечаев путешествовал с томиком Робеспьера под мышкой. Что до народника Михайлова, он мог бы при благоприятных условиях стать Робеспьером. По словам Троцкого, «Максимилиан Ленин» им уже был... Короче говоря, трудность скорее состоит в том, чтобы найти кого-нибудь, кто не упоминал бы Робеспьера, Дантона, Вандею или Французскую революцию в целом.

Помимо речей, отвергающих революционную модель, аналогии позволяют обнаружить эмоциональное отношение к Французской революции, присутствующее в революционной ментальности, вскормленной на мифах, героике и пафосе, чьи корни восходят к детству, проведенному в среде, которую можно было бы упрекнуть в чем угодно, только не в безразличии к истории Франции XVIII в. Очевидно, что на уровне ментальности через поиск новой революционной идентичности происходило возвращение к первоначальной модели, а это, за отсутствием другого родства, неизменно приводило к якобинцу.

С этой точки зрения родство между якобинцами и большевиками, которое, по мнению современников, основывалось на общих идеях, и о котором по установившейся в историографии традиции всегда говорилось в рациональных терминах (организация партии, восстание, захват власти, диктатура), коренится очень глубоко, поскольку несколько поколений русских революционеров не могли обойтись без ссылок на революционеров французских. Когда аналогия «большевики-якобинцы» начинает распространяться, большевики, подобно своим предшественникам, занимают двойственную позицию: они претендуют на то, что являются революционерами нового типа в соответствии с требованиями пролетарской партии, но при этом охотно сравнивают себя с «великими якобинцами» 1793 г., принадлежавшими, однако, к буржуазной или мелкобуржуазной партии. Таким образом, аналогия являлась средоточием сомнений большевиков относительно своей собственной идентичности.

Но наиболее ярко перформативный[7] характер аналогий проявился с 1917 по 1940 гг., когда, как это ни удивительно, они трансформируются в действия. Первый эффект от аналогий носил политический характер: опираясь на французский опыт, Ленин в 1921 г. предпринял нэп как *самотермидоризацию*. Речь

шла о том, чтобы взять под контроль отступление революции, дабы избежать термидора, то есть ниспровержения диктатуры.

Этот маневр, поначалу для него тактический, был воспринят вне страны как повторение термидора, как изменение природы режима. К 1927 г. метафора нэп-термидор захватила коллективное воображаемое с такой силой, что Советская власть предприняла ряд мер против образов, которые эту аналогию питали: снова были предприняты попытки избежать термидорианской развязки, которую упорно предсказывали наблюдатели и даже сами действующие лица. Отказ от нэпа, а затем антинэповская политика положили конец питавшим аналогию уступкам капитализму. Как во время введения нэпа при Ленине, так и теперь новая попытка предохранить диктатуру предпринималась под влиянием коллективного воображаемого. Избежать падения, о котором напоминали ссылки на французский прецедент, меняя направление политики, положить конец эксперименту, который до сих пор позволял режиму выжить, значило повторить операцию такого же типа, как та, которую Ленин назвал самотермидоризацией.

К этим двум главным примерам превращения слов в деле, т. е. аналогии «нэп-термидор» в политику, следует добавить и еще один: слово «термидор», употребленное лидерами оппозиции или вмененное в вину всем оппозиционерам на XV съезде, обернулось исключением из партии, арестами и ссылками тысяч людей.

Вторую серию эффектов, произведенных аналогией «нэп-термидор», можно проследить в области формирования официальной исторической «науки» на службе у власти и через нее, следовательно, в области формирования коллективной памяти. В 1927 г., когда оппозиция стала пользоваться аналогией в программных документах и речах, историки-марксисты мобилизовали свои силы, чтобы дать отпор «ужасному слову». Они постановили, что их задача заключается в выработке единого взгляда на Французскую революцию. Декретируя конец разногласиям, они отказались от ранее одобряемого и даже развиваемого ими тезиса А. Матьеза о перерождении якобинцев *до* 9 термидора, поскольку согласиться с тем, что хоть какая-нибудь эволюция якобинцев ведет к концу революции, означало оставить открытой возможность подобного же падения большевиков. В то же время историки противопоставили «терроризм», т. е., по их словам, французский «юридический кретинизм», революционному террору, который проводился в Советской России, террору справедливому, но без правосудия, и поэтому менее кровавому. Таким образом, история Французской революции становилась славной страницей истории, но уже окончательно перевернутой и не имеющей никакого отношения к на-

стоящему. Ее герои оставались героями, но только как носители революционного духа. В остальном они были обречены как «мелкие буржуа». Историки подчеркнуто останавливались на якобинской диктатуре, но упорно игнорировали другие проявления французского опыта. Их работы свидетельствуют о том, что отфильтровывал идеологический фильтр, и в них вырисовывается единая концепция, где все сомнения и вопросы были «преодолены».

Операция, направленная на то, чтобы выявить различия между Октябрьской и Французской революциями, сопровождалась также усилиями «очистить» большевизм, изолировав его от «мелкобуржуазных» корней, народничества и русского якобинства. Именно в этой руководимой историками «борьбе» все общественные науки были сведены к наукам «пролетарским», представляющим единый идеологический фронт. В постулатах, разработанных этим фронтом, Октябрьская революция предстает вне связи с прошлым или с окружающим миром, но становится основополагающим событием, «научно» определяющим будущее всего человечества. Подобным образом смоделированная историография имела целью узаконить и поддержать власть партии, подменяя собой коллективную память с помощью учебников, построенных по шаблону в соответствии с идеологическими предрассудками. Возникновение аналогии с термидором повлекло за собой разработку советской философии истории, поставившей эпистемологическую преграду, едва поколебленную лишь в последнее время. Аналогия с термидором, с трудом принимаемая прочими революционерами, меньшевиками и оппозиционерами, мешала им еще и накануне Второй мировой войны отказаться от схематичного представления об СССР.

Если аналогия таким образом принималась действующими лицами революции, то у зрителей советской сцены она вызывала противоположный эффект: аналогия служила им пищей для размышлений о природе СССР и о революциях вообще. Хотя Устрялову и не хватало аргументов, он вел речь о том, что позднее назовут государством с тоталитарной тенденцией[8].

И в России, и в СССР воздействие Французской революции было многоплановым и удивительным: она внесла смятение в сознание людей и в то же время была вытеснена из их сознания как раз потому, что стала источником смятения. Можно предположить, что за той настойчивостью, с которой в Советском Союзе утверждалось о полнейшем отсутствии связи с французским прецедентом, скрывается на самом деле преемственность, угадываемая за нарочито громко провозглашаемым «различным классовым содержанием» революций. Различие идей и классов существовали на самом деле, но слишком настойчивое подчеркивание этой разницы превратилось в ширму,

за которой скрываются ценности и иллюзии, общие для революционеров XVIII в. и для всех их последователей вплоть до XX в. Якобинцы 1793 г., неоякобинцы 1848 и 1871 гг., «большевики-якобинцы» 1917 г.— все они выстраиваются в один ряд, игнорируя пропасть, разделяющую пролетарские и буржуазные революции, т. к. у всех революционеров один и тот же набор представлений о революции.

История аналогий показывает если не невозможность, то по крайней мере сложность создать тип революционера, отличный от первоначального мифа. Если большевики были якобинцами, то скорее из-за своего отрицания какого-либо родства с ними — отрицания, опирающегося на аналогии, чем из-за чистой преемственности идей. Действительно, по сравнению со своими предшественниками большевики изменились в плане идей, а не на уровне менталитета, где продолжала играть роль слепая убежденность. Таким образом, можно предположить, что преемственность двух революций объясняется симпатией к революционерам прошлого, но основывается на общем фундаменте политического и нравственного выбора, который выявляется после взятия власти, хотя большевики и рассуждают о том, что у них другая диктатура, другой террор и другой исход революции. В послереволюционные годы постоянно меняющаяся оценка аналогии «большевики-якобинцы» в высшей мере показательна для подтверждения преемственности, ощущаемой со стороны, но ускользающей от участников событий. Обвинения в якобинстве (терроре и диктатуре) и в термидорианстве, которые не давали покоя большевикам, кажется, не лишены оснований: идентичности революционеров соответствовало сходство их действий.

Означает ли это реабилитацию наивного представления? Речь идет скорее о том, чтобы выявить созидательную функцию воображаемого в советской действительности после 1917 г., когда завязалась игра возможного с невозможным. Ленин, хотя и знал из опыта Французской революции об исторически невозможном, сумел использовать его, чтобы открыть новые возможности, вступив благодаря нэпу на путь *самотермидоризации*. Сталин, убедившись в том, что он не может преодолеть невозможное в Истории, воплощенное во французском опыте, покончил с нэпом, дабы избежать термидора.

Таким образом, эти два ключевых момента в строительстве советского государства были ограничены возможностями воображаемого, которое в свою очередь сводилось к вариациям на тему Французской революции. Ликвидация нэпа или его сохранение: выбор одной из возможностей определял судьбу России, но был обусловлен судьбой якобинцев. Да и могло ли быть по-другому, если путь к неизвестному проходит через аналогии?

Примечания

Глава I

[1] Это признание Герцен сделал в письме к редактору газеты «L'Homme» гражданину Ш. Риберолю, опубликованному 22 февраля 1854 г. (**Герцен А. И.** Собр. соч. в 30-ти томах. М., «Наука», 1965, т. XXX, кн. 2, с. 302). В авторизованном русском переводе, опубликованном в качестве приложения к «Письмам из Франции и Италии» (изд. 1855 и 1858 гг.), Герцен счел нужным изменить текст: «Есть люди, которые... вживаются в великие предания XVIII века, поклонение французской революции — их первая религия...» (Указ. соч., т. V, с. 221). Эта перемена, убирающая личностную оценку и имена революционеров, вполне подтверждает двойственность отношения к Французской революции, о которой пойдет речь ниже. Заметим сразу же, что религиозность, отмеченная Герценом, свойственна и его последователям. Так, в 1889 г. ссыльные в Якутске решили послать адрес Французской республике к столетию революции. Один из них, И. И. Майнов, вспоминал: «На чтениях о Великой революции все мы были воспитаны как наши предки — на Четьи-Минеях. Сами французы того поколения, пожалуй, так не знали наизусть всех ее дат, так не восхищались ее героями, как наши саратовские гимназистики и воронежские кадетики. Мы прямо-таки летоисчисление вели с 14 июля 1789 года, как с года Рождества Свободы..» (Цит. по статье: Итенберг Б. С. Россия и столетие Великой французской революции. — История СССР, 1988, n° 2, с. 73).

[2] Этот дуализм отмечен Герценом в цитированном выше письме Ш. Риберолю: «Дело в том, что мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литературно, по ее праздничной одежде..., по исключительным событиям, в которых она не похожа на себя». При столкновении с действительностью, «которая теряется в грязи улиц», происходит шок, и тогда «русский.. оскорблен в своей любви, в своем уповании, он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые от избытка любви и доверия». В этих строках, переведенных для русского читателя, Герцен предпочитает умерить степень увлечения идеалом по сравнению с французским текстом, где можно прочесть: «.. мы являемся в Европу, неся в душе ее собственный идеал, который стал нашей религиозной догмой, нашим знаменем» (Герцен А. И. Указ. соч., т. V, с. 219—220 и т. XXX, кн. 2, с. 500).

[3] **Плимак Е. Г.** Радищев и Робеспьер. — Новый мир, 1966, n° 6. В свое время статья вызвала резкое недовольство партийного руководства. В книге, вышедшей в условиях гласности, Плимак более уверенно развивает свои мысли о судьбе Радищева. (См.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., «Мысль», 1986).

[4] **Лотман Ю. М.** Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века. — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 167, 1965.

[5] **Радищев А. Н.** Путешествие из Петербурга в Москву. Полное собр. соч. М., 1938—1952, т. 1, с. 361.

[6] См. об этом: Лотман Ю. М. Указ. соч. с. 19.

[7] Там же, с. 20.

[8] Подробный анализ этого текста см.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч., гл. 2.

[9] **Радищев А. Н.** Песнь историческая. Указ. соч., т. 1, с. 121.

[10] Наследие Радищева кажется противоречивым и вызывает нескончаемые споры. Одни считают его «первым» революционером. Другие видят в нем родоначальника либеральной традиции, представляя его сторонником «философа на троне» и связывая «Путешествие из Петербурга в Москву» с общим политическим контекстом, в котором готовились реформы Александра I. (Об этой дискуссии см.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966).

[11] **Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.** Указ. соч., с. 77.

[12] Мнение Н. М. Карамзина о Французской революции в большей степени показательно, чем мнение Радищева, так как интеллигенция, критически настроенная к Западу, считала Карамзина своим духовным отцом.

[13] **Карамзин** путешествует по Европе (Германия, Швейцария, Франция, Англия) и проводит много времени во Франции, очевидно дважды побывав в революционном Париже. (Об эволюции его отношения к Французской революции см. статью: Лотман Ю. М. и Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. — В кн.: **Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.** Л., «Наука», 1984).

[14] **Карамзин Н. М.** Письма. Указ. соч., с. 454.

[15] По воспоминаниям близкого друга Н. И. Тургенева, Ю. М. Лотман считает, что личные встречи с Робеспьером также служат объяснением этой позиции Карамзина. Ведь в отличие от своих друзей, знавших Робеспьера по прессе, Карамзин, узнав о его казни, увидел перед собой «человека, его жесты и позу». (См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987, с. 124).

[16] Цит. по: Лотман Ю. М. «Отражение...». Указ. соч., с. 26.

[17] Война против Наполеона привела более трети будущих декабристов в Париж: офицеры, дипломаты, специально посланные, или просто путешественники они пребывали там иногда по несколько лет.

[18] **Тургенев Николай.** Россия и русские. М., 1915, т. 1, с. 60—61.

[19] **Довнар-Запольский М. Б.** Мемуары декабристов. Киев. 1906, с. 184.

[20] О влиянии французских авторов см.: Комарницкая Ж. О. Роль французской книги в формировании мировоззрения декабристов. — Труды Ленинградского института культуры имени Н. И. Крупской, т. XXXII, История русского читателя, вып. 2, Л., 1976, с. 6—28.

[21] **В. В. Пугачев** утверждает: «В конце XVIII в. революционные взгляды высказывал Радищев. Между ним и декабристами — интервал в полтора десятка лет. В это время, в первом десятилетии XIX в., ни революционеров, ни революционных идей, ни революционных организаций в России не было. Все попытки найти таковые не увенчались успехом». (См. его статью «О специфике дворянской революционности». В кн.: Освободительное движение в России, Саратов, 1971, вып. 1, с. 6).

[22] Этот отход обсуждался в советской историографии. М. Н. Покровский и Н. М. Дружинин считали, что декабристы всегда колебались между революцией и реформизмом. М. В. Нечкина, напротив, не сомневалась в их приверженности революции. (См. об этом: Пугачев В. В. Указ. соч., с. 5).

[23] Цит. по: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов (1816—1825). М., 1975, с. 46.

[24] Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг. т. II, Спб., 1913, с. 333.

[25] Цит. по: Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979, с. 75.

[26] Там же, с. 74.

[27] В частности, см. одно из последних изданий: Нечкина М. В. Декабристы. М., «Наука», 1983, с. 39.

[28] Подробнее об этом см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.-Л., Изд. АН СССР, 1958. Об отношении к якобинской диктатуре с. 261—262.

[29] Восстание декабристов. 1925, т. IV, с. 90.

[30] Вслед за Лениным советские историки объясняли тактику заговора «классовой ограниченностью» дворянских революционеров, боявшихся участия народа, способного, как они думали, только на пугачевщину. (См., например: Нечкина М. В., Указ. соч., с. 155).

[31] **Довнар-Запольский М. Б.** Указ. соч., с. 211.

[32] Анализ «Социально-политического трактата», подготовительной работы к «Русской правде», позволяет думать, что Пестель предполагал будущее государственное устройство в двух вариантах. В одном предусматривалась «демократическая монархия», в другом — республика, но «в любом случае им предусматривалось наличие сильной исполнительной власти, держащей в руках все нити правления». (Подробно об этом см.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч., с. 124—125).

[33] В 1815 г. в Париже Н. Муравьев встречался с Б. Констаном, книга которого «О сущности захвата и узурпации власти», оказала на него большое влияние. Он знал также аббата Сийеса, одного из авторов конституции 1795 г. (См.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 74).

[34] **Горбачевский Н. И.** Записки. Письма. М., 1963, с. 23.

[35] Там же, с. 14.

[36] «...вопрос (о свободе. — Т. К.), потрясавший Европу с 1789 г., разрешился отрицательно» (Герцен А. И. Указ. соч., т. V, с. 199). Удрученный драматизмом событий, Герцен проводит целый год в уединении, в Ницце, чтобы затем снова воспылать надеждой, на этот раз на Россию.

[37] **Герцен А. И.** Западные арабески. Il pianto. Указ. соч., т. X, с. 118. Н. П. Огарев выражается более пространно по этому вопросу: «Французская революция 1789 года надолго убила свободу на европейском материке уничтожением областной жизни, поглощением ее в государственном единстве. Все подчинилось будто бы свободной централизации. Централизованная республика проповедовала свободу посредством гильотины и дошла до действительной императорской централизации. С тех пор Франция стала неспособна к своему идеалу гражданской свободы...». (Огарев Н. П. Конституция и Земский собор. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. I, с. 635).

[38] Об особенностях «русского» социализма см: Ingerflom C. S. Le citoyen impossible. Les racines russes du léninisme. Paris, Payot, 1988.

[39] **Герцен А. И.** Журналисты и террористы. Указ. соч. т. XVI, с. 221.

[40] **Герцен А. И.** О развитии революционных идей в России. Указ. соч., т. VII, с. 170. Н. П. Огарев также приравнивает «императорскую революцию» Петра I к «революционно-философскому единодержавию» французской революции. («Революция и реорганизация». Указ. соч. т. I, с. 643).

[41] **Герцен А. И.** Мясо освобождения. Указ. соч., т. XVI, с. 28.

[42] Там же, с. 27.

[43] Вопрос о том, был ли Герцен либералом или революционером, который так часто поднимается в историографии, в данном случае не имеет значения. Ведь неоспорим тот факт, что у Герцена были сомнения относительно возможности решить социальные проблемы России революционным путем, а природу этих сомнений обусловила Французская революция.

[44] Там же, с. 28. (Подчеркнуто автором). Та же мысль была сформулирована в 1850 г. в «Письмах из Франции и Италии». (Указ. соч., т. V, с. 193).

[45] Там же, с. 27.

[46] Чернышевский Н. Г. Полное собр. соч. в 15-ти томах. М. 1949—1950, т. XIII, с. 197.

[47] Там же, т. VI, с. 416.

[48] Там же, т. VI, с. 13.

[49] Там же, т. IX, с. 351—352.

[50] Роман «Что делать?» имеет подзаголовок («Из рассказов о новых людях»). Как известно, Чернышевский называл так разночинцев, людей, представлявших все классы общества, порвавших с семьей, чтобы жить свободно, создавая новые человеческие отношения. Подчеркнем, что новые люди, главные действующие лица романа, представляют собой «тип людей», отличительной чертой которых является «обычность», все люди могут и должны стать новыми людьми. Среди этих людей Чернышевский выделяет Рахметова, «особенного человека». По сравнению с ними он душой и телом предан «делу» вплоть до отказа от личной жизни. (Оригинальный анализ «Что делать?», выходящий на ключевые проблемы русской истории, см. у Ingerflom C. S. Op. cit.).

[51] В то время как его друзья занимались организацией «Земля и Воля», Чернышевский, по свидетельству В. Короленко, «прекрасно понимал иллюзорность революционных амбиций». (Цит. по: Туган-Барановский М. И. Памяти Н. Г. Чернышевского. СПб., 1910, с. 13). В. Н. Шаганов, товарищ Чернышевского по ссылке, отмечал, что он «никого не призывал ни к бунту, ни к восстанию». (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, Саратов, 1958, т. II, с. 120). Е. В. Аничков рассказывает, что Чернышевский выступал против восстания и отдавал предпочтение «медленной работе», направленной на то, чтобы гражданское самосознание овладело массами. (Записки Русского научного института в Белграде, выпуск 1, Белград, 1930, с. 231). Н. Лесков был одним из первых читателей романа, заметивших то, что впоследствии будет умалчиваться советской историографией, как, впрочем, и западной: Чернышевский был сторонником поступательного развития. В то же время Лесков отбрасывал обвинения Чернышевского в утопизме Мора, а также всякие аналогии с Маратом, Робеспьером и Пугачевым. («Северная пчела». Санкт-Петербург, 24 и 31 мая 1863).

[52] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. IX, с. 352.

[53] Об установлении и использовании большевиками народной легитимности того же деспотического типа после 1917 г. см.: M. Ferro. Des soviets au communisme bureaucratique. Paris, Gallimard, 1980.

Глава II

[1] После покушения Веры Засулич на жизнь генерала Трепова (1878 г.) индивидуальный терроризм вошел в практику, расколов народников на сторонников насилия (Народная воля) и его противников (Черный передел). Серия террористических актов, совершенных в 1879—1880 гг., вызвала реакцию со стороны правительства, так что социальная напряженность, усиленная войной на Балканах, воспринималась извне как предреволюционная.

[2] Проследив по западно-европейской прессе за различными толкованиями русского кризиса 1878—1880 гг., Б. С. Итенберг сделал вывод, что они единодушны в оценке его по аналогии: Россия находится накануне своего

1789 года. (Итенберг Б. С. Россия на рубеже 70—80 годов XIX века и опыт Великой французской революции. — Французский ежегодник, 1976, с. 139—155). Тот же прогноз делали Маркс и Энгельс. 22 января 1878 г. Энгельс писал в итальянской газете *«La Plebe»*: «В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год. Каков бы ни был исход войны, русская революция уже назрела и вспыхнет скоро, — может быть, в этом году...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., М., 1957, т. 19, с. 124).

[3] До 1830 г. отмечалось сильное влияние экономического либерализма (Смит, Бентам, Сэй) на государственных деятелей, таких, как Мордвинов или Сперанский, и политического либерализма (Констант, Гизо, Тьер) на интеллигенцию в целом, в том числе на декабристов. После революции 1830 г. во Франции русская либеральная публика отвернулась от таких дискредитированных в ее глазах либералов, как Гизо, и заинтересовалась социалистами (Кабе, Фурье, Леру). В 40-е г. этот интерес уступил место определенным позициям, ставшим окончательно явными после 1848 г.: одни критиковали социалистические идеи, возвращаясь к либерализму, другие, наоборот, отталкивались именно от них.

[4] Осенью 1839 г. перед отъездом Белинского в Петербург они встречались в Москве в кругу друзей, который часто собирался вокруг писателя В. П. Боткина, а еще чаще вокруг Огарева. См. подробнее об этих встречах: *M. Mervaud. Socialisme et liberté, la pensee et l'action de Nicolas Ogarev,* Publications de l'Université de Rouen, Institut d'Etudes Slaves, Paris, 1984. Московские кружки-салоны, в которых бывали преподаватели университета, журналисты, писатели и актеры, были тогда по воспоминаниям современников «легкими, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль». (Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 6; Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., Academia, 1928, с. 393).

[5] Письмо В. П. Боткину от 15—20 апреля 1842. В кн.: В. Г. Белинский. Собр. соч. М., 1982, т. 9, с. 511.

[6] Письмо М. Бакунину от 12—24 октября 1838. В кн.: В. Г. Белинский. Указ. соч., с. 201.

[7] F. Venturi. Les intellectuels, le peuple et la Révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle, Paris, Gallimard, 1972, t. 1, p. 122.

[8] **Белинский В. Г.** Указ. соч., с. 484. О том, что Белинский «пристроился к общему направлению» см. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 210—211.

[9] Там же, с. 483.

[10] Там же, с. 484.

[11] Там же, с. 511.

[12] Там же.

[13] Письмо Т. Н. Грановского опубликовано в комментариях к переписке Белинского. (См.: Белинский В. Г. Письма, в 3 т. под ред. Е. А. Ляцкаго. СПб., 1914, т. II, с. 424—425).

[14] Там же, «Письмо Боткина к Герцену» от 28 мая 1842. (Выделенные слова по-французски в оригинале).

[15] Публикация в: Литературное наследство, т. 56, 1950, с. 80—82.

[16] Спор о буржуазии, едва затронутый в этой переписке, возобновился и принял размах в 1846—1848 гг., приведя к разрыву Герцена с Грановским.

[17] Такова точка зрения В. И. Кулешова, единственного, кто обратил внимание на этот спор. См.: В. И. Кулешов «Белинский и Грановский в споре о Робеспьере». (К вопросу об идейных противоречиях между демократами и либералами в 40-х гг. XIX века. — Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1958, n° 1).

[18] **В. Г. Белинский** в воспоминаниях современников. М., 1948, с. 159. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[19] Приблизительно в это же время (1840—1841 гг.) Н. П. Огарев обрек в образную поэтическую форму отождествления себя с Робеспьером в поэме «Юмор»:

Есть к массам у меня любовь
И в сердце злоба Робеспьера
Я гильотину ввел бы вновь.
Вот исправительная мера!
(Огарев Н. П. Избр. произв. М., 1956, т. 2, с. 18).

[20] **А. С. Пушкин** называл так декабристов, критиковавших «Историю государства Российского» Карамзина: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения». (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. М.—Л., 1949, т. 8, с. 67—68). Образ Пестеля, «кандидата в русские Робеспьеры» является общим местом. (См., например: Slonim M. De Pierre le Grand à Lénine, Paris, 1933, p. 44). После восстания декабристов призрак якобинцев не давал покоя царской полиции. Так, например, в одном из донесений 1827 г. читаем: «Люди, переходящие с места на место, объясняют крестьянам их положение. То же делают и священники. Учение этих сектантов привлекает внимание крестьян, и их очаги можно рассматривать как... якобинские клубы». (Крестьянское движение (1827—1869 гг.), под ред. Е. А. Мороховец, вып. I, М., 1931, с. 9).

[21] «Письмо из Петербурга» и «Письмо редактору» опубликованы соответственно 15 сентября и 1 октября 1858 г. С уверенностью нельзя сказать, кто их автор, хотя по некоторым признакам они наводят на мысль о Добролюбове. (Подробнее см.: «Бушканец Е. Г. О двух письмах в редакцию «Колокола». — Литературное наследство, т. 63, с. 662—667. Его же: Добролюбов и Герцен. В кн.: Проблемы изучения Герцена. М., АН СССР, 1963, с. 280—292).

[22] Письмо к редактору. — «Колокол», факсимильное изд. М., 1960. вып. 1, с. 205.

[23] Там же, с. 237.

[24] См.: «Колокол» от 15 декабря 1858, 1 января 1859, 1 и 15 апреля 1859 гг., где опубликованы письма протеста против «Обвинительного акта». Письмо, подписанное псевдонимом А. Спартанской и защищавшее точку зрения Чичерина, опубликовано в номере от 1 января 1859 г.

[25] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. V, с. 648.

[26] Письмо М. К. Рейхель от 6—7 апреля 1859 г. Герцен А. И. Указ. соч., т XXVI, с. 252. В книге «Былое и думы» Герцен также упоминает об этой победе: «Чичерин компанию потерял — в этом для меня нет сомнения. Взрыв негодования, вызванный его письмом, напечатанным в «Колоколе», был общим в молодом обществе, в литературных кругах. Я получил десятки статей и писем» (т. IX, с. 249).

[27] Конечно, здесь намек на полемику между Белинским и Грановским. Но ведь расхождение, которое мы заметили между Радищевым и Карамзиным подходит под то же определение. Как отмечает Ю. М. Лотман, с Радищева и Карамзина «в русской общественной мысли начинают противопоставляться две тенденции: одна возлагала надежды на человека, другая на государство». (Лотман Ю. М. Отражение... Указ. соч., с. 31). По поводу споров между Белинским и Грановским в 1842 г. Герцен особо подчеркивает в «Былом и думах» поддержку со стороны молодежи (т. IX, с. 204).

[28] **Чернышевский Н. Г.** Указ. соч., т. XIV, с. 379. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[29] **Н. Г. Чернышевский** в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 336.

[30] Текст прокламации переиздан в кн.: Лемке М. Политические процессы в России 1860-х годов. По архивным документам. Изд. 2-е, М.—Л., 1923, с. 513.

[31] Некоторые, противоречащие этому факты, установленные Ю. В. Куликовым, кажутся мне малоубедительными по сравнению с теми, о которых говорит Б. П. Козьмин. (Ср.: Куликов Ю. В. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» 1862 г. В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., т. II, М., 1962 и Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961).

[32] **Герцен А. И.** Молодая и старая Россия. Указ. соч., т. XVI, с. 203.

[33] **Б. П. Козьмин** предполагает, что прокламация «Предупреждение», полемизирующая с «Молодой Россией» по вопросу о якобинстве, была написана Н. Утиным и опубликована его кружком, принадлежавшим к организации «Земля и Воля». (Козьмин Б. П. Указ. соч., с. 284).

[34] **Герцен А. И.** Журналисты и террористы. Указ. соч., т. XVI, с. 222.

[35] Там же.

[36] См. письмо Заичневского некоему Андрею Михайловичу, написанное в 1889 г. (В кн.: Лемке М. М. Указ. соч., с. 521).

[37] Там же.

[38] См. об этом фундаментальное исследование Б. П. Козьмина. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». Указ. соч., с. 266—290.

[39] **Виленская Э. С.** Революционное подполье в России. 60-е годы XIX в. М., 1965, с. 389—414.

[40] 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов, член кружка Ишутина, покушался на жизнь Александра II.

[41] **Козьмин Б. П.** Н. В. Соколов, его жизнь и литературная деятельность. В кн.: Литература и история. М., 1969, с. 375—376, 440—441.

[42] **Кропоткин П. А.** Записки революционера. М.—Л., 1933.

[43] См.: F. Venturi, op. cit., p. 806.

[44] **Л. Дейч.** За полвека. Берлин, 1923, с. 167. Широко известно свидетельство В. Засулич о Нечаеве, человеке, «чуждом интеллигенции». Все историки также сходятся на том, что Нечаев почти не нашел поддержки среди народников. Ф. Вентури, разделяющий по этому вопросу мнение советских историков, пишет: «Мало кто последовал за Нечаевым до конца; многие выступили против него после первых же его заявлений. Еще большее число людей отошло от его образа мыслей и тактики, когда процесс закончился разоблачением его действий. И те, кто проявил враждебность по отношению к Нечаеву, положили начало новой стадии народничества». Цит. произв. т. 2, с. 787. См. также: M. Confino. Violense dans la violence. Le débat Bakounine—Nečaev, Paris, François Maspero, 1973, p. 73.

[45] **Тун А.** История революционных движений в России. Москва—Петроград. 1919; Корнилов А. Очерки освободительного движения при Александре II. М., 1909; Сватиков П. Общественное движение в России. М., 1905; Богучарский В. Активное народничество 70-х гг. и из истории политической борьбы в 70—80 гг. XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

[46] **Козьмин Б. П.** От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». В кн.: Очерки по истории народничества. М., 1933, с. 131.

[47] **Седов М. Г.** Некоторые проблемы истории бланкизма в России. — Вопросы истории, 1971, n° 10, с. 48—49. Ткачева резко критиковали и в международном рабочем движении, в частности, Ф. Энгельс. (См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 62).

[48] Во Франции понятия «якобинство» и «бланкизм» обозначали разные, хотя и очень близкие, течения. Под влиянием рабочего движения часть бланкистов во главе с Тридоном к концу 1860-х гг. начала искать основы своей идеологии в традициях санкюлотов, а не в якобинской диктатуре. В России эти два понятия слились. Говорить о русских якобинцах равнозначно тому, что говорить о бланкистах и наоборот.

[49] **Николаевский Б.** Памяти последнего якобинца. — Каторга и ссылка, кн. 23, 1926, с. 211—227. В. Фигнер утверждает, что только Мария Ошанина, родом из Орла, ученица Заичневского, была сторонницей якобинства «Набат», по утверждению Фигнер, был малораспространен в России. (Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1922, ч. I, с. 164—165). Л. Дейч также свидетельствует о незначительном распространении идей Ткачева (Указ. соч., с. 169). П. Аксельрод считает, что многие были якобинцами «сами того не зная», и было «очень мало сознательных и последовательных якобинцев (Переходный момент нашей партии. — Община, n° 8—9, 1878, с. 22).

[50] Письмо Исполнительного комитета «Народной Воли» заграничным товарищам. — В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.—Л., 1965, т. II, с. 320—321. (Подчеркнуто авторами).

[51] **Фигнер В.** Указ. соч., с. 163—164. По мнению Д. Кузьмина «в народовольческой журналистике мы наблюдаем полное отсутствие всякого проявления якобинских тенденций за все время ее существования вплоть до февраля 1882 г. и после него, так что статья «Положение партии в данный момент» (в n° 8—9 «Народной Воли») с ее чисто якобинской идеей захвата власти является в этом отношении исключением». Кузьмин объясняет его тем, что автор статьи В. С. Лебедев находился под влиянием М. Ошаниной, а, может быть, она и писала письмо. (См. об этом: Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930, с. 101 и далее).

[52] До такой степени, что Б. Николаевский рассматривает молчание, которым народники обходят в своих воспоминаниях встречи и полемику с якобинцами, как средство не говорить об этом плохо (Указ. соч., с. 212). Н. А. Морозов рассказывает, как Д. Клеменц, член «Земли и Воли», был возмущен его намерением поместить статью в «Набате»: «Это безумие, — воскликнул он. — Твое имя окажется рядом с именем Ткачева! (...) В России нет ни одного революционера, который рассматривал бы возможность взять власть в результате заговора». (Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1965, т. II, с. 481—482).

[53] «Земля и Воля» от 15 декабря 1878. В кн.: Революционная журналистика 70-ых годов, с. 108.

[54] «Народная Воля», 1881, n° 6.

[55] Ответ С. М. Кравчинского на письмо Исполнительного комитета «Народной Воли». В кн.: Революционное народничество..., т. II, с. 345.

[56] **Фигнер В.** Указ. соч., с. 194.

[57] Письмо П. Аксельрода к южным народникам, осень 1880. В кн.: Революционное народничество..., т. II, с. 166.

[58] «Черный передел. Орган социалистов-федералистов» от 15 января 1880.

Глава III

[1] Стараясь привлечь народовольцев на свою сторону, марксистская группа «Освобождение труда», руководимая Плехановым, избегала слишком задевать их по поводу терроризма. Это хорошо видно при сравнении двух программ группы: программы 1884 г., «признающей необходимость терроризма в борьбе против абсолютизма», и программы 1888 г., составленной в момент, когда «Народная Воля» окончательно потеряла авторитет. Здесь уже основным средством борьбы называлась пропагандистская работа, а террористические акты — лишь крайним средством (Плеханов Г. В. Сочинения. М.—Л., 1926, т. II, с. 361 и 402). Зато газета «Искра», руководимая Плехановым и Лениным, вела ожесточенную компанию против террористической тактики социалистов-революционеров в 1901—1902 гг.

[2] **Поссе В. А.** Мой жизненный путь. М.—Л., 1929, с. 321. Поссе — активный деятель легального марксизма, редактор и издатель легального марксистского журнала «Жизнь». Его отношение к «клубу» Плеханова можно рассматривать как типичное для многих русских интеллигентов, идущих за

Толстым и Кропоткиным и одновременно увлекающихся Марксом: «Речи Ленина и Плеханова меня взволновали и заставили серьезно задуматься, могу ли я работать в союзе с теми, кто считает, что каждый социал-демократ должен быть террористом à la Робеспьер... Задуматься приходилось тем более, что ближайший мой товарищ... В. Д. Бонч-Бруевич подписывался под каждым словом речей Плеханова и Ленина. Якобинцем я быть не мог... и в конце концов решил, что мне лучше уйти из марксистского клуба, основанного Плехановым.» (Там же, с. 322).

[3] Там же.

[4] Цит. по статье: Рулий В. Плеханов и террор. — Под знаменем марксизма, n° 6—7, 1923, с. 33.

[5] **Плеханов Г. В.** Столетие Великой революции. — Сочинения. Москва—Петроград, 1923, т. IV, p. 64.

[6] **Ленин В. И.** С чего начать? — Полное собрание сочинений (ПСС). 5-е изд. М., 1960, т. 5, с. 7.

[7] **Ленин В. И.** Революционный авантюризм. ПСС, т. 6, с. 386. О том же см.: т. 5, с. 8.

[8] **Ленин В. И.** К оценке русской революции. ПСС, т. 17, с. 49—50.

[9] *Ленин черпал знания по истории Французской революции из книг* Ж. Жореса, А. Олара, П. Кропоткина, Г. Кунова. В своих размышлениях о *якобинской диктатуре он опирался на Маркса и Энгельса в публикации* Ф. Меринга Aus dem literarischen Nachla von KK. Marx, F. Engels, und F. Lassalle. Hrgs. uon F. Mehring. BD. II. Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels. Von Juli 1844 bis November 1847. Stuttgart, Dietz, 1902. Ленин также прочел «Святое семейство», но критика якобинского террора Марксом не побудили его сделать комментарии.

[10] **Ленин В. И.** Революция типа 1789 или типа 1848 года? ПСС, т. 9, с. 380. Рукопись по всей вероятности не предназначалась для публикации. Она была напечатана только в 1926 г.

[11] **Ленин В. И.** Доклад об Объединительном съезде РСДРП. ПСС, т. 13, с. 54.

[12] **Ленин В. И.** Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. ПСС, т. 10, с. 134.

[13] **Ленин В. И.** Социал-демократия и временное революционное правительство. ПСС, т. 10, с. 14.

[14] **Ленин В. И.** Доклад об участии... ПСС, т. 10, с. 138. Цитата заимствована из статьи Маркса «Буржуазия и контрреволюция».

[15] **Ленин В. И.** О врагах народа. ПСС, т. 32, с. 307. После прихода к власти речь Ленина заметно изменилась: в ней стало преобладать условное наклонение, выражающее сомнение. Так, в 1919 г. когда Бухарин предложил ограничить карательные функции ЧК, Ленин назначил его представителем Политбюро с правом вето в коллегии ЧК. «Пусть отправляется туда, — сказал Ленин, — постарается удержать террор в некоторых рамках, **если** это возможно. Мы будет счастливы, **если** ему это удастся». (Цит. по: Nikolaevskij B. I. Les dirigeants soviétiques et la lutte pour le pouvoir. Paris, Danoël, 1969, p. 29—30. Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[16] **Мартынов А.** Две диктатуры. Женева, 1905, с. 8, 12—13.

[17] Там же, с. 15.

[18] Там же, с. 49.

[19] Там же, с. 58. Те же аргументы находим в статье Плеханова «К вопросу о захвате власти». (См.: Плеханов Г. В. Сочинения. Указ. соч., т. XIII, с. 207).

[20] **Мартынов А.** Указ. соч., с. 10—11.

[21] Там же, с. 66—67.

[22] Протоколы четвертого (объединительного) съезда РСДРП. М., 1934, с. 61.

[23] **Ленин В. И.** Объединительный съезд РСДРП (апрель 1906). ПСС, т. 12, с. 362.

[24] Там же, с. 363.

[25] **Плеханов Г. В.** На пороге XX века. — Сочинения. Указ. соч., т. XII, с. 65.

[26] Журнал, выходивший в Женеве (1899—1902) под руководством Б. Кричевского, И. Теплова, В. Ивашина, А. Мартынова.

[27] **Аксельрод П. Б.** Объединение российской социал-демократии и ее задачи. — «Искра», nn° 55, 57.

[28] **Мартынов А.** Указ. соч., с. 5.

[29] Протоколы четвертого... Указ. соч., с. 145.

[30] **Ленин В. И.** Шаг вперед, два шага назад. ПСС, т. 8, с. 368—370.

[31] **Ленин В. И.** Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС, т. 11, с. 48.

[32] **Ленин В. И.** Доклад об участии... ПСС, т. 10, с. 139.

[33] **Ленин В. И.** Две тактики..., ПСС, т. 11, с. 47; Политические софизмы, т. 10, с. 201.

[34] **Ленин В. И.** Русская революция и задачи пролетариата. ПСС, т. 12, с. 210—211; Две тактики..., т. 11, с. 47; Доклад об участии..., т. 10, с. 138.

[35] ***Ленин В. И.*** *О временном революционном правительстве. ПСС, т. 10,* с. 246.

[36] ***Ленин В. И.*** *Задачи русских социал-демократов. ПСС, т. 2, с. 459.*

[37] **Ленин В. И.** Две тактики..., ПСС, т. 11, с. 69.

[38] Критику бланкизма см.: ПСС, т. 13, с. 76; т. 16, с. 9—10; т. 17, с. 416.

[39] **Ленин В. И.** Что делать? ПСС, т. 6, с. 135—136.

[40] **Акимов В.** Принципы старой «Искры». Материалы для характеристики развития российской социал-демократической рабочей партии. Женева, 1904, с. 95.

[41] **Рязанов Д.** «Сверху» или «снизу». В кн.: Разбитые иллюзии. К вопросу о причинах кризиса в нашей партии. Женева, 1904, с. 88.

[42] **Аксельрод П. Б.** Письмо к Каутскому от 6 июня 1904. — Искра, 1904, n° 68.

[43] См. ее статью Организационные вопросы русской социал-демократии. — «Искра», 1904, n° 69. Точка зрения Г. Парвуса изложена в: «Искра», 1905, n° 111, 112.

[44] **Троцкий Л.** Наши политические задачи. Женева, 1904. Имеется в виду первый параграф устава партии, как известно, по-разному сформулированный Лениным и Мартовым.

[45] **Троцкий Л.** Отчет сибирской делегации. II съезд РСДРП. Женева, 1903, с. 29.

[46] Там же, с. 30. (Подчеркнуто автором).

[47] **Троцкий Л.** Наши политические задачи. Указ. соч., с. 95.

[48] Там же, с. 99.

[49] Там же, с. 98.

[50] Там же, с. 100. Вопрос сформулирован Аксельродом в статье: Объединение российской социал-демократии...

[51] Для подтверждения распространенности этой идентификации среди большевиков он ссылается на документ, исходящий от рядовых членов ленинской партии: «Ответ представителей комитетов Уфы, Среднего Урала и Перми на письмо Центрального органа». Троцкий назвал его «Уральский манифест».

[52] **Ленин В. И.** Что делать? ПСС, т. 6, с. 171.

[53] **Trotski L.** Lénine. Paris, 1925, с. 58.

[54] **Мартов Ю. О.** Вперед или назад? — Искра, 1904, Приложение к n° 67.

[55] **Троцкий Л.** Наши политические задачи..., с. 96.

Глава IV

[1] A. Aulard, «Deux révolutions 1789—1917», dans «Histoire des Soviets», publiée sous la direction de M. Henri de Weindel, Paris, 1922, p. 9.

[2] V. Serge, «L'An I de la révolution russe. Les débuts de la dictature du prolétariat», Paris, 1930, p. 419. Профессор А. В. Чаянов, репрессированный экономист-аграрник, также использовал революционный календарь для названия одного из своих литературных произведений: «Венедиктов, или достопамятные события жизни моей. Москва, V год республики».

[3] E. Labrouse, «Comment la Révolution française explique et justifie aves éclat l'héroïque histore de la révolution russe», «L'Humanité», 6 novembre 1921.

[4] A. Aulard, op. cit., c. 9; см. также его статью «Les Soviets et la Révolution», «Floréal», 24 janvier 1920, p. 77.

[5] K. Kautsky, «Die Dictatur des Proletariats», Vienne, 1918. По-французски: La dictature du proletariat, Paris, éd Bourgevis, 1972, p. p. 220, 271.

[6] **П. Струве.** Размышления о русской революции. София, 1921, с. 32—33.

[7] E. Labrousse op. cit.

[8] A. Mathiez. Le bolchevisme et le jacobinisme, Paris, 1920, p. 1.

[9] **А. А. Гольденвейзер.** Якобинцы и большевики. Берлин, 1922, с. 8.

[10] **И. Безработный** (псевдоним Д. З. Мануильского). Две революции, *Петроград, 1918; А. Самохвалов. Две революции. Нижний Новгород*, 1919; В. Быстрянский. Революция буржуазная и революция пролетарская, Петроград, 1920.

[11] **О. А. Волькенштейн.** Как и почему возникла Великая французская революция 1789 года. Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов, Петроград, 1919; Г. Линдов, Великая французская революция. Петроградский совет..., Петроград, 1919; Бакс. Великая французская революция. Петроградский совет..., Петроград, 1919; Э. К. Пименова. Очерки Великой французской революции. Петроградский совет.., Петроград, 1919.

[12] **А. Стражев.** Как французы добыли и потеряли свою свободу. Серия «Революция и История», М., 1917; Великая французская революция. Москва—Петроград, Коммунист, без года; Е. Ефимова. Великая французская революция. Народная библиотека, М., 1917; Народ и Учредительное собрание. Издано Ю. Д. Маковским, Народные чтения, М., 1917; В. Филатов. Социализм во время Великой французской революции. Народная библиотека, М., 1917.

[13] Взятие Бастилии. Очерк. изд. Пролетарская мысль, Петроград, 1918; Взятие Бастилии. без года.

[14] **К. Н. Беркова.** Процесс Людовика XVI. Петроград, 1920.

[15] **В. Третьяков.** Французские революционные войны 1792—1796, М., 1919.

[16] **Б. Никольский.** Права гражданина. М., «Практические занятия», 1917; Г. Гурвич. Руссо и Декларация прав 1789 года. Петроград, 1918. См. также статью о veto короля в журнале Министерства народного просвещения: Л. Холостов. Прения о вето короля, Журнал..., т. LXXVII, ноябрь—декабрь 1917, Петроград, 1917.

[17] **Е. Васильева.** Из истории Великой французской революции. Учредительное собрание 1789—1791. Изд. 2-е, М., 1917; Е. Шведер, Учредительное собрание в 1789 году во Франции. М., 1917.

[18] **Д. Шиковский.** Люди и нравы Французской революции. Перевод с немецкого, *Москва—Петроград*, 1922; Р. А. Пельше, «Нравы и искусство французской революции», Петроград, 1918.

[19] **М. С. Попов.** Французская революция и религия, Петроград, 1919.

[20] **А. Овсянников.** Последние дни Людовика XVI по песням Великой французской революции, Петроград, 1921. Его же: Великая французская революция в песнях современников, Петроград, изд. 2-е, 1922.

[21] **С. А. Фалькнер.** Бумажные деньги Французской революции. М., 1919; А. Смирнов. Кризис денежной системы Французской революции, М., 1921.

[22] **С. Лозинский, Мирабо.** Петроград, 1917.

[23] **И. И. Скворцов—Степанов.** Марат и его борьба с контрреволюцией. Петроградский совет..., Петроград, 1918. С 1918 по 1921 гг. эта книга издавалась пять раз.

[24] **Я. М. Захер.** Сен-Жюст, жизнь, деятельность, идеология, Петроград, 1922.

[25] **Н. М. Лукин.** Робеспьер. Петроград, 1919.

[26] **А. Олар.** Политическая история французской революции. Петроград, Петроградский совет..., 1918; В. Блос. История французской революции. Петроград, Петроградский совет, 1919; П. Кропоткин. Собрание сочинений, т. II. — Великая французская революция. Петроград, 1918; Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., М., 1919, Ж. Мишле. Кордельеры и Дантон, Петроград, 1920.

[27] Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы. Под ред. Е. Тарле, Петроград, 1918—1919; Дантон. Министр юстиции французской революции. Его речи, Петроград, 1917; Процесс жирондистов. Петроград, 1919.

[28] Материалы 1-го всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921, с. 41. См. анализ этого источника М.—Н. Mandrillon, «L'image de l'enfant dans la presse eugénique dans les années vingt soviétiques», dans «L'évolution des modèles familiaux dans les pays de l'Est et en URSS» sous la direction de B. Kerblay, Institut d'Etudes Slaves, 1988, pp. 41—46.

[29] 5-ый том его «Die Geschichte des achtsehnten Jahrhunderts ..», посвященный Французской революции, был переведен на русский язык в 1859 г. Чернышевским.

[30] Цит. по: Б. Г. Вебер. Историографические проблемы. М., Наука, 1974, с. 203.

[31] **Д. И. Илловайский.** Новая история. Курс старшего возраста. М., 1878, с. 196—197.

[32] Концепция В. И. Герье выработана на основе французской историографической традиции, представленной Токвилем и Тэном. Можно говорить об истинном культе Токвиля в России и создателем этого культа был Герье. «Старый режим и революция» был переведен на русский язык четыре раза и неоднократно переиздавался до 1917 г. И. Тэн также был хорошо знаком русской публике: в 1887, 1889—1890, 1894—1895 гг. Герье написал серию статей, посвященных творчеству Тэна, писателя и теоретика, и в частности, его интерпретации Французской революции. Почти все работы Тэна были переведены на русский язык после их публикации во Франции. «Истоки современной Франции» в пяти томах вышли на русском языке в 1907 г., а затем переиздавались.

[33] **В. И. Герье.** Идея народовластия и французская революция 1789 года. СПб., 1904.

[34] **В. И. Герье.** Французская революция 1789—1795 в интерпретации И. Тэна. СПб., 1911.

[35] **П. Н. Ардашев.** Новая критика Тэна. Киев, 1910. Автор защищает Тэна от критики А. Олара, высказанной последним в книге A. Aulard, «Taine historien de la Révolution».

[36] **П. Г. Виноградов.** Учебник всеобщей истории. Часть III. Новое время. М, 1908, с. 159, 161.

[37] Народники уже пытались приобщить мужиков, рассказывая им историю одного французского крестьянина по инсценировке Эркман—Шатриана, одна из пьес которого о Французской революции была также инсценирована (См.: «История одного французского крестьянина. Книга сия написана французским крестьянином в знак братской любви к русским кре-

стьянам», Женева, 1873). Рабочие также получали сведения о Французской революции: в одну из учебных программ, предназначенных для революционеров, ведущих пропаганду среди рабочих в Петербурге в 1886 г., была включена книга Н. И. Кареева о крестьянском вопросе во Франции конца XVIII века. (См. Б. С. Итенберг. «Первая в России книга о французской буржуазной революции конца XVIII века». «Вопросы истории», 1988, № 11, с. 126).

[38] **Е. Ефимова,** Указ. 102, с. 71.

[39] Там же, с. 70.

[40] **Ю. О. Мартов.** Накануне русского термидора. — «Вперед», 22 (9) марта 1918. Интернационалисты (Мартов, Аксельрод, Мартынов) представляли левое крыло меньшевиков, выделившееся в 1914 г., когда они выступили против войны и не разделили патриотические чувства своих друзей, призывавших к «гражданскому миру» перед лицом внешней опасности.

[41] За исключением особо оговоренных случаев термин «национальный» связан с обозначением не национальности, но государственности. Аналогия затрагивала и большевиков и правых социал-демократов, пытавшихся в то время организовать «общенациональный центр», нечто вроде союза всех политических сил для защиты родины. Совпадение взглядов большевиков и правых социал-демократов по вопросу о национальной обороне задевало интернационалиста Мартова, считавшего интересы Социалистического интернационала приоритетными по сравнению с теми, которые были, по его мнению, узконациональными и послужили причиной перерождения демократии в термидорианской Франции.

[42] Те же проблемы были затронуты и другими меньшевиками, использующими без нюансировки термины «термидор» или «бонапартизм». Так, например, В. О. Левицкий в письме П. Б. Аксельроду от 16 июня 1918 года писал, что «опыт, начатый во имя диктатуры пролетариата, привел к диктатуре над ним и против него», автор делает заключение, что «это подлинно бонапартистский режим» в кн. Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 64).

[43] **А. Измайлович.** Послеоктябрьские ошибки. М., 1918.

[44] Там же, с. 4.

[45] «Иностранное вмешательство, внутренняя контрреволюция — все это не может сломить революцию, когда сам трудовой народ в своей массе двигает ее». (Там же, с. 4.)

[46] Там же, с. 30.

[47] Там же, с. 28.

[48] Там же, с. 15.

[49] И. Н. Штейнберг. Почему мы против Брест-Литовского мира? М., 1918, с. 24.

[50] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962, с. 24.

[51] Несмотря на глубокое разочарование, вызванное у «левых коммунистов» политикой отступления, Ленин и партия по-прежнему являются в их глазах воплощением революции. Так, когда левое крыло эсеров, выступив против Брест-Литовского договора, предложило свою поддержку, чтобы отстранить Ленина, руководители «левых коммунистов» от этого предложения отказались.

[52] **Н. М. Лукин,** профессор Московского университета с 1915 г., был одним из немногих дореволюционных университетских преподавателей, примкнувших к большевикам. С 1904 г. он ведет пропагандистскую работу в рабочих районах Москвы, печатается под псевдонимом «Антонов» в выходящей легально большевистской газете «Наш путь». С первых дней Февральской революции состоит в редколлегии газеты «Социал-демократ», а с 1918 г. сотрудничает в «Правде». В двадцатые годы Лукин один из тех, очень немногих, кто закладывал фундамент советской исторической науки.

Он пишет первые учебники по новейшей истории, руководит изданием многотомной «Всеобщей истории». Его образ учителя и наставника утверждается через Общество историков-марксистов и журнал «Историк-марксист». Он известен как один из основателей советской школы историков Французской революции. В 1936 г. Лукин стал директором Института Истории АН СССР. В 1938 г. был арестован и погиб в тюрьме двумя годами позже.

ГЛАВА V

[1] Мы вновь находим аналогию в печатном органе меньшевиков «Социалистический вестник» (1921—1940, Берлин, затем Париж), в кадетской газете «Последние новости» (1920—1940, Париж) или же в газете эсеров «Воля России» (1922—1932, Прага). Газета монархистов «Руль» (1920—1931, Берлин) и орган правых эсеров «Дни» (1922—1928, Берлин, затем Париж), издания, наиболее враждебно настроенные к революции и Советской власти, также обращаются к аналогии.

[2] См.: «Социалистический вестник», 16 сентября 1921, с. 14; Н. В. Устрялов. Patriotica. В сб. «Смена вех». Прага, 1921, с. 69; Б. Мирский. В изгнании. Публицистические очерки. Париж, 1922, с. 104, 107. Находившиеся в эмиграции русские следили за событиями в Советской России, постоянно думая о Французской революции. Они обращались к образу «французского термометра» или «французского календаря» и по-видимому, эмигрантам полюбилось остроумное выражение поэта Федора Сологуба: «Октябрьская революция — это обезьяна Французской». (Об этом в кн.: Р. Гуль. Я унес с собой Россию. Нью-Йорк, 1981, т. I, с. 167).

[3] «Социалистический вестник», 6 декабря 1930.

[4] Биографиеские данные см.: «Большая советская энциклопедия», изд. 1 и 2; «Известия юридического факультета. Высшая школа в Харбине». Харбин, 1925, т. 1, с. 239—240; Н. В. Устрялов. Из прошлого. В кн. Под знаком революции. Изд 2-ое, Харбин, 1927 (далее ПЗР).

[5] «Смена вех», 1921, № 3, с. 15.

[6] Там же. См об этом: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Ymca-Press, 1980.

[7] Сборник вышел в Праге летом 1921 г. Его название должно было напомнить читателю о другом сборнике — «Вехи», который, выступив как рупор интеллигенции, в 1909 г. осудил революцию. Авторы «Смены вех» пытались оправдать Октябрьскую революцию. Все авторы сборника: Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин, за исключением монархиста-консерватора А. В. Бобрищева-Пушкина, были видными деятелями партии кадетов.

[8] В статье «Patriotica» собраны отрывки из книги «В борьбе за Россию», вышедшей в 1920 г., цитаты из последних работ Устрялова и его статья «Путь термидора», появившаяся в Харбине в газете «Новости жизни».

[9] Действительно, терпимость, о которой свидетельствует все написанное Устряловым и другими сменовеховцами, явно отличается от довлевшего над эмигрантами чувства ненависти, которое выражалось даже в названиях их обильной печатной продукции. (См., например: М. Горелов. Дьявол у руля! Заметки о большевизме. Берлин. 1920; В. Бурцев Будьте прокляты большевики! Париж. 1919; Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, В. Злобин, Царствование Антихриста. Мюнхен, 1921).

[10] У сменовеховцев было много печатных органов. В Париже выходил еженедельник «Смена вех», в Берлине — газета «Накануне» с приложениями, у которой были подписчики по всей Европе. Грузинские эмигранты в Париже, русские, бежавшие в балканские страны или в Харбин, издавали

свои собственные газеты, представлявшие это течение. Названия этих изданий часто отражали надежду на национальное обновление: «Новая Россия» в Софии, «Новый путь» в Риге, «Новая Грузия» в Париже. До 1925 г. сторонники «Смены вех» внутри Советской России имели разрешение на издание своей литературы. Тираж их основной газеты «Россия», издававшейся в Москве, достигал иногда 15 тысяч экземпляров. Журналы «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль», «Слово и мысль», хотя они и недолго издавались, свидетельствуют о том, что внутри страны идеи сменовеховцев получили широкое распространение.

[11] См., например, большие статьи по вопросам этики, о политическом идеале Платона или же понятии государства: «О фундаменте этики» (известия юридического факультета. Высшая школа в Харбине», т. 3); «Этика Шопенгауэра» (там же, т. 4); «О политическом идеале Платона» (там же, т. 7); «Понятие государства» (там же, т. 9); «Проблема прогресса» (там же).

[12] «Смена вех», № 16, 11 февраля 1922.

[13] Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова. Публикация М. Агурского в «Slavica hierosolymitana», 1981, vol. V—VI, с. 556.

[14] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. V.

[15] Там же.

[16] «Переписка...», Указ. соч., с. 554.

[17] Там же.

[18] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 112.

[19] Там же, с. 69.

[20] Там же, с. 111.

[21] Там же, с. 5, 36, 108.

[22] Там же, с. 89.

[23] Там же, с. 4.

[24] Там же, с. 107.

[25] Там же, с. 68.

[26] **Н. Устрялов.** Patriotica. Ук. соч., с. 65.

[27] Там же.

[28] Там же, с. 61.

[29] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 111.

[30] **Н. В. Устрялов.** Patriootica. Указ. соч., с. 56.

[31] Там же, с. 53.

[32] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, стр. 111.

[33] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 61.

[34] Там же, с. 63.

[35] Там же, с. 69.

[36] См., например: Б. Мирский. 14 июля, «Последние новости», 14 июля 1921. Борис Мирский (псевдоним М. В. Миркина-Гецевича) — профессор юридического факультета Петроградского университета. Эмигрировал в 1920 г. Преподавал в Парижском университете и Национальной школе восточных языков, знакомя французов с международным правом и конституционным правом Центральной и Восточной Европы. Самые известные его работы: Les Constitutions de l'Europe nouvelle», Paris, 1928; «Les Déclarations des droits de l'homme. Textes constitutionnes concernant les droits de l'homme et les garanties des libertés individuelles dans tous les pays», Payot, Paris, 1929; «L'intluence de la Révolution française sur le développement du droit international dans l'Europe centrale», Paris, Hachette, 1929; «La Constitution de l'Union des républiques soviétiques socialistes», dans «Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger», janvier-mars, 1925.

[37] Сочинение А. Сореля «Европа и Французская революция» в восьми томах было переведено на русский язык в 1908 г. Существует также его краткое изложение, составленное Т. А. Богдановичем: «Франция и Европа а грани XIX века».

[38] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 70.

[39] **Б. Мирский.** Путь термидора. «Последние новости», 3 марта 1921; азета, издававшаяся П. Н. Милюковым, скептически относилась к идеям меновеховцев.

[40] Дав своей статье «Путь термидора» то же название, что и у Мирского, Устрялов как бы заявлял читателям о своем намерении «усвоить урок французского» в противовес тем, кто злоупотреблял термином. (Н. В. Устрялов. Patriotica. Указ. соч., с. 69.)

[41] **Б. Мирский.** Путь термидора. Указ. соч.

[42] Там же.

[43] В появившейся через несколько месяцев статье «После термидора» Устрялов еще сильнее настаивает на бесполезности подобного сравнения: «Если жить в России по календарю Французской революции, можно зайти в тупик». («Смена вех», № 9, с. 7).

[44] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соз, с. 68.

[45] Уже в феврале 1920 г. Устрялов говорил в интервью газете «Вестник Маньчжурии» о своей гипотезе наступления «экономического Брест—Литовска» для большевизма. В марте, в статье «Перспективы», он так описывает свое видение будущего: «По логике вещей большевизм будет эволюционировать от якобинства к наполеонизму (не в смысле конкретной формы правления, но в смысле общего направления)». (В борьбе за Россию. Указ. соч., с. 13). После Кронштадтского восстания, откликаясь на первые новости о нэпе, только что — как он это и предвидел — введенном, Устрялов подтверждал свои предвидения — лозунги: «Мир с мировой буржуазией», «уступки иностранному капиталу», «отказ от незамедлительного построения коммунизма» представляют собой достаточно доказательств «экономического Брест—Литовска». (Перерождение большевизма. «Новости жизни», 6 апреля 1921 г. Воспроизведено в кн. Н. Устрялова «ПЗР»).

[46] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 66.

[47] Там же. (Подчеркнуто автором).

[48] Там же, с. 70. (Подчеркнуто автором).

[49] **Б. Мирский.** Термидорианцы. — «Последние новости», 22 марта 1921.

[50] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч., с. 66.

[51] Термин «перерождение» имеет два значения: возрождение и вырождение. В дореволюционном словаре мы находим лишь первое значение (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1907). В словаре советского времени указано второе, неодобрительное значение (С. Ожогов. Словарь русского языка. Изд. 13-ое, М., 1981). **Перерождение** в смысле «утраты прежнего мировоззрения, социального облика под воздействием чуждой среды, идеологии» (там же) вошло в повседневный обиход как раз в послереволюционном контексте.

[52] **Н. В. Устрялов.** Patriotica. Указ. соч, с. 68. (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[53] Там же, с. 69. (Подчеркнуто автором.)

[54] Там же, с. 66—67.

[55] Там же, с. 62.

[56] Там же, с. 61—62.

[57] Там же.

[58] Зато победа Кронштадта была бы великим несчастьем для России. «Она означала бы гибель государства и полное поражение революции»,— так Устрялов сформулировал несколько лет спустя свое мнение о весеннем кризисе 1921 г. (См. На новом этапе. Харбин, 1930, с. 23). После кронштадтских событий начался спуск революции.

[59] Устрялов заимствует эти слова у Ленина. (ПЗР, с. 108).

[60] Подчеркнуто мною.— Т. К.

[61] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 29.

[62] Там же, с. 243.

[63] Там же, с. 75.

[64] Там же, с. 68.

[65] «Смена вех». 1922, № 13, с. 17—19.

[66] Выступая на XI Съезде партии через два месяца после публикации этой статьи, Ленин приписывает сменовеховцам и, в частности, Устрялову именно такую постановку вопроса: «эволюция **или** тактика?»

[67] **Н. В. Устрялов.** ПЗР, с. 75. Устрялов обильно цитировал свою статью «Перерождение большевизма», написанную в апреле 1921 г., чтобы доказать, что его перевирают.

[68] Там же, с. 77.

[69] Там же, с. 76—77. Те же мысли высказываются и во многих других работах Устрялова. В 1925 г. например, когда он переиздает некоторые статьи под общим названием «Философия эпохи», большевики, так же как и меньшевики, истолковали это как философию, объясняющую эволюцию России к буржуазному обществу. (См. Г. Е. Зиновьев. Философия эпохи. К съезду партии. — «Правда», 19, 20 сентября 1925; Он же: «Философия диктатуры. — «Социалистический вестник», 15 октября 1925).

[70] Н. В. Устрялов. ПЗР, с. 76. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[71] Там же.

[72] Ю. О. Мартов. Мировой большевизм. Берлин, 1923, с. 39.

[73] Там же, с 40.

[74] Там же.

[75] Там же, с. 39.

[76] Там же.

[77] Там же, с. 40.

[78] Там же, с. 42.

[79] «Социалистический вестник», 10 апреля 1923, с. 11.

[80] Это письмо опубликовано в «Социалистическом вестнике» (20 апреля 1921, с. 3, 4; 20 мая 1921, с. 5).

[81] Ю. О. Мартов. На пути к ликвидации.— «Социалистический вестник», 1 ноября 1921.

[82] Там же, с. 5.

[83] Там же.

[84] «Социалистический вестник», 1 ноября 1921.

ГЛАВА VI

[1] Цит. по: «Смена вех», п° 6, с. 12. В этом номере содержатся выдержки из советской прессы с отзывами о сборнике «Смена вех», (в частности: Стеклов Ю. Психологический перелом.— «Известия», 13 октября 1921 и Мещеряков Н. Знамение времени.— Правда, 14 октября 1921).

[2] **Стеклов Ю.** Указ. ст.

[3] Известия 27 октября 1921. Цит. по: «Смена вех», п° 6, с. 21.

[4] В середине 1922 г., когда ряды сменовеховцев значительно увеличились внутри страны, и они стали действовать активно (собрания, конференции, научные общества, издательства, пресса), большевистская партия перешла в систематическое наступление на их идеологию.

[5] Эти слова, сказанные в мае 1921 г., приведены Ж. Садулем. Опубликованные в «Известиях» от 1 февраля 1924 г., они воспроизведены в сб. «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». (М., 1966, с. 284) (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[6] Weiss L. Cinq semaines à Moscou.—Le Petit Parisien, 9 novembre 1921. (Подчеркнута мной.— Т. К.)

[7] «Социалистический вестник», 16 сентября 1921, с. 14. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)

[8] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, с. 28.

[9] **Ленин В. И.** Планы политического отчета Центрального Комитета РКП(б). ПСС, т. 45, с. 409—418.

[10] **Ленин В. И.** Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта. ПСС, т. 45, с. 94.

[11] «Заметки публициста», написанные незадолго до XI съезда, позволяют судить об озабоченности Ленина опасностью, а также о его отношении к «злорадным» голосам». Он призывает признать угрозу, обусловленную несовершенством основ социалистической экономики, потому что «нет ничего опаснее иллюзий», и противопоставить им «ясность головы». Что до вражеских голосов, то он советует не прислушиваться к ним. «Не погибли **(и, вероятнее всего, не погибнут)** те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче» (ПСС, т. 44, с. 418). (Подчеркнуто мной.— Т. К.)

[12] В 1927 г., когда об аналогии заговорили открыто как оппозиционеры, так и партийные пропагандисты, часто ссылались на это выступление Ленина, как на первое, где была указана термидорианская опасность. (См. например: Радек К. Термидорианская опасность и оппозиция. В кн.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927, в 4-х томах. Под ред. Ю. Фельштинского. «Терра», 1990, т. 3, с. 75. При написании книги в случае этого документа и ряда других был использован непосредственно «Архив Троцкого» из библиотеки Гарвардского университета. В настоящем издании сноски даются на появившуюся между тем публикацию Ю. Фельштинского. Зайцев А. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. М., 1928, с. 5).

[13] Троцкий свидетельствует: «Перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о термидоре. Самое слово это было у нас в большом ходу». (Архив Троцкого. Указ. соч. Т. 4, с. 14).

[14] **Ленин В. И.** Политический отчет... ПСС, т. 45, с. 93.

[15] Там же.

[16] Там же, с. 94.

[17] Там же, с. 95.

[18] Там же.

[19] «Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно» (ПСС, т. 45, т. 93). Не в меньшей степени ему было «тошнехонько» от «революционности» зарубежных товарищей. В июле 1921 г. на III конгрессе Коминтерна Ленин, по его собственным словам в «Заметках публициста», «стоял на крайне правом фланге» по отношению к многочисленной группе делегатов, занявших «неумеренно левую и неправильно левую позицию» (ПСС, т. 44, с. 419).

[20] Он цитирует Набокова, редактора монархической право-кадетской газеты «Руль» и книгу меньшевика Далина «После войн и революций» (См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Указ. соч. с. 383, 407—408).

[21] Там же, с. 392—393.

[22] Там же, с. 382.

[23] Там же, с. 73—74.

[24] Там же, с. 78.
[25] Там же, с. 395. Заметим, что говоря о партии, Зиновьев вместо термина «перерождение» предпочитает говорить «омертвение некоторых частей партийного организма».
[26] Там же, с. 436.
[27] Там же.
[28] Там же, с. 101.
[29] Там же, с. 79.
[30] Там же, с. 438.
[31] Там же, с. 437, 102.
[32] Там же, с. 438. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)
[33] Там же, с. 547.
[34] **Троцкий Л.** Новый курс. М., 1924, с. 10.
[35] Письмо напечатано в «Правде» от 11, 28 и 29 декабря 1923 г.
[36] В частности, главой «Бюрократизм и революция», наиболее важной для нашего анализа.
[37] Об этой ошибке Ленин говорил на XI съезде «У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счет у нас полное единодушие. (...) Тут была так же большая моя вина...» (ПСС, т. 45, с. 113).
[38] Троцкий Л. Новый курс. Указ. соч. с. 17, 19, 37.
[39] Там же, с. 19.
[40] Там же.
[41] Там же, с. 34.
[42] Там же, с. 17.
[43] Там же, с. 10.
[44] Там же, с. 13. Интересно сравнить эти теоретические размышления с суждениями о Центральном Комитете, высказанными Троцким в беседе с М. Истменом примерно в то же время. Истмен вспоминает: «Мы разговаривали об основных руководящих деятелях ЦК: в беседе он сформулировал чрезвычайно ясные и точные суждения о характере каждого, но ни одну из его оценок нельзя истолковать как обвинение в «оппортунистическом перерождении». Он описал мне Сталина как человека смелого и искреннего революционера». (Eastman M. Depuis la mort de Lénine. Paris, 1925, p. 76).
[45] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 33.
[46] **Бухарин Н. И.** Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. В сб.: В защиту пролетарской диктатуры. М., 1928, с. 234.
[47] **Троцкий Л.** Моя жизнь. М., Книга, 1990 (репринт Берлин, 1930), Т. 2, с. 255.
[48] **Канатчиков С. И.** История одного уклона. Л., 1924, с. 33—49.
[49] **Бухарин Н. И.** Доклад... Указ. соч. с. 234.
[50] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 80.
[51] Там же, с 13.
[52] Сначала дискуссия развернулась вокруг статьи Зиновьева «О новых задачах партии», опубликованной 7 ноября; затем она продолжалась в связи с «Резолюцией ЦК», опубликованной 7 декабря. В январе 1924 г. письмо Троцкого «Новый курс» дало ей новый импульс.
[53] Наша партия и оппортунизм.— «Правда», 13 декабря. См. также: Под знаком единства.— «Правда», 12 декабря; Старики и молодежь в нашей партии.— «Правда», 14 декабря.
[54] **Раковский Х. Г.** Письмо Г. В. Валентинову от 2—6 августа 1928 г. Впервые опубликовано Троцким в «Бюллетене оппозиции», 1929, n° 6, с. 14—20. Здесь и далее цитируется последняя публикация В. П. Данилова.— «Вопросы истории», 1989, n° 12, с. 74. (Подчеркнуто мной.— Т. К.)
[55] **Троцкий Л.** Новый курс. Указ. соч. с. 33.
[56] В самых общих чертах эта проблема обозначена в документах организации «Рабочая правда» и «Рабочая группа». Призыв «Рабочей правды» опубликован в «Социалистическом вестнике» (№ 3, январь 1923 и № 19, октябрь 1923). В кн. В. Сорина «Рабочая группа (Мясниковщина)», М., 1924, воспроизведены длинные выдержки из манифеста этой группы от февраля 1923 г.

[57] 15 октября 1923 г. 46 видных руководителей партии (Преображенский, Серебряков, Пятаков, И. Н. Смирнов, Сапронов и др.) передали в Политбюро заявление, резко критикующее экономическую политику и антидемократический режим, царящий в партии. В документе поднималась проблема бюрократизации в связи с изменениями внутри самой партии.
[58] **А. Камень.** На повороте.— «Правда», 11 и 13 ноября 1923.
[59] Новые решения или исполнение старых? (Подписано: Г. И.— «Правда», 16 ноября 1923.)
[60] Отклики на дискуссию. (Подписано: А. С.— «Правда», 5 декабря 1923. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)
[61] В этом отношении показательна статья, призывающая начать демократизацию партии с низовых организаций. (См. Н. Виглянский. Ударная задача партии.— «Правда», 27 ноября, 1923).
[62] На собрании актива Московской партийной организации Каменев указал лишь на две опасности, угрожавшие извне: «со стороны перерождения, **вызванного нэпом** (подчеркнуто мною.— Т. К.) и со стороны профсоюзов, где получили распространение анархистские идеи Махайского». (Цит. по: «Правда», 13 декабря 1923).
[63] **И. В. Сталин.** О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого.— «Правда», 15 декабря 1923.
[64] Там же.
[65] **Н. В. Устрялов.** Под знаком революции, 1-ое изд. Харбин, 1925.
[66] **Г. Зиновьев.** Философия эпохи. К съезду партии.— «Правда», 19 и 20 сентября 1925.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] **Н. И. Бухарин.** Цезаризм под маской революции.— «Правда», 13, 14 и 15 ноября 1925 г.
[70] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет.— М.—Л., 1926, с. 238.
[71] **Г. Зиновьев.** Философия эпохи.
[72] **П. А. Залуцкий** (1887—1937) начал революционную деятельность в 1905 г. в партии эсеров. С 1907 г. перешел в ряды большевиков. В 1916 г., когда из-за трудностей подпольной борьбы и ареста большого числа образованных членов партии несколько рабочих смогли войти в состав руководства большевистской партии, Залуцкий был кооптирован в новое «Русское бюро» ЦК РСДРП(б). С тех пор он активный член руководства партии: один из создателей первого Петроградского совета в 1917 г., на важных постах в Красной армии, во ВЦИКе, в ЦК партии. На XV съезде он исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Восстановлен с 1928 по 1934 гг. и вновь исключен за «антисоветскую деятельность», арестован и приговорен к заключению в лагерь, где погиб в 1937 г.
[73] В 1916 г. Молотов так же, как и Залуцкий, был кооптирован в «Русское бюро» ЦК РСДРП(б).
[74] На протяжении 1925 г. увеличивалось количество конфликтов между сталинским руководством партии с одной стороны и Зиновьевым и Каменевым — с другой. Эти еще недавние сторонники Сталина, а также руководители Ленинградской организации, воспользовались при нападках на аппаратчиков недовольством рабочих. Те не одобряли расширение нэпа, выразившееся в 1925 г. в уступках зажиточным крестьянам, саботировавшим снабжение городов продовольствием. Следствием распада прежней тройки явилась абсурдная враждебность, возникшая между Москвой и Ленин-

градом, центрами одной и той же пролетарской традиции. (См. анализ, проливающий свет на эти противоречия в кн. P. Broué, Trotski. Paris, Fayard, 1988 chapitre XXIX — Lutte de clans, lutte de classes?).

[75] XIV съезд... Указ. соч., с. 358—360.

[76] Летом 1924 г. Сталин, действуя против Зиновьева и Каменева, назначил их сторонника И. А. Зеленского, секретаря Московского губкома, в Среднюю Азию, заменив его Н. А. Углановым.

[77] Два основных источника позволяют воссоздать «дело Залуцкого»: стенографический отчет XIV съезда партии и стенографический отчет XXII конференции Ленинградской губернской партийной конференции. В последнем многотомном издании истории КПСС имя Залуцкого едва упоминается, лишь для того, чтобы заявить, что «новая оппозиция» прибегала к клевете, устами своего «активного деятеля», повторяя «злобные измышления врагов партии и Советской власти» и утверждая, что «Центральному Комитету угрожает термидорианское перерождение». (См. «История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1964, т. 4 (1), с. 410). История Ленинградской партийной организации, которая должна была бы быть более подробной, ограничивается замечанием о том, что Залуцкий был отозван с поста секретаря губкома. (См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», Л., 1980, т. 2, с. 151).

[78] XIV съезд. Указ. соч., с. 230.

[79] Там же, с. 231.

[80] Там же, с. 281.

[81] Там же, с. 415.

[82] Там же, с. 169.

[83] А. Зимин (Э. Г. Лейкин), автор книги «У истоков сталинизма. 1918—1923», вышедшей на русском языке во Франции в 1984 г., который в свое время принадлежал к кругам, близким к Зиновьеву, подтвердили в разговоре со мной, что аналогия с термидором имела хождение в рядах Ленинградской оппозиции.

[84] XIV съезд. Указ. соч., с. 238.

[85] Там же, с. 281. Под «кружком» Зиновьева Томский, вероятно, понимал собрания, на которых Зиновьев и его сторонники обсуждали планы издания в Ленинграде журнала «Большевик», того же названия, что и издававшийся в Москве теоретический орган партии. Руководство партии твердо отклонило эту идею, видя в ней зачатки фракционности.

[86] Брошюры о XIV съезде (отрывки из документов с комментариями партийных пропагандистов, публиковавшиеся по всей стране, — прекрасное тому подтверждение: либо в них нет никаких сведений о «деле Залуцкого», и тогда очевидно, что его обходят молчанием, т. к. в то же время говорят о нападках на ЦК или о перерождении. (См., например: К. Бауман. Основные вопросы разногласий и решении XIV съезда ВКП(б). М., 1926; А. Бузников, И. Иванов. О XIV партсъезде. Сборник материалов с методической проработкой для комсополитшкол и для самообразования. Л., 1926; В Сегалович. Что обсудил и что решил XIV съезд ВКП(б)? Харьков, 1926), либо они содержат краткую информацию, объясняющую дело причинами психологического характера, недостатком веры или пессимизмом отдельных личностей, при этом оппозиция в целом не обвинялась. (См: Партия и новая оппозиция. Материалы к проработке решений XIV съезда ВКП(б). Л. 1926).

[87] XIV съезд. Указ. соч. с. 393.

[88] Там же, с. 358.

[89] Там же, с. 414.

[90] Там же.

[91] Там же, с. 230.

[92] Там же.

[93] Там же, с. 229.

[94] На самом деле Залуцкий, вероятно, не так наивен, как кажется: в выступлениях на публику и в личных беседах он приводит разные исторические примеры. В брошюре «Звеновые организаторы и их задачи», написанной в 1925 г., где упоминается о проблеме перерождения, он ссылается не на историю Французской революции, а на историю II Интернационала, как это уже делал Троцкий в «Новом курсе».

[95] В словаре А. М. Селищева, собравшего в 1926 г. новые слова, вошедшие в обиход с 1917 г., указано, что эти два термина впервые были употреблены в «деле Залуцкого». (См. А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928. с. 190).

[96] XIV съезд. Указ. соч., с. 414.

[97] Там же, с. 590.

[98] Там же, с. 414.

[99] «Стенографический отчет XXII Ленинградской губернской партийной конференции, 7-ой день», 8 декабря 1925, с. 44. (Подчеркнуто мной.— Т. К.).

[100] Там же, стр. 40. История двух резолюций изложена так, как она вырисовывается по стенографическим отчетам XXII партконференции Ленинградской губернии. В. М. Иванов, предлагает несколько иную версию, по которой Политбюро оказывается непричастным к перемене формулировки (Иванов В. М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965, с. 80). Не имея возможности проверить версии по архивным материалам, замечу только, что вопрос о том, кто ответственен — Политбюро или Ленинградское руководство, второстепенен для моего анализа: главное — было две резолюции, и одна из них умалчивала о «вине Залуцкого»

[101] Партия и новая оппозиция. Материалы к проработке решений XIV съезда ВКП(б) Л., 1926, с 201. Тм. также: Ленинградская организация и четырнадцатый съезд. Сборник материалов и документов. М — Л, 1926

ГЛАВА VII

[1] **В. М. Смирнов, Т. В. Сапронов, Н. Осинский, М. И. Минков, Т. Хореч-ко, В. П. Оборин, В. Емельянов (Калин), Рафаил, С. В. Косиор, А. С. Бубнов, М. С. Богуславский** и др. Уже на IX съезде партии в 1920 г. децисты проявили себя как фракция. В платформе, выработанной весной 1921 г. к X съезду, они требовали ответственной автономии местных организаций, в том числе профсоюзов, по отношению к центральным органам партии.

[2] **Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Муралов, Г. Е. Евдокимов, Г. Л. Пятаков, Х. Г. Раковский, И. Т. Смилга** и др.

[3] **Троцкий Л.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм. Историко-теоретическая справка. — «Бюллетень оппозиции», n° 43, апрель 1935, с. 2.

[4] **Цейтлин** Е. Об Иванах непомнящих. В кн.: Партия против оппозиции. Материалы и документы к XV съезду. М., 1927, с. 564—565. Впервые опубликовано в «Правде» 24 июля 1927.

[5] Говоря о перспективах советской республики, он уже в 1919 г. заявлял: «Конец будет не совсем таким, каким было 9 Термидора, но я думаю, что он будет не очень далек от него». (Kautsky K., Terrorisme et communisme. Paris, 1921, p. 232).

[6] 30 апреля 1926 г. Корш и Шварц были исключены из немецкой коммунистической партии за утверждение, что ВКП(б) и Коминтерн «переродились». (La correspondance internationale, n° 86, 10 juillet 1926, p. 903, fac-similé, Milan, Feltrinelli, 1967).

[7] **Цейтлин Е.** Указ. соч. с. 564.

[8] **Souvarine B.** Staline. Aperçu historique du bolchevisme. Champ libre. Paris, 1977, p. 358.

[9] XV Конференция. Стенографический отчет. М., 1927, с. 578, 581, 585.

[10] **Souvarine B.** Op. cit., p. 366.

[11] XV Конференция. Указ. соч., с. 578.

[12] **Souvarine B.** Op. cit., p. 366.

[13] Текст заявления, отсутствовавший в стенографическом отчете пленума, был опубликован на французском языке в Bulletin communiste (апрель—июнь 1927 г.), органе оппозиции ФКП, руководимом Б. Суварином, который в 1924 г. был исключен из своей партии за публикацию «Нового курса» Троцкого. Хранившийся до последнего времени в архиве Троцкого в библиотеке Гарвардского университета текст заявления стал доступен русскому читателю благодаря публикации Ю. Фельштинского. (Указ. соч.).

[14] XV Конференция. Указ. соч., с. 490.

[15] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 20—21.

[16] Там же, с. 17.

[17] **Троцкий Л.** Моя жизнь. Указ. соч., с. 255.

[18] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 11.

[19] XV Конференция. Указ. соч., с. 624.

[20] К итогам июльского пленума. — Большевик, 1926, n° 14, с. 6. Архив Троцкого. Указ. соч. т. 2, с. 37.

[21] Например: Бухарин Н. И. Партия и оппозиционный блок, доклад на собрании актива Ленинградской организации 28 июля («Правда», 1 августа 1926); Рыков А. И. Об итогах июльского пленума, доклад на собрании актива Московской организации 26 июля («Правда», 1 августа 1926); Каганович Л. Об итогах июльского пленума, доклад на собрании актива Харьковской организации («Правда», 15 августа 1926). В сентябре А. Зайцев написал статью, в которой, сопоставляя взгляды оппозиции и социал-демократов, дважды цитировал Залуцкого и его «теорию термидора», как если бы это был самый свежий источник, который он мог найти. (Зайцев А. Международная социал-демократия и оппозиция в ВКП(б). («Большевик», 1926, n° 18, с. 40—42). В отчетах о пленуме, выпущенных в Харькове, Туле, Баку и Ростове-на-Дону термидор не упоминается. Зато в Иркутске пренебрегли (или просто не знали ?) правилами игры, дав показательный комментарий: «В нескольких словах критика, выдвинутая оппозицией против новой политики партии сводится к тому, что ... ЦК, не замечая отрицательных сторон нэпа, ведет страну к термидору, т. е. к реставрации буржуазного режима». (Дпман Ю. Ошибки оппозиции, Иркутск, 1926, с. 3).

[22] **Бухарин Н. И.** Партия и оппозиционный блок. Указ. соч.

[23] Лидеры оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Радек, Пятаков), не добившись права на открытую дискуссию, не имея, следовательно, возможности сделать свое заявление в официальной прессе, отправились прямо к рабочим. Первое собрание принесло им успех. Другие собрания, по словам оппозиционеров, прошли «под дудку сторонников Сталина или же выступавшие были освистаны агентами ГПУ» («Социалистический вестник», 16 октября 1926). В обильной информации, появившейся по этому вопросу в «Правде», описывалось, напротив, «возмущение» рабочих и приводились «катастрофические» для оппозиции итоги голосования. («Правда» от 1—16 октября 1926).

[24] Т. В. Сапронов, член партии с 1912 г., ответственный работник госаппарата, один из подписавших Заявление 46-ти. Его группа состояла из децистов и бывших членов Рабочей оппозиции (о Рабочей оппозиции в 1920—1922 г. см.: Kollontaï A. L'opposition ouvrière. Paris, Seuil, 1976).

[25] Заявление от 16 октября см.: Архив Троцкого. Указ. соч., т. 2, с. 108—111. В Заявлении осуждались действия германских левых, о чем Троцкий будет сожалеть в речи перед ЦКК в июне 1927 г. (Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 92) Мнение сапроновцев о Заявлении цит по: Ярославский Е. Старое и новое в «новой оппозиции». В сб.: Против оппозиции. М.— Л. 1928, с 32. Впервые опубликовано в «Правде» от 26 июля 1927.

[26] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 67.

[27] Там же, с. 106.

[28] В статье «Кризис ВКП», опубликованной в газете «Новости жизни» от 19 октября 1926 г., Устрялов высказался против «рабочей демагогии» оппозиции и заключил: «...мы сейчас не только «против Зиновьева», но и определенно «за Сталина»». (ПЗР, с. 239).

[29] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 108—109.

[30] Там же, с. 124. В июле 1927 г. Троцкий систематизирует свои мысли о термидоре, но они не будут опубликованы. Главное, между этими заметками и его публично занятой позицией нет расхождения. Троцкий не отрицает возможности термидора, но подчеркивает, что оппозиция «ни в коем случае не считает термидор неизбежным». (Архив Троцкого. Указ. соч., т. 4, с. 18).

[31] Проект платформы большевиков-ленинцев к XV съезду ВКП(б), кризис партии и пути его преодоления с. 3. Цит. по копии, хранящейся в библиотеке современной международной документации (BDIC) в Париже.

[32] Там же. Напомним, что на XI съезде Ленин не употреблял слова «термидорианская опасность», а Платформа 13-ти цитирует их, как если бы то была ленинская формулировка, подтверждая таким образом, что несмотря на то, что Ленин не произносил этих слов, члены партии сделали из его выступления вывод, что именно термидорианская опасность угрожала стране.

[33] Там же

[34] Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 111.

[35] Проект платформы.. Указ. соч., с. 132.

[36] Заявление оппозиции объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б). — Архив Троцкого Указ. соч., т. 4, с. 68, а также в: Партия против оппозиции. Материалы и документы к XV съезду партии. М. 1927, с. 469. Письмо подписали Авдеев, Бакаев, Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Лиздин, Муралов, Петерсон, Пятаков, Раковский, Смилга, Соловьев, Троцкий.

[37] XV съезд, Стенографический отчет. М., Партиздат, 1935, часть I, с. 277. (Подчеркнуто мной. — Т. К.).

[38] **Радек К.** Термидорианская опасность и оппозиция. — Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 74—81. При написании книги использовался машинописный текст из библиотеки Гарвардского университета.

[39] **Троцкий Л.** Радек и оппозиция.— «Бюллетень оппозиции», 1929, n° 1—2, с. 10. После XV съезда партии Радек резко изменил свое мнение о термидоре: он стал для него не больше, чем мифом.

[40] Их сторонники за рубежом тоже были осторожны. В ноябре 1927 г. оппозиция, сформировавшаяся во французской коммунистической партии (А Барре, М. Фоскав, С. Жиро, А. Трэн), составила к XV съезду ВКП(б) платформу, изобилующую выражениями типа «рост сил термидорианской реакции». В этой платформе есть даже глава под названием «Рост термидорианских элементов», но в соответствии с **Платформой 13-ти** здесь тоже не утверждается, что «термидор уже совершился», хотя слово «рост» практически снимает этот нюанс. (См.: «La plate-forme politique de l'opposition française pour le XV Congrès du parti de l'URSS. Additif à la plate-forme des membres oppositionnels du Comité central», Paris, 1927). В конце декабря 1927 г. вокруг Трэна образовалась новая группа, опубликовавшая статью Троцкого, в которой тот объяснял свою точку зрения о термидорианской опасности, настоятельно подчеркивая тот факт, что «даже исключение из партии всех членов оппозиции не означает переход к термидору». L. Trotski. La nouvella étape.— Redressement communiste, n° 1—2, octobre 1928).

[41] Христиан Георгиевич Раковский (1873—1941), болгарин по происхождению, до 1917 г. был одним из виднейших деятелей социалистического

движения в балканских странах. В 1917 г. присоединился к большевикам, с 1919 по 1923 гг. был председателем Совета народных комиссаров и наркомом иностранных дел Украины, членом ЦК с 1919 по 1925 гг. и видным советским дипломатом. С 1923 г. был одним из основных руководителей левой оппозиции. После XV съезда сослан в Астрахань, затем в Барнаул и Якутию. Символизировал самую упорную оппозицию. В 1934 г. он в конце концов подчинился партийной дисциплине, и «Правда» (14 апреля) торжествующе напечатала его заявление с отречением от оппозиционности.

[42] Письмо написано в Астрахани в ответ на «Размышления о массах» Г. Б. Валентинова, одного из сосланных оппозиционеров.

[43] **Раковский Х. Г.** Указ. соч., с. 76.

[44] Там же, с. 73.

[45] Там же.

[46] Лидеры оппозиции следили за тем, чтобы слово «термидор» не проскользнуло в письменные документы. Однако, могла произойти и оплошность. Так, Бухарин рассказывал на одном из собраний: «Недавно я получил из Одессы программу «коммунистической рабочей партии». (...) По программе можно видеть, что она написана хитроумным интеллигентом. Он берет тезис о термидоре и перерождении и развивает его более резко и прямо, чем оппозиция: руководство партии превратилось мол в новых капиталистов, кровопийцев и еще похлеще». (Бухарин Н. И. Доклад на XVI Московской губернской конференции ВКП(б). Цит. по: La corresponadance ... op. cit., n° 120, 3 декабря 1927, с. 1755).

[47] Заявление оппозиции, переданное президиуму XV съезда партии. (См.: XV съезд ВКП(б). Указ. соч., часть II, с. 1283).

[48] Там же, ч. I, с. 250. А. Зимин (см. о нем сноску 83, гл. VI), принимавший участие в этих демонстрациях, подтвердил, что демонстранты скандировали эти лозунги.

[49] **Эрде Д.** Девятое термидора в исторической литературе. М.—Л., 1931, с. 95.

[50] Два варианта платформы, имеющие незначительные расхождения, один от 27 июня без названия и с пятнадцатью подписями, другой, озаглавленный «Под знамя Ленина!» — без даты и без подписей, находятся в Гарвардском университете (соответственно T* 964 и T* 963). Ни в одном из этих текстов нет слова «термидор». Название «Von dem Thermidor. Revolution und Kontrrevolution in Sowjetru land» («Перед термидором. Революция и контрреволюция в Советской России»), данное платформе ее гамбургским издателем Ф. Эрулатом, а затем и французским издателем (Avant Thermidor. Plate-forme de l'opposition de gauche dans le parti bolchevique. La révolution et la contre-révolution en URSS, Lyon, Editions du Reveil communiste, 1928), свидетельствует о том, как внутрипартийная борьба воспринималась заграницей. Ясно было, что в центре расхождений с большинством был термидор. Нюансы же позиций сторонников Троцкого или Сапронова, вероятно, оставались неуловимыми. При работе над книгой использованы архивные документы. Сноски в настоящем издании даются по публикации Ю. Фельштинского.

[51] Под знамя Ленина! Архив Троцкого. Указ. соч., т. 3, с. 207.

[52] Там же, с. 183.

[53] Там же, с. 154.

[54] Там же, с. 179.

[55] Если верить Е. Ярославскому, рупору большинства, «группа Сапронова-Смирнова на Украине отличалась от троцкистов своей более откровенной позицией, выступая за создание второй партии». (Цит. по: La correspondance... op. cit., n° 128, 24 décembre 1927, p. 1959).

[56] Это слова из предисловия нелегального центра децистов к письму Сапронова от 9 августа 1929 г. (Цит. по: Эрде Д. Указ. соч., с. 94—95).

[57] Под знамя Ленина! Указ. соч., с. 210.

[58] **Бухарин Н. И.** Пролетарский якобинец.— «Правда», 24 июля 1926.

[59] Сталин подал ему ободряющую реплику, которая хорошо передает, в каком возбуждении был Бухарин, а также общий тон его выступления: «Здорово, Бухарин, здорово! Не говорит, а режет». (XV Конференция. Указ. соч., с. 601).

[60] Там же, с. 578.

[61] Там же, с. 577—578.

[62] Там же.

[63] Там же, с. 581.

[64] Там же, с. 594.

[65] Там же, с. 604.

[66] КПСС в резолюциях. 7-ое изд. М., 1953, т. 11, с. 210. В отчетах о конференции термидор либо не упоминается (например: Рубинштейн Н. О внутрипартийном положении. Итоги XV конференции ВКП(б). М., 1927; Бузников А., Коган Л. Основные вопросы XV конференции ВКП(б). М., 1927), либо о нем говорится очень коротко (например: Крылов С. Основные вопросы XV конференции ВКП(б). М.—Л., 1927; Позерн Б. Л. Оппозиция на XV конференции. Л., 1927).

[67] **Бухарин Н. И.** На пороге десятого года. — «Правда», 7 ноября 1926.

[68] **Леонов Ф.** Куда идет оппозиция? М.—Л., 1927. В книге есть три главы, в которых, судя по названию, автор должен был бы говорить о термидоре: 1) Крупнейшие факты внутрипартийной жизни и их значение; 2) В чем состоит социал-демократический уклон оппозиции? 3) О капитулянстве и пораженчестве оппозиции.

[69] Там же, с. 24.

[70] **Сталин И. В.** Сочинения. М., 1948, т. 9, с. 58.

[71] Там же, с. 48—49, 51.

[72] **Н. И. Бухарин.** Выступление на VII расширенном пленуме ИККИ.— «Правда» 14 декабря 1926 г. Бухарин говорил о термидоре с таким раздражением и возбуждением, что это запечатлелось в памяти Антона Чилыги, делегата от сербо-хорватской партии. (Ciliga A. Dix ans au pays du mensonge déconcertant. Paris, Champ libre, 1977, p. 26).

[73] La correspondance..., op. cit., n° 137, 18 déc. 1926, p. 1736. Любопытно сравнить эту выдержку из телеграфного отчета с полным текстом выступления Дорио, застенографированного и опубликованного через месяц в том же журнале. В нем уже не чувствуется специального акцента на термидоре. (n° 8, 17 janvier 1927, p. 105). Расхождение можно объяснить впечатлением от речи Бухарина: при передаче телеграфных отчетов ее пафос проектировался на речи выступавших непосредственно за ним ораторов.

[74] Ibid., p. 1737. В телеграфном отчете Эрколи приписываются слова о термидоре, которых он не говорил, если судить по стенограмме его речи (сравни: n° 8, 17 janvier 1927, p. 110—112).

[75] Ibid., p. 1738.

[76] Ibid., p. 1774.

[77] Тезисы и резолюции VII расширенного пленума ИККИ. М., 1927, с. 60.

[78] За товарищем Троцким товарищ Зиновьев. — «Правда», 10 декабря 1926.

[79] **А. Чилыга** описывает атмосферу, царившую на собраниях, предшествующих или же непосредственно следовавших за VII расширенным пленумом ИККИ: «Горе тому, кто высказывал свои сомнения, кто заявлял, что тот или иной пункт разногласий между оппозицией и большинством кажется ему недостаточно ясным! (...) Обращаясь к такому человеку, официальный оратор повышал голос: «Вам это кажется неясным? Товарищ Х. ... заявляет, что ему это кажется неясным, ему видите ли, кажется неясным обоснованность политики партии и мелкобуржуазный характер оппозиции... Кого он хочет ввести в заблуждение? Мы прекрасно знаем, что скрывается за его

лицемерием. Партия не потерпит никаких колебаний, никакого недостатка ясности.. » В таких условиях пропадала всякая охота сомневаться». (Ciliga A. Op. cit. p. 24—25).

ГЛАВА VIII

[1] **А. Угаров.** Рост социализма или термидорианское прерождение. Л. 1928, с. 7. В борьбе против большинства оппозиция также придавала огромное значение термидору. (См.: Л. Троцкий. Что и как произошло? Париж, 1929, с. 43).

[2] Выступление Рыкова на собрании партактива Московской организации ВКП(б). (Цит. по La Correspondance... op. cit.) № 94, 10 сентября 1927, с. 1322. Оценка, которую можно проследить и в последовательности глав учебника, изданного в Ростове-на-Дону и предназначенного для студентов партийной школы: первая глава посвящена характеристике революции и ее перспективам; вторая озаглавлена «О термидоре и перерождении Советского государства». Затем следуют главы о народном хозяйстве, условиях жизни рабочего класса, о крестьянстве и о внешней политике. (См.: М. Соколов. Партия и оппозиция. История всех оппозиционных течений и группировок в ВКП(б) от октября 1917 по XV партсъезд. Пособие-конспект для изучающих историю партии и пленумов. Издание методкабинета партработы Донкома ВКП(б). Ростов-на-Дону, 1928).

[3] В 1927 г. в Харбине Устрялов выпустил второе издание своей книги «Под знаком революции», дополненное статьями о «кризисе» большевистской партии. В том же году экономист Спектатор (псевдоним М. Нахимсона), бывший бундовец, находившийся вместе с Устряловым в эмиграции в Харбине, проанализировал экономику нэпа в книге «Русский термидор. Сумерки коммунизма». Принимая во внимание противоречия в большевистской партии, П. Милюков, явный противник сменовеховцев, тем не менее признал правоту Устрялова в вопросе о термидоре. (См.: П. Милюков. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 92). Писатели и историки интересовались 9 термидора (например: М. Алданов. Девятое термидора, Берлин, 1923. L. Barthou. «Le 9 Thermidor». Paris, 1926). Некоторые предполагают, что ссылки на термидор сыграли свою роль в успехах Сталина. H. Rollin, Une nouvelle étape de la révolution russe: le congrès du parti bolcheviste. Paris, Comité national d'études sociales et politiques, 1926). Оппозиционеры зарубежных коммунистических партий (см. об их выступлениях: D. Durand. Opposants à Staline. L'opposition de gauche internationale et Trotski, 1929—1930. Paris, La pensée sauvage, 1988) меньшевики и немецкие социалдемократы — все оценивают положение в Советском Союзе, проводя аналогию с термидором.

[4] В первую очередь речь идет о выступлениях на пленарном заседании ЦК и ЦКК (29 июля — 9 августа 1927 г.), на котором оппозиция подверглась нападкам, в основном, по вопросу о термидоре. Сталин, в частности, несколько раз возвращался к этой теме, чтобы подчеркнуть «невежество и глупость» тех, кто использует аналогию. (Сталин. Указ. соч., т. 10, с. 80, 88, 165). Бухарин и Рыков, выступившие на партактиве Ленинграда и Москвы об итогах пленума, задали тон дискуссиям о термидоре. Хотя термидор и был разоблачен как «чистая бессмыслица» и «неслыханный вывод», именно в нем заключалась суть разногласий, возникших между оппозицией и партией. Вместо того, чтобы отбросить вопрос о термидоре без дополнительных комментариев как «полную нелепость», руководство партии считало нужным показать его меньшевистские корни. (См.: Доклад Бухарина на собрании партактива Ленинградской организации ВКП(б) 9 августа 1927 го-

да — «Правда», 16 августа; А. И. Рыков. Доклад на собрании партактива Московской организации ВКП(б). Указ. соч.).

[5] **А. Слепков.** Оппозиционный неоменьшевизм. О «новой платформе». М., 1927, Одна из глав этой книги «Классы, партия и так называемое перерождение» включена также в сборник статей и документов, выпущенный к XV съезду с предисловием А. Слепкова. (См.: Партия против оппозиции. Сборник статей и документов. Вступительная статья А. Слепкова. М.— Л., 1927; А. Слепков. Платформа оппозиционного ликвидаторства. Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV съезду» в сб. Партия и оппозиционный блок. Минск, 1926; В. Фейгин. Оппозиционный блок и идеология ликвидаторства. Под редакцией А. Слепкова М.— Л., 1927; Д. Марецкий. Так называемый «термидор». М.— Л., 1927; А. Зайцев. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах устряловщины. М.— Л., 1928).

[6] О «бухаринской» школе см.: С. Коен. Бухарин. М., 1989.

[7] **А. Слепков.** Оппозиционный неоменьшевизм. Указ. соч., с. 29—30.

[8] Там же.

[9] Там же, с. 33.

[10] Там же, с. 34. Намек на статью меньшевика П. Гарви «Под знаком термидора», опубликованную в «Vorwärts» 27 августа 1927 г.

[11] Там же, с. 35.

[12] **Д. Марецкий.** Так называемый «термидор» и опасности перерождения. — «Правда», 24 и 29 июля 1927.

[13] **Д. Марецкий.** Так называемый «термидор». М.— Л., 1927, с. 7.

[14] Там же, с. 9. Вопрос о термидоре является «самым бурным и самым драматичным выражением всех разногласий».

[15] Там же, с. 31.

[16] Там же, с. 32.

[17] Там же, с. 34.

[18] Там же, с. 39.

[19] Там же, с. 43, 47.

[20] **А. Зайцев.** Указ. соч., с. 66—67. См. также его статью о политике в деревне, в которой он советует читателям перечитать «Цезаризм под маской революции» Бухарина, где они найдут лучший анализ устряловской идеологии (Новые моменты в нашей деревенской политике. — «Правда», 30 октября 1927).

[21] **А. Зайцев.** Указ. соч., с. 14—15.

[22] Там же, с. 32.

[23] Там же, с. 111, 120, 162.

[24] Там же, с. 78.

[25] Там же, с. 29.

[26] А. Угаров следует той же логике, что и Зайцев. В его брошюре мы находим цифры и факты, цель которых — доказать исключительно экономический характер термидора. «Куда мы идем? — вперед к коммунизму или назад к капитализму, продолжает ли Октябрьская революция восходящее движение к социализму или начался уже закат пролетарской революции в нашей стране — таков вопрос, на который необходимо дать прямой ответ»,— так он пишет, делая разрядку в знак особой важности, придаваемой им вопросу о термидоре. Перерождение он также считает результатом экономической борьбы». Нет лучшего способа проверки действительного направления нашего роста и развития, чем пристальный анализ итоговых и перспективных цифр развертывания народного хозяйства ... «перерождение» прежде всего равнозначно непрерывному ослаблению и разрушению социалистических элементов хозяйства» (А. Угаров. Указ. соч., с. 5 и 8).

[27] См.: П. Боярский. Почему троцкизм вернулся к меньшевизму? М., 1928; Факты и цифры против ликвидаторов и перерожденцев. (К внутрипартийным разногласиям). М., 1928; Факты и цифры против демагогии и измышлений оппозиции. М.— Л., 1927; Н. Мандельштам. Новый меньшевизм

в платформе оппозиции. М., 1928; А. Шлихтер. На платформе социал-демократического уклона. М.—Л., 1927; его же: На платформе меньшевизма М.—Л., 1928; его же: Сущность неоменьшевизма и его банкротство. М 1928; С. Крылов. Кто кого? Оппозиция и третья сила. М., 1928; А. Слепков Д. Марецкий. Экономическая платформа оппозиции. Л., 1926; Б. Ольховый Корни оппозиции и опасности перерождения. Харьков, 1927; Н. Бухарин Партия и оппозиция накануне XV партсъезда. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 окт. 1927, М., 1928.

[28] **С. М. Моносов** принадлежал к первому выпуску Института красной профессуры 1924 г., был на преподавательской работе, участвовал в работе Общества историков-марксистов и РАНИОНа, был первым директором МИФИ (позднее МИФЛИ) (См.: С. Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба. Харьков, 1925). Это — история якобинского клуба, написанная для широкой публики, хотя и при использовании документов, опубликованных А. Оларом.

[29] **В. Колоколкин, С. Моносов.** Что такое термидор? М., «Московский рабочий», 1928, с. 5—6.

[30] Там же, с. 66—67.

[31] Там же, с. 65—66.

[32] Там же, с. 112—113.

[33] В то время, как аналогия с термидором распространялась в рядах оппозиции, восприятие событий по французским матрицам, столь характерное после 1917 г., по-прежнему находило свое отражение в брошюрах. Так контрреволюционное движение 1918—1919 гг. под предводительством Деникина было названо «Русская Вандея». (См.: И. М. Калинин. Русская Вандея. М.—Л., 1926).

[34] Из этих семинаров вышли известные историки, такие как В. М. Далин или же А. З. Манфред, и другие, менее известные, но оставившие, однако, свой след в изучении Французской революции, такие, как Н. П. Фрейберг и Я. Старосельский, погибшие в тридцатые годы.

[35] Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. Сб. статей. М.—Л., 1931.

[36] Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. статей и документов. М., 1927.

[37] Почти все работы, посвященные термидору, появились в период с 1926 по 1930 гг. Книга К. П. Добролюбского «Термидор», вышедшая в 1949 г. кажется вне этих хронологических рамок, однако в действительности она написана на основе статей, опубликованных в исторических журналах в двадцатые годы и в самом начале тридцатых.

[38] H. Cunow. Die revolutionäre Zeitungsliteratur frankrei chs während der Jahre 1789—1794. Ein Beitzag zur Geschichte der französischen klassen — und Parteikämpfe gegen Ende des 18, Berlin, Vorwärts, 1908. Книга была переведена на русский язык и издана дважды в период с 1917 по 1919 гг. В предисловии к первому изданию И. Скворцов-Степанов отмечал, что «социал-патриотизм» Кунова во время Первой мировой войны «не уменьшает ценности его книги». (Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794. М., 1919, с. VI—VII).

[39] Революционное правительство во Франции. Указ. соч., с. 501—502.

[40] **Н. М. Лукин.** Избранные труды. М., 1960, т. 1, с. 132.

[41] **Ц. Фридлянд.** Классовая борьба в июне—июле 1793 года. — «Историк-марксист», т. II, 1926.

[42] **Я. Захер.** Парижские секции 1790—1795 годов. Петроград, 1921.

[43] См., например: **С. Фрязинов.** Великая французская революция. М., 1927, с. 256—257.

[44] **Н. М. Лукин.** Альбер Матьез (1874—1932). — «Историк-марксист», т. 3, 1932, с. 60.

[45] А. Матьез встречался с этими историками в Национальном архиве.

(См. подробнее: A. Mathiez. Les travaux russes sur la Révolution française.— Annales historiques de la Révolution française т. IV, 1927, p. 589—592 J. Friguglietti. Albert Mathiez, historien révolutionnaire (1874—1932). Paris, Société des Etudes Robespierristes, 1974, c. 211).

[46] Русский перевод вышел в 1928 г. под названием «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». Трехтомный труд «Французская революция», написанный Матьезом в 1921—1927 гг., был также переведен и опубликован: первый том — в 1925 г., два других — в 1929—1930 гг.

[47] **Н. П. Фрейберг.** Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 года. — «Историк-марксист», т. VI, 1927.

[48] Там же, с. 144.

[49] Там же.

[50] **К. П. Добролюбский.** Новая экономическая политика термидорианского Конвента. — «Записки Одесского Институту Народной Освиты», т. 1, 1927.

[51] **П. П. Щеголев.** К характеристике экономической политики термидорианской реакции.— «Историк-марксист», т. IV, 1927, с. 74—76.

[52] Там же, с. 81.

[53] Там же, с. 100.

[54] **Ц. Фридлянд.** Классовая борьба в июне—июле 1793 года, — «Историк-марксист», т. I—II, 1926.

[55] **Ц. Фридлянд.** Переписка Робеспьера. — «Историк-марксист», т. III, 1927, с. 89.

[56] **Я. Захер.** Девятое термидора. М., 1926, с. 17.

[57] **Я. Захер.** Проблема «термидора» в свете новейших исторических работ.— «Историк-марксист», т. VI, 1927.

[58] Там же, с. 239.

[59] Там же, с. 242.

[60] Там же.

[61] **Ц. Фридлянд.** «9-е термидора», — «Историк-марксист», т. VII, 1928, с. 158—206.

[62] Об этом мне рассказал историк В. М. Далин, принявший участие в дискуссии.

[63] **Ц. Фридлянд.** 9-е термидора. с. 158—159.

[64] Там же, с. 160.

[65] Там же, с. 181. Речь идет о «Фрагментах республиканских учреждениях» (Fragment sur les institutions républicaines), написанных весной 1794 г.

[66] Там же, с. 191.

[67] Там же, с. 193.

[68] Там же, с. 189.

ГЛАВА IX

[1] Общество было создано в 1925 г. Особенно известен выпускавшийся обществом журнал «Историк-марксист». Среди пятнадцати членов совета Общества было четыре специалиста по истории Французской революции: Лукин, Моносов, Фридлянд, Авербух. (См.: П. Горин, Доклад о работе Общества Историк-марксист. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. 1.

[2] **М. Н. Покровский.** Избранные сочинения. М., 1967, т. 4, с. 427.

[3] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 2, с. 111.

[4] Там же, т. 1, с. 109.

[5] В частности, дискуссия, направленная против идеи А. А. Богданова о «торговом капитализме». (См.: Против механических тенденций в историче-

ской науке. М.— Л., 1930; Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930).

[6] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 2, с. 49.

[7] Выступление Ц. Фридлянда (См.: Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. Сб. статей. М.— Л., 1931, с. 394).

[8] Там же, с. 405, 407.

[9] Труды Первой всесоюзной конференции..., т. 1, с. 97—98.

[10] Там же, с. 101.

[11] Там же, с. 107.

[12] Там же, с. 109.

[13] **Ц. Фридлянд.** О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР.— «Под знаменем марксизма», 1929, № 2—3, с. 103.

[14] **Ц. Фридлянд.** Итоги изучения Великой французской революции в СССР. В сб. Классовая борьба во Франции... Указ. соч., с. 400.

[15] **С. Лотте.** Робеспьерист в роли «левого» термидорианца.— «Проблемы марксизма», 1931, №№ 8—9, с. 161.

[16] См. рецензию Я. Старосельского на книгу «Жирондисты и монтаньяры» («Историк-марксист», т. 18—19, 1930, с. 202—205).

[17] В частности, в предисловии к переведенной на русский язык книге «Термидорианская реакция» Ц. Фридлянд делает такой упрек П. Щеголеву. (См. А. Матьез, «Термидорианская реакция», М., 1931, с. 5).

[18] Там же, с. 4—5.

[19] **Д. Эрде.** Девятое термидора.

[20] Петицию также подписали: Ж. Пажес, К. Блох, Р. Гийо, Ф. Саньяк, А. Озе, П. Ренувен, Ш. Сеньобос, П. Карон, Ж. Буржен и А. Се. Этот эпизод подробно изложен в кн. I. Friguglietti, op. cit., с. 214.

[21] «Le Matin», 18 janvier 1931. Протест подписан: П. Пэнлеве, Ф. Бюиссон, Поль Валери, братья Таро, М. Реклю, Ж. Дюамель, А. Тибоде, Ж. Марсель.

[22] **П. Щеголев.** После термидора, Л., 1930, с. 21.

[23] Там же, с. 24.

[24] Там же, с. 33—34.

[25] Там же, с. 61.

[26] Там же, с. 74—76.

[27] **С. Лотте.** Против «матьезовщины» и «устряловщины» в исторической литературе.— «Проблемы марксизма», 1931, № 2, с. 210.

[28] Там же, с. 214.

[29] Там же, с. 211—212.

[30] Там же, с. 212. Действительно, Щеголев попытался исправить свои «ошибки»: в немного назойливом тоне — может быть для того, чтобы усыпить бдительность критиков? — он выразил мысль, что мелкая буржуазия неспособна проводить свою собственную политику, независимую от политики, отвечающей интересам всего класса буржуазии в целом (См.: П. Щеголев. После термидора, с. 175).

[31] См. выступление Щеголева во время дискуссии по докладу «Вредительство на фронте исторической науки», организованной в Ленинграде в Коммунистической академии. («Проблемы марксизма», 1931, № 3, с. 113). В декабре 1930 г. Старосельский вместе с семью другими историками (Авербух, Далин, Фрейберг, Кунисский, Лукин, Моносов, Завитневич) подписал письмо Матьезу, которое можно рассматривать как разрыв. (См.: A. Mathiez. «Choses de Russie soviétique» — Annales historiques de la Révolution française, 1931, n° VIII).

[32] Пьеса «Робеспьер», поставленная в 1931 г. в Ленинграде, была расценена прессой как «трагедия мелко-буржуазной революционности», в которой личный крах героя символизировал неизбежное падение его класса. (Ф. Раскольников. Робеспьер.— «Красная новь», 1930, № 1). Однако в 1938 г. автор пьесы поступил так, как будто бы не хотел повторить судьбу своего героя:

будучи послом в Болгарии, он вопреки приказу Сталина не вернулся в Москву, а уехал в Париж. Оттуда Ф. Ф. Раскольников (Ильин) написал «Открытое письмо Сталину» — одно из первых разоблачений режима.

[33] **Ж. Лефевр.** «Аграрный вопрос в эпоху террора», М.— Л., 1936, с. 15—16.

[34] См.: В. Г. Ревуненков. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966, с. 126.

[35] **С. А. Лотте.** Великая французская революция. М.— Л., 1933, с. 266.

[36] **Н. М. Лукин.** Ленин и проблема якобинской диктатуры. Избранные труды, М., 1960, т. 1, с. 322—389.

[37] Там же, стр. 342.

[38] **Е. В. Тарле.** Рабочий класс во Франции в эпоху революции. М., 1909—1911.

[39] Французская буржуазная революция под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.— Л., 1941. Отметим также, что оба эти положения исчезли из трудов Добролюбского, который в большей степени, чем кто-либо другой развивал их в конце 20-х г. Вместо «социальной и экономической политики в интересах буржуазии», свойственной якобинцам летом 1794 г., мы находим здесь «мелко-буржуазную и противоречивую политику робеспьеристов, поставивших утопическую задачу создать республику мелких производителей». Если речь идет о термидорианском блоке, замышлявшем заговор, то мы узнаем, что в него входили «левые термидорианцы, экс-террористы, дантонисты, депутаты «болота» в Конвенте». Якобинцы не названы. (См.: К. К. Добролюбский. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949, с. 12, 46—48).

[40] **С. Мицкевич.** Русские якобинцы.— «Пролетарская революция», № 6—7, 1923. Мицкевич, член РСДРП с 1904 г., врач по профессии, был активным членом Московской организации. В 1924—1934 гг. был директором музея Революции.

[41] «Известия ВЦИК» и «Молодая гвардия».

[42] С. Мицкевич. Указ. соч., с. 3.

[43] Там же, с. 15.

[44] Там же, с. 21.

[45] Там же, с. 24.

[46] **Н. Н. Батурин.** О наследстве русских якобинцев.— «Пролетарская революция», № 7, 1924; его же: Еще раз о цветах русского якобинства.— «Пролетарская революция», № 8, 1925; его же: Сочинения. М.— Л., 1930. Н. Н. Батурин (Замятин), член РСДРП с 1901 г., соратник Ленина по работе в редакции «Правды» и «Звезды» (1911—1914). В 1924 г. все еще работал в редакции «Правды» и преподавал историю партии в Коммунистическом университете им. Свердлова.

[47] Там же, с. 89.

[48] **С. Мицкевич.** К вопросу о корнях большевизма. Ответ тов. Н. Н. Батурину.— «Каторга и ссылка», т. 16, № 3, 1925, с. 92.

[49] Там же, с. 95.

[50] Там же.

[51] Там же, с. 101.

[52] **М. Н. Покровский.** Ленин в русской революции.— «Вестник Коммунистической академии», № 7, 1924, с. 8.

[53] Там же, с. 12—13.

[54] Там же, с. 14.

[55] Эту же концепцию мы находим в его труде «Очерки русского революционного движения XIX—XX веков». (М., 1924).

[56] **Б. Козьмин.** Ткачев и Лавров.— «Воинствующий материализм», № 1, 1924; Н. Кравцов. П. Н. Ткачев, первый русский критик-марксист,— «На литературном посту», № 3, 1927.

[57] **Б. Горев.** Российские корни ленинизма.— «Под знаменем марксизма», № 2, 1924; А. Гамбаров. В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. М.— Л., 1926; В. Кирпотин. Чернышевский и марксизм.— «Историк-марксист», № 8, 1928; Н. Сергиевский. Партия русских социал-демократов. М.— Л., 1929; И. Теодорович. Историческое значение партии Народной Воли.— «Каторга и ссылка», №№ 8, 9, 1929.

[58] По этому вопросу см. мою статью («L'historiographie soviétique et la question nationale: continuité et rupture», dans L'expérience soviétique et le problème national dans le monde. 1920—1939, Actes du colloque Langues Orientales — CNRS, Paris, 1981.

[59] **В. Кирпотин.** Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России, М., 1930, с. 89.

[60] Там же, с. 101.

[61] Там же, с. 107—108. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[62] Там же, с. 96.

[63] См.: А. Рындич. К вопросу о классовой природе революционного народничества 70-ых годов.— «Пролетарская революция», № 5, 1930; И. Татаров. Право-оппортунистическая апология Народной Воли.— «Историк-марксист», т. 18—19. 1930; Е. Ярославский. Маркс и революционное народничество.— «Историк-марксист», т. 1, 1933.

[64] См.: Дискуссия о Народной Воле. М., 1930.

[65] F. Venturi. op. cit.

[66] «L'Humanite», 26 octobre 1919. Делегатам VII съезда Советов Ленин представил это выражение чувств со стороны буржуазной интеллигенции как «победу», одержанную большевиками «над империалистической Францией внутри нее самой» (В. И. Ленин. ПСС), т. 39, с. 399.

[67] A. Aulard, «La théorie de la violence et la révolution française», Etudes et leçons sur la Révolution française, Paris, 1924.

[68] Там же, с. 3.

[69] Там же, с. 17.

[70] **А. Олар.** Теория насилия и Французская революция, Предисловие приват-доцента Б. С. Миркина—Гецевича. Париж, 1924.

[71] **С. Моносов.** Насилие и Французская революция.— «Под знаменем марксизма», №№ 8, 9, 1924; Р. Авербух. Олар и теория насилия.— «Печать и революция», № 1, 1925; А. Малецкий, Насилование теории или теория насилия господина Олара.— «Коммунистический интернационал», № 7, 1925.

[72] С-Я. Буржуазная революция и юридический кретинизм. О речи Олара «Теория насилия и Французская революция» — «Революция права», №№ 2, 3, 1927. Автор этой статьи Я. Старосельский.

[73] А. Малецкий. Указ. соч., с. 82—83.

[74] Там же, с. 74. (Подчеркнуто мною.— Т. К.)

[75] С-Я. Указ. соч., № 3, с. 68.

[76] Там же, с. 70.

[77] Там же, с. 77.

[78] Там же, с. 73 и 92.

[79] Там же, с. 92.

[80] Эти утверждения Старосельского находятся в явном противоречии с документами и свидетельствами о практике взятия заложников и репрессиях ЧК, впервые приведенными в книге С. П. Мелгунова «Красный террор в России» (1918—1924), Париж, 1927. (См., в частности, I главу).

[81] Там же, с. 95.

[82] Там же.

[83] Старосельский был репрессирован в конце 30-х гг.

ГЛАВА X

[1] **Гарви П.** Под знаком термидора.— «Социалистический вестник», 22 сентября 1927, с. 4.

[2] Кроме указанной выше, см. его статьи: «От судьбы не уйдешь» 7 октября; «Юбилей или финал?» 20 октября, а также статью Д. Далина «О термидоре» 1 декабря и передовую «Борьба с термидором» 21 декабря 1927.

[3] Тогда говорили «сталинцы», слово «сталинисты» вошло в широкое употребление после смерти Сталина.

[4] **Гарви П.** Под знаком термидора. Указ. соч. Казалось, нэп был блестящим подтверждением прогнозов меньшевиков. «Разве не меньшевики чуть ли не со дня захвата власти большевиками требовали соглашения с крестьянством; разве не они аппелируя к основам русского марксизма, протестовали против огульных национализаций; и разве не они в листовке «Что делать?» сформулировали идею смешанных форм хозяйства?» (Цит. по предисловию Б. Сапира к мемуарам меньшевика Б. Л. Двинова. От легальности к подполью. 1921—1922. Stanford univ press, 1968, с. 9).

[5] **Гарви П.** Под знаком термидора. Указ. соч.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] **Абрамович Р.** Термидор и крестьянство.— «Социалистический вестник», 12 апреля 1929, с. 5.

[9] Там же.

[10] **Б. Двинов.** От легальности к подполью..., с. 10.

[11] **Б. Двинов.** На почве действительности.— «Социалистический вестник», 15 февраля 1940, с. 32.

[12] Новый этап диктатуры и наша тактика. В порядке дискуссии.— «Социалистический вестник», 8 февраля 1930.

[13] Там же.

[14] Они пытались сотрудничать с Потресовым, но поскольку не хотели порывать с партией, переговоры зашли в тупик. (См. Б. Николаевский, А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. В кн. «А. Н. Потресов 1869—1934». Париж, 1937, с. 87).

[15] Материалы к пересмотру партийной программы.— «Социалистический вестник», 25 октября 1933, с. 14—15.

[16] **Б. Двинов.** На почве..., с. 33.

[17] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 17 сентября 1936, с. 3.

[18] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 9.

[19] **Ф. Дан.** Против террора — за революцию.— «Социалистический вестник», 10 января 1935, с. 3.

[20] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 3.

[21] **Р. Абрамович.** Большевизм в тупике. О книге Каутского того же названия.— «Социалистический вестник», 25 октября 1930, с. 6—7.

[22] **Ф. Дан.** Пути возрождения.— «Социалистический вестник», 14 августа 1936, с. 4.

[23] «Социал-демократия с большим удовлетворением отмечает, что наступил исторический момент, когда провозглашается свобода печати, совести, собраний и т. д., когда лозунг демократического режима становится лозунгом всего советского общества». (См.: Б. Двинов. На почве..., с. 32.)

[24] **Ф. Дан.** Против террора..., с. 4.

[25] Там же.

[26] **О. Доманевская.** К социализму или термидору? — «Социалистический вестник». 17 января 1937, с. 16.

[27] **Б. Двинов.** На почве..., с. 33.

[28] **Б. Двинов.** К партийной платформе.— «Социалистический вестник», 24 марта 1940, с. 71.
[29] Там же, с. 75.
[30] Там же.
[31] См.: Ф. Дан. Два пути.— «Новый мир», №№ 1 и 2, 1940; Р. Абрамович, Наши разногласия.— «Социалистический вестник», 25 апреля 1940.
[32] **Ю. Денике.** Революция без термидора.— «Новый журнал», 1943, т. VII. Б. Николаевский признал его правоту в статье «Термидор русской революции». («Социалистический вестник», 1945, № 15—16).
[33] **Л. Троцкий.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм. Историко-теоретическая справка.— «Бюллетень оппозиции», № 43, апрель 1935, с. 8.
[34] **Л. Троцкий.** По поводу тезисов Радека.— «Бюллетень оппозиции», №№ 1—2, июль 1929, с. 13. Троцкий критикует тезисы Радека, в которых тот пересматривает свое отношение к термидору. Тезисы написаны в Сибири в начале 1928 г. и распространялись среди ссыльных оппозиционеров. До XV съезда партии мнения Троцкого и Радека по этому вопросу совпадали.
[35] Там же.
[36] **Л. Троцкий.** Термидор или партийная репетиция термидора.— «Бюллетень оппозиции», № 5, октябрь 1929, с. 9. Об обстановке, в которой проходила эта дискуссия между Троцким и левым крылом международного движения, см.: D. Dukand. Op. cit. 61—77.
[37] **Л. Троцкий.** Термидор или... Указ. соч., с. 9.
[38] Там же, с. 10.
[39] Там же, с. 11.
[40] **Л. Троцкий.** О термидорианстве и бонапартизме.— «Бюллетень оппозиции», №№ 17—18, ноябрь—декабрь, 1930, с. 29—31.
[41] Сложность советской действительности создавала трудности для схемы оппозиционеров, представлявших «термидорианство» и «бонапартизм» как два этапа контрреволюции. Несмотря на это, мы находим именно эту схему в проекте платформы международной левой оппозиции в апреле 1931 г. (См.: «Бюллетень оппозиции», № 20, апрель 1930, с. 10.
[42] **Л. Троцкий.** Рабочее государство, термидор и бонапартизм, Указ. соч., с. 3.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 8.
[45] В качестве примера Троцкий приводит имена советских послов Майского, Трояновского, Потемкина, Хинчука — бывших меньшевиков; народного комиссара Финансов Гринько — бывшего правого эсера; крупного дореволюционного промышленника инженера Серебровского, который «объяснялся в любви к Сталину по пять раз на странице»; Заславского, одного из руководителей прессы, который «перешел на сторону советской власти лишь в 1923 году». (Там же, с. 9—10).
[46] Там же, с. 7.
[47] Там же.
[48] Там же, с. 11.
[49] Там же, с. 12.
[50] **Л. Троцкий.** Преданная революция. М. НИИ Культуры, 1991, с. 77.
[51] Там же, с. 80.
[52] Там же, с. 97.
[53] Там же, с. 93.
[54] **Н. В. Устрялов.** На новом этапе. Харбин, 1930, с. 17.
[55] Там же, с. 9—10.
[56] **Н. В. Устрялов.** Наше время. Шанхай, 1934, с. 4.
[57] **Н. В. Устрялов.** 13 съезд. ПЗР, с. 182.
[58] **Н. В. Устрялов.** XIV съезд. Собор XX века. ПЗР, с. 222.
[59] См.: Интеллигенция и народ в революции; Кризис современной демократии; Русская звезда; Россия и поэзия Блока. ПЗР, с. 248—357.

[60] **Н. В. Устрялов.** Германский национал-социализм. Харбин, 1933.
[61] Там же, с. 18—19.
[62] **Kautsky K.** Le bolchévisme dans e'impasse. Paris, P.U.F., 1987, p. 112.
[63] **Н. В. Устрялов.** На новом этапе, с. 23.
[64] Устрялов позаимствовал этот термин у Н. С. Трубецкого, ссылаясь на его статью «О государственном строе и форме правления», («Евразийская хроника», вып. VIII, Париж, 1927).
[65] **Н. В. Устрялов.** Германский национал-социализм, с. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] M. de Coster, L'analogie en sciences humaines. Paris, PUF, 1978, 22.
[2] Если судить по совокупности работ советских историков, они уделяют особое внимание теме непосредственного воздействия Французской революции на русское общество XVIII — начала XIX вв. См. фундаментальное исследование М. М. Штранге «Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг.» (М., 1956), а также серию статей о печати в эпоху Екатерины II (С. Пумпянский. Великая французская революция в освещении екатерининских газет.— «Звезда», №№ 9—10, 1930; В. Альтман. Русская пресса и начало французской буржуазной революции 1789 г.— «Книга и пролетарская революция», №№ 7—8, 1939); о редких русских, находившихся в революционном Париже см.: В. Виргинский. Жильбер Ромм, история одного якобинца.— «Борьба классов», № 4, 1936; В. Далин. Первый русский якобинец. В кн. «Люди и идеи», М., 1970; о свободомыслящих якобинских кружках в Смоленске см.: Т. Снытко. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века.— «Вопросы истории», № 9, 1952; о мерах, предпринятых Павлом I против проникновения Французских идей в Россию — См.: П. Садиков. Несколько материалов для истории мер правительства императора Павла I против проникновения в Россию идей Французской революции.— «Дела и дни», т. 1, 1920; о влиянии Французской революции на Радищева или Карамзина, как об этом уже было сказано в гл. 1. Исследования по истории XIX в. очень разнообразны. В основном, они касаются состояния общества во время и после наполеоновских войн (А. Л. Нарочницкий. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой. Сопротивление и приспособление.— «Вопросы истории», № 4, 1979; Н. И. Казаков. Наполеон глазами его русских современников.— «Новая и новейшая история», № 3, 1970; В. Г. Сироткин. Великая французская революция, Наполеон и самодержавная Россия.— «История СССР», № 5, 1981; О. В. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция (первая половина XIX века). М., 1973. Другая разработанная тема — литература (Е. Н. Купреянова. Французская революция и борьба направлений в русской литературе первой четверти XIX века.— «Русская литература», № 2, 1978; П. Р. Заборов. Материалы по истории французской литературы XVIII—XIX века. В сб. «Русские источники для истории зарубежных литератур». Л., 1980; Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли. Л., 1938). Много работ о декабристах и Французской революции. Что касается второй половины XIX в., отметим две статьи Б. С. Итенберг «Россия и столетие Великой французской революции» («История СССР», № 2, 1988), «Русское общество на рубеже 70—80-х гг. и опыт Великой французской революции» («Французский ежегодник», 1976), его книгу «Россия и Великая французская революция» (М., 1988) и несколько историографических статей, рассматривающих работы «русской школы», с тем, чтобы прояснить крестьянский вопрос в России конца XIX в. (Буржуазные историки Запада в СССР.— «Историк-марксист», № 21, 1931; В. М. Далин Мануфактурная стадия капитализма во Франции 18 века в освещении «русской школы».— «Историк-марксист», № 14, 1929; Б. С. Итен-

берг. Первая в России книга о Французской буржуазной революции конца XVIII века.— «Вопросы истории», № 11, 1988). Тема русского революционного движения и его связь с Французской революцией находится в зачаточном состоянии за исключением темы «Ленин о Французской революции» (см., на пример, специальный выпуск «Французского ежегодника» за 1970 г.) пространно обсуждаемой, и несколько статей о «русских якобинцах», насыщенных информацией, но не претендующих на концептуализацию (Б. Козьмин. Ф. Г. Заичневский и «Молодая Россия» В сб. «Из истории революционной мысли в России Избранные труды». М., 1961; М. Седов Некоторые проблемы. истории бланкизма в России — «Вопросы истории», № 10, 1971), в советской историографии нет обобщающей работы о том, что в ней постоянно называется «влиянием» Французской революции на русское революционное движение. Какие бы темы не затрагивались, методологический подход советских историков исключал проблему повторения, проблему, с которой революционеры, однако, сталкивались. После 1917 г качественное различие двух революций, принятое как аксиома, снимало вопрос о «влиянии» Французской революции после прихода большевиков к власти

[3] «Вся история большевизма у власти писалась под сенью Конвента, а 1793 год оставался основной исторической отсылкой Ленин закончил свою карьеру, размышляя, как и его будущие последователи, о возможности советского термидора. Эта навязчивая идея вновь сближала Россию XX века и Францию XVIII века. J. Solé, «La Révolution en question, éd. du Seuil, 1988, pp. 333—334).

[4] Прежде всего это относится к аналогии с термидором. В общем западная историография рассматривает ее как курьез или же приписывает ей роль ругательства в споре между партийным большинством и оппозицией Во всяком случае аналогии не придают никакого особого значения Е. Карр (E. H Carr, «Socialism in one country», t. 11, Baltimore-Maryland, Penguin Books; 1970, pp. 125—126), Б. Суварин, (B Souvarine. Staline. Aperçu historique du bolchévisme, Paris, Ed. Champ libre, 1977, N. 358—359, 366, 374, 384), Л. Шапиро (L. Schapiro, «De Lénine à Staline. Histoire du parti communiste de l'URSS», Paris, 1967, p. 336) и Р Дэниэлз (R. Daniels, «The Conscience of the revolution: Communist Opposition in Soviet Russia», Cambridge, Massachusetts, Harward University Press 1960) довольно кратко упоминают о ее появлении П Бруе (P Broué, «Trotski», Paris, Fayard, 1988) уделяет особое внимание термидору в выступлениях оппозиции и Троцкого. И Дейчер является единственным западным историком, которого удивила аналогия с термидором в Советской России и который, предположив, что она имеет значение, попытался объяснить ее роль. Его внимание привлек «непонятный», «странный», «не поддающийся проверке» аспект воздействия аналогии. Данное им объяснение «чрезвычайному разгулу страстей» предполагает иррациональное начало, но на этот счет историк краток и говорит намеками. (См.: I Deutcher, «Staline», Paris, Gallimard, 1953, p. 10; «Trotski Le prophète désarmé (1921—1929), Paris, Julliard, 1953, pp. 614, 421—423)

[5] M. Vovelle, «La mentalité revolutionnaire. Société et mentalite sous la Révolution française», Messidor, Paris, 1985, chap 1.

[6] Имеется в виду термин, введенный в научный оборот в кн.: Austin. How to do Things with Nords, 1962, Oxford Univ. Press (когда сказать — значит сделать)

[7] Можно привести и другие примеры, выходящие за рамки моего исследования. Грамши широко использовал понятие якобинства, рассматривая под воздействием фашизма проблему отношений между «силой и консенсусом», в том числе и в СССР. Каутский и Бауер, используя аналогию с Французской революцией как ключ к анализу советской действительности, также пытались наметить некоторые пути исследований